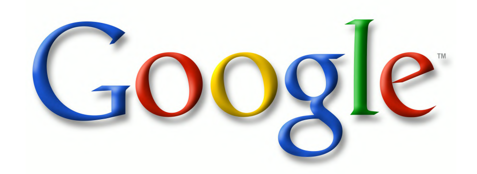
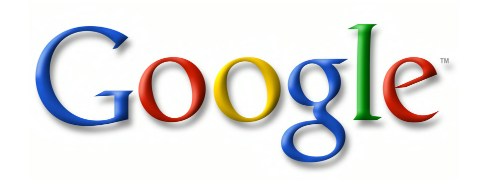
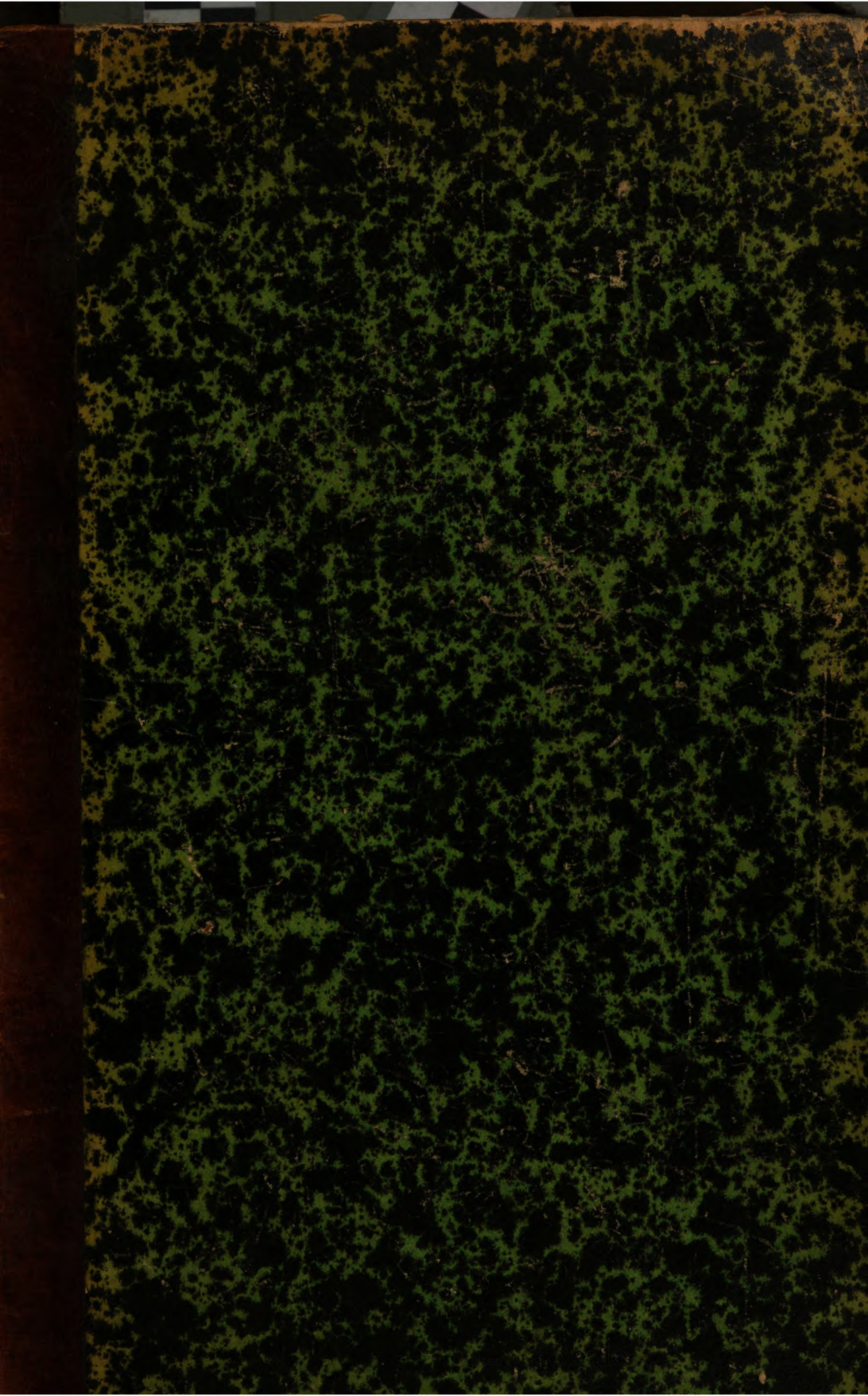

АЛЕКСАНДРОВСКОЙ
ЮРИД. АКАДЕМІИ
ШИФРА
№

Адресъ редакціи и конторы: уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.

СЕНТЯБРЬ. 1897.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 9.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

При этомъ № прилагается объявленіе Книгоиздательства *О. Н. Поповой.*

СЕНТЯБРЬ. 1897.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1897.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 27 Сентября 1897 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

(*См. на оборотѣ*).

ОПЕЧАТКА.

Въ іюльской книжкѣ «Р. Богатства» въ статьѣ «Диспутъ и ученая степень» вкралась опечатка: именно на с. 7. въ примѣчаніи, на 3-й строкѣ снизу, слѣдуетъ вмѣсто: «сообщеніямъ» читать: «соображеніямъ».

В. В. Лесевичъ. Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

— Письма о научной философіи. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

— Этюды и очерки. Ц. 2 р. 60 к., съ пер. 2 р. 80 к.

— Что такое научная философія? Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Эд. Чаннингъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Б. Киддъ. Соціальная эволюція. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Н. И. Наумовъ. Собраніе сочиненій. Два тома. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

Ч. Бэрдъ. Реформація XVI вѣка. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Ѳ. К. Ватсонъ. Этюды и очерки по общ. вопросамъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Н. А. Рубакинъ. Этюды о русской читающей публикѣ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

— Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Изд. 3-е. Ц. 18 к., съ пер. 29 к.

С. Я. Надсонъ. Литературные очерки. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

В. Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Р. Левенфельдъ. Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагѣ). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

— (на веленевой бумагѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к.

А. Н. Анненская. Анна. Романъ для дѣтей. Изданіе второе. Ц. 60 к., съ пер. 77 к. (Можно посылать почт. марками).

Дж. Мармери. Прогрессъ науки. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.

Э. Реклю. Земля и люди. Швеція и Норвегія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

— Бельгія и Голландія. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Дж. К. Ингрэмъ. Исторія рабства. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

І. К. Блунчли. Исторія общаго государственнаго права и политики. Цѣна (*вмѣсто* 3 р.) 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 80 к. Большей уступки не дѣлается.

Е. П. Карновичъ. Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Цѣна (*вмѣсто* 2 р. 50 к.) съ перес. 1 р. 50 к.

Б. Ф. Брандтъ. Борьба съ пьянствомъ за границей и въ Россіи. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Дж. Леббокъ. Какъ надо жить. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

В. А. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ. I. т. Жители Юга. II т. Жители Сѣвера. III т. Жители Средней Европы. Ц. за каждый томъ 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 40 к.

— Умственное и нравственное развитіе дѣтей. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

В. И. Водовозовъ. Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р 50 к.

— Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 45 к.

— Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Э. Тэйлоръ. Первобытная культура. Въ двухъ томахъ. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Г. Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. I. Англійская литература. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

С. А. Ан-скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к., съ пер. 95 к.

Путь-дорога. Художественно-литературный сборникъ. (На простой бумагѣ). Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

— (На веленевой бумагѣ). Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Въ добрый часъ. Сборникъ. (Въ обложкѣ). Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 85 к.

— (Въ переплетѣ). Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 10 к.

Е. Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 3 р. 85 к.

Подписчики «Русскаго Богатства», при покупкѣ книгъ, пользуются уступкой въ размѣрѣ стоимости пересылки.

Полные экземпляры журнала «Русское Богатство» за 1893, 1894, 1895 и 1896 года. Цѣна за годъ 8 р.

Еще изъ міра отверженныхъ.

Записки бывшаго каторжника.

I.

Въ горной кузницѣ.

Въ одинъ морозный мартовскій день, когда толпа горныхъ рабочихъ ввалилась, по обыкновенію, въ свѣтличку, нарядчика, Петра Петровича, тамъ не оказалось. Мы тщетно прождали его около часу. Наконецъ, пришелъ отъ Монахова кучеръ Бурмакинъ съ приказомъ отправляться на обычныя работы.

— А что мы тамъ дѣлать станемъ?—послышались негодующіе голоса.

— Какъ что—бурить.

— Поди-кось языкомъ своимъ побури! Навостри раньше буры, а потомъ бурить посылай.

— На то кузнецъ есть,—сказалъ Бурмакинъ:—Пальчиковъ, ты чего жъ прохлаждаешься? Ступай въ кузницу, дѣлай свое дѣло.

— Нѣтъ, ужъ вы сами ступайте, коли такіе хитрые!—желчно возразилъ Пальчиковъ, вынимая изо рта маленькую трубочку-носогрѣйку и якобы равнодушно сплевывая на полъ. Внутри его крошечной, нервной и даже въ обычное время всегда возбужденной фигурки теперь, видимо, все клокотало и кипѣло. Уже успѣвъ надѣть на себя кожаный кузнечный фартукъ и запачкать углемъ блѣдное, съ чахлой бородкой, лицо, въ началѣ сцены онъ тихо и неподвижно стоялъ у порога, но теперь вдругъ подскочилъ быстрыми шагами къ баулу, въ которомъ хранились буры и молотки, и, вѣроятно, для того, чтобы ярче подчеркнуть свое бунтовское настроеніе, самымъ удобнымъ образомъ усѣлся на немъ.

— Это что-жъ значитъ?—спросилъ Бурмакинъ въ недоумѣніи.

— Да ты за нарядчика, что-ль, поставленъ?

— Давно-ль, братцы, въ тюрьмѣ съ нами сидѣлъ, туесъ туесомъ былъ, а какъ вышелъ въ вольную команду, смазалъ дегтемъ сапоги, надѣлъ вольную фуражку—и сталъ мыста не мыста! Въ нарядчики тоже лѣзетъ, своимъ братомъ командовать хочетъ.

Эти возмущенные голоса одобрительно подхвачены были всей толпой. Бурмакинъ сконфузился.

— Чего здря говорить, ребята? Какой тамъ нарядчикъ... Мнѣ велѣлъ баринъ идти сказать — я и пошелъ. А мнѣ что! По мнѣ сегодня въ кучерахъ у Монахова служить, а завтра велитъ начальникъ—и въ тюрьму опять пойду. Я человѣкъ подневольный.

Всѣ замолчали.

— Ну, такъ что жъ я уставщику скажу? Пальчиковъ, говори, а? Пойдешь въ кузницу?

Пальчиковъ нѣкоторое время помолчалъ.

— А чѣмъ я наваривать буду буры?!—внезапно точно съ цѣпи сорвался онъ, вскакивая на свои короткія ноги и угрожающе подступая къ Бурмакину:—гдѣ она у васъ, сталь-то гдѣ? Сколько разъ говорилъ я и Петру Петровичу, и самому Монахову? Все завтра да завтра, а арестанты кого ругаютъ, съ кого спрашиваютъ? Съ меня! А я палецъ свой, что-ль, — черная васъ немочь возьми, — замѣсто стали отрѣжу, а? Нѣтъ, ты отвѣть мнѣ—а? Ты чего къ дверямъ-то пятишься? Я кузнецъ, такъ вы думаете, что я и не человѣкъ! Жилы вы изъ меня вымотали, аспиды, вотъ что! Кровь всю изъ меня выпили, варвары, черная васъ немочь побери!

— И въ самъ-дѣлѣ, ребята, чего они надъ нами куражатся?— загалдѣла сочувственно кобылка, въ обыкновенное время бывшая всегда на ножахъ съ Пальчиковымъ, интересы котораго, какъ кузнеца, шли въ разрѣзъ съ ея интересами: — не люди мы, что-ль? Буры не стоятъ, потому стали на нихъ вовсе нѣтъ, а урки съ насъ полнякомъ спрашиваютъ. Буроносъ то и дѣло въ кузницу бѣгаетъ; Иванъ Николаичъ вонъ замаялся ажно совсѣмъ, отказался, опять бурить сталъ,—а толку никакого. Нѣтъ, говорятъ, стали, да куда жъ она дѣвается? Небось подрядчику аль вамъ самимъ по хозяйству что понадобится, такъ живо сыщется!

— Ну, вотъ погодите, ребятушки, — вмѣшался въ разговоръ старикъ-сторожъ: — новый нарядчикъ на дняхъ будетъ. Петру-то Петровичу совсѣмъ вѣдь отказано.

— Какъ такъ отказано? Что ты говоришь!

Старикъ прикусилъ было языкъ, но когда Бурмакинъ, помявшись еще немного у порога свѣтлички, вышелъ, онъ вдругъ выпалилъ:

— Изъ-за Ивана Миколаича отказано, вотъ что!..

— Изъ-за меня?!—съ изумленіемъ спросилъ я, подходя къ старику.—Это что же значитъ? Я, кажется, не только не ссорился ни съ Петромъ Петровичемъ, ни съ Монаховымъ, но даже и разговариваю-то съ ними мало.

Старикъ молча пожевалъ губами, какъ бы все еще не рѣшаясь всего говорить, но кобылка окружила его тѣсной толпой и начала тормошить.

— Коли началъ, горный духъ, такъ до конца ужъ сказывай! что тутъ у васъ дѣлается?

— А то дѣлается, что и мнѣ-то житья послѣднее время не стало. Я тоже виноватъ, вишь, выхожу, что вы въ свѣтличкѣ все околачиваетесь, чаи распиваете да волынку со мной трете, а не робите.

— Ну, а я-то причемъ же здѣсь, что изъ-за меня Петру Петровичу Монаховъ отказалъ?

— При томъ, что ты и половины урка никогда не вырабливаешь, а на тебя глядя, и прочіе робята лодырничаютъ. А съ Монахова, видишь ты, спросъ тоже есть, онъ отчеты представляетъ горному начальству. Вотъ у нихъ и шелъ съ Петромъ Петровичемъ споръ. Петруха говоритъ: ты съ нимъ говори самъ, а у меня языкъ не повернется, онъ еще плюху, поди, залѣпитъ мнѣ! А Монаховъ ему на это: ты, молъ, нарядчикъ, ты и обвязанъ выговаривать арестантамъ.

— Что же такое выговаривать? Что я десяти вершковъ не выбуриваю?

— Ну, стало быть... Тоже прилѣниваешься, сказываютъ!

— Эхъ вы, разгильдѣево сѣмя! Вы съ человѣка-то двѣ шкуры снять готовы, асмодеи! Ну, а если силовъ у него нѣтъ, у Ивана-то Николаича, такъ что жъ ему дѣлать по вашему? Голову себѣ объ камень разбить? Ироды!..

— Да вы чего на меня-то скрыжечете? Чего руками машете? Я рази начальство? Я говорю, что слышалъ. Съ вами грѣха еще наживешь, коли языкъ-то развяжешь.

— Не бойся ничего, старикъ. Ты въ сторонѣ будешь, я знаю, какъ поговорить съ Монаховымъ.

Я отошелъ въ сторону, искренно огорченный въ душѣ тѣмъ, что не подозрѣвалъ раньше этого закулиснаго недовольства собою, и твердо рѣшилъ откровенно поговорить съ уставщикомъ. Кобылка еще галдѣла между собой, когда дверь вдругъ распахнулась и на порогѣ появилась толстопузая и краснолицая фигура самого Монахова. Разговоры смолкли, хотя арестанты, какъ всегда, продолжали держаться въ его присутствіи развязно, не снимая даже шапокъ и свободно расхаживая по свѣтличкѣ. Монаховъ, питавшій неудержимую страсть ко всякаго рода болтовнѣ и «волынкамъ», не внушалъ каторгѣ не только уваженія, но даже и страха къ себѣ, и допускалъ порой самыя фамильярныя отношенія. Однако, сегодня онъ былъ надутъ и, видимо, недоволенъ мало почтительной встрѣчей; онъ даже остановился у порога съ нѣсколько властнымъ видомъ. Но черезъ минуту же сказалъ первый:

— Здравствуйте, ребята!

Немногіе отозвались ему. Тогда Монаховъ, ежась отъ холода и потирая руки, прошелъ въ уголъ свѣтлички и молча усѣлся на лѣсенкѣ, которая вела въ верхній этажъ зданія—мастерскую плотниковъ. Но и здѣсь онъ не могъ долго хранить внушительнаго молчанія и, хихикая, началъ шутить надъ арестантами.

— Ты что это, Ногайцевъ, ровно будто худѣть сталъ? Плоха шелайская баланда, что-ль?

Ногайцевъ, обиженный, отошелъ прочь, ворча вслухъ:

— Ты бы, небось, пузо-то толстое тоже спустилъ!

Монаховъ закатился довольнымъ смѣхомъ.

— А ты, Пальчиковъ, стряпать ужъ собрался, фартукъ надѣлъ?

Пальчиковъ, внутренно кипѣвшій съ самаго утра, какъ водяной котелъ надъ жарко разгорѣвшейся плитой, вѣроятно, только и ждалъ этого обращенія къ себѣ. Онъ тотчасъ же подлетѣлъ къ Монахову, комично выставилъ впередъ колѣни и, волнуясь, захлебываясь и присѣдая, началъ изливать передъ нимъ всѣ свои обиды и претензіи. Монаховъ и на это попытался отвѣтить обычными шуточками и смѣшками.

— А вотъ, коли ты настоящій кузнецъ, такъ прихитрился бы пальцемъ буры наварить! Ха-ха-ха-ха-ха!

— Нѣтъ, вы все смѣетесь, Андрей Семенычъ, а я вамъ въ настоящій сурьезъ говорю: нѣту моей мочи больше! Назначайте другого кузнеца, а я больше не пойду, коли стали не выдадите.

— Бураносовъ хоть и не посылай,—загалдѣли и бурильщики:— два раза ударишь по камию—и сялъ буръ, хоть верхомъ на немъ поѣзжай! А на насъ тоже, сказываютъ, серчаете, что мало выраблиаемъ.

Монаховъ принялъ на минуту серьезный видъ.

— Потерпите маленько, ребята. Не завтра, такъ послѣ завтра сталь, навѣрно, привезутъ изъ Аллачей. И нарядчикъ новый будетъ.

— Да что намъ нарядчикъ? Безъ стали и двухъ дней не продержаться; развѣ ежели урковъ не станете спрашивать?

— Какая у васъ кузница?—продолжалъ жаловаться Пальчиковъ:—въ другихъ рудникахъ у кузнеца всегда молотобоецъ есть. А я точно Богомъ проклятый, въ кои-то вѣки на день—другой помощника дадите... Я самъ и мѣходуй, и молотобоецъ, и мастеръ. Ни тебѣ наварить никто не пособитъ, ни желѣзо побить. Какая тутъ можетъ быть работа, черная ее немочь возьми! Нѣтъ, ужъ вы, Андрей Семеновичъ, бурить меня сегодня пошлите, а на мое мѣсто другого кого-нибудь поставьте.

— Потерпи и ты, Пальчиковъ. Вотъ я ужо поощреніе скоро, можетъ быть, выдамъ.

Въ свѣтличкѣ моментально все стихло: такое магическое вліяніе имѣло всегда это слово—«почтеленіе». Помедливъ еще немного изъ приличія, арестанты стали уходить на свои обычныя работы. Ушелъ и кузнецъ. Монаховъ все продолжалъ сидѣть на своей лѣсенкѣ. Я подошелъ къ нему.

— Я слышалъ, Андрей Семеновичъ, что вы моей работой недовольны?

— Какъ это, то-есть, недоволенъ?—вспыхнулъ Монаховъ.

— Думаете, что я лѣнюсь, а если бы захотѣлъ, могъ бы больше выбуривать.

Монаховъ попробовалъ хихикнуть, но, увидавъ по выраженію моего лица, что я къ шуткамъ нерасположенъ, заговорилъ иначе:

— Это вамъ кто же насплетничалъ, ужъ не старикъ-ли?

— Нѣтъ, не старикъ.

— Ну, такъ значитъ, Петръ Петровичъ. Шельмецъ этакій! Вы не повѣрите, онъ мнѣ всѣ уши прожужжалъ тѣмъ, что, благодаря вашему примѣру, всѣ арестанты лѣнятся. А я ни разу ничего такого и не говорилъ... Впрочемъ, оно точно, я не знаю, какъ мнѣ быть, что писать въ отчетахъ...

— Это, конечно, ваше дѣло, что писать. Я могу сказать только, что если вы или вашъ нарядчикъ вздумаете когда-нибудь укорять меня въ лѣности или потребуете, чтобъ я выбуривалъ больше, то мнѣ останется одно: совсѣмъ отказаться отъ всякой работы, что бы тамъ изъ этого не вышло!

— Ну, помилуйте, зачѣмъ же такъ... Да мы вотъ что сдѣлаемъ. Пальчиковъ жалуется постоянно на то, что у него молотобойца нѣтъ,—вы сами слышали. Правда, молотобойца въ нашемъ маленькомъ рудникѣ совсѣмъ не полагается, но все же я могу выставить его въ отчетѣ. Въ кузницѣ мнѣ удобнѣе васъ будетъ спрятать, нежели въ шахтѣ... Хи-хи-хи-хи!

— Можетъ быть, вамъ-то и будетъ удобнѣе, но что скажетъ Пальчиковъ, получивъ такого помощника? Для молотобойца нужна вѣдь сила.

— Какая тамъ сила! Буры-то навастривать? Чисто бабья работа. Просто мѣходуемъ будете... Да вотъ пойдемте къ Пальчикову— я ему представлю васъ. Хи-хи-хи!

Мы отправились въ кузницу, я, не слишкомъ довольный новымъ своимъ назначеніемъ, Монаховъ, весело посмѣиваясь и покачивая толстымъ брюхомъ. Въ кузницѣ уже ревѣлъ мѣхъ. Пальчиковъ, однако, едва удостоилъ насъ взглядомъ, когда мы показались въ дверяхъ его владѣній, и только, захвативъ горсть углей, сердито подбросилъ ихъ въ пылающій горнъ. Лицо его все было выпачкано сажей и, озаренное пламенемъ, казалось прямо зловѣщимъ. Маленькая пичужка, въ тюрьмѣ вызывавшая со всѣхъ сторонъ однѣ насмѣшки, здѣсь, за своей работой, едва успѣвъ облачиться въ фартукъ и развести огонь, Пальчиковъ совсѣмъ какъ-то преображался и начиналъ внушать нѣкотораго рода почтеніе не только рабочимъ — арестантамъ (какъ-ни-какъ, зависѣвшимъ отъ него), но даже и нарядчику и самому уставщику. Онъ принималъ внезапно властный, въ высшей степени самостоятельный видъ и своей вѣчной раздраженностью, воркотней и ужасными проклятіями судьбѣ, Богу, начальству и самому себѣ невольно заставлялъ съеживаться и чувствовать себя въ чемъ-то передъ нимъ виноватыми всѣхъ, кто только приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе.

Прежде чѣмъ «представить» меня, Монаховъ попробовалъ, обращаясь ко мнѣ, пошутить насчетъ Пальчикова:

— Сколько вотъ ни было у меня кузнецовъ, всегда я замѣчалъ такую странность: какъ только войдутъ они утромъ въ кузницу, такъ прежде всего мазнутъ себѣ подъ носомъ сажей... Знай, молъ, крещеный людъ, кто я таковъ есть! Хи-хи-хи-хи!

Гробовое молчаніе было отвѣтомъ на этотъ смѣхъ; продолжалось только гудѣнье мѣха да трещанье угольевъ въ горнѣ. Мнѣ стало не по себѣ, и я конфузливо стоялъ возлѣ скамеечки, на которой сидѣлъ обыкновенно молотобоецъ, раздувавшій огонь.

— Ну, вотъ тебѣ, Пальчиковъ, молотобоецъ,—нерѣшительно объявилъ, наконецъ, Монаховъ, переминаясь съ ноги на ногу:— онъ ужъ постоянно теперь будетъ у тебя.

Не глядя ни на Монахова, ни на меня, Пальчиковъ разразился ужасными проклятіями.

— Какой тутъ можетъ быть законъ! Издохнуть бы мнѣ поскорѣе, въ тартарары провалиться со всѣми потрохами своими! Чтобъ тебя скарежило въ три погибили, черная немочь, тварь проклятущая!

— Да ты кого жъ это такъ ругаешь, братецъ? Ты бы потише немного,—возвысилъ нѣсколько голосъ Монаховъ.

— А я развѣ васъ ругаю? не видите развѣ—уголь сырой ругаю, разгорѣться никакъ не можетъ, падло окаянное, черная немочь его возьми и меня вмѣстѣ съ нимъ! Язва тебя срази! Какого же вы мнѣ молотобойца даете, Семенъ Андреичъ? Нешто онъ можетъ по желѣзу, какъ слѣдоваитъ, ударить али при сварки помочь оказать?

— Ну, всетаки, какъ-ни-какъ, ударитъ. Ты чего же такъ сразу-то? Ты посмотри прежде. Надо же куда-нибудь человѣку дѣться...

И Монаховъ ушелъ, оставивъ меня одного съ Пальчиковымъ. Я притворился въ высшей степени равнодушнымъ къ его несмолкавшимъ проклятіямъ Монахову, назначившему ему горе-молотобойца, и началъ оглядываться кругомъ. Много разъ уже бывалъ я въ этой кузницѣ, и въ качествѣ празднаго зрителя и въ качествѣ нетерпѣливаго буроноса, но теперь она представилась мнѣ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, запечатлѣвая въ памяти всѣ свои мельчайшія подробности. Это былъ крошечный сарайчикъ, на живую руку сколоченный изъ какихъ-то старыхъ досокъ, весь въ огромныхъ щеляхъ, сквозь которыя дулъ холодный вѣтеръ и наметались кучи снѣгу. Мѣхъ тоже былъ старый, весь почернѣлый и точно съ неохотой скрипѣвшій и надувавшійся, когда его дергали за веревку. Горнъ («горно») былъ сложенъ изъ кирпичей на живую руку, а желѣзная трубка, чрезъ которую выходилъ изъ мѣха воздухъ, или-фурмантъ, плохо вмазанный въ печку, то и-дѣло выпадалъ вонъ и вызывалъ проклятія кузнеца. Такія же проклятія вызывала и наковальня, помѣщавшаяся на столбѣ, плохо врытомъ въ мерзлую землю, и ея такъ называемый «носъ», недостаточно длинный и удобный для

разнаго рода кузнечныхъ подѣлокъ. Въ противуположномъ углу стояло корыто съ замерзшей водой, служившей для закалки стали. На землѣ валялась куча буровъ, которые слѣдовало отвастривать. Я пристальнѣе вглядѣлся и въ лицо самого кузнеца, на котораго прежде не обращалъ почти никакого вниманія. Это былъ маленькій, худенькій человѣчекъ съ задорно вздернутымъ носикомъ, желчными карими глазками, никогда не глядѣвшими вамъ прямо въ глаза, и тощей бороденкой, которою въ особо патетическихъ мѣстахъ рѣчи онъ потрясалъ съ самымъ комично-угрожающимъ видомъ. Замѣтивъ, что въ горнѣ былъ заложенъ буръ, я началъ дергать мѣхъ за веревочку и раздувать огонь.

— Стой!..—огрызнулся тотчасъ же Пальчиковъ, не глядя на меня:—желѣзо и такъ горитъ давно, а онъ дуетъ... О, чтобъ имъ подохнуть, аспидамъ, кровопивцамъ нашимъ!

Онъ выхватилъ изъ огня буръ и, чуть не сунувъ мнѣ въ ротъ прыскающее искрами желѣзо, положилъ на наковальню.

— Бей!..

Растерянно заметавшись туда и сюда, я выхватилъ изъ его же рукъ маленькій кузнечный молотокъ и, что есть мочи принялся колотить имъ по буру... Пальчиковъ плюнулъ, шлепнулъ буръ о землю и, чуть не плача со злости, разразился страшными ругательствами, которыя я не могъ отнести прямо къ себѣ и принять за формальное оскорбленіе, но которыя, тѣмъ не менѣе—я чувствовалъ это—относились ни къ кому другому. Я стоялъ растерянный, переконфуженный, совершенно недоумѣвающій, какое такое преступленіе я совершилъ.

— О, чтобъ черная немочь ихъ всѣхъ задавила! Потроха его вывалились, пузо его толстое лопни! Душа изъ васъ всѣхъ вонъ!

— Чего же вы сердитесь, Пальчиковъ? Вѣдь я же не нарочно... я въ первый разъ... Потомъ, можетъ быть, привыкну, выучусь,— забормоталъ я виновато.

И тутъ только глаза мои упали на большой молотъ, лежавшій у самымъ моихъ ногъ, и я вспомнилъ что не разъ видалъ, какъ молотобойцы дѣйствовали именно этимъ молотомъ, тогда какъ маленькій молотокъ, который я вырвалъ изъ рукъ Пальчикова, составлялъ всегда неотъемленную собственность кузнеца; вспомнивъ это, я понялъ, что поступкомъ своимъ не столько испортилъ ему работу, сколько оскорбилъ цеховое его достоинство... Поднявъ молотъ, я попробовалъ было засмѣяться, но вышло еще хуже. Забористыя ругательства посыпались въ пространство новымъ, еще болѣе обильнымъ градомъ. Наконецъ, я не вытерпѣлъ и сдѣлалъ Пальчикову очень рѣзкое замѣчаніе, прося быть сдержаннѣе на языкъ. Тогда, присмирѣвъ немного и помолчавъ, онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ, быстрымъ движеніемъ согнулъ колѣни, точно дѣлая реверансъ, и, въ первый разъ взглянувъ мнѣ въ глаза, заговорилъ съ дружескимъ довѣріемъ:

— А вы сами какъ полагаете, Иванъ Николаевичъ, не стоютъ они того, челдоны желторотые, чтобъ имъ кишки выпустить? Галятся, изгнущаются надъ нашимъ братомъ, ровно мы и не люди!

— Чѣмъ же такимъ изгнущаются? Вѣдь мы въ каторгѣ—могло бы, пожалуй, и хуже намъ житься?

— Ну, извините, правовъ-то тѣхъ ужъ нѣтъ! Отошли разгильдѣевскія времена... А по моему, лучше бы ужъ онъ меня поролъ и въ карецъ сажалъ, нежели смѣшочками своими глупыми донималъ да разными непорядками жилы выматывалъ. Кажинный разъ онъ все «настоящимъ кузнецомъ» меня въ рыло тычетъ, амбицію мою задѣваетъ, а самъ никакихъ данныхъ не даетъ мнѣ эту амбицію оправдать. Спросите-ка всякаго, кто на волѣ меня зналъ: всякій вамъ скажетъ, что не послѣднимъ мастеромъ Пальчиковъ былъ. За мастерство-то свое я, можно сказать, и въ каторгу пришелъ, а здѣсь у нихъ ужъ самымъ послѣднимъ человѣкомъ сталъ. Говорятъ, что ужъ Пальчиковъ и бура отвострить не умѣетъ! Да дьяволъ ихъ заѣшь, холера ихъ возьми, найдется-ль во всей тюрьмѣ кто другой, кто въ закалкѣ такой смыселъ имѣетъ, какъ я? Водянинъ? Ну, ужъ нѣтъ-съ! рыломъ Водянинъ-то супротивъ меня не вышелъ. Я захочу—до сотни сортовъ разныхъ закаловъ вамъ предоставлю!

— Какъ это, говорите вы, кузнечное мастерство въ каторгу васъ привело?

— А такъ, что я самому генералу Завьялову куражиться надъ собой не могъ дозволить и чуть брюха ему не распоролъ, вотъ что.

— Вы, значитъ, солдатомъ были?

На этотъ вопросъ Пальчиковъ не отвѣтилъ. Арестанты, служившіе до каторги солдатами («духами») вообще почему-то стыдятся своего прошлаго и не любятъ о немъ заговаривать; къ тому же въ Пальчиковѣ успѣлъ остыть порывъ дружественности ко мнѣ и готовности откровенничать. Онъ опять разогрѣвалъ буръ и сердито приказывалъ мнѣ дуть мѣхомъ. Я повиновался. Мѣхъ опять загудѣлъ, и разговоръ по неволѣ прекратился. На этотъ разъ, когда дошла очередь до работы молотомъ, я схватилъ молотъ настоящій, но за то такъ усердно колотилъ имъ по буру, не смотря на всѣ сигнальные стуки Пальчикова, по наковальнѣ (сказать слово «стой!» онъ, должно быть, считалъ для себя униженіемъ), что буръ превратился, наконецъ, въ лепешку. Пальчиковъ ограничился, впрочемъ, тѣмъ, что съ сердцемъ плюнулъ и снова положилъ испорченный буръ въ огонь; но я почувствовалъ отъ этого гораздо большій стыдъ, чѣмъ если бы онъ выразилъ свой гнѣвъ крѣпкими русскими словами. Къ концу перваго же дня работы въ кузницѣ Пальчиковъ сдѣлался для меня чистымъ страшилищемъ; отъ малѣйшаго окрика его я вздрагивалъ и терялся... И много дней понадобилось для того, чтобъ я перестать такъ близко принимать къ сердцу эту постоянно кипѣвшую въ моемъ властителѣ злобу!

Гудитъ и реветъ мѣхъ подъ моими отчаянными усиліями, то отрывисто стукая и тѣмъ вызывая косые, сердитые взгляды въ мою сторону Пальчикова, не устающаго подбрасывать въ горно сырые уголья, то глухо сопя ровными, волнообразными дыханіями, дыханіями какого-то сказочнаго чудища, которое вотъ-вотъ проснется и розинетъ голодную пасть. Руки, дергающія веревочку мѣха, начинаютъ нѣмѣть отъ усталости; спина тоже страшно устала дѣлать легкіе поклоны при каждомъ взмахѣ руки; глаза утомились глядѣть въ пылающій горнъ, мозгъ одурѣлъ отъ скучныхъ, монотонныхъ мыслей, мыслей, скорѣе похожихъ на какіе-то сѣрые, безсвязные сны,—и страшно хочется уснуть, расправить окоченѣлые, усталые члены, закрыть глаза, погрузиться въ тьму и забвеніе.

— Дуй!..—раздается окликъ Пальчикова, и набѣгающій сонъ живо соскакиваетъ: глаза испуганно раскрываются, и рука начинаетъ энергично дергать веревку.

Угли уже разгорѣлись. Горнъ пылаетъ до того ярко, что нѣтъ мочи долго глядѣть въ него. Огненный столбъ искръ взвивается кверху, улетая въ отверстіе крыши, замѣняющее трубу. Какое несчетное множество этихъ свѣтящихся точекъ! Тысячи, миріады ихъ кружатся, вертятся, несутся безумно-бѣшенымъ галопомъ. Вотъ съ шумомъ и свистомъ вырвался одинъ ослѣпительно-яркій снопъ искръ, протанцовалъ съ необыкновенной быстротой какой-то фантастическій танецъ и умчался вверхъ, а снизу его догоняетъ уже другой, еще болѣе яркій и веселый рой; за нимъ еще и еще, и вотъ цѣлый рядъ ихъ слился на мигъ въ одинъ большой потокъ синерозоваго пламени и въ яростномъ весельи помчался къ огромному, морозному небу, чтобы тотчасъ же погаснуть тамъ, оставивъ послѣ себя лишь копоть и дымъ. Глаза болятъ, но не въ силахъ оторваться отъ огненнаго зрѣлища, и эти искры кажутся мнѣ уже не простыми мертвыми искрами, выскакивающими изъ горящей печки, а живыми, сознательными существами: оттого-то такъ жадно цѣпляются они другъ за друга, оттого-то такъ бѣшено ихъ веселье, такъ оживленна безумная пляска! Вѣдь все живое радуется жизни, и пусть коротка, какъ мгновеніе, эта жизнь—они возьмутъ съ нея свою долю счастья и потому умрутъ безъ гнѣва и жалобы! О! выходите же, выходите, новыя миріады маленькихъ, свѣтлыхъ гномовъ, веселитесь, глотайте полнымъ глоткомъ ваше радостное мгновеніе! Какое вамъ дѣло до того, что нѣтъ видимой цѣли въ этомъ вѣчномъ разрушеніи и возрожденіи однѣхъ и тѣхъ же формъ—вѣдь жизнь существуетъ для жизни! Да, я уже явственно различаю свои особыя черты у каждаго изъ этихъ милліоновъ крошечныхъ, живыхъ духовъ: одни изъ нихъ мчатся, лучезарные, жизнерадостные, какъ майскіе эльфы, сотканные изъ эфира и золота, другіе, напротивъ, грустные, скорбно-поникшіе, съ безсильно опущенными крыльями, блѣдные, словно до срока жаждущіе погас-

нуть и погрузиться въ нирвану... Зачѣмъ горѣть? Не все ли равно—одно или два мгновенія?..

— Стой! Бей! отсѣкай!

И Пальчиковъ вынимаетъ изъ огня длинную, до-бѣла раскаленную полосу стали, изъ которой такъ и брыжжутъ во всѣ стороны огненныя стрѣлы. Онѣ, того и гляди, попадутъ въ глазъ, и я инстинктивно пытаюсь закрыть лицо рукавицей; однако страхъ передъ грознымъ Пальчиковымъ превозмогаетъ это шкурное опасеніе, и я, схвативъ поспѣшно свой молотъ, начинаю колотить имъ со всего плеча по наковальнѣ.

— Скорѣе, скорѣе бей, варъ пропустишь!.. Охъ, черная немочь, пропустилъ, остыла... Изверги они, аспиды проклятые, за что они душу изъ меня вымотать хотятъ, какого молотобойца мнѣ подрадѣли? Лопните шары мои, утроба изъ меня вывались! Черная немочь, язва сибирская похватай васъ всѣхъ!

Но опасенія кузнеца оказались на этотъ разъ напрасными: «варъ» захваченъ во время, и мои отчаянные удары молотомъ по «зубилу» достигаютъ своей цѣли; отъ большого куска стали отсѣкается меньшій кусокъ, который тотчасъ же опять опускается въ горно, большой же отломокъ, при безпрестанныхъ подозрительныхъ оглядкахъ на дверь кузницы, проворно засовывается рукой Пальчикова въ холодную золу съ боку горна. Тутъ только я спрашиваю себя съ недоумѣніемъ: откуда же взялась эта сталь, когда еще недавно жаловались на ея отсутствіе? Между тѣмъ, разогрѣтый кусокъ опять вынимается изъ огня и, къ моему удивленію, подъ искуснымъ молоткомъ кузнеца превращается постепенно въ маленькую подковку изъ тѣхъ, какія носятъ на сапогахъ щеголи-солдаты. Я догадываюсь, въ чемъ дѣло. Въ кузницѣ появляется вскорѣ и самъ будущій обладатель подковокъ, усатый урядникъ, старшій конвоя.

— Ну, что, готово? Молодецъ паря, славно сробилъ. Ну, я тебѣ послѣ заплачу, у меня теперь нѣтъ... Вчерась послѣднія Любкѣ отдалъ.

— А сколько пропало ужъ у меня за вашимъ братомъ,—недовольно ворчитъ Пальчиковъ:—Бурцеву вонъ сколько я дѣлалъ, Корецкому опять—и чтобы шишъ какой получилъ! А тутъ еще уставщикъ, глядишь, поймаетъ, натерпишься изъ-за васъ... Скажутъ, мы съ Иваномъ Николаичемъ воры!

— Ну, не безпокойся, братъ, за мной-то не пропадетъ.

И прежде чѣмъ я успѣваю опомниться, урядникъ уходитъ, опустивъ подковки въ карманъ. Но тутъ я принимаю очень свирѣпый видъ и говорю Пальчикову:

— Вы какъ же это такъ сказали: «Мы съ Иваномъ Николаичемъ воры»? Вѣдь вы-же хорошо знаете, что я здѣсь не причемъ?

Пальчиковъ, безъ всякой видимой нужды, усиленно разгребаетъ желѣзной лопаточкой уголья въ горнѣ.

— Чего я сказалъ? Какое тутъ можетъ быть воровство? Работаешь, работаешь, какъ дохлая кляча, и не моги огрызочекъ стали взять? Чтобы ихъ черная немочь всѣхъ побрала! Велика, подумаешь, корысть. Вы видѣли—много съ нихъ возьмешь, съ духовъ проклятущихъ.

— Велика-ль, не велика-ль корысть, а только меня путать въ это дѣло не смѣйте!

— Не смѣйте... Что-жъ, доказывать, что-ль, на меня станете? Гдѣ это видано, чтобъ на своего брата-арестанта доказывали? И какіе еще люди, нашей ли шпанѣ чета!

— Доказывать я, конечно, не стану, вздора вы не говорите, а только повторяю: меня больше не смѣйте путать. Я рѣшительно ничего не вижу и не знаю, такъ и помните. Казенную-ли, другую-ль какую работу вы дѣлаете—мнѣ дѣла нѣтъ. Слышите?

— Дуй!

Я вижу заложеннымъ въ горнѣ маленькій буръ и принимаюсь опять за несомнѣнно уже казенную работу.

Положеніе дѣлъ послѣ этой маленькой ссоры не измѣнилось, впрочемъ, ни на іоту. Пальчиковъ продолжалъ на моихъ глазахъ красть и самымъ нахальнымъ образомъ врать уставщику и товарищамъ-арестантамъ. Я стоялъ въ сторонѣ и дѣлалъ видъ, что ничего не вижу и не знаю: но легко думать что-нибудь и хотѣть, и не такъ-то легко исполнить на дѣлѣ. Когда бывало Пальчиковъ при мнѣ клялся и божился всѣми богами, что сталь у него вышла вся до послѣдней крошки, а уставщикъ или нарядчикъ называли его, и шутя и серьезно, воромъ и обманщикомъ, мнѣ становилось каждый разъ не по себѣ, точно и самъ я былъ безмолвнымъ соучастникомъ его лжи и воровства, и именно это обстоятельство было самой непріятной для меня стороной работы въ кузницѣ. Тѣмъ болѣе, что по мягкости характера я не напоминалъ больше Пальчикову о своемъ сдѣланномъ разъ, въ порывѣ гнѣва, заявленіи, а онъ, казалось, вскорѣ забылъ о немъ; по крайней мѣрѣ, развязность его доходила до того, что, стоя во время работы спиной къ двери, онъ нерѣдко говорилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Поглядите, Иванъ Николаичъ, въ щелку, какъ бы кто не вошелъ ненарокомъ.

И, точно загипнотизированный этой развязной дерзостью, я молчалъ и покорно глядѣлъ въ щелку...

Появившійся вскорѣ новый нарядчикъ былъ, впрочемъ, въ достаточной мѣрѣ неглупый человѣкъ, чтобы не подозрѣвать меня въ соучастіи въ кражахъ кузнеца. Это былъ тотъ самый надзиратель Пѣтушковъ, на котораго Безыменныхъ сочинилъ нѣкогда убійственную эпиграмму:

Какъ шкелетъ, сухой, лядащій,
Онъ поетъ, поетъ безъ словъ,
И прозванье подходяще,
Лаконично: Пѣтушковъ!

Пѣтушковъ былъ грамотный, довольно по своему начитанный и, главное, слишкомъ амбиціозный человѣкъ для того, чтобы могъ долго ужиться подъ началомъ такого деспота, какъ Лучезаровъ, и едва только открылась вакансія горнаго нарядчика, какъ онъ промѣнялъ на нее мѣсто надзирателя и теперь ужасно либеральничалъ по адресу тюремной администраціи.

— Ну, какъ изволите поживать, Прокопій Филипповичъ?—иронически обращался онъ къ нашему старинному знакомцу, своему недавнему сотоварищу, приводившему арестантовъ въ свѣтличку:—Много-ль новыхъ карандашей и иголокъ нашли въ тюрьмѣ? Каково васъ начальникъ прохватываетъ?

Блѣдное, бритое лицо Прокофія Филипповича взглядывало на Пѣтушкова строгими, сѣрыми глазами, и ни одинъ мускулъ не вздрагивалъ усмѣшкой.

— Мы живемъ по инструкціи, сухо и кратко возражалъ онъ:—мы поступаемъ, какъ велитъ законъ.

— Ха-ха-ха-ха!—закатывался Пѣтушковъ:—и это тебѣ законъ тоже велитъ, халудора тебя заѣшь, подъ козырекъ дѣлать и тянуться, когда онъ ни за что, ни про что ногами на тебя топочетъ?

— А ты развѣ въ военной службѣ не служилъ?

— Такъ то, чудакъ ты этакій, служба отечеству, долгъ гражданина; а теперь ты вѣдь за деньги служишь?

— Ты самъ служилъ.

— Служилъ да и ушелъ. Нѣтъ, ужъ я топать на себя ногами не позволю! Я человѣкъ, братъ, самостоятельный!

Прокофій Филиппычъ или «Проня», какъ называли его промежъ себя арестанты, недовольный, отходилъ прочь, а глядѣвшій побѣдителемъ Пѣтушковъ лукаво кивалъ на него въ сторону сочувственно улыбавшейся ему кобылки. Видимо, онъ всѣми силами стремился установить съ послѣдней добрыя отношенія, а со мной прямо-таки заигрывалъ. Когда всѣ арестанты расходились по своимъ работамъ, онъ заглядывалъ въ кузницу и тамъ цѣлыми часами болталъ со мной о всевозможныхъ, пустыхъ и важныхъ, матеріяхъ.

— О, да тутъ студено, халудора!—наконецъ, не выдерживалъ онъ:—Пальчиковъ одинъ управится, подите-ка, Иванъ Николаичъ, въ свѣтличку, я чтой-то скажу вамъ.

— Потомъ, можетъ быть, скажете, если неважное.

— Нѣтъ, очень сурьезное.

Я шелъ за нимъ въ свѣтличку. Усѣвшись тамъ на баулѣ и усадивъ меня рядомъ, особенно если у печки не грѣлось никого изъ конвойныхъ (старика-сторожа онъ не стѣснялся), Пѣтушковъ начиналъ таинственнымъ голосомъ, переходя на дружеское «ты»:

— И охота-же тебѣ, Николаичъ, жить въ такой участи! Одинъ вѣдь этотъ Проня — Живая Смерть чего стоитъ; вида его выносить не могу. Да и другіе надзиратели тоже хороши. Ну, а начальникъ опять? А арестанты? Ну, развѣ тутъ мѣсто этакой го-

ловѣ, какъ твоя? Тебѣ-бъ сидѣть гдѣ-нибудь книжки писать, аль, можетъ, въ самомъ Питенбурхѣ въ большихъ чиновникахъ служить, а ты... какому-нибудь теперь Пальчикову, халудорѣ, долженъ мѣхомъ дуть!

— А что-жъ дѣлать? Взялся за гужъ...

— Нѣтъ, я бы зналъ, что сдѣлать.

— Бѣжать, что-ли? Да вѣдь вы не поможете, Ильичъ?

— Ну, зачѣмъ бѣжать! нахмуривался Ильичъ:—нѣтъ, а вотъ—прошеніе подать! Я-бъ, на твоемъ мѣстѣ, каждый день двадцать прошеніевъ писалъ, и ужъ которое бы нибудь непремѣнно вывезло... Ужъ такъ и быть, скажу тебѣ: я отъ самого Лучезарова слышалъ, что начальство того только и ждетъ, чтобъ ты пощады просить началъ... И часто мы, надзиратели, промежъ себя говорили: да вѣдь самому чорту можно, кажись, поклониться, лишь бы только на волю выйти! Ну, убудетъ тебя, что-ли?.. А Лучезаровъ про тебя говоритъ: это—скала, говоритъ, а не человѣкъ.

Я смѣялся надъ этими наивными разсужденіями и, въ заключеніе бесѣды, говорилъ Пѣтушкову:

— А знаете что, Ильичъ, вѣдь скала-то ѣсть хочетъ. Не пора-ли чай варить да рабочихъ скликать?

— Что-жъ, кличьте, пожалуй,—отзывался Пѣтушковъ, недовольный тѣмъ, что я уклонился отъ разговора съ нимъ по душѣ.

Тайкомъ отъ арестантовъ и даже отъ старика онъ предлагалъ мнѣ нерѣдко участвовать въ своихъ собственныхъ завтракахъ, которые приносили ему жена или дочь, и которые состояли изъ шанегъ съ творогомъ или сибирскихъ колобовъ, и очень каждый разъ огорчался, когда я настрѣзъ, бывало, отказывался отъ этихъ роскошныхъ яствъ. Вообще, признаюсь, я никогда не могъ уразумѣть настоящаго смысла всѣхъ этихъ дружескихъ подходовъ ко мнѣ Пѣтушкова, принимавшихъ иногда прямо сантиментальный характеръ; временами я самъ чувствовалъ къ этому человѣку глубокую симпатію и полное довѣріе, временами-же, подозрительно настроенный, готовъ былъ считать его не больше, какъ хитрымъ политиканомъ, не имѣющимъ за душой ничего, кромѣ личныхъ честолюбивыхъ цѣлей и интересовъ. Такъ, при всемъ своемъ словесномъ либерализмѣ, на дѣлѣ онъ былъ изряднымъ трусомъ, и какъ ни просили его арестанты—съ своей стороны не препятствовать имъ покупать у свѣтличнаго старика, тайкомъ отъ надзирателя, вольную пищу, пирожки, картошку и пр., онъ очень рѣдко, и то съ большой неохотой, глядѣлъ на эти запретные завтраки сквозь пальцы, за кулисами пугая старика отказомъ отъ мѣста.

— Ребята, да неужто-жъ бы я прекословилъ, кабы моя власть была?—душевнымъ, дружескимъ тономъ говорилъ онъ кобылкѣ:—какой можетъ быть вредъ отъ пищи? Для чего морить людей на постной баландѣ? А только подумайте сами: ну, вдругъ донесется?...

Изъ вашего же брата найдутся такіе... И мнѣ, и вамъ самимъ что хорошаго тогда будетъ?

— Да ужъ объ насъ-то ты не безпокойся, Ильичъ. Нѣтъ, просто сказать, потрухиваешь ты, и все вѣдь по-пустому, потому это дѣло надзирателя за нами слѣдить, а никакъ не твое.

— Неладно вы судите, ребята. Сами знаете, какъ ненавидятъ меня надзиратели... Одинъ этотъ Проня, живая смерть, чисто съѣсть меня готовъ, халудора его побери! Сейчасъ скажутъ, что я потакаю вамъ. Ну, смѣнятъ меня, другого нарядчика постановятъ,— вамъ развѣ лучше станетъ? Сами видите, что у меня душа есть, что я во всемъ готовъ уважить, гдѣ только можно. Надо только опаску завсегда имѣть.

Той-же политики держался онъ и въ вопросѣ о работѣ, добромъ и лаской убѣждая арестантовъ, ради его душевныхъ качествъ, работать побольше и получше...

Была суббота, холодный, ненастный день того-же марта мѣсяца. Пронизывающій вѣтеръ дулъ во всѣ щели нашей убогой кузницы, бросая въ лицо снѣжную пыль, а надъ порогомъ наметая цѣлые сугробы снѣга. Мѣхъ гудѣлъ съ какимъ-то особенно злобнымъ шумомъ, изрыгая изъ пылающаго горна столбы бѣшено пляшущихъ искръ; не хуже его изрыгалъ Пальчиковъ потоки своихъ обычныхъ проклятій, а я, съежившись подъ холодной арестантской шубой, молчаливый и ко всему на свѣтѣ безучастный, не уставалъ кланяться и дуть мѣхомъ. Ноги нестерпимо зябли, и мнѣ казалось въ такіе часы, что начинаетъ застывать и самый мозгъ, что я превращаюсь постепенно въ глыбу бездушнаго камня, вѣками лежащаго на одномъ мѣстѣ безъ цѣли, безъ думъ и желаній... Въ этотъ день я былъ почему-то особенно мрачно настроенъ и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на то, что Пѣтушковъ уже нѣсколько разъ подозрительно вертѣлся возлѣ меня, точно желая сообщить что-то и въ то же время колеблясь. Наконецъ, когда Пальчиковъ, взявъ корзину, вышелъ за дверь кузницы, чтобы принести новый запасъ углей, онъ быстро нагнулся ко мнѣ и прошепталъ:

— Сегодня!

Я равнодушно посмотрѣлъ на него.

— Говорю, сегодня...

— Что такое?

— Прибудутъ.

— Кто прибудетъ?

— Да будто не знаешь? Двое... товарищевъ тебѣ... Одинъ, сказываютъ, дохтуръ, такой-молъ дохтуръ, что у насъ въ Сибири и не видали такихъ. А самъ вовсе еще молодой. Вотъ не могу только припомнить, чьихъ онъ, халудора его возьми... фамилія-то трудная, не руськая... Ну, вспомнилъ, вспомнилъ: Штенгоръ! А другой—Башуровъ. Не знаю, кѣмъ этотъ былъ, а только, надо быть, тоже изъ большихъ дворянъ, въ ниверситетѣ служилъ. Ну, да, словомъ

сказать, не нашей кобылкѣ чета, а прямо говорю—товарищи тебѣ. И какъ только, скажи ты мнѣ, пожалуйста, этакій народъ въ каторгу попадаетъ? Ахъ, чтобъ васъ язвило!

— Да вы правду говорите, Ильичъ?

— Ну, вотъ еще врать стану!

У меня перехватило дыханіе... Ослѣпительный свѣтъ блеснулъ въ кромѣшномъ мракѣ—и въ тотъ-же мигъ погасъ. Едва не упавъ въ обморокъ, я съ трудомъ удержался на ногахъ и присѣлъ на скамеечку.

Пальчиковъ вернулся съ полной корзиной углей. Пѣтушковъ безпокойно заметался по кузницѣ, видя, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на меня своимъ сообщеніемъ. Изъ-за спины кузнеца онъ пристально глядѣлъ на меня и дѣлалъ умоляющіе жесты. Я понялъ, что онъ проситъ меня держать новость въ строгомъ секретѣ и, тихо улыбнувшись, кивнулъ ему головой въ знакъ согласія.

— Ахъ, халудора!.. излилъ онъ свои чувства въ любимомъ словечкѣ и поспѣшно удалился въ свѣтличку.

Неописуемое волненіе, между тѣмъ, овладѣло мною. Я считалъ часы, минуты, когда должны были окончиться горныя работы, и то-и-дѣло забѣгалъ въ свѣтличку посмотрѣть, не вернулись-ли рабочіе изъ шахтъ; Пѣтушковъ старался при этомъ не глядѣть на меня и велъ о чемъ-то оживленную бесѣду съ казаками. Очевидно, онъ трусилъ и порядкомъ раскаивался въ томъ, что сболтнулъ мнѣ великую тюремную тайну... Я чувствовалъ, какъ у меня дрожали колѣни, и пріятный ознобъ пробѣгалъ по всему тѣлу, когда арестанты, наконецъ, выстроились и, по обыкновенію, очертя голову понеслись по направленію къ тюрьмѣ. Я всегда внутренно сердился на эту ихъ торопливость, но сегодня мнѣ казалось, что мы бѣжимъ все еще недостаточно быстро. Скоро мнѣ стало жарко, и я разстегнулъ шубу. И застывшій мозгъ началъ оттаивать,—свѣтлыя, бодрыя мысли наполнили его, точно горячіе лучи вышедшаго изъ ночного тумана солнца; недавно еще я чувствовалъ себя почти старикомъ, безсильнымъ и жалкимъ калѣкой, а теперь былъ опять молодымъ и сильнымъ, опять хотѣлъ жить, надѣяться, вѣрить... И снова я любилъ горячо міръ, въ которомъ всего нѣсколько часовъ назадъ видѣлъ лишь безцѣльную и безсмысленную сутолоку явленій, любилъ жизнь и людей, которыхъ недавно еще презиралъ, какъ жалкихъ, цѣпляющихся за свое жалкое существованіе, смѣшныхъ маріонетокъ!

— Еще поживемъ, еще поборемся съ судьбой...—шепталъ я про себя, все ускоряя шаги и почти наступая на ноги шедшихъ впереди конвойныхъ:—теперь-то легче будетъ жить... съ товарищами!

II.

Желанные гости.

Когда горная партія подошла къ тюрьмѣ, отъ вниманія ея не ускользнуло, что среди стоящихъ у воротъ казаковъ есть два-три новыхъ, «нездѣшнихъ» лица, и что въ караульномъ домѣ также происходитъ какое-то движеніе.

— Братцы, а вѣдь партія, надо быть, пришла?

— Да вонъ, смотрите, и подвода стоитъ! Ну, стало-же, и партія—полтора человѣка съ реброкъ... Обыскиваютъ.

Самые зоркіе, умѣвшіе не только черезъ окно, а даже, какъ говорила кобылка, сквозь штыкъ видѣть, узнали тотчасъ-же и всѣ подробности обыска.

— Двое!.. Молодой и старый... Молодой—бѣлый, старый чернявый... Ну, и вещей же, вещей, братцы мои, разбираютъ—разобрать не могутъ. Надо думать, не изъ простыхъ, потому и одежа господская. Смотрите-ка, смотрите, часы золотые съ одного сымаютъ... Они думали, молодчики, что, какъ въ другой тюрьмѣ, все въ камеру пропустятъ, въ вольной одежѣ ходить дозволятъ... Нѣтъ, шалишь! Шестиглазый всѣхъ уравняетъ! Поживите-ка на шелайской баландѣ, а вещи въ чихаусъ пожалуйте!

— Ребята, да у нихъ книги!.. Это ужъ не Миколаичу-ль товарищи будутъ? Вотъ славно-то! Можетъ, опять Чичикова привезли?

Такими замѣчаніями перебрасывались между собой вслухъ арестанты, пока надзиратель обыскивалъ ихъ подлѣ окна караульнаго помѣщенія, гдѣ происходила пріемка новичковъ. Но любопытство шпанки не было слишкомъ напряжено, и какъ только ворота растворились, она, какъ дождь, посыпалась по камерамъ, торопясь обѣдать. Я остался одинъ у воротъ. Затворявшій ихъ надзиратель осклабился.

— Чего ждете?

— Кто принимаетъ новичковъ?

— Какихъ новичковъ?

— Ну, чего-же хитрить? Все равно сейчасъ самъ узнаю. Начальника нѣтъ?

— Нѣтъ, только старшій одинъ. Сію минуту выйдутъ.

И точно, нѣсколько минутъ спустя, изъ караульнаго дома вышла цѣлая толпа людей, и въ воротахъ тюрьмы появились двѣ фигуры новичковъ арестантовъ. Я бросился къ нимъ со словами привѣта... Но, къ моему удивленію, старшій надзиратель, онъ же и экономъ, всегда красный, какъ кирпичъ, смѣшно шепелявящій толстякъ, тотчасъ же всталъ между нами и громко запротестовалъ:

— Нельзя, естё нельзя! Нацальникъ сейтясъ плидетъ, намъ наголитъ!

Его поддержали другіе надзиратели, тоже поднявшіе крикъ. Я по неволѣ ретировался. Новички глядѣли вокругъ съ растеряннымъ недоумѣніемъ. Грубая форма обыска, очевидно, уже произвела на нихъ свое дѣйствіе, и оба глядѣли затравленными волками; жалкій, комичный видъ придавала имъ и только что надѣтая, мѣшковато сидѣвшая арестантская одежа. Я съ жадностью вглядывался въ лица, отыскивая въ нихъ интеллигентныя и симпатичныя черты... Кобылка не ошиблась: одинъ былъ совсѣмъ еще юноша, блондинъ, другой, значительно старше, брюнетъ. Блондинъ показался мнѣ коренастымъ и широкоплечимъ; у него было безусое, моложаво-розовое лицо съ большими, полными доброты глазами; онъ былъ взволнованъ и крайне смущенъ первыми шелайскими впечатлѣніями... Его товарищъ, высокій, худощавый мужчина съ шелковистой черной бородою, напротивъ, скорѣе былъ раздраженъ; темные глаза его сердито глядѣли изъ-подъ густыхъ, почти сросшихся бровей; онъ и на меня тоже смотрѣлъ съ недовѣріемъ и ни разу не улыбнулся...

— Ну, этотъ со мной не сойдется, пожалуй,—невольно подумалъ я съ грустью:—онъ-то, должно быть, и есть докторъ. Молодой, кажется, проще и общительнѣе.

Когда надзиратели взошли съ арестантами на крыльцо тюрьмы передъ главнымъ корридоромъ, молодой человѣкъ обернулся въ мою сторону (я шелъ сзади, въ нѣкоторомъ отдаленіи) и послалъ мнѣ рукой воздушный поцѣлуй; но товарищъ его даже не оглянулся, весь погруженный въ свои мысли. Затѣмъ оба скрылись въ дежурной комнатѣ, гдѣ ихъ заперли въ ожиданіи прихода Лучезарова. Когда надзиратели послѣ этого удалились, я подбѣжалъ къ замкнутой двери, и тутъ между мной и заключенными произошелъ торопливый, отрывочный, но оживленный обмѣнъ вопросовъ:

— Какъ ваша фамилія?—послышался суровый голосъ, очевидно, старшаго изъ новичковъ.

Я назвалъ себя.

— Какъ! вы-то и есть Иванъ Николаевичъ? Это правда?

— Почему вы такъ удивляетесь?—засмѣялся я:—или я до того ошпанѣлъ уже по виду за эти годы?

— Нѣтъ, я сейчасъ же догадался, что это, должно быть, вы,—отвѣчалъ молодой голосъ.

— А мнѣ даже и въ голову не пришло,—сказалъ первый:—я почему-то думалъ, что васъ здѣсь нѣтъ, и мы будемъ совершенно одинокими.

— Ахъ, вотъ почему вы показались мнѣ такимъ страшнымъ и непривѣтливымъ!

— Развѣ? О, на дѣлѣ я нисколько не страшенъ и скорѣе даже болтливъ. Но знаете, ваша тюрьма нагоняетъ ужасъ.

— Погодите, это еще начало вѣдь только...

— Лучезаровъ, говорятъ, звѣрюга?

— Господа, а вѣдь я-то вашихъ фамилій еще не знаю...

— Сдѣлайте одолженіе: я—Штейнгартъ, Дмитрій Петровичъ Штейнгартъ, студентъ-медикъ IV курса.

— А я Валерьянъ Михайловичъ Башуровъ, юристъ-первокурсникъ.

— Вы, повидимому, очень еще молоды?

— Да, конечно... Двадцать три года...

— Да и васъ, Дмитрій Петровичъ, кобылка, кажется, напрасно старикомъ окрестила?

— Развѣ уже окрестила? Впрочемъ, что-жъ, мнѣ 28 лѣтъ, и кое-гдѣ есть уже сѣдые волосы...

Мы перебросились затѣмъ нѣсколькими фразами о дѣлахъ, за которыя очутились въ Шелаѣ, и опять перескочили къ данному положенію вещей. Лихорадочно-быстрые вопросы такъ и перебивали одинъ другой.

— Какъ тутъ живется вообще? Очень-ли скверно?

— Что здѣсь всего страшнѣе? Шапочный вопросъ?

— Ага, вы ужъ слыхали!

— Какія у васъ отношенія съ арестантами?

— И съ начальствомъ?

— Постойте, господа, на столько вопросовъ сразу невозможно отвѣтить.

— Вы не отвѣтили: точно-ли такая звѣрюга Лучезаровъ, какъ про него говорятъ?

— Бываетъ, конечно, и звѣрюгой, но бываетъ и человѣкомъ: смотря, какъ и когда.

— Какъ вы посовѣтуете намъ держаться съ нимъ?

— Спокойно, но съ достоинствомъ.

— Можно-ли тутъ вообще жить?

— Какъ видите, я жилъ... А теперь, съ вашимъ прибытіемъ, и подавно стану жить!

— А нельзя-ли съ вами въ одну камеру попасть?

— Вотъ славно-бы было!

— Не знаю, можно-ли... Впрочемъ, если Лучезаровъ будетъ съ вами любезенъ,—попросите его объ этомъ.

— Будетъ-ли онъ съ нами на «ты»? Мы хотимъ въ такомъ случаѣ отвѣчать ему молчаніемъ. Вы какъ думаете?

Но, прежде чѣмъ я успѣлъ сообщить свои мысли объ этомъ предметѣ, на дворѣ раздался пронзительный, тревожный свистокъ, возвѣщавшій о вступленіи въ тюрьму начальника, и я поспѣшилъ удалиться въ свою камеру. Однако волненіе мое было такъ сильно, что я не могъ ѣсть и оставилъ обѣдъ нетронутымъ. Пріемъ кончился скорѣе, чѣмъ я ожидалъ, и новый свистъ возвѣстилъ объ удаленіи Шестиглазаго. Тогда я бросился опять въ корридоръ и увидалъ уже идущими мнѣ навстрѣчу Штейнгарта и Башурова съ мѣшками казенныхъ вещей въ рукахъ. Здѣсь мы впервые обнялись

и расцѣловались... Высыпавшая изъ камеръ шпанка съ любопытствомъ и сочувствіемъ наблюдала эту сцену.

— Ну, какъ и что? Въ какія камеры назначены?

— Представьте, Лучезаровъ былъ необыкновенно любезенъ, джентльменъ да и только! Произнесъ маленькую рѣчь въ похвалу своей гуманности и тюремной опытности и совѣтовалъ намъ одно: терпѣть, терпѣть и терпѣть! Кромѣ того, выразилъ большую радость тому, что я медикъ и могу быть очень полезенъ въ тюрьмѣ.

— Да, ваша слава, какъ замѣчательнаго доктора, заранѣе здѣсь гремѣла.

— Я получилъ этотъ титулъ уже въ Сибири, во время этапнаго путешествія, отъ благодарныхъ паціентовъ. На самомъ дѣлѣ, я уже говорилъ вамъ, я всего лишь студентъ четвертаго курса...

— Ну, что же, говорили вы съ нимъ о камерѣ?

— Какъ же. Съ большимъ удовольствіемъ согласился, чтобъ я поселился вмѣстѣ съ вами, Валерьяну же назначилъ другой номеръ. У меня, говоритъ, общее правило: по возможности дробить на мелкія части всѣ группы, какія только могутъ замѣчаться среди арестантовъ,—татаръ, скопцовъ, раскольниковъ... Позвольте,—спрашиваемъ мы,—да вѣдь мы не татары и не скопцы?—Васъ,—отвѣчаетъ,—я назову группой образованныхъ людей... Находчивъ, бестія!

Я ввелъ новыхъ своихъ товарищей въ мою камеру, и арестанты тотчасъ же, не дожидаясь просьбы, похватали у нихъ изъ рукъ мѣшки и кинулись очищать на нарахъ мѣсто рядомъ съ моей постелью, а когда узнали, что одинъ только Дмитрій Петровичъ будетъ жить здѣсь, стали выражать сильное огорченіе.

— И чего имъ помѣшало, варварамъ, всѣхъ троихъ вмѣстѣ поселить? Наръ, что-ль, не хватило? — возмущался пріятель мой Чирокъ. — То-ись, во всемъ вреду одну видятъ, утѣснить вездѣ норовятъ!

Я порекомендовалъ Чирка вниманію новичковъ, какъ стариннаго своего сожителя, съ которымъ очень друженъ.

— Должно быть, онъ безъ вины попалъ сюда? — спросилъ Валерьянъ Башуровъ: — и по лицу видно сейчасъ, что честный человѣкъ.

— Ну, какъ вамъ сказать,—засмѣялся я,—арестанты почему-то говорятъ про его честность: чортъ ее чесалъ, да и чесалку сломалъ!

— Вишь вѣдь какой вредный человѣкъ этотъ Миколаичъ! — обѣими руками заскребъ свою голову Чирокъ:—какъ меня товарищамъ своимъ аттестуетъ! Не вѣрьте ему, не вѣрьте ему — первый во всей тюрьмѣ волынщикъ!

— Вы тоже учить насъ будете, какъ Иванъ Николаевичъ? — подошелъ къ новичкамъ, заискивающе улыбаясь, Луньковъ, — вы не знаете, у насъ тутъ вѣдь цѣлое училище основано, господа, и я въ немъ первый ученикъ.

Сохатый презрительно фыркнулъ въ своемъ углу, но промолчалъ.

— Одна бѣда,—продолжалъ Луньковъ,—Иванъ Николаевичъ прилѣниваться что-то зачали, не кажный вечеръ насъ обучаютъ.

Я разсказалъ Штейнгарту и Башурову о своей школѣ; она ихъ живо заинтересовала. А когда я заговорилъ и о бывшихъ одно время въ тюрьмѣ чтеніяхъ вслухъ, то арестанты поддержали меня громкимъ сочувственнымъ ропотомъ; стали ворчать и ругать Шестиглазаго даже тѣ, кто очень мало интересовался бывало книжками.

Между тѣмъ Чирокъ вызвался сбѣгать въ кухню заварить для насъ чай. Я далъ ему свой котелокъ, въ который засыпалъ чай, а самъ повелъ товарищей въ камеру, назначенную мѣстожительствомъ Валерьяна. Жившіе тамъ арестанты встрѣтили насъ съ тѣмъ же живымъ сочувствіемъ и гостепріимствомъ, причемъ произошелъ приблизительно такой же обмѣнъ мыслями, какъ и въ моей камерѣ. Здѣсь жилъ, между прочимъ, и общій староста Юхоревъ. Онъ тотчасъ же появился возлѣ насъ и, развязно и дружественно поздоровавшись за руки съ новичками, усѣлся рядомъ и вступилъ въ разговоръ. Представительная наружность Юхорева, открытый, умный видъ и гигантскій ростъ произвели, видимо, на нихъ внушительное впечатлѣніе, и они долгое время недоумѣвали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Человѣкъ этотъ, дѣйствительно, могъ производить такое впечатлѣніе. Онъ весь, казалось, состоялъ изъ однихъ мускуловъ, могучихъ и крѣпкихъ, какъ сталь; большіе, сѣрые глаза глядѣли отважно и рѣшительно, и трудно было вынести ихъ прямой, пронзительный взглядъ; длинные усы окаймляли энергично очерченныя губы. За то подбородокъ, круглый и нѣсколько выдающійся, а также и щеки всегда обривались съ помощью стекла или тайныхъ арестантскихъ бритвъ. Лобъ былъ замѣчательно низкій, и въ средину его правильнымъ треугольникомъ вдавались жесткіе черные волосы. Это придавало смуглому, длинному лицу нѣсколько суровый, почти свирѣпый видъ, но ни мало не уменьшало впечатлѣнія большого, неоспоримаго ума, виднѣвшагося въ каждой чертѣ и въ каждомъ жестѣ этого сильнаго человѣка. Будучи совершенно неграмотнымъ, Юхоревъ говорилъ всегда такъ умно, плавно и даже красиво, пересыпалъ свою рѣчь такой массой оригинальныхъ эпитетовъ и поговорокъ, что если послѣдніе не были черезчуръ откровенны, то вы могли бесѣдовать съ нимъ битый часъ и даже не догадаться, что имѣете дѣло съ простымъ, необразованнымъ мужикомъ, а не съ какимъ-нибудь бариномъ средней руки, земцемъ, помѣщикомъ. Непреклонная воля чуялась во всей этой желѣзной, богатырски скроенной фигурѣ, въ ея порывистыхъ и вмѣстѣ сдержанныхъ движеніяхъ, въ быстрой, всегда торопливой, но граціозной походкѣ. Дорисовывая внѣшнюю физіономію Юхорева, скажу еще, что я былъ однажды сильно удивленъ и почти испуганъ, увидавъ его раздѣтымъ въ банѣ и покрытымъ густыми, мохнатыми

волосами по всей спинѣ... Вотъ богатая пища для ломброзоическихъ выводовъ, невольно подумалъ я!

Арестанты поголовно уважали и боялись Юхорева, но вовсе, казалось, не потому только, что онъ былъ старостой, и я не видалъ случая, чтобы кто-нибудь серьезно сцѣпился съ нимъ, вступилъ по какому-либо поводу въ грубую перебранку. Впрочемъ, Юхоревъ и не терпѣлъ противорѣчій себѣ. Съ мелкой шпаной, которой случалось чѣмъ-нибудь прогнѣвить его, онъ расправлялся по своему: быстро вскакивалъ съ наръ и своими жилистыми руками гиганта начиналъ, не говоря худого слова, мять и тузить (сопротивленіе было, конечно, немыслимо), такъ что жертвѣ оставалось одно: обратить ссору въ шутку и молить пощады. Съ «серьезными» арестантами Юхоревъ держался, впрочемъ, въ высшей степени тактично и осторожно.

— Ваши вещи, господа, — обратился онъ къ моимъ товарищамъ,—отнесены въ чихаусъ. Я самъ и положилъ. Если что-нибудь нужно достать, мнѣ только скажите. Я вѣдь часто туда хожу съ косноязычнымъ чортомъ и, что угодно, съумѣю взять, онъ не замѣтитъ. «Ты сьмотли у меня, Юхолевъ, не стяни цего». А я, покамѣстъ онъ въ одно мѣсто глаза таращитъ, рыжій пентюхъ, я ужъ въ двадцать сторонъ успѣлъ повернуться. Разъ! разъ!—и готово, взялъ, что мнѣ нужно. Въ одномъ изъ ящичковъ лежатъ тамъ у васъ, я видѣлъ, чернила, перья, почтовая бумага... Только глазомъ моргните мнѣ!

Мы поблагодарили Юхорева за любезное предложеніе, но отклонили его.

— Съ Лучезаровымъ у меня тоже большая дружба... Я вѣдь каждый день ношу ему въ контору пробный обѣдъ, — ну, и тутъ разговоры у насъ всякаго рода происходятъ. Наливаю ему, само собою, такъ, чтобъ жиру больше плавало сверху... Вотъ Иванъ Николаевичъ по этому случаю претензію мнѣ разъ высказывали: зачѣмъ я это дѣлаю? Надо, молъ, напротивъ, самый худшій сортъ пищи начальству показывать... Но это потому только, господа, что Иванъ Николаевичъ,—не въ обиду ему будь сказано,—десять лѣтъ проживетъ въ тюрьмѣ и всетаки ничего не пойметъ въ нашей сволочной жизни! Умъ ихъ не тѣмъ вовсе занятъ, вотъ они и думаютъ, что правдой можно всего добиться. А я по опыту знаю, что всѣ заботы начальства о нашемъ братѣ—одно только показаніе вида. Какъ мы есть для него каторжные, варнаки, такъ и будемъ ими до скончанія вѣка! Вѣдь что-жъ, пробовалъ я показывать и настоящую баланду. Затопаетъ ногами, закричитъ: «А! ты, значитъ, воръ!» Скажите на милость — воръ. Да чтобъ ему самому и на томъ и на этомъ свѣтѣ такъ наживаться отъ воровства, какъ я здѣсь наживаюсь! Небось, безъ штановъ ходить будетъ. Я не спорю—я ворую, но только не у своего брата; довольно съ меня и того, что экономъ прозѣвываетъ, когда къ вѣсамъ съ нимъ хожу.

Вотъ, господа, послѣ такой ерунды я и рѣшилъ носить Шестиглазому на пробу одинъ только верхній наваръ. И теперь мы живемъ друзьями. Жалко, что баня у насъ сегодня не топлена, печку поправляютъ. Ну, ужъ за то въ слѣдующую субботу я самолично васъ, господа, выпарю, такъ выпарю, какъ, пожалуй, и самъ губернаторъ не парится... Ха-ха! Баня — это моя, можно сказать, спеціальность.

— Однако Чирокъ ужъ, пожалуй, заварилъ намъ чай, — поднялся я съ мѣста,—пойдемте, господа.

Юхоревъ тоже вѣжливо всталъ.

— Значитъ, мы будемъ съ вами на однѣхъ нарахъ лежать, въ товарищахъ, такъ сказать, жить?—обратился онъ къ Батурову:— Вотъ и отлично. Объ чаѣ никогда не будете заботиться, у меня тутъ сто дьяволовъ найдется къ услугамъ въ кухню сбѣгать. Эй ты, чувырло чухонское!—крикнулъ онъ вдругъ на арестанта, лежавшаго рядомъ съ постелью Валерьяна:—убирайся-ка отсюда по-добру, поздорову, я тутъ лягу!

— А мнѣ тутъ развѣ худо?—пробормотало чувырло.

Но Юхоревъ, какъ кошка, прыгнулъ на нары, и не успѣлъ арестантъ опомниться, какъ уже перелетѣлъ вмѣстѣ съ своей подстилкой на другое мѣсто, а подстилка Юхорева очутилась рядомъ съ Валерьяновской. Кобылка одобрительно загрохотала; подумавъ немного, разсмѣялся и потерпѣвшій, рѣшивъ, что благоразумнѣе всего отнестись шутливо къ своему невольному salto mortale... Разсмѣялись и мы, выходя вонъ изъ камеры.

— Что это за личность?—спросилъ меня Штейнгартъ.

— Общетюремный староста, второй здѣсь царекъ послѣ Лучезарова.

— Оно и видно; но развѣ староста пользуется такой властью?

— Не всякій, конечно; но этотъ человѣкъ, какъ сами видите, не изъ дюжины.

— Онъ кажется мнѣ очень симпатичнымъ, а вамъ?—спросилъ Валерьянъ.

— Ничего себѣ. Впрочемъ, я очень мало его знаю, такъ какъ все время жилъ съ нимъ въ разныхъ камерахъ.

Чирокъ уже оборудовалъ свое дѣло, и котелокъ съ чаемъ, приправленнымъ, какъ оказалось, ни вѣсть откуда взявшимся молокомъ, стоялъ на нарахъ, укутанный со всѣхъ сторонъ моимъ халатомъ.

— Чтобъ не стылъ,—сказалъ Кузьма, осклабляясь и услужливо раскутывая чай.

— Ну, значитъ, пируемъ, господа!—пригласилъ я гостей.

Но только что началось пиршество, какъ дверь шумно растворилась, и въ камеру вошелъ, въ шапкѣ на бекрень и въ франтовато накинутомъ на плечи халатѣ, улыбаясь во всю рожу и какъ-то уморительно выкидывая въ стороны колѣни, тюремный скоморохъ и дурачокъ Карпушка Липатовъ. Рыжіе, какъ морковь, волосы, такая

же рыжая бороденка, выходившая изъ-подъ шеи и оставлявшая голымъ подбородокъ, некрасивое веснущатое лицо съ небольшимъ вздернутымъ носомъ и плутоватыми сѣрыми глазами, потѣшныя ужимки и чисто канканныя тѣлодвиженія, все было въ Карпушкѣ своеобразно и въ высшей степени комично. Одни изъ арестантовъ считали его прямо сумасшедшимъ, другіе, напротивъ, хитрымъ пройдохой, находящимъ лишь выгоднымъ для себя корчить дурачка. Трудно было рѣшить этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе что Липатовъ вовсе не стремился къ тому, къ чему стремились обыкновенные симулянты, т. е. къ освобожденію отъ работъ и къ помѣщенію въ больницѣ. Иногда попавъ туда, онъ начиналъ очень скоро рваться обратно въ тюрьму, а на работѣ также былъ скорѣе излишне трудолюбивъ, чѣмъ лѣнивъ и хитеръ.

— Здравствуйте, господа поштенные,—началъ Карпушка, присаживаясь съ нами рядомъ:—не примете-ль и меня въ вашу хеврю *)? Я вѣдь тоже двоâряньская кровь, потому—хоть мать у меня и мѣщанка, а отецъ-то былъ чиновникъ.

— Да вѣдь вы сами, Карпушка, говорили, что отца и не видали никогда, что вы—незаконный?

— Я и теперь не говорю, что я законный, а все-жъ хоть и не съ того боку, а кровь-то дворяньская свое во мнѣ обозначаетъ. Вѣрно я говорю! У меня вѣдь и обличье-то настоящее дворяньское... Нешто можно меня сравнить вонъ съ его аль съ его харей?—кивнулъ Карпушка въ сторону арестантовъ. Послѣдніе захохотали.

— А я вѣдь по дѣлу пришелъ-то къ вамъ, господа. Который тутъ изъ васъ, говорятъ, дохтурь есть?

— Ну, положимъ, я,—отозвался Штейнгартъ.

— А позвольте узнать, какъ величать васъ?

— Дмитрій Петровичъ.

— Такъ вотъ съ тобой, Митрій Петровичъ, мнѣ нужно будетъ съ руки на руку поговорить.

Карпушка при этомъ многозначительно подмигнулъ.

— Въ чемъ-же дѣло? Или вы стѣсняетесь постороннихъ?

— Мнѣ чего стѣсняться! Я нигдѣ не обробѣю. Я и самому Шестиглазому на кажной повѣркѣ всѣ свои мысли выражаю. Вотъ жду еще—не дождусь окружного дохтуря, съ нимъ тоже хотѣлось бы мнѣ словечкомъ-другимъ перекинуться.

— У васъ болитъ что-нибудь?

— У меня внутри настоящая-то боль сидитъ. Видите-ли, Митрій Петровичъ, я такъ полагаю, у меня косточки одной въ спинѣ нѣтъ. А фершалъ здѣшній, Землянскій, говоритъ: врешь, собачій сынъ, у тебя есть косточка. А какое тамъ есть, когда я хорошо знаю, что ея нѣтъ.

*) Кажется, еврейское слово, обозначающее товарищество прощалыгъ, шайку жуликовъ.

Прим. автора.

— Знаете что, Карпушка,— предложилъ я:—вы въ другое время когда-нибудь посовѣтуетесь съ Дмитріемъ Петровичемъ; тогда онъ хорошенько осмотритъ васъ. А теперь онъ, видите, съ дороги, дайте ему покой. Мы и сами-то не успѣли еще поговорить, какъ слѣдуетъ.

— И въ самъ дѣлѣ, пошелъ вонъ, Карпушка!—закричали на него арестанты:—чего ты дурочку-то изъ себя оказываешь? Проваливай во свояси!

Карпушка равнодушно сплюнулъ на сторону и продолжалъ сидѣть.

— Хитрый вы, Иванъ Миколаичъ, спулить отъ себя Карпушку хотите. Вамъ-то поговорить межъ собой, въ хеврѣ своей чайку напиться, а у меня, можно сказать, о жизни аль смерти дѣло идетъ. Говорю, косточки у меня въ спинѣ нѣтъ! Я сказываю фершалу: давай ты мнѣ настоящей хананіи, такой, чтобы она, значитъ, болѣзнь изъ костей вонъ выгоняла. А онъ, цыганская его морда, калидатомъ да калидатомъ все меня пичкаетъ! А калидатъ—я знаю, что такое. Онъ вѣдь болѣзнь въ нутро, въ кости вгоняетъ...

— Это что же такое за калидатъ, и какой такой хананіи ему нужно?—въ недоумѣніи обратился ко мнѣ Штейнгартъ.

Мнѣ уже достаточно извѣстенъ былъ весь Карпушкинъ словарь, и я объяснилъ, что хананіей онъ называетъ, повидимому, вообще всякое лѣкарство, производя это слово, быть можетъ, отъ хины, а калидатомъ—кали-іодатъ.

Штейнгартъ и Башуровъ громко засмѣялись, ихъ поддержалъ и самъ Карпушка.

— Въ томъ-то и дѣло... Вотъ сейчасъ видно, что дохтурь настоящій—все понимаютъ. Я ужъ знаю, что они мнѣ настоящей хананіи пропишутъ. Сейчасъ замѣчаешь хорошаго человѣка, не то что Иванъ Миколаевичъ, который никогда даже не улыбнется мнѣ... Проваливай, молъ, Карпушка Липатовъ! Ты къ моей хеврѣ не подходишь... А почему я не подхожу? У меня тоже дворяньская вѣдь кровь. Вотъ дали бы вы мнѣ, господа, чайку дворяньскаго испить. Байховый чай—онъ, знаете, хорошо тоже по жиламъ расходится, особливо ежели съ молокомъ. Лучше всякой хананіи.

Дали Карпушкѣ чашку чаю. Своей бесѣды намъ такъ и не удалось вести: скоро послышался свистокъ дежурнаго и его же взволнованный крикъ по корридору:

— Вылазь на повѣрку! Скорѣй на повѣрку! Самъ начальникъ будетъ!

Лучезаровъ давно уже не появлялся на повѣркахъ собственной персоной, и сегодня готовилась,—очевидно, по случаю прибытія новичковъ,—торжественная церемонія.

— Любезенъ-то онъ любезенъ былъ съ вами, а попугать всетаки хочетъ,—шутливо замѣтилъ я товарищамъ, выходя съ ними во дворъ тюрьмы, и поспѣшилъ предупредить ихъ относительно того, что слѣдовало имъ дѣлать во время повѣрки и какъ вести себя.

Съ Башуровымъ мы тутъ-же простились, думая, что до утра уже не увидимся больше. Онъ направился къ своей камерѣ, которая строилась въ другомъ концѣ длинной арестантской шеренги. Тамъ Юхоревъ тотчасъ же принялъ его подъ свое покровительство, поставивъ за своей могучей спиною. Повелъ и я Штейнгарта на то мѣсто, гдѣ шевелились наши сокамерники. Всегдашняя моя пара—Чирокъ уже стоялъ въ переднемъ ряду, поджидая меня и энергичной бранью прогоняя всякаго, кто по забывчивости пытался занять позади его мое мѣсто. Впереди Штейнгарта, ставшаго рядомъ со мною, вытянулся гигантъ Петинъ.

Надзиратель безпокойно метался передъ строемъ арестантовъ, дѣлая имъ предварительный счетъ. И только теперь ударилъ звонокъ на повѣрку; но и послѣ звонка мы мерзли еще около пяти минутъ, а Шестиглазый все не показывался.

— Выстойку намъ, какъ хорошимъ жеребцамъ, дѣлаетъ!—острили неунывающіе арестанты.

Наконецъ, за рѣшетчатыми воротами произошло движеніе, и на глазахъ у всѣхъ появилась величавая фигура въ большой мохнатой папахѣ и широко развѣвающейся шинели. Мы двое уже стояли давно безъ шапокъ. Распахнулись широко ворота. Точно проглотившій аршинъ надзиратель проревѣлъ неестественно зычнымъ голосомъ командныя слова:

— Смирр-на! Шапки дол-лой!

Сотня головъ моментально, съ шумомъ, обнажилась.

— Шапки надѣть!—торопливо, почти не давъ кончиться надзирательскому крику, произнесъ Лучезаровъ.

—Продолжаетъ быть любезнымъ,—шепнулъ я Штейнгарту и слегка покосился въ его сторону. Но Штейнгартъ ничего не отвѣтилъ мнѣ, и я замѣтилъ, какъ лицо его потемнѣло и то и дѣло подергивалось нервными судорогами... Лучезаровская любезность, очевидно, мало утѣшала его. Дальнѣйшая часть повѣрки прошла съ обычной помпой, по разъ установленной формѣ и, къ счастью, безъ всякихъ непріятныхъ инцидентовъ. Наряда на работы не читалось, такъ какъ день былъ субботній.

— По камерамъ шагомъ мар-ршъ!—прогремѣла заключительная команда, и ровнымъ ритмическимъ шагомъ, попарно, арестанты двинулись къ тюрьмѣ. Дмитрій шелъ впереди меня, блѣдный и сумрачный, понуря голову. Въ корридорѣ къ намъ подбѣжалъ Валерьянъ Башуровъ.

— Это ужасно... это ужасно, господа!—прошепталъ онъ, конвульсивно стискивая себѣ пальцы рукъ. Юношески-розовое лицо его отъ волненія еще болѣе разрумянилось. Штейнгартъ молчалъ, но чувства его были мнѣ понятны. Тѣмъ не менѣе, я попробовалъ улыбнуться и сказалъ успокоительнымъ тономъ:

— А развѣ вы лучшаго чего-нибудь ждали, господа? Глядите на эти вещи философски. Недурно также, если можно, запастись

юморомъ. Во всякомъ случаѣ, когда поживете здѣсь, то согласитесь со мной, что не эти огорченія худшая сторона каторги.

Мы еще разъ пожали другъ другу руки и разстались. Въ камерѣ, между тѣмъ, арестанты опять выстроились въ шеренги. Мы съ Штейнгартомъ, какъ и прежде, встали позади Чирка и Сохатаго, возлѣ своихъ наръ.

Дверь быстро распахнулась, человѣкъ пять надзирателей влетѣли, какъ ураганъ, и одинъ изъ нихъ прокричалъ обычное:

— Смирр-на!

Внушительно замедленными шагами вошелъ Лучезаровъ, окидывая пытливымъ взглядомъ лица арестантовъ и видимо кого-то отыскивая. Упитанное, румяное лицо его по обыкновенію чуть-чуть улыбалось иронически; въ бравомъ штабсъ-капитанѣ не произошло вообще никакой перемѣны съ тѣхъ поръ, какъ читатель видѣлъ его въ послѣдній разъ, за исключеніемъ одного только: онъ носилъ уже полные капитанскіе погоны, и это обстоятельство, конечно, могло придать ему лишь больше внушительности и величавости.

Наконецъ, онъ увидалъ Штейнгарта и, приблизившись, молча подалъ ему письмо, которое вынулъ изъ бокового кармана. Затѣмъ круто повернулся къ надзирателямъ и произнесъ сердито:

— Вы слышите запахъ? Есть тутъ запахъ?

— Не можемъ знать, господинъ начальникъ,—подобострастно отвѣтилъ кто-то, въ нерѣшительности.

— Какъ не можете знать? Носа надо не имѣть, чтобъ не слышать! Гадкій, отвратительный запахъ!

— Да, оно точно чижоловатый воздухъ, господинъ начальникъ,— согласился тотъ же надзиратель.

Тяжелый запахъ въ нашей камерѣ за послѣднее время сдѣлался почему-то предметомъ постоянныхъ наблюденій и раздраженія браваго начальника. Онъ слышалъ его даже въ такіе дни, когда у насъ подолгу стояла открытой форточка, и когда атмосфера другихъ камеръ, навѣрное, была вдвое удушливѣе, и ни за что, ни про что распекалъ и надзирателя, и несчастнаго старосту. Точно также и теперь онъ бросился за перегородку, гдѣ помѣщались камерныя параши. За нимъ послѣдовала и вся свита.

— Откройте!—услышали мы оттуда повелительный голосъ начальника:—понюхайте! нѣтъ, вы понюхайте хорошенько!

Слышно было, какъ надзиратели, одинъ за другимъ, подходили и нюхали. Кобылка, тихонько смѣясь, переглядывалась между собою.

— Вотъ что!—заговорилъ Лучезаровъ, появляясь опять въ камерѣ:—староста и парашники плохо знаютъ свои обязанности. Мало чистоты и порядка. Смотрите у меня, я строго буду взыскивать.

И быстрыми шагами онъ почти выбѣжалъ въ корридоръ; со стукомъ и грохотомъ прослѣдовала за нимъ свита, дверь захлопнулась, и замокъ щелкнулъ. Арестанты зашумѣли, засмѣялись и принялись за свои обычныя бесѣды и занятія.

Штейнгартъ, склонившись надъ столомъ, читалъ при тускломъ свѣтѣ лампы полученное письмо, и мрачное лицо его съ густыми нахмуренными бровями напоминало мнѣ первый моментъ нашей встрѣчи. Сердце мое болѣзненно сжалось... Я чувствовалъ себя опять одинокимъ, ревниво размышляя о томъ, что у этого человѣка есть и всегда будетъ свой особый міръ, въ который я никогда не проникну, и въ которомъ онъ будетъ страдать и радоваться одинъ, замкнуто и молчаливо. Я легъ въ свой уголъ, предаваясь этимъ грустнымъ думамъ; а товарищъ долго еще сидѣлъ надъ письмомъ, чтеніе котораго, повидимому, давно уже было окончено. Затѣмъ, поднявшись, онъ не меньше часу расхаживалъ взадъ и впередъ по камерѣ, въ глубокой задумчивости, не обращая никакого вниманія на окружающую обстановку.

Луньковъ и Сохатый, разложивъ свои тетрадки, сидѣли за столомъ и переругивались другъ съ другомъ.

III.

Разсказъ Штейнгарта.

Было уже совсѣмъ поздно. Арестанты давно полегли на свои подстилки и, не исключая учениковъ, исправно храпѣли, когда Штейнгартъ, взобравшись на нары, также началъ устраивать свою постель рядомъ съ моею.

— Вы еще не спите, Иванъ Николаевичъ? А знаете, отъ кого я письмо сегодня получилъ? — неожиданно, вполголоса заговорилъ онъ, замѣтивъ, что я не сплю; и, взглянувъ ему въ лицо, я радостно вздрогнулъ: оно опять было свѣтлое, доброе, и темные глаза сіяли изъ-подъ разглаженныхъ бровей, точно двѣ звѣзды, обливая меня теплыми, ласковыми лучами.

Я, конечно, не зналъ, отъ кого было полученное имъ письмо. Отъ матери? Сестры?

— Нѣтъ, отъ невѣсты,—сказалъ Дмитрій грустнымъ и вмѣстѣ радостнымъ тономъ. — Вотъ ужъ никакъ не надѣялся получить! Сегодня, во время пріемки, Лучезаровъ прямо мнѣ заявилъ, что будетъ выдавать письма только отъ ближайшихъ и несомнѣнныхъ родственниковъ, всѣ же остальныя сохранить у себя вплоть до моего выхода на поселеніе. Это, молъ, законъ, нарушить который невозможно. И вдругъ приноситъ вечеромъ это самое письмо... Признаюсь, Иванъ Николаевичъ, за этотъ великодушный поступокъ я многое, очень многое готовъ простить Лучезарову и съ очень многимъ въ его режимѣ примириться!

— Да, я видѣлъ, какое впечатлѣніе произвела на васъ повѣрка.

— Ужасное!.. Но... знаете-ли, о чемъ проситъ меня невѣста? Ахъ! Мнѣ ужъ хочется все разсказать вамъ, всю нашу грустную

повѣсть. Конечно, это личныя муки и радости, и вамъ онѣ не покажутся, быть можетъ, интересными...

— Помилуйте, Дмитрій Петровичъ, неужели же интереснѣе то, что мнѣ годами приходилось здѣсь выслушивать? Я боюсь только, что не заслужилъ еще такого довѣрія съ вашей стороны.

— Нѣтъ, вы сразу завоевали мое сердце. Я чувствую, что вамъ можно вполнѣ, вполнѣ довѣриться, что все, сказанное отъ сердца, вы сердцемъ-же и примете... А для того, кто, подобно мнѣ, уже столько времени таитъ внутри и думы свои, и муки, ахъ! какъ много значитъ—отыскать подобное существо!

— А Валерьянъ Михайловичъ? Развѣ вы съ нимъ не дружны?

— Видите-ли что. Я очень люблю Валерьяна, но мы съ нимъ не друзья. Онъ слишкомъ еще юнъ и, знаете,—выражаясь мягко,—легковѣсенъ... Въ немъ есть черты, которыя его сильно портятъ. Ну, словомъ, вы сами потомъ узнаете. Во всякомъ случаѣ, моя интимная жизнь ему извѣстна лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Прежде всего знаете вы, что я еврей?

— Вы еврей? Никогда бы этого не подумалъ. Да и ваше имя...

— Ну, имя-то ничего не значитъ. По настоящему я вѣдь не Дмитрій, а Мордухъ, и не Петровичъ, а Пейсеховичъ... Когда живешь среди народа, съ которымъ составляешь духовно одно, ничѣмъ ровно не отличаясь отъ его собственныхъ сыновей, но на языкѣ котораго Мордухъ напоминаетъ слово морда, то согласитесь, что не очень-то пріятно именоваться своимъ подлиннымъ именемъ... А впрочемъ, вы, можетъ быть, юдофобъ или антисемитъ? Скажите откровенно.

Я засмѣялся.

— Къ счастью, нѣтъ. Могу сказать это, положа руку на сердце. Я родился и выросъ въ одной изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ и евреевъ-то почти нѣтъ. Поэтому, когда я поступилъ въ петербургскій университетъ, я каждаго чернаго хохла, говорившаго «хадость» вмѣсто «гадость», принималъ долгое время за еврея. И послѣ того у меня было нѣсколько лучшихъ товарищей и друзей изъ евреевъ.

— Очень радъ. Вы снимаете съ моего сердца тяжелый камень вашимъ признаніемъ. Повѣрите-ли, Иванъ Николаевичъ, какія подлыя вещи творятся теперь у насъ на Руси! Образованные, интеллигентные, повидимому, люди не стѣсняются громко и открыто произносить слово «жидъ» и высказывать презрѣніе и ненависть къ жидамъ. Тѣмъ больнѣе все это видѣть и слышать человѣку, который, будучи, какъ я, самъ евреемъ по происхожденію, ничѣмъ другимъ, въ сущности, не связанъ съ роднымъ племенемъ и превосходно знаетъ всѣ его пороки и недостатки. О, слишкомъ, даже слишкомъ хорошо знаю я ихъ! Но когда со всѣхъ сторонъ летятъ въ этотъ несчастный народъ плевки и каменья, можно-ли спрашивать, что я долженъ чувствовать и кого долженъ любить?.. Да,

именно этотъ проклятый еврейскій вопросъ былъ проклятіемъ и моей личной жизни!.. Вы слушаете меня?

— Я весь вниманіе.

— Итакъ я разскажу вамъ свою исторію. Я былъ еще студентомъ второго курса, когда познакомился съ своей теперешней невѣстой. Мнѣ было двадцать два, Еленѣ двадцать лѣтъ; оба мы, подобно всей тогдашней молодежи, почти въ одинаковой степени проникнуты были тѣмъ «святымъ недовольствомъ», о которомъ говоритъ Некрасовъ въ своемъ стихотвореніи, — одинаково восторженны, наивны, молоды душой... Этимъ все сказано, — и какимъ образомъ и на какой почвѣ создался нашъ романъ. Помните-ли вы эти бѣлыя петербургскія ночи съ ихъ фантастическимъ колоритомъ, съ ихъ болѣзненной грустью, какъ бы разлитой кругомъ въ воздухѣ? Помните-ли ночныя катанья въ лодкахъ по Невѣ и по взморью, въ компаніи другихъ такихъ-же восторженныхъ мечтателей? Или зимнія студенческія вечеринки съ шумной пляской и отважными пѣснями? Впрочемъ, я лично съ наибольшей любовью вспоминаю теперь другую картину. Мнѣ рисуется комнатка Елены на седьмой улицѣ Песковъ, маленькая, уютная комнатка... На столѣ давно потухъ самоваръ, а мы до полночи сидимъ при свѣтѣ лампы и ведемъ безконечную бесѣду. О любви? О, нѣтъ, меньше всего и рѣже всего о любви! Предметомъ нашихъ разговоровъ являются все такія важныя и солидныя матеріи: мы перестраиваемъ жизнь народовъ, рѣшаемъ судьбы міра, собираемся идти на великій подвигъ служенія родному народу... Случалось, Елена вспоминала, наконецъ, что я мѣшаю ей учить лекціи, что и мнѣ самому не мѣшало бы подумать о томъ-же: тогда она принималась гнать меня домой. Мы начинали прощаться, но, прощаясь и держась уже за руки, опять увлекались на цѣлые часы то серьезной бесѣдой, то чисто ребяческой болтовней. Я стоялъ все время у порога комнаты, совсѣмъ уже одѣтый, и мы никакъ не могли разстаться, десять разъ подавая другъ другу руки и десять разъ возобновляя бесѣду. Да, обо всемъ мы тогда переговорили, обо всемъ передумали, кромѣ одного: что я былъ еврей, а она — православная... Все въ нашихъ отношеніяхъ представлялось намъ такъ просто и ясно: мы полюбили одинъ другого и, значитъ, всю жизнь будемъ идти рядомъ, рука объ руку, «безъ размышленій, безъ борьбы, безъ думы роковой»... Мысль о законныхъ узахъ гименея не являлась намъ по той лишь причинѣ, что сердца наши, бившіяся въ унисонъ, парили въ то время черезчуръ высоко для заботъ объ эгоистическомъ личномъ счастьи; да, признаться, страшилъ насъ обоихъ и вопросъ о моемъ крещеніи: Еленѣ казалась своего рода кощунствомъ перемѣна вѣры не по убѣжденію, хотя бы и ради любви; меня страшила, кромѣ того, необходимость нанести жестокій ударъ старухѣ-матери, безумно меня любившей, но до фанатизма преданной староеврейскимъ завѣтамъ и преданіямъ. Все

это вмѣстѣ побуждало насъ не только медлить, но даже и мало думать о бракѣ. А жизнь, между тѣмъ, не медлила и разрѣшила вопросъ по своему. Когда меня въ одно прекрасное утро арестовали, Елена не только не была допущена ко мнѣ на свиданіе, какъ незаконная жена, но даже арестована и выслана на родину. Переписки намъ также не дозволили. Господи, что это была за пытка! Въ какую ярость я приходилъ, какъ безумствовалъ, не будучи въ силахъ узнать даже, живъ-ли, здоровъ-ли любимый человѣкъ... Толсты и глухи тюремныя стѣны — не услышишь сквозь нихъ милаго голоса, не увидишь дорогого лица... Ахъ, я и до сихъ поръ удивляюсь, какъ я не разбилъ себѣ черепа объ этотъ холодный, безжалостный камень!

Но, Иванъ Николаевичъ, человѣкъ — безгранично-терпѣливое, возмутительно-выносливое животное, и я тоже все вынесъ, ни съ ума не сошелъ, ни головы себѣ не разбилъ, остался живъ и здоровъ. А между тѣмъ, цѣлыхъ два года прошло въ такой безнадежной разлукѣ! Наконецъ, меня осудили въ каторгу и, какъ подлежащаго отсылкѣ въ Сибирь, перевели въ Домъ предварительнаго заключенія. Какой шумъ внезапно наполнилъ здѣсь мои уши, какое движеніе, жизнь окружили меня, не смотря на то, что и это была все же тюрьма, одиночная тюрьма. По корридору то и дѣло слышались шаги, голоса, живые голоса живыхъ людей; по всѣмъ направленіямъ стѣнъ, точно неугомонные дятлы, перестукивались между собою заключенные... Ну, да вы вѣдь сами знаете—нечего объ этомъ разсказывать. Но, признаюсь, долгое время меня страшно раздражалъ этотъ шумъ жизни, и я съ искреннимъ сожалѣніемъ вспоминалъ о своемъ прежнемъ тихомъ гробѣ. Съ переводомъ въ предварилку, я могъ бы, конечно, немедленно написать Еленѣ,— и я зналъ это,—но писать и не думалъ. Я давно почему-то рѣшилъ, что она разлюбила меня и, навѣрное, вышла уже замужъ. Въ началѣ, когда мнѣ приходили въ голову такія мысли, мною овладѣвало бѣшенство, я ревновалъ, плакалъ, грозилъ; но съ теченіемъ времени примирился съ «неизбѣжнымъ закономъ женской природы», какъ съ горечью называлъ это. Вотъ мужчина,—думалось мнѣ,—другое дѣло, Если бы и двадцать лѣтъ пришлось мнѣ ждать любимой невѣсты, я нашелъ бы въ себѣ достаточно любви и силы, прождалъ-бы!

И вотъ однажды дверь моей камеры растворяется, и надзиратель подаетъ мнѣ депешу. Я раскрываю ее и, не вѣря глазамъ, читаю: «Телеграфируй Томскъ смотрителю тюрьмы, скоро-ли будешь высланъ. Останусь ждать. Люблю, помню. Вѣчно твоя Елена». Телеграмма была изъ Тюмени.

Отъ радости я чуть не лишился чувствъ. Ледяная душевная кора прорвалась, и спавшій подъ ней мертвецъ ожилъ. Весна, весна! Воскресеніе!

Въ первую минуту я не столько огорченъ былъ тѣмъ, что и

Елена высылается въ Сибирь, что и она лишена свободы, сколько восхищенъ вѣстью, что она по-прежнему моя, что я незабыть любимъ, что снова явилась надежда на свиданіе, которое вчера еще представлялось возможнымъ лишь за могилой. Безконечное число разъ перечитывалъ я милую телеграмму и, забывая о томъ, что почеркъ былъ на ней чужой, цѣловалъ дорогія слова и прижималъ къ груди. Въ тотъ же день я послалъ отвѣтъ, въ которомъ не могъ, къ сожалѣнію, указать точно время своей отправки. И только на слѣдующее утро моя дикая эгоистическая радость смѣнилась глубокимъ горемъ о разбитой Елениной жизни, разбитой изъ-за меня, который никогда не стоилъ ея чистой, святой любви. Бѣдная! Терпѣливая! А я-то о тебѣ думалъ такія нехорошія, нечестныя мысли... И мучительныя опасенія стали терзать меня: что если телеграмма моя опоздаетъ? Вѣдь ея депеша была передана мнѣ только на десятый день... Останется-ли Елена всетаки въ Томскѣ ждать неизвѣстно чего (потому что молчаніе мое можетъ обозначать въ ея глазахъ многое), или же съ тоской и смертью въ душѣ поѣдетъ дальше, и тогда мы уже никогда, никогда въ жизни не увидимся? Да если бы наконецъ она и захотѣла остаться ждать, дозволитъ ли это тюремное начальство? Свиданіе такъ близко, такъ возможно,—и вотъ вмѣшается какой-нибудь злой демонъ, и оно опять станетъ безконечно-далекимъ, быть можетъ, навѣкъ невозможнымъ!

Высылка моя состоялась лишь двѣ недѣли спустя, въ концѣ іюля, и только 15 августа наша баржа подплыла, наконецъ, къ таинственному Томску. Описывать вамъ, какъ волновался я въ это памятное утро, я не въ силахъ. Довольно сказать, что для меня совершенно не существовало тѣхъ тревогъ, какими мучились въ это-же время мои товарищи: какъ будутъ встрѣчены они новымъ начальствомъ, какого рода обыскъ предстоитъ и проч. Я весь поглощенъ былъ вопросомъ: здѣсь ли Лена? Здорова ли она? Какъ-то встрѣтимся мы послѣ двухлѣтней слишкомъ разлуки? Точно громомъ ударило меня въ сердце извѣстіе, что никого изъ прежнихъ партій въ тюрьмѣ нѣтъ, что никто меня не ждетъ. Я бросился къ смотрителю съ разспросами. Угрюмый, непривѣтливый старикъ съ видимой неохотой сказалъ мнѣ, что телеграмма моя была получена Еленой своевременно, но что никакого вопроса объ оставленіи ея въ тюрьмѣ она не поднимала.

— Была-ли она здорова?

— Вполнѣ, даже весела.

Весела! Вопроса объ оставленіи не поднимала! А телеграмму получила своевременно... Эти три мысли, точно огненные буравчики, просверлили мой мозгъ. Подавленный, пришибленный, пристыженный ушелъ я отъ смотрителя, и мнѣ почудилось, что онъ насмѣшливо и даже какъ бы съ соболѣзнованьемъ посмотрѣлъ мнѣ вслѣдъ... Чувство стыда и негодованія пожаромъ охватило мнѣ душу: значитъ, я за-

быть! И какъ скоро! Очевидно, она успѣла влюбиться въ какого-нибудь изъ сопровождавшихъ ее товарищей... Иначе какъ могла бы она быть веселой?

А слухъ о веселой дѣвушкѣ съ блѣднымъ лицомъ и пепельнаго цвѣта косами встрѣчалъ меня почти въ каждомъ новомъ пунктѣ, куда я приходилъ: говорили объ ней арестанты, ямщики, даже конвойные...

— Ну, и безунывная-жъ барышня! Прямо душа-человѣкъ!— говорили про нее съ теплымъ сочувствіемъ старые, опытные бродяги:—всякаго-то она привѣтитъ, приласкаетъ, со всякимъ пошутитъ, посмѣется.

Я самъ точно забылъ въ это время о характерѣ Елены, поражавшемъ меня еще на волѣ: въ минуты самаго глубокаго душевнаго горя, въ присутствіи постороннихъ, она умѣла быть веселой, безпечной, разговорчивой, и серебряный смѣхъ ея звучалъ такъ громко и часто, что никому и въ голову не пришло бы въ это время подумать, что она несчастна. Забывъ обо всемъ этомъ, я теперь одно говорилъ себѣ: «быть веселой, шутить и смѣяться, когда...»

Въ такомъ похоронномъ настроеніи покинулъ я Томскъ. Съ этого пункта, какъ вы помните, начинается уже настоящій этапный путь, пѣшій вояжъ ссыльныхъ партій. Не прошли мы и нѣсколькихъ шаговъ перваго же станка, какъ изъ кучки товарищей, шедшихъ впереди меня и мирно бесѣдовавшихъ съ провожавшимъ партію офицеромъ, долетѣла до моего слуха фамилія Лены. Я вздрогнулъ и прислушался къ разговору, въ который до тѣхъ поръ не вникалъ.

— Я вамъ говорю, господа, что съ этимъ народомъ нужно ухо востро держать. Чуть зазѣвайся только, сейчасъ «секимъ-башка!»—и пошли въ ходъ ножи. Вѣдь посмотрите вотъ, какъ пострадала ни въ чемъ неповинная, прекрасная дѣвушка!—такъ ораторствовалъ толстенькій офицерикъ съ добродушнымъ открытымъ лицомъ и уже сѣденькой бородкой.

Въ мгновеніе ока я былъ подлѣ него.

— Что съ ней случилось, капитанъ, Бога ради, что такое?..

Я видѣлъ, какъ мои товарищи усиленно моргали офицеру глазами, громко сморкались, кашляли, но онъ ничего этого не замѣчалъ и съ большой любезностью согласился повторить мнѣ свой разсказъ.

— Да развѣ вы не слышали объ исторіи, которая произошла въ Халдеевскомъ этапѣ? Это второй отсюда этапъ.

— Ничего не слышалъ.

— Черкесы взбунтовались въ партіи и давай полосовать русскихъ ножами. А одинъ желѣзными наручнями какъ ударилъ Елену N. по головѣ,—такъ, говорятъ, полчерепа и отхватилъ!

Весь міръ завертѣлся въ моихъ глазахъ, и я, какъ снопъ, по-

валился на землю. Когда я очнулся, товарищи и самъ простодушный капитанъ, уже знавшій о томъ, что онъ разсказывалъ мнѣ о моей-же невѣстѣ, стали меня успокоивать и утѣшать.

— Да вы-же не дослушали меня, смущенно объяснялъ маленькій капитанъ:—я не сказалъ вѣдь, что она умерла... Да и насчетъ полчерепа-то я это такъ, для картинности больше, такъ сказать, выразился... Ну, какіе тамъ полчерепа! Кожу только оцарапалъ немного... Увѣряю васъ, она жива и здорова.

Но успокоить меня, разумѣется, было не такъ-то легко, тѣмъ болѣе, что кобылка, до которой также дошелъ слухъ о бунтѣ черкесовъ, разсказывала исторію совсѣмъ иначе: черкесы, будто-бы, ворвались ночью въ камеру женщинъ, и послѣднія спасены были только подоспѣвшимъ конвоемъ, убившимъ нѣсколькихъ азіатовъ на мѣстѣ; въ свалкѣ была, будто-бы, ранена и одна женщина... Понятно, что подобная версія могла лишь еще больше встревожить и напугать меня. Во снѣ и на яву грезилась мнѣ Лена, блѣдная, истекающая кровью, и минуты казались длинными, нескончаемыми часами.

Только прибывъ черезъ двое сутокъ на Халдеевскій этапъ, я могъ самъ убѣдиться въ преувеличенности своихъ тревогъ и опасеній. Напугавшій меня добродушный капитанъ немедленно привелъ ко мнѣ начальника халдеевской команды, и тотъ лично завѣрилъ меня, улыбаясь, что невѣста моя жива и вполнѣ здорова. Дѣло было такъ. Одинъ изъ черкесовъ повздорилъ съ русскимъ арестантомъ и такъ сильно пырнулъ ножомъ въ животъ, что нѣсколько дней спустя тотъ умеръ, но за то и самъ былъ раненъ въ голову. Елена съ подругой пошла перевязывать раненыхъ, и въ это-то время разъяренный горецъ (повидимому, сумасшедшій), поднявъ обѣ руки, закованныя въ наручни, хотѣлъ ударить ими по головѣ одну изъ дѣвушекъ, но не Лену. Однако, послѣдняя подскочила и подставила подъ ударъ свою руку. Ударъ пришелся немного ниже локтя. Крови вытекло довольно много, но рана оказалась неопасной и скоро зажила. Этотъ разсказъ подтвердили и солдаты халдеевской команды и старикъ-каморщикъ; сомнѣваться въ его вѣрности было невозможно.

— И вѣдь какая веселая барышня,—неизбѣжно прибавляли всѣ разсказчики:—еще смѣется послѣ этого! Ей говорятъ: «Не подходите впередъ на сто шаговъ къ этому звѣрью». А она: «Не бѣда,—говоритъ,—видно, очень ужъ раздражили его, бѣднаго. На его мѣстѣ, можетъ быть, и вы бы хватили перваго встрѣчнаго». И что же вы думаете? Нарочно ходила послѣ того къ дверямъ секретной, куда засадили черкеса, и спрашиваетъ его: «За что ты ударилъ меня? Я тебѣ же рану хотѣла перевязать». Ну, онъ—звѣрь, такъ звѣрь и есть: глядитъ исподлобья, ровно съѣсть хочетъ... «Бѣдные» они! Вздернуть бы ихъ всѣхъ на первой осинѣ—и вся недолга!

А напугавшій меня старичекъ-капитанъ, весело потирая руки, все говорилъ мнѣ:

— Ну, вотъ видите... А то полчерепа! Эка, батенька, влюблен-

ное-то воображеніе что нарисуетъ! Хе-хе-хе... ужъ извините меня за откровенность.

Онъ, очевидно, и забылъ уже, что нарисовало это не мое, а его собственное, нимало не влюбленное воображеніе.

Только въ Ачинскѣ, 7 сентября, получилъ я впервые извѣстіе отъ самой Лены, телеграмму изъ Красноярска: «здорова, жду». Это были для меня дни, полные какого-то блаженнаго опьяненія. Послѣдніе станки, не смотря на тяжелыя кандалы и непривычку къ ходьбѣ, я почти не присаживался на подводу и шелъ, не чувствуя утомленія, по двадцати верстъ пѣшкомъ, если-же и садился, бывало, отдохнуть, то немедленно вскакивалъ на ноги: мнѣ все казалось, что подводы двигаются слишкомъ медленно, и я спѣшилъ туда, гдѣ впереди партіи шли лучшіе изъ каторжныхъ ходоковъ.

Въ Красноярскъ мы прибыли, какъ сейчасъ помню, въ яркій солнечный день 16 сентября. Какъ сквозь туманъ помню прощаніе съ товарищами предшествующей партіи, стоявшими у воротъ тюрьмы и въ этотъ поздній часъ только что собиравшимися выступить въ дальнѣйшій путь. Почти каждый изъ нихъ, улыбаясь, пожималъ мнѣ руку и поздравлялъ съ тѣмъ, что сейчасъ я увижусь, наконецъ, съ Еленой. А я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и лишь машинально отвѣчалъ на всѣ предлагаемые мнѣ вопросы. Рѣшительно не припомню, какъ это случилось, что я очутился во дворѣ тюрьмы, когда остальная партія оставалась еще за воротами; я взбѣжалъ на указанное мнѣ кѣмъ-то тюремное крыльцо, спотыкаясь и путаясь въ гремящихъ кандалахъ, и тутъ-же въ дверяхъ столкнулся съ блѣдной, худенькой дѣвушкой, принявшей меня въ объятія... Когда я очнулся, мы сидѣли уже въ маленькой коморкѣ, въ которой жила Елена, и бесѣдовали. Разсказывать-ли, впрочемъ, о томъ, что эта первая бесѣда послѣ двухъ слишкомъ лѣтъ разлуки скорѣе походила на бредъ больныхъ или на смущенный лепетъ дѣтей, чѣмъ на разговоръ взрослыхъ. Я долго стѣснялся снять свою арестантскую шапку и показать Еленѣ бритую голову, но она сама ее обнажила и поцѣловала... Затѣмъ, какъ у Некрасова въ «Русскихъ женщинахъ»—помните?—она стала неожиданно на колѣни и приложила къ губамъ также и желѣзныя кольца моихъ цѣпей... Я такъ былъ пораженъ и такъ пристыженъ этимъ наивнымъ выраженіемъ любви и преданности, что долгое время не поднималъ ее съ полу и молчалъ.

Но довольно, довольно. Кажется, Данте сказалъ, что всего тяжелѣе въ минуты горя вспоминать дни блаженства. Вотъ и мнѣ теперь мучительно-больно дѣлать это. Буду поэтому кратокъ. Мы все время думали, что стоитъ мнѣ немедленно креститься, и намъ позволятъ обвѣнчаться, и мы уже не разстанемся больше. И какъ мы были поражены, когда узнали, что каторжнымъ позволяютъ жениться лишь по окончаніи какого-то тамъ испытуемаго и исправляющаго срока, и что для меня этотъ срокъ—семь лѣтъ!.. Иркутскъ былъ конечнымъ пунктомъ, до котораго намъ предстояло идти въ одной партіи, и новая раз-

лука наша, разлука на цѣлыхъ семь лѣтъ, отсрочивалась всего на два мѣсяца!.. Блаженные и вмѣстѣ страшные это были мѣсяцы, страшные тѣмъ, что съ каждымъ днемъ мы все яснѣе должны были чувствовать приближеніе Дамоклова меча къ нашему счастью. Часа прощанья я никогда не забуду, во всю жизнь. Въ Иркутскѣ мы, по обычаю, посажены были въ различныя отдѣленія, я—въ мужское, Елена—въ женское, которое было гдѣ-то на другомъ дворѣ. Свиданія давались только неоффиціально, во время прогулокъ по тюремному садику. Все говорило о близкой разлукѣ, все наводило на мрачныя размышленія и предчувствія. И разлука подошла совершенно неожиданно. Разъ вечеромъ, въ половинѣ декабря, къ воротамъ тюрьмы подкатила тройка, и меня пригласили въ тюремную кузницу для заковки въ кандалы (передъ тѣмъ врачъ распорядился временно расковать меня). Многаго стоило мнѣ уломать смотрителя привести туда же и Елену, чтобъ мы могли проститься,—я грозилъ въ противномъ случаѣ устроить скандалъ, оказать сопротивленіе... Угроза подѣйствовала, и въ то время, какъ я сидѣлъ на полу кузницы, а кузнецъ возился около меня съ молоткомъ, заклепывая наглухо кандалы, я услышалъ знакомые шаги, торопливые и нервные, и вошла блѣдная, разстроенная Елена... Что это была за тяжелая сцена! Мы точно помѣнялись въ этотъ вечеръ нашими обычными ролями: прежде я все время былъ унылъ и мраченъ, Елена же бодра и весела на видъ; ея вѣчный серебристый смѣхъ и кажущаяся беззаботность насчетъ будущаго порой даже раздражали мнѣ нервы... Но теперь было иначе: въ виду такъ неожиданно нагрянувшей и ничѣмъ неотвратимой бѣды я чувствовалъ себя отважнымъ и веселымъ, я говорилъ слова утѣшенія и надежды, а въ затуманенныхъ, потемнѣвшихъ глазахъ Елены, блѣдной и молчаливой, дрожали все время крупныя, свѣтлыя слезы... Признаюсь, до тѣхъ поръ я ни разу въ жизни не видѣлъ этой дѣвушки плачущей... Изъ кузницы она пошла провожать меня и за ворота тюрьмы—смотритель не счелъ почему-то нужнымъ протестовать. Стоялъ торжественно-тихій декабрьскій вечеръ; звѣздъ на темномъ небѣ горѣло видимо-невидимо... Когда я сѣлъ, наконецъ, въ повозку, рядомъ съ двумя усатыми конвоирами, продрогшая тройка почти сразу дернула и сумасшедшимъ галопомъ помчалась въ снѣжную даль! Обернувшись, я долго кричалъ что-то Еленѣ, не помню что: мнѣ все казалось, что между нами осталось что-то недосказанное, невыясненное и въ то-же время необыкновенно важное... Должно быть, я кричалъ какіе-нибудь пустяки. Долго еще различалъ я въ сумракѣ звѣздной ночи, какъ возлѣ бѣлой тюремной стѣны, у фонаря, стояла дорогая фигурка, молчаливо и грустно поникшая...

Штейнгартъ замолчалъ, и я чувствовалъ, что спазмы душатъ ему горло, что вотъ онъ не выдержитъ и разразится рыданіями. У меня самого не отыскивалось утѣшающихъ словъ. Я спросилъ:

— А вы знали, разлучаясь, что вамъ не позволятъ вести оффиціальную переписку?

— Да, конечно, знали, хотя на всякій случай (который, какъ видите, и представился) Елена обѣщала изрѣдка писать. Вообще-же, мы условились переписываться через одну изъ моихъ тетокъ, женщину образованную и давно посвященную въ наши отношенія. Живетъ она въ Минскѣ. И такъ подумайте, Иванъ Николаевичъ, черезъ сколько времени я буду получать извѣстія объ Еленѣ, а она обо мнѣ? Не раньше, какъ въ пять мѣсяцевъ письмо совершитъ это кругосвѣтное путешествіе! Но что-же подѣлаешь. Лучезарову за передачу этого письма я, во всякомъ случаѣ, ужасно благодаренъ; должно быть, и его оно тронуло... А если бы вы знали, какое значеніе для меня имѣетъ это письмо! Оно просто возрождаетъ меня, кореннымъ образомъ мѣняетъ тѣ намѣренія, съ какими я возвращался сегодня въ камеру съ повѣрки... Тогда я ясно чувствовалъ, что не смогу вынести подобный режимъ, не смогу, какъ баранъ, подчиняться всѣмъ этимъ штукамъ; теперь же... видите-ли, въ чемъ дѣло, Иванъ Николаевичъ. Елена требуетъ во имя нашей любви, чтобъ я вытерпѣлъ здѣсь все, что только не затронетъ основныхъ устоевъ моей души, моего человѣческаго достоинства,—и я думаю, что обязанъ исполнить это ея желаніе.

— Такъ вотъ въ чемъ секретъ, что Лучезаровъ передалъ вамъ это письмо!—неосторожно пошутилъ я.

Штейнгартъ задумался.

— Да, пожалуй, что вы и правы... Ну, да все равно! Я буду терпѣть все, что только не затронетъ основъ моей души, моего человѣческаго достоинства. Вѣдь вы-же терпѣли? *Они* терпятъ!

— Ну, объ нихъ мы еще успѣемъ поговорить, теперь не время... да и не мѣсто,—прибавилъ я по-французски:—вотъ Луньковъ, кажется, не спитъ.

Мы еще поболтали нѣкоторое время. Дмитрій выразилъ вслухъ удивленіе тому, что такъ разоткровенничался со мной и посвятилъ меня въ свою интимную жизнь.

— А развѣ вы жалѣете объ этомъ?

— О, нѣтъ! Что бы ни подумали вы обо мнѣ, не жалѣю.

— Не считайте меня очень недобрымъ человѣкомъ, Дмитрій Петровичъ! Вѣрьте, что именно съ этого вечера я полюбилъ васъ самымъ искреннимъ образомъ.

Дмитрій горячо пожалъ мою руку.

— Я это чувствовалъ!—сказалъ онъ задушевно:—мертвецъ надъ мертвецомъ не станетъ смѣяться... Знаете-ли, Иванъ Николаевичъ, мнѣ все время такъ и кажется, что это-то и есть такъ называемый «тотъ свѣтъ»—міръ, въ которомъ мы живемъ теперь съ вами. И я разсказывалъ вамъ сегодня о своей земной жизни, далекой и навѣкъ уже невозвратной!

Послѣ этого мы замолчали и рѣшили попытаться заснуть.

Но сонъ долго еще не шелъ къ намъ. Выслушанный разсказъ пробудилъ въ моей душѣ столько давно уснувшаго, позабытаго... Глубокая, жгучая тоска охватила меня... Штейнгартъ также до поздней ночи ворочался съ боку на бокъ на своей жесткой постели.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Л. Мельшинъ.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО.

(Изъ жизни русскихъ въ Америкѣ).

XVII.

Лѣто и осень пролетѣли незамѣтно. Подкрался конецъ октября, а съ нимъ и конецъ выставки. Опять застучали всюду молотки, и загромоздились ящики.

Но теперь эта работа не радовала Бунина. Съ каждымъ запакованнымъ экспонатомъ, съ каждымъ оконченнымъ ящикомъ приближался тотъ моментъ, когда онъ долженъ былъ остаться опять одинъ.

Всѣ знакомые его понемногу разъѣзжались изъ Чикаго. Гульдъ уже уѣхалъ въ Нью-Іоркъ устраивать тамъ новое университетское поселеніе. Марусю Неслову звалъ къ себѣ отецъ, который получилъ мѣсто на химическомъ заводѣ въ Нью-Іоркскомъ штатѣ. Шумская ѣхала на другую выставку въ Бостонъ.

Бунину тоже очень хотѣлось поѣхать въ Бостонъ, гдѣ онъ думалъ добиться личнаго свиданія съ Белами, но онъ зналъ, что Шумская не можетъ пригласить его. Той же небольшой суммы, которую онъ скопилъ, хватало только на переѣздъ до Бостона, а тамъ онъ очутился бы безъ гроша. Волей-неволей пришлось остаться въ Чикаго и ждать работы.

Въ тотъ день, когда онъ проводилъ на вокзалъ Лидію Павловну и Марусю, онъ вернулся домой въ мрачномъ настроеніи. Ему тяжело было разставаться съ ними. Шумская смотрѣла серьезно и участливо и крѣпко пожала ему руку на прощанье. Ей было жаль, что онъ не ѣдетъ съ нею, лучшаго помощника она бы не желала. Но пока это невозможно.

Маруся, веселая и оживленная, увѣряла, что у нея предчувствіе, что они опять скоро встрѣтятся. Она ободряющимъ, ласковымъ взглядомъ смотрѣла на него изъ окна вагона и долго ему кланялась. Онъ шелъ за поѣздомъ до тѣхъ поръ, пока милое личико не скрылось изъ глазъ.

Въ семьѣ Робертса, рабочаго, у котораго жилъ Бунинъ, дѣла тоже шли плохо. Дочь его, Кэрри, лишилась работы, такъ какъ фабрика, на которую она работала, временно за-

крылась въ ожиданіи плохого финансоваго года. Жена его хворала. Самъ Робертсъ, высунувъ языкъ, бѣгалъ за работой. Управляющій требовалъ уплаты денегъ за квартиру за мѣсяцъ впередъ, а иначе угрожалъ выгнать ихъ на улицу.

Жизнь вмѣстѣ, изо дня въ день, крѣпко связываетъ людей, и въ семьѣ Робертса Бунина считали своимъ человѣкомъ. М-съ Робертсъ всегда сберегала для него самые лакомые кусочки, а молоденькая, до прозрачности блѣдная Кэрри не скрывала своей особенной симпатіи къ нему. Со старикомъ Робертсомъ Бунинъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и, когда тотъ сказалъ ему о затрудненіи съ квартирой, Бунинъ, не задумываясь, предложилъ ему заплатить за свое содержаніе за мѣсяцъ впередъ. До сихъ поръ онъ платилъ понедѣльно. Такимъ образомъ опасность была на время устранена. Но Бунинъ отдалъ болѣе половины своего сбереженія.

Теперь и онъ присоединился къ Робертсу—нужно было не зѣвать и, во что бы то ни стало, найти какое нибудь дѣло. Они вмѣстѣ обѣгали всѣ конторы и бюро, достающія работу. Но тамъ все было такъ переполнено, столько народу записано раньше ихъ, что Робертсъ прямо сказалъ: «Мы умремъ съ голоду прежде, чѣмъ получимъ черезъ нихъ работу. Пойдемъ на улицу, тамъ скорѣе можетъ навернуться случай».

Улица смотрѣла уныло и непривѣтливо. Рѣзкій осенній вѣтеръ дулъ съ озера, поднимая съ мостовой цѣлые столбы пыли. Бурыя облака ползли по небу, то зловѣще хмурясь, то разрываясь на косматые, грязные клочья.

Веселая толпа, еще такъ недавно оживлявшая Чикаго, точно сгинула. Теперь, на смѣну ей, выползли на улицу убогіе, жалкіе люди, съ щетинистыми подбородками, въ порыжѣлыхъ и выцвѣтшихъ не то пиджакахъ, не то кацавейкахъ, угрюмые и сердитые. Грязные оборванцы толпились по цѣлымъ днямъ у кабаковъ — теперь они ненужны были даже для чистки улицъ. Вяло и неповоротливо переступали они съ ноги на ногу, безнадеждно глядя на свѣтъ Божій ввалившимися глазами.

Кто бы повѣрилъ, что это американскіе рабочіе? Гдѣ же ихъ энергія? Куда дѣвались знаменитые рыцари труда?

И Бунинъ начиналъ осаждать вопросами Робертса.

— Неужели нѣтъ исхода, нѣтъ средства помочь? Развѣ они не принадлежатъ къ рабочимъ союзамъ?

— Видите-ли,—отвѣчалъ вдумчиво Робертсъ,—когда человѣкъ свалился внизъ, подъ гору, ему трудно подняться. Нуженъ какой-нибудь особенный толчокъ, чтобы онъ встрепенулся. Ну, сами подумайте, что такое рабочій безъ работы? Все равно, что телѣга безъ колеса, тѣло безъ головы. Посмотрите, какъ у нихъ руки опустились, висятъ точно плети.

Вѣдь это не шутка, по себѣ знаете. Работа—основа жизни. Работы нѣтъ, и вся жизнь приходитъ въ разстройство. Въ Чикаго многіе пріѣхали, а нѣкоторые и пѣшкомъ пришли, изъ дальнихъ мѣстъ. Понадѣялись на выставку, да вотъ и застряли. Осмотрятся, познакомятся, можетъ быть, что-нибудь и надумаютъ.

Бунинъ смотрѣлъ на этихъ истощенныхъ, блѣдныхъ людей съ тупой безнадежностью во взорѣ, и самъ заражался ихъ тоской, ихъ отчаяніемъ. Теперь онъ вполнѣ понималъ ихъ.

Онъ не только «вложилъ руку въ раны», онъ самъ чувствовалъ эти раны. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ заработывалъ хлѣбъ въ потѣ лица, онъ понялъ смыслъ труда. Кромѣ того, что работа кормила его, она давала ему такое нравственное удовлетвореніе, что безъ нея онъ чувствовалъ себя точно оторваннымъ отъ жизни, точно не имѣющимъ права жить.

Тѣ немногіе рабочіе, которые были заняты на выставкѣ, приносили оттуда неутѣшительныя вѣсти. Тамъ шло разрушеніе того, что создали эти «висѣвшія, какъ плети, руки». Зданіе за зданіемъ рушилось. Подавленный ропотъ пробѣгалъ по разбросаннымъ группамъ безработныхъ при каждомъ новомъ извѣстіи. Что-то оскорбительное для себя чувствовали они въ этомъ «капризѣ богачей».

— Захотѣли—построили, захотѣли—разрушили,—ворчалъ Робертсъ, ежась отъ холода у дверей кабака.—Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки. Небось, сами-то удрали за границу, катаются теперь по Парижамъ да по Лондонамъ, денежки американскія протрясаютъ. А что дома творится, до этого имъ дѣла нѣтъ. Будь они прокляты!

Робертсъ никогда не говорилъ, кто «они», но Бунинъ и не спрашивалъ. Онъ уже привыкъ понимать своего пріятеля съ полуслова. Съ тѣхъ поръ, какъ судьба перебросила его изъ привилегированнаго класса въ рабочій, въ немъ самомъ началъ возникать особый складъ мысли. Та наклонность къ критикѣ, которая прежде направлялась на него самого, теперь обращалась на разборъ людскихъ отношеній.

Разъ, утромъ, когда вся семья еще сидѣла за завтракомъ, Робертсъ, встававшій раньше всѣхъ и уходившій по дѣламъ, неожиданно вошелъ въ кухню.

— Слышали,—сказалъ онъ, садясь къ столу и принимаясь за овсянку.—Вчера на выставкѣ былъ страшный пожаръ. Сгорѣло все до тла. Я сейчасъ проходилъ по городу, народъ всюду заволновался. Ужъ очень ихъ это ошарашило.

— А что?—спросилъ Бунинъ.—Развѣ поджогъ?

— Говорятъ, дѣло несовсѣмъ чисто—пожаръ на руку компаніи, строившей выставку и обязавшейся снести зданія.

— Вотъ вамъ и еще гурьба безработныхъ! — со вздохомъ сказала м-съ Робертсъ.

— Да, огонь сдѣлалъ свое дѣло и платы за свой трудъ не требуетъ,—замѣтилъ насмѣшливо Робертсъ.—Тоже выгода, только не въ нашъ карманъ. А намъ съ вами,—обратился онъ къ Бунину,—небольшая работа навертывается.

— Что вы? Какая?—радостно воскликнулъ Бунинъ.

— Знаете, что значитъ сандвичменъ?

— Нѣтъ.

— Ну, какъ-же, развѣ не видали—идетъ человѣкъ, а на спинѣ и на груди по огромной доскѣ съ объявленіями?

— Видалъ, конечно, но причемъ же тутъ сандвичъ? Вѣдь сандвичъ,—это два ломтя хлѣба съ мясомъ въ срединѣ?

— Да. А тутъ вмѣсто хлѣба—доска, вмѣсто мяса—человѣкъ. Его-то въ шутку и называютъ сандвичменъ.

— Другими словами—живой столбъ для объявленій.

— Да, и это, пожалуй, будетъ вѣрно.

— Не очень почетная обязанность, — протянулъ Бунинъ.

— Куда ужъ,—отвѣчалъ Робертсъ.—Послѣдній трампъ на нее идетъ. Да что подѣлаешь, когда ничего другого нѣтъ. Конечно, вы можете разбирать, вы человѣкъ одинокій, а у меня семья.

— Нѣтъ, я отъ васъ не отстану, — воскликнулъ задѣтый за живое Бунинъ, — все равно хуже одному безъ работы по улицамъ таскаться. А какого рода будетъ объявленіе?

Робертсъ водилъ пальцемъ по носу и казался смущеннымъ.

— Все бабьи бредни, — сказалъ онъ, наконецъ, почесывая за ухомъ и кивая въ сторону жены и дочери. Бунинъ зналъ, что онъ не былъ сторонникомъ женскаго вопроса.

— И сказать-то совѣстно, — продолжалъ старикъ, — вы вѣрно слыхали да и въ газетахъ читали, что наши барыни взбунтовались. Хотятъ носить турецкіе шаровары вмѣсто юбокъ и называютъ это костюмомъ XX вѣка. Такъ одинъ содержатель ресторана объявляетъ, что у него всѣ дѣвушки, прислуживающія въ ресторанѣ, будутъ носить костюмъ XX столѣтія. Это объявленіе мы и должны таскать.

Мистриссъ Робертсъ и Кэрри расхохотались и стали поддразнивать Робертса, что сама судьба въ наказаніе за то, что онъ противъ женщинъ, посылаетъ ему эту работу.

— Берегись, какъ-бы вамъ не попасться на глаза нашей м-съ Кэплеръ, вѣдь она засмѣетъ,—сказала м-съ Робертсъ.

— Не въ этихъ же трущобахъ мы будемъ ходить,—недовольнымъ тономъ отвѣчалъ Робертсъ. — Наше мѣсто на главныхъ улицахъ, на восточной сторонѣ.

Черезъ нѣсколько дней сто «живыхъ столбовъ» съ объявленіемъ о костюмѣ XX вѣка медленно двигались длинной ве-

реницей по Стэтъ-Стритъ, главной торговой улицѣ Чикаго. Двое изъ нихъ были Робертсъ и Бунинъ. Робертсъ хмурился и съ сердитымъ видомъ тяжело ступалъ крупными шагами. Сконфуженное лицо Бунина, еще не примѣнившагося къ этой новой «превратности судьбы», робко выглядывало изъ-за доски.

Впрочемъ, смущеніе Бунина продолжалось недолго. Онъ скоро убѣдился, что прохожіе читаютъ объявленіе на его груди и на спинѣ, но совсѣмъ не смотрятъ на него самого. Никто даже не замѣчалъ его, какъ будто между двумя досками человѣка не было, а былъ только столбъ. Это равнодушіе прохожихъ доставляло Бунину удовольствіе. Онъ чувствовалъ, что страдалъ бы подъ любопытными взглядами. Къ его счастію, всѣхъ гораздо болѣе интересовалъ костюмъ XX вѣка, чѣмъ человѣкъ XIX столѣтія, обращенный въ столбъ.

Бунинъ скоро успокоился. Отчасти его облегчало также сознаніе, что онъ не одинъ, что 99 человѣкъ раздѣляютъ его участь. Онъ старался идти какъ можно ближе къ Робертсу, воркотня котораго, выражавшая отчасти его собственныя мысли, была ему пріятна.

Бунинъ шагалъ и думалъ, думалъ и шагалъ.

По временамъ имъ встрѣчалась другая вереница такихъ же живыхъ столбовъ, съ именемъ великаго актера или знаменитой пѣвицы на груди и на спинѣ. Очевидно, великосвѣтская жизнь шла своимъ чередомъ.

Изрѣдка проносились блестящіе экипажи случайно оставшихся въ Чикаго богачей, съ небрежно развалившимися дамами. Когда Бунинъ сторонился передъ ними, гдѣ-нибудь на перекресткѣ, и взглядъ его падалъ на эти спокойныя, самодовольныя лица, новое, странное чувство закипало въ груди «живого столба». Вся неправда людскихъ отношеній становилась для него реальнѣе, осязательнѣе. То, что прежде было подернуто туманомъ неясныхъ, оторванныхъ отъ жизни теорій, теперь становилось ясно, какъ день. Чѣмъ Робертсъ, умный, разсудительный Робертсъ, хуже этой пустышки, задирающей носъ въ своей коляскѣ? Да и онъ, Бунинъ, чѣмъ онъ хуже нея? Съ какимъ презрѣніемъ она на него взглянула. Еще бы, несчастный сандвичменъ!

Бунинъ отстранилъ переднюю доску и окинулъ критическимъ взглядомъ свое платье. Оно, незамѣтно для него самого, за послѣднее время страшно износилось. Солнце, дождь и пыль обратили пиджакъ изъ сѣраго въ бурый. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣлись дыры, карманы оттопырились, точно распухли. Панталоны, протертые на колѣняхъ, были оборваны внизу. На сапогахъ наросла грязь.

— Любуетесь на себя, — раздался шутливый голосъ Ро-

бертса, который подошелъ къ нему совсѣмъ близко.—Ничего, вы настоящій сандвичменъ, какъ слѣдуетъ.

Слова эти не представляли большого утѣшенія. Бунинъ опять зашагалъ. Обрывки мыслей полились въ головѣ, назойливо напрашивались итоги его пребыванія въ Америкѣ. Что сдѣлалъ онъ? Въ чемъ подвинулся впередъ?

Какъ въ туманѣ помнитъ онъ свой первый дебютъ на красильной фабрикѣ. Обширный дворъ, группа рабочихъ, мелькающая передъ глазами лебедка, полѣнья, бревна... А тамъ, дальше, точно заснулъ тихій заливъ подъ лучами палящаго солнца... Руки болятъ отъ непривычной работы, спину ломитъ, потъ льетъ съ лица... Но на душѣ легко. Да, это пріятное воспоминаніе. Не смотря на то, что спину ломило и руки болѣли, онъ чувствовалъ себя очень хорошо.

А потомъ? Потомъ было что-то странное. Точно онъ влѣзалъ въ разныя шкуры и опять вылѣзалъ изъ нихъ. Вотъ онъ сразу въ трехъ шкуркахъ — судомойки, лакея и повара. А тамъ работа на выставкѣ, и еще новая шкурка—прикащичья. Развѣ онъ не былъ прикащикомъ въ кустарномъ отдѣлѣ? Развѣ не испыталъ, что значитъ стоять за прилавкомъ и торговать, не прошелъ цѣлый рядъ новыхъ понятій и ощущеній?

И вотъ, теперь онъ, наконецъ, «живой столбъ». Эта мысль показалась ему до того смѣшною, что онъ громко расхохотался. Ѣхалъ за ассоціаціей Белами, а обратился въ «живой столбъ»! Чортъ знаетъ, что такое...

Бунину вспомнился чудакъ Вейнштейнъ съ его поразительной изобрѣтательностью и политическими папиросами. Вспомнился Карнауховъ, стремящійся разбогатѣть, мечтающій о грандіозныхъ предпріятіяхъ, а въ дѣйствительности продающій клюквенный квасъ и сидящій по цѣлымъ днямъ въ смрадной кухнѣ. А рядомъ съ нимъ эта женщина съ ненасытнымъ тщеславіемъ, живущая какою-то эфемерною общественною жизнью. Странные люди, странная жизнь! Ихъ стремленія и цѣли непонятны ему. Ему ближе тѣ, другіе, что освѣщаютъ мракъ жизни, какъ звѣзды ночное, темное небо. Вотъ онѣ, эти чистыя души — Гульдъ, Шумская, старикъ, проповѣдующій всеобщій миръ, Маруся... Боже! Маруся!

Горячей волной прилила кровь къ сердцу Бунина при мысли о ней. «Живой столбъ» дрогнулъ живымъ человѣческимъ чувствомъ.

XVIII.

Они нанялись на двѣ недѣли. Первую недѣлю Робертсъ хотя и ворчалъ, но переносилъ довольно терпѣливо. Къ концу

второй—терпѣніе его лопнуло. Онъ говорилъ Бунину, что чувствуетъ себя, какъ собака на цѣпи.

Дѣло въ томъ, что за это время безработные начали выходить изъ апатичнаго состоянія и проявлять признаки жизни. Пожаръ на выставкѣ произвелъ на рабочихъ сильное впечатлѣніе. У сотенъ изъ нихъ, разсчитывавшихъ еще на мѣсяцъ, другой работы, прямо отняли кусокъ ото рта. И вотъ, со дня пожара, точно занесенная оттуда, разгоралась въ ихъ душахъ искра недовольства.

Рабочіе, вернувшіеся съ выставки, всѣми силами раздували ее разсказами о разныхъ несправедливостяхъ и подвохахъ. Всюду начали собираться группы, толковали, возмущались...

Робертсъ, привыкшій принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, страдалъ отъ невозможности примкнуть къ товарищамъ и проклиналъ костюмъ XX столѣтія, на чемъ свѣтъ стоитъ.

Наконецъ, въ субботу, въ 12 часовъ дня, срокъ кончился. Робертсъ и Бунинъ освободились.

Робертсъ въ тотъ же день шелъ на собраніе безработныхъ и звалъ Бунина съ собой. Но Бунинъ отказался. Онъ былъ страшно радъ, что обратился изъ «столба» опять въ человѣка. Ему захотѣлось хоть ненадолго отрѣшиться отъ этой «борьбы за кусокъ хлѣба» и провести хоть день по своему. Въ немъ вдругъ проснулось желаніе почитать, узнать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, и онъ прямо отправился въ общественную библіотеку.

Но онъ недолго просидѣлъ тамъ. Онъ отсталъ, отвыкъ читать. Его тянуло на воздухъ. Онъ вышелъ изъ библіотеки и направился къ набережной.

День былъ ясный. Озеро, тихое и спокойное, отдыхало послѣ ряда бурныхъ дней. По синей поверхности его перебѣгали блестящія, серебристыя искры. Необъятная масса воды безконечно тянулась куда-то, сливаясь съ небомъ вдали. Противоположнаго берега не было видно.

Бѣлое, легкое, какъ пушокъ, облако тихо плыло по небу и скоро исчезло, растаявъ въ голубой вышинѣ. У берега чуть слышно плескалась волна. Кое-гдѣ рѣяли чайки.

— Экая прелесть!—сказалъ Бунинъ и вздохнулъ полной грудью. Ему вспомнился день пріѣзда его въ Америку. Онъ былъ такой же ясный. Бунинъ побрелъ по набережной, съ наслажденіемъ подставляя лицо подъ свѣжій, чуть замѣтный вѣтерокъ.

Впереди, на нѣкоторомъ разстояніи, темнѣло огромное зданіе изъ дикаго камня. Это былъ Дворецъ Искусствъ. Бунинъ подумалъ, что еще ни разу тамъ не былъ и пошелъ къ нему. Онъ точно не зналъ, что дѣлать со своею свободой.

По обѣимъ сторонамъ широкой лѣстницы виднѣлись огромныя объявленія. Онъ подошелъ ближе и, не смотря на свою близорукость, еще за нѣсколько шаговъ прочелъ крупную надпись: «Соціальный Вопросъ».

Вотъ и отлично, безплатная лекція. Какъ разъ кстати.

Вблизи онъ увидѣлъ, что лекція читается сегодня, въ 3 часа пополудни. Теперь 2 часа, значитъ, скоро откроютъ двери. Онъ рѣшилъ подождать, сѣлъ на ступени лѣстницы и открылъ газету.

Но не успѣлъ онъ прочитать и нѣсколькихъ словъ, какъ кто-то тронулъ его за плечо. Онъ оглянулся—позади него стоялъ огромный рыжій полисменъ.

— На ступеняхъ сидѣть не позволяется,—сказалъ онъ.

Бунинъ послушно всталъ и пошелъ опять по набережной, читая газету. Но ему пришлось скоро бросить. Его безпрестанно толкали обгонявшіе его рабочіе. На набережную съ разныхъ сторонъ стекался народъ. Онъ вспомнилъ о митингѣ. Не пойти-ли лучше туда? Но нѣтъ, его больше тянетъ на лекцію. Онъ повернулъ назадъ.

Въ это время широкія двери Дворца Искусствъ отворились. Рыжій полисменъ важно стоялъ у дверей и слѣдилъ за входившими. Бунинъ взбѣжалъ на ступени и пошелъ за тѣснившеюся у входа толпой.

Онъ уже хотѣлъ войти въ гостепріимно-раскрытыя двери, когда опять почувствовалъ прикосновеніе къ своему плечу. Онъ оглянулся и встрѣтилъ сердитый взглядъ полисмена. Тотъ стоялъ, повелительно вытянувъ руку и указывалъ пальцемъ на небольшую дощечку, прибитую слѣва, у дверей. Бунинъ прочелъ: «Трампамъ входъ воспрещенъ», и хотѣлъ пройти дальше, думая, что это его не касается, но полисменъ уже грубѣе схватилъ его за плечо.

— Трампамъ входъ воспрещенъ, развѣ не видите?—сердито воскликнулъ блюститель порядка, отстраняя его отъ двери.

Бунинъ былъ пораженъ. Такъ это его полисменъ принимаетъ за трампа! Онъ въ смущеніи щипалъ свою отросшую за послѣднее время бороду и оглядывалъ платье. Да, несомнѣнно, въ этомъ вся причина. Платье истаскано и грязно, сапоги въ дырахъ. Какъ могъ онъ такъ опуститься? Да вѣдь ужъ который мѣсяцъ онъ носитъ это платье. Грязная работа, пыль, тасканье по улицамъ во всякую погоду. Никакое платье не выдержитъ.

Проходившая чистая публика сторонилась отъ него. «Чистота—роскошь», вспомнились ему чьи-то слова.

— Трампъ! Вредный членъ общества! Жгучее чувство обиды проникало въ его душу. Онъ вспомнилъ строгія правила о бродягахъ, вывѣшанныя на дверяхъ полицейской стан-

ціи. По закону онъ подлежитъ заключенію въ тюрьму. Какъ незамѣтно перешолъ онъ ту границу, которая отдѣляетъ рабочаго отъ бродяги! Какъ неуловимъ этотъ переходъ. Вѣдь, вѣроятно, всѣ тѣ оборванцы, которые еще недавно такъ удивляли его, точно такъ же, незамѣтно для самихъ себя, спустились ни эту послѣднюю ступень.

Бунинъ стоялъ на верху лѣстницы, ведшей во Дворецъ Искусствъ и колебался. Ему было страшно непріятно подчиниться грубому приказанію полисмена. Можетъ быть, не обращать на него вниманія и попробовать еще разъ войти? Вѣдь лекція публичная... Но стоитъ-ли унижаться? Не лучше-ли пойти на митингъ?

Съ мѣста митинга безработныхъ, переливаясь широкими волнами, несся уже давно неясный гулъ и рокотъ. Бунинъ сталъ прислушиваться. Въ этомъ сдержанномъ говорѣ многотысячной толпы ему чувствовалась непонятная, притягательная сила.

— Го! Го! Го!—могучимъ взрывомъ раздалось привѣтствіе толпы кому-то.

Бунинъ заволновался. Нѣтъ, не здѣсь, въ стѣнахъ обособленнаго мірка сытыхъ и чистенькихъ людей, а тамъ, въ средѣ бѣдняковъ, долженъ онъ учиться жить. Тамъ его мѣсто.

Бунинъ сбѣжалъ со ступеней Дворца Искусствъ, не обративъ никакого вниманія на раздавшійся за нимъ ироническій хохотъ, и бѣгомъ же пустился по набережной, къ статуѣ Колумба, у которой былъ назначенъ митингъ безработныхъ.

Вся небольшая площадка передъ статуей Колумба сплошь чернѣла народомъ. Тѣ, которые не помѣстились на площадкѣ, толпились въ сосѣднихъ улицахъ. На набережной также тянулся длинный хвостъ, къ которому примкнулъ и запыхавшійся Бунинъ.

Толпа стихала. По напряженному выраженію лицъ, вытянутымъ шеямъ и усиленному движенію къ центру, Бунинъ понялъ, что всѣ стремились разсмотрѣть оратора, который долженъ былъ начинать. Бунинъ тоже изо всѣхъ силъ напрягалъ зрѣніе, но никого не было видно. Эстрада, устроенная изъ пустыхъ бочекъ и нѣсколькихъ досокъ, была, очевидно, слишкомъ низка. Нѣсколько человѣкъ копошились у самой статуи Колумба, что-то громоздили и подстраивали.

Вдругъ вся толпа копыхнулась и будто замерла.

На эстрадѣ стояла маленькая, сухенькая женщина, лѣтъ подъ 60, въ простомъ сѣромъ платьѣ и бѣлой косынкѣ, скромно сложивъ руки и опустивъ глаза. Изъ подъ сѣраго квакерскаго чепчика выбивались серебристые локоны, обрамляя блѣдное, худое лицо съ мелкими чертами.

— Кто это?—спросилъ Бунинъ сосѣда.

— Издательница «Трибуны», Кэтъ Моррисъ.

Она подняла глаза—они казались слишкомъ велики для ея маленькаго лица.

— Братья во Христѣ, привѣтъ вамъ!—раздался ея чистый и мягкій голосъ.—Братья! я пришла поговорить съ вами, какъ любящая сестра. Уже много дней слѣжу я за вами, много дней вижу тоску и отчаяніе на лицахъ вашихъ. Души ваши въ смятеніи. Вамъ трудно, я это знаю. Тяжело слышать стоны женъ и крикъ дѣтей, умоляющихъ о кускѣ хлѣба, и не имѣть его. Тяжело видѣть ихъ выброшенными на улицу въ холодъ и слякоть и не найти для нихъ крова. Страшно тяжело терять ихъ и знать, что они умираютъ отъ голода. Но еще тяжелѣе человѣку здоровому и сильному обратиться въ невольнаго бездѣльника, умолять о работѣ, какъ о величайшей милости, и всюду получать отказъ. Ужасно сознавать себя безпомощнымъ и безсильнымъ.

Рѣчь маленькой женщины дышала глубокимъ чувствомъ. Всѣ слушали ее, молчаливые и серьезные.

— Да, это страшно тяжело,—продолжала она.—Но, дѣйствительно-ли вы безсильны—вдругъ повысила она голосъ.—Можетъ-ли быть, чтобы тысячи разумныхъ существъ не нашли средства, какъ выйти изъ бѣды? Почему вы чувствуете себя безсильными? Братья! вы поддались слабости! Вы забыли Бога! Бога, которымъ дышетъ вся природа, Бога, который является намъ въ свѣтѣ солнца и во мракѣ ночи, въ шумѣ бури и въ ароматѣ цвѣтка, Бога, который живетъ въ душѣ каждаго изъ насъ, созданнаго по образу его и по подобію. Да, вы забыли Его. Братья, воспряньте духомъ—Богъ съ вами и за васъ!

Лицо маленькой женщины дышало вдохновеніемъ, глаза блестѣли и легкій румянецъ покрылъ ея старыя, блѣдныя щеки. Толпа точно притаила дыханіе. Каждое слово летѣло далеко, до послѣднихъ рядовъ.

Вдругъ маленькая женщина подняла высоко руки, точно на молитвѣ и повернулась лицомъ къ гиганту-городу, далеко разстилавшемуся въ три стороны передъ ея глазами.

— И ты, о городъ-чудо, Чикаго,—заговорила она съ одушевленіемъ,—ты, который безграничной смѣлостью и силой золота создалъ для міра на одинъ моментъ это прекрасное видѣніе—Бѣлый Городъ, исчезнувшее, какъ призракъ, но покрывшее тебя славою и унесшее имя твое далеко за моря, внемли теперь моему голосу. Ты еще не кончилъ. Твоей смѣлости предстоитъ другое дѣло, болѣе великое возстановленіе справедливости на землѣ! Вы, люди запада, люди Новаго Свѣта, дайте волю стремленіямъ вашего сердца, охватите міръ вашей мыслью и смотрите: передъ вами болѣе великое дѣло, болѣе

великій праздникъ! Это тотъ день, когда не будетъ нужды и страданія, себялюбія и жадности, когда плоды земли будутъ для всѣхъ и для каждаго, когда жизнь будетъ чище и счастливѣе, безъ угнетенія брата братомъ, безъ злобы, безъ преступленія, когда на землѣ водворится царствіе Божіе!

По мѣрѣ того, какъ маленькая квакерша говорила, весь обликъ толпы мѣнялся. Точно лучъ того вдохновеннаго свѣта, который сіялъ въ глазахъ ея, скользнулъ по мрачнымъ фигурамъ невольныхъ бродягъ и освѣтилъ ихъ. Когда она кончила, вся толпа рванулась къ ней ближе. Всѣ заговорили разомъ, задвигались, отовсюду неслись отрывистыя восклицанія. «Царствіе Божіе на землѣ!» — «Да вотъ что намъ нужно».—«Ура, Кэтъ Моррисъ»!—«Слава Чикаго!»—«Слава Америкѣ»!

У эстрады шла страшная давка. Всѣ рвались къ Кэтъ Моррисъ, всѣмъ хотѣлось пожать ей руку. Наконецъ, ее подхватили и, какъ перышко, унесли на рукахъ съ подмостковъ.

Говоръ усиливался, сливаясь въ неопредѣленный шумъ и гулъ. Надъ знаменитымъ городомъ понеслись далеко, вдоль озера, тѣ странные, грозные звуки, похожіе и на раскаты грома, и на ревъ морскихъ волнъ, которые могутъ разростись въ страшную бурю, но могутъ и стихнуть мгновенно, отъ ничтожной, случайной причины.

Такъ было и въ этотъ разъ.

Раздался стукъ палкой по пустой бочкѣ, призывавшій къ порядку, и любопытные взгляды тотчасъ-же обратились къ эстрадѣ.

Толпа опять стала стихать.

На подмостки съ трудомъ влѣзалъ толстякъ небольшого роста въ длиннополомъ сюртукѣ и приплюснутой шляпѣ, съѣхавшей на затылокъ. Высокій, совсѣмъ закрытый жилетъ подпиралъ красную шею. Округлое брюшко его могло служить отличной рекламой любому пивному заводу. Полное, лоснящееся лицо напоминало румяный блинъ, смазанный масломъ.

Онъ съ трудомъ скрестилъ пальцы короткихъ рукъ на животѣ, склонивъ голову на правую сторону и хитро прищуривъ маленькіе глазки, произнесъ:

— Вотъ и я!

Бунинъ, которому удалось пробраться ближе къ эстрадѣ, оглянулся на толпу позади него. За минуту передъ тѣмъ серьезныя и взволнованныя лица были неузнаваемы. Всѣ добродушно улыбались и съ любопытствомъ поглядывали на комическую фигуру на эстрадѣ.

«Ну, это ловкачъ»,—подумалъ Бунинъ.

— Вы хотите знать, кто я,—продолжалъ толстякъ, склоняя голову на лѣвую сторону и любовно глядя на толпу.—Я— другъ народа.

Онъ замолчалъ, ожидая взрыва аплодисментовъ и не ошибся. Въ толпѣ захлопали, и раздались одобряющіе возгласы.

— Да, я другъ народа,—продолжалъ толстякъ, смѣшно покачиваясь, то въ ту, то въ другую сторону.—Конечно, какъ истые янки, вы скажете мнѣ: Держитесь фактовъ; въ чемъ выражается эта дружба?.. Вотъ это я вамъ сейчасъ и объясню. Но, прежде всего, опредѣлимъ, что такое другъ народа? Тотъ-ли, кто, обѣщая ему разныя выгоды, втягиваетъ его въ опасность, или тотъ, кто избавляетъ его отъ опасности? Я думаю, что перваго можно назвать ложнымъ другомъ, а второго истиннымъ другомъ народа. Въ наше смутное время многіе придутъ къ вамъ и скажутъ: мы друзья народа. Но вѣрьте имъ съ осторожностью. Есть опасные люди. Они будутъ мутить вамъ головы фантастическими обѣщаніями, будутъ увѣрять, что всѣ люди равны, что всѣ имѣютъ одинаковыя права, что земля должна быть общая... и чертъ знаетъ какую ерунду. Не вѣрьте имъ, это смутьяны, которые разставляютъ вамъ западню, называемую соціализмомъ. Они увѣряютъ, что соціализмъ—религія будущаго, а я, какъ истинный и правдивый другъ народа, скажу вамъ, что соціализмъ давно отжилъ.

Въ толпѣ раздалось нерѣшительное шиканье.

— А, вы не вѣрите? Такъ я разскажу вамъ о томъ, что видѣлъ собственными глазами. Знаете-ли вы,—ораторъ возвысилъ голосъ,—что было съ соціализмомъ въ древнемъ Вавилонѣ? Онъ провалился. Знаете-ли вы, что случилось съ нимъ въ Греціи? Онъ провалился. Знаете-ли вы, какая участь постигла его въ древнемъ Римѣ? Онъ пррровалился.

Трудно описать энергію, съ какой ораторъ произнесъ послѣднія слова. Crescendo въ его рѣчи росло, все усиливаясь, и, наконецъ, дошло до такого forte, что Бунину вспомнился діаконъ, возглашающій многолѣтіе.

Пронзительный свистъ пронесся по тѣсно сплоченнымъ рядамъ безработныхъ. Толпа заволновалась и заворчала.

Но «другъ народа» не намѣренъ былъ терять моментъ.

— Вы, можетъ быть, думаете, что я утверждаю это голословно. Такъ я вамъ скажу, я *самъ* былъ очевидцемъ всего этого, *самъ* ѣздилъ въ Вавилонъ и въ Грецію, и въ Римъ, *своими* глазами видѣлъ всѣ эти развалины...

Онъ помахалъ въ воздухѣ толстыми растопыренными пальцами и съ грустью покачалъ головой, глядя куда-то въ пространство, какъ будто впереди видѣлъ только развалины.

— Но, можетъ быть, вы все еще не вѣрите мнѣ? Въ такомъ случаѣ, для не вѣрующихъ у меня есть свидѣтели. Дорогія дѣти мои—три дочери и одна племянница—сопровождали меня во всѣхъ моихъ путешествіяхъ. Маргарита, Лилія, Роза, Далія, взойдите сюда, мои милыя.

И вдругъ, откуда ни взялись четыре молоденькія дѣвушки въ свѣтлыхъ платьяхъ съ пышными рукавами, напоминавшими крылья. Онѣ легко вспорхнули на эстраду и стали полукругомъ вокругъ оратора. Въ толпѣ зааплодировали. Дѣвушки были такія хорошенькія, что дѣйствительно напоминали четыре цвѣтка.

— Теперь, молодыя лэди,—заговорилъ снова ораторъ,—на васъ лежитъ святая обязанность сказать этимъ сомнѣвающимся людямъ правду. Предложу вамъ три вопроса, которые все рѣшатъ. Первый вопросъ. Были-ли мы въ Вавилонѣ?

Всѣ четыре цвѣтка граціозно склонили головки.

— Второй вопросъ. Были мы въ Римѣ?

Опять утвердительный отвѣтъ со стороны хорошенькихъ головокъ.

— Третій вопросъ. Посѣтили-ли мы Грецію?

Цвѣты наклонили головки на этотъ разъ еще ниже и съ глубокимъ реверансомъ, подъ громкіе апплодисменты, удалились съ эстрады. Роль ихъ была кончена.

— Да,—продолжалъ другъ народа, съ самодовольнымъ видомъ скрещивая на животѣ толстые пальцы,—вездѣ мы были неразлучны и вездѣ встрѣтили одно—развалины соціализма...

Онъ остановился. Толпа становилась шумнѣе. Всѣ о чемъ-то переговаривались, безпрестанно обертывались. Начиналось то безпокойное движеніе, которое можетъ испортить успѣхъ самаго геніальнаго оратора въ мірѣ.

— Чарльзъ Броунъ! Чарльзъ Броунъ идетъ! идетъ!—крикнулъ кто-то въ толпѣ, и всѣ отвернулись отъ эстрады, съ возмутительной неблагодарностью забывъ о «другѣ народа», и устремили взоры, полные нетерпѣливаго ожиданія, въ противоположную сторону.

Къ набережной, по одной изъ поперечныхъ улицъ, размашистой походкой приближался высокій человѣкъ въ остроконечной шляпѣ съ широкими полями. Изъ подъ небрежно накинутаго пальто виднѣлась кожаная куртка, по краямъ которой мѣстами висѣлъ мѣхъ безпорядочными клочьями. Высокіе сапоги и по дорожному заткнутые за нихъ панталоны были покрыты грязью и пылью.

Путешественникъ шелъ впередъ съ непринужденнымъ, гордымъ видомъ, не толкаясь и не суетясь, но всѣ разступались передъ нимъ. Повидимому, многимъ онъ былъ знакомъ, его встрѣчали привѣтственныя восклицанія.

Онъ прошелъ мимо Бунина, и Бунинъ увидалъ совсѣмъ близко, у своего плеча, поразительно энергичное, загорѣлое лицо, дышавшее рѣшительностью и мужествомъ. Такими Бунинъ представлялъ себѣ героевъ Брэтъ Гарта. На мгновеніе расплывчатый, мягкій взглядъ славянина встрѣтился съ открытымъ

и смѣлымъ взглядомъ сына прэріи. Бунинъ не спускалъ глазъ съ оригинальнаго путешественника до тѣхъ поръ, пока тотъ не приблизился. къ эстрадѣ, по которой бѣгалъ изъ стороны въ сторону красный и сердитый «другъ народа».

Броунъ, точно легкокрылый Меркурій, вскочилъ на подмостки. Рядомъ съ его стройной фигурой шарообразный «другъ народа» окончательно терялся. Дѣло его было въ конецъ испорчено. Быстро сообразивъ всю невыгоду своего положенія, толстякъ съ легкостью пудовика соскочилъ съ эстрады при общемъ добродушномъ смѣхѣ толпы и исчезъ.

Но смѣхъ мгновенно затихъ. Всѣ ждали слова Броуна, который стоялъ на эстрадѣ, могучій и стройный, задумчиво глядя своими голубыми глазами на темнѣвшее море головъ передъ нимъ. Вотъ онъ поднялъ взоръ къ небу, вотъ опустилъ голову и закрылъ лицо лѣвой рукою. Онъ молился. Что-то трогательное чувствовалось Бунину въ этой молитвѣ богатыря, способнаго признать свою слабость передъ могучимъ духомъ вселенной.

Но вотъ онъ открылъ лицо и заговорилъ, не обращаясь ни къ кому, съ опущенными глазами, весь погруженный въ себя. Глубокая печаль звучала въ его голосѣ.

Бунинъ внимательно вслушивался. Слова, которыя произносилъ Броунъ, были ему знакомы. Онъ зналъ, что они взяты изъ священнаго писанія, и ему было досадно, что онъ не могъ вспомнить, откуда именно.

— Горе, горе тебѣ, великій городъ, городъ крѣпкій, ибо въ одинъ часъ пришелъ судъ твой! Горе, горе тебѣ, великій городъ, одѣтый въ виссонъ и порфиру, и багряницу, украшенный золотомъ и камнями драгоцѣнными, и жемчугами, ибо въ одинъ часъ погибнетъ богатство твое! Горе, горе тебѣ, городъ великій, драгоцѣнностями котораго обогатились всѣ, имѣющіе корабли на морѣ: ибо опустѣешь въ одинъ часъ. И свѣтъ свѣтильника уже не появится въ тебѣ, ибо купцы твои были вельможи земли и волшебствомъ твоимъ введены въ заблужденіе всѣ народы. Горе, горе живущимъ на землѣ!

Броунъ снова закрылъ лицо рукою, и прошло нѣсколько мгновеній, прежде чѣмъ опять послышался его полный и звучный голосъ. Теперь онъ обращался къ народу.

— Братья! Вамъ всѣмъ извѣстны эти пророческія слова изъ откровенія Св. Іоанна апостола. Но помните ли вы, какъ дальше онъ описываетъ свое видѣніе на островѣ Патмосѣ? Вотъ, что говоритъ онъ: «И сталъ я на пескѣ морскомъ и увидѣлъ выходящаго изъ моря звѣря съ семью головами и десятью рогами». И странно, именно теперь, въ концѣ XIX вѣка, точно живое стоитъ передо мною это видѣніе. Развѣ не живетъ уже этотъ звѣрь среди насъ? Развѣ не разрастается онъ

подобно чудовищной гидрѣ, захватывая народъ въ свои страшныя сѣти. Звѣрь этотъ — капиталъ. Семь головъ его — семь монополій. Вотъ впереди всѣхъ сахарная монополія, за ней земельная, желѣзнодорожная, нефтяная, водочная, соляная, табачная... Подъ этимъ страшнымъ бременемъ сгибается американскій народъ.

Отчаянный свистъ и шиканье перервали Броуна. Бунинъ испуганно оглянулся на толпу. Онъ боялся, чтобы Броуну не помѣшали кончить.

Но Броунъ не потерялъ присутствія духа. Онъ зналъ, что свистки относятся не къ его личности, а къ высказанной имъ мысли. Онъ спокойно переждалъ, пока свистъ прекратился, и продолжалъ:

— Друзья, я пришелъ къ вамъ издалека, съ береговъ Тихаго океана, изъ Калифорніи, которая считается золотымъ дномъ Америки. Много дорогъ, много городовъ и селъ лежало на моемъ пути, и вездѣ я видѣлъ одно и то же: недовольство настоящимъ и страхъ передъ будущимъ. Работы нѣтъ. Фабрики и заводы закрываются—капиталъ зажалъ свой кулакъ. Земля въ рукахъ жадныхъ компаній, которыя вытягиваютъ деньги изъ бѣдныхъ сетлеровъ. Милліоны рабочихъ безъ работы, голодные бродятъ по всему континенту, моля о кускѣ хлѣба. Сильные мужчины, у которыхъ жены и дѣти умираютъ съ голода, въ паническомъ страхѣ бѣгутъ просить милостыню. Глубокій ропотъ недовольства слышится всюду. Америка ли это? Тотъ ли это Новый Свѣтъ, на который съ надеждой обращены взоры всего міра? Тотъ ли это обѣтованный край, куда стремятся переселенцы изо всѣхъ странъ?

Какой-то сдержанный гулъ пронесся по толпѣ, пронесся и затихъ.

— Но что же дѣлать?—послышался снова голосъ Броуна.— Какъ найти тропинку, которая вывела бы насъ изъ этого страшнаго мрака и запустѣнія? Братья! я обращаюсь опять къ священному писанію; я не знаю источника болѣе чистаго и глубокаго. Всѣ истинныя пророчества исполняются. Природа человѣка, ходъ жизни всего человѣчества ясны тому, кто способенъ на созерцаніе, провидѣніе. Когда Христосъ говорилъ о «царствіи Божіемъ на землѣ», онъ, очевидно, подразумѣвалъ такое состояніе общества, которое будетъ основано на любви, такое благодѣтельное правительство, которое будетъ заботиться о благѣ всѣхъ и каждаго. Св. апостолъ Іоаннъ тоже говоритъ о «новомъ небѣ и новой землѣ». Онъ видитъ въ будущемъ возможность для людей побороть старые предразсудки и жить новою жизнью. Но такъ какъ это возможно только посредствомъ законодательства, то этотъ переворотъ долженъ совершиться безъ кровопролитія, какъ предсказано — мирными

средствами. Братья! Такими мирными средствами будемъ и мы дѣйствовать. Нѣтъ, не погибла еще Америка! Еще всюду есть люди! Я принесъ вамъ отрадную вѣсть: одновременно въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ зародилась мысль организовать изъ безработныхъ мирную Армію Общаго Блага. Въ Санъ-Франциско, Лосъ-Анжелосъ, въ Сакраменто и Орегонѣ уже собираются безработные. Рѣшено тронуться изъ разныхъ мѣстъ небольшими отрядами и собраться подъ Вашингтономъ. Тамъ мы подадимъ петицію, въ которой будемъ требовать отъ американскаго правительства устройства общественныхъ работъ, главнымъ образомъ, проведенія новыхъ дорогъ по всему материку, что дастъ заработокъ огромному числу людей. Кто изъ васъ поддержитъ насъ? Кто присоединится къ Арміи Общаго Блага? Будемъ молиться, будемъ вѣрить, что движеніе это кончится побѣдой добра надъ зломъ. Братья! Да поможетъ намъ Богъ! Мы идемъ на Вашингтонъ!

Дикій крикъ восторга потрясъ толпу. Броунъ попалъ въ цѣль.

XIX.

Зимніе мѣсяцы прошли въ приготовленіяхъ къ походу. Чикагскій отрядъ долженъ былъ двинуться въ путь въ началѣ весны.

Бунина сильно мучилъ вопросъ, идти или не идти? Чувство тянуло его впередъ. Энтузіазмъ волновавшейся вокругъ него толпы захватывалъ его, неподвижный разумъ твердилъ, что вся эта схема похода на Вашингтонъ сама по себѣ нелѣпость. Когда добивались чего-нибудь ходоки? И всетаки онъ чувствовалъ, что не можетъ противиться этой непреодолимой стихійной силѣ. Она несла его впередъ, помимо его воли, и онъ, не смотря на точившее его въ глубинѣ души сомнѣніе, съ страннымъ, жгучимъ наслажденіемъ отдавалъ себя во власть этихъ могучихъ, причудливыхъ волнъ.

Съ лихорадочнымъ волненіемъ слѣдили безработные въ Чикаго за двинувшимися изъ разныхъ мѣстъ отрядами Арміи Общаго Блага. Ихъ насчитывали уже до двадцати. Самые многочисленные отряды шли съ береговъ Тихаго Океана.

Именно эти, самые отдаленные отъ Вашингтона пункты—Санъ-Франциско, Лосъ-Анжелосъ, Орегонъ, Монтана, дали главный контингентъ рекрутовъ Рабочей Арміи. Тысячи миль ихъ не пугали.

Всѣ успѣхи и неудачи этихъ своеобразныхъ «ходоковъ» отражались на настроеніи Чикаго, вселяя то бодрость, то уныніе.

Наконецъ, въ мартѣ изъ Чикаго тронулся отрядъ въ ты-

сячу человѣкъ. Отъ Чикаго до Масильона, гдѣ положено было собраться къ Пасхѣ всѣмъ группамъ, предстояло не менѣе 2-хъ мѣсяцевъ пути.

Странный видъ представляли эти «мирные воины»! Бѣдно одѣтые, истомленные, блѣдные, шагали они подъ развѣвавшимися пестрыми знаменами. Шли замѣчательно дружно; во избѣжаніе безпорядковъ и ссоръ, вино, по общему соглашенію, было запрещено. Въ городахъ для привлеченія народа устраивались громадные митинги. Для сокращенія пути иногда захватывали цѣлые поѣзда, чтобы проѣхать хоть часть дороги на счетъ желѣзнодорожныхъ компаній. Захватывали поѣздъ обыкновенно на станціи, ссадивъ съ него машиниста и кочегара, и замѣнивъ ихъ своими людьми. Случалось, что товарный поѣздъ, захваченный толпою въ 100, 200 человѣкъ, вопреки всякимъ росписаніямъ несется на востокъ, а вслѣдъ за нимъ, на нѣкоторомъ разстояніи, летитъ другой, наполненный вооруженными людьми.

Желѣзнодорожныя компаніи всячески изощрялись, чтобы ставить преграды впереди, на дорогѣ. Иногда снимали рельсы на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ футовъ, или привинчивали лишній рельсъ поперегъ дороги. Не разъ Рабочая Армія, расположившись въ захваченномъ поѣздѣ, встрѣчала на дорогѣ баррикаду въ видѣ стоявшаго поперегъ дороги локомотива. Но ничто не могло ихъ остановить. Рабочіе были свои, они снимали рельсы, по которымъ только что ѣхали, и устраивали изъ нихъ импровизированный объѣздъ вокругъ баррикады.

Безработные острили, что они поѣзда не крадутъ, а только берутъ на подержаніе.—«У насъ на совѣсти нѣтъ ни одного куринаго перышка»,—хвастались они.

И, дѣйствительно, не воровали. Да и нужды не было. Въ городахъ народъ толпами валилъ имъ навстрѣчу. Приносили сухарей, ветчины, пироговъ. Бывали случаи, что полиція разгоняла народъ, но всюду армію оборванцевъ встрѣчали съ любопытствомъ и сочувствіемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ энтузіазмомъ.

Газеты съ жадностью слѣдили за этимъ страннымъ, торжественнымъ шествіемъ. За каждымъ отрядомъ, какъ хищныя птицы, неслись репортеры. Вся Америка съ напряженіемъ ждала чего-то...

Широкимъ потокомъ разливалось движеніе безработныхъ по Соединеннымъ Штатамъ. Подобно могучей рѣкѣ оно принимало въ себя маленькіе притоки и росло съ поразительной быстротой.

По слухамъ вся армія доходила уже до 20 тысячъ. Эти слухи поддерживали всеобщую бодрость, а ея нужно было не мало.

Весна наступала медленно. Солнце свѣтило рѣдко. Отъ холода и сырости многіе болѣли. Нѣкоторые начали отставать, кто по болѣзни, кто отъ утомленія. Пока этой потерѣ людей не придавали большого значенія—впереди еще оставалась надежда пополнить опустѣвшіе ряды.

Но вотъ стали распространяться плохія вѣсти. Одинъ отрядъ въ Индіанѣ разогнала полиція, пуская въ дѣло даже кнутъ. Другой отрядъ, въ Орегонѣ, пытался захватить поѣздъ, но тоже попалъ въ руки полиціи. Всѣ были арестованы и посажены въ тюрьму. Въ Огайо, также благодаря неудачѣ при захватѣ поѣзда, цѣлому отряду пришлось сдаться. Еще одинъ отрядъ распался изъ-за внутренней неурядицы.

Чикагцы пріуныли.

Но, когда подъ Масильономъ, гдѣ должны были встрѣтиться всѣ отряды за нѣсколько дней до Пасхи, пересчитали народъ, прибывшій изъ разныхъ мѣстъ, и оказалось на-лицо немногимъ болѣе 100 человѣкъ, всѣ были поражены. Правда, много народа отстало при переходѣ черезъ горы въ страшную снѣжную бурю; правда, что нѣсколько отрядовъ еще не пришло, но всетаки такого результата никто не ожидалъ. Всѣ окончательно пали духомъ.

Бодрость не оставляла ни на минуту только одного человѣка. Чарльзъ-Броунъ съ начала и до конца похода былъ душою Рабочей Арміи, хотя главнымъ вождемъ ея считался Кокси, ловкій и практичный политическій дѣятель. Броунъ увѣрялъ всѣхъ, что дѣло не въ многочисленности арміи. Вѣдь они не воевать идутъ. Они—мирные граждане, которые должны смотрѣть на себя, какъ на представителей всѣхъ безработныхъ въ Америкѣ, какъ на ходатаевъ за нихъ. Имъ нельзя падать духомъ, а нужно бодро идти впередъ. Своей непоколебимой вѣрой Броунъ неотразимо дѣйствовалъ на окружающихъ. Слово и дѣло Броуна были нераздѣльны, и въ этомъ заключалась его сила.

Наконецъ, въ первый день Пасхи, утромъ, когда въ воздухѣ стоялъ еще звонъ пасхальныхъ колоколовъ, немногочисленная, но торжественная процессія вышла изъ Масильона.

Впереди негръ несъ огромное американское знамя. За нимъ на сѣрой лошади ѣхалъ Броунъ въ своей буйволовой курткѣ, увѣшанной фантастическими орденами. Голову его покрывала бѣлая шляпа—сомбреро, а на шеѣ виднѣлось янтарное ожерелье—талисманъ, надѣтый на него женой. Дальше слѣдовалъ трубачъ Оливеръ, астрологъ изъ Питсбурга, прозванный Циклономъ, и 7 музыкантовъ.

Позади нихъ ѣхалъ въ кабріолетѣ самъ Кокси, офиціальный вождь Рабочей Арміи, близорукій человѣкъ въ очкахъ, а за нимъ въ коляскѣ—его жена.

Передъ небольшой группой безработныхъ негръ несъ знамя Арміи Общаго Блага съ изображеніемъ лика Спасителя и надписью: «Смерть процентамъ!» Мирные воины индустріальной арміи, не смотря на свои лохмотья, шагали смѣло и съ достоинствомъ. На фонѣ ихъ темныхъ одеждъ рельефно выдѣлялась величественная фигура индѣйца съ длинными черными волосами и рѣзкими чертами лица. Онъ былъ одѣтъ въ полной военной формѣ—въ одѣялѣ, туго обернутомъ вокругъ тѣла, въ мокассинахъ на ногахъ и съ топоромъ за щегольскимъ поясомъ, вышитымъ бѣлымъ бисеромъ. На головѣ его качались длинныя перья. Рядомъ съ индѣйцемъ, старательно шагая съ нимъ въ ногу, шелъ Бунинъ. На его нервномъ, похудѣвшемъ за время похода лицѣ замѣтно было какое-то новое напряженное выраженіе не то усталости, не то недоумѣнія.

По обѣимъ сторонамъ процессіи торопились, боясь отстать, репортеры разныхъ газетъ. Ихъ насчитывали до 50 человѣкъ. Ихъ дорожный костюмъ — короткіе пиджаки, сумки черезъ плечо, маленькіе картузы — и пытливыя, бойкія физіономіи рѣзко отличали ихъ отъ безработныхъ.

Масса любопытныхъ изъ города и сосѣднихъ селеній окружала процессію и провожала ее до тѣхъ поръ, пока не пошелъ дождь и не разогналъ ихъ.

«Сто бродягъ», какъ насмѣшливо окрестили въ Масильонѣ крошечную Рабочую Армію, получили сильное подкрѣпленіе въ 500 человѣкъ въ Гомстедѣ, на сталелитейномъ заводѣ знаменитаго филантропа Карнеги. Въ другихъ городахъ по дорогѣ въ Вашингтонъ ихъ также встрѣчали сочувственно и дарили имъ свои знамена въ знакъ того, что признаютъ ихъ своими представителями.

Достигнувъ канала Огайо, коксеиты наняли за безцѣнокъ двѣ громадныя баржи, на которыхъ проплыли 90 миль въ 2 дня, а тамъ опять пошли пѣшкомъ.

Когда Армія Общаго Блага приблизилась къ Вашингтону, лѣто уже наступило. До столицы дошло около 500 человѣкъ.

Здѣсь ихъ ожидали радостныя вѣсти—приближались другіе отряды, частью не поспѣвшіе въ Масильонъ, частью вновь образовавшіеся. Отъ Рабочей Федераціи и Рыцарей Труда получилась порядочная сумма для поддержки дѣла.

Отрядъ Кокси и Броуна, прибывшій первымъ, раскинулся лагеремъ подъ Вашингтономъ въ огромномъ Вудлей Паркѣ, владѣлецъ котораго отдалъ его въ распоряженіе Рабочей Арміи на неограниченное время.

Погода наступила ясная и теплая. Импровизированные крестоносцы съ наслажденіемъ отдыхали отъ длиннаго пути, поджидая товарищей, въ самомъ радужномъ настроеніи. Паркъ былъ чудесный; бѣлыя палатки коксеитовъ живописно раски-

нулись вокругъ зеленаго луга подъ развѣсистыми деревьями. На палаткахъ, украшенныхъ зеленью и цвѣтами, красовались американскіе флаги.

Всюду развѣвались знамена съ надписью: «На землѣ миръ и въ человѣцѣхъ благоволеніе. Смерть процентамъ!»

Значки съ этой же надписью украшали грудь каждаго генерала, маршала или сержанта.

На огромномъ лугу устраивались каждый вечеръ игры и гимнастическія упражненія. Какое-то дѣтское, ясное настроеніе охватило всѣхъ.

По воскресеньямъ Броунъ читалъ свои проповѣди, въ которыхъ странно перемѣшивались пророчества и политика, теологія и финансы. Надъ головой его развѣвалось знамя съ надписью: «Царствіе Божіе на землѣ приближается!» Иногда онъ развивалъ свою любимую теорію безпроцентныхъ бумажныхъ денегъ, иногда говорилъ о пришествіи Антихриста и громилъ вашингтонскихъ законадателей. Раза два публично перечитывалась петиція къ американскому правительству, въ которой требовалось устройство общественныхъ работъ и уничтоженіе процентныхъ государственныхъ бумагъ. Иллюстраціи, которыми была украшена петиція, приводили всѣхъ въ восторгъ, если не художественностью, то мѣткостью и остроуміемъ. На двухъ картинкахъ было представлено настоящее и будущее Америки. На первой картинѣ какіе-то страшные голые скелеты, вытянувъ костлявыя руки на колѣняхъ молятъ о работѣ. Женщины ломаютъ руки, въ отчаяніи, дѣти плачутъ. Дороги ужасныя, экипажи ломаются, сѣдоки вываливаются... Красивая молодая дѣвушка, изображающая народную партію, указываетъ единственный исходъ изъ этого ужаснаго положенія: равныя права всѣмъ и долой привилегіи!

На второй картинѣ изображены «розовые результаты» введенія общественныхъ работъ и измѣненія денежной системы: толпы рабочихъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ мостятъ дороги. Они улыбаются, они рады что дорвались до работы. Семейное счастье вновь возможно. Дѣдъ няньчитъ здороваго внука, мать рада, что есть изъ чего варить обѣдъ. Дороги такъ прекрасны, что старики молодѣютъ при взглядѣ на нихъ, и даже лошадь улыбается.

Эти картинки ужасно нравились Бунину — въ нихъ было столько ребяческой, наивной вѣры и душевной чистоты. Вотъ вамъ и практики-американцы! Жаждутъ мостить улицы! Положимъ, онъ самъ еще недавно увлекался такой же грубой работой. Но для него она имѣла другой смыслъ—это былъ цѣлый нравственный переворотъ. Ему и въ голову не приходило ставить ее идеаломъ жизни. А тутъ американскіе рабочіе, которыхъ многіе считаютъ по развитію выше европейскихъ, пе-

реносятъ всякія лишенія, идутъ пѣшкомъ тысячи миль ради того, чтобы доставить себѣ и товарищамъ самую тяжелую, самую неблагодарную работу, и видятъ въ этомъ чуть не идеалъ счастья. Какъ то разъ онъ попробовалъ высказать свой взглядъ Броуну. Тотъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и сказалъ:

— Оттого-то европейскіе рабочіе и не успѣваютъ, что ставятъ себѣ слишкомъ отдаленныя цѣли. Мы бьемъ въ ближайшую.

Бунинъ видѣлъ, что Броунъ его не понялъ, но не сталъ съ нимъ спорить. Ему не хотѣлось нарушать своей критикой общее блаженное состояніе. Впрочемъ, на разсужденія у него и времени было немного. Онъ взялъ на себя обязанность главнаго повара, а такъ какъ аппетиты у всѣхъ послѣ дороги были баснословные, то онъ едва поспѣвалъ управляться.

Рѣка, протекавшая черезъ паркъ, кишѣла рыбой. Главный маршалъ Чарльзъ Броунъ досталъ неводъ, и тотчасъ же нашлись рыболовы, которые поставляли рыбу въ изобиліи.

Подъ деревьями, гдѣ стояли двѣ фуры съ имуществомъ Рабочей Арміи, раскладывался костеръ съ подвѣшеннымъ на двухъ рогатинахъ котломъ, вокругъ котораго хлопоталъ Бунинъ, стараясь примѣнить съ толкомъ кое-какія познанія, пріобрѣтенныя имъ у Карнаухова. Онъ имѣлъ двухъ добровольцевъ-помощниковъ въ лицѣ астролога Циклона и негра Джонни. Первый вдавался черезчуръ въ теоретическія разсужденія о кулинарномъ искусствѣ и приносилъ мало пользы. Азотъ, углеродъ, фибринъ, бѣлковинное вещество были постоянно у него на устахъ, и его приводило въ ужасъ, какое непомѣрное количество фосфора поглощаетъ Рабочая Армія, благодаря исключительно рыбной пищѣ. А пока онъ дѣлалъ свои вычисленія, рыба пригорала или разваривалась, супъ уходилъ или костеръ потухалъ. Второй помощникъ Бунина, негръ Джонни, маленькій, бойкій крѣпышъ, лукаво поглядывавшій своими блестящими глазами, былъ незамѣнимъ, благодаря своему проворству. Всѣ порученія онъ исполнялъ съ быстротою молніи, иногда, для сокращенія пути, катясь кубаремъ съ одного конца луга на другой.

Но дня черезъ три послѣ прибытія Рабочей Арміи въ Вашингтонъ, негра Джонни у Бунина неожиданно отняли. Онъ оказался отличнымъ цирюльникомъ, а цирюльникъ вдругъ неотложно понадобился всѣмъ, буквально всѣмъ. Джонни открылъ свою лавочку близь фуражной телѣги, положивъ два-три чурбана вмѣсто стульевъ вокругъ толстаго пня, на которомъ онъ разложилъ всѣ свои инструменты—бритву, ножницы, гребенку, мыло и жестянку съ водой. По цѣлымъ часамъ онъ мылилъ, скоблилъ, стригъ... Подъ его ловкой рукой запущенныя, обросшія физіономіи бродягъ преображались въ настоящія джентльмен-

скія лица. Нерѣдко подъ кустомъ, укрывшись отъ нескромныхъ взглядовъ, новоиспеченный джентльменъ съ огромной иглой въ рукахъ тщательно исправлялъ погрѣшности своего туалета. Всѣ съ какимъ-то азартомъ приводили себя въ порядокъ—прорѣхи зашивались, дыры на сапогахъ заклеивались, панталоны надставлялись... На деревьяхъ развѣвались только что вымытые предметы самыхъ разнообразныхъ фасоновъ.

— Что такое случилось съ нашими молодцами,—спрашивалъ астролога Циклона Бунинъ, снимая съ его помощью громадный котелъ скипѣвшаго супа съ костра.—Даже обѣдать стали опаздывать.

Циклонъ разразился мефистофельскимъ смѣхомъ.

— Ищите женщину, мой другъ, ищите женщину! Когда мужчина начинаетъ терять человѣческій образъ и обращается въ парикмахерскую куклу—ищите женщину.

— Да гдѣ-жъ женщина?—съ удивленіемъ спросилъ Бунинъ.—У насъ и женщинъ то нѣтъ, кромѣ м-съ Кокси.

— О святая простота! М-съ Кокси!—Циклонъ опять покатился со смѣху.—Нѣтъ, дѣло совсѣмъ не въ м-съ Кокси. Подходитъ отрядъ генерала Келли, а съ нимъ двѣ молодыя дѣвушки героини, которыя взяли въ Чотоква поѣздъ. Полиція хотѣла ихъ арестовать, но онѣ бѣжали и присоединились къ отряду Келли. Ну, понимаете ли теперь, безтолковый вы человѣкъ?

Отрядъ Келли ожидался на другой день. Отрядъ Кокси готовился встрѣтить его торжественно, со знаменами, музыкой и пѣніемъ. Мѣдныя трубы сіяли, какъ солнце, и гремѣли, какъ громъ, а пѣвцы старательно полоскали горло соленой водой, чтобы прочистить голосъ.

Подъ звуки хоровой пѣсни: «Мы идемъ на Вашингтонъ», сочиненной маршаломъ Броуномъ, отрядъ Келли вошелъ въ Вудлей Паркъ. Коксеиты ожидали ихъ, выстроившись у входа. Лица ихъ выражали самое нетерпѣливое любопытство. Вниманіе тотчасъ же сосредоточилось на двухъ дѣвушкахъ, которыя шли впереди, окруженныя, какъ вѣрной охраной, своими новыми товарищами. Молодыя дѣвическія лица казались особенно нѣжными и изящными рядомъ съ грязными, грубыми фигурами келлистовъ. Одна изъ дѣвушекъ была высокая и стройная, другая, бѣлокурая, съ прелестнымъ цвѣтомъ лица, смотрѣла еще совсѣмъ ребенкомъ. Свободныя суконныя платья и маленькіе картузы на пышныхъ волосахъ придавали имъ видъ мальчиковъ.

На лугу ихъ окружили чистенькіе, щеголеватые коксеиты и стали просить дѣвушекъ разсказать, какъ онѣ взяли поѣздъ. Дѣвушки стѣснялись, краснѣли, и ни одна не рѣшалась начать. Наконецъ меньшая, бѣлокурая сказала:

— Это было такъ просто, что нечего и разсказывать. Все

сдѣлалось какъ-то само собою. Мы услыхали, что въ лагерѣ генерала Келли, близь Чотоква, много больныхъ. Намъ стало ихъ жаль, и мы отправились въ лагерь. Но помочь мы не могли, больныхъ нужно было отвезти въ больницу. Мы страшно волновались и не знали, что дѣлать. Но потомъ мы собрали народъ, захватили паровозъ съ двумя вагонами, пригнали его въ лагерь, положили больныхъ въ вагоны и отвезли ихъ въ городъ. Вотъ и все. Тогда мы не знали, что это нехорошо, мы думали, что надо спасти этихъ людей...

— Но потомъ намъ сказали, что мы поступили очень дурно, противъ закона, и хотѣли насъ арестовать. Тогда мы убѣжали къ нимъ.—Дѣвушка глазами указала на своихъ косматыхъ товарищей.—Теперь я рада, что мы это сдѣлали, потому что они такіе добрые, такіе...—Она смѣшалась, оборвала на полусловѣ и не могла дальше продолжать.

И скоро всѣ оживились, сошлись, познакомились. Всѣ радовались, бѣсились, скакали, точно дѣти. До поздняго вечера будто стонъ стоялъ въ воздухѣ. На лугу устроились оживленныя игры, и молодежь Рабочей Арміи всячески старалась показать свою ловкость, еще болѣе подстрекаемая громадной толпой зрителей изъ Вашингтона. Безмятежное веселье охватило безработныхъ. Имъ казалось, что они пришли, наконецъ, домой и будутъ жить здѣсь безконечно долго огромной, дружной семьей. Никто изъ нихъ не предчувствовалъ той каверзы, которую подготовила имъ судьба, и не думалъ, какой жалкій конецъ ожидаетъ ихъ дѣло.

Черезъ недѣлю, въ день подачи потиціи, у входа въ Капитолій, были арестованы главные вожди Рабочей Арміи— Кокси, Броунъ, Келли.

Полиція обвиняла ихъ въ томъ, что они *помяли траву на лужайкѣ около Капитолія*. До подачи потиціи ихъ даже не допустили. На нее не обратили никакого вниманія. Кокси, Броунъ и Келли, заключенные въ тюрьму, должны были чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ судиться изъ-за травы передъ Капитоліемъ.

XX.

Была темная зимняя ночь. Снѣгъ падалъ большими хлопьями. Сильный вѣтеръ подхватывалъ ихъ, крутилъ и уносилъ куда-то въ высь, опять къ сѣрымъ нависшимъ облакамъ. Пушистая пелена рыхлаго снѣга покрыла землю, не оставивъ нигдѣ даже признака дороги, и бѣлѣла во всѣ стороны до безконечности.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ маленькой желѣзнодорожной станціи, у самыхъ рельсовъ, по колѣна въ снѣгу стоялъ че-

ловѣкъ. Протирая глаза окоченѣвшею рукою, онъ старался разсмотрѣть что-то вдали. Шумъ приближавшагося поѣзда слышался ему уже нѣсколько мгновеній, но за гуломъ и шумомъ вѣтра нельзя было угадать, на какомъ онъ разстояніи.

Наконецъ, передовой огонь вынырнулъ изъ снѣжной мглы уже совсѣмъ близко. Приближаясь къ станціи, поѣздъ пошелъ медленнѣе. Человѣкъ, поджидавшій его, нѣсколько мгновеній внимательно всматривался въ длинную цѣпь вагоновъ и, наконецъ, выбравъ вагонъ, около котораго не видно было кондуктора, прицѣпился съ ловкостью кошки и вскочилъ на тормазъ. Стряхнувъ съ себя снѣгъ, онъ взошелъ въ вагонъ и сѣлъ на первое попавшееся мѣсто. Кондуктора не было — онъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ путешествуетъ такимъ образомъ «на общественный счетъ», и всетаки ему каждый разъ неловко, точно укралъ что-нибудь.

Въ этомъ жалкомъ оборванцѣ трудно было узнать Бунина. Помимо истасканнаго грязнаго платья, разительная перемѣна произошла въ его наружности. Тотъ ясный, нѣсколько наивный взглядъ, который составлялъ отличительную черту его лица, смѣнился недовѣрчивымъ взглядомъ загнаннаго звѣря. Исхудалое лицо, насупленныя брови, глубокія морщины заботы и утомленія, говорили о тяжелой жизни. Въ безпорядочно всклокоченныхъ волосахъ и длинной бородѣ проглядывала сѣдина.

Онъ осмотрѣлся вокругъ. Яркій свѣтъ керосиновой лампы, вдѣланной въ потолкѣ вагона, освѣщалъ лица пассажировъ. Нѣкоторые дремали. Противъ него сидѣла старая нѣмка въ поношенной соломенной, не смотря на зиму, шляпкѣ съ полинялымъ букетомъ цвѣтовъ надъ самымъ лбомъ. Она, видимо, боролась со сномъ и посматривала вокругъ красными, слезливыми глазами, добродушно и безсильно улыбаясь. Рядомъ съ ней пожилая негритянка, въ очкахъ, съ толстымъ лунообразнымъ лицомъ, держала на колѣняхъ огромную корзину съ бѣльемъ. Въ углу два итальянца—каменщика горячо спорили о чемъ-то. Одинъ изъ нихъ, худой и блѣдный, особенно горячился.

Рядомъ съ Бунинымъ сидѣла нарядная барышня—американка, въ шикарной шляпѣ съ громаднымъ перомъ, обдавшая его, когда онъ сѣлъ, леденящимъ взглядомъ презрѣнія. Она даже слегка отодвинулась — костюмъ его былъ слишкомъ непрезентабеленъ. Онъ взглянулъ на свое рваное, порыжѣвшее отъ времени пальто, снялъ съ головы дрянную, изношенную шляпенку и повертѣлъ ею въ рукахъ. Руки были огрубѣлыя, растрескавшіяся отъ холода, красныя. Злобная усмѣшка искривила его губы, и онъ искоса взглянулъ на свою сосѣдку. Та еще немного отодвинулась.—Извините, сударыня,—пробурчалъ

онъ, прижался въ уголъ, надвинулъ на глаза шляпу и притворился спящимъ.

Ему хотѣлось остаться одному, уйти въ себя. Ему такъ надоѣло это «презрѣніе глупца». Его бѣсило то, что за эти мѣсяцы скитаній онъ не могъ выработать въ себѣ равнодушія— онъ все еще чувствовалъ себя уязвленнымъ.

Ожидая поѣзда, онъ страшно озябъ. Теперь, въ вагонѣ, теплота начала понемногу разливаться по его усталымъ членамъ. Даже краска появилась на его измученномъ лицѣ, онъ сидѣлъ, не шевелясь. По мѣрѣ того, какъ тѣло отдыхало, приходило въ покой послѣ многихъ дней утомительнаго пути, въ головѣ дѣлалось яснѣе, мысль начинала работать.

— Свобода трудиться!—донесся вдругъ до Бунина насмѣшливый голосъ одного изъ итальянцевъ.—Но что такое эта свобода? У насъ ея довольно и въ Италіи. За этимъ не стоило пріѣзжать въ Америку.

Бунинъ горько усмѣхнулся. Ему вспомнилась та безумная погоня за трудомъ, которая выгнала тысячи людей на большую дорогу и была извѣстна міру подъ именемъ похода Индустріальной Арміи. Онъ былъ страшно недоволенъ собой. Этотъ «походъ на Вашингтонъ» былъ самой большой глупостью въ его жизни. И какъ могъ онъ повѣрить, какъ поддался общему увлеченію? Онъ пробовалъ возражать товарищамъ, доказывалъ, что этотъ «походъ» ни къ чему не поведетъ, что это безполезный палліативъ, и всетаки самъ пошелъ съ ними. Чарльзъ Броунъ увлекъ толпу, толпа увлекла Бунина.

Да, сила Броуна заключалась въ его непоколебимой вѣрѣ въ свое дѣло. Онъ былъ увѣренъ, что оно разрастется въ грандіозное движеніе, что «Рабочая Армія» удивитъ весь міръ. Его мистическое міровоззрѣніе, вѣра въ то, что наступило второе пришествіе Христа, сближало его съ народными массами, дѣлало его вліяніе неотразимымъ. Онъ былъ плоть отъ ихъ плоти... Онъ зналъ, что такое жизнь. Типографщикъ, маляръ, торговецъ скотомъ, журналистъ и политикъ, чего только онъ не испыталъ.

Но онъ, Бунинъ? Что потянуло его? Онъ сидѣлъ съ закрытыми глазами и старался въ памяти вновь пережить тотъ моментъ, когда онъ рѣшилъ присоединиться къ Арміи Общаго Блага. Но какъ ни старался онъ вспомнить до мельчайшихъ подробностей событія тѣхъ памятныхъ дней, онъ не могъ ухватить такого момента. Его просто втянуло въ водоворотъ и закружило. И до конца, до самаго послѣдняго дня странной развязки этого движенія, онъ безсознательно жилъ массовой жизнью, въ которой точно расплылась его личность. Онъ не могъ уйти. Это было выше его силъ. Его точно приковало къ этой толпѣ.

Но вотъ Рабочая Армія распалась. Послѣ ареста вождей точно порвалось главное звено, ее связывавшее. Всѣ печально разбрелись въ разныя стороны. Энергіи на дѣло было потрачено такъ много, что начинать сначала казалось невозможнымъ. Да, теперь все кончено.

Поѣздъ монотонно громыхалъ. Бунинъ сидѣлъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, мысли начинали путаться. Букетъ на шляпѣ нѣмки, сидѣвшей напротивъ, мелькалъ нѣкоторое время передъ его глазами, но потомъ исчезъ... Бунинъ заснулъ.

Поѣздъ шелъ на сѣверъ Нью-Іоркскаго штата, куда направлялся и Бунинъ послѣ четырехмѣсячныхъ одинокихъ скитаній. Теперь онъ уже приближался къ своей цѣли.

Въ началѣ, когда онъ очутился одинъ на большой дорогѣ, ему нравилась полночь, полная безграничная свобода, безконечная дорога впереди, далекое небо надъ головою, поля и лѣса, убѣгающіе въ даль. Первые дни онъ шелъ бодро. Онъ дышалъ полной грудью, онъ наслаждался всѣмъ: и тихимъ лѣтнимъ днемъ, и лунною ночью, и вѣтеркомъ, чуть шевелящимъ вершины деревьевъ, и робкимъ пѣніемъ птицъ, и громкимъ стрекотаньемъ кузнечиковъ, наполнявшихъ воздухъ непрерывнымъ шумомъ.

Но, по временамъ, въ бурную ночь, когда тьма окутывала землю, а деревья стонали и скрипѣли точно раненыя, жуткое чувство одиночества проникало въ его душу. Что-то чужое, непонятное шепталъ этотъ лѣсъ, непривѣтливо, будто съ угрозой, наклонялись надъ нимъ деревья, пронзительно рѣзко свистѣлъ вѣтеръ. Въ такія минуты родина казалась ему далекой, неясной точкой, уплывающей отъ нею все дальше и дальше. Сердце начинало ныть щемящей тоской. Чѣмъ кончится все это? Но забота о кускѣ хлѣба не позволяла отдаваться грустнымъ мыслямъ. Вначалѣ онъ кормился случайною работой на фермахъ. Часто онъ не получалъ никакой платы, а работалъ за ѣду и ночлегъ. Но, вообще, фермеры неохотно пускаютъ къ себѣ трамповъ, боясь пожара. Нерѣдко приходилось ночевать въ полѣ или въ лѣсу, на сырой землѣ. Пока стояли теплыя лѣтнія ночи, Бунинъ не роптатъ. Пройдя 20—25 миль пѣшкомъ, спится крѣпко и подъ открытымъ небомъ. Но осенью стало плохо. На фермахъ работы кончились, многіе заводы стояли. Пришлось идти въ лѣсъ, гдѣ еще требовались руки. Рубка лѣса, требуя громадной затраты силъ, давала ничтожный заработокъ. Послѣ мѣсяца усиленной работы, у Бунина осталось всего два доллара. Онъ рѣшилъ идти дальше, на сѣверъ штата, гдѣ много фабричныхъ городовъ. Изрѣдка ему удавалось вскочить на поѣздъ и проѣхать нѣсколько десятковъ миль. Но большею частью приходилось идти пѣшкомъ, питаясь однимъ хлѣбомъ, да кое-какими фруктами, которые онъ находилъ

на дорогѣ. Воду приходилось пить часто дурную. Болѣе всего онъ страдалъ отъ невозможности мыться и какъ о величайшемъ блаженствѣ мечталъ о русской банѣ. Плохая ѣда давала себя знать, онъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ. Ноги сильно болѣли. Такъ проходили мѣсяцы. Къ концу осени ночевать на открытомъ воздухѣ становилось уже невозможнымъ. Усталый, онъ засыпалъ иногда на одинъ, на два часа, но холодъ будилъ его. Онъ просыпался весь дрожа, шелъ искать ночлега и, случалось, по цѣлымъ ночамъ не находилъ его. Въ городахъ особенно трудно бывало пристроиться. Въ полицейскую станцію идти не хотѣлось, ночлегъ въ частномъ домѣ стоилъ слишкомъ дорого, и съ желѣзнодорожныхъ станцій прогоняли послѣ полуночи. Раза два онъ пріютился въ пустыхъ запасныхъ вагонахъ, но оба раза былъ арестованъ и насилу раздѣлался съ полиціей: въ Нью-Іоркскомъ штатѣ законы о бродягахъ очень строги.

Но, не смотря на всѣ строгости, Бунинъ встрѣчалъ многихъ трамповъ. Всѣ они относились къ нему по-товарищески и часто давали практическіе совѣты, которые онъ цѣнилъ тѣмъ болѣе, что проѣдалъ послѣдніе центы. Встрѣчавшіеся трампы большею частью принадлежали къ рабочему классу, каждый зналъ какое-нибудь ремесло. Они шли какъ разъ изъ тѣхъ мѣстъ, куда направлялся Бунинъ, и несли не особенно ободряющія вѣсти: вездѣ застой фабрикъ, масса рукъ, ищущихъ труда, и никакой надежды въ близкомъ будущемъ. Но Бунинъ пропускалъ это мимо ушей и шелъ дальше. Въ сущности ему вездѣ было одинаково плохо.

Къ ужасу своему Бунинъ сталъ замѣчать, что силы начинаютъ серьезно измѣнять ему. Разъ дошло до того, что онъ упалъ отъ слабости, пробуя вскочить на поѣздъ. Онъ не на шутку перепугался и рѣшилъ остаться на цѣлый день въ небольшомъ городѣ, гдѣ былъ хорошій паркъ. Въ этомъ же городкѣ онъ неожиданно нашелъ себѣ оригинальнаго попутчика.

Пролежавъ нѣсколько часовъ на скамьѣ въ паркѣ, онъ сильно проголодался и рѣшилъ поѣсть мяса. Приходилось истратить послѣдніе 25 центовъ, но не все-ли равно перейти днемъ раньше или позже на «общественное содержаніе».

Онъ зашелъ въ дешевый кабачекъ и заказалъ себѣ бифштексъ. Черезъ нѣсколько минутъ, показавшихся вѣчностью Бунину, хозяйка подала большой кусокъ аппетитно дымящагося мяса.

Бунинъ проглотилъ его въ одинъ моментъ, какъ голодная собака, не обращая вниманія на презрительный взглядъ хозяйки.

Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ онъ перешелъ на пищу Св. Антонія, у него начала развиваться какая-то животная жадность.

Иногда Бунину даже во снѣ снилась вкусная ѣда, и онъ проникался презрѣніемъ къ себѣ. Должно быть, не при всякихъ условіяхъ близость къ природѣ возвышаетъ человѣка! Картины природы, доставлявшія ему еще недавно такое наслажденіе, постепенно блѣднѣли. Бунинъ чувствовалъ, что все болѣе и болѣе опускается нравственно, и съ ужасомъ ожидалъ того дня, когда вынужденъ будетъ протянуть руку за подаяніемъ.

А тутъ вдругъ взялъ да и проѣлъ послѣдній четвертакъ.

Очистивъ тарелку, онъ подошелъ къ хозяйкѣ и протянулъ ей деньги.

— Хорошо, довольно и десяти центовъ,—сказала она и подала ему назадъ остальныя деньги. Бунинъ зналъ, что бифштексъ стоитъ 25 центовъ. Вся кровь прилила у него къ лицу. Такъ онъ ошибся? Не презрѣніе, а жалость выражало лицо хозяйки. Онъ отдернулъ руку, и монета покатилась на полъ.

— Не будьте дуракомъ, она добрая женщина, — сказалъ за нимъ мужской голосъ, и чья-то рука настоятельно всовывала ему монету въ руки. Онъ оглянулся. Передъ нимъ стоялъ румяный широкоплечій человѣкъ съ глуповатой физіономіей, повидимому, такой же трампъ, какъ и онъ самъ, загорѣлый и оборванный. Трампъ, очевидно, только что пропустилъ рюмочку и, стоя у прилавка, съ аппетитомъ закусывалъ колбасой.

— Вы—путешественникъ?—спросилъ онъ, добродушно улыбаясь и выразительно указывая глазами на несомнѣнное доказательство вѣрности его предположенія—бахрому у панталонъ Бунина.

— Да,—сказалъ Бунинъ.

— И небогатый... Хотя вы мнѣ и не представлены, но я увѣренъ, что вы ни Гульдъ, ни Вандербильтъ, и вообще ни одинъ изъ этихъ чертей, которые бросаютъ своимъ собакамъ нашу съ вами долю общественныхъ благъ.

Онъ откусилъ еще кусокъ колбасы и облизнулся, довольный и фразой, и колбасой.

— Какая ваша спеціальность?—спросилъ онъ опять, небрежно покачиваясь на каблукахъ и уписывая за обѣ щеки. Бунинъ запнулся,—за послѣднее время онъ ужъ потерялъ счетъ своимъ спеціальностямъ.

— Моя? У меня ихъ нѣсколько, — нерѣшительно сказалъ онъ.

— И у меня нѣсколько,—съ важнымъ и самодовольнымъ видомъ сказалъ незнакомецъ.

— Вы, собственно, кто же?—спросилъ Бунинъ.

— Я? Я—артистъ, трубачъ, танцоръ и пѣвецъ. Я знаю

300 романсовъ, 150 комическихъ и 150 сентиментальныхъ и играю на корнетѣ, какъ никто. Слышали вы о пѣвцѣ, который протанцовалъ канканъ въ одной церкви? Эго былъ я.

— Что? канканъ въ церкви? Я не совсѣмъ понимаю...— съ удивленіемъ спросилъ Бунинъ, глядя на «артиста» во всѣ глаза.

— Ну, да, вотъ такимъ манеромъ,—и онъ тутъ же продѣлалъ такое выразительное «па», чуть не задѣвъ своимъ грязнымъ сапогомъ Бунина по носу, что у того исчезло мгновенно всякое сомнѣніе.

— Во всѣхъ газетахъ писали,—продолжалъ онъ самодовольно.—Согласитесь, что на это нужна была нѣкоторая рѣшимость?

— Да...—протянулъ Бунинъ, съ любопытствомъ глядя на этого «новаго мужчину».

— Мой антрепренеръ тогда же сказалъ, что я пойду далеко... Впрочемъ, я и пошелъ далеко, — засмѣялся онъ,— только не въ томъ смыслѣ, какъ онъ предсказывалъ.

— Собственно говоря,—продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—отецъ готовилъ меня въ токари. Но меня влекло искусство.

— Искусство танцовать канканъ?—вырвалось у Бунина.

— Да, вообще искусство, артистическая карьера.

— Но, какъ же вы очутились на большой дорогѣ?—спросилъ Бунинъ.

— Очень просто. Былъ приглашенъ одной компаніей, антрепренеръ надулъ, не заплатилъ, убѣжалъ и увезъ даже квитанціи отъ нашего багажа. Конечно, я и теперь бы могъ хоть каждый вечеръ получать ангажементъ—во всѣхъ этихъ маленькихъ городахъ есть театры и цирки.

— Такъ почему же вы не попробуете?—спросилъ Бунинъ.

— Фрака нѣтъ. Безъ фрака артистъ хоть пропадай.

Бунину припомнились слова Красавцева: «Le talent sans argent est une infirmité».

— И что же, вы трампуете?

— Какъ видите, трампую.

Они пошли вмѣстѣ. «Артистъ безъ фрака» оказался очень опытнымъ трампомъ. Бунинъ многому отъ него научился. Между прочимъ, онъ посвятилъ Бунина въ тайну знаковъ, которыми трампы отмѣчаютъ дома, гдѣ имъ не отказываютъ въ помощи.

Съ мѣсяцъ тому назадъ завернули холода. Выпалъ снѣгъ, что очень затрудняло ходьбу въ дырявыхъ сапогахъ. Бунинъ старался, гдѣ можно, «ловить поѣздъ» и двигался впередъ быстрѣе. Поѣздъ, на которомъ онъ ѣхалъ теперь, приближался къ новому Вавилону, большому фабричному городу, гдѣ онъ рѣшилъ остановиться и вновь попытать счастья.

Неожиданный толчокъ остановившагося поѣзда разбудилъ Бунина. Онъ съ испугомъ вскочилъ.

— Послѣдній полустанокъ? — спросилъ онъ негритянку, смотрѣвшую на него съ улыбкой.

— Да,—отвѣчала та.

Бунинъ устремился къ выходу. Послѣ этого полустанка будутъ собирать билеты. Бунинъ соскочилъ въ глубокій снѣгъ. Съ трудомъ карабкаясь по сугробамъ, онъ выбрался на ближайшую дорогу.

Снѣгъ переcталъ; начинало проясниватъ, и въ небѣ слабо загорались звѣзды.

Онъ осмотрѣлся. Прямо передъ нимъ шла дорога, изрѣдка освѣщенная высокими электрическими фонарями. Вѣроятно, она вела къ самому городу, огни котораго мерцали въ отдаленіи.

Онъ быстро зашагалъ впередъ.

Отъ вѣтра свѣтъ электрическихъ фонарей дрожалъ иповременамъ потухалъ, погружая окрестность въ еще большую темноту. Но черезъ мгновеніе дуговая лампа опять загоралась съ шипѣньемъ и свистомъ. Голыя вѣтви деревьевъ по обѣимъ сторонамъ дороги бросали рѣзкія, подвижныя тѣни на блестящій снѣгъ. Жилья не было видно, но издали доносился лай собаки. Пройдя минутъ десять, Бунинъ увидалъ поворотъ вправо. Въ концѣ длинной аллеи блестѣлъ огонекъ, значитъ, живутъ люди. Бунинъ чувствовалъ сильный голодъ — онъ не ѣлъ съ утра—и, не долго думая, направился къ жилью.

По узкой аллеѣ, обнесенной каменной оградой, онъ дошелъ до большого трехъ-этажнаго дома. Свѣтъ виднѣлся въ верхнихъ этажахъ, значитъ, хозяева ложатся спать. Онъ постоялъ передъ воротами и нерѣшительно засвисталъ. За воротами раздался басистый лай собаки, звучавшій не особенно привѣтливо, да и не въ нравахъ трамповъ заходить въ большіе дома.

Бунинъ оглядѣлся еще разъ вокругъ. Теперь онъ разсмотрѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него маленькій коттэджъ. Черезъ закрытыя ставни слабые лучи свѣта падали на занесенную снѣгомъ веранду. Онъ тихонько отворилъ калитку, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по узенькой дорожкѣ и очутился на верандѣ. Снѣгъ закрипѣлъ подъ его ногами, и сосѣдняя собака опять залаяла. Онъ остановился. Все снова стихло. Онъ подошелъ къ окну и припалъ лицомъ къ щели досчатой ставни.

«Точно воръ, гадость какая», прошепталъ онъ, но не отрываясь продолжалъ смотрѣть.

Онъ увидалъ небольшую комнату, освѣщенную лампой съ темнозеленымъ абажуромъ. По одной стѣнѣ шли полки съ книгами, по другой было развѣшано много картинъ, которыя Бунинъ не могъ разсмотрѣть. Въ глубинѣ виднѣлась дверь въ

другую, болѣе ярко освѣщенную комнату. У круглаго стола, наклонившись надъ книгою, сидѣлъ человѣкъ. Свѣтъ лампы падалъ на книгу, но лицо его оставалось въ тѣни, падавшей отъ абажура. Бунину виднѣлся только энергичный, нѣсколько рѣзкій профиль. Противъ него, по эту сторону стола, ближе къ Бунину, но отвернувшись отъ него, женская фигура склонилась надъ работой. Маленькая головка, густая свѣтлорусая коса, стройный станъ... Она шила. Рука ея быстро мелькала въ воздухѣ.

Миромъ и тишиной повѣяло на Бунина. Отрадное чувство спокойствія на мгновеніе заглянуло въ его душу, но только на мгновеніе. Простая, уютная обстановка интеллигентной семьи, душевный миръ мыслящаго человѣка, присутствіе женщины—все это бередило въ сердцѣ бездомнаго бродяги живую, наболѣвшую рану. Онъ тихо застоналъ; онъ такъ страшно усталъ и душой, и тѣломъ.

Внезапно острая спазма въ желудкѣ напомнила ему, зачѣмъ онъ сюда пришелъ. И вдругъ, съ страшной силою на него нахлынули негодованіе и злоба. Это было чувство бродяги, не имѣющаго другого крова, кромѣ свода небеснаго, чувство нищаго у порога, смотрящаго на яства, не для него приготовленныя. Его охватила безумная зависть голоднаго къ этимъ сытымъ, обезпеченнымъ людямъ, имѣющимъ право не голодать, какъ онъ, а жить полной жизнью, думать и любить.

— О, буржуи поганые!—сквозь зубы пробормоталъ онъ и метнулся отъ окна. Съ какой-то неистовой яростью началъ онъ стучать въ дверь коттэджа.

Сосѣдняя собака залилась лаемъ.

За дверью послышались испуганные голоса, а потомъ робкій вопросъ по-англійски:

— Что вамъ нужно?

— Чего-нибудь поѣсть, сударыня, и больше ничего,—отвѣчалъ онъ злымъ голосомъ.

На мгновеніе голоса замолкли: очевидно, шло совѣщаніе—отворить или нѣтъ.

Наконецъ, дверь отворилъ высокій старикъ.

— Войдите, сэръ,—сказалъ онъ угрюмо. — Стыдно такимъ разбойникомъ врываться въ чужой домъ. Это плохой способъ расположить къ себѣ людей и получить, что вамъ нужно.

Бунинъ молчалъ. Онъ былъ страшно блѣденъ.

Дверь сосѣдней комнаты скрипнула. Черезъ щель на него сверкнули испуганные женскіе глаза. Взволнованное лицо молодой дѣвушки выглянуло изъ-за двери. Бунинъ чуть не вскрикнулъ. Неужели это Маруся?

— Папа, позвала она тихимъ голосомъ. Старикъ ушелъ

къ ней. Бунинъ оперся объ стѣну, чтобы не упасть. Послѣ первой вспышки онъ чувствовалъ страшный упадокъ силъ.

Сомнѣнія нѣтъ, это она. Онъ слышитъ ея голосъ, русскій говоръ.

— Папа,—порывисто говорила она.—Неужели тебѣ не жаль его? Развѣ ты не видишь, какой онъ несчастный, слабый, весь въ отрепьяхъ... Не мучь его и впусти. Я увѣрена, что онъ ничего намъ не сдѣлаетъ.

У Бунина подступило что-то къ горлу. Его душили слезы стыда и горя. Такъ вотъ какъ они встрѣтились!

Но она его не узнала... Есть еще время. Надо бѣжать. Онъ не хочетъ ея состраданія. Онъ можетъ все испортить, навѣки потерять ее...

Да, надо бѣжать, они идутъ, онъ слышитъ ихъ шаги... Еще только одинъ взглядъ на нее...

Маруся и старикъ стояли на порогѣ. Бунинъ рванулъ изо всѣхъ силъ дверь и прежде, чѣмъ Нееловъ и Маруся успѣли опомниться, сбѣжалъ съ веранды и исчезъ въ темнотѣ.

XXI.

Три мѣсяца Бунинъ пролежалъ въ больницѣ. Онъ опасно заболѣлъ. Организмъ его, истощенный жизнью въ проголодь, окончательно надломился отъ потрясенія при неожиданной встрѣчѣ съ Марусей. Въ ту ночь онъ едва дотащился до желѣзнодорожной станціи, гдѣ повалился безъ чувствъ на полъ. Утромъ сторожъ вытребовалъ по телефону санитарный фургонъ, и Бунина отвезли въ больницу, которая стояла на горѣ, въ громадномъ саду, на окраинѣ Новаго Вавилона.

Цѣлыя недѣли шла борьба между жизнью и смертью. Наконецъ, жизнь побѣдила. Но выздоровленіе шло очень медленно.

Когда Бунинъ въ первый разъ всталъ съ постели и, шатаясь, дотащился до кресла у окна, зимы уже какъ не бывало. Снѣгъ стаялъ. Въ окно смотрѣлъ сѣренькій денекъ, какіе бываютъ при переходѣ отъ зимы къ веснѣ. Надъ обнаженной землей стоялъ туманъ. Темные силуэты голыхъ деревьевъ причудливо выдѣлялись на фонѣ сѣроватой дали. Пасмурное небо низко нависло надъ землею.

На душѣ Бунина было такъ же неясно и тускло. Слабый и вялый, съ притупившеюся впечатлительностью, онъ чувствовалъ полное равнодушіе къ жизни и неспособность заглянуть въ будущее. Онъ по цѣлымъ часамъ апатично сидѣлъ въ креслѣ у окна въ какой-то странной полудремотѣ, безучастно глядя передъ собой.

Но вотъ въ саду все оживилось—солнце стало свѣтить ярче, деревья зазеленѣли, воробьи радостно чирикали. Въ первый день, когда въ больничной комнатѣ отворили окно, и изъ сада ворвалась струя теплаго, душистаго воздуха, Бунину сдѣлалось дурно—этотъ опьяняющій весенній воздухъ подѣйствовалъ на него слишкомъ сильно. Но съ этого времени онъ сталъ поправляться. Явился аппетитъ и чуть замѣтная краска въ лицѣ. Ему удвоили порцію бульона и молока.

— Есть у васъ родные въ Новомъ Вавилонѣ?—спросилъ Бунина докторъ, тихій, серьезный старикъ, дававшій своимъ паціентамъ очень мало лѣкарствъ, но строго слѣдившій за пищей и уходомъ.

— Никого,—отвѣчалъ Бунинъ.

— Что вы будете дѣлать, когда я выпишу васъ изъ больницы?

— Искать работы.

— Гм...—протянулъ докторъ.—Въ такомъ случаѣ мы продержимъ васъ еще двѣ недѣли.

И Бунинъ былъ радъ. Его никуда не тянуло.

Но двѣ недѣли скоро прошли, и въ одно прекрасное весеннее утро бѣдное «дитя человѣческое» опять очутилось на большой дорогѣ.

— Куда идти?—думалъ онъ, выходя изъ воротъ больницы. Дорога тянулась влѣво и вправо. На высокомъ столбѣ были придѣланы двѣ деревянныя руки съ вытянутымъ указательнымъ пальцемъ. На одномъ пальцѣ стояла надпись: «Новый Вавилонъ», на другомъ, указывавшемъ въ противоположную сторону: «Фабрика Гармонія». Бунинъ сошелъ на тропинку, которую проложили пѣшеходы рядомъ съ большой дорогой, и пошелъ по направленію къ фабрикѣ.

Становилось жарко. Бунинъ снялъ сюртукъ. Не смотря на ходьбу и жаръ, исхудавшее лицо его оставалось блѣднымъ. Подъ глазами легла болѣзненная тѣнь. Онъ чувствовалъ себя еще очень слабымъ.

А кругомъ было хорошо. Земля уже покрылась бархатистою травою. Кое-гдѣ бѣлѣли фруктовыя деревья въ цвѣту. Высоко въ воздухѣ заливался жаворонокъ. Небо сіяло лазурнымъ блескомъ. Но эта радость жизни непріятно волновала Бунина. Все это было для него слишкомъ ярко, утомляло его. Онъ старался ни о чемъ не думать и шелъ впередъ.

По обѣимъ сторонамъ дороги тянулся лѣсокъ. Дубъ, кленъ, орѣшникъ, сосна манили знакомыми силуэтами. Мѣстами лѣсокъ рѣдѣлъ, и просвѣчивало небо далекаго горизонта. Вотъ съ горы сбѣгаетъ зеленая лужайка къ небольшой рѣчкѣ, огибающей ее подковой. А на горѣ стоитъ странное темное зданіе, архитектурой напоминающее неприступный средневѣковой

замокъ. Угрюмо смотрятъ овальныя амбразуры оконъ, идущихъ длинными рядами вдоль всего зданія. Пять башенъ, законченныхъ прозрачными рѣзными рѣшетками, стоятъ какъ гигантскіе стражи въ коронахъ. Будто съ угрозой смотритъ это мрачное зданіе на сіяющій пейзажъ вокругъ. Высоко, въ воздухѣ, Бунину бросилась въ глаза надпись огромными черными буквами: «Гармонія».

— Неужели это и есть фабрика,—подумалъ Бунинъ,—она больше похожа на крѣпость.—До нея оставалось еще минутъ десять ходьбы. Нужно было подниматься въ гору, а Бунинъ страшно усталъ. Съ большой дороги, въ сторону, шла небольшая аллея. Бунинъ свернулъ въ нее. Онъ сѣлъ на низкую ограду изъ дикаго камня, отеръ платкомъ мокрый, блѣдный лобъ и посмотрѣлъ кругомъ. Темная полоса дороги шла между полями, покрытыми густой, сочной травой съ желтѣвшими коегдѣ яркими одуванчиками. По обѣимъ сторонамъ дороги склонялись гибкія ивы, чуть шелестя своими нѣжными, свѣтлозелеными листочками. Вонъ стоитъ груша, вся осыпанная бѣлымъ цвѣтомъ. Въ травѣ, у его ногъ, съ удивительной силой разрослись фіалки... Капли росы дрожатъ на трилистникахъ клевера. Но Бунину скверно, все его сердитъ, все, начиная отъ этихъ вѣчно порхающихъ бабочекъ и кончая тѣмъ несчастнымъ муравьемъ, который тащитъ соломинку въ пять разъ больше его самого, наводя на непріятныя личныя воспоминанія. Онъ, Бунинъ, тоже всю жизнь ставилъ себѣ непосильныя задачи. Боже, какіе грандіозные планы и какіе жалкіе результаты! Бунинъ съ горькой ироніей смотрѣлъ на муравья, который продолжалъ тащить соломинку, ронялъ ее и опять подхватывалъ.

— Прекрасное утро, сэръ!—вдругъ раздалось надъ самымъ его ухомъ. Онъ поднялъ голову и увидалъ передъ собой довольно странную фигурку. Крошечный человѣчекъ, очень пропорціонально сложенный съ маленькимъ, сморщеннымъ, какъ моченая груша, лицомъ, стоялъ передъ нимъ, добродушно улыбаясь и хитро подмигивая однимъ глазомъ. Въ рукахъ онъ держалъ длиннѣйшій жокейскій хлыстъ, который онъ никакъ не могъ удержать въ равновѣсіи. Длинныя, полосатыя панталоны, надѣтыя очень высоко, заходили ему на грудь, а зеленая кацавейка яркостью не уступала полямъ. Огромная соломенная шляпа довершала его костюмъ.

— Утреннюю прогулку совершаете, сэръ?—сказалъ онъ, продолжая лукаво улыбаться и окидывая Бунина проницательнымъ взглядомъ американца, который умѣетъ сразу «оцѣнить» человѣка. Этотъ взглядъ окончательно разсердилъ Бунина.

— Ошибаетесь, я не гуляю, а ищу работы,—отвѣчалъ онъ сухо.

Маленькій человѣчекъ покатился со смѣху. Онъ смѣялся до слезъ, такъ что даже закашлялся.

— Кхе, кхе, кхе... Ищете работы, спокойно сидя на дорогѣ, по которой никто не ходитъ. Вѣдь дорога эта частная собственность, сэръ. Земля принадлежитъ м-ру Тутлю, директору фабрики «Гармонія». Ищете работы, хе, хе. Недурно, очень недурно!

— Это ничего не значитъ,—сказалъ Бунинъ, нѣсколько обиженный его смѣхомъ.—Иной разъ ходишь около самой работы, а она все въ руки не дается, а то и не ищешь ея, а она сама къ тебѣ идетъ.

— Гм.. отвѣтъ опытнаго человѣка. Но, должно быть, небо вамъ особенно покровительствуетъ, потому что послало меня. Я—Финогенъ, садовникъ м-ра Тутля. Работы весной у насъ порядочно, и я, пожалуй, готовъ принанять васъ на нѣсколько деньковъ. Мнѣ какъ разъ нуженъ помощникъ. А откуда-жъ вы будете?

— Я здѣсь совсѣмъ чужой. Прежде работалъ въ Чикаго,—сдержанно отвѣчалъ Бунинъ.

— Ну да что-жъ мнѣ васъ исповѣдывать. Пуддингъ узнается по вкусу, а человѣкъ по работѣ. Работа же у насъ въ саду и въ огородѣ, сами знаете, какая: гдѣ вскопать, гдѣ выполоть, кое-что подвязать, кое-что подрѣзать. Идетъ по полтинѣ въ день? Завтракъ и обѣдъ мой.—Финогенъ хлопнулъ Бунина по плечу и привѣтливо заглянулъ ему въ глаза. Бунинъ собирался пройти на фабрику, но тамъ все могло быть занято. Рѣшеніе его созрѣло мгновенно, выбирать было не изъ чего.

— Идетъ,—сказалъ онъ.

— Ну, такъ маршъ впередъ!—воскликнулъ Финогенъ и зашагалъ удивительно крупными для его роста шагами. Вдругъ онъ затянулъ Марсельезу, передѣланную на американскій ладъ. Тоненькій голосокъ его и странный ритмъ болѣе подходили къ водевильнымъ куплетамъ, чѣмъ къ революціонному маршу, такъ что Бунинъ едва узналъ знакомый мотивъ. Онъ уже совсѣмъ не сердился на своего новаго знакомаго и съ улыбкой посматривалъ на маленькую смѣшную фигурку; а Финогенъ храбро шагалъ впередъ и заливался, какъ птица.

— Люблю воинственныя пѣсни,—сказалъ онъ, окончивъ.—Да, сэръ, вы можете гордиться. Имѣете дѣло съ свободнымъ американскимъ гражданиномъ. Хотя, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ мнѣ и приходится быть слугою богача, но я уважаю свободу и независимость.

Финогенъ своей бодростью и веселостью начиналъ располагать къ себѣ Бунина, который тоже сталъ сообщительнѣе и разсказалъ ему кое-что изъ своихъ приключеній. Разговаривая, они незамѣтно дошли до воротъ тѣнистаго парка. На нихъ

пахнуло сырымъ смолистымъ запахомъ. Шелестъ и гулъ пробѣгалъ по вершинамъ развѣсистыхъ сосенъ. Тяжелыя вѣтви ихъ бросали широкую тѣнь на нѣжную траву лужаекъ. Бунинъ чувствовалъ, что оживаетъ, вдыхая этотъ чудесный смолистый воздухъ.

Въ концѣ сосновой аллеи виднѣлся большой бѣлый домъ, окруженный верандой съ колоннами. Передъ домомъ раскинулся цвѣтникъ, пестрѣвшій тюльпанами.

— Свернемъ сюда, въ мои владѣнія. Въ домѣ еще спятъ,— сказалъ Финогенъ, бросивъ взглядъ на закрытыя ставни.

Черезъ небольшую калитку они прошли въ огородъ. На темныхъ грядахъ, тянувшихся длинными рядами, едва всходила зелень.

— Начинайте полоть эту грядку гороха, а я сбѣгаю и поставлю вскипятить воду для чая.—Финогенъ убѣжалъ въ маленькій домикъ въ родѣ сторожки, стоявшій у самой калитки.

Бунинъ принялся за работу.. Всходившая зелень гороха была еще такъ нѣжна, что Бунинъ, съ непривычки, боялся вытащить ее вмѣсто травы.

Черезъ нѣсколько минутъ вернулся Финогенъ.

— Завтракъ скоро будетъ готовъ,—сказалъ онъ.

— Выполемъ эту гряду и позавтракаемъ. Я думаю, вы проголодались.

Маленькій человѣчекъ страшно суетился. Онъ, очевидно, радовался, что есть съ кѣмъ поговорить, и поглядывалъ на Бунина совсѣмъ ласково. Бунинъ чувствовалъ, что первое непріятное впечатлѣніе совсѣмъ сгладилось.

— Лорды-то наши спятъ,—иронически подмигнувъ въ сторону дома, заговорилъ опять Финогенъ.—Чѣмъ они дольше спятъ, тѣмъ мнѣ покойнѣе, а то пойдутъ совать носъ всюду.

— А что, ваши господа—порядочные люди?—спросилъ Бунинъ, чтобы поддержать разговоръ.

— Порядочные...—протянулъ Финогенъ,—не знаю право.— Не люблю я м-ра Тутля. Есть пункты, въ которыхъ мы совсѣмъ не сходимся. Онъ, видите-ли, демократъ, я—республиканецъ. Онъ богатъ—я бѣденъ. А знаете-ли, какъ онъ разбогатѣлъ?

Финогенъ состроилъ смѣшную гримасу, прищуривъ глаза и сжавъ губы.

— Старье продавалъ, да, брошенное грязное старье, тряпки, бумагу, бутылки, жестянки.—Онъ посмотрѣлъ на Бунина съ довольнымъ видомъ.—Конечно,—продолжалъ онъ,—это было давно, 30 лѣтъ тому назадъ. Теперь онъ директоръ «Гармоніи», видѣли, фабрика, какъ дворецъ, стоитъ на горѣ? Онъ скрываетъ, что былъ старьевщикомъ, а я знаю это навѣрно. Иногда онъ приходитъ сюда мудрить надо мной. Я слушаю и молчу,

а глаза мои говорятъ: «Я знаю что ты былъ старьевщикомъ!» Да, онъ принадлежитъ къ Тамани Голль—вы, конечно, слыхали объ этой ассоціаціи богачей—въ банкѣ у него милліоны, имя его стоитъ въ числѣ 200 аристократическихъ семействъ Новаго Вавилона, но я знаю, что онъ былъ старьевщикомъ, и это доставляетъ мнѣ удовольствіе и уравниваетъ меня съ нимъ.

— Финогенъ!—раздался вдругъ рѣзкій женскій голосъ съ террасы.

Финогенъ состроилъ плутовскую рожу.

— Это она меня зоветъ, м-съ Тутль,—сказалъ онъ и, вытеревъ руки объ лежавшій на землѣ грубый фартукъ, побѣжалъ мелкой рысцой.

Черезъ заборъ Бунинъ видѣлъ, какъ Финогенъ взбѣжалъ на веранду и подошелъ къ высокой пожилой женщинѣ съ сильно помятымъ лицомъ, но съ черными, какъ смоль, волосами. Отцвѣтшее лицо ея казалось еще желтѣе отъ свѣтло-голубого капота. Она махала руками, кричала, сердито жестикулируя и, очевидно, за что-то распекала Финогена. Черезъ нѣсколько минутъ она ушла въ домъ, а онъ вернулся, закрывая рукой ротъ и весь трясясь отъ смѣха.

— Вскочила, грѣхи спать не даютъ. Спрашивала, что вы за человѣкъ. Панталоны ваши, видите-ли, ей не понравились, говоритъ—навѣрно трампъ.

— Такъ не лучше-ли мнѣ уйти? Вы можете нажить себѣ непріятностей?—сказалъ Бунинъ.

— Нѣтъ, ничего... Съ ней, видите-ли, случилось недавно пресмѣшное происшествіе. Нужно вамъ сказать, что они оба, и м-ръ Тутль, и она, страшно боятся бродягъ, нарочно держатъ противъ нихъ злѣйшихъ собакъ—недавно одна собака мальчика до смерти закусала. Полицейскіе у нихъ и днюютъ, и ночуютъ—на конюшнѣ имъ отведено особое помѣщеніе, гдѣ они всегда могутъ выпить и закусить. И вотъ, при такой-то охранѣ, м-съ Тутль разъ идетъ ложиться спать, дѣлаетъ свой ночной туалетъ, подходитъ къ постели и вдругъ видитъ настоящаго заправскаго трампа, въ грязныхъ сапогахъ и заплатанныхъ штанахъ, который лежитъ въ ея кровати, какъ младенецъ въ колыбели, и смѣется. Вотъ было гвалту на весь домъ. М-съ Тутль упала въ обморокъ, явились полицейскіе, забрали раба Божьяго. Спрашиваютъ, съ какою цѣлью онъ забрался. А онъ смѣется и говоритъ: «Хотѣлось посмотрѣть на м-съ Тутль безъ парика». Отчаянный народъ! Ну, стащили его въ полицію, а тамъ дня черезъ два и выпустили. Судить то его было не за что, вѣдь человѣкъ ничего не укралъ.

Теперь Бунинъ смѣялся отъ души. Финогенъ былъ очень доволенъ.

— Что же вы ей сказали обо мнѣ?—спросилъ Бунинъ.

— Я сказалъ, что давно васъ знаю. Не безпокойтесь, это все глупости, одно притворство. Въ свое время, въ молодости, она, должно быть, была покороче знакома съ трампами, которыхъ такъ боится теперь. Вѣдь до замужества она была прачкой. Да, два сапога пара,—онъ старьевщикъ, она прачка. А дочь за графа отдали. Да, вотъ какія дѣла на свѣтѣ дѣлаются. Ну, слава Богу, грядка кончена, пойдемте теперь закусить.

Домикъ Финогена состоялъ изъ двухъ маленькихъ комнатъ, изъ которыхъ одна служила кухней. Онъ держалъ ихъ очень чисто, стряпалъ самъ. Въ первой комнатѣ, у окна, выходившаго въ паркъ, небольшой столъ былъ накрытъ чистой скатертью. На немъ Финогенъ разставилъ хлѣбъ, масло, сыръ и два чайника.

— Ну, садитесь, милости просимъ, помогайте сами себѣ,— сказалъ Финогенъ, усаживаясь противъ Бунина. — Сюда, поближе къ окну.

Они принялись съ аппетитомъ за завтракъ.

— М-съ Тутль очень сердится на жильцовъ, которые живутъ въ старомъ домѣ садовника, тутъ же въ паркѣ, — началъ опять Финогенъ, разливая чай.—Она говоритъ, что они пріучаютъ трамповъ, не гоняютъ ихъ и даютъ всегда поѣсть. Они,—говоритъ,—во всемъ виноваты.

Бунинъ посмотрѣль въ окно по тому направленію, куда указывалъ Финогенъ, и увидѣлъ въ глубинѣ парка маленькій коттэджъ, котораго онъ до сихъ поръ не замѣчалъ. Онъ былъ почти весь скрытъ подъ яблонями, густыя вѣтви которыхъ были сплошь покрыты розовато-бѣлымъ цвѣтомъ. Это былъ небольшой двухъ этажный домикъ, выкрашенный коричневой краской, съ крыльцомъ, выходившимъ на каменистую дорожку, которая соединяла паркъ съ огородомъ.

— А кто-же тамъ живетъ?—спросилъ Бунинъ, намазывая масломъ толстый ломоть хлѣба. Въ первый разъ послѣ болѣзни онъ чувствовалъ настоящій аппетитъ.

— Иностранцы, — отвѣчалъ Финогэнъ, — не знаю, японцы или русскіе.

— Русскіе?—чуть не подскочилъ Бунинъ.—Я самъ русскій.

Финогенъ посмотрѣлъ на него новымъ, заинтересованнымъ взглядомъ.

— Такъ вотъ какъ, вы русскій! — Онъ еще пристальнѣе посмотрѣлъ на Бунина.—Вѣдь это вы воюете съ Китаемъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ, улыбаясь, Бунинъ.

— Ахъ, да, извините, то японцы... Славные, храбрые люди... А вы, да, да. — У бѣднаго Финогена, очевидно, перепутались всѣ географическія познанія, и онъ былъ сконфуженъ.—Да что

же это я... Да, да, сѣверная страна, гдѣ зима никогда не проходитъ, теперь помню; медвѣди ходятъ по улицамъ, люди живутъ въ ледяныхъ дворцахъ... Брр... какъ въ нихъ должно быть холодно. Неправда ли?

Тутъ ужъ Бунинъ не выдержалъ и разсмѣялся. Ему были такъ знакомы эти вопросы.

— Те, те, те,—вдругъ обрадовался Финогенъ случаю перемѣнить разговоръ, — вотъ и она, русская дѣвушка, миссъ Мэри, какъ мы ее зовемъ.

Бунинъ выглянулъ въ окно.

Молоденькая дѣвушка стояла на крыльцѣ, прикрывъ глаза загорѣвшею рукою и щурясь отъ солнца, смотрѣла вдоль дорожки. Другой рукой она придерживала пестрый клѣтчатый фартукъ, который былъ чѣмъ-то наполненъ. Синяя юбка, подобранная сбоку, не доходила до земли, такъ что видны были маленькія ноги въ открытыхъ башмакахъ. Бѣлая блузка свободно охватывала стройный станъ.

— Цыпъ, цыпъ, цыпъ,—позвала она и начала сыпать зерно изъ передника. Вдругъ, отовсюду, изъ-подъ забора, изъ-за кустовъ и деревьевъ заковыляли, спѣша и переваливаясь, куры и индюшата. Большой бѣлый пѣтухъ съ яркокраснымъ гребнемъ несся впереди, сзывая своихъ товарокъ взволнованнымъ голосомъ. Ему усердно вторилъ длинноногій индюкъ, болтая что-то совсѣмъ несуразное.

— Ишь, понимаютъ по-русски,—съострилъ Финогенъ, подмигивая Бунину. Но тотъ сидѣлъ, не шевелясь и не отрывая глазъ отъ сцены въ паркѣ.

У ногъ дѣвушки шла толкотня и борьба не на шутку. Всѣ набросились сразу на кормъ. Рыцарь-пѣтухъ выхватывалъ лучшія зерна. Куры дрались. Пестрая насѣдка отнимала что-то у маленькой бѣлой курочки. Дѣвушка взяла бѣлую курицу на колѣни, сѣла на ступени и стала кормить ее изъ рукъ. Теперь Бунину была ясно видна молодая головка, съ яркимъ румянцемъ щекъ, блестящими карими глазами и туго заплетенной русой косой. Онъ смотрѣлъ на нее, и тихая радость загоралась въ его усталой душѣ. Какъ онъ не узналъ прежде этого мѣста? Вѣдь и большая дорога та же, и аллея, по которой онъ свернулъ въ ту памятную ночь. Но тогда зима придавала совсѣмъ другой видъ мѣстности, и было темно. Да, и этотъ большой домъ тотъ же, и ихъ коттэджъ. Но гдѣ же веранда? Должно быть, съ той стороны.

Въ памяти его встала та зимняя сцена со всѣми подробностями. Какъ грубо онъ къ нимъ ворвался! Какъ напугалъ ее! Ему только и оставалось бѣжать. Онъ слышалъ ихъ голоса за собою, звавшіе его вернуться, но не могъ.

Да, можетъ быть, это и къ лучшему. Онъ найдетъ работу,

поправится и пойдетъ къ нимъ, какъ равный, а не какъ нищій...

— Вы, пожалуй, глаза на нее проглядите, — сказалъ Финогенъ.

— Скажите, м-ръ Финогенъ, — началъ Бунинъ какимъ-то страннымъ, неподвижнымъ голосомъ, продолжая смотрѣть въ окно,—не поможете-ли вы мнѣ найти здѣсь постоянную работу?

— А что вы умѣете дѣлать?—спросилъ Финогенъ.

— Все и ничего,—отвѣчалъ Бунинъ.

— Значитъ, не знаете никакого мастерства. На ткацкой фабрикѣ вамъ не приходилось работать?

— Нѣтъ, а что?

— У меня есть родственникъ, который служитъ привратникомъ на фабрикѣ «Гармонія». Можетъ быть, черезъ него можно будетъ что-нибудь устроить.

— Хорошо бы,—сказалъ Бунинъ, а самъ все смотрѣлъ въ паркъ. Теперь дѣвушка сидѣла, задумавшись. Куры мирно клевали у ея ногъ, но она уже забыла о нихъ. Будто тѣнь грусти набѣжала на ея лицо. Такою она еще больше нравилась Бунину.

Вдругъ большая сенъ-бернардская собака выбѣжала изъ-за угла коттэджа и въ два прыжка очутилась у крыльца. Произошелъ страшный переполохъ. Куры съ неистовымъ крикомъ и кудахтаньемъ бросились врассыпную. Пѣтухъ улепетывалъ, вытянувъ впередъ шею и едва успѣвая подбирать ноги. Индюкъ разразился страшнымъ взрывомъ негодованія, надулся, покраснѣлъ и точно замеръ на одной ногѣ, готовый встрѣтить врага. А собака, разогнавъ всѣхъ, съ довольнымъ и ласковымъ видомъ подошла къ дѣвушкѣ и, ставъ на заднія лапы, положила переднія ей на плечи, лизнувъ ее при этомъ своимъ краснымъ языкомъ въ самыя губы. Дѣвушка вскочила и сильнымъ движеніемъ руки оттолкнула собаку, которая опять бросилась къ ней, прыгая и ласкаясь. Дѣвушка взяла ведро, стоявшее на крыльцѣ, и пошла по дорожкѣ. Тогда собака схватила подолъ ея платья и, покорно неся его въ зубахъ, пошла рядомъ съ ней по каменистой дорожкѣ, ведшей къ колодцу.

— Клянусь Св. Патрикомъ,—воскликнулъ Финогенъ,—она самая хорошенькая дѣвушка, какую я когда-либо встрѣчалъ.— Онъ принялся убирать посуду въ маленькій стѣнной шкапикъ.— И знаете-ли, работаетъ, какъ пчелка, а какая отличная художница. Недавно принесъ я ей чудесный кочанъ капусты—она сейчасъ его на картину. Захожу я взять корзинку, смотрю, а мой кочанъ ужъ на стѣнѣ. Нашему зеленьщику онъ такъ понравился, что онъ хотѣлъ заказать ей вывѣску для своей

лавки. Она отказалась писать вывѣску, но зато нарисовала ему двѣ соединенныя руки для подарка его возлюбленной. Онъ былъ очень доволенъ. О, она плутовка! Умѣетъ угодить всякому!—Онъ стряхнулъ скатерть.—Ну, вотъ, я и кончилъ, теперь пора и за работу.

Въ огородѣ они принялись вскапывать новую гряду. Финогенъ продолжалъ болтать—изъ него лѣзло, какъ изъ мѣшка.

Бунинъ больше молчалъ, но готовъ былъ слушать хоть до завтра.

— Да, миленькая дѣвушка,—продолжалъ Финогенъ. — Ее всѣ здѣсь любятъ. Только она не про такихъ голяковъ, какъ мы съ вами. У нея есть уже зазноба. Къ нимъ часто ходитъ одинъ джентльмэнъ, красивый такой, съ большими черными глазами. Я слышалъ, въ большомъ домѣ говорили, что она за него помолвлена. Онъ — пѣвецъ, недавно открылъ въ Новомъ Вавилонѣ свою консерваторію. Хорошая партія... Ну, и ретивый же вы работникъ!—воскликнулъ онъ, съ удивленіемъ глядя на своего помощника.

Бунинъ, начавшій работу спокойно, теперь выходилъ изъ себя и копалъ съ какимъ-то отчаяннымъ рвеніемъ. Онъ ногой глубоко вдавливалъ заступъ и взрывалъ имъ вдвое болѣе земли, чѣмъ Финогенъ, лѣниво шевелившій своей лопатой. Бунинъ выкопалъ уже полгряды, пока Финогенъ болталъ, не подозрѣвая, что каждымъ словомъ своимъ причиняетъ страшную боль. Бунинъ былъ очень блѣденъ, глаза его лихорадочно горѣли, въ торопливыхъ движеніяхъ чувствовалось что-то судорожное. Ему было невыносимо тяжело, онъ задыхался.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Е. Сомова.

Различныя ученія о доходѣ съ капитала.

V.

Изъ числа возраженій, дѣлаемыхъ Б. Баверкомъ противъ теоріи цѣнности Родбертуса и Маркса, я могу остановиться только на тѣхъ, которыя имѣютъ болѣе тѣсную связь съ ученіемъ о доходѣ съ капитала и которыя могутъ быть оцѣнены безъ того, чтобы вдаваться въ подробный разборъ различныхъ теорій цѣнности. Среди возраженій этого рода самое важное, какъ-бы центральное мѣсто занимаетъ слѣдующее: трудовая теорія цѣнности находится въ противорѣчіи съ другимъ важнымъ закономъ экономической науки, который подтверждается явленіями дѣйствительной жизни, именно съ закономъ равенства прибылей. Въ силу послѣдняго закона прибыль въ среднемъ всегда пропорціональна всему капиталу, затраченному на извѣстное предпріятіе. Въ двухъ предпріятіяхъ можетъ быть затрачено одинаковое количество перемѣннаго капитала, т. е. въ нихъ можетъ трудиться одинаковое количество рабочихъ, но если въ одномъ изъ нихъ постояннаго капитала больше, положимъ, машины болѣе цѣнны, то и прибыль, въ силу этого закона, будетъ въ этомъ предпріятіи больше, чѣмъ въ другомъ. Булочникъ, положимъ, можетъ вести свое предпріятіе при помощи такого же перемѣннаго капитала, какъ и хлопчато-бумажный фабрикантъ, т. е. количество рабочихъ можетъ быть тамъ и здѣсь одинаково (предполагая одинаковую рабочую плату), но фабрикантъ всетаки будетъ получать большую прибыль, такъ какъ онъ вложилъ въ свое дѣло больше постояннаго капитала. Очевидно, что фабрикантъ можетъ извлечь эту большую прибыль только въ томъ случаѣ, если онъ будетъ продавать свой товаръ, заключающій въ себѣ извѣстную единицу труда, дороже, чѣмъ продается товаръ булочника, заключающій въ себѣ такую-же единицу труда. Однимъ словомъ, неминуемымъ слѣдствіемъ закона равенства прибылей должно быть то, что изъ двухъ товаровъ, на производство которыхъ потрачено было одинаковое количество труда, тотъ товаръ долженъ продаваться дороже, для производства котораго потребовалось большее количество постояннаго капитала, иначе говоря, эти два товара не могутъ обмѣниваться въ пропорціи потраченнаго на нихъ труда. Это возраженіе, несо-

мнѣнно, весьма сильное. Оно, конечно, не ново, и Б. Баверкъ не первый его выставляетъ. Оно, можно сказать, почти столь-же старо, какъ стара трудовая теорія цѣнности.

Рикардо первый придалъ трудовой теоріи цѣнности твердое научное обоснованіе. Отъ его глубокаго абстрактнаго ума не могло ускользнуть указанное возраженіе. Онъ видѣлъ, что два признанныхъ имъ основныхъ закона находятся другъ съ другомъ въ противорѣчіи: его законъ цѣнности не всегда мирится съ закономъ равенства прибылей. Онъ поэтому поспѣшилъ сдѣлать отступленіе: кромѣ общаго закона цѣнности, въ силу котораго трудъ является мѣриломъ цѣнности, онъ признаетъ еще другой, болѣе частный. «Принципъ, что количество труда, употребленнаго на производства извѣстныхъ благъ, говоритъ Рикардо, опредѣляетъ ихъ относительную цѣнность, терпитъ значительное видоизмѣненіе вслѣдствіе употребленія машинъ и другого постояннаго капитала». Б. Баверкъ обвиняетъ Родбертуса и Маркса въ томъ, что они игнорируютъ это столь важное исключеніе изъ трудовой теоріи цѣнности. «Рикардо, какъ мы знаемъ, говоритъ Бемъ-Баверкъ, подробно остановился на этомъ исключеніи въ двухъ отдѣленіяхъ первой главы «Основныхъ началъ», Родбертусъ и Марксъ игнорируютъ его, хотя открыто его не отрицаютъ, чего они, понятно, сдѣлать не могли».

Я не стану отрицать, что это исключеніе изъ трудовой теоріи цѣнности весьма важно и существенно. Но Б. Баверкъ поступаетъ несправедливо, когда онъ утверждаетъ, что Марксъ и Родбертусъ его игнорировали. Теорія прибыли вообще, какъ и отношеніе прибыли къ цѣнности, на чемъ именно и основано указанное исключеніе, входитъ, по плану Маркса, въ третій томъ его труда *). Что-же касается Родбертуса, то и онъ этого исключенія изъ трудовой теоріи цѣнности далеко не игнорировалъ; напротивъ, онъ его хорошо сознавалъ и нѣсколько разъ объ этомъ высказывался. Единственное, что можно поставить ему въ упрекъ, это то, что онъ это исключеніе сознавалъ не во всей его полнотѣ, онъ видѣлъ какъ-бы только часть его. Родбертусъ сознаетъ, что въ силу закона равенства прибылей, частичные продукты отдѣльныхъ предпріятій, на которыя распадается производство одного блага, не могутъ обмѣниваться пропорціонально количествамъ труда, такъ какъ цѣнность матеріала на дальнѣйшихъ стадіяхъ производства выше, чѣмъ на предшествующихъ **). Между тѣмъ, оставаясь послѣдовательнымъ, Родбертусъ долженъ былъ идти дальше; онъ долженъ былъ сознавать, что величина матеріала или постояннаго капитала бываетъ различна не только на отдѣльныхъ стадіяхъ производства, на

*) Настоящая статья написана была покойнымъ Б. О. Эфруси еще до выхода III т. „Капитала“; поэтому авторъ не могъ воспользоваться тѣми разъясненіями, которыя даются въ этомъ томѣ по вопросу объ отношеніи между прибавочною цѣнностью и прибылью. *Ред.*

**) Rodbertus, Kapital, стр. 11, 12, 23.

которыя распадается приготовленіе одного какого-либо блага, но что нѣтъ почти двухъ предпріятій, гдѣ-бы существовало одинаковое отношеніе между постояннымъ и перемѣннымъ капиталомъ, а потому положеніе, что товары обмѣниваются другъ на друга въ пропорціи труда, терпитъ гораздо большія модификаціи, чѣмъ это полагалъ Родбертусъ. Я поэтому вполнѣ согласенъ съ Б. Баверкомъ, когда онъ упрекаетъ Родбертуса въ томъ, что послѣдній придалъ указанному отступленію слишкомъ узкое значеніе.

Какъ-бы то ни было, положеніе, что товары обмѣниваются другъ на друга въ пропорціи труда, не мирится съ другимъ положеніемъ, что уровень прибыли въ различныхъ предпріятіяхъ стремится къ уравненію.

Нужно отдать справедливость Б. Баверку: онъ съумѣлъ отлично воспользоваться этимъ противорѣчіемъ и раскрыть всю его первостепенную важность. Какое, однако, имѣетъ отношеніе это исключеніе изъ трудовой теоріи цѣнности къ ученію о рентѣ или прибавочной цѣнности? Б. Баверкъ полагаетъ, что стоитъ только доказать, что товары не могутъ всегда обмѣниваться въ пропорціи труда, чтобы этимъ самымъ подорвать всю теорію прибавочной цѣнности. Такой выводъ кажется мнѣ совершенно неосновательнымъ. Отступленіе отъ трудовой теоріи цѣнности, на которое указываетъ Б. Баверкъ, и которое во всей его полнотѣ сознавалось Рикардо, несомнѣнно весьма важно. Съ нимъ экономистъ долженъ считаться, изучая такое явленіе, какъ *прибыль на* капиталъ: здѣсь изучается отношеніе между прибылью и всѣмъ капиталомъ, вложеннымъ въ предпріятіе, а это именно отношеніе вызываетъ указанное отклоненіе въ цѣнности. Но можетъ ли это отклоненіе въ цѣнности подорвать ученіе о рентѣ или прибавочной цѣнности? Пусть пропорція, въ которой товары обмѣниваются другъ на друга, опредѣляется самыми различными условіями, несомнѣннымъ всетаки остается тотъ фактъ, что сумма всѣхъ продуктовъ, поступающихъ въ руки капиталистовъ, производится въ прибавочное рабочее время, что эти продукты не появились-бы на свѣтъ Божій, если-бы рабочихъ не заставили работать больше того времени, сколько требуется для производства средствъ, необходимыхъ для ихъ существованія; несомнѣннымъ остается тотъ фактъ, что сумма этихъ продуктовъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ длиннѣе будетъ рабочій день и чѣмъ производительнѣе будетъ трудъ, что, наконецъ, «рента или прибавочная цѣнность» въ томъ смыслѣ, какъ эти понятія понимаются Родбертусомъ и Марксомъ, обусловливаются существованіемъ частной собственности на землю и капиталы; однимъ словомъ, основы «эксплуатаціонной теоріи» Родбертуса и Маркса остаются непоколебленными.

То-же самое слѣдуетъ сказать и относительно другихъ возраженій Б. Баверка противъ теоріи цѣнности Родбертуса и Маркса. Съ нѣкоторыми изъ нихъ можно согласиться, другія нужно признать

совершенно слабыми. Какъ бы то ни было, я всетаки не вижу основанія, почему слѣдуетъ изъ возраженій подобнаго рода сдѣлать тотъ выводъ, что ученія Родбертуса и Маркса о рентѣ и прибавочной цѣнности невѣрны. Между тѣмъ именно это послѣднее хотѣлъ доказать Б. Баверкъ. Допустимъ, напр., что слѣдующее возраженіе Б. Баверка противъ трудовой теоріи цѣнности вполнѣ правильно. «Изъ вліянія трудового начала, говоритъ Б. Баверкъ, исключены всѣ «предметы рѣдкости», которые, въ силу фактическихъ или правовыхъ препятствій, или совершенно не могутъ быть воспроизведены или не могутъ быть воспроизведены въ неограниченномъ количествѣ. Рикардо перечисляетъ, въ видѣ примѣра, статуи и картины, рѣдкія книги и монеты, тонкія вина и дѣлаетъ при этомъ замѣчаніе, что «эти блага составляютъ только маленькую долю всего количества благъ, которыя ежедневно обмѣниваются на рынкѣ». Если, однако, вспомнить, продолжаетъ далѣе Б. Баверкъ, что въ эту самую категорію входитъ и вся земля, далѣе тѣ многочисленныя блага, при производствѣ которыхъ играетъ роль патентъ на изобрѣтеніе, авторское право или промышленная тайна, тогда мы найдемъ количество этихъ «исключеній» далеко не малочисленнымъ» *). Подрываетъ-ли указанное сейчасъ исключеніе изъ трудовой теоріи цѣнности ученіе о рентѣ или прибавочной цѣнности? Я рѣшительно не вижу почему, и Б. Баверкъ этого совершенно не доказалъ.

Единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ его возраженій, это тотъ, что эти и другія отступленія отъ трудовой теоріи цѣнности должны оказывать вліяніе на прибыль отдѣльныхъ капиталистовъ, но никакъ не тотъ, что они подрываютъ ученіе о рентѣ или прибавочной цѣнности.

Этимъ я заканчиваю возраженія Б. Баверка противъ ученій Родбертуса и Маркса и перехожу къ изложенію его собственнаго, положительнаго ученія.

VI.

Чтобы ясно изложить и правильно оцѣнить ученіе Б. Баверка о доходѣ съ капитала, мнѣ нужно предварительно передать въ общихъ чертахъ, хотя бы безъ всякой критики, нѣкоторые установленные имъ общіе экономическіе принципы. Я разумѣю ученіе Б. Баверка о сущности капиталистическаго производства и его воззрѣнія касательно теоріи цѣнности.

Все, чего мы достигаемъ чрезъ производство, говоритъ Б. Баверкъ, есть результатъ двухъ—и только двухъ—элементарныхъ производительныхъ силъ: природы и труда. Въ этомъ заключается одна изъ самыхъ основныхъ идей всей теоріи производства. Роль

*) *B. Bawerk.* «Kapital und Kapitalzins», B. I. стр. 438.

человѣка въ производствѣ заключается въ томъ, что онъ—самъ часть внѣшней природы—комбинируетъ свои естественныя силы съ силами природы, при чемъ такъ ихъ комбинируетъ, что отъ взаимодѣйствія этихъ соединенныхъ силъ естественнымъ образомъ возникаетъ полезное и желательное ему благо. Это соединеніе человѣческихъ силъ съ силами природы можетъ совершаться двоякимъ образомъ: 1) человѣкъ примѣшиваетъ свои силы, т. е. трудъ, такъ, что желательное благо возникаетъ тотчасъ, непосредственно, 2) мы раньше создаемъ посредственныя блага, которыя Б. Баверкъ называетъ «благами высшаго порядка», т. е. орудія, машины и т. п., затѣмъ соединяемъ съ послѣдними другія силы и вещества, послѣ чего только возникаетъ желательное намъ благо. Примѣръ лучше всего освѣтитъ эти два различныхъ способа человѣческаго производства.

«Крестьянинъ нуждается въ водѣ. Источникъ находится на извѣстномъ разстояніи отъ его жилища. Чтобы удовлетворить свою потребность въ водѣ, крестьянинъ можетъ дѣйствовать различнымъ образомъ. Онъ можетъ каждый разъ ходить къ источнику и пить изъ своей ладони. Это самый прямой путь: удовлетвореніе потребности слѣдуетъ непосредственно за употребленіемъ извѣстныхъ усилій. Но этотъ путь неудобенъ: нашъ крестьянинъ долженъ въ теченіе дня столько разъ бѣгать къ источнику, сколько разъ у него является жажда; при томъ онъ недостаточенъ: такимъ путемъ никогда нельзя скопить такого количества воды, какое нужно для различныхъ цѣлей». Но крестьянинъ можетъ достигнуть своей цѣли, дѣйствуя инымъ, болѣе длиннымъ путемъ. Онъ можетъ прежде приготовить «благо высшаго порядка», напр., ведро, затѣмъ при помощи его сразу набрать воды, которой хватитъ на цѣлый день. Онъ можетъ идти еще гораздо болѣе длиннымъ и окольнымъ путемъ. Прежде всего онъ приготовляетъ блага болѣе высшаго порядка, напр., желѣзныя или деревянныя трубы, затѣмъ онъ соединяетъ при помощи этихъ трубъ свою хижину съ источникомъ и такимъ образомъ онъ будетъ получать воду всегда, когда ему понадобится, съ гораздо меньшею затратою труда и въ какомъ угодно количествѣ.

«Производство, которое идетъ такими разумными окольными путями, есть ни что иное, какъ-то, которое экономисты называютъ капиталистическимъ производствомъ; производство, которое просто, голою рукою стремится къ достиженію своей цѣли, представляетъ собою производство безъ капитала. Капиталъ есть ничто иное, какъ совокупность посредственныхъ благъ, которыя возникаютъ на отдѣльныхъ этапахъ этого длиннаго окольнаго пути». Выгоды такого производства, которое описываетъ указанные окольные пути, т. е капиталистическаго производства, для всякаго очевидны: мы, такимъ образомъ, пользуемся силами природы, присущими этимъ посредственнымъ благамъ, а эти силы выполняютъ то тяжелыя, то тонкія работы, съ которыми слабыя и недостаточно гибкія человѣческія

силы не могутъ справиться. Эти выгоды выражаются въ томъ, что мы при помощи такого же количества труда достигаемъ большаго количества продуктовъ; кромѣ того онѣ выражаются еще въ томъ, что извѣстныя блага мы можемъ производить только такимъ косвеннымъ путемъ.

Рядомъ съ крупными выгодами капиталистическое производство имѣетъ и свою невыгоду. Она заключается въ *потерѣ времени*. Капиталистическій способъ производства доставляетъ большій и лучшій продуктъ, за то только черезъ болѣе отдаленный промежутокъ времени. «Само собою понятно, говоритъ Б. Баверкъ, что тому положенію, что капиталистическое производство сопряжено съ потерею времени, нельзя противопоставить того факта, что при помощи уже *готоваго капитала* извѣстный продуктъ можно произвести скорѣе, чѣмъ безъ помощи капитала, что портному, напр., нужно для приготовленія сюртука безъ швейной машины 3 дня, а при помощи такой машины только 1 день, такъ какъ ясно, что шитье при помощи швейной машины составляетъ только часть, притомъ самую незначительную часть, капиталистическаго окольнаго пути, главная часть котораго падаетъ на приготовленіе самой машины, а чтобы пройти весь этотъ окольный путь въ цѣлости требуется гораздо больше, чѣмъ 3 дня». Таковъ взглядъ Б. Баверка на сущность капиталистическаго производства, на его выгоды (большая производительность) и невыгоды (потеря времени).

Для пониманія теоріи Б. Баверка о доходѣ съ капитала требуется еще нѣкоторое знакомство съ его теоріею цѣнности. Я на этой теоріи долго останавливаться не могу, такъ какъ для этого мнѣ пришлось бы совершенно выйти за предѣлы поставленной задачи; приведу лишь нѣкоторые выводы изъ его теоріи цѣнности, въ видѣ готовыхъ тезисовъ, не вдаваясь въ ихъ критику. Въ вопросѣ о цѣнности Б. Баверкъ стоитъ на субъективной почвѣ. «Цѣнность въ субъективномъ смыслѣ, говоритъ Б. Баверкъ, есть то значеніе, которое извѣстное благо имѣетъ для благоденствія извѣстнаго лица». «Всѣ блага имѣютъ полезность, но не всѣ имѣютъ цѣнность. Для того, чтобы возникла цѣнность, полезность должна соединиться съ *рѣдкостью*, не съ абсолютной рѣдкостью, а съ относительной, т. е. въ сравненіи съ потребностью въ благахъ даннаго рода». «Благо будетъ имѣть большую цѣнность, если отъ него зависитъ большая выгода для нашего благоденствія, — малую цѣнность, если выгода отъ него мала».

На основаніи сейчасъ сказаннаго можно было бы подумать, что цѣнность даннаго конкретнаго блага зависитъ отъ той потребности, для удовлетворенія которой оно въ дѣйствительности служитъ. Но это было бы невѣрно. Дѣло въ томъ, что блага извѣстнаго рода могутъ служить для удовлетворенія совершенно различныхъ потребностей: охотникъ имѣетъ, положимъ, 2 хлѣба, одинъ онъ употребляетъ для удовлетворенія своего собственнаго голода, а другой,

чтобы накормить свою собаку. Чѣмъ въ такомъ случаѣ будетъ опредѣляться цѣнность хлѣба? Какую изъ двухъ потребностей нужно принять за основаніе, чтобы опредѣлить его цѣнность? На это Б. Баверкъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: чтобы опредѣлить цѣнность какого-либо блага, нужно спросить себя, какая изъ потребностей осталась бы неудовлетворенной, если бы мы этого блага лишились. Очевидно, неудовлетворенной осталась бы наименѣе важная потребность; если бы охотникъ потерялъ одинъ изъ двухъ хлѣбовъ, то онъ бы оставилъ неудовлетворенной наименѣе важную потребность, онъ оставилъ бы, вѣроятно, собаку безъ пищи. Поэтому можно сказать, что цѣнность каждаго изъ 2-хъ хлѣбовъ зависитъ не отъ болѣе важной потребности, для удовлетворенія которой одинъ изъ нихъ служитъ (голодъ охотника), а отъ менѣе важной потребности (голодъ собаки). Такимъ образомъ Б. Баверкъ приходитъ къ слѣдующему общему выводу: «*цѣнность извѣстнаго блага измѣряется важностью той конкретной потребности, которая среди потребностей, удовлетворяемыхъ запасомъ благъ этого рода, является наименѣе важною*. Основаніемъ для опредѣленія цѣнности блага извѣстнаго рода служитъ не полезность какого-либо конкретнаго блага, а наименьшая полезность, которую мы извлекаемъ изъ какого-нибудь блага этого рода. *Цѣнность блага измѣряется величиною его предѣльной полезности*». Въ этомъ послѣднемъ положеніи заключается сущность теоріи цѣнности Б. Баверка. Поэтому эта теорія и носитъ названіе теоріи предѣльной полезности—Grenznutzentheorie.

Изслѣдуя вопросъ, отъ какихъ условій зависитъ высота предѣльной полезности извѣстнаго блага, Б. Баверкъ приходитъ къ тому заключенію, что она зависитъ отъ отношенія между *потребнымъ количествомъ и запасомъ* (Bedarf und Deckung). «Чѣмъ шире и интензивнѣе потребность, т. е. чѣмъ больше количество и интензивность потребностей, которыя нуждаются въ удовлетвореніи, и чѣмъ меньше то количество благъ, которымъ мы можемъ пользоваться для этой цѣли, тѣмъ выше предѣльная полезность, а потому и цѣнность блага. Такъ какъ отношеніе между потребностью въ извѣстныхъ благахъ и ихъ запасомъ у разныхъ людей крайне различно, то изъ этого слѣдуетъ, что одно и то же благо имѣетъ для различныхъ людей совершенно различную субъективную цѣнность—явленіе, безъ котораго обмѣнъ былъ бы немыслимъ. Но вѣдь есть такія блага, которыя не служатъ прямо и непосредственно для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, а служатъ только для дальнѣйшаго производства, напр., машины, орудія, уголь на фабрикѣ, сырые матеріалы и проч. Чѣмъ опредѣляется цѣнность этихъ благъ? Для этихъ благъ, которыя служатъ удовлетворенію нашихъ потребностей только косвеннымъ образомъ, Б. Баверкъ заимствуетъ у К. Менгера названіе благъ «высшаго или отдаленнаго порядка»; цѣнность такого блага высшаго порядка зависитъ отъ тѣхъ же усло-

вій, какъ и цѣнность потребительныхъ благъ, т. е. отъ его предѣльной полезности или отъ важности той потребности, которая осталась бы неудовлетворенной, если бы мы лишились этого блага. Такъ какъ благо высшаго порядка, напр., машина, для насъ важно только потому, что при помощи его мы можемъ произвести извѣстныя потребительныя блага, то, очевидно, лишеніе такого блага высшаго порядка для насъ чувствительно столько же, сколько лишеніе потребительныхъ благъ, которыя при помощи его производятся. Лишаясь машины, мы лишаемся тѣхъ потребителвныхъ благъ, которыя мы могли бы произвести при помощи этой машины. Поэтому можно сказать, что цѣнность блага высшаго порядка зависитъ вполнѣ отъ цѣнности благъ, которыя при ихъ помощи производятся, т. е. отъ предѣльной полезности послѣднихъ.

Не трудно замѣтить, что изложенныя сейчасъ воззрѣнія Б. Баверка прямо противоположны тому, чему учила нась до сихъ поръ политическая экономія, начиная съ Ад. Смита и кончая Родбертусомъ и Марксомъ. На вопросъ о томъ, отъ чего зависитъ цѣнность даннаго блага, политическая экономія отвѣчала: цѣнность зависитъ отъ того, сколько потрачено при производствѣ этого блага рабочей силы, матеріаловъ и орудій производства, другими словами отъ условій возникновенія этого блага. Совершенно противоположный отвѣтъ даетъ на поставленный выше вопросъ австрійская школа и въ частности Б. Баверкъ. Не отъ издержекъ производства, учитъ Б. Баверкъ, зависитъ цѣнность извѣстнаго блага, а наоборотъ: издержки производства, или, говоря словами Б. Баверка, блага высшаго порядка сами получаютъ свою цѣнность отъ конечныхъ потребительныхъ благъ. Не блага высшаго порядка опредѣляютъ цѣнность потребительныхъ благъ, а наоборотъ—блага высшаго порядка сами получаютъ отъ послѣднихъ свою цѣнность. «Что токайское вино не потому цѣнно, что токайскіе виноградники очень цѣнны, а наоборотъ виноградники потому имѣютъ большую цѣнность, что цѣнность ихъ продуктовъ высока—въ этомъ никто не будетъ сомнѣваться».

Краткое извлеченіе, которое я сдѣлалъ изъ теоріи цѣнности Б. Баверка, было необходимо. Въ то время, какъ съ точки зрѣнія Родбертуса и Маркса существованіе ренты и прибавочной цѣнности есть результатъ извѣстной формы распредѣленія,—онѣ, по ихъ мнѣнію, существуютъ потому, что собственники земель и орудій производства берутъ у непосредственныхъ производителей часть произведенныхъ ими продуктовъ,—съ точки зрѣнія Б. Баверка происхожденіе дохода съ капитала связано съ возстановленіемъ цѣнности продуктовъ. «Проблемма дохода съ капитала, говоритъ Б. Баверкъ, есть въ конечномъ основаніи проблемма цѣнности». Въ чемъ заключается эта связь между происхожденіемъ цѣнности и дохода съ капитала,—это видно будетъ изъ дальнѣйшаго.

VII.

Основная идея, которая проходитъ черезъ все это ученіе Б. Баверка о доходѣ съ капитала, заключается во вліяніи *времени* на хозяйственныя явленія. *Настоящія блага*, говоритъ Б. Баверкъ, *по общему правилу болѣе цѣнны, чѣмъ будущія блага такого же рода и количества.* Это положеніе, прибавляетъ Б. Баверкъ, есть ядро и центральный пунктъ теоріи дохода съ капитала, которую я намѣренъ изложить.

Съ перваго взгляда это утвержденіе Б. Баверка кажется совершенно парадоксальнымъ. Для насъ совершенно непонятно, какое отношеніе можетъ имѣть «время» къ хозяйственнымъ явленіямъ вообще и къ доходу съ капитала въ частности. Но не будемъ забѣгать впередъ; будемъ слѣдовать за Б. Баверкомъ и посмотримъ, какъ онъ доказываетъ свое первое основное положеніе. Онъ перечисляетъ три причины, которыя способствуютъ тому, чтобъ настоящія блага имѣли большую цѣнность, чѣмъ одинаковыя будущія блага. «Первая основная причина, которая вызываетъ различіе въ цѣнности настоящихъ и будущихъ благъ, заключается въ *различіи отношеній между потребнымъ количествомъ и запасомъ* въ разные періоды времени. Настоящія блага получаютъ свою цѣнность, какъ извѣстно, отъ отношенія между потребнымъ количествомъ и запасомъ въ настоящій періодъ, будущія блага—отъ этого отношенія въ будущій періодъ, когда эти блага перейдутъ въ наше распоряженіе. Если человѣкъ имѣетъ въ настоящее время особенную нужду въ извѣстныхъ благахъ или въ благахъ вообще, между тѣмъ какъ онъ надѣется, что въ какой нибудь будущій періодъ времени онъ будетъ гораздо болѣе обезпеченъ, тогда онъ извѣстное количество благъ, которыми онъ можетъ сейчасъ распоряжаться, будетъ гораздо выше цѣнить, чѣмъ такое же количество будущихъ благъ.

Всѣ люди, выступающіе безъ средствъ на какое либо поприще, служители искусства или Ѳемиды, начинающіе медики, чиновники или коммерсанты, легко и охотно соглашаются за какую нибудь сумму теперешнихъ благъ, которыя помогутъ имъ закончить начатое образованіе или укрѣпить свое хозяйственное положеніе, обѣщать несравненно большую сумму, если только имъ нужно будетъ ее возвратить послѣ того, какъ они будутъ получать большіе доходы».

Кромѣ сейчасъ указанной причины есть еще двѣ другія, которыя дѣйствуютъ въ томъ же направленіи съ еще большею силою, т. е. онѣ также способствуютъ тому, что настоящія блага цѣнятся дороже будущихъ. Одна изъ этихъ причинъ чисто психологическаго характера: въ силу различныхъ психологическихъ основаній человѣкъ придаетъ будущимъ пріятнымъ, какъ и непріятнымъ, ощущеніямъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ настоящимъ; слѣдствіемъ этого

является то, что будущія блага, являющіяся средствами къ удовлетворенію нашихъ будущихъ потребностей, мы также цѣнимъ ниже, чѣмъ настоящія. «Мы систематически оцѣниваемъ низко наши будущія потребности точно такъ же, какъ и средства, ведущія къ ихъ удовлетворенію. Это фактъ существующій, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; правда, у различныхъ національностей, въ различныхъ возрастахъ, у разныхъ индивидуумовъ онъ встрѣчается въ крайне различной степени. Самымъ рѣзкимъ образомъ этотъ фактъ выступаетъ у дѣтей и у дикарей. Для нихъ самое малое удовольствіе, если только оно можетъ быть испытано въ настоящій моментъ, болѣе важно, чѣмъ самыя сильныя и продолжительныя удовольствія въ будущемъ. Въ болѣе мягкой степени эта слабость, какъ я смѣю утверждать, никому не чужда, даже самому предусмотрительному, заботливому и твердому человѣку».

Бемъ-Баверкъ указываетъ, наконецъ, еще третью причину, технического характера, которая дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, т. е. ведетъ къ тому, что настоящія блага цѣнятся выше будущихъ. Я не буду останавливаться на разборѣ этой причины, такъ какъ это отвлекло бы насъ слишкомъ въ сторону. Скажу только, что эта причина техническаго характера находится въ связи со взглядомъ Б. Баверка на сущность капиталистическаго производства, именно, что тотъ процессъ болѣе производителенъ, который сопряженъ съ большею потерею времени, который описываетъ длинные, окольные пути. Результатомъ того, что всѣ люди субъективно цѣнятъ настоящія блага выше будущихъ, является то, что настоящія блага имѣютъ вообще высшую мѣновую цѣнность и большую рыночную цѣну, чѣмъ будущія блага.

Я считалъ нужнымъ подробно передать взгляды Б. Баверка на отношеніе между цѣнностью настоящихъ и будущихъ благъ, такъ какъ это составляетъ основу всего его ученія о доходѣ съ капитала. «Естественное различіе въ цѣнности настоящихъ и будущихъ благъ, говоритъ Б. Баверкъ, есть источникъ, изъ котораго беретъ начало всякій доходъ съ капитала». Какъ онъ это доказываетъ? Здѣсь мы подходимъ къ главному пункту его теоріи.

Обмѣнъ настоящихъ благъ на будущія, говоритъ Б. Баверкъ, совершается въ различной формѣ, этому соотвѣтствуютъ и различныя формы, въ которыхъ проявляется доходъ съ капитала. Послѣдній проявляется въ трехъ главныхъ видахъ: 1) доходъ съ капитала, отдаваемаго взаймы, 2) доходъ съ капитала, который извлекаетъ предприниматель, 3) доходъ съ такъ называемыхъ постоянныхъ благъ, т. е. такихъ, которыя потребляются не сразу, а медленно и постепенно, напр., доходъ съ земель, домовъ и т. п., проще говоря, арендная и наемная плата. Б. Баверкъ старается доказать, что, не смотря на различныя формы всѣхъ этихъ видовъ дохода съ капитала, вездѣ дѣйствуетъ одна и та же причина: различіе между цѣн-

ностью настоящихъ и будущихъ благъ. Остановимся прежде всего на доходѣ съ капитала, отдаваемаго взаймы.

Заемъ, съ точки зрѣнія Б. Баверка, есть ничто иное, какъ обмѣнъ настоящихъ благъ на будущія. Заимодавецъ А отдаетъ должнику В извѣстную сумму настоящихъ благъ, напр., настоящихъ гульденовъ, въ полную собственность послѣдняго; В даетъ въ обмѣнъ за это заимодавцу А извѣстную сумму такихъ же самыхъ будущихъ благъ, напр., гульденовъ будущаго года, опять таки въ полную собственность. Такимъ образомъ здѣсь имѣетъ мѣсто взаимное перенесеніе права собственности на извѣстную сумму одинаковыхъ благъ, которыя отличаются другъ отъ друга только тѣмъ, что одни принадлежатъ настоящему, другія будущему времени. Такъ какъ по общему правилу люди цѣнятъ настоящія блага выше будущихъ, то должникъ долженъ дать въ обмѣнъ за настоящія блага большую сумму будущихъ благъ. Словомъ, чтобъ этотъ обмѣнъ былъ вполнѣ правиленъ, должникъ долженъ возвратить занятую сумму и еще извѣстную прибавку. «Эта прибавка есть именно проценты, которые вытекаютъ изъ того различія, какое существуетъ между цѣнностью настоящихъ и будущихъ благъ».

Проценты, такимъ образомъ, служатъ для уравненія того различія, какое существуетъ между цѣнностью настоящихъ благъ и будущихъ, это различіе служитъ источникомъ ихъ возникновенія.

Я не буду теперь останавливаться на разборѣ сейчасъ изложеннаго взгляда; познакомимся раньше съ тѣмъ, какъ Б. Баверкъ объясняетъ другіе виды дохода съ капитала.

Второй видъ дохода съ капитала есть доходъ предпринимателя. Очевидно, этотъ видъ дохода съ капитала имѣетъ наибольшую важность. Какое объясненіе даетъ здѣсь Б. Баверкъ? Предприниматель, говоритъ онъ, закупаетъ различныя блага «высшаго порядка», орудія, машины, матеріалы и, главнымъ образомъ, рабочія силы и превращаетъ ихъ путемъ производительнаго процесса въ готовые, зрѣлые продукты. При этомъ предпринимателю достается, помимо вознагражденія за его личную дѣятельность, еще извѣстная прибыль, которая обыкновенно пропорціональна вложенному въ дѣло капиталу. Какъ объяснить эту прибыль предпринимателя? Съ точки зрѣнія Б. Баверка она объясняется очень просто. «Эти блага высшаго порядка (которыя купилъ предприниматель), хотя матеріально составляютъ настоящія блага, но по своей хозяйственной природѣ они только *будущіе товары*. Они въ своемъ настоящемъ состояніи негодны къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей; для того, чтобы они были способны къ этому, они нуждаются въ извѣстномъ преобразованіи, а такъ какъ на это преобразованіе требуется извѣстное время, то они, стало быть, могутъ служить къ удовлетворенію потребностей только какого нибудь будущаго періода времени. Словомъ, всѣ товары, включая и рабочія силы, которыя предприниматель закупаетъ для своего производства, проявляютъ свою по-

лезность только въ будущемъ, всѣ они составляютъ «будущіе товары». Это обстоятельство должно имѣть весьма важныя послѣдствія. «Мы цѣнимъ, какъ намъ извѣстно, блага отдаленнаго порядка вообще на основаніи предѣльной полезности, или на основаніи цѣнности ихъ зрѣлыхъ конечныхъ продуктовъ: извѣстная группа производительныхъ благъ, при помощи которой мы производимъ 100 центнеровъ хлѣба, имѣетъ для нашихъ потребностей то же самое значеніе, какъ и 100 центнеровъ хлѣба, въ которые она превращается. Но эти 100 центнеровъ хлѣба, цѣнность которыхъ служитъ регуляторомъ цѣнности группы производительныхъ благъ, покамѣсть только *будущіе* 100 центнеровъ хлѣба, а будущія блага, какъ намъ извѣстно, менѣе цѣнны, чѣмъ настоящія блага: 100 будущихъ центнеровъ имѣютъ, положимъ, такую-же цѣнность, какъ 95 настоящихъ. *Изъ этого слѣдуетъ, что и производительныя блага, если мы ихъ оцѣниваемъ въ сравненіи съ настоящими благами, имѣютъ меньшую цѣнность, чѣмъ то количество зрѣлыхъ продуктовъ, которое мы при ихъ помощи можемъ произвести.* Наша группа производительныхъ благъ, при помощи которой мы черезъ годъ получимъ 100 центнеровъ хлѣба, равноцѣнна 100 центнерамъ хлѣба будущаго года, или-же, подобно послѣднимъ, 95 центнерамъ настоящаго хлѣба». Предприниматель закупаетъ производительныя блага, которыя будутъ служить къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей, только черезъ годъ, но онъ платитъ за нихъ уже *теперь*; онъ измѣряетъ ихъ цѣнность въ настоящихъ гульденахъ, очевидно, онъ долженъ дать за нихъ меньше того количества гульденовъ, какое они доставятъ ему черезъ годъ.

«Въ этомъ и ни въ чемъ иномъ лежитъ основаніе «дешевой» закупки производительныхъ благъ вообще и *труда* въ частности, въ которой соціалисты съ полнымъ правомъ видятъ источникъ прибыли съ капитала; по они совершенно неправильно объясняютъ ее, какъ результатъ эксплоатаціи рабочихъ со стороны капиталистовъ. Закупка вовсе не такъ дешева, какъ это кажется. Она намъ кажется дешевой главнымъ образомъ потому, что мы цѣну измѣряемъ другимъ масштабомъ, чѣмъ товаръ». Производительныя блага, или вѣрнѣе продукты, извлекаемые изъ нихъ, которые собственно имѣются въ виду предпринимателемъ, суть будущія блага; между тѣмъ ихъ цѣну измѣряютъ и уплачиваютъ въ полноцѣнныхъ настоящихъ благахъ. Въ томъ, что предприниматель закупаетъ большее количество будущихъ менѣе цѣнныхъ благъ при помощи меньшаго количества настоящихъ болѣе цѣнныхъ благъ — въ этомъ нельзя еще видѣть дешевой закупки.

«И такъ мы знаемъ теперь, что предприниматель закупаетъ будущіе товары, т. е. производительныя блага, за извѣстную сумму настоящихъ благъ, которая меньше суммы производимыхъ при ихъ помощи благъ. Какимъ-же образомъ онъ получаетъ свою прибыль? Очень просто. Конечно, она вытекаетъ не изъ «дешевой» закупки,

онъ закупилъ свои товары по цѣнѣ, которая соотвѣтствуетъ ихъ настоящей цѣнности. Прибыль возникаетъ только потомъ въ его рукахъ. *Его будущіе товары созрѣваютъ постепенно въ теченіе того времени, какъ производство идетъ впередъ, и они становятся настоящими товарами; вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнность ихъ растетъ* и достигаетъ уровня цѣнности настоящихъ товаровъ... Годъ тому назадъ они были еще будущими товарами, а потому они должны были цѣниться ниже; теперь они вполнѣ зрѣлые настоящіе товары и имѣютъ поэтому большую цѣнность... Однимъ словомъ, по мѣрѣ, того какъ время идетъ впередъ, товары постепенно достигаютъ полной цѣнности настоящихъ товаровъ: *этотъ приростъ цѣнности и есть прибыль съ капитала*».

«Въ этомъ лежитъ истина на счетъ прибыли предпринимателя. Я надѣюсь, ее найдутъ достаточно простой. Соціалисты обыкновенно съ особенною любовью обозначаютъ эту прибыль словомъ «прибавочная цѣнность»: это названіе подходитъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ предполагали сами соціалисты. Она въ буквальномъ смыслѣ доходъ, вытекающій изъ роста цѣнности будущихъ товаровъ, которые въ рукахъ предпринимателей превращаются во вполнѣ зрѣлые настоящіе товары».

Я не думаю, чтобъ приведенное объясненіе кому-бы то ни было казалось такимъ простымъ, какъ это полагаетъ Б. Баверкъ. Во всякомъ случаѣ, цитатъ, которыя я привелъ, полагаю, достаточно, чтобы понять его точку зрѣнія. Мнѣ-бы слѣдовало теперь передать объясненія Б. Баверка касательно третьяго вида дохода съ капитала, напр., наемной платы, но здѣсь его ученіе отличается такой искусственностью и запутанностью, что я считаю лишнимъ останавливаться на немъ. Я перейду лучше къ нѣкоторымъ весьма любопытнымъ общимъ выводамъ, которые Б. Баверкъ дѣлаетъ изъ своего ученія.

«Въ самой сущности дохода съ капитала, говоритъ Б. Баверкъ, нѣтъ ничего такого, что дѣлало-бы его дурнымъ и несправедливымъ». Находятся, однако, люди, которые мечтаютъ о томъ, чтобы уничтожить доходъ съ капитала.

«Искорененіе дохода съ капитала! восклицаетъ Б. Баверкъ, возможно-ли оно вообще?» Нѣтъ, оно невозможно. И онъ это доказываетъ; ему, по крайней мѣрѣ, такъ кажется. Доказательства его очень любопытны и на нихъ стоитъ остановиться немного подробнѣе. «Доходъ съ капитала, говоритъ Б. Баверкъ, есть не случайная «исторически-правовая» категорія, которая только въ нашемъ индивидуалистически-капиталистическомъ обществѣ имѣетъ мѣсто и исчезнетъ вмѣстѣ съ нимъ; нѣтъ, это есть категорія *экономическая*, вытекающая изъ элементарныхъ экономическихъ причинъ, а потому существуетъ, независимо отъ организаціи общества и правового порядка, вездѣ, гдѣ существуетъ еще вообще какой-либо обмѣнъ между настоящими и будущими товарами».

Б. Баверкъ мысленно переносится въ воображаемый хозяйственный строй, гдѣ нѣтъ собственности на землю и на орудія производства, и находитъ, что и здѣсь, и въ этомъ воображаемомъ строѣ существуетъ тотъ-же доходъ съ капитала, который нѣкоторые тщетно думаютъ искоренить. «Представимъ себѣ, говоритъ Б. Баверкъ, что соціалистическое государство осуществлено въ самомъ совершенномъ видѣ: вся частная собственность на землю и капиталъ уничтожена, всѣ орудія производства сосредоточены въ рукахъ общества, всѣ граждане являются какъ-бы рабочими, состоящими въ услуженіи у общества, весь народный продуктъ распредѣляется между всѣми, соотвѣтственно ихъ труду. Какъ обстоитъ здѣсь дѣло съ дѣйствіемъ тѣхъ причинъ, которыя въ индивидуалистически организованномъ народномъ хозяйствѣ вызываютъ доходъ съ капитала? Прежде всего должно быть признано, *что эти причины существуютъ и теперь.* Существуетъ и теперь естественное различіе въ цѣнности настоящихъ и будущихъ благъ, и такъ какъ и въ соціалистическомъ государствѣ время не стоитъ на одномъ мѣстѣ, то будущія блага постепенно дѣлаются настоящими и при этомъ они доставляютъ прибавочную цѣнность. Разница въ цѣнности настоящихъ и будущихъ благъ, сказалъ я, продолжаетъ существовать, такъ какъ и причины этой разницы остаются неизмѣнными».

Дальше слѣдуютъ доказательства, что причины, вызывающія различіе между цѣнностью настоящихъ и будущихъ благъ (экономическая, психологическая и техническая), продолжаютъ существовать и въ государствѣ, гдѣ нѣтъ частной собственности. «И такъ, разъ твердо установлено, что и въ такомъ государствѣ настоящія блага цѣнятся вообще выше будущихъ, то само собою понятно, что, какъ только дойдетъ до обмѣна между этими благами, они не смогутъ обмѣниваться на равной ногѣ. Настоящія блага точно такъ-же, какъ и при теперешней хозяйственной организаціи, будутъ требовать извѣстной надбавки». Но кто же будетъ получать этотъ доходъ съ капитала, разъ частная собственность на землю и на орудія производства совершенно исчезла? Б. Баверкъ отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ; но читатель чувствуетъ, что его отвѣтъ неудовлетворителенъ, что онъ искусственenъ, что это даже не отвѣтъ, а скорѣе ловкій софизмъ.

«Въ нашемъ гипотетическомъ государствѣ, говоритъ Б. Баверкъ, само общество будетъ извлекать тотъ самый доходъ съ капитала, оно будетъ практиковать тотъ самый вычетъ изъ продукта труда рабочихъ, который теперь клеймится, какъ эксплуатація. Соціалистическое государство, которое владѣетъ всѣми орудіями производства, заставляетъ своихъ членовъ работать въ его мастерскихъ, за это оно платитъ имъ извѣстную рабочую плату. Оно стало быть совершаетъ въ большомъ масштабѣ запрещенную частнымъ лицамъ закупку будущаго товара—труда». Такъ какъ въ различныхъ отрасляхъ производства, продолжаетъ далѣе Б. Баверкъ, въ силу техническихъ

причинъ, можно извлекать готовые продукты не черезъ одинаковые періоды времени: хлѣбъ изъ пекарни получается уже послѣ однодневнаго труда, кусокъ угля извлекается только черезъ 20 лѣтъ послѣ того, какъ приступили къ постройкѣ шахтъ, а столѣтній дубъ получается только черезъ 100 лѣтъ; такъ какъ далѣе, какъ указано было выше, тотъ трудъ является болѣе производительнымъ, который направленъ на болѣе продолжительные производительные процессы, то очень легко можетъ случиться, что продуктъ однодневнаго труда пекаря будетъ имѣть цѣнность, положимъ, въ 2 гульдена, между тѣмъ какъ трудъ рабочаго, посадившаго въ теченіе дня 100 дубовыхъ деревьевъ, дастъ черезъ 100 лѣтъ продукты цѣною въ 1000 гульденовъ.

«И такъ, сколько-же можетъ и должно давать гипотетическое государство въ качествѣ рабочей платы тѣмъ рабочимъ, которые направили свой трудъ на продолжительные, а потому болѣе производительные процессы? Всю цѣнность ихъ будущихъ продуктовъ? Такимъ образомъ рабочимъ, занимающимся посадкой деревьевъ, рабочую плату въ 1000 гульденовъ?—Это невозможно! это была-бы вопіющая несправедливость по отношенію къ рабочимъ другихъ отраслей... Если же общество будетъ платить рабочимъ, занимающимся посадкой деревьевъ, столько же, сколько пекарямъ, т. е. только 2 гульдена въ день — а только это и возможно — *тогда оно совершаетъ по отношенію къ нимъ ту же эксплуатацію, которую совершаютъ въ настоящее время капиталистическіе предприниматели* (курсивъ Б. Баверка)... Общество даетъ рабочему за его будущій продуктъ цѣною въ 1000 гульденовъ настоящую рабочую плату въ 2 гульдена, соотвѣтственно настоящей цѣнности посаженныхъ ростковъ. За то прибавочную цѣнность, которую послѣдніе создаютъ по мѣрѣ созрѣванія до дубовыхъ деревьевъ, годныхъ для сруба, это общество кладетъ себѣ въ карманъ, какъ настоящій доходъ съ капитала».

Словомъ, рабочему выдается рабочая плата не въ 1000 гульденовъ, каковую цѣнность будетъ имѣть черезъ 100 лѣтъ продуктъ его однодневнаго труда, а только 2 гульдена; остальные 998 гульденовъ соціалистическое общество «кладетъ себѣ въ карманъ, какъ настоящій доходъ съ капитала».

«Мы такимъ образомъ приходимъ—говоритъ Б. Баверкъ—къ замѣчательному результату, достойному вниманія. Доходъ съ капитала, который соціалисты теперь клеймятъ, какъ эксплуатацію, какъ грабежъ по отношенію къ продуктамъ труда, этотъ доходъ не исчезнетъ и въ соціалистическомъ государствѣ, напротивъ, само соціалистически организованное общество оставитъ его въ полной силѣ, и въ этой полной силѣ онъ долженъ быть сохраненъ». Этимъ я заканчиваю изложеніе взглядовъ Б. Баверка на доходъ съ капитала и перехожу къ ихъ оцѣнкѣ.

VII.

Вопросъ, который поставилъ себѣ Бемъ-Баверкъ, онъ самъ формулировалъ слѣд. образомъ: «*откуда и почему* (*woher und warum*) *капиталистъ получаетъ постоянный притокъ благъ* (*Güterzufluss*) *безъ всякаго труда съ своей стороны?*» Въ этихъ словахъ, говоритъ Б. Баверкъ, заключается теоретическая проблемма дохода съ капитала. Я думаю, что для всякаго, кто вникнетъ въ этотъ вопросъ въ той формѣ, какъ онъ поставленъ Б. Баверкомъ, ясно станетъ, что въ немъ какъ бы совмѣщаются 2 частичныхъ вопроса: 1) «*откуда*» и 2) «*почему*». Другими словами, нужно прежде всего отвѣтить на вопросъ, *откуда* происходятъ тѣ блага, которыя попадаютъ въ руки капиталистовъ, какъ они возникаютъ, гдѣ источникъ ихъ происхожденія, а затѣмъ нужно отвѣтить на вопросъ «*почему*»,—почему блага, такъ или иначе произведенныя, поступаютъ именно въ руки капиталистовъ.

Знакомясь выше съ ученіями Родбертуса и Маркса, нетрудно было замѣтить, что они даютъ отвѣты на оба эти вопроса. На вопросъ «откуда», изъ какого источника получаются блага, поступающія въ руки капиталистовъ, они отвѣчали: блага, поступающія въ руки капиталистовъ, получаются, оттуда же, откуда получаются всякія другія блага, поступающія въ руки другихъ классовъ общества. Они возникаютъ, благодаря производству, ихъ источникомъ служитъ трудъ. На вопросъ «почему», они отвѣчали: причина лежитъ въ извѣстной организаціи хозяйства, которая зиждется на частной собственности на землю и орудія производства; капиталисты потому имѣютъ возможность получать доходъ безъ всякаго труда съ своей стороны, что въ ихъ рукахъ находятся орудія производства; они поэтому имѣютъ возможность платить рабочимъ меньше того, что̀ они извлекаютъ при ихъ помощи, они имѣютъ возможность заставлять рабочихъ трудиться дольше того, сколько имъ нужно для воспроизведенія своей рабочей платы. Очевидно, что только эти два отвѣта, взятые вмѣстѣ, разрѣшаютъ вполнѣ, въ цѣлости, вопросъ о доходѣ съ капитала въ томъ видѣ, какъ онъ формулированъ самимъ Б. Баверкомъ.

Присмотримся прежде всего къ тому, какой отвѣтъ даетъ Б. Баверкъ на вопросъ «*откуда*». Что отвѣтъ Б. Баверка искусственъ, фиктивенъ, что въ немъ заключается не искомая истина, а скорѣе софизмы, облеченные въ научную форму, — таково, первое, непосредственное впечатлѣніе, которое получаетъ всякій безпристрастный читатель. Вспомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ Б. Баверкъ разрѣшаетъ вопросъ о прибыли предпринимателя, такъ какъ это самый коренной вопросъ въ ученіи о доходѣ съ капитала. Прибыль предпринимателя, говоритъ Б. Баверкъ, возникаетъ не изъ «дешевой» закупки рабочей силы, а очень просто. Онъ заку-

паетъ на рынкѣ матеріалы, орудія, а также рабочія силы по ихъ настоящей цѣнѣ, онъ платитъ за нихъ не меньше, чѣмъ они стоятъ. Всѣ закупленныя имъ блага не годятся для непосредственнаго потребленія, они могутъ служить только косвеннымъ образомъ, послѣ того, какъ они будутъ преобразованы къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей; поэтому всѣ эти товары суть только «будущія блага», они только въ *будущемъ* будутъ служить человѣческимъ потребностямъ. Сколько-же предприниматель долженъ платить за эти «будущіе» товары?

Конечно, меньше того, что онъ самъ изъ нихъ извлечетъ путемъ производства, такъ какъ въ силу общаго закона будущіе товары менѣе цѣнны, чѣмъ настоящіе. И, дѣйствительно, предприниматель платитъ за нихъ меньше, чѣмъ онъ самъ извлечетъ изъ этихъ «будущихъ» благъ. Ну а какъ-же всетаки возникаетъ прибыль? Она возникаетъ, говоритъ Б. Баверкъ, «въ рукахъ предпринимателя». «Его будущіе товары созрѣваютъ по мѣрѣ того, какъ производство идетъ впередъ, и они становятся настоящими товарами; вмѣстѣ съ тѣмъ и цѣнность ихъ ростетъ и достигаетъ уровня цѣнности настоящихъ товаровъ... Годъ тому назадъ они (закупленныя блага) были еще «будущими товарами», а потому они должны были цѣниться низко, теперь они вполнѣ зрѣлые настоящіе товары и имѣютъ поэтому большую цѣнность... Однимъ словомъ по мѣрѣ того, какъ время идетъ впередъ, товары постепенно достигаютъ полной цѣнности настоящихъ товаровъ. *Этотъ приростъ цѣнности и есть прибыль съ капитала*».

Я не думаю, чтобы нашелся такой наивный читатель, который усмотрѣлъ-бы въ этомъ объясненіи не то, что раскрытіе великой проблеммы, но даже тѣнь истины. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли найти хоть тѣнь положительнаго научнаго объясненія въ неопредѣленныхъ, неясныхъ, туманныхъ выраженіяхъ въ родѣ того, что прибыль возникаетъ «въ рукахъ предпринимателя», что будущіе товары созрѣваютъ «съ теченіемъ времени», что приростъ цѣнности есть прибыль съ капитала? Правда, Б. Баверкъ дошелъ до этихъ фиктивныхъ выводовъ довольно ловко и умѣло. Своими разсужденіями на счетъ субъективной цѣнности, на счетъ того, что «цѣнность вообще не производится и не можетъ производиться», что она ростетъ постепенно съ теченіемъ времени, онъ подготовилъ читателя ко всякимъ неожиданностямъ. Но читатель, который сохранилъ за собою хоть немного критики, долженъ всетаки недоумѣвать, когда Б. Баверкъ кончаетъ торжественнымъ выводомъ: «приростъ цѣнности и есть прибыль съ капитала». Да какъ-же такъ? вопрошаетъ читатель. Допустимъ, что цѣнность есть понятіе чисто субъективное, измѣнчивое, допустимъ, что она можетъ рости съ теченіемъ времени, но вѣдь прибыль-то, прибыль, которую кладетъ въ карманъ предприниматель, вѣдь она то составляетъ нѣчто реальное и осязаемое, она самопроизвольно не зарождается и произвольно не ро-

стетъ. Пускай предприниматель закупаетъ сколько угодно «будущихъ товаровъ», и орудій, и машинъ, и матеріаловъ, пускай держитъ онъ ихъ у себя въ амбарахъ сколько угодно времени, и тогда посмотримъ, дѣйствительно-ли будутъ «созрѣвать» эти будущіе товары, и много-ли прибыли «выростетъ» для предпринимателя. Вотъ еслибы такіе опыты удались, тогда можно было-бы согласиться съ Б. Баверкомъ, что прибыль вытекаетъ изъ элементарныхъ свойствъ человѣческой природы и человѣческаго хозяйства.

Впрочемъ, Б. Баверкъ самъ чувствуетъ, что въ его разсужденіяхъ есть какая-то недоговоренность, что они замалчиваютъ самое главное. «Конечно, говоритъ Б. Баверкъ, для того, чтобы будущій товаръ превратился въ настоящій, недостаточно, чтобы время проходило, чтобы будущее стало настоящимъ. Требуется также, чтобы блага не оставались на одномъ мѣстѣ. Они должны съ своей стороны перейти ту пропасть, которая отдѣляетъ ихъ отъ настоящаго, а это совершается именно путемъ производства (наконецъ-то!), которое превращаетъ ихъ изъ благъ отдаленнаго порядка въ зрѣлые, готовые продукты. Въ противномъ случаѣ, если мы оставляемъ лежать капиталъ мертвымъ, тогда производительныя блага остаются на всегда менѣе цѣнными будущими благами.

И такъ, производство! Вотъ та сила, которая превращаетъ «будущіе товары» въ настоящіе, которая наполняетъ пропасть, отдѣляющую будущее отъ настоящаго. Если дѣло всетаки, въ концѣ концовъ, не обходится безъ производства, то зачѣмъ-же ему нужны были всякія темныя и неясныя разсужденія на счетъ вліянія момента «времени», на счетъ «прироста», «созрѣванія» и проч.?

Но этого мало. Коренной и самый глубокій недостатокъ всѣхъ этихъ разсужденій и выводовъ Б. Баверка лежитъ въ томъ, что они совершенно маскируютъ явленія дѣйствительной жизни, они замалчиваютъ самую сущность изучаемаго явленія. Сквозь туманъ, которымъ Б. Баверкъ окружаетъ свои выводы, трудно, или вѣрнѣе сказать невозможно, разсмотрѣть корень, основу такого важнаго экономическаго явленія, какъ доходъ съ капитала: отношенія между трудомъ и капиталомъ, борьба ихъ интересовъ, участіе того и другого въ распредѣленіи, все это какъ будто не имѣетъ никакой связи съ ученіемъ о доходѣ съ капитала. Тщетно мы станемъ искать въ ученіи Б. Баверка отвѣта, напримѣръ, на такой вопросъ: какъ вліяетъ на прибыль предпринимателя удлиненіе рабочаго дня? Казалось-бы, что Б. Баверку, такъ сильно напирающему на роль момента *времени* въ народномъ хозяйствѣ, скорѣе всего слѣдовало-бы удѣлить немного вниманія этому любопытному вопросу.

Второй изъ поставленныхъ выше вопросовъ, а именно: *почему* капиталисты получаютъ постоянный доходъ съ капитала, какія условія дѣлаютъ для нихъ возможнымъ подобное полученіе? въ ученіи Б. Баверка остается совсѣмъ безъ отвѣта. Въ самомъ дѣлѣ, все ученіе Б. Баверка о доходѣ съ капитала сводится къ тому, что «будущіе

товары постепенно созрѣваютъ и становятся полноцѣнными настоящими товарами», что доходъ съ капитала вытекаетъ изъ «прироста цѣнности» и т. п. Что эти объясненія туманны, искусственны, что они маскируютъ явленія дѣйствительной жизни, на это я сейчасъ указалъ. Но допустимъ даже, что они правильны, что они, дѣйствительно, раскрываютъ намъ источникъ происхожденія дохода съ капитала, но вѣдь это еще далеко не полный отвѣтъ на вопросъ, который поставилъ себѣ самъ Б. Баверкъ. Допустимъ, что блага, поступающія въ руки капиталистовъ, дѣйствительно, возникаютъ, благодаря «приросту цѣнности», но вѣдь мы все таки остаемся въ неизвѣстности относительно того, *почему* эти блага поступаютъ именно въ пользу капиталиста, а не въ пользу кого-либо другого, почему товары созрѣваютъ на пользу капиталистовъ, а не на пользу тѣхъ, которые приложили свой трудъ на ихъ производство, почему, говоря словами Б. Баверка, этотъ приростъ цѣнности, это созрѣваніе будущихъ товаровъ происходитъ «*въ рукахъ* капиталистовъ»?

Напрасно мы станемъ искать отвѣта на этотъ вопросъ въ ученіи Б. Баверка. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать научнымъ объясненіемъ туманныя фразы въ родѣ приведенныхъ выше утвержденій, что «цѣнность ростетъ въ рукахъ предпринимателей», или что «капиталистъ срываетъ будущіе товары послѣ того, какъ послѣдніе созрѣваютъ въ его рукахъ до полноцѣнныхъ настоящихъ товаровъ».

VIII.

Въ ученіи Б. Баверка я вижу цѣлый рядъ ошибокъ, часто грубыхъ и непростительныхъ. Постараюсь раскрыть постепенно одну за другою.

Первая ошибка Бемъ-Баверка заключается, какъ мнѣ кажется, въ томъ, что онъ построилъ объясненіе дохода съ капитала на субъективной теоріи цѣнности. Изслѣдователь, строющій свои объясненія такого важнаго жизненнаго явленія, какъ доходъ съ капитала, на психологической теоріи цѣнности, заключающей въ себѣ такъ много неопредѣленнаго и казуистическаго, долженъ неизбѣжно прійти къ искусственнымъ и фиктивнымъ выводамъ.

Присмотримся, въ самомъ дѣлѣ, ближе къ тому, какъ Б. Баверкъ пользуется своей психологической теоріею цѣнности для объясненія такого явленія, какъ прибыль предпринимателя. Предприниматель, говоритъ Б. Баверкъ, закупаетъ на рынкѣ «будущіе товары»— матеріалы, орудія и въ частности рабочія силы. За всѣ эти товары онъ долженъ платить меньше, чѣмъ онъ *потомъ* извлечетъ изъ нихъ путемъ производства,—это естественное слѣдствіе установленнаго имъ общаго принципа цѣнности, что будущіе товары менѣе цѣнны, чѣмъ настоящіе. Но Б. Баверкъ не ограничивается этими аб-

страктными выводами; онъ старается представить этотъ обмѣнъ будущихъ товаровъ на настоящіе въ болѣе конкретной формѣ, такъ, какъ онъ на рынкѣ въ дѣйствительности происходитъ. Онъ желаетъ придать, какъ онъ выражается, своимъ абстрактнымъ выводамъ реальныя «формы» и «краски».

Я приведу для иллюстраціи одинъ только примѣръ; онъ касается того оригинальнаго обмѣна, который предприниматель Б. Баверка совершаетъ на рынкѣ, обмѣнивая настоящія блага на будущій товаръ, т. е. на рабочую силу. «Я имѣю въ виду доказать, говоритъ Б. Баверкъ, почему рыночная цѣна производительнаго блага «трудъ» всегда должна быть ниже, чѣмъ цѣнность и цѣна готоваго продукта этого труда». Какъ-же онъ это доказываетъ? Предположимъ, говоритъ Б. Баверкъ, что при нынѣшней развитой техникѣ мы можемъ примѣнять такіе пріемы производства, при которыхъ потребуется періодъ времени въ 2 года для полученія готовыхъ, зрѣлыхъ продуктовъ. При такихъ длинныхъ пріемахъ производства мы получимъ очень хорошіе результаты; одна рабочая недѣля произведетъ, положимъ, цѣнность въ 10 гульденовъ. Но мы можемъ одинаковые-же продукты производить при помощи болѣе короткихъ техническихъ пріемовъ, за то и результаты будутъ менѣе благопріятны: при трехмѣсячномъ производствѣ одна рабочая недѣля даетъ, положимъ, результатъ въ 5 гульденовъ, при «моментальномъ производствѣ безъ капитала» рабочая недѣля даетъ результатъ, положимъ, въ $2^1/_2$ гульдена». Къ чему, однако, Б. Баверкъ ведетъ всѣ эти разсужденія? А вотъ къ чему. На рынкѣ, говоритъ онъ, происходитъ торгъ между предпринимателемъ и рабочими относительно цѣны «труда», который является товаромъ. Цѣна, какъ извѣстно, устанавливается какъ результатъ субъективныхъ оцѣнокъ обѣихъ сторонъ. Въ чемъ состоятъ эти субъективныя оцѣнки? Такъ, какъ сложились обстоятельства въ современномъ народномъ хозяйствѣ, рабочіе почти никогда не имѣютъ достаточно средствъ, чтобы употребить свой трудъ въ продолжительномъ, многолѣтнемъ производствѣ. Имъ предстоитъ слѣдующая альтернатива: или продать свой трудъ, или-же употребить его за свой собственный счетъ на непродолжительные и мало производительные процессы, какіе имъ позволяютъ ихъ скудныя средства. Они, естественно, выберутъ то, что для нихъ выгоднѣе. Тѣ рабочіе, слѣдовательно, которые достаточно состоятельны, чтобы предпринять на свой счетъ трехмѣсячный производительный процессъ съ доходомъ въ 5 гульденовъ въ недѣлю, тѣ, при всякой цѣнѣ труда, которая выше 5 гульденовъ въ недѣлю, скорѣе продадутъ свой трудъ, при всякой цѣнѣ ниже 5 гульденовъ скорѣе употребятъ его на собственное производство. *Рабочіе-же, которые совершенно не имѣютъ средствъ, которые могутъ предпринять на свой собственный счетъ только моментальное производство безъ капитала съ доходомъ въ $2^1/_2$ гульдена въ недѣлю*, эти рабочіе согласятся спустить цѣну своего труда до

$2^1/_2$ гульденовъ въ недѣлю. Такъ какъ къ числу рабочихъ, не имѣющихъ совершенно никакихъ средствъ, относится въ настоящее время, къ сожалѣнію, большинство, то мы можемъ въ нашемъ примѣрѣ принять, что предложеніе труда будетъ представлено очень большимъ количествомъ рабочихъ, которые цѣнятъ рабочую недѣлю въ худшемъ случаѣ въ $2^1/_2$ гульдена, и меньшимъ количествомъ рабочихъ, которые въ худшемъ случаѣ готовы продать рабочую недѣлю за 5 настоящихъ гульденовъ. Однимъ словомъ, Б. Баверкъ въ концѣ концовъ приходитъ къ тому заключенію, что рабочіе всегда субъективно цѣнятъ свою рабочую силу ниже того, что предприниматель производитъ при ея помощи: въ приведенномъ примѣрѣ для большинства рабочихъ ихъ рабочія силы имѣютъ цѣнность въ $2^1/_2$ гульдена, между тѣмъ какъ предприниматель получаетъ при ихъ помощи при двухълѣтнемъ производительномъ процессѣ 10 гульденовъ.

Далѣе слѣдуетъ доказательство, что и для предпринимателя эти рабочія силы имѣютъ болѣе низкую цѣну, чѣмъ 10 гульденовъ, такъ какъ эти рабочія силы суть только будущіе товары, онъ извлечетъ изъ нихъ 10 гульденовъ только черезъ 2 года. Такимъ образомъ Б. Баверкъ приходитъ къ тому заключенію, что въ дѣйствительности рабочія силы должны всегда имѣть цѣну ниже той, которую имѣютъ готовые продукты, производимые при ихъ помощи, въ нашемъ примѣрѣ ниже 10 гульденовъ.

Я думаю, что не нужно быть глубокимъ критикомъ, чтобы замѣтить съ какими произвольными и чисто фиктивными понятіями оперируетъ Б. Баверкъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можно отвѣтить на такой вопросъ, который ставитъ себѣ Б. Баверкъ: какую «субъективную цѣнность» имѣетъ для современнаго рабочаго его рабочая сила? Переводя этотъ философскій вопросъ на языкъ самого-же Б. Баверка, это значитъ: какое значеніе имѣетъ рабочая сила для самого рабочаго? Я полагаю, что самый правильный отвѣтъ былъ-бы слѣдующій: лично для рабочаго его рабочая сила не имѣетъ ровно никакого значенія, «субъективно» онъ цѣнитъ ее не больше и не меньше, какъ въ нуль. Уже сто лѣтъ тому назадъ Тюрго извѣстно было, что «простой рабочій, не имѣющій ничего кромѣ своихъ рукъ, не имѣетъ ровно ничего, если ему не удастся продать другимъ свой трудъ» *). Но Б. Баверкъ имѣетъ на это свой особый взглядъ. Онъ полагаетъ, что «рабочіе, которые не имѣютъ средствъ, которые могутъ предпринять на свой собственный счетъ (sic!) только моментальное производство безъ капитала, съ доходомъ въ $2^1/_2$ гульдена», цѣнятъ свою рабочую силу во всякомъ случаѣ не ниже $2^1/_2$ гульденовъ. Интересно знать, гдѣ это Б. Баверкъ видѣлъ, чтобы рабочіе, не имѣющіе средствъ, предпринимали на свой соб-

*) Turgot, Reflexions sur la formation et la distribution des richesses, стр. 12, изд. 1788.

ственный счетъ моментальное производство безъ капитала. Это теперь-то при развитой техникѣ, при дорогихъ формахъ производства! «Рабочій, не имѣющій средствъ и производящій на свой собственный счетъ»—можно ли придумать понятіе болѣе произвольное, болѣе фиктивное? Съ чего Б. Баверкъ взялъ, что такому рабочему предстоитъ альтернатива: «или продать свой трудъ, или употребить его на собственный счетъ на непродолжительные и мало производительные процессы»? Знаете-ли, что можетъ сдѣлать рабочій безъ средствъ, знаете-ли какая ему предстоитъ альтернатива? На это даетъ намъ ясный отвѣтъ никто иной, какъ Родбертусъ.

«Представьте вы себя въ положеніи рабочихъ, говоритъ Родбертусъ. Рабочіе освобождены были голыми или въ лохмотьяхъ, не владѣя ничѣмъ, кромѣ своей рабочей силы. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ рабства или крѣпостного права пала также моральная или юридическая обязанность господина кормить ихъ и заботиться объ ихъ нуждахъ. Но вѣдь потребности у нихъ остались, имъ нужно жить. Какъ они могутъ, не имѣя ничего, кромѣ рабочей силы, заботиться объ удовлетвореніи своихъ потребностей? Брать изъ того капитала, который имѣется въ обществѣ, и при его помощи добывать себѣ содержаніе? Но вѣдь капиталъ въ обществѣ принадлежитъ другимъ, и блюстители «права» это едва-ли потерпѣли-бы. Голыми руками извлекать изъ нѣдръ земли матеріалъ и создавать изъ него капиталъ? (Да! Б. Баверкъ не прочь былъ-бы дать имъ такой совѣтъ). Но если-бы даже это и возможно было, то вѣдь ужъ сама земля, даже необработанная, принадлежитъ другимъ, а блюстители «права» этого снова не потерпѣли-бы. Что-же имъ въ концѣ концовъ оставалось въ такомъ положеніи? Только одна альтернатива—или разрушить права общества, или-же вернуться къ своимъ прежнимъ «господамъ», къ собственникамъ земли и капиталовъ и получать въ видѣ рабочей платы то, что они раньше получали въ видѣ корма».

Эта альтернатива довольно печальная, но она вполнѣ реальна. Между тѣмъ альтернатива Б. Баверка ничего кромѣ фикцій и искусственныхъ предположеній въ себѣ не содержитъ. И на такихъ-то предположеніяхъ, что рабочій безъ средствъ субъективно цѣнитъ свою рабочую силу въ $2^1/_2$ гульдена, потому что столько онъ можетъ получить, если онъ предприметъ на свой счетъ моментально производство безъ капитала, на такихъ-то и имъ подобныхъ фикціяхъ Б. Баверкъ строитъ изученіе такихъ жизненныхъ, реальныхъ явленій, какъ различные виды дохода съ капитала. И это у Б. Баверка называется «сопровождать абстрактные выводы примѣрами изъ дѣйствительности» придавать имъ «живыя формы и краски»!

Этотъ единственный приведенный мною примѣръ ясно показываетъ, какимъ шаткимъ основаніемъ психическая теорія цѣнности можетъ служить для объясненія дохода съ капитала. Выводы, которые строятся на такомъ основаніи, непремѣнно должны выйти про-

извольными и нереальными. Но этого мало. Если даже допустить, что психологическая теорія цѣнности можетъ служить основаніемъ для ученія о доходѣ съ капитала, то употребленіе, которое сдѣлалъ изъ нея Б. Баверкъ, ужъ никакихъ не могло дать правильныхъ и ясныхъ выводовъ. Здѣсь мы подходимъ ко второй ошибкѣ Б. Баверка. Она заключается въ неправильной постановкѣ вопроса о доходѣ съ капитала.

Доходъ съ капитала есть явленіе тѣсно связанное со всей хозяйственной организаціею общества. Его изученіе должно быть поэтому связано съ изученіемъ этой организаціи вообще и характера распредѣленія въ частности. Мы изучаемъ здѣсь, какъ и почему весь народный доходъ распадается на различныя части, отъ какихъ условій зависитъ распредѣленіе его между различными классами общества и въ частности между представителями капитала. Не такъ смотритъ на это явленіе Б. Баверкъ. Для него вопросъ о доходѣ съ капитала есть «исключительно проблемма цѣнности». Здѣсь, на почвѣ цѣнности, говоритъ Б. Баверкъ, нужно искать объясненія дохода съ капитала. «Проблемма дохода съ капитала есть въ конечномъ основаніи проблемма цѣнности». Я не стану утверждать, что вопросъ о доходѣ съ капитала не стоитъ въ связи съ вопросомъ о цѣнности. И у Родбертуса, и у Маркса, какъ мы видѣли, ученіе о «рентѣ» и «прибавочной цѣнности» тѣсно связано съ вопросомъ о цѣнности вообще и о цѣнности рабочей силы въ частности. Но для нихъ вопросъ о доходѣ съ капитала этимъ далеко не исчерпывается. Они глубоко раскрываютъ намъ ту тѣсную связь, какая существуетъ между такимъ важнымъ явленіемъ, какъ доходъ съ капитала, и всей организаціею народнаго хозяйства, съ тѣми экономическими и правовыми условіями, на которыхъ зиждется весь нашъ общественный строй, отъ которыхъ зависятъ тѣ или иныя формы распредѣленія народнаго дохода. Поэтому и выводы, къ которымъ они приходятъ, имѣютъ реальное содержаніе, жизненныя формы. Б. Баверкъ между тѣмъ видитъ въ вопросѣ о различныхъ формахъ дохода съ капитала не больше, какъ вопросъ обмѣна и цѣнности, проблему дохода съ капитала онъ отождествляетъ съ вопросомъ цѣнности. Въ этомъ заключается, на мой взглядъ, одна изъ его грубѣйшихъ ошибокъ. Ею объясняются тѣ неправильные и искусственные выводы, къ которымъ онъ пришелъ.

Субъективная теорія цѣнности, которой такъ гордится австрійская школа, кажется Б. Баверку въ высшей степени важной и глубокой истиной. Ему кажется, что эта новая истина призвана перестроить и обновить всю экономическую науку, что она должна освѣтить новымъ свѣтомъ всѣ ея важнѣйшія проблеммы. Ослѣпленный этой новою и глубокой теоріею цѣнности, Б. Баверкъ совершенно забылъ тѣ надлежащія границы, въ которыхъ ее слѣдуетъ удержать. Что бы онъ ни изучалъ, будетъ-ли это прибыль предпринимателя, или проценты на отдаваемый взаймы капиталъ, будетъ-ли

это наемная плата съ дома или земельная рента—всюду его преслѣдуетъ излюбленная имъ теорія цѣнности и кромѣ нея онъ ничего не видитъ. Онъ полагаетъ, что для объясненія такихъ сложныхъ вопросовъ, какъ прибыль предпринимателя, какъ земельная рента, какъ проценты съ капитала и проч., вполнѣ достаточно общихъ принциповъ его теоріи цѣнности, что цѣнность опредѣляется предѣльной полезностью, что настоящія блага цѣнятся дороже будущихъ. Столкнется-ли онъ съ вопросомъ о процентахъ на капиталъ, отдаваемый взаймы, и отвѣтъ для него ужъ готовъ: тутъ мы имѣемъ дѣло не больше и не меньше, какъ съ обмѣномъ, причемъ здѣсь будущія блага обмѣниваются на настоящія, а что настоящія блага болѣе цѣнны, чѣмъ будущія—это вѣдь ясно слѣдуетъ изъ теоріи цѣнности, ergo, проценты возмѣщаютъ только ту разницу, которая существуетъ между цѣнностью настоящихъ и будущихъ благъ. Что подобное объясненіе скользитъ по поверхности, что оно не вскрываетъ намъ сущности явленія, это должно быть для всякаго очевидно: оно намъ совершенно не показываетъ источника, откуда проистекаютъ тѣ блага, которыя служатъ процентами на капиталъ. Этотъ важный вопросъ остается въ ученіи Б. Баверка столь-же неразъясненнымъ, какъ и въ ученіи тѣхъ экономистовъ, которые объясняютъ проценты на капиталъ тѣмъ, что это есть вознагражденіе за услуги, которыя заимодавецъ оказываетъ должнику, и думаютъ, что они этимъ исчерпываютъ вопросъ во всей его глубинѣ.

Какъ бы то ни было, если это объясненіе процентовъ на отдаваемый взаймы капиталъ можетъ считаться до извѣстной степени понятнымъ, то въ объясненіи другихъ видовъ дохода съ капитала кромѣ софизмовъ и фиктивныхъ предположеній нѣтъ ничего. И опять таки потому, главнымъ образомъ, что Б. Баверкъ втискиваетъ самыя разнообразныя экономическія проблеммы въ тѣ-же узкія рамки его теоріи цѣнности. Отсюда его разсужденія о томъ, что предприниматель обмѣниваетъ настоящіе товары на будущіе, что будущіе, менѣе цѣнные товары созрѣваютъ въ рукахъ предпринимателя, и въ концѣ концовъ тотъ оригинальный выводъ, что прибыль предпринимателя есть ни что иное, какъ приростъ цѣнности.

Самаго высшаго пункта эта искусственность и туманность достигаетъ тогда, когда Б. Баверкъ переходитъ къ объясненію дохода съ такъ называемыхъ постоянныхъ благъ, напр., съ домовъ, земель и т. п. Всѣ эти проблеммы Б. Баверкъ укладываетъ на томъ-же прокрустовомъ ложѣ своей теоріи цѣнности. Я не стану передавать всѣхъ разсужденій Б. Баверка на этотъ счетъ, приведу только одну короткую цитату. Капиталисты, говоритъ Б. Баверкъ, дѣлаютъ только то, что обмѣниваютъ свои настоящіе товары въ той или иной формѣ на будущіе товары и даютъ этимъ послѣднимъ созрѣвать въ ихъ рукахъ до полноцѣнныхъ настоящихъ товаровъ. Нѣко-

торые капиталисты дѣлаютъ этотъ обмѣнъ разъ на всегда. Кто выстраиваетъ себѣ на свой капиталъ домъ, кто покупаетъ себѣ землю, цѣнную бумагу, кто отдаетъ свой капиталъ подъ проценты сразу на 50 лѣтъ, тотъ обмѣниваетъ свои настоящія блага всецѣло или частью на блага, которыя относятся къ отдаленному будущему, и, такимъ образомъ, создаетъ однимъ ударомъ возможность продолжительнаго прироста цѣнности и извлеченіе дохода съ капитала въ теченіе долгаго времени.

Да, плохую услугу сослужила Б. Баверку субъективная теорія цѣнности. Она его настолько увлекла, что онъ ею одной думаетъ объяснить самыя сложныя экономическія проблеммы. Важныя жизненныя проблеммы совершенно потеряли ихъ реальное содержаніе. Онъ ихъ вырвалъ изъ ихъ реальной, жизненной обстановки и замаскировалъ тѣ историческія и правовыя условія, которыя служатъ почвою для этихъ важныхъ явленій нашей экономической жизни.

Укажу теперь на третью ошибку, болѣе простую и очевидную, но, пожалуй, болѣе важную и непростительную. Раскрытіе этой ошибки разъяснитъ намъ другую сторону Б. Баверковскаго ученія. Оно разъяснитъ намъ, отчего Б. Баверкъ остановился на полдорогѣ, отчего онъ оставилъ совершенно безъ отвѣта важнѣйшій вопросъ въ ученіи о доходѣ съ капитала, т. е. вопросъ, *почему* капиталисты получаютъ доходъ, какія условія дѣлаютъ для нихъ возможнымъ такое полученіе.

Ошибка эта заключается въ томъ, что Б. Баверкъ совершенно произвольно, тенденціозно опредѣляетъ понятія дохода съ капитала и земельной ренты. Въ то время, какъ эти понятія тѣсно связаны съ представленіями о частномъ капиталистѣ и частномъ землевладѣльцѣ, т. е. съ извѣстными историческими и правовыми условіями, Б. Баверкъ произвольно опредѣляетъ эти понятія такимъ образомъ, что эта связь совершенно исчезаетъ. Этими ошибочными, произвольными опредѣленіями объясняется взглядъ Б. Баверка, что доходъ съ капитала и земельная рента должны существовать всегда и вѣчно, независимо ни отъ какой организаціи народнаго хозяйства. Вспомнимъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ Б. Баверкъ доказываетъ, что доходъ съ капитала не находится ни въ какой зависимости ни отъ историческихъ, ни отъ правовыхъ условій народнаго хозяйства. Марксъ и Родбертусъ утверждали, что доходъ съ капитала существуетъ, благодаря существованію частной собственности на орудія производства. Вотъ противъ этого и протестуетъ Б. Баверкъ. Нѣтъ, говоритъ онъ, не частная собственность на капиталъ и землю являются причиною существованія прибыли и земельной ренты. Частная собственность тутъ совершенно не причемъ. Попробуйте уничтожить частную собственность на орудія производства, прибыль и земельная рента будутъ существовать попрежнему. Но доказываетъ-ли онъ это? Не основываются-ли всѣ его до-

казательства на софизмахъ, не составляютъ ли они произвольную игру понятіями? Въ самомъ дѣлѣ, кто будетъ получать эту прибыль, разъ нѣтъ частныхъ предпринимателей, кто будетъ извлекать земельную ренту тамъ, гдѣ нѣтъ частныхъ землевладѣльцевъ? Можетъ ли Б. Баверкъ указать этихъ лицъ? Нѣтъ, такихъ частныхъ лицъ не существуетъ, это признаетъ самъ Б. Баверкъ. Но тутъ онъ совершаетъ ловкій маневръ. Прибыль и земельная рента, говоритъ Б. Баверкъ, всетаки сохраняются въ полной силѣ; если ими пользуются теперь не частныя лица, то за то «само общество въ цѣломъ кладетъ ихъ теперь въ свой карманъ».

Б. Баверкъ чувствуетъ, что этотъ отвѣтъ не можетъ удовлетворить читателя, онъ поэтому считаетъ нужнымъ прибавить слѣдующее замѣчаніе. «Быть можетъ, даже вѣроятно, что оно (общество) кладетъ доходъ съ капитала и земель въ карманъ не для того, чтобы сохранять его тамъ, а чтобы употребить его на поднятіе рабочей платы всѣхъ членовъ общества. Но такое общеполезное употребленіе, которое общество послѣ дѣлаетъ съ извлеченнымъ доходомъ, нисколько не измѣняетъ того факта, что этотъ доходъ былъ именно присвоенъ въ качествѣ дохода съ капитала».

Неужели нѣтъ никакого различія между тѣмъ, поступаетъ ли доходъ съ капитала частному лицу, чтобы ему принадлежать навѣки, и тѣмъ, когда этотъ доходъ берется въ пользу общественной кассы, чтобы раздѣлить его потомъ между тѣми рабочими, которые его произвели? Можемъ-ли мы въ послѣднемъ случаѣ говорить о доходѣ съ капитала въ настоящемъ смыслѣ этого слова?

Представимъ себѣ рабочую ассоціацію, состоящую изъ 10 человѣкъ. Допустимъ, что эта ассоціація произвела въ теченіе недѣли продуктъ цѣною въ 150 руб. Допустимъ далѣе, что въ концѣ недѣли каждому рабочему выдается 10 руб., а излишекъ въ 50 руб. поступаетъ въ кассу этой ассоціаціи. Но онъ поступаетъ туда не навсегда; эти 50 руб. раздаются потомъ, скажемъ, передъ праздниками, по 5 руб. на каждаго. Что же, неужели Б. Баверкъ сказалъ, что ассоціація «положила себѣ въ карманъ» эти 50 руб., какъ настоящій доходъ съ капитала? Неужели можно тутъ говорить о какомъ бы то ни было доходѣ съ капитала? Или возьмемъ другой примѣръ, касающійся земельной ренты. Допустимъ, что 5 крестьянъ соединились въ одинъ союзъ, составили нѣчто въ родѣ маленькой общины. Каждый обрабатываетъ отдѣльный участокъ земли, но эти участки различной плодородности: одинъ даетъ 100 единицъ хлѣба, другой—200, 3-й—300, 4-ый—400, 5-ый—500. Весь доходъ общины, стало быть, равенъ 1500 единицамъ хлѣба. Какое вознагражденіе получитъ каждый изъ общинниковъ? По мнѣнію Б. Баверка, вознагражденіе сначала регулируется по самому низшему масштабу, т. е. каждый крестьянинъ получаетъ сначала столько, сколько далъ наименѣе плодородный участокъ, въ нашемъ примѣрѣ 100 единицъ, а излишекъ въ 1000 единицъ поступаетъ въ общинную кассу.

Допустимъ, что распредѣленіе въ общинѣ должно происходить въ дѣйствительности такъ, какъ его рисуетъ Б. Бaверкъ, допустимъ, что оно сначала регулируется «по низшему масштабу» и что излишекъ въ 1000 единицъ община «кладетъ себѣ въ карманъ». Но вѣдь этотъ излишекъ въ ея карманѣ долго не остается, эти 1000 единицъ хлѣба распредѣляются потомъ, скажемъ, передъ посѣвами, равномѣрно между всѣми общинниками. Неужели же можно эти 1000 единицъ хлѣба, которыя община временно «кладетъ себѣ въ карманъ», сравнивать по своему экономическому характеру съ тѣми благами, которыя получаетъ землевладѣлецъ? Неужели ихъ можно называть «земельною рентою»? Давать имъ такое названіе значитъ произвольно играть словами, намѣренно искажать экономическія понятія. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ опредѣляютъ понятія земельной ренты и прибыли на капиталъ хотя бы экономисты-классики. «Земельная рента, говоритъ Рикардо, есть та часть продуктовъ земли, которая уплачивается собственнику земли за пользованіе ея первоначальными и неисчерпаемыми силами.» «Прибыль на капиталъ, говоритъ другой представитель классической школы, есть доходъ того лица, которое несетъ издержки производства, которое выдаетъ изъ фонда, находящагося въ его владѣніи, плату рабочимъ или кормитъ ихъ въ теченіе процесса труда, которое доставляетъ требуемыя сооруженія, матеріалы, орудія и машины» *)... Изъ этихъ опредѣленій ясно видно, что понятіе земельной ренты, какъ и понятіе дохода съ капитала, тѣсно связаны съ представленіями о частномъ землевладѣльцѣ, частномъ капиталистѣ, частномъ предпринимателѣ. Кто понимаетъ доходъ съ капитала и земельную ренту иначе, тотъ искажаетъ существующія понятія, тотъ создаетъ произвольную терминологію. Имѣлъ-ли Б. Баверкъ право на это? Онъ на цѣлыхъ 10 страницахъ старается доказать, насколько наивны тѣ, которые мечтаютъ объ искорененіи дохода съ капитала. Онъ старается доказать, что такое искорененіе немыслимо, что доходъ съ капитала долженъ существовать всегда и вѣчно при какой угодно организаціи хозяйства. Ясно, что Б. Баверкъ долженъ былъ придерживаться тѣхъ понятій о доходѣ съ капитала и земельной рентѣ, которыя общеприняты въ наукѣ. Что же дѣлаетъ Б. Баверкъ? Онъ совершенно произвольно на мѣсто однихъ понятій подставляетъ другія, и, конечно, побѣда достается ему легко.

Одно и то же количество труда, говоритъ Б. Баверкъ, даетъ на различныхъ участкахъ земли продуктъ различнаго количества и качества, стало быть есть разница между доходомъ съ одной земли и съ другой. Это, конечно, истина несомнѣнная. Одно и то же количество труда, продолжаетъ далѣе Б. Баверкъ, даетъ въ различныхъ отрасляхъ производства продуктъ различной цѣнности:

*) J. St. Mill, Grundsätze der polit. Oekonomie, изд. 1881 г. Buch II, Capit. XV, стр. 66.

дневной трудъ пекаря даетъ продуктъ въ 2 гульдена, дневной трудъ рабочаго, посадившаго 100 деревьевъ, даетъ въ результатѣ черезъ 100 лѣтъ продуктъ въ 1000 гульденовъ; стало быть есть разница между доходами одной и другой отрасли производства. И противъ этого не будемъ спорить *). Но какой же выводъ дѣлаетъ изъ этихъ положеній Б. Баверкъ? Вотъ здѣсь ужъ начинаются софизмы. Разница въ доходахъ съ различныхъ земель и въ различныхъ отрасляхъ производства, говоритъ Б. Баверкъ, есть земельная рента и доходъ съ капитала. Такъ опредѣлять эти понятія, значитъ смотрѣть на вещи не съ точки зрѣнія экономической, а съ точки зрѣнія технической или естественно-научной. Что земли различнаго плодородія даютъ различные результаты — это явленіе чисто естественное, но что эта разница въ доходахъ присваивается частнымъ лицомъ — это ужъ есть явленіе хозяйственное, вытекающее изъ извѣстной организаціи хозяйства. Эта-то организація хозяйства и является причиною того, что этой разницей въ доходахъ пользуется не все общество, а отдѣльныя личности, эта именно причина придаетъ этимъ доходамъ характеръ земельной ренты и дохода съ капитала. Нечего удивляться тому, что Б. Баверкъ, смотря на хозяйственныя явленія съ точки зрѣнія естественно-научной, а не экономической, пришелъ къ тому заключенію, что доходъ съ капитала и земельная рента должны существовать всегда, что они совершенно не зависятъ отъ организаціи хозяйства. Конечно, различныя земли будутъ давать различные урожаи, при какихъ угодно экономическихъ условіяхъ. Трудъ въ различныхъ отрасляхъ производства всегда будетъ давать неодинаковые полезные результаты. Но въ правѣ-ли мы сдѣлать изъ этого выводъ, что доходъ съ капитала есть «не случайная исторически-правовая категорія, которая существуетъ только въ нашемъ индивидуалистически-капиталистическомъ обществѣ..., а категорія экономическая, вытекающая изъ элементарныхъ экономическихъ причинъ, а потому существуетъ независимо отъ организаціи общества и правового порядка»? Къ такому выводу можетъ прійти только тотъ, кто тенденціозно искажаетъ экономическія понятія. Что бы мы сказали, если бы кто либо вздумалъ разбивать сторонниковъ націонализаціи земли слѣдующаго рода разсужденіями: вы возмущаетесь противъ земельной ренты, вы находите вреднымъ, несправедливымъ, чтобы извѣстный классъ людей изъ году въ годъ клалъ въ свой карманъ все больше и больше дохода, безъ капли труда съ его стороны; да

*) Изъ примѣровъ, который приводитъ Б. Баверкъ, ясно, что онъ смотритъ на явленія народнаго хозяйства, на вопросы распредѣленія совершенно неправильно, чисто индивидуалистически. Въ сложномъ народномъ хозяйствѣ трудъ одного человѣка такъ тѣсно связанъ съ трудомъ всѣхъ остальныхъ, что рѣшительно нѣтъ возможности опредѣлить, какіе именно продукты составляютъ результатъ личной дѣятельности даннаго единичнаго рабочаго.

развѣ возможно искоренить земельную ренту? Это небыточная фантазія! вѣдь она вытекаетъ изъ элементарныхъ, естественныхъ условій человѣческаго хозяйства; нѣтъ двухъ земельныхъ участковъ, которые были бы одинаково плодородны, одинъ даетъ больше, другой меньше, стало быть разница въ доходахъ будетъ существовать всегда, и земельная рента должна оставаться на вѣки. Я думаю, что такого рода критику самъ Б. Баверкъ отвѣтилъ бы, или что онъ совершенно не понимаетъ, чего хотятъ сторонники націонализаціи земли, или же—и это было бы правильнѣе, — что онъ произвольно играетъ словами и оперируетъ слишкомъ прозрачными софизмами.

Я могу теперь въ немногихъ словахъ резюмировать мой взглядъ на ученіе Бемъ-Баверка. Отвѣтъ, который Б. Баверкъ даетъ на вопросъ о происхожденіи капитала, искусственъ, фантастиченъ, а главное совершенно маскируетъ явленія дѣйствительной жизни. Объясняется это преимущественно двумя основными ошибками его изслѣдованія: 1) психологическая теорія цѣнности, на которой построено все его ученіе, оказывается шаткой, искусственной почвой для объясненія такого реальнаго явленія, какъ доходъ съ капитала; 2) смотря на вопросъ о доходѣ съ капитала исключительно какъ на проблему цѣнности, Б. Баверкъ совершенно игнорируетъ связь, существующую между доходомъ съ капитала и всей организаціею народнаго хозяйства; выводы его поэтому нежизненны, чисто фиктивны. Что же касается того важнаго вопроса, почему блага, такъ или иначе возникшія, поступаютъ въ руки извѣстныхъ лицъ, въ видѣ дохода съ капитала, то этотъ вопросъ Б. Баверкъ совершенно оставляетъ безъ отвѣта. Мало того. Отрицая связь, существующую между доходомъ съ капитала и понятіемъ о частномъ капиталистѣ и о частномъ землевладѣльцѣ, Б. Баверкъ приходитъ къ тому ошибочному выводу, что доходъ съ капитала есть понятіе не исторически-правовое, а чисто экономическое, а потому онъ долженъ существовать вѣчно, независимо отъ организаціи народнаго хозяйства. Къ такому выводу Б. Баверкъ приходитъ, благодаря третьей ошибкѣ его изслѣдованія. Заключается она въ произвольномъ, тенденціозномъ опредѣленіи понятій процентовъ на капиталъ, прибыли и поземельной ренты. На эти понятія онъ смотритъ съ точки зрѣнія естественно-научной, а не экономической; онъ имъ придаетъ не то значеніе, какое имъ придается и должно придаваться въ экономической наукѣ. Тенденціозно подставляя вмѣсто однихъ понятій другія, ему, конечно, не трудно было придти къ какимъ угодно выводамъ.

Б. Эфруси.

КОШАЧЬЯ ДОРОГА.

Г. Зудермана.

XII.

На слѣдующее утро Болеславъ взялъ съ собою ружье и отправился въ лѣсъ, бывшій въ снѣгу. Цѣлый день прошатался онъ, не встрѣтивъ ни одной человѣческой души. Оленямъ и зайцамъ также нечего было бояться его: онъ стрѣлялъ мимо нихъ, въ воздухъ.

Съ наступленіемъ ночи, изнеможенный и несчастный, вернулся онъ домой. На Кошачьей дорогѣ неподвижно, словно статуя, стояла Регина и ждала его. Увидавъ его, она чуть было не бросилась ему на встрѣчу, но спохватилась и, тихо смѣясь и бормоча что-то про себя, пошла впереди него домой.

Молча, какъ всегда, подала она ему ѣсть. Онъ ѣлъ, не поднимая глазъ. Вдругъ онъ услышалъ сдержанное судорожное рыданіе.

— Что съ тобой?—воскликнулъ онъ, выведенный изъ своей задумчивости.

Но она, не отвѣтивъ ему, выбѣжала изъ комнаты.

Онъ чуть было не бросился за ней, но круто остановился и снова сѣлъ на мѣсто. Въ немъ кипѣла тупая злоба. Онъ не могъ еще простить ей, что она отняла у него мечту, съ которой онъ жилъ нѣсколько недѣль.

Но теперь нужно было выпить чашу до дна, какова бы ни была горечь осадка.

Черезъ нѣкоторое время Регина снова вошла въ комнату, одѣтая по дорожному.

— Ты уходишь?—спросилъ онъ ее сурово.

Она отвернула голову, чтобы онъ не замѣтилъ ея заплаканныхъ глазъ.

— Завтра канунъ Рождества Христова, господинъ. Лавочникъ сказалъ, что хочетъ отдыхать въ этотъ день.

Канунъ Рождества! Какъ это странно звучитъ, какъ ска-

зочно! Значитъ, въ мірѣ есть еще радость и радостныя торжества! Люди все еще весело кружатся вокругъ сіяющихъ елокъ!

— Тебѣ бы хотѣлось получить подарокъ, Регина?—спросилъ онъ съ горькой улыбкой.

— Ахъ! господинъ!—возразила она,—здѣсь никогда не было этой моды. Да я бы не радовалась совсѣмъ!

— Почему?

Она колебалась.

— Позвольте мнѣ идти, господинъ!—сказала она смущенно.

— Мнѣ нужно еще о многомъ тебя разспросить, Регина.

— Это придется отложить, господинъ, а то...

— Ну, такъ иди!

— Спокойной ночи, господинъ!

— Спокойной ночи!—Но онъ еще разъ вернулъ ее.

— Сперва, признайся мнѣ, почему ты вдругъ расплакалась?

Въ ея покраснѣвшихъ глазахъ блеснулъ огонекъ застѣнчивой радости.

— Вы можете сами догадаться, господинъ,—отвѣтила она нерѣшительно.

— Совсѣмъ не могу.

— Потому, что я боялась, что въ концѣ концовъ вы не вернетесь!

Она повернулась и вышла. Шаги ея замерли вомракѣ...

На слѣдующее утро Болеслава разбудилъ давно уже тревожившій его во снѣ шумъ и трескъ.

Буря была въ полномъ разгарѣ. Вѣтеръ гнулъ верхушки тополей и хлесталъ по нимъ, какъ удары бича; снѣгъ кружился по землѣ, но было ясно, и мятели, казалось, нечего было опасаться. Оставаться въ пустомъ, холодномъ домѣ было невозможно. Онъ вышелъ на воздухъ, на встрѣчу бурѣ.

— У нея сегодня тяжелая работа,—думалъ онъ, задыхаясь отъ сѣвернаго вѣтра, коловшаго его лицо тонкими ледяными иглами.Въ лѣсу было немного тише. Тамъ буря бушевала сильнѣе лишь на верхушкахъ деревьевъ, скрипѣвшихъ и трещавшихъ отъ ея напора. Онъ шелъ, самъ не зная куда, и очутился на дорогѣ въ Бокельдорфъ.

— Я, кажется, бѣгу ей навстрѣчу,—выбранилъ онъ себя и съ гнѣвнымъ смѣхомъ повернулъ въ лѣсную чащу.

— Удивительно,—думалъ онъ,—какъ такое низкое созданіе, при постоянной совмѣстной жизни, можетъ занять мѣсто въ мысляхъ серьезнаго и далеко не легкомысленнаго человѣка.—Ему было почти страшно признаться себѣ, что она съ каждымъ днемъ дѣлается ему все ближе и ближе, и что многое, что прежде вызвало бы въ немъ ужасъ и отвращеніе къ ней, теперь казалось ему понятнымъ, простительнымъ и почти великимъ.

Несомнѣнно, соприкосновенiе съ нею дѣйствовало на него дурно. Она его тянула внизъ, въ тину своего собственнаго недостойнаго существованiя.

Необходимо бороться съ этимъ зломъ. Прежде всего надо удалить ее отъ себя и снова поставить на мѣсто служанки. Рождественскiй праздникъ представляетъ удобный предлогъ богато и щедро вознаградить ее за все, и этимъ навсегда очистить свой долгъ передъ нею. Взмахомъ пера онъ хотѣлъ обезпечить ея будущность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, купить себѣ право смотрѣть на нее, какъ на свою крѣпостную, чѣмъ она, въ сущности, и была.

Сегодня, въ послѣднiй разъ, они проведутъ вечеръ вмѣстѣ. Ему еще нужно кое-что вывѣдать отъ нея, потому что начавъ ее разспрашивать, онъ долженъ былъ узнать уже все о тѣхъ двухъ страшныхъ ночахъ, которыя стояли передъ нимъ, какъ преступленiе и грѣхъ, облитые кровью и пламенемъ.

— Когда она мнѣ исповѣдуется до конца, — думалъ онъ,— тогда я снова отошлю ее въ оранжерею. Пусть себѣ сожжетъ хоть весь паркъ, если будетъ мерзнуть отъ холода. Вообще же не слѣдуетъ такъ много думать о ней. Онъ рѣшилъ положить конецъ всему этому.

Перебѣжавшiй дорогу заяцъ далъ другое направленiе его мыслямъ. Онъ выстрѣлилъ и попалъ. Зайченокъ три раза перекувырнулся и остался лежать неподвижно, уткнувшись носомъ въ землю.

— Она обрадуется! — подумалъ онъ, перекидывая черезъ плечо свою добычу. Онъ опять уже думалъ о ней.

Между тѣмъ, небо покрылось тучами. Сквозь стволы деревьевъ замелькали снѣжные хлопья. Къ завыванiю и реву бури сталъ примѣшиваться дикiй, таинственный шопотъ, отъ котораго у него пробѣжали по тѣлу мурашки.

Компасъ помогъ ему найти дорогу домой. Когда онъ вышелъ изъ лѣса, мятель была въ полномъ разгарѣ. Онъ едва могъ устоять на ногахъ. Снѣжная завѣса висѣла въ воздухѣ. Не видно было и слѣда кустарниковъ парка, находившагося въ какихъ-нибудь трехстахъ шагахъ отъ него.

— Надо надѣяться, что она дома,—подумалъ онъ, съ трудомъ пробираясь впередъ.

На Кошачьей дорогѣ выпалъ свѣжiй снѣгъ, но слѣдовъ не было видно. Можетъ быть, ихъ занесло уже снѣгомъ.

Сердце у него стучало. Онъ побѣжалъ къ дому, громко окликнулъ ее по имени, но отвѣта не послѣдовало. Плита была холодная, постель оставалась нетронутой.

Очевидно, Регина попала въ самую мятель, которой боялась больше, чѣмъ Шранденцовъ.

Его охватило мучительное безпокойство. Онъ сталъ бѣ-

гать изъ комнаты въ комнату, потомъ развелъ огонь и опять потушилъ его, попробовалъ ѣсть и съ отвращеніемъ бросилъ ножъ.

Вдругъ его тревога показалась ему смѣшной. Въ продолженіе шести лѣтъ она ходила въ бурю и мятель, и никогда съ ней ничего не случалось. Почему же непремѣнно сегодня...

Чтобы убить время, онъ сѣлъ къ письменному столу и окоченѣвшими пальцами написалъ дарственное письмо. Число, написанное въ немъ, состояло изъ четырехъ знаковъ. Регина могла быть довольна.

Сдѣлалось еще темнѣе. Часовая стрѣлка показывала три часа, а между тѣмъ, казалось, наступала уже ночь.

Ему не сидѣлось больше въ комнатѣ. Онъ рѣшилъ дойти до Кошачьей дороги, посмотрѣть, не идетъ-ли она.

Ему пришлось держаться за перила, чтобы не слетѣть внизъ. Деревянное сооруженіе отчаянно трещало. На большой глубинѣ на льду, кружились спиральные вихри снѣга. Стебли лилій поднимались вверхъ и исчезали въ кучѣ бѣлой пыли, которая уносислась дальше, уступая мѣсто другимъ. Передъ нимъ на минуту открылся садъ Мадоны, но сейчасъ же исчезъ, заслоненный другими предметами.

Вдругъ на фонѣ сѣрыхъ сумерекъ выступила тѣнь, которая, колеблясь, стала медленно приближаться къ нему...

— Регина! слава Богу!

Онъ хотѣлъ броситься къ ней на встрѣчу, но въ то время какъ вся кровь его хлынула къ сердцу, его сильно охватило и чувство стыда, парализовавшее его члены.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ сегодня ее ждалъ, стояла она вчера, вглядываясь въ темноту, потому что забота о немъ не давала ей покою, какъ сегодня ему забота о ней.

Одно мгновеніе ему хотѣлось скрыться въ кустахъ, чтобы она его не замѣтила, но минуту спустя ему стало стыдно за свое малодушіе, и онъ пошелъ къ ней на встрѣчу по Кошачьей дорогѣ.

— Тебѣ тяжело, Регина,—закричалъ онъ ей съ верху и хотѣлъ взять у нея мѣшокъ, который она несла на спинѣ.

Но она быстро отскочила, оттолкнувъ его локтемъ. Она не могла говорить, потому что ея ротъ и носъ были закутаны платкомъ.

Они пошли рядомъ молча. У крыльца она повернулась и сорвала платокъ съ головы.

— У меня къ вамъ просьба, господинъ, — сказала она, задыхаясь.

— Ну?

— Останьтесь еще съ полъ часа на дворѣ или идите въ въ кухню: я затоплю печку и уберу комнату.

— Развѣ ты не отдохнешь сперва?

— Потомъ, господинъ, если позволите!

Она вошла въ домъ и въ темнотѣ опустила на полъ свою ношу.

— Пусть ее спокойно уберетъ все,—подумалъ онъ и пошелъ къ развалинамъ искать убѣжища.

Изъ подвала вѣяло теплымъ воздухомъ. Онъ зажегъ свѣчку и спустился внизъ по скользкимъ ступенькамъ. Ему было такъ хорошо, такъ легко на душѣ, какъ будто бы Рождественскій сочельникъ принесъ ему Богъ вѣсть какую радость.

Онъ увидѣлъ бутылки съ виномъ съ блестящими зелеными и красными ярлыками.

— Пусть она знаетъ, что сегодня сочельникъ! — сказалъ онъ, улыбаясь, и вытащилъ изъ дальняго угла, въ которомъ было сложено самое драгоцѣнное изъ всѣхъ сокровищъ, пар бутылокъ, совершенно покрытыхъ паутиной. Въ нихъ был сокъ, созрѣвшій еще подъ солнцемъ XVIII вѣка.

Онъ вспомнилъ о своемъ рѣшеніи; но оно, вѣдь, должно вступить въ силу лишь завтра. Въ Рождественскую ночь соединяется и несоединяемое, въ сочельникъ никто не долженъ быть одинокимъ и печальнымъ.

Покорный желанію Регины, онъ съ полъ часа ходилъ взадъ и впередъ по подвалу, на обледенѣлыхъ стѣнахъ котораго переливалась яркая радуга отъ свѣчи. Наконецъ, онъ взялъ бутылки и поднялся на верхъ.

Приближаясь къ дому, онъ замѣтилъ, что ставни были заперты, чего никогда не случалось раньше.

— Неужели буря прорвалась и въ щели?—подумалъ онъ,— но вѣдь щели законопачены. Только на порогѣ онъ разгадалъ веселую загадку. Сіяющая радостью и смущенная, Регина широко распахнула передъ нимъ дверь его комнаты. Онъ остановился, ошеломленный.

Сосновый запахъ и свѣтъ горѣвшихъ свѣчей понеслись ему на встрѣчу. На покрытомъ бѣлой скатертью столѣ стояла рождественская елка, разукрашенная восковыми свѣчами и золотыми яблоками. Комната сіяла какимъ-то мирнымъ и торжественнымъ свѣтомъ.

Еще никогда въ жизни для него не горѣла рождественская елка, и только съ чужого порога онъ смотрѣлъ всегда со слезами на глазахъ на это чужое счастье.

Гдѣ была Регина? Она стояла за его спиной, прижавшись въ самый темный уголъ сѣней, и смотрѣла на него смущенно и горделиво.

Онъ схватилъ ее за руку и втащилъ въ комнату.

— Какъ тебѣ пришла эта мысль, дитя?

— Когда я сегодня утромъ пришла къ лавочнику, его жена

8*

какъ разъ убирала рождественскую елку. Мнѣ понравилось, и я подумала: пусть у него тоже будетъ елка, чтобы онъ зналъ, что и о немъ заботятся. Я попросила показать мнѣ, какъ золотятъ яблоки, купила свѣчки и взяла съ собой мѣшокъ, чтобы вы не замѣтили елки.

— А кто тебѣ далъ ее?

— Я сама срубила на опушкѣ лѣса, недалеко отсюда.

— Въ такую бурю и мятель!

Она презрительно засмѣялась. — Что же мнѣ сдѣлается отъ вѣтра, господинъ! — И вдругъ, предаваясь свѣтлой радости, она закричала: — О! посмотрите, господинъ, какъ она красиво горитъ и какъ чудно смотритъ. Не правда-ли, у нея такой благочестивый видъ, какъ будто-бы ее принесъ ангелъ?

Онъ согласился улыбкой и сказалъ нѣсколько натянутыхъ словъ благодарности, чтобы не показаться черезчуръ тронутымъ.

Но и этого показалось ей уже слишкомъ много.

— Отчего вы такъ говорите, господинъ?—сказала она съ упрекомъ. — Вѣдь это я все на ваши деньги купила. У меня вѣдь нѣтъ своихъ. Вѣдь, я бѣдный человѣкъ, а то, ахъ! а то бы... И она подняла руки кверху.

Онъ вспомнилъ про свое дарственное письмо. Онъ протянулъ ей листокъ и сказалъ:

— Вотъ тебѣ, чтобы ты видѣла, что я также подумалъ о рождественскомъ подаркѣ для тебя.

Она смотрѣла на него, ничего не понимая.

— Я должна это прочесть?—спросила она и почтительно взяла въ руки бумагу.

Пробѣжавъ написанное, она растерянно оглянулась во всѣ стороны.

— Ты не понимаешь?

— О! я понимаю, господинъ. Но, во-первыхъ, вы, вѣдь, это не серьезно... а если... серьезно, такъ къ чему мнѣ это?

— Обезпечить твою будущность.

— Моя будущность обезпечена. Я сладко ѣмъ, одѣваюсь, какъ дама. Чего-же мнѣ еще нужно?

— Но, вѣдь, не можемъ же мы всегда оставаться вмѣстѣ!

Она испуганно вскрикнула.

— Развѣ вы хотите меня прогнать, господинъ?—спросила она, умоляще сложивъ руки.

— Нѣтъ. Но представь себѣ, что я умру.

Она задумчиво покачала головой.

— Тогда и я умру,—сказала она.

— Или, вдругъ мнѣ придется отправиться на войну.

— Тогда я пойду маркитанткой за вами.

Ему стала непріятна ея настойчивость.

— Дѣлай, какъ знаешь, — сказалъ онъ, — но бери, что я тебѣ даю.

— Хорошо, господинъ,—отвѣтила она, подумавъ,—я возьму это, но за то въ будущее Рождество я подарю вамъ то, что мнѣ захочется.—И обрадовавшись этой мысли, она выбѣжала изъ комнаты.

Елка погасла и скромно стояла въ углу у печки. Лишь, время отъ времени, отблескъ ея золотыхъ украшеній достигалъ стола, за которымъ баринъ и служанка сидѣли другъ противъ друга.

Регинѣ разрѣшено было сегодня ужинать вмѣстѣ; она чувствовала себя очень неловко и почти ничего не ѣла. Великое, неожиданное счастье ошеломило ее.

Посуда была убрана. На столѣ остались только стаканы и бутылки. Она стала пить старое, крѣпкое вино большими, жадными глотками. Лицо ея разгорѣлось. Глаза томно сверкали изъ подъ полуопущенныхъ вѣкъ. Она выпрямилась и потянулась на своемъ мѣстѣ. Какая-то страстная истома овладѣла ею; руки ея безсильно опустилась.

— Ты устала, Регина?

Она нетерпѣливо закачала головой. Ея застѣнчивость, казалось, исчезла. Глаза сверкали вызывающимъ блескомъ.

Въ немъ вино также зажгло огонь. Взглядъ былъ прикованъ къ роскошной фигурѣ вакханки.

Буря тѣмъ временемъ все бушевала, завывая въ углахъ и громко стуча въ ставни. Крыша такъ трещала и скрипѣла, будто грозила разлетѣться въ дребезги.

— Боюсь, какъ-бы не произошло несчастья,—сказалъ онъ, прислушиваясь.

— Пусть себѣ,—возразила она съ мечтательной улыбкой и съежилась.

— Я думаю, господинъ,—сказала она непринужденно,—что нехорошо, что вы такъ добры ко мнѣ. Я всю свою жизнь видѣла только брань и побои, сперва отъ отца, потомъ отъ него, ужъ не говоря о чужихъ. Видно, я и не заслуживаю ничего лучшаго. Если же вы меня избалуете, то я возгоржусь, а гордость—тяжелая ноша, говоритъ священникъ... Я воображу, что превратилась въ принцессу и что не могу больше быть служанкой.

И она разразилась громкимъ смѣхомъ и безсильно опустила руки. Потомъ продолжала тише, какъ-бы говоря сама съ собой:

— Да и служанка-ли я, въ самомъ дѣлѣ? Иногда мнѣ кажется, что я заколдованная принцесса, и что вы, господинъ, меня освободите. Вы освободите меня, да?

Она сверкнула на него своими горящими глазами.

Онъ дружески кивнулъ ей головой. Пусть она витаетъ въ мечтахъ. Вѣдь сегодня Рождество.

— Бывали такіе случаи,—продолжала она:—одна принцесса была обращена въ черепаху. Люди въ нее бросали каменьями, плевали на нее и кричали: убейте грязную черепаху! И все-таки въ ней сидѣла принцесса.

— Развѣ ты вѣришь дѣтскимъ сказкамъ?—спросилъ онъ удивленно.

Она тихо засмѣялась.

— Нѣтъ, господинъ. Но когда столько часовъ сидишь одна-одинешенька, то надо же о чемъ-нибудь думать. А въ полѣ, когда льетъ дождь, и завываетъ буря... вы слышите, какъ она бушуетъ? подумайте, если-бы я была теперь тамъ... вѣдь я часто въ такую погоду бывала въ пути. Но я никогда не чувствовала ни дождя, ни бури: я входила въ лѣсъ и спрашивала себя: хочешь быть королевой и сидѣть на золотомъ тронѣ? или хочешь быть вѣдьмой и стереть всѣхъ шранденцовъ въ порошокъ? или можетъ быть хочешь просто быть барыней и... она остановилась.

— И?

Она потянулась и смущенно засмѣялась.

— Этого я не скажу, это слишкомъ глупо. Однимъ словомъ, мнѣ остается только выбирать. Въ то время, когда я иду во мракѣ и туманѣ, я рисую себѣ тысячу картинъ и внезапно оказываюсь въ Бокельдорфѣ, какъ будто-бы я перетѣла туда на крыльяхъ. Иногда мнѣ и кажется, что я лечу. Въ жизни все точь-въ-точь, какъ въ сказкѣ. Не правда-ли, господинъ?

Онъ смотрѣлъ на нее съ такимъ любопытствомъ и изумленіемъ, какъ-будто въ первый разъ ее видѣлъ. И, дѣйствительно, онъ впервые заглянулъ въ ея душу, такъ какъ вино развязало ей языкъ. Теперь ему многое въ ней стало ясно, что до сихъ поръ казалось непонятнымъ.

— Счастливое созданіе!—прошепталъ онъ.

— Конечно, счастливое!—возразила она смѣло и положила локти на столъ, поглядывая на него вызывающе.—Сидѣть съ вами и пить вино, чувствовать, что со мной обращаются, какъ съ человѣкомъ—это все равно, что попасть въ царство небесное... Вы думаете, что я попаду туда?.. Я не думаю... Да я, въ сущности, и боюсь туда попасть... въ аду гораздо веселѣе... Я и принадлежу аду... Господинъ священникъ въ былое время называлъ меня чертенкомъ, и я никогда этимъ не огорчалась. Къ чему мнѣ огорчаться? Я была чортомъ, а Елена—ангеломъ. И все было прекрасно устроено... Не правда-ли, господинъ, что Елена настоящій, живой ангелъ? Она такая бѣлая и розовая, а глаза у нея такія голу-

бые... и она всегда ходила со сложенными руками и носила... красивыя ленты... вокругъ шеи и всегда отъ нея пахло... розовымъ мыломъ...

Онъ похолодѣлъ. Смутное чувство подсказывало ему, что онъ роняетъ себя и возлюбленную, позволяя полупьяной служанкѣ говорить о ней.

— Замолчи!—крикнулъ онъ гнѣвно.

Она отвѣтила ему лишь соннымъ смѣхомъ. Вино и усталость вдругъ совершенно одолѣли ее. Она лежала, растянувшись въ креслѣ, отбросивъ голову на спинку и боролась со сномъ въ блаженномъ опьяненіи.

Въ немъ бушевалъ гнѣвъ, который то усиливался, то смягчался, какъ порывы бури.

— Это дѣйствіе вина,—подумалъ онъ и выпилъ снова.

Онъ хотѣлъ ее разбудить и выслать изъ комнаты, но не могъ оторвать отъ нея глазъ. Онъ по немногу смягчался.

— Она не имѣла дурного намѣренія,—подумалъ онъ, сложивъ руки и подойдя близко къ ней.—Вѣдь она въ послѣдній разъ у меня сидитъ, и завтра все будетъ забыто. Съ завтрашняго дня она будетъ видѣть во мнѣ только господина.

Ему вспомнилось все, что онъ хотѣлъ у нея выспросить.— Хорошо, что такъ, — подумалъ онъ,—къ чему портить себѣ сочельникъ! Въ другой разъ.

Буря, казалось, еще усилилась. Замки звенѣли, ставни стучали. Въ сущности, жестоко выгонять ее въ обледенѣвшую теплицу.

— Регина!—закричалъ онъ, схвативъ ее за плечи.

Въ эту минуту раздался такой трескъ и грохотъ, что, казалось, обрушились стѣны и полъ.

Регина громко вскрикнула, попыталась схватить его руку и снова опустилась на стулъ. Онъ вышелъ узнать, что случилось. Въ сѣняхъ ничего не было замѣтно, но когда онъ открылъ дверь въ теплицу, его встрѣтилъ такой вихрь снѣга, точно онъ вышелъ на улицу. Кругомъ—темная ночь. Онъ вернулся и зажегъ фонарь. Представшая передъ нимъ въ яркомъ освѣщеніи картина разрушенія превзошла всѣ его наихудшія предположенія.

Царство Регины, изъ котораго она безшумно и незамѣтно управляла всѣмъ домомъ, превратилось въ груду развалинъ.

Крыша треснула пополамъ и увлекла за собой часть стѣны. Между дверью и плитой лежалъ сугробъ въ человѣческій ростъ, изъ котораго торчали балки, кирпичи и осколки стеколъ.

Что теперь дѣлать? Куда дѣвать Регину? Неужели-же онъ позволитъ ей лежать на порогѣ, какъ собакѣ? Лучше онъ пойдетъ въ развалины и отыщетъ себѣ мѣсто подъ сводами погреба.

Онъ быстро рѣшился. Оставалось только одно средство. Нужно было имъ воспользоваться.

Онъ вытащилъ изъ-подъ снѣга постель Регины, заботливо вытряхнулъ ее, такъ что на ней не осталось ни одной снѣжинки, и внесъ въ комнату. На полу, въ углу у печки, на половину подъ рождественской елкой, онъ постлалъ ей постель.

Регина спала, освѣщенная мирнымъ свѣтомъ лампы.

Онъ подошелъ къ ней, сталъ звать и толкать ее, но разбудить Регину не было никакой возможности.

Тогда онъ поднялъ ее, чтобы снести на постель. Она глубоко вздохнула, обхватила руками его шею и опустила голову на его плечо.

Сердце его застучало. Онъ какъ будто боялся роскошнаго тѣла, которое покоилось на его рукахъ. Онъ на половину пронесъ, на половину протащилъ его черезъ комнату. Ея дыханіе обдавало его жаромъ... ея волосы прикасались къ его шеѣ.

Когда онъ опустилъ ее, она страстно протянула руки и при этомъ уронила елочку.

Онъ поднялъ деревцо и поставилъ, какъ ширмы, между собою и ею.—Завтра я воздвигну китайскую стѣну,—подумалъ онъ.

Затѣмъ онъ раздѣлся и легъ спать.

Свѣча погасла, но о снѣ нечего было и думать. Снаружи неистовствовала буря и въ безсильномъ бѣшенствѣ рвала замки и задвижки.

Но Болеславъ не слышалъ бури. Онъ прислушивался къ дыханію спавшей женщины, и его собственное дыханіе раздавалось боязливо и тяжело во мракѣ ночи.

XIII.

«Его Высокородію барону Болеславу фонъ Шрандену въ Шранденскій замокъ.

Честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Высокородіе явиться лично 3 января, въ 2 часа дня въ общее помѣщеніе Меркеля, въ селѣ Шранденѣ и взять съ собой бумаги, свидѣтельствующія о принадлежности къ прусскому ландверу *).

По порученію окружного комитета по дѣламъ ландвера
Засѣдатель королевскаго земскаго суда ф.-Кроткеймъ».

Это письмо Болеславъ нашелъ въ ящикѣ у подъемнаго моста на утро Новаго года.

Онъ не сразу понялъ весь угрожающій смыслъ его и только удивился, какимъ образомъ начальство могло обра-

*) Земское ополченіе.

тить вниманіе на его военное прошлое. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ снова принялъ имя своего отца, онъ рѣшилъ навсегда забыть лейтенанта Баумгарта. Онъ исполнилъ долгъ: онъ пошелъ навстрѣчу смерти съ большей смѣлостью и радостной готовностью, чѣмъ многіе другіе. Теперь, когда миръ былъ заключенъ, и онъ снова взвалилъ себѣ на плечи ношу наслѣдственнаго позора, онъ желалъ оградить себя отъ безцѣльной переписки и ни къ чему не ведущихъ объясненій.

Только мало-по-малу сталъ онъ понимать, какія новыя опасности его ожидали. У него хотѣли отнять все, что у него еще оставалось и что освѣщало его испорченную жизнь: честь его солдатскаго прошлаго.

Беззащитно стоялъ онъ передъ грозившимъ ему несчастіемъ.

При нѣкоторомъ желаніи его поведеніе легко было счесть за бѣгство изъ арміи и осудить его; самую перемѣну имени можно было при настоящихъ обстоятельствахъ поставить ему въ преступленіе.

Сынъ барона фонъ-Шрандена не могъ разсчитывать на то, чтобы дѣло истолковали въ его пользу. Если-бы его тутъ-же арестовали, чтобы представить въ военный судъ того округа, гдѣ стояла часть его полка, онъ не могъ-бы пожаловаться на несправедливость.

Ему пришла мысль бѣгствѣ, но онъ съ презрительнымъ смѣхомъ оттолкнулъ ее.

Жизнь такъ часто была ему въ тягость, что не стоило охранять ее.

Но что будетъ съ Региной? Его сердце забилось при этой мысли. Она не имѣла представленія о томъ, что ему угрожало. Съ самаго сочельника онъ говорилъ съ ней только по необходимости и говорилъ сурово и повелительно. Когда онъ глядѣлъ, на нее,—что-то подступало у него къ горлу, а когда онъ думалъ о ней, то ему давило грудь предчувствіе грядущаго несчастія.

Всѣ ночи напролетъ онъ безпокойно ворочался на постели. Она не двигалась въ своемъ углу. Казалось, она крѣпко засыпала въ ту же минуту, какъ опускалась на свое ложе, но она дышала тихо и порывисто, а отъ времени до времени у нея вырывался глубокій, сдержанный вздохъ.

Неужели она тоже не спала? Неужели и она прислушивалась?

Такимъ образомъ, наступилъ день, когда должна была рѣшиться судьба Болеслава. Къ утру онъ, наконецъ, уснулъ. Его разбудилъ дымъ, клубы котораго пробивались изъ подъ двери сѣней, гдѣ онъ устроилъ временную печку, въ ожиданіи, когда погода установится и позволитъ привести въ порядокъ стеклянную крышу.

Стоялъ солнечный, ясный морозный день. Деревья были покрыты серебристымъ инеемъ, а по бѣлому снѣгу скользилъ мягкій пурпуровый свѣтъ.

Все послѣобѣда Болеславъ приводилъ въ порядокъ свои бумаги. Нужно было уничтожить все, что компрометтировало его отца: если его сегодня заберутъ въ тюрьму, то завтра чужія руки будутъ рыться въ этихъ кипахъ бумагъ.

Онъ уже держалъ въ рукахъ письма, чтобы бросить ихъ въ огонь, но вдругъ передумалъ. Если онъ серьезно взялъ на себя вину отца, то онъ не смѣетъ ничего скрыть, для облегченія своей ноши. Недостойно его искажать правду. Лучше погибнуть въ позорѣ, чѣмъ построить жизнь и честь на лжи.

Когда Регина принесла ему обѣдъ, онъ съ минуту колебался, не сказать-ли ей всего. Но къ чему вызывать трогательныя сцены? Письмо можетъ сослужить ту же службу. «Если я до сумерекъ не вернусь, написалъ онъ, то ты меня, вѣроятно, больше не увидишь. Въ Вартенштейнскомъ земскомъ судѣ ты можешь узнать, куда меня отправили. Совѣтую тебѣ немедленно покинуть Шранденъ. Дарственное письмо обезпечиваетъ твою будущность. Къ этому я прибавлю все, что мнѣ еще останется. Прощай и спасибо за все».

Онъ такъ положилъ листокъ, чтобы она не могла его найти, не покончивъ съ уборкой комнаты. Затѣмъ онъ собрался уходить.

Проходя въ сѣняхъ мимо хлопотавшей у плиты Регины, онъ захотѣлъ вдругъ пожать ея руку. Но онъ побѣдилъ себя ради нея и не обратилъ къ ней ни взгляда, ни слова. Передъ подъемнымъ мостомъ онъ увидѣлъ толпу праздныхъ мальчишекъ, ждавшихъ его, какъ ему казалось, и которые при его появленіи съ крикомъ бросились къ трактиру.

— Мои герольды!—сказалъ онъ со смѣхомъ.

Сегодня пивная Чернаго Орла не была уже въ состояніи вмѣстить всѣхъ желавшихъ попасть туда гостей. Цѣлый хвостъ тянулся до самой церковной площади дрались изъ-за мѣстъ. Всѣ хотѣли видѣть собственным глазами паденіе послѣдняго изъ Шранденовъ.

Прошло уже почти три мѣсяца со времени подачи записки высшему губернскому начальству, и самые горячіе патріоты стали уже отчаяваться въ успѣхѣ добраго дѣла. Вдругъ изъ земскаго присутствія пришла радостная вѣсть, что по дѣлу Ф. Шрандена (alias Баумгартъ) назначенъ срокъ, въ который и предлагается собраться всѣмъ, подписавшимся подъ бумагой.

Шранденцы достойно подготовились. Три дня подрядъ они кутили. Тѣ изъ ополченцевъ ландвера, у которыхъ еще цѣлы были ружья, захватили ихъ, штыки и сабли тоже были повытасканы изъ шкафовъ. Дѣло, вѣдь, можетъ быть, шло о

томъ, чтобы немедленно привести въ исполненіе судебное постановленіе.

Въ часъ пріѣхали земскія сани и, какъ всегда, остановились у дома священника, гдѣ ихъ уже поджидали господинъ Меркель съ сыномъ. Одно обстоятельство очень смутило шранденцевъ: на козлахъ не было жандарма. Впрочемъ, главное было на-лицо: начальство пріѣхало, чтобы схватить и увезти злодѣя.

Немного раньше двухъ часовъ засѣдатель земскаго суда со священникомъ вошли черезъ черное крыльцо въ трактиръ, гдѣ любезно были приняты господиномъ Меркелемъ. Феликсъ слѣдовалъ за ними, съ недовольнымъ видомъ: онъ находилъ, что штатскій чиновникъ не выказалъ ему достаточно вниманія.

Засѣдатель фонъ-Кроткеймъ былъ высокій, стройный человѣкъ съ нѣсколько узкими плечами, на которыхъ покоилась голова, внушавшая страхъ и уваженіе своей львиной гривой. Онъ носилъ, по модѣ того времени, длинные бакенбарды, на вискахъ сливавшіеся съ волнистыми кудрями.

Это былъ очень заслуженный человѣкъ; онъ много работалъ для защиты отечества. Два года тому назадъ, какъ депутатъ отъ дворянства, онъ принималъ участіе въ томъ знаменитомъ земскомъ засѣданіи, которому отечество обязано было организаціей земскаго ополченія. Онъ привѣтствовалъ стараго Іорка и подписывался подъ адресомъ королю. Затѣмъ онъ поспѣшилъ вернуться на родину, чтобы взяться за самое дѣло, и достигъ того, что его округъ считался образцовымъ во всей странѣ. И вотъ, проснулись обычные спутники успѣха: тщеславіе и самолюбіе. То, что въ началѣ было лишь дѣломъ радостнаго безкорыстнаго служенія, сдѣлалось мало-по-малу пьедесталомъ собственной личности, памятникомъ, долженствовавшимъ возвѣстить міру его славу. Кромѣ того, давно, еще до рокового извѣстія о Кошачьей дорогѣ, онъ слылъ за отъявленнаго врага Шранденскаго дома. Отъ него трудно было ожидать добра.

На церковной площади Болеславъ простился со всѣми своими надеждами. Спокойно, почти равнодушно шелъ онъ на встрѣчу ожидавшей его толпѣ. Только разъ взглянулъ онъ украдкой на домъ священника. Ему показалось, что у одного изъ оконъ промелькнуло свѣтлое личико, торопливо скрывшееся въ тѣни, когда онъ поклонился съ усталой улыбкой издали.

Его встрѣтилъ злорадный шопотъ; живая стѣна разступилась передъ нимъ тотчасъ-же: всѣ понимали, что иначе не выйдетъ никакого скандала.

Войдя въ комнату для почетныхъ гостей, онъ очутился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ съ львиной гривой, по обѣимъ

сторонамъ котораго сидѣли священникъ и старикъ Меркель; Феликсъ, прислонившись къ окну, старался принять непринужденную, приличную позу. Въ глазахъ Болеслава товарищъ дѣтскихъ игръ былъ теперь такъ низокъ, что не заслуживалъ ни малѣйшаго вниманія. Но тѣмъ привѣтливѣе улыбался ему старикъ. Если-бы Болеславъ пришелъ съ спеціальной цѣлью угостить все общество знаменитымъ мускатнымъ виномъ Меркеля, то и тогда эта улыбка не могла быть любезнѣе и подобострастнѣе.

Изъ-подъ бровей священника сверкнула молнія, а засѣдатель въ хладнокровномъ ожиданіи сталъ разсматривать свои руки, бѣлыя и костлявыя, какъ у скелета.

Болеславъ почувствовалъ, что грудь его гордо вздымается.

Онъ противъ всѣхъ, и всѣ противъ него! Такъ это было и такъ должно остаться.

Чей-то визгливый голосъ крикнулъ изъ толпы нецензурное слово. Шранденцы захохотали.

— Это отецъ, несчастный отецъ!—прошепталъ съ состраданіемъ господинъ Меркель засѣдателю.

— Если вы меня вызвали сюда, — воскликнулъ Болеславъ,—то я требую отъ васъ защиты отъ оскорбленій этой толпы.

Засѣдатель прищурился и поклонился.

— Смирно, вы, добрые люди!—крикнулъ онъ, поглаживая гладко выбритый подбородокъ, и прибавилъ тише:—Нарушителей тишины я прикажу выгнать.

Затѣмъ онъ взялъ лежавшую передъ нимъ на столѣ зеленую папку. За его стуломъ сидѣлъ маленькій человѣкъ, усердно пробовавшій на бумагѣ гусиныя перья; вѣроятно составитель протокола.

Допросъ начался. Засѣдатель предлагалъ общіе вопросы съ ледяной учтивостью.

— Гдѣ вы проживали, если это можно узнать?

Болеславъ перечислилъ всѣ мѣста.

— Вѣрю вашему слову, господинъ баронъ, но можете-ли вы это доказать документально?

— Нѣтъ.

— До какого времени все это продолжалось?

— До весны 13-го года.

— А затѣмъ?

— Затѣмъ я вступилъ въ армію.

— Есть у васъ доказательства?

— Нѣтъ.

— Сожалѣю безконечно, но имя фонъ-Шрандена не находится въ спискахъ.

— Я взялъ себѣ другое.

— Имя Баумгарта?

— Да.

— На какомъ основанiи вы это сдѣлали?

Болеславъ закусилъ губы. Воцарилось молчанiе.

— Ага!—раздалось торжественно у окна. Этотъ возгласъ подстрекнулъ Болеслава въ эту мучительную минуту.

— Мое настоящее имя вызвало бы много затрудненiй.

— Почему?

— Потому, что оно было опозор но слухомъ, противъ котораго я не могъ бороться.

— Какимъ слухомъ?

Было ясно, что этотъ человѣкъ хотѣлъ его обезсилить, а затѣмъ уже погубить.

— Вы это знаете,—сказалъ онъ сквозь зубы.

Засѣдатель низко поклонился.—Тѣмъ не менѣе, я покорнѣйше прошу васъ отвѣчать.

— А я отказываюсь отвѣчать.

Въ толпѣ поднялся злорадный хохотъ. — Покончите съ нимъ, одѣньте на него кандалы!—закричалъ тотъ же визгливый голосъ, который передъ этимъ ругался.

Засѣдатель добродушно махнулъ своими длинными прозрачными руками.

— Вы записали? — спросилъ онъ писца, не оборачиваясь.

Тоненькiй голосокъ сзади отвѣтилъ:—Точно такъ!

Это показалось шранденцамъ очень забавнымъ.

Съ невозмутимой учтивостью Кроткеймъ продолжалъ:

— Все-же, не могу-ли я освѣдомиться, въ какую именно часть армiи ваше высокородiе изволили вступить?

Болеславъ далъ необходимыя свѣдѣнiя. Онъ также назвалъ своихъ товарищей.

Засѣдатель съ скучающимъ видомъ перелистывалъ папку. «Вольные стрѣлки» его не интересовали.

— Тамъ васъ произвели... въ офицеры?

— Да.

— Вѣрю вашему слову, господинъ баронъ, но можете-ли вы это доказать?

— Нѣтъ.

— Запишите этотъ отвѣтъ. И затѣмъ вы перешли въ ландверъ?

— Да.

— На какомъ основанiи?

Болеславъ указалъ на своего прежняго товарища:—Потому что я не хотѣлъ встрѣчаться съ этимъ человѣкомъ.

Феликсъ громко расхохотался и воскликнулъ:—Иначе бы подлецъ...—Но предсѣдатель сдѣлалъ ему знакъ молчать.

— Въ какой именно полкъ? Скажите, пожалуйста?

Болеславъ назвалъ имя командира.

Засѣдатель низко наклонился надъ папкой, такъ что сѣдыя пряди волосъ почти совсѣмъ закрыли его старое, худое лицо.

— Это совершенно сходится съ моими свѣдѣніями,—сказалъ онъ, читая.—Въ этомъ полку находился лейтенантъ Баумгартъ, вступившій во время перемирія. Кромѣ того, въ арміи были еще четыре офицера, носившіе это имя. Но тотъ, на котораго вы указываете, палъ въ сраженіи при Марнѣ, между первымъ и третьимъ числомъ марта мѣсяца.

— Откуда вы это знаете, господинъ засѣдатель?

— Это значится въ спискахъ, господинъ баронъ! Онъ былъ посланъ вѣстовымъ и былъ убитъ гренадерами полка генерала Мармона.

Кровь бросилась въ голову Болеславу. Передъ нимъ живо возстали самые тяжелые и самые гордые часы его жизни.

— Это ошибка!—воскликнулъ онъ.—Лейтенантъ Баумгартъ былъ тяжело раненъ, попалъ въ плѣнъ, но остался живъ.

— И вы, слѣдовательно, желаете, чтобы васъ принимали за умершаго вѣстового.

— Я, кажется, достаточно ясно выразился.

— Хорошо, но въ такомъ случаѣ, вы должны также знать, по какому дѣлу вѣстовой былъ посланъ?

— Разумѣется.

— Прошу васъ сообщить это мнѣ.

— Вызвали добровольцевъ, желавшихъ ѣхать вѣстовыми къ генералу Клейсту. Днемъ раньше, при рѣкѣ Теруаннѣ произошло сраженіе, въ которомъ генералъ съ своимъ корпусомъ былъ совершенно оттѣсненъ отъ главной арміи. Въ образовавшемся промежуткѣ встали маршалы Мармонъ и Мортье, такъ что соединеніе въ это время казалось невозможнымъ; при томъ-же, говорили, что приближается Наполеонъ. Тогда фельдмаршалъ Блюхеръ внезапно рѣшилъ отступить—въ ожиданіи подкрѣпленія, какъ мнѣ кажется. Нужно было, во что бы то ни стало, дать знать объ этомъ генералу Клейсту, чтобы онъ не очутился изолированнымъ. Необходимо было до ночи оповѣстить его, миновавъ непріятельскій форпостъ. Изъ добровольцевъ дали предпочтеніе мнѣ. Маіоръ фонъ-Шакъ повелъ меня къ фельдмаршалу. Тотъ вручилъ мнѣ письмо.

— Пожалуйста, погодите минуту,— прервалъ его засѣдатель и, быстро что-то прочитавъ въ своихъ бумагахъ, сказалъ, какъ бы не придавая значенія вопросу:

— И это письмо, конечно, заключало въ себѣ именно этотъ приказъ?

— Нѣтъ.

— А что-же еще?

— Это письмо имѣло цѣлью сбить съ толку непріятеля,

въ случаѣ если-бы меня застрѣлили. Приказъ фельдмаршалъ сообщилъ мнѣ устно. Я долженъ былъ выучить его наизусть.

— Что же это былъ за приказъ?

— «Завтра утромъ я сдѣлаю вылазку на правый флангъ непріятеля, чтобы прикрыть отступленіе. Генералъ фонъ-Клейстъ не принимаетъ участія въ сраженіи, а пытается въ это время перейти къ южному берегу Марны, чтобы тамъ соединиться со мной. Послѣ перехода всѣ встрѣчные мосты взорвать».

Засѣдатель кивнулъ головой. — Ну, и что-же, господинъ... лейтенантъ?

— Я выполнилъ порученіе.

— Значитъ, вамъ удалось достичь цѣли?

— Надѣюсь, господинъ засѣдатель, что исторія войны вамъ это доказала.

— Гм!.. когда же вы были ранены?

— На возвратномъ пути.

— Отчего вы не остались тамъ, гдѣ были?

— Потому что я взялся доставить отвѣтъ фельдмаршалу.

— Вы могли-бы себя избавить отъ этого второго путешествія.

— Я могъ бы избавить себя и отъ перваго.

— Вы искали славы.

— Я, между прочимъ, искалъ удовольствія избѣгнуть настоящаго допроса.

Засѣдатель выпрямился и отбросилъ назадъ свою гриву.

— Позволяю себѣ обратить ваше вниманіе на то, что вы стоите передъ представителемъ короля, господинъ баронъ фонъ-Шранденъ.

— Какое нахальство!—раздалось со стороны окна.

— Я стою передъ человѣкомъ, который желаетъ меня погубить,—возразилъ Болеславъ, смотря прямо въ глаза засѣдателю.

На лицѣ послѣдняго мелькнула сдержанная улыбка; онъ нагнулся надъ своими бумагами.

— Я подхожу къ послѣдней части моего слѣдствія,—продолжалъ онъ. — Не подлежитъ сомнѣнію, что ваши показанія основаны на точномъ знаніи случившагося, и что ваше утвержденіе, будто вы тотъ самый Баумгартъ, который служилъ подъ начальствомъ маіора фонъ-Вольцогена, получило нѣкоторую правдоподобность; но этому противорѣчитъ слѣдующій фактъ: врядъ-ли Баумгартъ, бывшій, какъ видно по всему, храбрымъ и доблестнымъ офицеромъ, поступилъ-бы какъ дезертиръ въ арміи, гдѣ получилъ раны и почести. Онъ, вѣдь, долженъ былъ знать, что солдаты не могутъ разлетѣться, точно какая-нибудь стая воробьевъ. А въ особенности земское ополченіе...—Онъ глубоко вздохнулъ и тряхнулъ головой.—Славный ландверъ долженъ

былъ показать остальной арміи, что онъ не только храбръ, но и изъ любви къ порядку и дисциплинѣ всегда стоитъ въ первомъ ряду. Баронъ фонъ-Шранденъ, я надѣюсь, что лейтенантъ Баумгартъ не совершилъ бы этого проступка, и потому желалъ-бы, чтобы онъ умеръ!..

Болеславъ чувствовалъ приближеніе катастрофы. Онъ обвелъ взоромъ присутствующихъ. Вездѣ на него смотрѣли глаза, полные ненависти и жажды мести. Феликсъ Меркель положилъ руку на эфесъ сабли, точно собираясь въ слѣдующій мигъ броситься на него. Въ толпѣ, за его спиной, послышалось бряцаніе оружія. Жирное лицо кабатчика сіяло коварнымъ злорадствомъ. Одинъ только старикъ-священникъ молча опустилъ голову на руки и упорно смотрѣлъ передъ собой внизъ.

— Не моя вина, господинъ засѣдатель, что мертваго снова воскресили. Мнѣ думается, что онъ исполнилъ свой долгъ. Можно было-бы оставить его въ покоѣ.

Засѣдатель пожалъ плечами.

— Да, но разъ на него былъ сдѣланъ доносъ...

— Доносъ?—воскликнулъ Болеславъ, вспыхнувъ отъ гнѣва. Онъ встрѣтился глазами съ молодымъ Меркелемъ, на лицѣ котораго онъ прочелъ позорную и полную бѣшеной злобы исторію своей гибели. Онъ улыбнулся и поникъ головой:

— Хорошо! Я отвѣчу передъ военнымъ судомъ. Я къ этому готовился и прошу меня арестовать.

Толпа двинулась впередъ, чтобы немедленно исполнить его просьбу. Стоявшій до тѣхъ поръ на порогѣ Болеславъ былъ вдругъ оттѣсненъ къ самому столу и очутился грудь съ грудью съ засѣдателемъ. За спиной его поднимались уже готовые опуститься на него кулаки.

— Терпѣніе, милые друзья,—сказалъ мягко и привѣтливо засѣдатель. — Тотъ, кто до него дотронется, будетъ самъ арестованъ. Еще одинъ вопросъ, господинъ баронъ. Если вы, какъ утверждаете, попали въ плѣнъ, то какимъ образомъ при позднѣйшемъ обмѣнѣ плѣнныхъ вы не были по всѣмъ правиламъ записаны и доставлены?

— Такъ какъ я былъ тяжело раненъ, то французы при поспѣшномъ своемъ отступленіи меня бросили. Меня подобрали въ полѣ крестьяне. Я пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ. Когда я оказался въ состояніи оставить моихъ спасителей, то миръ уже былъ заключенъ, и ни одного союзника не было вблизи.

— Вѣрю вашему слову, господинъ баронъ, но можете-ли вы это доказать?

— Не могу ничѣмъ, кромѣ моихъ шрамовъ, господинъ засѣдатель.

— Гм!.. Запишите также и это.—Онъ откашлялся, отбросилъ назадъ непокорные волосы и торжественно началъ:

— Милостивые государи! Храбрые воины и вы, жители Шрандена! Созванiе ландвера есть нарожденiе новаго солнца, которое вѣчно будетъ сiять во славу Пруссiи. Будемъ глубоко благодарны судьбѣ за то, что жили во времена великихъ подвиговъ и вдвойнѣ благодарны за то, что оказались достойными этихъ подвиговъ. И этотъ округъ въ особенности, съ Шранденомъ во главѣ! Посмотрите сами. Въ другихъ мѣстахъ передъ нами грустная картина: король призываетъ, но не вездѣ радостное эхо отвѣчаетъ на его зовъ. О, друзья мои, сердца наши обливаются кровью, когда мы слышимъ, что въ Копицкомъ и Старгардскомъ округахъ, напримѣръ, призывавшiеся къ ополченiю бѣжали въ лѣса и въ горы, скрывались въ несжатыхъ поляхъ. На нихъ должны были дѣлать облавы, чтобы они тысячами не перешли-бы границу, чтобы избавиться отъ этой святой обязанности; намъ извѣстно даже, что уже образовавшiеся полки массами дезертировали по ночамъ. Совсѣмъ иначе было въ томъ округѣ, которымъ я имѣю удовольствiе управлять! Друзья и товарищи! Ландверъ Вартенштейнскаго округа собрался, вооружился и былъ готовъ отправиться въ путь въ двѣ недѣли. Число людей было вдвое больше назначеннаго правительствомъ, и изъ нихъ восемьдесятъ процентовъ составляли добровольцы.

Въ густой толпѣ раздалось громкое ура, а священникъ, не поднимая глазъ, кивнулъ головой съ суровой и довольной улыбкой. Онъ зналъ, чье это было дѣло.

— Я знаю,—продолжалъ засѣдатель, сурово покосившись на Болеслава,—что Шранденская община должна была смыть съ себя ужасное, позорное пятно (въ толпѣ раздались проклятiя)... пятно, которое, не смотря на всѣ доблестные подвиги, будетъ вѣчно лежать на ней... (проклятiя усилились), но если королевская милость не желаетъ его замѣчать, а останавливается лишь на свѣтлыхъ сторонахъ имени Шрандена, то это можно смѣло приписать тому вооруженiю, организаторомъ котораго я съ радостью и гордостью осмѣливать считать себя... Король...

«Къ чему онъ приплетаетъ тутъ короля?—подумалъ Болеславъ.—Онъ могъ бы сократить все дѣло».

... Въ неисчерпаемой милости своей осыпалъ насъ своими щедротами. И тотъ, кто первый станетъ снимать свою жатву, пусть вспомнитъ, что храбрые воины, а съ ними ихъ организаторъ, посѣяли сѣмя славы, которую онъ теперь пожинаетъ.

Онъ перелисталъ свои бумаги и продолжалъ:

— Обнажите головы, храбрые поселяне; стойте смирно, воины; прошу васъ, встаньте, господа... Кто не сниметъ шапки, тотъ будетъ выброшенъ вонъ... Я долженъ вамъ прочитать высочайшее повелѣнiе. Вотъ оно: «Если окажется справедливымъ, что баронъ Болеславъ фонъ-Шранденъ изъ замка Шран-

дена и лейтенантъ Баумгартъ изъ 15 шлезвигскаго, ландверскаго полка одно и то же лицо, и если окажется, въ чемъ мы и увѣрены, что столь храбрый офицеръ не можетъ быть злонамѣреннымъ дезертиромъ, то я произвожу его въ капитаны моего ландвера, отдаю подъ его начальство ополченцевъ его уѣзда и въ награду за выдающуюся храбость жалую ему желѣзный крестъ первой степени. Окружной засѣдатель долженъ лично привести въ исполненіе это распоряженіе въ присутствіи всѣхъ доносчиковъ. Все это предоставить въ его распоряженіе.

Фридрихъ-Вильгельмъ, Rex».

Воцарилось глубокое молчаніе. Шранденскіе патріоты стояли въ полномъ остолбенѣніи и таращили другъ на друга глаза. Лейтенантъ Меркель упалъ назадъ на окно. Его пальцы судорожно сжали крестъ, блестѣвшій на его груди.

У Болеслава зазвенѣло въ ушахъ. Онъ схватился за дверь, чтобы не упасть. Онъ не испытывалъ никакой радости, но его всецѣло охватило чувство горечи, которое онъ все время подавлялъ въ себѣ. Онъ стиснулъ зубы, боясь разрыдаться.

Засѣдатель вынулъ изъ своего глубокаго кармана черную коробочку и съ изысканной вѣжливостью передалъ ее Болеславу.

Крышка отскочила, и въ глаза Болеславу блеснуло мягкое золотистое сіяніе, окружавшее кусочекъ чернаго желѣза. Въ сильномъ возбужденіи онъ прижалъ его къ груди и протянулъ правую руку засѣдателю.

Засѣдатель отступилъ, подался назадъ, внимательно осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ свои длинныя, бѣлыя, костлявыя руки, точно онѣ могли загрязниться при передачѣ ордена, и спряталъ ихъ за спину.

— Господинъ засѣдатель, я вамъ подаю руку!—гнѣвно и грозно закричалъ Болеславъ, вспыхнувъ при новомъ оскорбленіи.

— Мнѣ было велѣно передать высочайшую волю, но рукопожатіе сюда не входитъ.

Въ эту минуту къ ногамъ Болеслава полетѣлъ крестъ, подобный его собственному. Феликсъ Меркель сорвалъ его съ своей груди. Пылая благороднымъ негодованіемъ и подойдя къ чиновнику, котораго (онъ зналъ), теперь нечего бояться, Меркель воскликнулъ:

— Пусть онъ лежитъ тутъ. Онъ мнѣ больше не нуженъ! Всякому храброму солдату стыдно носить этотъ крестъ послѣ того, какъ этотъ человѣкъ могъ получить его.

Болеславъ съ яростнымъ и болѣзненнымъ крикомъ бросился на него съ поднятыми кулаками.

Феликсъ Меркель выхватилъ саблю и замахнулся ею на безоружнаго.

Старый кабатчикъ бросился между ними. Засѣдатель съ добродушнымъ удовольствіемъ потиралъ руки, а старый священникъ горящими глазами слѣдилъ за происходившимъ.

Онъ зналъ своихъ шранденцевъ. Онъ прочелъ убійство въ ихъ глазахъ.

— Назадъ!—прозвучалъ его голосъ, какъ трубный звукъ среди общаго смятенія. Съ распростертыми руками бросился онъ къ двери, гдѣ въ переднихъ рядахъ уже поднялись штыки и дубины, чтобы опуститься сзади на голову ненавистнаго человѣка.

Болеславъ обернулся и съ содроганіемъ увидѣлъ, какъ близокъ былъ онъ къ смерти.

Священникъ схватился за косякъ двери и загородилъ путь разсвирѣпѣвшей толпѣ.

Удержитъ-ли дряхлое старческое тѣло напоръ сорвавшихся съ цѣпи волковъ? Неужели его поглотитъ волна кровожаднаго любопытства?

Воистину, слабая защита! Притомъ-же, это была единственная защита, потому что никто больше не обращалъ вниманія на засѣдателя, блѣдныя руки котораго мелькали надъ головами присутствующихъ, какъ развѣвающіеся флаги; тонкимъ и мягкимъ голосомъ, на подобіе флейты, онъ старался увѣрить всѣхъ, что велитъ выгнать и посадить въ участокъ виновниковъ какого бы то ни было насилія. Человѣкъ, составлявшій протоколъ, съ визгомъ спрятался подъ столъ.

Внутренній голосъ говорилъ Болеславу:—Какъ? ты позволишь этому старику защищать тебя? Развѣ ты не можешь самъ себя защитить?

Въ немъ созрѣло безумное рѣшеніе. Это испытаніе было ему послано судьбою, чтобы онъ могъ посчитаться съ ней, и отступить было бы трусостью.

Онъ быстро схватилъ старика и оттащилъ его отъ двери.

— Это *мое* мѣсто, ваше преподобіе!—сказалъ онъ и всталъ на порогѣ.

Онъ схватился за косякъ, какъ и старикъ, и подставилъ открытую широкую грудь поднятому оружію.

Его взоръ смѣло и повелительно покоился на разъяренной толпѣ. Бѣшеная пѣна брызнула на него, онъ ощущалъ уже на лицѣ своемъ горячее и зловонное дыханіе.

— Я здѣсь,—закричалъ онъ,—пистолеты свои я оставилъ дома. Вы можете спокойно меня убить. Ну-же, впередъ, кто осмѣлится...

Но никто не осмѣлился. Онъ вѣдь не стоялъ уже больше къ нимъ спиною.

Сабли и штыки опустились.

— Хорошо, значитъ, вы не хотите меня предательски убить,—

продолжалъ онъ, держа ихъ въ повиновеніи взглядомъ.—Вы хотите вести себя, какъ люди, а не какъ дикіе звѣри. Такъ я буду съ вами говорить, какъ съ людьми. Отодвиньтесь назадъ и ведите себя спокойно.

Толпа заколыхалась, порогъ очистился.

— Теперь, говорите! Чего вы хотите отъ меня?

Ни звука не раздалось въ отвѣтъ. Слышалось только шумное, сдавленное дыханіе сотни грудей.

— Вы меня ненавидите? Вы хотите отнять у меня жизнь? Хорошо! Скажите за что? Здѣсь стоитъ представитель короля, которому мы всѣ служимъ, который въ своихъ рукахъ держитъ всѣ наказанія. Здѣсь стоитъ представитель Бога, въ котораго я вѣрую, и вы также. Я отдаю себя на судъ обоихъ. Вы можете жаловаться... Что я вамъ сдѣлалъ?

Молчаніе продолжалось. Мгновеніе... послышался визгливый голосъ, но онъ сразу пресѣкся, какъ будто его силой заглушили, и замеръ въ тихомъ бормотаніи.

— Вы молчите. Вы не знаете. Господа, пожалуйста, помогите этимъ бѣднымъ людямъ выйти изъ затрудненія. Вотъ, на землѣ лежитъ высшая почесть націи, крестъ, который кто-то бросилъ, считая его опозореннымъ съ той минуты, какъ я получилъ такой-же. Здѣсь стоитъ другой человѣкъ, отказавшій мнѣ въ рукопожатіи, которымъ всякій честный человѣкъ обмѣнивается съ тѣмъ, кто не подлецъ. Пусть на этотъ разъ, господинъ засѣдатель, истцы соединятся съ судьями. Изложите свою жалобу, судите, прошу васъ, я жду.

Молчаніе царило по прежнему. Засѣдатель смущенно крутилъ кончикъ бакенбардъ.

— А вы, господинъ священникъ... не подобаетъ мнѣ привлекать къ отвѣту моего воспитателя, но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вы мнѣ указали на дверь. Не хотите-ли высказаться отъ имени вашего прихода?

Нижняя челюсть старика дрожала, губы зашевелились, но съ нихъ не слетѣлъ ни одинъ звукъ. Силы, казалось, оставили его; только дикій, пристальный взглядъ, которымъ онъ изъ-подъ нависшихъ бровей пронизывалъ Болеслава, не предвѣщалъ ничего хорошаго.

Болеславъ разсмѣялся.

— Ну, такъ, я самъ долженъ стать своимъ обвинителемъ,— воскликнулъ онъ.

Онъ какъ будто опьянѣлъ отъ собственной дерзости. «Твоя рука будетъ противъ всѣхъ и руки всѣхъ противъ тебя!» пронеслось радостно въ его душѣ.—Вы думаете, что на мнѣ должны выместить отцовскіе грѣхи, на мнѣ излить свой гнѣвъ, потому что онъ не можетъ больше излиться на мертваго. Хорошо, я его наслѣдникъ. Я беру на себя его вину и не от-

казываюсь ее искупить, если отъ меня потребуютъ искупленія право и справедливость. Но почему же не трогали покойнаго? Почему его не привлекли къ судебной отвѣтственности? Отчего его не потащили къ эшафоту, если онъ того заслуживалъ? Господинъ засѣдатель, обращаюсь къ вамъ: васъ я спрашиваю, почему государство, которое вы здѣсь представляете въ своемъ лицѣ, почему оно молчало и терпѣло, чтобы эти добрые люди, которымъ не было сдѣлано никакого зла, предались бы такой ребяческой и жестокой мести, какую можетъ выдумать только мозгъ кровожадныхъ дикарей? Месть за дѣяніе, котораго я не признаю и не отрицаю, но которое до настоящаго времени лежитъ во мракѣ неизвѣстности? Какъ оно совершилось и совершилось-ли оно, кто изъ васъ это знаетъ? И тѣмъ не менѣе, вы отвергли его и его родъ предали изгнанію, позору, безчестію. Такъ привлеките же къ суду меня, покойнаго и...

Онъ смущенно остановился, потому что не смѣлъ произнести имя Регины; глаза священника метнули молнію. Овладѣвъ снова собой, онъ продолжалъ:

— Такъ спрашивайте-же! говорите! выясните то, что таится во мракѣ, и тогда судите!.. Но разслѣдуйте тогда и то злодѣяніе, которое лишило меня имѣнія и состоянія, которое заставляетъ меня, какъ дикаго звѣря, жить въ развалинахъ и которое еще до сихъ поръ взываетъ къ небу о мщеніи. Я умолчу о всѣхъ другихъ оскорбленіяхъ; о томъ, что вы мнѣ и... моимъ угрожали смертью и убійствомъ, что вы преградили путь на кладбище тѣлу моего отца... я вамъ это прощаю. Но за поджогъ, клянусь, я отомщу! До сегодня я думалъ, что свѣтъ справедливости погасъ для меня, но еслибы и такъ, то я его снова зажгу. Я не успокоюсь, пока не открою поджигателя, и тогда да смилуется Господь надъ нимъ и надъ всѣми его соучастниками!

Въ толпѣ обнаружилось безпокойство. Стоявшіе въ переднемъ ряду попятились снова назадъ, какъ-бы защищаясь отъ мести разгнѣваннаго человѣка. Со стороны окна раздался смѣхъ, но пресѣкся въ самомъ началѣ.

Въ комнатѣ для почетныхъ гостей каждый по мѣрѣ силъ старался сдѣлать видъ, что не слышитъ словъ Болеслава. Засѣдатель, который, казалось, былъ особенно непріятно затронутъ, нервно перелистывалъ свои бумаги. Старикъ Меркель, съ необыкновенной торопливостью поднявшій крестъ съ земли, насильно совалъ его сопротивлявшемуся сыну. Сѣрый человѣкъ, вылѣзшій между тѣмъ изъ-подъ стола, усердно стиралъ пыль съ своихъ колѣнъ.

Одинъ священникъ внимательно слушалъ. Сѣдая голова его слегка дрожала. Прислонившись къ столу, онъ, какъ хищная

птица, собирающаяся броситься на свою добычу, стоялъ и горящимъ, жгучимъ взглядомъ, казалось, хотѣлъ пронзить Болеслава насквозь.

Если бы Болеславъ въ эту минуту взглянулъ на него, то онъ не рѣшился бы на новый вызовъ. Но онъ хотѣлъ до конца торжествовать побѣду.

— Чтобы намъ все было ясно,—воскликнулъ онъ,—вамъ и мнѣ, чтобы всѣ знали на чьей сторонѣ право и на чьей несправедливость, я спрашиваю: кто изъ васъ имѣетъ что-нибудь противъ меня? Кому я сдѣлалъ какое-нибудь зло? Кто можетъ на меня въ чемъ-нибудь пожаловаться?

Вдругъ за нимъ раздался голосъ стараго священника:

— Здѣсь-ли столяръ Гакельбергъ?

Болеславъ вздрогнулъ. Грозный голосъ раздался въ его ушахъ, какъ гласъ правосудія. Онъ не зналъ, что ему готовилось, но чувствовалъ, что предстоитъ что-то ужасное.

Толпа заколыхалась, задвигалась. Наполовину протолкали, наполовину протащили впередъ пьяницу-столяра, жалкая фигура котораго появилась въ переднемъ ряду. Онъ защищался, отбивался кулаками и, уже стоя у порога, пытался еще разъ нырнуть въ толпу или скрыться за спиною сосѣда.

— Не бойся, Гакельбергъ,—сказалъ священникъ,—тебѣ ничего ни сдѣлаютъ.

Тогда онъ дерзко выпрямился и поднялъ боязливо-испытующій взглядъ своихъ стеклянныхъ глазъ на высокопоставленныхъ господъ, передъ которыми стоялъ.

— Что это такое?—спросилъ съ негодованіемъ засѣдатель.—Зачѣмъ позволяютъ такому молодцу свободно разгуливать по улицѣ?

— Потому что уважаютъ въ немъ его великое несчастье—возразилъ священникъ.

Господинъ Меркель подвинулся ближе къ засѣдателю и прошепталъ съ страдальческой улыбкой: «это несчастный, достойный жалости отецъ, о которомъ я разсказывалъ вашему высокородію...» Но въ глазахъ его, между тѣмъ, появился безпокойный блескъ, и онъ многозначительно посматривалъ на стоявшихъ въ переднихъ рядахъ шранденцовъ, державшихъ уже на готовѣ кулаки, чтобы въ рѣшительную минуту схватить пьяницу и убрать его съ глазъ долой.

— Тебѣ нечего намъ сказать, Гакельбергъ?—сказалъ священникъ.

— Что-же я могу сказать, господинъ священникъ!—провизжалъ онъ, пытаясь снова скрыться и натягивая разорванную кофту на голую грудь.

— У тебя никакой жалобы?

— Оставьте меня! дайте мнѣ уйти!—захныкалъ онъ.—Мнѣ не на что жаловаться.

— И противъ него ничего не имѣешь?—Онъ указалъ на Болеслава.

Въ потухшихъ глазахъ несчастнаго вспыхнулъ грустный огонекъ: онъ понялъ. Старикъ Меркель ободряюще кивалъ ему головой, и онъ, въ знакъ того, что понялъ свою роль, началъ горько плакать, какъ пьяница, у котораго всегда слезы наготовѣ. Своими грязными руками онъ водилъ по лицу, такъ что оно скоро стало безобразно и ужасно.

— Бѣдный, бѣдный отецъ!—причитывалъ господинъ Меркель, утирая свои глаза.

— Къ чему эта комедія?—спросилъ Болеславъ съ презрительной улыбкой на смертельно блѣдномъ лицѣ.

— Это не комедія, это судъ! — отвѣчалъ старый священникъ.

Болеславъ пожалъ плечами. — Я доволенъ, — сказалъ онъ, хотя голосъ его задрожалъ,—я этого требовалъ.

Шранденцы вытянули шеи въ ожиданіи предстоящаго зрѣлища. Въ наступившей на мгновеніе тишинѣ поднялся крикъ и шумъ, которыми, вѣроятно, старалась убить время толпа, не помѣстившаяся въ трактирѣ и наполнявшая церковную площадь. Среди гама слышался испуганный женскій крикъ.

— Неужто Регина?.. Но это невозможно!.. и появившаяся мгновенно мысль мгновенно-же исчезла.

— Мое дитя, мое бѣдное, несчастное дитя!—завылъ столяръ, чувствовавшій себя въ знакомой стихіи.

— Что сдѣлали твоему ребенку, человѣкъ?—спросилъ засѣдатель, не желавшій, чтобы кто-нибудь другой велъ слѣдствіе.

— Погубили мое дитя!.. Изъ нея сдѣлали потаскуху!.. Мое отцовское сердце... разрывается на части... Я тряпка!.. Еще одинъ гробъ...

— Кажется, эту пѣсню я отъ тебя уже слышалъ,—прервалъ его засѣдатель.—Это было еще въ то время, когда я былъ здѣсь для допроса женщины, твоей дочери, по поводу Кошачьей дороги. Если ты за эти пять лѣтъ не выучилъ ничего новаго...

Онъ обернулся къ священнику и прибавилъ съ улыбкой:

— Мнѣ кажется, что этому Полишинелю навязали роль Виргинія.

Сѣрый человѣчекъ въ углу засмѣялся смѣхомъ, напоминавшимъ блеяніе козы, но сейчасъ-же замолчалъ, какъ-бы испуганный своей дерзостью.

Но священникъ вовсе не желалъ позволить острить надъ собой.

— Ну, такъ я буду за тебя говорить, Гакельбергъ,—ска-

залъ онъ,—ко мнѣ никто не можетъ не отнестись серьезно, ради тебя, и ради васъ всѣхъ и ради самого Господа, надъ святыми законами котораго высокопоставленные господа не посмѣютъ острить. Баронъ фонъ-Шранденъ, вы меня вызвали; вы все еще согласны отвѣчать мнѣ?

Болеславъ отвѣтилъ утвердительно, полный боязливаго нетерпѣнія. Ему показалось, что онъ во второй разъ, сквозь шумъ толпы, слышитъ женскій крикъ.

— Вы приняли наслѣдство вашего отца?

— Вы въ этомъ сомнѣваетесь?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ!

— Что это значитъ?

— Вы себѣ присвоили и то, чѣмъ онъ несправедливо владѣлъ.

— Господинъ священникъ!..—Онъ остолбенѣлъ. Онъ хотѣлъ отвѣчать, но что-то захватило ему горло. «Гдѣ твоя смѣлость?» — спрашивалъ онъ себя.

— Вы нашли женщину, господинъ баронъ, бывшую любовницей вашего отца. Вы ее нашли униженной, опозоренной, носившей на себѣ слѣды грязи и преступленія. Многолѣтнее рабство лишило ее всякаго человѣческаго достоинства. Она тамъ жила, какъ животное. Это несчастное созданіе принадлежало народу и мнѣ. Я ее воспиталъ, крестилъ и подавалъ ей чашу святого причастія. Я поклялся передъ лицомъ прихода опекать эту молодую, вдвойнѣ осиротѣвшую душу, такъ какъ виновникъ ея рожденія не былъ въ состояніи этого сдѣлать самъ.

— Ахъ! мое бѣдное, осиротѣвшее дитя! — причитывалъ столяръ.—Только еще два... только еще одинъ гробъ...

— Я за нее отвѣчаю передъ Богомъ и передъ приходомъ. Я не могу ее требовать отъ твоего отца, потому что онъ стоитъ передъ престоломъ Всемогущаго, но отъ тебя я требую ее и въ этотъ часъ разсчета, который ты самъ вызвалъ, я спрашиваю тебя: что ты сдѣлалъ съ этой душою?

Передъ глазами Болеслава пронесся красноватый туманъ, и въ этомъ туманѣ фигура сѣдого священника такъ страшно выросла, что она ему показалась сверхъестественной.—Дрожащими устами онъ могъ только проговорить:

— Что-же было мнѣ дѣлать? что я могъ...

А старикъ продолжалъ:

— Сегодня тебя нашъ король высоко почтилъ передъ всѣми людьми; смотри-же, Болеславъ фонъ-Шранденъ, отличилъ-ли бы тебя также Господь Богъ? Ты спрашиваешь, что тебѣ было дѣлать? Какъ-бы это существо ни было загрязнено и унижено, оно должно было остаться для тебя болѣе высокимъ и святымъ, чѣмъ кто-либо на землѣ. Что ты

сдѣлалъ, чтобы искупить вину твоего отца противъ этой женщины? Освободилъ-ли ты погруженный въ рабство духъ ея? Поднялъ-ли ты ея душу къ всемилостивому и всепрощающему Господу? Или ты ее все ниже и ниже погружалъ въ тотъ преступный омутъ, которымъ твой домъ и твой родъ опутали ее? И прежде всего: какимъ образомъ жилъ ты съ нею? Говорятъ, что на вашемъ пустынномъ островѣ есть только одно жилое помѣщеніе. Неужели-же ты не подумалъ о томъ, что то, что принадлежало твоему отцу, должно было остаться неприкосновеннымъ для тебя, по всѣмъ небеснымъ и людскимъ законамъ? Научилъ-ли ты ее молитвѣ и раскаянію или ея бѣдныя, безвольныя чувства еще болѣе насытилъ ядомъ?.. Держалъ-ли ты свою кровь чистой отъ всякихъ преступныхъ желаній? Или твои помыслы окружили ее, какъ жадные звѣри, и бѣгали за ней и поджидали минуту, когда можно было воспользоваться ея слабостью... пока не было совершено новое постыдное дѣяніе...

— Замолчите!—закричалъ Болеславъ.

Изъ устъ этого кроткаго христіанина, дѣйствительно, выскакивали скорпіоны. Онъ умѣлъ громить самые тайные грѣшные помыслы, даже такіе, которые еще не существовали въ сознаніи, и въ которыхъ онъ всетаки въ этотъ часъ долженъ былъ себя признать виноватымъ.

Теперь все, все было ясно; все, что мѣшало ему спать въ длинныя, одинокія ночи, что волновало такъ безумно его кровь, что заставляло его, притаивъ дыханіе, прислушиваться, не раздается-ли ея дыханіе также неровно, то быстрѣе, то медленнѣе, чѣмъ его, чтобы удостовѣриться, что она также бодрствуетъ, какъ и онъ, въ такой-же тревогѣ прислушивается, какъ и онъ... все это было преступное желаніе обладать ея тѣломъ, опозореннымъ, измученнымъ, гордымъ, прелестнымъ тѣломъ... Но, слава Богу! преступленіе еще жило только внутри его. Еще было время преградить ему выходъ раньше, чѣмъ оно переступило таинственный порогъ. До сихъ поръ онъ былъ обязанъ давать отчетъ только самому себѣ, и только самъ могъ судить то, что лежало у него на совѣсти.

Блѣдный и растерянный, онъ оглянулся и увидѣлъ на всѣхъ лицахъ торжество.

— Кто вамъ даетъ право обвинять меня въ такомъ преступленіи?—закричалъ онъ священнику.

— Я васъ не обвиняю, я только спрашиваю,—прервалъ его старикъ.—Вы слишкомъ поблѣднѣли, господинъ баронъ, чтобы мы могли повѣрить вашему негодованію!

— Онъ самъ себя осудилъ, несчастный,—прибавилъ горестно господинъ Меркель старшій.

Шранденцы, снова воспылавшіе надеждой, что его можно будетъ схватить за шиворотъ, зашумѣли и столпились у порога.

Въ эту минуту, заглушая весь этотъ шумъ раздался со двора раздирающій душу крикъ о помощи. Не оставалось больше никакого сомнѣнія: это была Регина.

— Регина!—закричалъ онъ, подбѣгая къ окну, выходившему на дворъ.—Тамъ дикая охота была въ полномъ разгарѣ. Толпа разъяренныхъ бабъ бѣжала, скакала, неслась черезъ изгороди, черезъ бочки, телѣги, замерзшія кучи навоза. За ними гнались парни съ дубинами. Со всѣхъ концовъ летѣли камни.

— Помогите! Помогите!—раздавался крикъ Регины, но ея самой не было видно.

Когда онъ распахнулъ дверь, то она влетѣла въ темный корридоръ, а за нею и бушевавшая толпа.

Со страшной силой онъ втащилъ ее въ комнату и поспѣшно захлопнулъ дверь, передъ самымъ лицомъ разъяренныхъ мегеръ.

Она опустилась къ его ногамъ и, рыдая, прижала свое лицо къ поламъ его сюртука. Изъ ея судорожно сжатыхъ рукъ выпали двѣ разсщепленныя доски; остатки щита, которымъ она обыкновенно защищалась отъ бросаемыхъ въ нее камней.

Волосы ея были растрепаны, платье изорвано, красивая мѣховая отдѣлка, которой она такъ гордилась, висѣла лохмотьями.

— Да это прелестная влюбленная парочка,—сказалъ господинъ Меркель, радостно потирая руки.

Увидя ихъ вмѣстѣ, шранденцамъ сильно захотѣлось продолжать дѣло своихъ женъ. Видъ Регины всегда возбуждалъ въ нихъ непреодолимое желаніе бросать въ нее чѣмъ-нибудь. Они испустили радостный ревъ и стали искать метательныхъ орудій. Уже двѣ глиняныя кружки влетѣли въ почетную комнату, и одна изъ нихъ попала въ плечо столяру. Убивать они никого не хотѣли, но желали позабавиться.

Засѣдатель отчаянно махалъ своими костлявыми руками. Все его спокойное достоинство разбивалось объ этихъ чертей.

— Господинъ засѣдатель,—сказалъ Болеславъ, указывая на колѣнопреклоненную женщину, прижавшуюся къ нему въ полубезсознательномъ состояніи.—Я прошу васъ запомнить эту сцену. Если вы сами не чувствуете себя обязаннымъ вступиться, то легко можетъ быть, что я принужденъ буду призвать васъ въ качествѣ свидѣтеля противъ этихъ храбрыхъ людей.

Важный засѣдатель не понималъ, какую жалкую роль онъ игралъ. Даже красивая львиная грива его потеряла величавость и висѣла прямыми космами вокругъ его головы.

— Меркель,—закаркалъ онъ,—вы мѣстный начальникъ. Я

лишу васъ должности, если вы сейчасъ-же не возстановите порядокъ. Смирно, люди, смирно! Это нарушеніе тишины и спокойствія, за это идутъ въ тюрьму... я васъ всѣхъ засажу въ тюрьму... вы при оружіи... это вамъ будетъ стоить трехъ лѣтъ тюремнаго заключенія... Завтра я пришлю жандармовъ, трехъ жандармовъ заразъ...

Добрый геній подсказалъ ему эту угрозу, потому что никакая другая не подѣйствовала-бы на обезумѣвшихъ шранденцевъ. Со времени несчастной войны въ Шранденѣ не было больше жандармовъ. Это было большое счастье, которое они боялись потерять, ибо шранденцы страшились жандармовъ больше короля.

Господинъ Меркель, начинавшій дрожать за свое мѣсто, сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы ихъ успокоить. Его сынъ со скрещенными на груди руками стоялъ у окна и дѣлалъ видъ, будто это зрѣлище забавляетъ его въ высшей степени.

Старый священникъ не отрывалъ глазъ отъ парочки; казалось, онъ хотѣлъ проникнуть взоромъ въ самую глубину ихъ сердецъ.

— Встань,—сказалъ ей Болеславъ,—тебѣ ничего не сдѣлаютъ. Я съ тобою.

Но она еще боязливѣе прижалась къ нему.

— Не правда-ли, господинъ, васъ не уведутъ отсюда?—рыдала она.—Я убью себя, если это правда.

— Нѣтъ, встань-же.

— Господинъ, ахъ милый, милый господинъ!—и она прижалась головой къ его колѣнямъ.

— Болеславъ фонъ-Шранденъ, ты все еще отрицаешь?

— Что я долженъ отрицать? Что эта бѣдная, несчастная женщина, которую вы оклеветали и отвергли, во мнѣ видитъ своего спасителя, своего Бога, потому что я первый за всѣ эти годы къ ней обратился съ человѣческимъ словомъ?.. Или я долженъ отрицать, что это несчастное единственное существо въ мірѣ, не покинувшее меня тогда, когда всѣ покинули меня, сдѣлалось мнѣ милымъ и дорогимъ? Я былъ-бы грубымъ и безчувственнымъ чурбаномъ, еслибы я иначе относился къ ней послѣ всего, что она для меня сдѣлала. Я не просилъ ее дѣлить со мной одиночество въ развалинахъ. Совсѣмъ не такъ весело тамъ, наверху, и вся моя доброта заключалась въ томъ, что я позволилъ ей жертвовать собой для меня. Радости я не далъ ей никакой. Недозволеннаго ничего не произошло между нами. Если она предпочитаетъ быть моей крѣпостной, чѣмъ дать себя побить камнями, то до этого никому въ мірѣ нѣтъ дѣла, менѣе-же всего вамъ, шранденцамъ, или особенно тому пьяницѣ, который когда-то продалъ свою собственную кровь и плоть!

Ободренный старым Меркелем, столяръ сталъ разыгрывать растроганнаго отца.

— О, моя дочь! моя бѣдная, несчастная дочь!—запищалъ онъ.

— Смѣлѣй!—шепталъ ему кабатчикъ,—потребуй ее назадъ.

— Вернись, дитя мое, вернись къ своему несчастному, покинутому отцу! Онъ съ горя сдѣлался пьяницей. Онъ сколотитъ только еще два гроба, одинъ для себя и одинъ...

Онъ протянулъ къ ней грязную руку, которую она съ отвращеніемъ и ужасомъ оттолкнула.

— Не трудись,—сказалъ Болеславъ,—она принадлежитъ мнѣ, какъ я принадлежу ей.

— И всетаки я сегодня у тебя ее требую, Болеславъ фонъ-Шранденъ!—сказалъ священникъ, возлагая руку на голову Регины.

Она смущенно съежилась, но покорилась.

— Для того, чтобы вы удобнѣе могли ее побить камнями, не правда-ли?

— Я обѣщаю тебѣ, что отнынѣ никто не сдѣлаетъ ей зла. Я самъ отвезу ее къ своему товарищу, который подготовитъ ее къ земной и загробной жизни. Не преграждай ей пути къ спасенію, не опутывай ее еще больше грѣшными цѣпями.

Болеславъ молчалъ. Въ немъ боролась тысяча чувствъ и мыслей. Старикъ не былъ обманщикомъ: его слово было твердо, какъ скала. Какое имѣлъ онъ право на эту женщину, безъ воли лежавшую у его ногъ? Что могъ онъ предложить ей, чтобы брать на себя отвѣтственность за ея жизнь?

Тутъ вмѣшался засѣдатель, пришедшій снова въ себя послѣ испытаннаго испуга.

— Достигла-ли эта особа совершеннолѣтія?—спросилъ онъ.

Священникъ сосчиталъ и далъ утвердительный отвѣтъ.

— Значитъ vis paterna не имѣетъ силы, и нельзя заставить ее бросить распутный образъ жизни; а то можно было-бы ее въ исправительное...

Его заставилъ замолчать насмѣшливый хохотъ Болеслава.

— Ну, хорошо. Такъ пусть-же она рѣшитъ сама. Довольны вы, господинъ баронъ?

— Я ее не держу,—вырвалось у него, но онъ сейчасъ-же почувствовалъ, какъ лежавшее въ его ногахъ тѣло все задрожало.—Регина, слышишь, что обѣщаетъ господинъ священникъ?.. Ты знаешь, что твоя будущность обезпечена. Хочешь послѣдовать за нимъ?

Она подняла къ нему разгорѣвшееся, залитое слезами лицо и зарыдала:

— Пожалуйста, господинъ, не... шутите... со мной!

— Такъ ты, значитъ, хочешь остаться у меня?

— Вы вѣдь это знаете, господинъ!.. Зачѣмъ вы меня мучите?

— Ну, такъ вставай, пойдемъ!

Священникъ загородилъ ему дорогу. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть, а его ястребиные глаза впились въ лицо Болеслава. Онъ торжественно положилъ ему руку на плечо, какъ въ тотъ разъ, когда выяснялъ всю вину его отца.

— Сынъ мой, — сказалъ онъ, — тебя я также принялъ при крещеніи. Тебя я научилъ лепетать имя Господне и указалъ на чудеса его творенія. Ты былъ мнѣ дорогъ, какъ мое собственное дитя, даже больше, потому что ты былъ сыномъ моего господина. За тебя я тоже долженъ отвѣчать у престола Всевышняго. Ты не могъ очиститься отъ того подозрѣнія, которое лежитъ на тебѣ. Я читаю въ твоей душѣ, не опускай глаза, я знаю все. И потому я еще разъ требую отъ тебя эту женщину. Я ее требую во имя ея отца, во имя прихода, во имя нашего Господа, отца всѣхъ сиротъ и дѣтей, ибо она не знаетъ, что творитъ. Освободи ее... тогда ты будешь невиненъ и можешь съ миромъ идти своей дорогой.

Регина встала и съ содроганіемъ схватила его руку.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ,—надѣюсь, что намъ дадутъ дорогу.—И онъ хотѣлъ пройти мимо старика.

Но старикъ снова задержалъ его и простеръ къ нему руки.

— Такъ ты достоинъ твоего отца! И какъ однажды я проклялъ его, такъ въ этотъ часъ я проклинаю тебя, а съ тобой и эту женщину. Будь Каиномъ, котораго Богъ прогналъ отъ себя! Да не найдешь ты нигдѣ пристанища. Живи же всю жизнь въ развалинахъ, и эта женщина съ тобой! Теперь ступайте... Дайте имъ дорогу, и тотъ, кто дотронется до нихъ съ добрымъ или дурнымъ намѣреніемъ, будетъ проклятъ вмѣстѣ съ ними.

У Болеслава вырвался смѣхъ, странно прозвучавшій среди общаго молчанія.

— Пойдемъ,—сказалъ онъ, схвативъ Регину за руку.— Пойдемъ, пусть старикъ проклинаетъ, вѣдь это его ремесло!

И всетаки дрожь пробѣжала по его тѣлу. Въ толпѣ, наполнявшей пивную, открылся проходъ до самой двери. Онъ вступилъ въ него съ Региной, но никто не засмѣялся, не выругался, не тронулъ его; суевѣрный страхъ лежалъ на всѣхъ этихъ окаменѣлыхъ, грубыхъ лицахъ. Онъ вышелъ на улицу. Ледяной воздухъ зимняго вечера пахнулъ ему въ лицо. Узнали-ли уже стоявшіе на улицѣ о случившемся, догадались-ли, но и здѣсь ихъ встрѣтило то-же глубокое молчаніе, и здѣсь имъ открылся такой-же свободный проходъ, черезъ который они

оба, опустивъ голову, медленно пошли по направленію къ рѣкѣ...

XIV.

Вечерняя заря погасла. Свѣтло-голубая дымка окутывала обнаженные кустарники, а на камняхъ сверкали блестящія снѣжинки, какъ самоцвѣтные камни.

Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами Болеслава. Морозный воздухъ пріятно освѣжалъ его горѣвшее лицо. Онъ услалъ Регину впередъ и пытался въ одиночествѣ обрѣсти снова ясность и душевный покой...

Онъ ясно сознавалъ, что проклятіе — вздоръ, привидѣніе, которымъ во тьмѣ пугаютъ маленькихъ дѣтей. Врагъ его отца выждалъ случая отомстить, какъ могъ, сыну, и всетаки... какъ страшно такое проклятіе. Положимъ, все это вздоръ. То, въ чемъ по своей подозрительности упрекалъ его сумасшедшій старикъ, едва еще коснулось его души, слегка затронувъ его своимъ крыломъ. Теперь-же, когда онъ понялъ, въ чемъ дѣло, опасность миновала. Въ сущности, онъ долженъ быть благодаренъ старику, что тотъ издали указалъ ему на пропасть, къ которой онъ, было, шелъ.

— Довольно думать объ этомъ, — сказалъ онъ себѣ. — Я, господинъ, она—служанка... и пусть я буду проклятъ...

Онъ вздрогнулъ и остановился. Вѣдь онъ уже былъ проклятъ! Онъ улыбнулся своему собственному испугу. Такіе пустяки, такое ребячество! Стыдно и думать объ этомъ.

Во всякомъ случаѣ, съ сегодняшняго дня его отношенія къ внѣшнему міру должны вступить въ новый фазисъ. Крестъ въ его рукѣ свидѣтельствовалъ о томъ, что онъ не былъ безправнымъ и обезчещеннымъ, что и право и честь онъ можетъ вернуть, если захочетъ, пренебрегая личными врагами, обратиться къ высшему начальству. Если окружные судьи нашли неудобнымъ касаться поджога, то онъ зажжетъ такой пожаръ, что его пламя заставитъ преступниковъ выползти изъ своихъ угловъ, гдѣ они скрывались. Но, конечно, въ такомъ случаѣ, и дѣяніе его отца должно было-бы выдти изъ мрака; кощунственными руками онъ долженъ былъ нарушить покой усопшаго и всему міру прокричать о покрывшемъ его домъ позорѣ. Губы его искривились. Онъ чувствовалъ, какъ росло его упорство и какъ могущественно оно овладѣвало имъ. Мысль о собственной погибели въ эту минуту показалась ему смѣшной. Чего ему было бояться?

— Вѣдь ты проклятъ!—пробормоталъ онъ, и изъ устъ его вырвался смѣхъ.

Онъ вошелъ въ домъ. Регина накрывала столъ къ ужину.

Она починила кофту и пригладила волосы, смочивъ ихъ водой. Лицо ея было спокойно, какъ будто ничего не случилось, только кровавыя царапины на шеѣ показывали, какіе часы она только-что пережила.

Онъ спросилъ ее съ напускной строгостью:

— Какъ это тебѣ пришла безумная мысль отправиться въ трактиръ?

Она скользнула по немъ застѣнчивымъ взглядомъ.

— Простите, господинъ,—сказала она, опуская голову,—когда я нашла ваше письмо, у меня позеленѣло въ глазахъ, и я не помнила, что дѣлаю... Я думала, что я, можетъ быть, освобожу васъ...

— Глупая! — сказалъ онъ и засмѣялся, но въ груди его поднялось что-то такое, что ему стоило страшныхъ усилій снова подавить въ себѣ.

— Принеси мнѣ вина,—крикнулъ онъ, садясь за столъ.

— Какого, господинъ?

— Самаго лучшаго. Сегодня большой праздникъ.

Она удивленно посмотрѣла на него и вышла изъ комнаты.

— Принеси и себѣ стаканъ, — сказалъ онъ въ то время, какъ она открывала покрытую сѣрой паутиной бутылку.

— Ахъ! пожалуйста, господинъ, я не выношу вина!

— Скоро-ли ты?

— Сейчасъ, господинъ.

Онъ налилъ. Темнозолотистая струя сверкала, стекая въ изумрудную рюмку. По крайней мѣрѣ, хоть это было спасено отъ уничтоженія.

— Чокнемся.

Стаканы звякнули съ тихимъ звономъ.

— Итакъ, я соединенъ съ нею проклятіемъ,—думалъ онъ, вперивъ свой взоръ въ ея глаза.—Какъ это странно, чудовищно! Эта женщина должна сдѣлаться частью его собственной жизни, сказалъ старикъ. Эта женщина... почему именно эта? Проклятіе—тоже своего рода освященіе,—продолжалъ онъ думать.—То, чего нѣтъ и никогда не будетъ,—отнынѣ закрѣплено и узаконено передъ небомъ и землей.

Такъ кружились его мысли въ замкнутомъ кругу, въ которомъ слова проповѣдника пробили брешь. Но онъ сейчасъже устыдился ихъ.—Ты господинъ,—сказалъ онъ себѣ,—а она служанка, болѣе того, она твоя раба, и такъ это должно остаться.

Одно только было ясно: слѣдовало немедленно приниматься за дѣло мести. Онъ велѣлъ Регинѣ убрать остатки ужина и принести вторую бутылку вина. Затѣмъ онъ вынулъ изъ письменнаго стола перо и бумагу и указалъ ей на мѣсто, гдѣ она сидѣла въ сочельникъ.

Она сѣла съ застѣнчивой радостью, потому что съ тѣхъ поръ она проводила вечера въ сѣняхъ у плиты.

— Ты должна мнѣ многое разсказать, Регина, — началъ онъ.—Отвѣчай кратко и опредѣленно на всѣ мои вопросы.

Она, видимо, испугалась.

— Да, господинъ...—прошептала она.

— Выпей, это развяжетъ тебѣ языкъ.

Она повиновалась, но на этотъ разъ вино, казалось, влило въ нее страхъ и отвращеніе.

— Дѣло идетъ о послѣдствіяхъ той ночи, когда ты провела французовъ по Кошачьей дорогѣ. Зналъ-ли кто-нибудь въ замкѣ объ этомъ походѣ?

— Нѣтъ, господинъ.

— Черезъ кого-же все стало извѣстно?

— Кажется, черезъ меня,—прошептала она, опустивъ глаза въ землю.

— Кому ты разболтала?

— Своему отцу.

— Какъ-же это случилось?

— Онъ иногда приходилъ въ замокъ, чтобы выпросить у меня денегъ, а когда у меня ничего не было, щипалъ меня и билъ.

— Отчего-же ты не звала кого-нибудь на помощь?

— Онъ являлся ночью, господинъ, и если бы его застали, то выпороли бы.

— Хорошо, дальше!

— И вотъ, скоро послѣ того, я хочу сказать послѣ того похода... пришелъ и сталъ требовать отъ меня, чтобы я добыла какъ-нибудь отъ барина денегъ или тайно обыскала бы его карманы; и все въ такомъ родѣ. Чтобы отвязаться отъ него разъ навсегда, я принесла ему кошелекъ, который мнѣ подарилъ французскій начальникъ, и, когда отецъ увидѣлъ блеснувшее при лунномъ свѣтѣ золото, онъ сразу точно рехнулся.

Она замолчала.

— Дальше!

— Все разсказывать, господинъ?

— Разумѣется!

— Вѣдь это всетаки мой отецъ, господинъ!

— Я тебѣ приказываю!

Она глубоко вздохнула и продолжала:

— Онъ схватилъ меня за поясъ и сталъ кричать мнѣ въ ухо:—Я тебя задушу, если ты сейчасъ-же не сознаешься, откуда у тебя столько денегъ... И когда я почувствовала, что задыхаюсь...

Онъ горько разсмѣялся. Его отецъ и ея отецъ оба дѣйствовали одними и тѣми-же достойными редс твами.

Регина подумала, что смѣхъ относится къ ней.

— Ахъ! господинъ,—продолжала она съ умоляющимъ взоромъ,—вѣдь, я была тогда еще страшно глупа. Двѣ недѣли спустя, при допросѣ, они-бы могли меня замучить и всетаки ничего-бы не узнали... Но тогда... онъ всетаки мнѣ отецъ... тогда...

— Ты тогда все и выболтала. Ну, а потомъ?

— Меня въ ту же ночь стала мучить совѣсть, и когда я утромъ принесла барину кофе, потому что онъ требовалъ, чтобы я всегда была при немъ, я ему во всемъ и призналась.

— Что-же онъ?

— Онъ поблѣднѣлъ, какъ стѣна, не сказалъ ни слова, сорвалъ со стѣны ружье и прицѣлился въ меня. Я сложила руки и закрыла глаза; вдругъ слышу у него вырвалось проклятіе... онъ вскинулъ ружье на плечо и выбѣжалъ. Я сейчасъ-же подумала: теперь онъ застрѣлитъ отца!.. Какъ только я увидѣла, что онъ бѣжитъ къ подъемному мосту съ своими двумя гончими собаками, я скорѣй побѣжала черезъ паркъ и по Кошачьей дорогѣ спустилась къ селу, чтобы предупредить отца, что дѣло идетъ о его жизни. Еслибы онъ былъ дома, я не успѣла-бы его спасти, но онъ сидѣлъ у Меркеля въ Черномъ Орлѣ. Тамъ провелъ онъ всю ночь и, какъ звѣрь, лежалъ на полу. Баринъ не пойдетъ за нимъ въ трактиръ,—подумала я; да и все равно было поздно, потому что господину Меркелю и другимъ стало все уже извѣстно. Увидя меня, они заорали, схватили меня и хотѣли заставить говорить, но я укусила себѣ языкъ до крови и всетаки молчала. Тогда они меня отпустили, а я побѣжала навстрѣчу барину, бросилась ему въ ноги и сказала: простите его, все равно уже всѣ знаютъ! Онъ меня толкнулъ ногой, такъ что я упала въ обморокъ, но отцу ничего не сдѣлалъ. Черезъ двѣ недѣли за мной пришелъ жандармъ и повелъ къ Черному Орлу. Въ пивной сидѣли пять или шесть важныхъ чужихъ господъ и между ними сегодняшній господинъ засѣдатель. Дверь за мной заперли на ключъ и стали допрашивать. Мнѣ страшно хотѣлось плакать, но я пересилила себя и сказала, что отецъ имѣетъ привычку страшно пить и что ему вѣрно что-нибудь приснилось худое. Но тутъ они показали мнѣ кошелекъ, отнятый у него. И тогда, господинъ, я призналась, что... это было... вознагражденіе за... Она замолчала и закрыла руками лицо, покрывшееся густой краской стыда.

— Дальше!—закричалъ онъ, стиснувъ зубы.

— Они мнѣ не повѣрили, господинъ, но, вѣроятно, поняли, что не добьются правды, потому что перестали меня допрашивать. Затѣмъ они стали о чемъ то шептаться, но у меня отличный слухъ, и я все поняла. Они совѣтовались о томъ,

какъ поступить: заключить-ли меня въ тюрьму, чтобы заставить говорить, или арестовать барина; и все въ такомъ родѣ; а потомъ пришли другіе, которые увѣряли, что для всего округа будетъ позоръ, если станутъ трезвонить объ этомъ, и вся Восточная Пруссія будетъ этимъ обезчещена. Къ тому-же не было никакихъ доказательствъ, и можно было оставить дѣло втунѣ: они еще какъ-то это называли, но я забыла слово.

— И послѣ этого они тебя отпустили?

— Да, господинъ: Меркель мнѣ велѣлъ убираться, потому что, сказалъ онъ, я оскверняю его домъ.

Наступило молчаніе. Болеславъ поспѣшно проглотилъ два-три стакана крѣпкаго вина и сказалъ:

— Теперь... о пожарѣ!

Она вскочила со стула и съ ужасомъ уставилась на него.

— Я должна... о пожарѣ?

— Какъ можно яснѣе и подробнѣе, все, что ты помнишь.

— И я должна... все... господинъ?

— Все.

— Господинъ, я не могу! — Слова эти вырвались у нея, какъ отчаянный крикъ о помощи въ минуту смертельной опасности.

— Что это значитъ?—Онъ также вскочилъ и смѣрилъ ее широко раскрытыми глазами.

Она сложила руки на груди.

— Я всегда васъ слушалась, господинъ... я никогда не противилась и соглашалась разсказывать о самомъ тяжеломъ. Я все сдѣлаю, что вы мнѣ прикажете, и если вы мнѣ скажете: иди дай себя побить каменьями, я это сдѣлаю тотчасъ-же... Но только не это, умоляю васъ, не требуйте отъ меня этого, прошу васъ всей душой...

Онъ смотрѣлъ на нее въ гнѣвномъ изумленіи. Онъ такъ привыкъ къ ея безпрекословному повиновенію, что ему трудно было допустить въ ней внезапно вспыхнувшую силу сопротивленія... Его могущество, слѣдовательно, имѣло предѣлы... оно не было безгранично, какъ онъ это воображалъ... Развѣ эта женщина не сдѣлалась добровольно его крѣпостной? Развѣ она не продала душу и тѣло ему и его дому? И вдругъ она вздумала проявить свою собственную волю!

Кровь бросилась ему въ голову. Глаза его вспыхнули.

— Повинуйся мнѣ... сію минуту!

Она прижалась къ стѣнѣ. Въ тѣни ея глаза сверкали, какъ у дикой кошки. — Нѣтъ!—упрямо процѣдила она сквозь зубы.

Наслѣдственная, барская грубость проснулась въ немъ.

Вино также сдѣлало свое дѣло. Онъ подошелъ къ ней и схватилъ ее за воротъ кофты.

Пуговицы растегнулись подъ его рукой. Волнующаяся, бѣлая грудь обнажилась. Его взоръ затуманился.

— Задушить мнѣ ее или разцѣловать?—спросилъ онъ себя, хватая ее за горло.

Въ смертельномъ ужасѣ схватила она его за руку. Потомъ она, какъ желѣзными клещами, вцѣпилась въ его плечи... Болеславу нужно было собрать всѣ свои силы, чтобы противустоять давленію этихъ мускуловъ.

Началась безмолвная борьба. Она длилась одну, двѣ минуты и не могла кончиться... То страшная, то отчаянная, она казалось шла на жизнь и смерть, но все же не была серьезна. Ни одинъ изъ борющихся не зналъ уже больше, за что онъ борется. Его налитые кровью глаза искали ея взгляда. Ея влажная грудь прижалась къ его груди. Дыханіе ихъ смѣшалось. Крѣпко обнявшись, шатались они изъ стороны въ сторону, пока онъ не сбилъ ее съ ногъ... Но она не потерялась и пыталась увлечь его въ своемъ паденіи.

На минуту прекративъ борьбу, они мечтательно взглянули другъ другу въ глаза. Вдругъ она задрожала съ ногъ до головы и прислонилась щекой къ рукѣ, съ которой боролась.

Онъ это видѣлъ; онъ видѣлъ, какъ ея глаза, боязливо сверкая, смотрѣли въ его глаза, и какъ ея прекрасное, дикое лицо горѣло и вспыхивало подъ его взоромъ.

— Вы вѣдь оба прокляты!—пронеслось у него въ головѣ.

Онъ со вздохомъ наклонился къ ней и... поцѣловалъ ее въ губы.

Она громко застонала, прижалась къ нему и впилась зубами въ его губы... Затѣмъ она въ изнеможеніи отшатнулась и упала, тяжело ударившись затылкомъ о полъ.

Онъ смотрѣлъ на нее въ полномъ остолбенѣніи. Она лежала, какъ мертвая, только волновавшаяся грудь тяжело дышала. Съ губъ его сочилась кровь. Онъ безсознательно стеръ ее языкомъ.

— Что же дальше?

Чѣмъ онъ дольше смотрѣлъ на лежавшее передъ нимъ тѣло, тѣмъ сильнѣе разростался въ немъ страхъ, доходившій до безумія, страхъ передъ тѣмъ, что должно было случиться.

— Вонъ изъ этого дома... вонъ, вонъ до того, какъ она придетъ въ себя!—говорилъ ему внутренній голосъ. Онъ сорвалъ со стѣны шубу, нахлобучилъ на лобъ мѣховую шапку и выбѣжалъ въ зимнюю ночь, какъ будто бы за нимъ бѣшено гнались по пятамъ.

Но онъ не избавился отъ нея; онъ всюду несъ ее съ собой, куда бы ни шелъ, гдѣ бы ни стоялъ. Могучая, неудержи-

мая волна молодой страсти клокотала въ его груди, горѣла въ крови и огнемъ пробѣгала по нервамъ.

Онъ рыскалъ по лѣсу. Морозъ его не освѣжилъ, мракъ не успокоилъ.

Неужели не было никакого спасенія?

Онъ вспомнилъ о домѣ священника, но сейчасъ-же горько разсмѣялся. Вѣдь Елена съ содроганіемъ отшатнулась отъ него еще въ то время, когда онъ съ чистымъ сердцемъ и съ чистыми чувствами приходилъ къ ней. Что-же она сдѣлала-бы теперь, если-бы онъ осмѣлился приблизиться къ ней такимъ, какимъ онъ былъ, проклятымъ и виновнымъ?

Тѣмъ не менѣе, вѣдь этотъ клочокъ земли былъ для него въ теченіе цѣлаго десятилѣтія олицетвореніемъ всего лучшаго, яснаго и мирнаго. Развѣ онъ не могъ искать спасенія здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, хотя-бы отсюда и вышло проклятіе, окутавшее его мракомъ?

Почти безсознательно направился онъ къ деревнѣ.

Часы на башнѣ пробили часъ ночи. Онъ скитался уже пять часовъ подрядъ, а время показалось ему нѣсколькими минутами.

Село спало, только изъ Чернаго Орла падалъ темнокрасный отблескъ свѣта, отражавшійся на бѣломъ снѣгу дороги. Блѣдный свѣтъ луны отражался въ безконечной лентѣ гладкаго саннаго пути. Ледяныя сосульки на церковной крышѣ висѣли, какъ серебряныя украшенія надъ темными стѣнами зданія. Онъ прошелъ мимо церкви къ саду священника. Сердце его страшно билось... Въ ея окнѣ виденъ былъ еще свѣтъ. Онъ перелѣзъ черезъ желѣзную рѣшетку и пошелъ по глубокому снѣгу къ бесѣдкѣ, находившейся въ двадцати шагахъ отъ дома. Въ тѣни ея онъ занялъ наблюдательный постъ...

Занавѣсъ почти совершенно скрывалъ освѣщенное окно. На бѣлой ткани вырисовывались листья и стебли растеній, стоявшихъ на окнѣ въ изящныхъ горшкахъ. Въ ихъ царствѣ жила она тихо и цѣломудренно, какъ мадонна въ розовомъ саду.

И снова ему представился образъ изъ храма, всегда возникавшій передъ его глазами, когда онъ хотѣлъ вспомнить черты своей возлюбленной. Только-бы взглянуть на ея лицо, чтобы снова проснулось къ жизни то, что убито временемъ и проступкомъ.

Дѣвичья тѣнь на мгновеніе заслонила свѣтъ... Край занавѣски приподнялся. Почти безсознательно протянулъ онъ къ ней руки. Занавѣсъ быстро опустился и, минуту спустя, огонь исчезъ. Задыхаясь отъ волненія, онъ ждалъ, не подастъ-ли она ему изъ мрака какой-нибудь знакъ; но ничего больше не двигалось.

— То, чего ты требуешь, безумно,—сказалъ онъ себѣ.— Она вѣрно и не узнала тебя; она внезапно замѣтила мужскую

фигуру и въ страхѣ отшатнулась. Уходи скорѣй, а то она подниметъ на ноги весь домъ въ погоню за мнимымъ воромъ.

Онъ отправился назадъ. Нервы его замѣтно успокоились. Уже одно сознаніе ея чистой близости подѣйствовало на него такимъ умиротворяющимъ образомъ.

— Куда-же теперь? Все равно куда, только не домой. При одной мысли о распростертой тамъ женщинѣ, въ его жилахъ начинала снова бушевать кровь.

Она была его демономъ, и онъ ненавидѣлъ ее.

Самъ не зная, куда онъ идетъ, онъ пошелъ по тропинкѣ, огибавшей островъ и кончавшейся въ полѣ. Его манила вдаль темная синева лѣсовъ, окаймлявшихъ бѣлую равнину. Его снова потянуло туда, гдѣ въ зимнемъ оцѣпенѣніи царили покой и сонъ безъ сновидѣній.

Онъ пошелъ прямо черезъ поле, на которомъ снѣгъ образовалъ правильные холмы и долины; казалось, море тихаго свѣта несло ему навстрѣчу свои волны. Тонкая ледяная кора скрипѣла и ломалась подъ ногами, и онъ до колѣнъ провалился въ снѣгъ. Съ трудомъ онъ выбрался и пошелъ дальше, какъ-бы желая бѣжать отъ самого себя.

Эта безцѣльная и захватывающая духъ работа принесла ему нѣкоторое успокоеніе.

Задыхаясь и обливаясь потомъ, постоянно спотыкаясь и проваливаясь, онъ продолжалъ подвигаться впередъ. Кое-гдѣ ледъ былъ настолько проченъ, что могъ его сдержать. Тогда ему казалось, что у него за спиною крылья, и что онъ летитъ надъ землей; но новое паденіе напоминало ему, какъ тяжело и низко ползалъ онъ по землѣ.

Все выше и темнѣе подымалась передъ нимъ стѣна лѣсной чащи. Еще сотня шаговъ, и онъ у цѣли. Вдругъ онъ очутился передъ чѣмъ-то вродѣ холма, тянувшагося шаговъ на пятьдесятъ по направленію къ лѣсу. Но для холма оно было слишкомъ правильно и имѣло слишкомъ рѣзкія очертанія. Рядомъ стояло еще такое же возвышеніе, налѣво еще одно. Онъ подумалъ, что это кучи песку, сваленнаго здѣсь осенью съ тѣмъ, чтобы послѣ, когда сойдетъ снѣгъ, перевести его въ другое мѣсто. Отчего-бы и не складывать песокъ на его землѣ? Вѣдь этого никто не запрещалъ.

Но что-же обозначаютъ кресты, которые онъ только-что замѣтилъ, такъ какъ они стояли въ тѣни деревьевъ. Грозно и страшно поднимались они въ высь во мракѣ ночи. Ихъ было три, по одному на каждомъ холмѣ.

Сколоченные изъ грубыхъ сосновыхъ досокъ, они, казалось, глубоко ушли въ землю: какъ онъ ни старался, онъ не могъ ихъ сдвинуть съ мѣста. Надписей не было видно, да если-бы онѣ и были, то онъ не могъ-бы ихъ разобрать.

Загадочные, какъ памятники забытаго преступленія, стояли эти страшилища, и выплывшій изъ облаковъ мѣсяцъ серебрилъ ихъ грубыя, сѣрыя очертанія.

Вдругъ съ глазъ его упала завѣса. Онъ громко вскрикнулъ и закрылъ лицо руками. То были могилы павшихъ въ несчастную ночь седьмого года. Здѣсь лежали жертвы его отца. Какая несчастная случайность привела его сюда? И не было-ли это нѣчто большее, чѣмъ простая случайность? Вѣдь его сюда что-то влекло и тянуло тысячью невидимыхъ рукъ. Онъ, самъ не зная почему, выбралъ эту безумную дорогу, по которой онъ шелъ, борясь до изнеможенія со снѣгомъ и льдомъ.

Можетъ быть, судьба намѣренно приберегала этотъ самый больной изъ всѣхъ ударовъ для часа полнѣйшаго смиренія, чтобы онъ понялъ разъ навсегда, что для него не было спасенія, что онъ долженъ былъ погибнуть въ стыдѣ и отчаяніи!

— Но хорошо, что я здѣсь,—сказалъ онъ себѣ,—я могу, по крайней мѣрѣ, убѣдиться въ томъ, что старикъ проклялъ меня не даромъ. Грѣхъ, который еще не совершился—совершится.

Его взоръ скользнулъ по правильнымъ гребнямъ холмовъ, уходившихъ въ безконечную даль. Сколько людей лежало здѣсь. Если ихъ зарыли всѣхъ рядомъ, то въ каждой могилѣ было, по крайней мѣрѣ, по сотнѣ, а можетъ быть и по двѣ. И все это были честные солдаты, съ радостью отправившіеся защищать короля и отечество для того, чтобы, черезъ вѣроломное предательство, найти позорную смерть.

Онъ обнялъ крестъ и прижался къ грубому шесту, шероховатости котораго оцарапали въ кровь его лицо.

— Обвини его передъ всѣмъ свѣтомъ,—кричалъ ему внутренній голосъ,—его и ее... и тогда погибни вмѣстѣ съ нею.

Его взоръ обратился вдаль, ища на горизонтѣ очертанія развалинъ. Ихъ не было видно. Одинъ паркъ лишь блѣдно вырисовался во мракѣ. Сзади, немного болѣе вправо, должна была лежать Кошачья дорога. По ней она спустилась, а за нею и темныя, кровожадныя шайки. Какъ ужасно должны были раздаваться въ ея ушахъ глухіе, равномѣрные шаги! Затѣмъ, дальше, дальше туда, въ обходъ, черезъ самую чащу лѣса. Она ему никогда не разсказывала подробностей, тѣмъ не менѣе онъ отчетливо видѣлъ, какъ все совершилось, такъ ясно и съ такими подробностями, какъ будто-бы онъ самъ былъ тогда здѣсь.

Онъ протянулъ руку и дрожащими пальцами начертилъ на горизонтѣ дорогу, по которой она шла.

Затѣмъ, когда ее отпустили съ преступнымъ вознагражденіемъ въ карманѣ, она одна отправилась домой, и должна была бѣжать, дрожа отъ оружейныхъ выстрѣловъ, барабаннаго

боя, взрывовъ пороха, стоновъ умирающихъ, застигнутыхъ врасплохъ солдатъ! Звуки эти должны были преслѣдовать ее, какъ толпа бѣшеныхъ фурій. Онъ не понималъ, какъ съ этими звуками въ ушахъ, съ этими картинами передъ глазами она могла еще продолжать жить! Она должна была съ жадностью искать освобожденія въ смерти... Но у нея не было видѣній, совѣсть ее не терзала, она, казалось, едва сознавала свою вину.

Такъ чувствуетъ животное или злой духъ! Онъ содрогнулся. Съ нею, съ нею онъ долженъ былъ пасть?!

Въ порывѣ отчаянія онъ бросился въ снѣгъ на край могилы, сложилъ руки на груди и пролепеталъ слова какой-то спутанной молитвы, въ то время, какъ слезы полились градомъ изъ его глазъ.

Пронизывающій холодъ заставилъ его придти въ себя. Онъ оглянулъ могилы, ничего не соображая. Ему казалось, что его поймали въ желѣзную сѣтку, петли которой все тѣснѣе и тѣснѣе затягиваются вокругъ него.

— Всевышній,—молился онъ,—не карай меня за отцовскіе грѣхи. Дай покой мертвымъ, я ихъ не убивалъ. Сотвори чудо, подай мнѣ знакъ, что ты хочешь меня спасти отъ смертельнаго грѣха и отъ отчаянія.

Его взоръ бродилъ вокругъ, какъ бы ища помощи. Освѣщенное луною небо холодно и безучастно разстилалось надъ нимъ. Никакого знаменія не являлось, никакого чуда не совершилось. Онъ засмѣялся.

— Ты, кажется, близокъ къ сумасшествію,—пробормоталъ онъ про себя.

Вдругъ онъ почувствовалъ страшную усталость. Онъ зашатался, ноги отказывались служить. Онъ опустился въ углубленіе, вырытое тяжестью его тѣла, поднялъ воротникъ и, вздрагивая отъ холода, погрузился въ дремоту, которая не была сномъ, но не была и бодрствованіемъ.

Когда онъ поднялся съ окоченѣвшими членами, довольный, что не заснулъ и не замерзъ, на востокѣ загоралась уже узкая полоса свѣта. Дрожь, охватывавшая его холодомъ и огнемъ въ одно и то же время, пробѣжала по немъ, какъ бываетъ при начинающейся лихорадкѣ.

Надо идти домой. Но гдѣ въ мірѣ взять силы уничтожить то, что случилось въ эту ночь? Онъ провелъ по губамъ языкомъ. Рана, нанесенная ея поцѣлуемъ, все еще горѣла.

И на небѣ не появилось никакого знаменія. Чудо не совершилось. Во всякомъ случаѣ, во избѣжаніе худшаго, ему оставалась еще смерть.

Смерть! Какъ лучъ свѣта во мракѣ, явилась эта мысль, но мозгъ его былъ слишкомъ утомленъ, душа слишкомъ убита, чтобы онъ могъ на ней остановиться. Она исчезла, какъ и явилась.

Онъ вернулся въ деревню по собственнымъ слѣдамъ. Никого еще не было на улицѣ, но кое-гдѣ уже дымились трубы, а пѣтухи на своихъ шестахъ возвѣщали утро.

Когда онъ спускался по тропинкѣ къ рѣкѣ, ему показалось, что онъ видитъ женскую тѣнь, идущую къ нему отъ подъемнаго моста. Можетъ быть, его поджидала Регина? Но нѣтъ, Регина не была такъ стройна и тонка. Кому изъ деревенскихъ было дѣло до подъемнаго моста въ этотъ часъ? Сердце его забилось. Скоро и его замѣтили. Кто-то тихо и испуганно вскрикнулъ и скрылся за заборомъ.

Ему не хотѣлось за ней гнаться. Это могла быть коровница, шедшая на зарѣ за водой и испугавшаяся встрѣчи. Но когда онъ подошелъ къ подъемному мосту, онъ увидѣлъ на свѣжемъ снѣгу слѣды, кончавшіеся передъ столбомъ, къ которому былъ прибитъ почтовый ящикъ.

Неужели кому-нибудь въ деревнѣ могло придти желаніе писать ему? Мысль эта была смѣшная и, тѣмъ не менѣе, она наполнила его душу цѣлымъ потокомъ надежды.

Онъ вынулъ изъ кармана ключикъ, который всегда носилъ съ собою, и открылъ ящикъ. Изъ него выпало письмо. Дрожащими пальцами сломалъ онъ печать. Подпись Елены! Неужели Богъ услышалъ его мольбу и посылалъ ему силу и спасеніе!

Первый утренній лучъ освѣтилъ письмо, но строки мелькали въ его глазахъ. То здѣсь, то тамъ онъ ловилъ обрывокъ фразы или отдѣльное. «Терпѣніе!.. Часъ, въ который я тебя призову... Тоска... Время юности... Счастлива»...

Онъ понялъ только одно: явилось то знаменіе, о которомъ онъ молилъ на могилѣ. Чудо совершилось!

Къ нему снова возвратилась увѣренность. Счастье еще не оставило его, ему еще нечего было сомнѣваться въ себѣ. Чистый, свѣтлый геній его юности не покидалъ его, полагаясь на его силу и вѣрность.

И онъ оправдаетъ ея довѣріе. Лучше онъ умретъ, чѣмъ отдастся позору и потеряетъ уваженіе къ себѣ!

Обратившись къ освѣщавшей его пурпурнымъ блескомъ зарѣ, онъ поднялъ руку и произнесъ клятву:

— Тебѣ, Господи, тебѣ, строгому и праведному судьѣ, карающему грѣхи отцовъ въ третьемъ и четвертомъ колѣнѣ, тебѣ клянусь, что лучше наложу на себя руку, чѣмъ дамъ исполниться надо мною проклятію твоего служителя. Аминь!

Затѣмъ, какъ бы освобожденный отъ тяжелой ноши, онъ пошелъ домой.

— Чары спали теперь,—сказалъ онъ себѣ, входя съ глубокимъ вздохомъ въ сѣни, но рука, взявшаяся за колокольчикъ, все еще дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

Быстрымъ, смущеннымъ взглядомъ окинулъ онъ комнату.

При свѣтѣ ранней зари онъ увидѣлъ ее одѣтой и сидящей на своемъ ложѣ, опершись руками на колѣни. Ея кофта была полуоткрыта, волосы падали въ безпорядкѣ на лицо. Такою же точь-въ-точь оставилъ онъ ее наканунѣ. Она медленно подняла голову и затуманеннымъ взоромъ, какъ бы во снѣ, посмотрѣла на него. Онъ испугался этого взгляда.

— Развѣ ты не ложилась спать?—спросилъ онъ какъ можно рѣзче.

Она смотрѣла на него въ блаженномъ оцѣпенѣніи, но ничего не отвѣчала.

— Слышишь? — закричалъ онъ на нее.

Она больше не пугалась его крика; только тѣло ея слегка дрогнуло, какъ будто звукъ его голоса наполнилъ ее очарованіемъ. Она слегка улыбнулась и спросила:

— Что я должна слышать, господинъ?

— Отчего ты не ложилась спать?

— Я васъ ждала, господинъ.

— Я тебя не просилъ.

— Но вы и не запрещали, господинъ.

Онъ схватился за спинку стула.

— Почему ты боишься ея?—спрашивалъ онъ себя.—Вѣдь ты поклялся, что для тебя больше не существуетъ опасности. И, чтобы удалить ее, онъ ей приказалъ сварить ему что-нибудь горячее.

Она медленно встала, расправляя затекшіе члены. Какая-то мечтательная истома, казалось, наполняла все ея существо. Со вчерашняго дня она совершенно измѣнилась.

Закрывъ за нею дверь, онъ вынулъ изъ кармана письмо, чтобы еще разъ убѣдиться въ своемъ счастіи.

Онъ прочелъ:

«Милый другъ мой юности!

Я узнала отъ отца, что нашъ благородный и мудрый король почтилъ тебя своею милостію. Онъ произвелъ тебя въ капитаны и наградилъ высшимъ орденомъ. Желаю тебѣ отъ души счастія и сердечно радуюсь за тебя. Папа не хотѣлъ мнѣ разсказать, что еще случилось кромѣ этого, но онъ былъ очень возбужденъ и говорилъ о тебѣ съ гнѣвомъ. Ахъ, если бы ты съумѣлъ заслужить его благосклонность и любовь всего прихода. Мнѣ бы тогда нечего было такъ бояться, и я бы могла отъ времени до времени тебя видѣть и говорить съ тобой. Милый Болеславъ! прошу тебя въ смертельномъ страхѣ: не приходи больше никогда въ садъ. Ты вѣдь знаешь папу... Выдержи, потерпи, выжди, мой дорогой другъ! Кто претерпитъ, будетъ спасенъ, говорится въ священномъ писаніи. Имѣй терпѣніе до того часа, когда я тебя позову. Тогда я тебя из-

вѣщу и буду ждать тебя, конечно, съ тоской. О, чудное время юности, гдѣ оно! Какъ я была тогда счастлива!

Твоя Елена».

Постъ-скриптумъ: «Не приходи больше въ садъ. Я тебѣ укажу другое мѣсто. Только не въ саду...»

Странное дѣло! То, что нѣсколько минутъ тому назадъ наполнило его блаженствомъ, показалось ему теперь блѣднымъ, безцвѣтнымъ и разочаровало его. Виною этому была, безъ сомнѣнія, дикарка, близость которой портила его настроеніе.

Она находилась, казалось, въ какомъ-то блаженномъ помѣшательствѣ. Какъ она улыбалась! Какъ странно глядѣла въ пространство. Она ходила, какъ лунатикъ.

— Регина!

Она на минуту опустила вѣки.—Да, господинъ.

— Что съ тобой сегодня?

Она, улыбаясь, покачала головой.—Ничего, господинъ.

И снова этотъ взглядъ, какъ бы ушедшій въ сновидѣнія и затуманенный слезами счастія. Грудь его сжалась. Онъ сталъ ея бояться. Онъ рѣшилъ не видѣть и не слышать ея, и жить только своей работой. Онъ сталъ рыться въ своихъ бумагахъ, привелъ въ порядокъ всѣ документы, провѣрилъ, записалъ и сдѣлалъ копіи. Ему казалось, что у него должно быть все готово на случай внезапнаго несчастія.

Такъ прошелъ день, такъ пришелъ вечеръ. Регина забилась въ самый темный уголъ и не двигалась. Онъ не рѣшался на нее взглянуть. Въ вискахъ у него стучала кровь, въ глазахъ мелькали желтые круги; усталые нервы то и дѣло подергивались.

Когда часы пробили десять, она встала, пробормотавъ:—спокойной ночи!—и исчезла за своей занавѣской.

Онъ не отвѣтилъ и не поднялъ на нее глазъ.

Въ одиннадцать часовъ онъ потушилъ лампу и тоже легъ.

— Отчего у тебя сердце такъ стучитъ?—спрашивалъ онъ себя.—Вспомни свою клятву.

Но страхъ передъ несчастіемъ, приближеніе котораго онъ чувствовалъ во мракѣ, какъ приближеніе призрака, не покидалъ его души. Онъ еще разъ всталъ и босикомъ подошелъ къ оружейному шкафу, блѣдно освѣщенному луною. Онъ вынулъ изъ него одинъ изъ пистолетовъ, всегда заряженныхъ, на случай неожиданнаго нападенія.

Не разъ сослужилъ онъ ему службу въ кровавомъ бою. Пусть же онъ сегодня защититъ его отъ него самого.

Со взведеннымъ куркомъ положилъ онъ его рядомъ съ собой на ночной столикъ.

— Закроешь ли ты глаза? — спросилъ онъ себя, опуская голову на подушки. Его сомнѣніе было излишне. Черезъ нѣ-

сколько секундъ онъ уже почувствовалъ, какъ усталость тихо овладѣваетъ его членами и мыслями.

. . . .

Странное сновидѣніе смѣнило его глубокій сонъ въ какую-то полудремоту. Въ глубокомъ, окутывающемъ его мракѣ ему почудились обращенные на него два горящіе глаза, подобные глазамъ пантеры. Казалось, только нѣсколько вершковъ отдѣляло ихъ отъ его лица. Они покоились на немъ въ страстномъ оцѣпененіи, какъ будто бы хотѣли его загипнотизировать и околдовать.

Онъ сталъ тяжело дышать и почувствовалъ на себѣ теплыя волны чужого дыханія.

Это не былъ сонъ. Онъ широко раскрылъ глаза. На его одѣялѣ свѣтъ мѣсяца лежалъ большимъ бѣлымъ пятномъ, а глаза все еще сжигали его своимъ пылающимъ взоромъ. Онъ различилъ очертанія лица. Бѣлая фигура женщины наклонилась надъ нимъ. Его охватилъ ужасъ.

— Регина!—прошепталъ онъ.

Она опустилась на колѣни передъ его постелью и покрыла его руки слезами и поцѣлуями.

Его охватила сладкая истома. Онъ хотѣлъ провести рукой по ея чернымъ косамъ, разметавшимся на его подушкѣ, но у него не хватило силъ отнять отъ нея руки. Вдругъ что-то въ немъ закричало:

— Вспомни свою клятву!

Онъ вскочилъ въ смертельномъ ужасѣ.

Въ странномъ, безсознательномъ состояніи полусна вырвалъ у нея руку и схватился за пистолетъ.

— Она или ты!

Раздался выстрѣлъ. Регина застонала и упала лицомъ на край кровати. Въ ту же минуту съ противоположной стѣны раздался трескъ и грохотъ. Портретъ бабушки упалъ на полъ.

Смущенно посмотрѣлъ онъ вокругъ себя, приходя только теперь понемногу въ сознаніе.

— Ты ранена?—спросилъ онъ, кладя руку на ея голову.

— Я... не... знаю, господинъ!—и она соскользнула съ кровати и поползла къ своей постели.

Онъ одѣлся и зажегъ свѣчу. Ему все это казалось страшнымъ сномъ.—А если она умретъ?—спрашивалъ онъ себя мучительно.

Когда онъ поднялъ занавѣсъ ея кровати, онъ нашелъ ее прижавшейся въ самый дальній уголъ. Она придерживала зубами край одѣяла, на которомъ виднѣлись кровавыя пятна.

— Ради Христа... покажи... куда тебѣ попало?

Она приподняла немного одѣяло и обнажила плечо. Кровь лилась изъ раны горячей струей.

Ему было достаточно одного взгляда, чтобы убѣдиться въ томъ, что выстрѣлъ лишь слегка задѣлъ плечо, и что черезъ нѣсколько дней рана заживетъ.

— Слава Богу! Слава Богу!

Она смотрѣла на него пристальнымъ, помутившимся взглядомъ.

— Это ничего, — пробормоталъ онъ, — только царапина, больше ничего!

Она, казалось, его не слышала.

— Берегись!—сказалъ онъ себѣ.—Ни словомъ, ни взглядомъ не выдавай себя.

Онъ отошелъ и въ изнеможеніи поставилъ свѣчку на столъ. Что дѣлать теперь? Куда идти? Оставаться—значило погибнуть. Бѣжать, бѣжать надо было немедленно.

Бѣги же далеко и оставайся вдали, пока ты не воздвигнешь стѣны, которая разлучила бы тебя съ нею на вѣки. И, задыхаясь отъ волненія, онъ сталъ собирать бумаги, свидѣтельствующія о винѣ его отца, какъ будто это было самое дорогое, что у него осталось.

. . . .

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Смерть.

Она пришла и блѣдными крылами,
Какъ легкимъ, свѣтлымъ сномъ, мнѣ душу обняла,
Взглянула на меня нездѣшними очами
И много, много тайнъ постигнуть мнѣ дала.
Вся жизнь моя и все ея страданье
Ничтожнымъ и чужимъ въ тотъ мигъ казались мнѣ,
Какъ старины сѣдой забытое преданье,
Какъ смутныя черты, мелькнувшія во снѣ.
На встрѣчу ей душой я улыбался,
Забывъ свой тлѣнъ земной и тягостный недугъ,
Я молча повторялъ: какъ я тебя боялся
И какъ я былъ не правъ, мой добрый, блѣдный другъ!..

Allegro.

ЖРЕЦЫ.

XVI.

Не смотря на очевидную нелѣпость статьи «Старѣйшихъ Извѣстій», она, какъ и предвидѣлъ Найденовъ, произвела большую сенсацію въ интеллигентныхъ московскихъ кружкахъ и особенно среди жрецовъ науки.

Къ вечеру уже были распроданы всѣ отдѣльные номера газеты, обыкновенно мало расходившейся въ розничной продажѣ. Всякому хотѣлось прочесть, какъ «отдѣлали» профессоровъ. Въ этотъ день, вездѣ говорили о статьѣ и тщетно допытывались узнать, кто авторъ, заинтересованные его именемъ едва ли не столько же, сколько и его произведеніемъ. Кто-то пустилъ слухъ, что авторъ Найденовъ, но никто не повѣрилъ, считая эту «старую шельму» слишкомъ умнымъ человѣкомъ, чтобы написать такой грубый пасквиль.

Люди, не раздѣлявшіе мнѣній воинствующей газеты, разумѣется, возмущались статьей, но это не мѣшало, однако, весьма многимъ втайнѣ радоваться скандалу, всколыхнувшему, словно брошенный камень, сонное болото и дававшему поводъ къ пересудамъ, сплетнямъ, циническимъ изліяніямъ по секрету и къ самымъ пикантнымъ предположеніямъ объ эпилогѣ всей этой исторіи.

А эпилога почему то всѣ ожидали, хотя и знали, что никакой «исторіи» въ сущности не было.

Но болѣе всего, и не безъ нѣкоторой наивности, москвичи изумлялись наглости, съ какою составитель отчета, очевидно присутствовавшій на юбилейномъ обѣдѣ, извратилъ смыслъ рѣчей нѣкоторыхъ застольныхъ ораторовъ и въ особенности— рѣчи Николая Сергѣевича, которая такъ всѣхъ восхитила. Многіе ее слышали, многіе ее читали въ другихъ газетахъ, и извращеніе, видимо умышленное, при помощи вставокъ и замѣны одних ъ словъ другими, такъ и бросалось въ глаза.

Эта, по общему мнѣнію, блестящая и талантливая рѣчь, возводящая въ культъ служеніе, по мѣрѣ возможности, маленькимъ дѣламъ и порицавшая безсмысленность и безплодность

всякаго геройства, даже и такого, какъ выходъ въ отставку,— эта краснорѣчивая защита компромисса и восхваленіе его, какъ гражданскаго мужества, въ передачѣ автора являлась чуть ли не вызовомъ къ протесту.

Это было ужъ черезъ чуръ наглое вранье и возмутило даже благодушныхъ москвичей.

Нечего и говорить, что безсовѣстныя и несправедливыя нападки на Николая Сергѣевича, который къ тому-же былъ излюбленнымъ человѣкомъ и гордостью москвичей, по крайней мѣрѣ, не меньшей, чѣмъ М. Н. Ермолова, филипповскіе калачи и поросенокъ подъ хрѣномъ у Тѣстова,—еще болѣе подняли престижъ блестящаго профессора въ глазахъ многочисленныхъ его почитателей и почитательницъ.

Оклеветанный, онъ рѣшительно являлся героемъ.

И на другой же день послѣ появленія ругательной статьи Зарѣчный получилъ десятка два писемъ, выражавшихъ негодованіе на безъимяннаго пасквилянта и горячее сочувствіе произнесенной Николаемъ Сергѣевичемъ рѣчи и вообще всей его безупречной дѣятельности.

Въ числѣ этихъ посланій было и дружеское, очень милое письмецо Аглаи Петровны.

Красивая милліонерша предлагала ему свои услуги. Въ Петербургѣ у нея есть одинъ знакомый, вліятельный человѣчекъ, которому она напишетъ, еслибы, вслѣдствіе «подлой замѣтки», Николаю Сергѣевичу грозили какія нибудь непріятности.

Какъ ни нелѣпы были нападки на Зарѣчнаго, но они заставили Николая Сергѣевича струсить и, признаться, малодушно струсить. Встревожились статьей и нѣкоторые профессора, говорившіе рѣчи, и даже не говорившіе рѣчей, но бывшіе на юбилейномъ обѣдѣ. Одинъ только Звенигородцевъ, въ качествѣ человѣка свободной профессіи, обнаруживалъ геройство и требовалъ коллективнаго протеста противъ статьи, назвавшей его гороховымъ шутомъ.

Захвативъ съ собою Зарѣчнаго, Звенигородцевъ привезъ его въ квартиру одного изъ профессоровъ, гдѣ, по иниціативѣ Ивана Петровича, должно было состояться совѣщаніе. Собрались, однако, далеко не всѣ. Юбиляра рѣшительно не пустила супруга, уже успѣвшая въ теченіе дня донять Андрея Михайловича упреками, какъ только прочитала статью «Старѣйшихъ Извѣстій».

Нужно было ему праздновать этотъ дурацкій юбилей. Теперь, того и гляди, выгонятъ его. Авторъ замѣтки совершенно правъ, назвавши Андрея Михайловича человѣкомъ «святой наивности», то есть иными словами дуракомъ... Дуракъ старый онъ и есть!

Андрей Михайловичъ терпѣливо отмалчивался, но когда «Варенька» потребовала, чтобы онъ на другой день непремѣнно поѣхалъ къ попечителю объясниться, то «старый дуракъ» такъ рѣшительно отвѣтилъ, что ни къ кому объясняться не поѣдетъ и на старости лѣтъ унижаться не станетъ, что «Варенька» вытаращила отъ удивленія глаза.

— И я плюю на статью! — прибавилъ съ презрительной гримасой старый профессоръ.

Изъ числа всѣхъ позванныхъ Звенигородцевымъ на совѣщаніе, собралось только человѣкъ десять профессоровъ. Они, разумѣется, тщательно скрывали другъ отъ друга свою тревогу и вмѣстѣ съ Зарѣчнымъ говорили, что слѣдуетъ отнестись съ презрѣніемъ къ инсинуаціямъ какого-то мерзавца, но далеко не у всѣхъ было одно только презрѣніе, какъ у стараго скромнаго профессора Косицкаго.

У многихъ былъ тотъ, исключительно свойственный русскимъ, преувеличенный страхъ за свое положеніе, который заставляетъ нерѣдко и умственно смѣлыхъ людей видѣть опасность даже и тамъ, гдѣ ея нѣтъ, и чувствовать себя безъ вины виноватыми. Всѣ понимали, что лживость статьи внѣ сомнѣній и что она не можетъ возбудить недоразумѣній, тѣмъ болѣе, что празднованіе юбилея было оффиціально разрѣшено, и всетаки трусили.

И лишь только появилась статья, какъ ужъ нѣкоторые изъ жрецовъ науки, считавшіе себя хранителями завѣтовъ Грановскаго, малодушно каялись, что были на юбилейномъ обѣдѣ, а двое, болѣе струсившіе профессора, не явившіеся въ собраніе, уже успѣли утромъ показаться начальству, чтобъ узнать, какъ оно отнеслось къ газетной замѣткѣ, и кстати пожаловаться, что въ ней ихъ назвали «либеральными проходимцами».

Собравшіеся на совѣщаніе первымъ дѣломъ занялись разслѣдованіемъ: кто могъ быть авторомъ замѣтки. Очевидно—это кто нибудь изъ враговъ Николая Сергѣевича, которому болѣе всего досталось. Но Зарѣчный рѣшительно не могъ назвать никого, внушавшаго подозрѣніе. И даже самъ Иванъ Петровичъ Звенигородцевъ, хвалившійся, что все знаетъ, на этотъ разъ долженъ былъ сознаться въ безуспѣшности своихъ развѣдокъ, начатыхъ еще утромъ. Но онъ обѣщалъ всетаки, во что-бы то ни стало, узнать имя автора, чтобъ его остерегались порядочные люди.

Не смотря на предложеніе Звенигородцева написать коллективный протестъ противъ статьи и привлечь къ подписи возможно большее количество лицъ, рѣшено было оставить статью безъ отвѣта, какъ недостойную даже и опроверженія. На этомъ настаивали всѣ, и Иванъ Петровичъ такъ же бы-

стро взялъ назадъ свое мнѣніе, какъ и предложилъ его. Но указать передержки, сдѣланныя въ рѣчахъ Зарѣчнаго и другихъ профессоровъ, обязательно слѣдовало, по единогласному мнѣнію всѣхъ присутствовавшихъ.

Зарѣчный тутъ же написалъ короткое письмо въ редакцію «Ежедневнаго Вѣстника», ограничившись въ немъ только наглядным сопоставленіемъ извращенныхъ мѣстъ рѣчей съ дѣйствительно произнесенными, и не прибавилъ къ этому ни строчки, что придавало письму импонирующую фактическую краткость и какъ-бы оттѣняло полное презрѣніе къ автору отчета, котораго не удостоивали даже ни единымъ словомъ, лично къ нему обращеннымъ.

Всѣ вполнѣ одобрили редакцію письма.

— Разумѣется, мы всѣ его подпишемъ!—произнесъ неожиданно со своею обычною застѣнчивою улыбкой Сбруевъ, во все время не проронившій ни звука и, казалось, занятый лишь чаемъ.

Въ тонѣ его голоса было что-то вызывающее, точно онъ не былъ увѣренъ въ общемъ согласіи и своимъ вызывающимъ увѣреннымъ тономъ надѣялся подбодрить болѣе малодушныхъ коллегъ.

Всѣ удивленно взглянули на Сбруева, который вдругъ заговорилъ, да еще такъ рѣшительно, и притомъ не разбавляя чая коньякомъ.

Прошла долгая минута тягостнаго неловкаго молчанія. Многіе опустили долу глаза. Видимо предложеніе Сбруева не понравилось, но ни у кого не хватало мужества прямо объ этомъ сказать.

— Надѣюсь, изъ-за этого мы ничѣмъ не рискуемъ!—прибавилъ Сбруевъ съ добродушно-иронической усмѣшкой.

— Тутъ не въ рискѣ дѣло, Дмитрій Иванычъ,—наконецъ, заговорилъ тотъ самый старый профессоръ Цвѣтницкій, который на юбилеѣ увѣрялъ своего друга Андрея Михайловича, что оба, навѣрно, были бы министрами, еслибъ жили не въ Россіи, а въ Англіи.—Тутъ не въ рискѣ дѣло, дорогой коллега!—повторилъ плотный коренастый старикъ, понижая свой зычный голосъ.—Мы всѣ, разумѣется, не остановились-бы и передъ рискомъ, еслибъ того требовала наша честь.

«И вретъ же старая бестія!» пронеслось въ головѣ Сбруева.

— А въ данномъ случаѣ и риска никакого нѣтъ, и я, разумѣется, охотно подписался бы подъ письмомъ, хотя моя рѣчь и не удостоилась издѣвательства и извращенія. Но не придадутъ-ли всѣ наши подписи письму несвойственный ему и насъ недостойный характеръ протеста? И деликатно-ли это будетъ относительно нашихъ отсутствующихъ товарищей? Подпиши всѣ мы письмо, они могутъ обидѣться, что ихъ не

включили, а собирать теперь подписи всѣхъ коллегъ, бывшихъ на обѣдѣ, поздно... Какъ вы полагаете, господа?

Коллеги, втайнѣ обрадованные, что Цвѣтницкій такъ ловко отвѣтилъ на предложеніе Сбруева и далъ имъ возможность подъ благовиднымъ предлогомъ увильнуть отъ подписи, согласились съ мнѣніемъ Цвѣтницкаго. И самъ Зарѣчный, трусившій послѣ статьи всякихъ намековъ на протесты, находилъ, что подписаться подъ письмомъ должны только тѣ, чьи рѣчи извращены.

Сбруевъ только пожалъ плечами и потянулся за коньякомъ.

Совѣщаніе, какъ водится, окончилось ужиномъ. Но разошлись рано. Всѣ, повидимому, были не въ особенно веселомъ настроеніи.

На слѣдующій день въ «Ежедневномъ Вѣстникѣ», впереди письма Зарѣчнаго и двухъ его коллегъ, было напечатано и письмо профессора Косицкаго. Въ теплыхъ, искреннихъ строкахъ онъ горячо благодарилъ всѣхъ почтившихъ его вниманіемъ въ день юбилея и особенно коллегъ, «сочувствіе и уваженіе которыхъ онъ считаетъ высшей для себя честью и лучшей наградой за свою скромную тридцатилѣтнюю дѣятельность».

«Варенька» такъ и ахнула, когда прочла заключительныя строки письма, являвшіяся словно-бы отвѣтомъ на обвиненіе Андрея Михайловича въ дружбѣ съ «либеральными проходимцами». Онъ точно нарочно публично подтверждалъ эту дружбу, бросая вызовъ газетѣ, пользующейся фаворомъ у нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ.

«О двухъ онъ головахъ что-ли!» — подумала «Варенька» и, взбѣшенная, явилась въ кабинетъ и задала мужу настоящій «бенефисъ», какъ называлъ Андрей Михайловичъ особенно бурныя сцены, учащавшіяся по мѣрѣ того, какъ профессоръ старѣлъ, а профессорша, не смотря на свои сорокъ пять лѣтъ, еще молодилась и, похожая на гренадера въ юбкѣ, здоровая и монументальная, хотѣла осень своей жизни превратить въ весну.

Чувствуя себя до нѣкоторой степени виноватымъ передъ Варенькой и побаиваясь таки ея, старый профессоръ съ обычной покорностью выслушалъ градъ ругательствъ, упрековъ и застращиваній, что такого дурака, какъ онъ, непремѣнно выгонятъ изъ университета. Лишь время отъ времени онъ подавалъ реплики, чтобы молчаніемъ не довести жену до истерики, которая особенно пугала его, такъ какъ сопровождалась самыми оскорбительными для Андрея Михайловича прозвищами вродѣ «старой тряпки», «старой бабы» и «дохлаго мужчины».

Получивъ добрую порцію сценъ, Андрей Михайловичъ въ одинадцать часовъ пошелъ въ университетъ и, не смотря на

«бенефисъ», чувствовалъ себя послѣ напечатанія своего письма какъ-то особенно легко и спокойно.

И это чувство удовлетворенной совѣсти и сознанія исполненнаго долга сказалось еще сильнѣе, когда студенты встрѣтили старика профессора почтительными рукоплесканіями, а послѣ лекціи, въ профессорской комнатѣ, къ нему порывисто подошелъ Сбруевъ и, съ какой то особенной почтительностью пожимая руку, застѣнчиво и взволнованно проговорилъ:

— Какой достойный отвѣтъ на подлую статью въ вашемъ письмѣ, Андрей Михайловичъ.

XVII.

Въ это утро послѣ юбилея, Аристархъ Яковлевичъ Найденовъ, по своему обыкновенію, съ шести часовъ уже сидѣлъ за громаднымъ письменнымъ столомъ и при свѣтѣ лампы усердно просматривалъ «архивныя бумажки», собирая матеріалы для новаго своего изслѣдованія.

Въ сѣромъ байковомъ халатѣ, съ очками на носу и съ душистой сигарой въ зубахъ, Найденовъ далеко не имѣлъ того суровo-надменнаго вида, какой у него всегда бывалъ на людяхъ и особенно въ университетѣ. Здѣсь, въ этомъ большомъ, нѣсколько мрачномъ кабинетѣ, главное убранство котораго составляли большіе шкафы, полные книгъ, и рѣдкія старинныя литографіи на стѣнахъ, сидѣлъ ученый, весь отдавшійся любимому имъ труду и настолько погруженный въ работу, что и не слыхалъ, когда въ девять часовъ въ кабинетъ вошелъ, тихо ступая по ковру, старый слуга и, положивши на край стола пачку газетъ, такъ-же безшумно вышелъ.

Прошло нѣсколько минутъ еще, когда Найденовъ, окончивъ чтеніе какого-то документа и бережно отложивъ его въ сторону, обратилъ, наконецъ, вниманіе на газеты. Онъ обыкновенно рѣдко читалъ «Старѣйшія Извѣстія», хотя и получалъ ихъ, но сегодня вынулъ первою эту газету изъ пачки и тихо усмѣхнулся, словно-бы заранѣе предвкушая удовольствіе.

Но усмѣшка тотчасъ же исчезла съ бритаго лица стараго профессора, какъ только онъ пробѣжалъ начало статьи, вдохновителемъ которой былъ самъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, глаза его дѣлались злѣе, и скулы быстрѣе двигались. Видимо взбѣшенный, онъ нервно ерзалъ плечами и, наконецъ, отбросивъ въ сторону газету, злобно прошепталъ:

— Идіотъ! Скотина!

Увы! Умный старикъ видѣлъ, что сдѣлалъ большой промахъ, поручивъ Перелѣсову написать статью. Онъ считалъ его умнѣе и никакъ не предполагалъ, что тотъ въ своемъ усердіи ново-

обращеннаго предателя, и, вдобавокъ, окрыленный надеждой спихнуть Зарѣчнаго, превзойдетъ всякую мѣру подлости и окажется болваномъ, не понявшимъ, что именно ему внушили.

Найденовъ былъ слишкомъ умнымъ человѣкомъ, чтобы удовлетвориться такой статьей. Она, по его мнѣнію, не смотря на хлесткость, была груба по безстыдству и оттого теряла всякую пикантность. Эта преувеличенность обвиненій, основанныхъ, вдобавокъ, на искаженной рѣчи Зарѣчнаго, это упоминаніе парижскихъ революціонныхъ клубовъ, словомъ,вся истаскавшаяся отъ частаго употребленія шумиха грозныхъ словъ только подрывала, по мнѣнію Найденова, вѣру въ правдоподобіе обвиненій и, разумѣется, не могла произвести надлежащаго впечатлѣнія даже и въ тѣхъ сферахъ, для которыхъ пишутся подобныя статьи.

Онъ отлично зналъ, какъ ихъ надо писать, чтобъ обратить вниманіе кого слѣдуетъ—онъ и самъ ихъ писывалъ прежде подъ разными псевдонимами—и потому, раздраженный и злой, видѣлъ, что статья Перелѣсова совершенно неумѣлая и безцѣльная гадость, въ которой зависть и злоба автора на Зарѣчнаго такъ и бросались въ глаза.

Но болѣе всего бѣсило Найденова, что въ статьѣ упоминалось о немъ. Его имя противопоставлялось имени Косицкаго. Благодаря этому, могло явиться подозрѣніе, что глупѣйшую статью написалъ онъ.

Конечно, ему мало дѣла было до того, что подумаютъ о немъ въ обществѣ, но онъ, давно уже мечтавшій о болѣе видномъ положеніи, конечно, не хотѣлъ ссориться съ университетскими властями. Вѣдь они разрѣшили праздновать юбилей Косицкаго.

Старикъ злился на Перелѣсова и на себя. Нечего сказать, нашелъ болвана! Онъ рѣшилъ сегодня-же побывать, гдѣ нужно, чтобъ объяснить, что онъ не причемъ въ этой глупой выходкѣ.

Въ двѣнадцатомъ часу, какъ только что онъ одѣлся, чтобы выѣхать изъ дому, старый слуга доложилъ, что г. Перелѣсовъ желаетъ его видѣть.

— Прикажете отказать?—спрашивалъ слуга.

— Нѣтъ, примите. Зовите его сюда, зовите!—съ живостью говорилъ Найденовъ, словно-бы обрадованный, что увидитъ Перелѣсова.

Тотъ вошелъ нѣсколько смущенный. Найденовъ едва протянулъ ему руку, и доцентъ смутился еще болѣе отъ такого неожиданнаго холоднаго пріема.

Прошла секунда, другая молчанія.

Наконецъ молодой доцентъ проговорилъ:

— Я пришелъ узнать, Аристархъ Яковлевичъ, довольны ли вы исполненнымъ мною порученіемъ?

— Какимъ порученіемъ? Я никакого порученія вамъ не давалъ, господинъ Перелѣсовъ, помните это хорошенько!—сухо проговорилъ старый профессоръ, едва владѣя собой, чтобъ не разразиться гнѣвомъ. Правда, я вамъ далъ совѣтъ и, признаюсь, раскаиваюсь въ этомъ. Вы совершенно не поняли моихъ указаній и написали чортъ знаетъ что! И къ чему вы припутали мою фамилію... Кто васъ объ этомъ просилъ?..

— Я полагалъ, Аристархъ Яковлевичъ...

— И зачѣмъ вы передали неточно рѣчь Зарѣчнаго?— продолжалъ Найденовъ, не слушая того, что говоритъ Перелѣсовъ.—Вы думаете, что вамъ такъ и повѣрятъ?.. Во всѣхъ газетахъ рѣчь напечатана, и Зарѣчный, разумѣется, не оставитъ вашихъ передѣлокъ безъ опроверженія, и какъ тогда вы будете себя чувствовать, г. Перелѣсовъ?

Онъ ужъ и теперь себя чувствовалъ скверно, но надѣялся, что Найденовъ будетъ доволенъ.

А старый профессоръ продолжалъ, взглядывая въ упоръ на доцента злыми, презрительно сощуренными глазами:

— Признаюсь, я полагалъ, что вы не только усердны, но и сообразительны, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы понять мѣру обвиненій и мѣру... гиперболъ и не впутывать моего имени. Но оказывается, что чувства ваши къ Николаю Сергѣичу совсѣмъ ослѣпили васъ... Только этимъ и можно объяснить себѣ неумѣренный тонъ вашего произведенія... Вы переусердствовали, г. Перелѣсовъ... Черезъ-чуръ переусердствовали!..

Молодой человѣкъ поблѣднѣлъ, какъ полотно. Сѣрые, раскосые его глаза сверкнули злымъ огонькомъ. Онъ видѣлъ хорошо, что подлость, сдѣланная имъ, не только не будетъ вознаграждена, но что еще надъ нимъ-же издѣвается тотъ самый человѣкъ, который былъ его демономъ-искусителемъ.

Не попроси его Найденовъ, не намекни о профессурѣ, развѣ написалъ-бы онъ статью?

И молодой доцентъ, униженный и оплеванный, ненавидѣлъ теперь отъ всей души стараго профессора, но зная его силу и вліяніе, молча слушалъ оскорбленія.

Однако, лицо его нервно подергивалось, и какъ ни увѣренъ былъ Найденовъ въ безнаказанности своихъ дерзостей, тѣмъ не менѣе, это блѣдное лицо, эти вздрагивающія губы, эти возбужденные глаза испугали и его. Онъ видѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко. Того и гляди нарвешься на дерзость!

И, внезапно спуская тонъ, Найденовъ проговорилъ:

— А вы, молодой человѣкъ, не приходите въ отчаяніе, что первый блинъ вышелъ комомъ, и не будьте въ претензіи, что я откровенно высказалъ свое мнѣніе. Вѣдь вы сами оказали мнѣ честь желаніемъ узнать: доволенъ ли я вашей статьей?..

Хоть я ею и недоволенъ, но, во всякомъ случаѣ, долженъ признать, что у васъ были добрыя намѣренія...

— Которыя вы-же внушили!—подавленнымъ голосомъ произнесъ Перелѣсовъ...

— Тѣмъ пріятнѣе для меня, если только я дѣйствительно внушилъ ихъ...—съ иронической усмѣшкой промолвилъ Найденовъ.—По крайней мѣрѣ, однимъ серьезнымъ дѣятелемъ въ наукѣ, имѣющимъ правильные взгляды, у насъ больше... Ну, до свиданія... Надѣюсь, секретъ вашего авторства будетъ сохраненъ... Я еще разъ скажу объ этомъ редактору...

Когда Перелѣсовъ ушелъ, Найденовъ сказалъ камердинеру:

— Этого господина больше никогда не принимать. Говорите, что меня дома нѣтъ. Поняли?

— Слушаю, ваше превосходительство.

— А если безъ меня пріѣдетъ профессоръ Зарѣчный, скажите ему, что я къ двумъ часамъ буду дома и жду его.

Старикъ, хорошо знавшій бывшаго своего ученика, не сомнѣвался, что тотъ струситъ и этой нелѣпой статьи и потому навѣрно поспѣшитъ пріѣхать къ нему съ обѣщаннымъ визитомъ.

«За популярностью гоняется, а труслив, какъ всякій русскій гражданинъ!» — подумалъ Найденовъ, насмѣшливо скашивая свои тонкія безусыя губы.

Молодой доцентъ шелъ домой, полный отчаянія, презрѣнія къ самому себѣ и ненависти къ Найденову, который его навелъ на подлость, и самъ же за это оскорблялъ и издѣвался.

Это чувство злобы было тѣмъ острѣе и мучительнѣе, что оно было безсильно и не могло разрѣшиться местью.

Обманутый въ своихъ надеждахъ, осмѣянный и оплеванный самимъ-же искусителемъ, онъ, не смотря на громадное, вѣчно точившее его самолюбіе, все выслушалъ и не могъ даже и думать объ отплатѣ, не рискуя своимъ положеніемъ и даже всей своей будущностью. Вѣдь Найденовъ сила и авторитетъ въ университетѣ и къ тому-же съ большими связями въ министерствѣ. Онъ уничтожитъ доцента при малѣйшей его дерзости. Онъ золъ и злопамятенъ и, чего добраго, самъ-же выдастъ его авторство и отречется отъ роли вдохновителя.

При мысли о томъ, что авторство его можетъ открыться, ужасъ охватилъ Перелѣсова. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые не прочь совершить гадость, но только подъ величайшимъ секретомъ. У него еще не было цинизма откровенности, и онъ еще боялся презрѣнія порядочныхъ людей.

Казалось, Перелѣсовъ только въ эти минуты понялъ весь

позоръ своего поступка. Вчера, увлеченный радужными мечтами, онъ не раздумывалъ, что дѣлаетъ, когда писалъ свою статью. Но сегодня онъ сознаыъ, и именно потому, что цѣль, ради которой была совершена подлость, не была достигнута. Напротивъ, его-же обругали, хотя и съ ядовитостью признали его добрыя намѣренія... быть мерзавцемъ... Онъ вѣдь очень хорошо понялъ смыслъ послѣднихъ словъ Найденова, болѣе мягкихъ по формѣ, но едва-ли не убійственнѣе его ругательствъ.

Нельзя даже было усыпить голоса совѣсти утѣшеніемъ побѣды или, по крайней мѣрѣ, надеждами на скорое осуществленіе его мечты, и статья являлась теперь передъ нимъ въ видѣ безцѣльной гнусности, которая можетъ обнаружиться. А онъ боялся именно этого. Не даромъ же онъ такъ дорожилъ мнѣніемъ коллегъ и былъ такъ услужливъ. Не напрасно-же онъ считался приверженцемъ меньшинства и искренно раздѣлялъ взгляды болѣе стыдливыхъ профессоровъ. Не втунѣ-же онъ старался расположить къ себѣ студентовъ?

И вдругъ всѣ эти люди узнаютъ, что онъ оклеветалъ профессоровъ и написалъ на нихъ доносъ...

Особенно его смущалъ Зарѣчный. Какъ ни велика была къ нему зависть Перелѣсова, но онъ не могъ забыть услугъ, оказанныхъ ему Зарѣчнымъ, не могъ не вспомнить, какъ довѣрчиво и тепло относился профессоръ къ своему бывшему ученику...

Страхъ и злоба обуяли неофита предательства. Страхъ быть уличеннымъ и злоба на себя. Онъ, считающій себя непризнаннымъ геніемъ, умница, преисполненный гордыни, бросился, ослѣпленный страстью, на грубую приманку, брошенную этимъ «старымъ дьяволомъ»!

Онъ былъ въ болѣзненно-нервномъ настроеніи подавленности и страха. Ему казалось, что всѣ уже узнали что статью писалъ онъ. И, почти галлюцинируя, онъ искалъ подозрительныхъ взглядовъ въ глазахъ проходившихъ и особенно студентовъ.

Какъ нарочно на Арбатѣ онъ встрѣтилъ Сбруева.

Онъ поклонился ему съ обычной любезностью и съ тайной тревогой взглянулъ на профессора.

Тотъ остановился, по обыкновенію, крѣпко пожалъ ему руку и нѣсколько осипшимъ послѣ юбилея голосомъ кинулъ:

— Читали?

Перелѣсовъ сразу догадался о чемъ рѣчь, но спросилъ:

— Что?

— Да пасквиль въ «Старѣйшихъ Извѣстіяхъ»?

И авторъ его съ видомъ совершеннѣйшей искренности и даже съ гримасой отвращенія на лицѣ отвѣтилъ:

— Читалъ. Невозможная мерзость!

— Надо разузнать, кто авторъ. Вѣрно, изъ бывшихъ на обѣдѣ...

— Навѣрное... Но какъ разузнать?

— Звенигородцевъ узнаетъ... Онъ дока по части развѣдыванія.

Они разошлись, и Перелѣсовъ даже усмѣхнулся, обрадованный, что такъ хорошо умѣетъ владѣть собой.

Но слова Сбруева направили всѣ его помыслы на скрытіе слѣдовъ своего авторства, и онъ, вмѣсто того, чтобы продолжать путь домой, нанялъ извощика и поѣхалъ на другой конецъ города, въ типографію газеты. Почти крадучись, вошелъ онъ въ подъѣздъ и добылъ свою рукопись отъ фактора типографіи, который вчера ночью видѣлъ его въ редакціи. Письма Найденова къ редактору не существовало. Онъ самъ вчера видѣлъ, какъ редакторъ разорвалъ письмо и бросилъ его въ корзинку.

И молодой доцентъ ѣхалъ теперь домой, обрадованный, что рукопись у него въ карманѣ.

Войдя въ свою маленькую, неуютную комнату, которую нанималъ отъ жильцовъ, онъ бросилъ рукопись въ печку и, когда листки обратились въ пепелъ, нѣсколько успокоился.

Никто не узнаетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, и нѣтъ уличающихъ документовъ. Найденову нѣтъ никакого разсчета выдавать автора, а редакторъ не откроетъ тайны, о сохраненіи которой просилъ Найденовъ. И наконецъ, еслибъ Найденовъ и выдалъ, онъ станетъ отрицать. Гдѣ доказательства?

Все казалось теперь устроено.

И молодой человѣкъ, подъ вліяніемъ сильнаго нервнаго возбужденія, нѣсколько разъ перекрестился съ видомъ человѣка, избавившагося отъ опасности и далъ себѣ слово больше не дѣлать подобныхъ подлостей, хотя вслѣдъ за этимъ и усомнился въ исполненіи обѣщанія, особенно еслибы представился хорошій случай навѣрняка получить профессуру.

XVIII.

Когда на другой день, часовъ около семи, Николай Сергѣевичъ Зарѣчный входилъ въ хорошо знакомый ему еще со временъ студенчества обширный кабинетъ Найденова, тотъ слегка приподнялся съ кресла и, пожимая руку Зарѣчнаго, проговорилъ полушутливымъ тономъ:

— Ну, что договорились, любезный коллега?

— То есть, какъ договорился?.. Я ни до чего не договаривался, Аристархъ Яковлевичъ... Это какой-то мерзавецъ за

меня говорилъ... Вы развѣ не читали сегодня моего опроверженія?—горячо возражалъ Зарѣчный.

— Читалъ, конечно... Очень хорошо составлено... Да вы присядьте-ка лучше, Николай Сергѣичъ, и не волнуйтесь... Стоитъ-ли волноваться изъ-за глупой статьи...

— Да я и не волнуюсь,—вызывающе произнесъ Зарѣчный, усаживаясь въ кресло около стола.

— То-то и не слѣдуетъ... А всетаки у васъ видъ, какъ будто, нѣсколько возбужденный!

И внимательно приглядываясь къ Николаю Сергѣевичу и замѣчая въ выраженіи его лица что-то неспокойное и болѣзненное,—онъ прибавилъ все тѣмъ же шутливымъ тономъ:

— Или жена пожурила?

Зарѣчный густо покраснѣлъ.

— Ни то, ни другое, Аристархъ Яковлевичъ. Мнѣ просто не здоровится эти дни, вотъ и все!—отвѣчалъ Николай Сергѣевичъ.

— Вольно-жъ вамъ въ Эрмитажѣ сидѣть до утра.

— Вы и это знаете?—усмѣхнулся Зарѣчный.

— И это знаю, коллега. Москва вѣдь сплетница и рада посудачить, особенно о такихъ своихъ любимцахъ, какъ вы... Ну да это ваше дѣло—хоть и неосмотрительно портить здоровье—а я всетаки повторю, что договорились вы до того, Николай Сергѣичъ...

Найденовъ нарочно сдѣлалъ паузу и взглянулъ на Зарѣчнаго. Старику точно доставляло удовольствіе играть съ нимъ, какъ кошка съ мышью.

— Да, что вы не курите... Не хотите-ли сигару?

Но Зарѣчный, зная скупость стараго профессора, отказался отъ сигары.

— Чѣмъ-же угощать рѣдкаго гостя... Рюмку вина, чаю?

— Я ничего не хочу... Я только что обѣдалъ...

— Ну, какъ знаете... настаивать не стану... Мы и такъ побесѣдуемъ... Я очень радъ, что вы не забыли моего приглашенія и пожаловали, удѣливъ старику частицу своего драгоцѣннаго времени. Я только удивлялось, какъ васъ на все хватаетъ...

Зарѣчный нетерпѣливо слушалъ эти умышленно праздныя рѣчи и, стараясь скрытъ свое безпокойство, равнодушнымъ тономъ спросилъ:

— До чего-же я договорился, Аристархъ Яковлевичъ, интересно знать?

— Ахъ да... Я и забылъ, о чемъ началъ, и что васъ должно нѣсколько интересовать... Договорились вы до того, что мнѣ не далѣе, какъ вчера, пришлось васъ защищать...

— Очень вамъ благодаренъ... Передъ кѣмъ это?

— Ну, разумѣется, передъ нашимъ начальствомъ.

— За какія-же тяжкія вины меня обвиняютъ?

— Не догадываетесь развѣ?

— Право, нѣтъ... Кажется, не совершалъ ничего предосудительнаго!—проговорилъ Зарѣчный съ напускною небрежностью, подавляя чувство тревоги, невольно охватившее его.

— За вашу вчерашнюю рѣчь!

— За рѣчь? Да развѣ она требовала защиты моя рѣчь, если только ее прочесть не въ переврашной редакціи?

— Есть много, другъ Горацій, тайнъ...

— Очень даже много, Аристархъ Яковлевичъ, но это ужъ черезчуръ.

— Не спорю. Но дѣло въ томъ, любезный коллега, что вы сами подаете поводъ обращать на себя вниманіе большее, чѣмъ слѣдовало-бы въ вашихъ собственныхъ интересахъ!—подчеркнулъ старый профессоръ.—Положимъ, что статья, благодаря которой кто-нибудь и въ самомъ дѣлѣ подумалъ или счелъ удобнымъ подумать, что вы опасный человѣкъ, положимъ, говорю я, статья эта дѣйствительно глупа... Кстати, вы не знаете, кто авторъ этой глупости?

— Рѣшительно не знаю.

— И никого не подозрѣваете?

— Никого.

— Но еслибы она была написана поумнѣе и потоньше?

— Но что же въ моей рѣчи можно найти?.. Вы читали ее, Аристархъ Яковлевичъ?—спрашивалъ, видимо тревожась, молодой профессоръ.

— Читалъ и поздравляю васъ... Рѣчь талантливая и, главное, знаете что мнѣ въ ней понравилось?—съ самымъ серьезнымъ видомъ проговорилъ Найденовъ.

— Что?

— Оригинальная постановка вопроса объ истинномъ героизмѣ... Хоть вашъ взглядъ на героизмъ и разнится отъ прежнихъ вашихъ взглядовъ, но нельзя не согласиться, что новая точка зрѣнія весьма остроумна, отожествляя мирное отправленіе профессорскихъ обязанностей, при какихъ бы то ни было вѣяніяхъ, съ гражданскимъ мужествомъ. Получай жалованье, сиди смирно и герой. И Богу свѣчка и чорту кочерга. Ну, а мы, ретрограды, которые дѣлаемъ тоже самое, но откровенно говоримъ, что дѣлаемъ это изъ-за сохраненія собственной шкуры,—конечно, подлецы. Это преостроумно, Николай Сергѣичъ, и очень ловко. Можно, оставаясь такими-же чиновниками, исполняющими велѣнія начальства, какъ и мы грѣшные, быть въ то-же время страдальцами за правду въ глазахъ публики... Такимъ титломъ героя, не покидавшаго свое мѣсто въ теченіе тридцати лѣтъ, вы и наградили почтеннаго Ан-

дрея Михайловича, незримо возложили вѣнокъ на себя и попутно наградили геройскимъ званіемъ всѣхъ слушателей, которые тоже вѣдь геройствуютъ, мужественно не разставаясь съ своимъ жалованьемъ. Вполнѣ понимаю, что вы удостоились овацій. Ваша рѣчь ихъ вполнѣ стоила.

Зарѣчный едва усидѣлъ въ креслѣ, слушая эти саркастическія похвалы.

Возмущенный тѣмъ, что Найденовъ придалъ такое значеніе его рѣчи, онъ порывался, было, остановить его и не останавливалъ. Безполезно! Вѣдь и Рита поняла его точно также. И Сбруевъ тогда, въ пьяномъ видѣ, недаромъ называлъ и себя, и его свиньями. И, наконецъ, развѣ, въ самомъ дѣлѣ, защищая, во что бы ни стало, компромиссъ, не говорилъ-ли онъ въ своей застольной рѣчи отчасти и то, что въ преднамѣренно-окаррикатуренномъ видѣ передавалъ теперь озлобленный старикъ?

И Зарѣчный до конца выслушалъ и потомъ отвѣтилъ:

— Мнѣ остается благодарить за ваши своеобразные комплименты, Аристархъ Яковлевичъ, хотя и не вполнѣ мною заслуженные.

— Не скромничайте, Николай Сергѣевичъ.

— Вы слишкомъ субъективно поняли мою рѣчь, но тѣмъ еще удивительнѣе, что она могла подать поводъ къ нареканіямъ.

— Другіе, значитъ, поняли ее объективнѣе. Но, во всякомъ случаѣ, еслибы вы въ ней ограничились только изложеніемъ своей остроумной теоріи въ примѣненіи къ дѣятельности юбиляра, то никто-бы и не могъ придраться. Но ваши намеки о какихъ-то маловѣрахъ и отступникахъ? Ваши экскурсіи въ область либеральныхъ фразъ? Это вы ни во что не ставите, дорогой мой коллега?—насмѣшливо спрашивалъ Найденовъ, видимо тѣшась надъ своимъ гостемъ.—Положимъ, вамъ для репутаціи излюбленнаго человѣка это нужно, но надо знать мѣру и помнить время и пространство... Вѣдь есть люди, которые могли принять на свой счетъ кличку отступника и, пожалуй, имѣли глупость обидѣться.

«Ужъ не ты ли обидѣлся?—подумалъ Зарѣчный и поспѣшилъ проговорить:

— Я вообще говорилъ.

— Ну, разумѣется, вообше. Не могли же вы такъ-таки прямо назвать отступникомъ хотя бы вашего покорнѣйшаго слугу, еслибы и считали его таковымъ, что, впрочемъ, меня нисколько бы и не обидѣло!—высокомѣрно вставилъ старикъ.

Не на шутку встревоженный Зарѣчный опять промолчалъ.

— И кромѣ того, вѣдь съ извѣстной точки зрѣнія могли найти неприличнымъ, что правительственный чиновникъ, какъ

студентъ перваго курса, показываетъ либеральные кукиши изъ кармана. Вотъ всѣ эти экивоки и были причиной того, что на васъ обращено не особенно благосклонное вниманіе!— подчеркнулъ Найденовъ, преувеличившій нарочно эту «неблагосклонность» и словно-бы обрадованный угнетающимъ впечатлѣніемъ, которое производили его пугающія слова на трусливую натуру Зарѣчнаго.

«Ты еще большій трусъ, чѣмъ я предполагалъ!» подумалъ старикъ-профессоръ.

И съ ободряющей улыбкой прибавилъ:

— Но вы не пугайтесь, Николай Сергѣичъ. Я, съ своей стороны, сдѣлалъ все возможное, чтобы защитить бывшаго своего ученика... Какъ видите, и отступники могутъ быть не злопамятны!.. усмѣхнулся Найденовъ. И я счелъ долгомъ разъяснить, что ваша рѣчь, въ сущности, нисколько не опасна.

Зарѣчный началъ, было, благодарить, но Найденовъ остановилъ его.

— Не благодарите. Я вѣдь васъ защищалъ не изъ личныхъ чувствъ. А знаете-ли почему?

— Почему?

— Потому что считаю васъ знающимъ и даровитымъ профессоромъ, а университетъ нуждается въ талантливыхъ силахъ!—проговорилъ Найденовъ.—Изъ васъ могъ бы и порядочный ученый выдти, еслибъ вы не разбрасывались, не участвовали во всѣхъ этихъ глупыхъ комитетахъ, гоняясь за популярностью... Признаюсь, я возлагалъ на васъ большія надежды!—прибавилъ старикъ, не даромъ пользующійся репутаціей крупной ученой силы и до сихъ поръ серьезно работающій...

И Зарѣчный не могъ въ душѣ не согласиться, что упреки его бывшаго профессора справедливы. Онъ до сихъ поръ все еще «подаетъ надежды» и не можетъ довести до конца своей книги. А вотъ Найденовъ безустанно работаетъ, и работы его значительны.

— Я думаю засѣсть за свою книгу!—проговорилъ онъ, готовый теперь предаться научнымъ работамъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, давно пора, и главное спокойнѣе!»—мелькнуло въ его головѣ.

— И хорошо сдѣлаете... Ну а вся эта исторія, поднятая статьей, на этотъ разъ окончится, по всей вѣроятности, однимъ объясненіемъ. Болѣе серьезныхъ послѣдствій, надѣюсь, не будетъ!

— Да вѣдь и не за что!—воскликнулъ Зарѣчный.

И радостная нотка невольно звучала въ голосѣ обрадованнаго молодого профессора. И онъ снова подумалъ, что надо серьезно заняться наукой, ограничивъ размѣры общественной дѣятельности... Быть можетъ, въ работѣ онъ найдетъ

утѣшеніе въ несчастьи, если Рита не одумается и оставитъ его...

— Но только даю вамъ дружескій совѣтъ, Николай Сергѣичъ, помнить, что осторожность большая добродѣтель. Вы вѣдь и сами проповѣдуете «мудрость змія», такъ и примѣняйте ее на практикѣ съ большею строгостью, чѣмъ теперь. Не давайте воли своему ораторскому краснорѣчію.

И онъ тотчасъ вспомнилъ, какъ лѣтъ десять тому назадъ, когда онъ былъ на послѣднемъ курсѣ, по интригамъ, какъ тогда говорили, самого же Найденова долженъ былъ уйти одинъ дѣльный и способный профессоръ.

— Очень, знаете-ли, просто. Былъ талантливый профессоръ Зарѣчный и нѣтъ болѣе въ университетѣ талантливаго профессора Зарѣчнаго!—усмѣхнулся Найденовъ.

— Совсѣмъ просто!—улыбнулся и Зарѣчный.

— И вы думаете, что многіе изъ вашихъ многочисленныхъ поклонниковъ и поклонницъ серьезно опечалятся отсутствіемъ въ университетѣ талантливаго профессора Зарѣчнаго?

И такъ какъ профессоръ Зарѣчный вовсе не думалъ теперь о возможности своего исчезновенія, приведенной старикомъ въ видѣ эхидной иллюстраціи, то и не отвѣчалъ на вопросъ Найденова.

— Покричатъ нѣсколько дней и забудутъ, утѣшившись тѣмъ, что выберутъ себѣ новаго идола для поклоненія и произведутъ его въ чинъ излюбленнаго человѣка. Популярность у насъ, Николай Сергѣичъ, не особенно и заманчива, и я, признаюсь, удивляюсь, какъ вы, такой умный человѣкъ, такъ увлекаетесь ею и, ради нея, рискуете своимъ положеніемъ, забавляясь игрой въ оппозицію и въ либерализмъ... Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что это не одна дѣтская забава...

Зарѣчный было поднялся, чтобы откланяться, но Найденовъ остановилъ его.

— Куда вы торопитесь, Николай Сергѣичъ? Подождите нѣсколько минутъ. У меня есть къ вамъ небольшое дѣльце. Помните, я вамъ говорилъ.

— Какъ-же, помню.

— Вотъ о немъ я и хочу съ вами поговорить и привлечь къ нему въ качествѣ талантливаго помощника... Не лишнее прибавить, что дѣло это можетъ принести намъ обоимъ хорошее вознагражденіе... Вѣдь вы, я полагаю, не прочь отъ хорошаго заработка... Ваше министерство финансовъ вѣрно не въ блестящемъ состояніи?—шутливо и, казалось, не безъ участія спрашивалъ Найденовъ.

— Признаться, не въ блестящемъ.

— Вотъ видите. Ученая профессія не очень-то балуетъ

насъ въ матеріальномъ отношеніи. Вотъ и я еле-еле свожу концы съ концами!—пожаловался Найденовъ.

Зарѣчный про себя усмѣхнулся, слушая эти жалобы скупого старика, который имѣлъ и деньги и получалъ изъ разныхъ мѣстъ жалованье, котораго далеко не проживалъ.

— А дѣльце, которое я задумалъ, весьма недурное и выгодное.

Молодой профессоръ подозрительно насторожился.

— Не догадываетесь?—спросилъ Найденовъ.

— Рѣшительно не догадываюсь.

— Я вамъ предлагаю быть моимъ сотрудникомъ по составленію учебника. Одному мнѣ этимъ заняться некогда, но я возьму на себя общую редакцію и охотно поставлю свое имя рядомъ съ вашимъ.

«Ловко! Мнѣ значитъ, вся работа!»—подумалъ Зарѣчный.

— Что же вы не благодарите вашего стараго учителя, Николай Сергѣевичъ!—воскликнулъ Найденовъ.—Замѣтьте, я къ вамъ обратился, а ни къ кому другому... Съ вами хочу подѣлиться и ни съ кѣмъ больше!—шутя прибавилъ онъ.

— Очень вамъ благодаренъ, Аристархъ Яковлевичъ, но...

Зарѣчный замялся.

— Какія тутъ могутъ быть «но». Не понимаю!

— Мнѣ, видите-ли, Аристархъ Яковлевичъ, въ настоящее время трудно взять на себя какую-нибудь работу. Я долженъ окончить свою книгу. И безъ того она затянулась, а мнѣ бы...

— Что ваша книга?—нетерпѣливо перебилъ Найденовъ.— Она потерпитъ, ваша книга... И что она вамъ дастъ... Гроши и листочекъ лавровъ... А учебникъ принесетъ хорошія деньги. А лавры отъ васъ не уйдутъ... Когда человѣкъ обезпеченъ, и книги лучше пишутся... Очень просилъ-бы васъ не откладывать нашего дѣла. Оно меня очень интересуетъ. Вы, коли захотите, работать можете быстро. Приналягте, и къ будущему году мы могли бы пустить нашъ учебникъ.

— Вы обратились-бы къ Перелѣсову, Аристархъ Яковлевичъ. Онъ свободенъ и, кромѣ того, нуждается. Мнѣ кажется, онъ отлично справился-бы съ работой.

— Что мнѣ Перелѣсовъ! Онъ бездаренъ. Мнѣ нужны вы, Николай Сергѣичъ!—рѣзко промолвилъ старикъ.

И, тотчасъ-же смягчая тонъ, прибавилъ:

— Вы меня просто удивляете. Такое предложеніе, и я васъ еще долженъ упрашивать... Что сіе значитъ?

— Но право-же мнѣ некогда.

Старикъ пристально взглянулъ на Зарѣчнаго.

— Да вы не виляйте, коллега, а говорите прямо... Видно, испугались, что потеряете репутацію либеральнаго профессора и боитесь, если учебникъ обругаютъ?.. Вамъ еще не надоѣло

сидѣть между двухъ стульевъ? Такъ-бы и сказали, а то «некогда!» И знаете-ли что? Вамъ легко остаться въ ореолѣ излюбленнаго человѣка и героя... Можно и не объявлять вашего имени на учебникѣ... Я одинъ буду значиться авторомъ, а съ вами мы сдѣлаемъ условіе о половинныхъ барышахъ. Такимъ образомъ, и волки будутъ сыты, и овцы цѣлы, ужъ, если вы такъ боитесь замочить ножки!.. При такой комбинаціи, надѣюсь, у васъ время найдется, любезный коллега!—съ циничною улыбкой прибавилъ Найденовъ.

Томный свѣтъ лампы подъ зеленымъ абажуромъ мѣшалъ Найденову увидать, какъ поблѣднѣлъ Николай Сергѣевичъ, стараясь сдержать свое негодованіе.

— Къ сожалѣнію, и при этой комбинаціи, у меня не найдется времени, Аристархъ Яковлевичъ!..—отвѣтилъ Зарѣчный.

— Не найдется?—переспросилъ Найденовъ.

— Нѣтъ, Аристархъ Яковлевичъ. Простите, что не могу быть вамъ полезенъ.

Наступило молчаніе.

Старый профессоръ нѣсколько мгновеній пристально глядѣлъ на Николая Сергѣевича.

— Боитесь, что узнаютъ, и что тогда вы прослывете отступникомъ и ретроградомъ, вродѣ меня?—со злостью кинулъ онъ, отводя взглядъ.

— Боюсь поступить противъ убѣжденія, Аристархъ Яковлевичъ.

— Въ такомъ случаѣ, прошу извинить, что обратился къ вамъ!—холодно и высокомѣрно произнесъ Найденовъ.

И послѣ паузы, едва сдерживая гнѣвъ, прибавилъ со своей обычной саркастической усмѣшкой:

— Я полагалъ, что вы послѣдовательнѣе и не побоитесь логическихъ послѣдствій компромисса, о которомъ такъ блестяще говорили на юбилейномъ обѣдѣ... Оказывается, что вы и съ компримиссомъ хотите кокетничать... Вы уже собираетесь?.. До свиданія, коллега!

И, привставая съ кресла, едва протянулъ руку и значительно проговорилъ:

— Желаю вамъ не раскаяться, что поступили, какъ мальчишка!

Зарѣчный молча вышелъ отъ него, понимая, что теперь Найденовъ его врагъ.

И онъ еще болѣе трусилъ за свое положеніе.

XIX.

Когда Николай Сергѣевичъ, пріѣхавши домой, позвонилъ, Катя стрѣлой бросилась къ подъѣзду, заглянувъ всетаки на себя въ зеркало въ прихожей, и торопливо отворила двери.

Въ прихожей, снимая шубу, она съ нѣкоторой аффектаціей почтительности исправной горничной поспѣшила доложить барину, что въ кабинетѣ его дожидается студентъ.

— Кто такой?

— Господинъ Медынцевъ. Сказали, что вы назначили имъ сегодня придти. Такой блѣдный, худой...

— А барыня дома?

— Нѣтъ-съ, уѣхали.

Зарѣчному невольно бросилось въ глаза, что Катя какъ-то особенно щегольски сегодня одѣта и вообще имѣетъ кокетливый видъ въ своемъ свѣжемъ платьѣ и въ бѣломъ передникѣ, свѣжая и румяная, съ пригожимъ, задорнымъ лицомъ, съ чистыми, опрятными руками.

И онъ спросилъ, оглядывая ее быстрымъ равнодушнымъ взглядомъ:

— А вы со двора, что-ли, собрались?

— Никакъ нѣтъ-съ... А вы почему подумали, баринъ?— съ напускной наивностью спросила она, бросая на него вызывающій взглядъ своихъ черныхъ лукавыхъ глазъ.

— Такъ...—отвѣчалъ профессоръ и въ то же время замѣтилъ то, чего прежде не замѣчалъ, что эта расторопная, услужливая Катя очень недурна собой.

— А барыня дома?

— Никакъ нѣтъ-съ. Уѣхали. Господинъ Невзгодинъ за ними пріѣзжалъ... Прикажете подать вамъ чай сейчасъ или послѣ, какъ гость уйдетъ?..

— Потомъ...

Николай Сергѣевичъ шелъ въ кабинетъ усталый, съ развинченными нервами. Дожидавшійся студентъ далеко не былъ желаннымъ гостемъ.

Не до разговоровъ было Зарѣчному въ эту минуту, да еще съ незнакомымъ человѣкомъ.

Ему хотѣлось побыть одному и обдумать свое положеніе. Бѣды, свалившіяся на него въ послѣдніе дни, угнетали его и казались ему ужасными. Особенно рѣшеніе Риты. Онъ все еще не могъ придти въ себя, все еще не хотѣлъ вѣрить, что она оставитъ его. Отвлеченный эти дни безпокойствомъ по поводу статьи, онъ на время забывалъ о семейномъ разладѣ, но какъ только попадалъ домой, мысли о немъ лѣзли въ голову и мучительно терзали его сердце. Онъ вспоминалъ о послѣднемъ

разговорѣ Риты и жалѣлъ себя. Эти два дня они не видались. Рита не выходила изъ своей комнаты и во время обѣда уходила. И, вдобавокъ, ко всему это предложеніе Найденова, отказъ отъ котораго грозилъ серьезными непріятностями. Зарѣчный хорошо зналъ бывшаго своего учителя. Онъ зналъ, что онъ не проститъ ему отказа отъ сотрудничества.

Зарѣчный уже въ гостинной рѣшилъ, что попроситъ студента зайти въ другой разъ, въ болѣе удобное время, а самъ сдѣлаетъ попытку—напишетъ письмо Ритѣ, въ которомъ... Онъ самъ не зналъ въ эту минуту, что напишетъ ей, но ему казалось, что онъ долженъ это сдѣлать...

Но у Николая Сергѣевича не хватило рѣшимости отправить непріятнаго гостя, когда онъ вошелъ въ кабинетъ и увидалъ этого низенькаго, блѣднаго студента съ большими черными глазами, лихорадочно блестѣвшими изъ глубокихъ впадинъ. Здѣсь, въ полусвѣтѣ кабинета, освѣщеннаго лампой подъ большимъ зеленымъ абажуромъ, этотъ вскочившій и, казалось, совсѣмъ растерявшійся молодой человѣкъ казался еще блѣднѣе, болѣзненнѣе и жалче, чѣмъ въ университетской аудиторіи въ своемъ ветхомъ сюртукѣ и худыхъ сапогахъ. Словно-бы смерть уже вѣяла надъ этой маленькой фигуркой съ вдавленной грудью.

Охваченный жалостью, Зарѣчный невольно вспомнилъ худенькое, почти лѣтнее пальтецо студента, висѣвшее на вѣшалкѣ. И въ немъ онъ пришелъ въ трескучій, двацатиградусный морозъ. И заставлять его приходить еще разъ. Это было-бы жестоко!

И, протягивая студенту руку, Николай Сергѣевичъ извинился, что заставилъ его ждать и, усадивъ его въ кресло, предложилъ ему чаю.

Студентъ испуганно и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно отказался. Онъ не хочетъ. Онъ только что пилъ чай. И онъ вообще не любитъ чая.

И, видимо чѣмъ-то взволнованный, порывисто проговорилъ:

— Я не задержу васъ, господинъ профессоръ... Я сейчасъ же долженъ уйти... Собственно говоря... Извините, г. профессоръ... Я буду съ вами говорить откровенно... Да какъ-же иначе и говорить?

— Пожалуйста, говорите, у меня время есть. Вы вѣдь хотѣли, г. Медынцевъ, посовѣтоваться на счетъ книгъ?

— Да. И на счетъ книгъ, и вообще поговорить... уяснить нѣкоторые вопросы, которые меня мучатъ на счетъ практической дѣятельности, разрѣшить сомнѣнія... Но я теперь не за тѣмъ пришелъ... Вы простите, пожалуйста, я долженъ по совѣсти говорить... Я, видите-ли, пришелъ только потому, что обѣщалъ, но я не хотѣлъ идти... Перерѣшилъ...

Онъ торопился говорить, задыхался и наконецъ закашлялся, безпомощно прижимая свои тонкіе, точно восковые, пальцы къ груди.

Этотъ глухой кашель съ клокатаніемъ въ груди продолжался съ добрую минуту. Зарѣчный подалъ своему гостю стаканъ воды и участливо проговорилъ:

— Да вы не волнуйтесь, г. Медынцевъ. Не торопитесь, ради Бога... Вы меня нисколько не задерживаете... У меня время есть.

— Это сейчасъ пройдетъ... Вотъ и прошло... Собственно говоря, этотъ кашель... У меня чахотка!—вдругъ проговорилъ Медынцевъ и какъ-то застѣнчиво улыбнулся, словно-бы извиняясь, что у него чахотка, и онъ не можетъ не кашлять.

Онъ выпилъ стаканъ воды, минутку передохнулъ и снова торопливо и возбужденно заговорилъ, глядя на Зарѣчнаго почти въ упоръ.

Эти большіе чудные глаза глядѣли на профессора строго, пытливо и въ тоже время страдальчески. Въ ихъ взглядѣ теперь ужъ не свѣтилось той благоговѣйной восторженности, какая была, когда Медынцевъ говорилъ съ Николаемъ Сергѣевичемъ въ университетѣ.

И отъ этого строгаго проникновеннаго взгляда несчастнаго больного студента Зарѣчный невольно испытывалъ какую-то душевную смятенность, точно въ чемъ-то виноватый.

— И вотъ, вслѣдствіе того, что перерѣшилъ, я и не хотѣлъ идти къ вамъ, г. профессоръ.

— Что вамъ за охота называть меня господиномъ профессоромъ здѣсь у меня дома. Называйте меня по имени. А какъ ваше имя и отчество.

— Борисъ Захаровичъ...

— Но почему-же вы перерѣшили, Борисъ Захарычъ?—спросилъ, почему-то понижая голосъ, Зарѣчный, и чувствуя, что невольно краснѣетъ подъ этимъ серьезнымъ глубокимъ взглядомъ юноши.

На мгновеніе краска залила мертвенно-блѣдное лицо Медынцева. Выраженіе глубокаго страданія свѣтилось въ его глазахъ. Смущенный до нельзя, онъ, казалось, переживалъ минуту душевной борьбы.

— Почему перерѣшилъ, хотите вы знать?—переспросилъ онъ наконецъ.

— Да. Говорите. Не стѣсняйтесь, прошу васъ.

— Я не стѣсняюсь. Я и пришелъ, чтобы объясниться. Но мнѣ самому тяжело, больно, обидно!

Онъ помолчалъ, словно-бы собираясь съ силами, и голосомъ, дрожащимъ отъ волненія и полнымъ тоски, со слезами на глазахъ продолжалъ съ порывистою страстностью:

— Я такъ безпредѣльно уважалъ и любилъ васъ, Николай Сергѣичъ, что готовъ былъ положить за васъ душу... Я говорю, вѣрьте мнѣ. Ваши лекціи были для меня откровеніемъ и, такъ сказать, намѣчали мнѣ будущій жизненный путь. Онѣ будили мысль, заставляли работать и вѣрить въ идеалы. Я молился на васъ. Я видѣлъ въ васъ профессора, для котораго наука нераздѣльна съ силой убѣжденія. Вы служили мнѣ примѣромъ. Вы поддерживали во мнѣ бодрость и вѣру въ торжество правды...

Медынцевъ перевелъ духъ и продолжалъ:

— И вдругъ... вдругъ эта ваша рѣчь... Этотъ призывъ къ молчалинству. Это восхваленіе компромисса, во что бы ни стало... На лекціяхъ вѣдь вы не то говорили... О, Господи! Зачѣмъ вы сказали эту рѣчь? За что вы заставили не вѣрить вамъ и—простите—не уважать васъ... Неужели-же ваша рѣчь была искренна? Тогда кому же вѣрить?—Профессору или оратору?— почти крикнулъ, задыхаясь, Медынцевъ и слезы хлынули изъ его глазъ.

И, странное дѣло, Зарѣчный не гнѣвался за эту страстную рѣчь, дышавшую искренностью и тоской восторженнаго честнаго юноши, разочаровавшагося въ учителѣ, котораго боготворилъ. Страшно самолюбивый, Николай Сергѣевичъ даже не испытывалъ боли оскорбленнаго самолюбія и не пытался отнестись къ филиппикѣ Медынцева съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ непонятаго человѣка.

. . . .

Видимо потрясенный этими словами юноши, профессоръ молчалъ.

И это молчаніе, и грустный видъ Зарѣчнаго смутили студента.

И онъ порывисто проговорилъ, утирая слезы:

— О, простите меня, Николай Сергѣичъ... Я позволилъ себѣ... Но еслибъ вы знали...

— Я не сержусь, — мягко, почти нѣжно остановилъ его Зарѣчный...—Я понимаю васъ...

Когда студентъ ушелъ, Зарѣчный долго еще сидѣлъ неподвижно за письменнымъ столомъ.

Онъ невольно припоминалъ эти страстные упреки молодой души, и съ нимъ произошло что-то особенное.

Онъ не сердился и не обидѣлся, а въ приливѣ охватившей его тоски, въ каждомъ словѣ этого бѣдняги, стоявшаго одной ногой въ гробу, чувствовалъ горькую правду и свою вину передъ нимъ.

«И передъ нимъ-ли однимъ?» — пронеслось въ головѣ у профессора.

XX.

Часовъ около одинадцати Маргарита Васильевна вернулась домой. Съ ней былъ Невзгодинъ.

Въ ярко освѣщенной прихожей Катя подозрительно оглядывала обоихъ. Лицо Маргариты Васильевны казалось ей возбужденнымъ

— Пожалуйста, Катя, самоваръ поскорѣй.

— Сейчасъ будетъ готовъ.

— А вы что-же такъ рано изъ гостей?—ласково спросила Маргарита Васильевна, обративъ вниманіе на щеголеватое праздничное платье горничной.

— Я не ходила со двора, барыня.

— Что такъ? Раздумали?

— Раздумала.

— Идемте, Василій Васильевичъ, ко мнѣ!

И съ этими словами Маргарита Васильевна прошла черезъ гостинную въ свой маленькій кабинетъ.

Катя побѣжала впередъ, чтобъ зажечь лампу.

— Такъ очень проскучали на нашемъ собраніи, Василій Васильичъ?—спрашивала Зарѣчная, опустившись на диванъ и оправляя свои сбившіеся подъ шапочкой золотистые волосы.

— Порядочно таки.

Невзгодинъ закурилъ папироску и, усаживаясь въ маленькое кресло, продолжалъ:

— Благотворительныя дамы вашего попечительства напомнили мнѣ сосѣдку за обѣдомъ на юбилеѣ Косицкаго... Такъже болтливы и съ такимъ-же самодовольнымъ апломбомъ говорятъ о пустякахъ.

— И я на васъ произвела такое-же впечатлѣніе?..

— Вы хоть были лаконичны, Магарита Васильевна!

Катя, намѣренно долго поправлявшая абажуръ, слушала во всѣ уши.

Въ ея лукавыхъ темныхъ глазахъ, острыхъ какъ у мышенка, сверкнула усмѣшка, и они снова недовѣрчиво скользнули по Маргаритѣ Васильевнѣ.

«Все-то ты врешь!» говорили, казалось, глаза горничной.

Она вышла изъ комнаты, плотно затворивъ двери, шмыгнула въ прихожую и оттуда бѣгомъ побѣжала къ подъѣзду.

Отворивъ двери, она спросила извозчика, стоявшаго у панели:

— Ты сейчасъ привезъ барыню съ бариномъ?

— Я самый.

— Откуда ты ихъ привезъ?

— Со Стоженки.

— Съ улицы посадилъ?

— Нѣтъ, касатка, изъ дома взялъ. Оттуда много барынь выходило. А ты чего разспрашиваешь? На чаекъ, что-ли, господа выслали?—спросилъ, смѣясь, извозчикъ.

Катя быстро скрылась въ двери.

Она возвратилась на кухню и стала разогрѣвать самоваръ, не совсѣмъ довольная, что ея подозрѣнія о барынѣ и Невзгодинѣ не подтвердились. Она была увѣрена, что ссора, и, повидимому, серьезная, между мужемъ и женой, вышла изъ-за Невзгодина. Они навѣрно влюблены другъ въ друга, хоть и отводятъ людямъ глаза, и оттого бѣдный Николай Сергѣичъ сосланъ въ кабинетъ.

«Нашла дура на кого промѣнять!»—подумала Катя, горѣвшая желаніемъ открыть глаза Николаю Сергѣевичу, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, не мучился напрасно.

И сегодня, когда послѣ обѣда пріѣхалъ Невзгодинъ и ушелъ вмѣстѣ съ Маргаритой Васильевной, Катя почти не сомнѣвалась, что они отправились на тайное свиданіе. Оказывается, они, дѣйствительно, были въ попечительствѣ. Катя не разъ тамъ бывала.

Впрочемъ, обманутыя подозрѣнія не поколебали ея увѣренности въ томъ, что Маргарита Васильевна влюблена въ Невздина. Ей очень хотѣлось, чтобъ это было такъ, и чтобы мужъ объ этомъ узналъ. Тогда перестанетъ она важничать и строить изъ себя недотрогу. Не лучше, молъ, другихъ!

Пока Катя, занятая этими соображеніями, почерпнутыми изъ ея наблюденій въ теченіе десятилѣтняго пребываніе въ должности горничной, накрывала въ столовой на столъ, Маргарита Васильевна, внезапно прервавъ рѣчь о своихъ благотворительныхъ планахъ, въ которые она начала, было, посвящать Невзгодина, значительно проговорила:

— А у меня новость, Василій Васильичъ.

— Новость! Какая?

— Я расхожусь съ мужемъ!

Какъ-бы онъ обрадовался, еслибъ Маргарита Васильевна сообщила ему эту новость годъ тому назадъ. А теперь у него хотя и было дружеское участіе къ человѣку, жизнь котораго неудачно сложилась, но, главнымъ образомъ, въ немъ былъ возбужденъ писательскій интересъ. Онъ это хорошо сознавалъ, взглядывая безъ малѣйшаго волненія на красивое лицо когда-то любимой женщины. И, къ тому-же, онъ нѣсколько скептически отнесся къ этой новости. Не расходилась-же она раньше, отдаваясь нелюбимому супругу. Отчего-же теперь расходиться? И ради кого? Кажется, барынька никого не любитъ?

Глаза Невзгодина чуть-чуть улыбались, когда онъ проговорилъ:

— Отъ души поздравляю васъ, Маргарита Васильевна, съ добрымъ намѣреніемъ!

— Это не намѣреніе, а рѣшеніе!—воскликнула молодая женщина.—Слышите-ли, рѣшеніе! А вы, я вижу, не вѣрите!—раздраженно прибавила Маргарита Васильевна, самолюбіе которой было сильно задѣто и недостаточно, по ея мнѣнію, горячимъ отношеніемъ Невзгодина къ сообщенному факту, и его недовѣрчивостью къ ея рѣшенію.

«Онъ вправѣ не вѣрить!»—подумала она въ слѣдующее мгновеніе. И краска стыда и досады залила ея щеки. Ей вдругъ сдѣлалось обидно, что она заговорила объ этомъ съ Невзгодинымъ. Онъ далеко не такой ея другъ, какъ ей прежде казалось.

И она почти сухо кинула:

— Впрочемъ, вѣрьте или не вѣрьте, это ваше дѣло!

— Да вы не сердитесь, Маргарита Васильевна.

— Я не сержусь...

— Полноте... Сердитесь... А еще умный человѣкъ!

— Причемъ тутъ умъ?

— Вы недовольны моими словами... Вамъ непремѣнно хотѣлось-бы слышать въ нихъ полную вѣру въ то, что вы сказали?.. Но подумайте, виноватъ-ли я, что этой вѣры нѣтъ. Или вы хотите, чтобы я лгалъ?..»

— Я этого не хочу.

— Такъ сердитесь, коли хотите, а я лишь тогда повѣрю вашему рѣшенію, когда вы разойдетесь...

Эти слова взорвали молодую женщину. Она поняла причины недовѣрія Невзгодина и, возмущенная до глубины души, сказала:

— Я не расхожусь сейчасъ, сегодня только потому, что мужъ умолялъ подождать нѣсколько времени. Не могла-же отказать ему въ этомъ я, виноватая передъ нимъ. Онъ можетъ, конечно, думать, что я изъ жалости къ нему перерѣшу и останусь его женой, но вы, какъ смѣете не вѣрить мнѣ, разъ я вамъ говорю, что оставляю мужа... Или вы такого сквернаго мнѣнія о женщинахъ, что не допускаете, чтобы женщина могла понять всю мерзость своего замужества... Или вы думаете, что меня пугаетъ перспектива одиночества и трудовой жизни?

Невгодинъ терпѣливо выслушалъ эту горячую тираду и ничего не отвѣтилъ.

— Что-жъ вы молчите? Или и теперь не вѣрите?..

— Словамъ я вашимъ вѣрю, но...

— Но что?—нетерпѣливо перебила Маргарита Васильевна.

— Позвольте мнѣ пока остаться Ѳомой невѣрнымъ... Вѣдь Николай Сергѣичъ васъ очень любитъ.

— Но я его не люблю! И я это ему сказала вчера.

— А если онъ не совладаетъ со своей страстью...

— Этого быть не можетъ...

— Однако?

— Я помочь не могу...

— Но пожалѣть можете и пожалѣете, конечно?

— Положимъ... Что-жъ дальше... Къ чему вы это ведете?

— А если пожалѣете, то, пожалуй, и не оставите его, если не полюбите кого-нибудь другого.

— И буду опять его женой, хотите вы сказать? — негодующе спросила Маргарита Васильевна.

Невзгодинъ благоразумно промолчалъ, и черезъ минуту мягко замѣтилъ:

— Жизнь не такъ проста, какъ кажется, Маргарита Васильевна, и человѣкъ не всегда поступаетъ такъ, какъ ему хочется... И вы простите, если я разсердилъ васъ... Увы! На мнѣ какой-то рокъ ссориться даже съ друзьями... Но повѣрьте, я искренно буду радъ, если вы обрѣтете счастье хотя бы въ вашей личной жизни.

Онъ проговорилъ это съ подкупающей искренностью. Маргарита Васильевна нѣсколько смягчилась.

— Такъ вы не очень сердитесь, Маргарита Васильевна?

— Да вамъ не все-ли это равно?

— Не совсѣмъ.

— Ну, такъ я скажу, что сержусь. Вы меня обидѣли! — взволнованная проговорила Маргарита Васильевна.

— Если и обидѣлъ, то невольно... Простите.

— Прощу, когда вы убѣдитесь, что я умѣю исполнять свои рѣшенія.

— Но всетаки пока не смотрите на меня какъ на врага... И въ доказательство протяните руку.

Маргарита Васильевна протянула Невзгодину руку. Онъ почтительно ее поцѣловалъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Невзгодинъ чувствовалъ, что Маргарита Васильевна все еще сердится, и наблюдалъ какъ подергивались ея тонкія губы, и въ глазахъ сверкалъ огонекъ.

И въ умѣ его проносилась картина будущаго примиренія супруговъ. Онъ раскается ей въ своемъ фразерствѣ, объяснитъ, почему онъ не герой, напугаетъ ее своей загубленной жизнью безъ нея и припадетъ къ ея ногамъ, выбравъ удобный психологическій моментъ. И она пожалѣетъ, быть можетъ, такого красавца мужа и отдастся ему изъ жалости, какъ отдавалась раньше изъ уваженія къ его добродѣтелямъ. По крайней мѣрѣ, такъ будетъ утѣшать себя, не имѣя доблести сознаться, что въ ней такое же чувственное животное, какъ и въ другихъ...

А всетаки ему было жалко Маргариту Васильевну. И

онъ припомнилъ, какія требованія предъявляла она къ жизни, когда была дѣвушкой, какъ высокомѣрно относилась она къ тѣмъ женщинамъ, которыя живутъ лишь одними интересами мужа и семьи, какъ хотѣлось ей завоевать независимость и выдти замужъ не иначе, какъ полюбивши какого-нибудь героя, и быть его товарищемъ... И вмѣсто этого—замужество по разсудку изъ за страха остаться старой дѣвой. Даже храбрости не было отдаться своему темпераменту, не рискуя своей свободой... И теперь неудовлетворенное честолюбіе несомнѣнно неглупой женщины, не знающей, куда приложить ей силы. Разочарованіе въ героизмѣ мужа, разбитая личная жизнь и постоянное резонерство, которое мѣшаетъ ей отдаваться непосредственно жизни и жить впечатлѣніями страстнаго своего темперамента, который она старается обуздать.

Невзгодину казалось, что онъ понималъ Маргариту Васильевну, и что она такая, какою онъ себѣ теперь представлялъ. Какъ далеко было это представленіе отъ прежняго, когда Невзгодинъ, влюбленный, считалъ Маргариту Васильевну чуть ли не героиней, способной удивить человѣчество.

И ему вдругъ стало жалко прежнихъ своихъ грезъ, точно съ ними улетала и его молодость. Вѣдь и его личная жизнь не особенно удачная. И онъ не любитъ ни одной женщины... да и вообще одинокъ. Счастье его, что въ немъ писательская жилка. Какъ-бы скверно ему жилось на свѣтѣ безъ этой чудной творческой работы, которая по временамъ такъ захватываетъ его... И теперь, послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Москвѣ, онъ чувствовалъ позывъ къ работѣ... Крайне сочувственное письмо, полученное имъ сегодня вмѣстѣ съ корректурами отъ редактора журнала, въ которомъ печаталась повѣсть Невзгодина, подбодрило его, и онъ рѣшилъ исправить и другую свою вещь и послать ее тому же редактору.

— Вы въ Москвѣ думаете оставаться, Маргарита Васильевна?—спросилъ наконецъ Невзгодинъ.

— Въ Москвѣ. Сперва поселюсь въ меблированныхъ комнатахъ, а потомъ, при возможности, найму квартиру... Уѣхать мнѣ нельзя. Тутъ у меня занятія... Поближе къ редакціямъ быть лучше, а то, того и гляди, потеряешь работу...И наконецъ это новое дѣло... Не оставлю я его.

— И вы надѣетесь, что ваша мысль осуществится?

— Разумѣется, надѣюсь. Аносова уже обѣщала пятьдесятъ тысячъ.

— Обѣщала, но еще не дала?

— Что за противный скептицизмъ! Она не отступится отъ своего слова.

— Ну, положимъ, и не отступится. А еще на какихъ богачей надѣетесь?

— На Рябинина! Слышали про этого милліонера?

— Еще бы! Знаменитый фабрикантъ и безобразникъ. Имѣетъ гаремъ на фабрикѣ и въ то же время собирается, говорятъ, издавать газету въ защиту бѣдныхъ фабрикантовъ, которыхъ всѣ обижаютъ.

— Еще надѣюсь на Измайлову.

— На эту бывшую Мессалину и дисконтершу на покоѣ? Чего ради они дадутъ вамъ денегъ на устройство дома для рабочихъ? И кто васъ надоумилъ къ нимъ обратиться?

— Аглая Петровна.

— Она, этотъ министръ торговли въ юбкѣ? Въ такомъ случаѣ, надо попытать счастья.

— Къ Рябинину я поѣду сама. А къ Измайловой надо послать мужчину.

— И это совѣтовала великолѣпная вдова?

— Да. И совѣтовала, чтобы къ ней обратился съ просьбой Николай Сергѣичъ.

— Отличный психологъ Аглая Петровна! Превосходно распредѣляетъ роли!—усмѣхнулс Невзгодинъ.

— Мужа я просить не хочу,—продолжала Маргарита Васильевна.—А вотъ если бы вы, Василій Васильичъ, не отказались помочь дѣлу и поѣхать къ Измайловой, то я была-бы вамъ очень благодарна.

— Я? Съ моей тщедушной фигурой? — воскликнулъ, смѣясь, Невзгодинъ.—Да вы, видно, хотите провалить дѣло, посылая меня, Маргарита Васильевна! Измайлова со мной и говорить-то не захочетъ.

— Полно смѣяться. Я васъ серьезно прошу.

— Да я не отказываюсь. Отчего и не посмотрѣть на Мессалину, обратившуюся въ мумію.

— Такъ поѣзжайте. А я вамъ достану отъ Аглаи Петровны рекомендательное письмо. Кстати, вы и писатель... А Измайлова ихъ уважаетъ...

— Извольте, я поѣду, но, если даже и обѣщанія не привезу, вина не моя.

Въ эту минуту двери безшумно отворились, и на порогѣ появилась Катя съ докладомъ, что самоваръ готовъ.

— Вотъ чудный вѣстникъ! Я ужасно чаю хочу! — проговорилъ Невзгодинъ, поднимаясь вслѣдъ за хозяйкой, чтобъ идти въ столовую.

И снова Катя была обманута въ ожиданіяхъ.

Ея быстрый взглядъ, давно изощрившійся все видѣть во время внезапныхъ появленій въ комнату, когда въ ней сидятъ вдвоемъ хозяйка и гость, не уловилъ никакихъ признаковъ любовной атмосферы, и лица и положенія обоихъ собесѣдниковъ не внушили никакихъ подозрѣній даже и Катѣ, знав-

шей по опыту, какъ горячо цѣлують въ какую-нибудь короткую секунду самые почтенные мужья въ корридорѣ, почти на глазахъ у женъ.

Но она всетаки не теряла надежды узнать «всю правду».

Маргарита Васильевна стала разливать чай, продолжая разговаривать съ Невзгодинымъ. Они теперь говорили о статьѣ въ «Старѣйшихъ Извѣстіяхъ» и хвалили письмо Косицкаго и сдержанный отвѣтъ оклеветанныхъ. Не смотря на то, что Катя нарочно подала два стакана, Маргарита Васильевна даже и не подумала спросить: дома-ли мужъ, и не хочетъ ли чаю?

Это отношеніе къ мужу рѣшительно возмутило горничную.

«Они пьютъ себѣ чай и закусываютъ, а бѣдный Николай Сергѣичъ сидитъ себѣ одинъ одинешенекъ, точно оплеванный!» — подумала Катя, стоявшая въ корридорѣ и жадно прислушивавшаяся къ тому, что говорятъ въ столовой.

И она прошла къ кабинету и пріотворила двери.

Николай Сергѣевичъ по прежнему сидѣлъ за письменнымъ столомъ, откинувшись въ креслѣ.

Тогда Катя, оправивъ волосы, вошла въ комнату и тихо приблизилась къ профессору. При видѣ его подавленнаго, грустнаго, слегка осунувшагося лица, ей сдѣлалось безконечно жалко Николая Сергѣевича.

— Что вамъ, Катя?—спросилъ Зарѣчный.

— Чаю не угодно-ли, баринъ? Только-что самоваръ барынѣ подала!—говорила Катя, какъ-то особенно почтительно-нѣжно, взглядывая робко и въ то-же время значительно, на Зарѣчнаго.

— А барыня вернулась?

— Недавно вернулись вмѣстѣ съ г. Невзгодинымъ... Они въ столовой.

Зарѣчный поморщился точно отъ боли.

«Опять этотъ Невзгодинъ!»—подумалъ онъ.

— Такъ прикажете чаю, Николай Сергѣичъ? Можетъ и кушать хотите... Я вамъ сюда подамъ, если вамъ неугодно выдти... Въ одну минуту все сдѣлаю.

— Я ничего не хочу.

Зарѣчный поднялъ глаза на заалѣвшее хорошенькое и свѣжее лицо горничной и вдругъ перехватилъ такой восторженный и пламенный взглядъ, что тотчасъ отвелъ глаза въ сторону, нѣсколько удивленный и сконфуженный, и проговорилъ неожиданно для самого себя мягко:

— Спасибо, Катя. Вы... вы услужливая дѣвушка.

— Что вы, баринъ? За что благодарите? Да развѣ вы не видите, что для васъ я, что угодно, готова сдѣлать. Только прикажите!—прибавила она почти шопотомъ.

— Ну, такъ сдѣлайте мнѣ поскорѣе постель! — полушутя

приказалъ Зарѣчный, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ горячаго тона Кати.

— Опять здѣсь прикажете?—съ едва уловимой насмѣшкой въ голосѣ, спросила она.

— Здѣсь! — отвѣтилъ, не поднимая глазъ, Зарѣчный, чувствуя, что этотъ вопросъ заставилъ его покраснѣть и сильнѣе почувствовать стыдъ своего положенія вдовца при женѣ.

И, словно-бы желая скрыть это обидное положеніе, прибавилъ:

— Я усталъ и лягу пораньше... И, кромѣ того, мнѣ необходимо раньше завтра встать!—говорилъ Николай Сергѣевичъ, внутренно стыдясь, что онъ долженъ врать передъ горничной.—Вы можете разбудить меня въ шесть часовъ?—неожиданно спросилъ онъ строгимъ голосомъ.

— Когда угодно, баринъ.

— Такъ разбудите, пожалуйста.

— Будьте покойны, разбужу. Покойной ночи, баринъ. И дай вамъ Богъ пріятныхъ сновъ.

Она не уходила, точно ожидая чего-то.

— Можете идти, Катя. Больше мнѣ ничего не нужно! — сказалъ Зарѣчный.

Катя подавила вздохъ и медленно вышла.

Николай Сергѣевичъ, однако, не ложился. Онъ поднялся съ кресла и, пріоткрывъ двери, прислушивался къ разговору въ столовой. Оттуда временами долетали фразы незначущаго разговора, и это нѣсколько успокоивало Зарѣчнаго. Скоро онъ услыхалъ, что Невзгодинъ прощается... Онъ взглянулъ на часы... половина перваго... «Значитъ, не особенно долго сидѣлъ... Вѣрно Рита разсказала ему, что бросаетъ меня!»

И Зарѣчный чувствовалъ себя несчастнымъ, одинокимъ и немножко виноватымъ передъ Ритой.

«Нѣтъ, одно спасеніе въ работѣ, въ наукѣ!» — думалъ онъ, когда легъ въ постель и сладко потянулся, расправляя усталые члены.

И Рита, и Найденовъ съ его унизительнымъ разговоромъ, и этотъ юноша идеалистъ, и подлая статья, и книга, которую надо кончить, и Невзгодинъ, и Сбруевъ занимали его мысли и ставили передъ нимъ вопросы, о которыхъ онъ прежде не думалъ, когда считалъ себя счастливымъ и словно бы не замѣчалъ въ себѣ той двойственности, о которой съ такою страстностью напомнилъ ему Медынцевъ. Довольно фразъ... Онъ за нихъ достаточно наказанъ...

И вся суетливая дѣятельность его, внѣ университета, казалась теперь ему ненужной, безцѣльной и опасной. Изъ-за пустяковъ можно лишиться положенія. «Былъ Зарѣчный и нѣтъ

Зарѣчнаго»! припомнилъ онъ насмѣшливыя слова Найденова и проникся ихъ вѣскостью, откровенно признаваясь самому себѣ, что онъ трусъ, скрывающій отъ людей эту трусость рѣчами о компромиссѣ.

Наконецъ, все какъ-то перепуталось въ его мозгу, потеряло ясность, и онъ заснулъ съ мыслью о томъ, что надо заниматься одной наукой, которая представилась ему вдругъ въ лучезарномъ образѣ Риты.

Зарѣчный проснулся отъ свѣта, падавшаго ему въ глаза, и отъ того, что чья-то мягкая, теплая и вздрагивающая рука осторожно дергала его за плечо.

Проснувшись, онъ увидалъ наклонившуюся надъ нимъ Катю въ копотѣ, плотно облегавшемъ красивыя формы ея крѣпкаго стана. Она смотрѣла на него съ нѣжной вызывающей улыбкой. Оголенная бѣлая рука держала свѣчку, свѣтъ которой освѣщалъ заалѣвшееся пригожее лицо съ лукавыми черными глазами...

— Вставайте, баринъ... Шесть часовъ... Вы велѣли разбудить васъ!—говорила она ласковымъ шопотомъ, запахивая воротъ копота, изъ-подъ котораго виднѣлась чистая сорочка.

Зарѣчный закрылъ глаза, будто собираясь заснуть.

— Вставайте же, милый баринъ! — настойчиво повторила дѣвушка, еще ниже наклоняясь надъ Зарѣчнымъ и обдавая его лицо горячимъ дыханіемъ.

Вмѣсто отвѣта онъ протянулъ руку и грубо и властно обхватилъ ея талію и привлекъ къ себѣ.

— О, милый баринъ!—шептала Катя, осыпая профессора страстными поцѣлуями.

Въ десять часовъ, когда Николай Сергѣевичъ, напившись чаю, уходилъ въ университетъ, Катя съ еще большею почтительностію подала ему шубу и держала себя такъ, словно-бы ничего между ними и не было.

Молодой профессоръ старался не глядѣть на Катю. Онъ былъ сконфуженъ, сознавая себя виноватымъ и словно-бы осквернившимъ свою любовь къ Ритѣ и въ то же время чувствовалъ себя въ это утро какъ-бы спокойнѣе, уравновѣшаннѣе и не такимъ несчастнымъ.

Конечно, онъ оправдывалъ себя и во всемъ винилъ Катю, вздумавшую будить его вмѣсто того, чтобы стучаться въ дверь, и рѣшилъ, что больше этой вспышки звѣря не повторится въ немъ. Однако, въ тотъ же вечеръ, когда Катя готовила ему постель, онъ какъ-то особенно внимательно смотрѣлъ на ея розоватый затылокъ и когда она пожелала ему покойной ночи, снова приказалъ разбудить себя въ шесть часовъ.

Катя метнула глазами, вся вспыхивая отъ радости, и почтительно-оффиціальнымъ тономъ отвѣтила:

— Слушаю, баринъ!

XXI.

Съ того вечера, какъ Аглая Петровна приглашала Невзгодина къ себѣ и, милостиво подаривъ его своей неотразимо-чарующей улыбкой, подчеркнула желаніе видѣть Василія Васильевича, какъ можно скорѣй,—прошло болѣе двухъ недѣль, а Невзгодинъ и не думалъ ѣхать къ «великолѣпной вдовѣ».

Она ждала Невзгодина съ нетерпѣніемъ, дивившимъ ее. Одѣтая съ большей кокетливостью, чѣмъ обыкновенно одѣвалась дома, Аглая Петровна, какъ институтка, подбѣгала къ окнамъ и смотрѣла на дворъ. Послѣ нѣсколькихъ дней напраснаго ожиданія желаніе красавицы-вдовы видѣть Невзгодина еще болѣе усилилось. Обыкновенно спокойная, не знавшая никакихъ волненій, кромѣ коммерческихъ, Аглая Петровна сдѣлалась нервной, возбужденной и раздражительной, негодуя, что Невзгодинъ не ѣдетъ послѣ такого любезнаго приглашенія, какимъ она его удостоила.

И—что было всего удивительнѣе—даже за дѣловыми занятіями въ своей уютной «клѣтушкѣ», Аглая Петровна по временамъ испытывала непривычную доселѣ скуку и, всегда точная и аккуратная, бывала разсѣянна.

Въ дѣловомъ разговорѣ порой не слышалось прежней ясной краткости. Ея крупная холеная рука откидывала невѣрно костяжки. Цифры путались въ ея умѣ. Вмѣсто нихъ въ головѣ роились совсѣмъ другія мысли.

Она гнѣвалась на эти «шалости нервовъ» и капризы властнаго своего характера. Не влюбилась-же она, въ самомъ дѣлѣ, въ Невзгодина! И, тѣмъ не менѣе, женское самолюбіе ея было жестоко оскорблено его презрительнымъ невниманіемъ, и въ ней, богачихѣ, дочери и внучкѣ крутыхъ самодуровъ, привыкшей къ тому, чтобы желанія и капризы ея исполнялись, зарождалось къ Невзгодину какое-то сложное чувство ненависти и въ то-же время неодолимаго желанія видѣть его.

Онъ долженъ во что бы то ни стало быть у нея!

Этотъ капризъ рѣшительно овладѣлъ Аглаей Петровной. Деспотическая ея натура не поддавалась никакимъ доводамъ ума. Она понимала всю нелѣпость своего самодурства и плакала отъ злости, что Невзгодинъ не ѣдетъ.

Написать ему?

Ни за что на свѣтѣ. Одна мысль объ этомъ вызывала въ Аглаѣ Петровнѣ негодованіе.

Чтобъ этотъ легкомысленный, непутевой человѣкъ смѣлъ подумать, что она имъ интересуется, она, которая съ горделивымъ равнодушіемъ относится къ своимъ многочисленнымъ поклонникамъ и тайнымъ воздыхателямъ, которые не чета Невзгодину. Да поведи она бровью, и у ея ногъ были-бы извѣстные профессора, литераторы, художники, чиновные люди, купцы-милліонеры. И вдругъ этотъ «мартышка» безъ рода и племени, этотъ нищій фантазеръ безъ положенія, осмѣлится вообразить, что въ него влюблены—скажите, пожалуйста!

Прошла недѣля.

Аглая Петровна была въ театрѣ у итальянцевъ, была на бенефисѣ въ Маломъ театрѣ, надѣясь встрѣтить Невзгодина, и наконецъ поѣхала отдать визитъ Зарѣчной, разсчитывая отъ нея узнать что нибудь о Невзгодинѣ. Вѣрно онъ съ ней часто видится.

Но нигдѣ она его не видѣла, а Маргарита Васильевна могла только сообщить, что Василій Васильичъ точно въ воду канулъ и глазъ къ ней не кажетъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ болѣе недѣли тому назадъ. И вообще изъ разговора съ Зарѣчной Аглая Петровна заключила, что между Маргаритой Васильевной и Невзгодинымъ пробѣжала кошка. По крайней мѣрѣ, Зарѣчная, какъ показалось Аглаѣ Петровнѣ, довольно сдержанно говорила о своемъ пріятелѣ.

— А онъ мнѣ нуженъ,—замѣтила Аглая Петровна,—потому я и спрашиваю о немъ. Хочу просить его читать на благотворительномъ концертѣ,—внезапно сочинила она. Кстати, вы слышали его повѣсть. Хороша она?

— Онъ не читалъ еще мнѣ. И мнѣ онъ нуженъ, если только вы дадите ему рекомендательное письмо къ Измайловой...

— Вы его хотите послать вмѣсто мужа?

— Да.

— А что-же Николай Сергѣичъ не хочетъ ѣхать?

— Онъ занятъ очень...

— Такъ пошлите Невзгодина ко мнѣ. Я дамъ ему письмо.

— Я адреса его не знаю...

— Можно справиться въ адресномъ столѣ. Кстати напишите ему и о концертѣ...

— А Невзгодинъ у васъ развѣ еще не былъ?—въ свою очередь спросила Магарита Васильевна.

— То-то не удостоиваетъ!—смѣясь отвѣчала Амосова.

— Онъ, кажется, собирался...

Аглая Петровна распрощалась, цѣлуя Маргариту Васильевну съ прежней искренностью. Повидимому, Аносова возвратила ей свое расположеніе, заключивъ, что подозрѣнія, охватившія ее на юбилейномъ обѣдѣ, невѣрны.

«Между ними, кажется, ничего нѣтъ!—подумала Аглая Петровна. Эта мысль была ей пріятна, и Аносова, уходя, снова подтвердила Маргаритѣ Васильевнѣ, что дастъ пятьдесятъ тысячъ и совѣтовала поскорѣй послать Невзгодина къ Измайловой, а самой Маргаритѣ Васильевнѣ ѣхать къ Рябинину.

— Я на-дняхъ была у него. Его нѣтъ въ Москвѣ.

— Ну такъ попытайтесь у Измайловой... Письмо къ ней я сегодня же напишу... Напишите и вы Невзгодину... Пусть явится за нимъ... Ну до свиданія, родная!

Прошло еще три дня, а Невзгодинъ не являлся.

Аглая Петровна злилась, чувствуя безсиліе свое удовлетворить свой капризъ.

«Быть можетъ, онъ уѣхалъ!» мелькнуло у нея въ головѣ, и она почувствовала, что отъѣздъ Невзгодина не вернулъ бы ей прежняго спокойствія.

Что это съ ней дѣлается, наконецъ! Какое безуміе нашло на нее? спрашивала она себя, сидя раннимъ утромъ за письменнымъ столомъ въ своей клѣтушкѣ за объемистой запиской о постройкѣ новой фабрики, поданной однимъ изъ ея управляющихъ.

И она два раза надавила пуговку электрическаго звонка.

На порогѣ явился, по обыкновенію безшумно, старый Кузьма Ивановичъ и, отвѣсивъ низкій поклонъ, замеръ въ почтительной позѣ.

Увѣренная въ томъ, что Кузьма Ивановичъ преданъ ей, какъ собака, и умѣетъ быть нѣмымъ, какъ рыба, Аглая Петровна дала старику порученіе «осторожно узнать», въ Москвѣ ли господинъ Невзгодинъ и, если въ Москвѣ, то навести справки, какъ онъ проводитъ время и гдѣ бываетъ.

— Понялъ, Кузьма Иванычъ?

— Понялъ, матушка Аглая Петровна. Наведу справки, какъ слѣдуетъ, безъ огласки.

На другое же утро Кузьма Ивановичъ докладывалъ въ «клѣтушкѣ» своимъ тихимъ, слегка скрипучимъ голосомъ, такимъ же безстрастнымъ, какъ и его худощавое, безбородое лицо:

— Господинъ Василій Васильичъ Невзгодинъ находятся въ Москвѣ. Они никуда не отлучались изъ своей комнаты въ те-

ченіе свыше двухъ недѣль и денно и нощно занимаются по письменной части. Пишутъ все и довольно много исписали бумаги. И кушаютъ пищу у себя, пребывая въ одиночествѣ, и никто у нихъ не былъ, и никого не велѣли они принимать.

— Спасибо, Кузьма Иванычъ!..—проговорила Аглая Петровна.

И когда Кузьма Ивановичъ ушелъ, она облегченно вздохнула и, поднявъ глаза, свѣтившіеся теперь радостнымъ блескомъ, на лампадку, истово осѣнила себя три раза крестомъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

К. Станюковичъ.

Среди ночи и льда.

Норвежская полярная экспедиція 1893—96 гг.

Фритьофа Нансена.

Пятница, 30-го ноября. Я нашелъ медвѣжьи слѣды на льду у самаго судна. Медвѣдь пришелъ съ востока и тихонько прошелъ по свѣжезамерзшему льду къ открытой канавѣ, но тутъ его должно быть что нибудь напугало, потому что онъ вернулся назадъ бѣгомъ. Странно, что онъ тутъ блуждаетъ, въ этой пустынѣ. Что ему здѣсь дѣлать? Съ такимъ желудкомъ, какъ у него, можно, впрочемъ, совершить путешествіе къ полюсу и обратно, ни разу не пообѣдавъ. Вѣроятно мы еще увидимъ этого молодца, когда онъ вернется, и надо полагать, что онъ тогда подойдетъ еще ближе и мы будемъ имѣть возможность разсмотрѣть его.

Я перешолъ по льду черезъ канаву; она оказалась длиною въ 348 шаговъ и была одинаковой ширины на довольно большомъ протяженіи къ востоку; къ западу ширина ея также мало измѣнялась. Утѣшительно думать, что во льду образуются такія большія отверстія. Мѣста для плаванія достаточно, если бы только подулъ вѣтеръ, котораго мы такъ и не можемъ дождаться.

Въ общемъ ноябрь былъ для насъ особенно неблагопріятенъ, мы пошли назадъ, вмѣсто того, чтобы двинуться впередъ. А между тѣмъ въ прошломъ году это былъ такой хорошій мѣсяцъ. Но въ этомъ ужасномъ морѣ никакъ нельзя полагаться на время года; очень можетъ быть, что зима окажется во всѣхъ отношеніяхъ ни на волосъ не лучше лѣта. Однако, надо надѣяться, что все исправится, я не могу думать иначе.

Небо покрылось густою завѣсой, сквозь которую сверкаютъ звѣзды, отчего оно кажется темнѣе обыкновеннаго. Мы блуждаемъ одинокіе и безпомощные среди этой вѣчной ночи. Эта темная, глубокая, безмолвная пустота напоминаетъ таинственный бездонный колодезь, куда взглядываешь, чтобы разсмотрѣть что нибудь, и видишь только отраженіе собственныхъ глазъ. Ахъ, эти томительныя мысли, отъ которыхъ никакъ не можешь отдѣлаться! Въ концѣ концовъ общество ихъ становится очень скучнымъ. Неужели нѣтъ средствъ

отрѣшиться отъ самого себя, овладѣть хотя бы только одною мыслью, которая находилась бы внѣ этого круга? Неужели нѣтъ иного пути, кромѣ смерти? Но смерть несомнѣнна. Въ одинъ прекрасный день она явится, величественная и молчаливая, откроетъ передъ тобою мощныя ворота Нирваны, и ты поплывешь туда, въ море вѣчности.

Воскресенье, 2-го декабря. Свердрупъ боленъ уже нѣсколько дней; онъ долженъ былъ слечь въ постель, гдѣ и теперь еще пребываетъ. Надо надѣяться, что ничего серьезнаго нѣтъ, и онъ самъ не думаетъ этого, но всетаки насъ это тревожитъ. Бѣдняга! Онъ питается только овсянкой. У него катарръ кишекъ; вѣроятно онъ простудился на льду, потому что онъ былъ довольно таки неосторожен въ этомъ отношеніи. Теперь, впрочемъ, ему стало лучше и должно быть онъ скоро поправится, но всетаки это должно бы послужить ему урокомъ не слишкомъ-то полагаться на себя.

Сегодня утромъ я сдѣлалъ большую прогулку вдоль открытой канавы, которая очень растянута и мѣстами достигаетъ порядочной ширины, простираясь на довольно большое разстояніе на востокъ. Только пройдя нѣкоторое время по новообразованному льду, гдѣ идти такъ же легко и удобно, какъ по хорошо протоптаной тропинкѣ, и достигнувъ снова покрытой снѣгомъ поверхности стараго льда, вполнѣ начинаешь сознавать, что значитъ ходить безъ лыжъ; разница изумительная. Но что-же мнѣ было дѣлать? Я не могъ употреблять лыжи, потому что было такъ темно, что даже въ обыкновенныхъ башмакахъ было трудно идти ощупью, и приходилось постоянно спотыкаться въ темнотѣ или падать, натыкаясь на большія ледяныя глыбы.

Я читаю теперь отчеты объ англійскихъ экспедиціяхъ временъ розысковъ Франклина и долженъ сознаться, что прихожу въ изумленіе, какъ отъ людей, такъ и отъ той суммы работы, которую они совершили. Англійская нація по истинѣ имѣетъ право гордиться ими.

Я припоминаю, что читалъ всѣ эти исторіи, когда былъ еще мальчикомъ, и моя юношеская фантазія охвачена была страстнымъ стремленіемъ къ этой природѣ и картинамъ, которыя развертывались передо мной. Теперь я читаю ихъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, какъ человѣкъ, имѣющій нѣкоторую опытность, и хотя моя фантазія уже болѣе не увлекается призраками, но я всетаки преклоняюсь въ изумленіи. Мужественные люди были эти Парри, Франклинъ, Джемсъ Риссъ, Ричардсонъ и наконецъ Макъ Клинтокъ и всѣ прочіе!

По истинѣ ничто не ново подъ луной! Большинство изъ того, что я считалъ новымъ и чѣмъ я такъ чванился, я нахожу въ этихъ экспедиціяхъ. Макъ Клинтокъ пользовался многимъ уже сорокъ лѣтъ тому назадъ. Не ихъ была вина, что они родилась въ такой странѣ, гдѣ неизвѣстно употребленіе лыжъ и гдѣ почти не бываетъ снѣга зимой.

Пятница, 14-го декабря. Вчера состоялось большое празднество въ честь Fram, какъ судна, достигшаго самой высокой широты. (Позавчера мы находились подъ 82°30′ сѣв. широты).

Меню обѣда было слѣдующее: вареныя макрели съ масломъ и петрушкой, свиныя котлеты съ французскимъ горошкомъ, норвежская лѣсная земляника съ рисомъ и молокомъ, кроновскій мальцъ-экстрактъ и кофе. За ужиномъ у насъ былъ свѣжій хлѣбъ, изюмный пирогъ и т. д. Затѣмъ состоялся концертъ, во время котораго насъ угощали конфектами и вареными въ сахарѣ грушами. Самый блестящій моментъ празднества наступилъ однако тогда, когда внесена была чаша съ дымящимся горячимъ пуншомъ, которую роспили среди общаго веселья. Наше расположеніе духа и такъ уже достигло высшей точки, но только пуншъ придалъ празднеству должный оттѣнокъ. Для большинства изъ нашей компаніи было загадкой, откуда мы достали ингредіенты для пунша и въ особенности алкоголь *).

Затѣмъ пошли тосты. Сначала была произнесена длинная торжественная рѣчь въ честь Fram, какъ судна, уже доказавшаго свои качества. Много было умныхъ людей, которые качали головой при нашемъ отплытіи и предсказывали намъ погибель. Навѣрное ихъ боязнь за насъ и грустныя предчувствія очень бы уменьшились, еслибъ они могли насъ видѣть въ эту минуту, когда мы тутъ спокойно сидимъ, окруженные полными удобствами, приближаемся къ такимъ широтамъ, въ которыя еще никогда не вступало ни одно судно; Fram въ настоящую минуту самое сѣверное судно на всемъ земномъ шарѣ; оно прошло черезъ большія пространства до сихъ поръ неизвѣстныхъ областей и кромѣ того достигло такихъ градусовъ, какихъ не достигало еще ни одно судно по эту сторону полюса. Но вѣроятно Fram тутъ не останется; туманное будущее скрываетъ еще много тріумфовъ, которые явятся въ свое время. Мы, впрочемъ, не будемъ говорить объ этомъ теперь и удовлетворимся тѣмъ, чего намъ удалось достигнуть до настоящей минуты. Я убѣжденъ теперь, что предсказаніе, заключавшееся въ привѣтственныхъ стихахъ Біернсона, произнесенныхъ по случаю спуска Fram, исполнилось!

Мы не можемъ не испытывать страннаго чувства чего-то вродѣ стыда, когда сравниваемъ труды, лишенія и подчасъ невообразимыя страданія, выпадавшія на долю нашихъ предшественниковъ, участниковъ прежнихъ экспедицій, съ тѣми удобствами, которыми мы пользуемся, плывя черезъ неизвѣстныя области все дальше въ такія мѣста, куда еще не удавалось проникнуть ни одному изъ полярныхъ изслѣдователей. Да, въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ всѣ основанія быть довольнымъ нашимъ путешествіемъ и нашимъ суд-

*) Мы употребили для этой цѣли чистый винный спиртъ, имѣвшійся у насъ.

номъ и я надѣюсь, что мы въ состояніи будемъ отплатить Норвегіи сторицей за ея довѣріе, сочувствіе и деньги, истраченныя для насъ. Но изъ-за этого мы всетаки не должны ни на одну минуту забывать своихъ предшественниковъ, мы должны удивляться имъ, ихъ борьбѣ и страданіямъ, такъ какъ только благодаря ихъ трудамъ и тому, что было ими достигнуто, былъ подготовленъ путь для нашего предпріятія. Мы имъ обязаны тѣмъ, что можемъ теперь до извѣстной степени бороться съ самымъ ужаснымъ и упорнымъ врагомъ въ арктической области, съ пловучимъ льдомъ; притомъ мы боремся съ нимъ самымъ простымъ способомъ, идя вмѣстѣ съ нимъ, а не противъ него, и допустивъ себя замкнуть въ льдинахъ преднамѣренно и заранѣе приготовившись къ этому. На этомъ суднѣ мы попробовали воспользоваться плодами опыта нашихъ предшественниковъ. На это потрачены были годы, но я чувствовалъ, что, воспользовавшись прежними опытами, я въ состояніи буду противодѣйствовать превратностямъ судьбы въ этихъ неизвѣстныхъ водахъ. Счастье намъ благопріятствовало до сихъ поръ; и я полагаю, что всѣ увѣрены въ томъ, что нѣтъ такихъ трудностей и препятствій, которыя мы не въ состояніи были бы преодолѣть при помощи имѣющихся въ нашемъ распоряженіи на суднѣ вспомогательныхъ средствъ. Мы надѣемся также, что вернемся въ Норвегію съ богатою жатвой и вполнѣ здоровыми. Поэтому-то мы и хотѣли опорожнить полные бокалы за здоровье Fram.

За этою рѣчью слѣдовали музыкальные номера и представленіе, въ которомъ Ларсъ, кузнецъ, протанцовалъ какой-то танецъ къ великому удовольствію всего общества; Ларсъ увѣрялъ насъ, что если онъ когда-нибудь вернется домой и ему придется явиться въ такое собраніе, какое происходило въ Христіаніи и Бергенѣ при нашемъ отплытіи, то онъ задастъ работу своимъ ногамъ.

За танцемъ слѣдовалъ тостъ за тѣхъ оставленныхъ тамъ на родинѣ, которые ждутъ нашего возвращенія изъ года въ годъ, не зная, куда они должны обращать свои помыслы, чтобы найти насъ, напрасно ожидая отъ насъ извѣстій, но не теряя довѣрія ни къ намъ, ни къ нашему путешествію, и за тѣхъ, кто устроилъ нашъ отъѣздъ и принесъ для этого большія жертвы.

Празднество, сопровождаемое музыкой и веселою бесѣдой, продолжалось цѣлый вечеръ, и наше хорошее настроеніе, конечно, не было испорчено тѣмъ, что нашъ превосходный докторъ притащилъ свои сигары—предметъ, имѣющій цѣнность въ нашихъ глазахъ, но, къ сожалѣнію, становящійся все болѣе и болѣе рѣдкимъ.

Единственное облачко въ нашемъ существованіи составляетъ болѣзнь Свердрупа: онъ еще не совсѣмъ оправился отъ своего катарра и сидитъ на діэтѣ, что ему вовсе не нравится. Онъ долженъ довольствоваться пшеничнымъ хлѣбомъ, молокомъ, сырымъ медвѣжьимъ мясомъ и овсянкой. Однако, онъ всетаки поправляется и даже могъ выйти ненадолго на палубу.

Было уже поздно, когда я наконецъ улегся въ свою койку, но не могъ спать. Я долженъ былъ встать и вышелъ погулять при лунномъ свѣтѣ.

Вокругъ луны, по обыкновенію, виднѣлся большой кругъ, но надъ нимъ была кромѣ того дуга, прикасающаяся къ его верхнему краю, оба конца которой были обращены не кверху, а книзу. Казалось, будто эта дуга была частью кольца, центръ котораго лежалъ глубоко подъ луной. На нижнемъ краю луннаго кольца помѣщалась большая ложная луна или вѣрнѣе большое свѣтящееся пространство, всего сильнѣе выступающее на верхней сторонѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно соприкасалось съ кольцомъ и окружено было желтымъ верхнимъ краемъ, откуда оно уже въ видѣ треугольника распространялось къ низу. Поперегъ луны проходили свѣтящіяся полосы, и все вмѣстѣ производило фантастическое впечатлѣніе.

Суббота, 22 декабря. Все тотъ же юго-восточный вѣтеръ; онъ превратился въ настоящій штормъ, яростно завывающій въ такелажѣ. Пріятно слушать его завыванія, такъ какъ буря, вѣроятно быстро гонитъ насъ къ сѣверу. Стоитъ мнѣ высунуть голову изъ палатки на палубѣ, чтобы вокругъ моихъ ушей тотчасъ же началъ свистать вѣтеръ, яростно забивая снѣгъ мнѣ въ лицо, такъ что въ нѣсколько минутъ я становлюсь бѣлымъ. Изъ обсерваторіи въ снѣжной хижинѣ и даже на еще меньшемъ разстояніи совсѣмъ уже нельзя различить Fram; даже глазъ нельзя раскрыть, чтобы они тотчасъ-же уже не наполнились снѣгомъ.

Мнѣ-бы очень хотѣлось знать, прошли-ли мы уже 83°, но опасаюсь всетаки, что радость наша будетъ непродолжительна, такъ какъ барометръ сильно упалъ, и вѣтеръ большею частью держится на скорости 13—15 метровъ въ секунду.

Около половины двѣнадцатаго ночи судно подверглось сильному напору льда. Все затрещало и я, лежа въ койкѣ, долго еще ощущалъ, какъ надо мною все дрожитъ. Наконецъ, мнѣ удалось также разслышать грохотъ и перетираніе льда. Я поручилъ часовому посмотрѣть, гдѣ происходитъ давленіе льда и не грозитъ-ли развалиться наша льдина, а также не подвергается-ли опасности что нибудь изъ нашего вооруженія. Онъ сообщилъ, что шумъ напора слышится какъ спереди, такъ и сзади судна, но вой въ такелажѣ всетаки мѣшаетъ хорошенько разслышать.

Сегодня, около 12½ часовъ утра, Fram подвергся вторичному сильному удару, который былъ еще сильнѣе, чѣмъ ночью. Даже послѣ удара все продолжало дрожать;—это указывалъ, что напоръ былъ позади насъ, но изъ за бури ничего не было слышно. Эти напоры представляютъ нѣчто удивительное, можно было бы подумать, что они прежде всего вызываются вѣтромъ. Но они наступаютъ довольно правильно, хотя теперь еще нѣтъ прилива; нѣсколько дней тому назадъ, когда началось давленіе, былъ даже отливъ. Передъ этимъ, въ четвергъ, въ 9½ часовъ и снова въ 11½ часовъ,

мы испытали настолько сильные толчки, что Педеръ, находившійся возлѣ отверстія во льду, сдѣланнаго для спусканія лота, нѣсколько разъ вскакивалъ на ноги, воображая, что ледъ подъ нимъ разламывается. Это въ высшей степени странно; мы столько времени были совершенно спокойны, а теперь приходимъ почти въ нервное состояніе, какъ только Fram подвергается ударамъ, и все начинаетъ дрожать, точно отъ сильнѣйшаго землетрясенія.

Воскресенье, 23 декабря. Вѣтеръ по прежнему безъ измѣненій и дуетъ со скоростью 12—14 метр. въ секунду. Мятель такая, что ничего нельзя разглядѣть, и кругомъ царствуетъ глубокая тьма. Позади на палубѣ, вокругъ рулевого колеса и у борта намело высокія снѣговыя кучи, такъ что, выходя на палубу, мы вполнѣ можемъ понять, что такое арктическая зима. Мы должны быть рады, что намъ не нужно пускаться въ путь въ такую зиму и что мы можемъ укрыться подъ навѣсъ и черезъ люкъ пробраться въ теплую койку. Однако, скоро, вѣроятно, придетъ и наша очередь и мы должны будемъ оставаться волей неволей на открытомъ воздухѣ, днемъ и ночью и въ такую же непогоду.

Сегодня утромъ Петерсенъ, который долженъ былъ ночью наблюдать за собаками, явился въ салонъ и спросилъ, не хочетъ-ли ктонибудь отправиться съ нимъ на ледъ съ ружьемъ, такъ какъ онъ увѣренъ, что тамъ есть медвѣдь. Мы съ Педеромъ пошли, но ничего не могли найти, а собаки, какъ только увидѣли насъ, перестали лаять и принялись играть другъ съ другомъ. Погода была ужасная; противъ вѣтра почти захватывало дыханіе, и снѣгъ набивался въ ротъ и въ носъ. Корабль можно было разглядѣть лишь на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, и поэтому не слѣдовало далеко отходить. Притомъ вслѣдствіе вьюги и ледяныхъ холмовъ идти было трудно и поминутно приходилось то спотыкаться о снѣжную кучу, то проваливаться въ яму. Кругомъ была непроглядная тьма. Барометръ, сильно упавшій, началъ немного подыматься и теперь стоитъ приблизительно на 726 миллиметрахъ. Термометръ постоянно повышается и послѣ обѣда показывалъ уже—21,3° С. Впрочемъ, теперь онъ снова начинаетъ падать, хотя вѣтеръ не измѣнился. Вѣроятно, этотъ вѣтеръ передвинулъ насъ на хорошее разстояніе къ сѣверу, по всей вѣроятности далеко за 83°.

Пріятно слушать какъ вѣтеръ завываетъ и шумитъ въ такелажѣ. Ахъ, еслибъ только намъ не было извѣстно, что всѣ земныя радости кратковременны!

Около полночи внизъ пришелъ рулевой, стоявшій на вахтѣ, и сообщилъ, что ледъ раскололся по близости домика термометровъ, между нимъ и отверстіемъ для лота. Это была та-же самая трещина, которая образовалась лѣтомъ, она теперь снова раскрылась. По всей вѣроятности, вся льдина, на которой мы находимся, раскололась отъ одного отверстія до другого. Мы вынесли термографъ и

другіе инструменты изъ домика, чтобы не потерять ихъ во время напора льда.

Четвергъ, 27 декабря. Опять прошло Рождество, а мы все еще находимся такъ далеко отъ родины; какъ это всетаки грустно. Впрочемъ, я не предаюсь меланхоліи и скорѣе даже радуюсь. У меня такое чувство, какъ будто я ожидаю чего нибудь очень значительнаго, что пока еще скрывается во мракѣ будущаго. Послѣ долгихъ часовъ неизвѣстности я теперь вижу конецъ темной ночи и не сомнѣваюсь, что все кончится благополучно, что мы не напрасно совершили свое путешествіе, и всѣ наши надежды оправдаются. Быть можетъ судьба изслѣдователя дѣйствительно тяжела и, какъ всѣ увѣряютъ, полна всякихъ разочарованій, но она также полна и чудныхъ мгновеній, когда онъ видитъ торжество человѣческой воли и предусмотрительности и вдали его манитъ гавань счастья и мира.

Я нахожусь въ настоящее время въ очень странномъ настроеніи и испытываю сильнѣйшее безпокойство. Я совсѣмъ не былъ въ расположеніи писать эти дни; мысли бѣгутъ и неудержимо стремятся впередъ. Я самъ себя не могу понять. Но кто можетъ познать глубины человѣческой души? Жизнь—такая сложная машина!

Это второе Рождество, что мы проводимъ далеко въ уединеніи ночи, въ царствѣ смерти, сѣвернѣе и дальше, чѣмъ когда либо. Странное чувство испытываешь при мысли, что это будетъ послѣднее Рождество, проведенное на Fram. Почти становится грустно, когда объ этомъ думаешь. Судно стало нашимъ вторымъ отечествомъ. Наши сотоварищи, быть можетъ, еще будутъ проводить здѣсь Рождество и даже не одно, но уже безъ насъ, такъ какъ мы отъ нихъ удалимся въ уединеніе.

Рождество прошло на этотъ разъ довольно тихо, но очень пріятно, и всѣ, повидимому, чувствовали себя прекрасно. Не мало содѣйствовало нашей радости то обстоятельство, что вѣтеръ принесъ намъ, какъ рождественскій подарокъ, 83°. Наше счастье продолжалось дольше, чѣмъ я ожидалъ. Въ понедѣльникъ и вторникъ вѣтеръ былъ еще довольно свѣжій, но затѣмъ началъ падать и повернулъ къ сѣверу и сѣверо-востоку. Вчера и сегодня дулъ сѣверо-западный вѣтеръ. Ну, съ этимъ нужно примириться, иначе не можетъ быть, временами должны дуть и противные вѣтры; вѣроятно, этотъ вѣтеръ не будетъ долго длиться.

Въ рождественскій сочельникъ состоялось, конечно, большое пиршество. Столъ былъ разукрашенъ дѣйствительно великолѣпно рождественскими пирогами, пряниками, коврижками и всякими лакомствами. Много людей навѣрное не имѣютъ такого угощенія! Кромѣ того, я и Блессингъ въ потѣ лица проработали цѣлый день, чтобы изготовить «полярное шампанское 83°», которое произвело сенсацію. Каждый изъ насъ полагалъ, что мы имѣемъ право гордиться своимъ произведеніемъ, такъ какъ шампанское было приготовлено изъ «ви-

нограда полярной области»—морошки. Шампанское понравилось и было выпито не мало бокаловъ этого благороднаго напитка. Потомъ была принесена цѣлая куча иллюстрированныхъ книгъ, затѣмъ была музыка, публичныя чтенія и пѣніе; всѣмъ было весело.

Въ первый день Рождества у насъ, конечно, былъ особенно тонкій обѣдъ и вслѣдъ затѣмъ кофе и приготовленный на суднѣ кюрасо, послѣ чего Нордаль явился съ русскими папиросами. Вечеромъ принесенъ былъ морошковый пуншъ. Могштадъ игралъ на скрипкѣ, и это такъ наэлектризовало Петерсена, что онъ намъ пропѣлъ и протанцовалъ. Онъ обнаружилъ большой комическій талантъ и несомнѣнно имѣетъ расположеніе къ балету. Просто удивительно до чего велика его разносторонность! Онъ былъ машинистомъ, кузнецомъ, жестяникомъ, поваромъ, церемоніймейстеромъ, комикомъ и танцоромъ, онъ выказалъ также большую способность къ парихмахерскому искусству. Вечеромъ состоялся «большой балъ», во время котораго Могштадъ долженъ былъ такъ много играть, что потъ съ него лилъ ручьемъ. Намъ съ Гансеномъ пришлось изображать дамъ. Петерсенъ былъ неутомимъ; онъ поклялся, что если при возвращеніи домой у него еще окажется на ногахъ пара сапогъ, то онъ будетъ танцовать до тѣхъ поръ, пока будутъ держаться подошвы.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся впередъ, сначала при юговосточномъ, потомъ при восточномъ вѣтрѣ, насъ все болѣе и болѣе разбираетъ любопытство: мы хотимъ знать, какъ далеко мы зашли, но все время была вьюга, или небо было покрыто облаками, такъ что нельзя было производить никакихъ наблюденій. Мы предполагали, что судно наше прошло порядочное разстояніе къ сѣверу, но какъ далеко мы зашли за 83°, этого никто не могъ сказать.

Вдругъ Гансенъ объявилъ намъ сегодня послѣ обѣда, что можно видѣть звѣзды. Мы всѣ пришли въ возбужденное состояніе, но когда онъ сошелъ внизъ, то сказалъ намъ, что наблюдалъ только одну звѣзду, которая, однако, такъ близко стояла къ меридіану, что онъ отсюда заключилъ, что мы, во всякомъ случаѣ, находимся сѣвернѣе 83°20′ сѣв. широты. Извѣстіе это, конечно, вызвало всеобщее ликованіе. Если мы еще не достигли высшей сѣверной широты, куда еще не приближался ни одинъ человѣкъ, то, во всякомъ случаѣ, недалеко отъ нея. Это было больше, чѣмъ мы ожидали, и поэтому настроеніе у насъ было приподнятое. Такъ какъ вчера былъ второй день праздника и при этомъ Юэлль праздновалъ день своего рожденія, то, разумѣется, у насъ былъ изысканный обѣдъ, состоящій изъ слѣдующихъ кушаній: супъ изъ бычачьихъ хвостовъ, свиныя котлеты, брусничное варенье, цвѣтная капуста, фрикадели, картофель, варенье изъ смородины, тортъ и превосходный миндальный пирогъ съ надписью: «Glaedelig Lul» (Веселое Рождество)—подношеніе булочника Гансена въ Христіаніи. Кромѣ того, мальцъэкстрактъ. Мы не можемъ пожаловаться на плохое житье.

Сегодня утромъ, около 4-хъ часовъ, судно получило сильный

толчокъ, отъ котораго все задрожало; но шума напора не было слышно. Около $5^1/_2$ часовъ я слышалъ съ промежутками трескъ и шумъ пловучихъ льдинъ, начавшійся въ открытой канавѣ. Вечеромъ мы слышали такой же шумъ, но ледъ былъ спокоенъ; щель у бакборда снова плотно закрылась.

Пятница, 28-го декабря. Утромъ я вышелъ, чтобы посмотрѣть трещину у бакборда, настолько расширившуюся, что она превратилась въ открытую канаву. Разумѣется, за мною послѣдовали собаки. Не успѣлъ я далеко отойти, какъ увидѣлъ, что какая-то темная фигура проваливается передъ моими глазами. Это былъ «Панъ», скатившійся съ высокаго крутого края льда прямо въ воду. Напрасно онъ старался вылѣзть; кругомъ была снѣжная тина, и нигдѣ нельзя было встать на ноги. Я нагнулся надъ краемъ льда, чтобы приблизиться къ собакѣ, но было слишкомъ высоко и я чуть-чуть не свалился черезъ голову. Я вытаскивалъ только кусочки льда и комья снѣга. Тогда я закричалъ, чтобы мнѣ дали топоръ для льда, но прежде, чѣмъ мнѣ его принесли, «Панъ» уже самъ выкарабкался. Чтобы согрѣться, онъ сталъ изо всѣхъ силъ прыгать на льдинѣ, окруженный другими собаками, которыя громко лаяли, стремясь, вѣроятно, выказать этимъ свою радость по поводу его спасенія. Когда «Панъ» упалъ въ воду, онѣ всѣ собрались ко мнѣ и, смотря на меня, визжали; очевидно, они хотѣли, чтобъ я помогъ ихъ товарищу. Они ничего разглядѣть не могли, но все бѣгали по краю льдины, пока собака сама не выбралась изъ воды. Въ другое время нѣкоторыя изъ собакъ быть можетъ были бы готовы разорвать своего товарища на куски, но таковы ужъ всѣ созданія этой земли. «Панъ» долженъ былъ все время послѣ обѣда пролежать въ салонѣ, чтобы просохнуть.

Незадолго до $9^1/_2$ часовъ вечера судно испытало страшный толчокъ. Я вышелъ на верхъ, но не могъ разслышать никакого шума напора. Вѣтеръ такъ завывалъ въ такелажѣ, что никакихъ другихъ звуковъ различить было нельзя. Въ $10^1/_2$ часовъ—второй ударъ, затѣмъ, временами можно было ощущать колебанія судна и около $11^1/_2$ часовъ толчки стали сильнѣе. Очевидно, ледъ сдвигается гдѣ нибудь по близости. Я только что собирался одѣться, чтобы поглядѣть, что дѣлается, когда вдругъ Могштадъ сообщилъ, что передъ судномъ образовался высокій холмъ. Мы взяли фонари и пошли. Въ 56 шагахъ отъ бугшприта возвышался крутой холмъ, простиравшійся вдоль канавы, тамъ, гдѣ давленіе было очень сильно. Ледъ гремѣлъ, трещалъ и грохоталъ по всей длинѣ канавы; шумъ мало по малу уменьшился, но онъ повторялся черезъ правильные промежутки времени, какъ будто въ тактъ. Повидимому, это былъ большею частью свѣже замерзшій ледъ, но въ немъ попадались и большія льдины. Льдина, на которой лежало судно, раскололась вблизи его, и ледъ, служившій ему ложемъ, сталъ уменьшаться. Намъ бы не хотѣлось, однако, чтобы этотъ ледяной холмъ опустился прямо

подъ самымъ носомъ судна и ушелъ подъ него, такъ какъ онъ могъ бы причинить судну нѣкоторый вредъ. Хотя нѣтъ никакихъ основаній ожидать этого, но я всетаки приказалъ часовому зорко наблюдать за холмомъ и тотчасъ же разбудить меня, если ледяная глыба придвинется слишкомъ близко, или ледъ подъ нами будетъ грозить расколоться. По всей вѣроятности напоръ, продолжавшійся нѣсколько часовъ, скоро прекратился. Ночью въ три четверти перваго мы снова ощутили нѣсколько сильныхъ толчковъ, и я даже лежа въ койкѣ могъ разслышать шумъ сдвигавшагося льда, не смотря на завываніе вѣтра въ такелажѣ.

Глава IX.

Новый годъ 1895.

Среда, 2-е января 1895 г. Никогда еще при началѣ новаго года я не находился въ такомъ странномъ настроеніи. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ году должны совершиться важныя событія, и очень можетъ быть, что это будетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ годовъ моей жизни, все равно, принесетъ ли онъ мнѣ побѣду или пораженіе. Въ этомъ мірѣ льдовъ годы проходятъ и уходятъ совершенно незамѣтно, и мы также мало знаемъ, что они принесли съ собою человѣчеству, какъ и то, что принесутъ съ собою позднѣйшіе годы. Въ этой безмолвной природѣ не происходитъ никакихъ событій, все покрыто мракомъ, и звѣзды сверкаютъ въ неизмѣримомъ отдаленіи въ холодной ночи. Fram еще нельзя отчетливо разглядѣть; черныя мачты выступаютъ изъ окружающей темноты и поднимаются вверхъ къ свѣтящейся толпѣ звѣздъ. Незамѣтной точкой лежитъ судно, затерявшееся въ безконечномъ, далекомъ царствѣ смерти. Но подъ его палубой, тѣмъ не менѣе, находится удобное убѣжище для тринадцати человѣкъ, которыхъ не пугаетъ величіе этого царства. Тамъ внизу бьется пульсъ жизни, между тѣмъ, какъ кругомъ снаружи царятъ смерть и безмолвіе, прерываемое лишь по временамъ, черезъ длинные промежутки, страшнымъ грохотомъ льда, когда его гигантскія массы начинаютъ волноваться. Среди глубокой тишины этотъ грохотъ звучитъ какъ угроза, чувствуется близость демоническихъ силъ, великановъ арктическихъ областей, съ которыми намъ, быть можетъ, придется вести смертельную борьбу. Но мы ихъ не боимся.

Я часто думаю о шекспировской Віолѣ, съ меланхолическимъ терпѣніемъ возсѣдающей на своемъ мраморномъ пьедесталѣ. Развѣ мы здѣсь не можемъ служить такимъ же изображеніемъ «терпѣнія на мраморѣ», когда сидимъ на льду и предоставляемъ годамъ проходить, во ожиданіи того, что наступитъ и наше время? Я бы могъ набросать эскизъ такой статуи терпѣнія. Она изображала бы одинокаго человѣка, въ косматой волчьей шубѣ, покрытой инеемъ, и

сидящаго на ледяномъ холмѣ, вперивъ взоры во мракъ, окутывающій громадныя ледяныя массы, и дожидаясь возвращенія дневного свѣта и весны.

Въ пятницу ночью, послѣ часа, уже не ощущалось никакого давленія, но вчера вечеромъ оно опять началось. Сначала я услышалъ стукъ и съ такелажа на крышу палатки, гдѣ я сидѣлъ и читалъ, повалился снѣгъ. Было похоже на начинающійся напоръ льда. Затѣмъ Fram подвергся такому сильному толчку, какого мы еще ни разу не ощущали за послѣднюю зиму, такъ что ящикъ, на которомъ я сидѣлъ, закачался. Такъ какъ колебанія и стукъ продолжались, то я вышелъ. Съ запада и сѣверозапада раздавался громкій гулъ сдвигавшагося льда, продолжавшійся около двухъ часовъ. Ужъ не по случаю ли новаго года привѣтсвуетъ насъ ледъ такимъ образомъ?

Мы пріятно провели канунъ новаго года, попивая морошковый пуншъ, покуривая трубки и папиросы, и нечего, конечно, говорить, что у насъ было соотвѣтствующее угощеніе въ изобиліи и мы бесѣдовали о старомъ и новомъ годѣ и будущихъ годахъ. Играли на скрипкѣ и на гармоніумѣ. Наступила полночь и Блессингъ принесъ изъ какого-то, повидимому, нѐизсякаемаго источника бутылку настоящаго норвержскаго ликера, и мы роспили ее въ честь стараго и новаго года.

Само собою разумѣется, что мы невольно вспомнили, что это вторая встрѣча новаго года на Fram и что мы, по всей вѣроятности, въ послѣдній разъ проводимъ этотъ день вмѣстѣ. Мы поблагодарили другъ друга за дружбу и доброе товарищество; никто изъ насъ вѣдь не думалъ, что время пройдетъ такъ хорошо. Свердрупъ высказалъ пожеланіе, чтобы путешествіе, которое мы съ Іогансеномъ собираемся предпринять, во всѣхъ отношеніяхъ было счастливымъ и успѣшнымъ, затѣмъ мы выпили за здоровье и благоденствіе тѣхъ, кто останется на Fram въ предстоящемъ году, такъ какъ мы именно въ этомъ году предполагаемъ разстаться. Тотъ самый вѣтеръ, который завываетъ надъ нами въ такелажѣ, гонитъ насъ не только въ неизвѣстныя области, но именно въ такія высокія широты, куда еще ни разу не вступала нога человѣка. Мы чувствовали, что начинающійся годъ будетъ поворотнымъ пунктомъ для нашей экспедиціи. Пусть этотъ годъ будетъ особенно хорошимъ для людей на Fram и поможетъ имъ пройти впередъ и выполнить свою задачу, также какъ и до сихъ поръ они выполняли ее; тогда ужъ никто не посмѣетъ сомнѣваться въ томъ, что экипажъ Fram оказался на высотѣ своей задачи.

День новаго года прошелъ при томъ же вѣтрѣ, при тѣхъ же звѣздахъ и той же тьмѣ, какъ и раньше. Даже въ полдень не замѣтно было ни малѣйшаго свѣта зари на южномъ горизонтѣ. Вчера мнѣ показалось, что она появилась, по небу распространился слабый свѣтъ, но онъ былъ желтоватобѣлаго цвѣта и слишкомъ высоко поднимался, такъ что я скорѣе думаю, что это было сѣверное сіяніе.

Сегодня также небо вблизи горизонта кажется чуть-чуть свѣтлымъ, но врядъ-ли это что нибудь другое, а не отблескъ сѣвернаго сіянія, распространяющагося надъ облаками на горизонтѣ и всего рѣзче выраженнаго по краямъ. Такой же точно свѣтъ можно замѣтить и въ другое время и въ другомъ мѣстѣ на горизонтѣ. Воздухъ вчера былъ особенно прозраченъ, а горизонтъ всетаки оставался нѣсколько облачнымъ и туманнымъ. Ночью было особенно яркое сѣверное сіяніе. На южномъ горизонтѣ быстро выростали дугообразные лучи свѣта, поднимающіеся почти до самаго зенита, и надъ этими лучами и поперегъ ихъ виднѣлась полоса свѣта, увѣнчанная великолѣпною короной, отраженіе которой, точно лунный свѣтъ, лежало на льду. Небо зажгло свой факелъ по случаю новаго года и устроило волшебный танецъ лучей свѣта во мракѣ ночи.

Четвергъ, 3-го января. День тревоги. Какъ жизнь богата перемѣнами, не смотря на все свое однообразіе! Вчера еще мы строили планы на буддщее, а сегодня мы могли очутиться безъ крова надъ головой, покинутые на льду!

Въ $4^1/_2$ часа утра произошелъ новый напоръ льда въ открытой канавѣ позади судна, а въ пять часо́въ ледъ началъ сдвигаться въ канавѣ у бакборда. Около восьми часовъ я проснулся и слышалъ трескъ и хрустѣніе льда, какъ будто снова долженъ былъ начаться напоръ. Fram чуть-чуть содрогнулся всѣмъ корпусомъ, и послышался трескъ. Когда я вышелъ на палубу, то былъ не мало изумленъ; вдоль канавы у бакборда, едва въ тридцати шагахъ отъ Fram, возвышался огромный ледяной холмъ, между тѣмъ какъ трещины на этой сторонѣ простирались отъ насъ почти на 18 шаговъ. Всѣ лежавшіе свободно на льду предметы были перенесены на судно, доски и планки, ограждавшія лѣтомъ хижину метеорологовъ, а также сарай для склада инструментовъ, все это разобрано. Но веревку лота, оставленную нами въ отверстіи, вмѣстѣ съ сѣтчатымъ мѣшкомъ оторвало и увлекло въ глубину. Когда я незадолго передъ обѣдомъ снова вышелъ, то ледъ вдругъ началъ сдвигаться. Напоръ опять происходилъ въ канавѣ у бакборда, и ледяной холмъ, вслѣдствіе давленія, постепенно придвигался. Немного позднѣе на палубу вышелъ Свердрупъ и тотчасъ же вернулся, объявивъ, что холмъ быстро надвигается на насъ, и надо перевести на судно на саняхъ аппаратъ для бросанія лота, такъ какъ ледъ уже треснулъ по близости отъ него. Ледяной холмъ приближается къ намъ тревожнымъ образомъ, и если онъ достигнетъ насъ раньше, чѣмъ судно освободится отъ льда, то дѣло будетъ плохо. Судно накренилось теперь больше чѣмъ когда либо.

Послѣ обѣда мы занялись приготовленіями на случай, еслибы пришлось покинуть судно. Всѣ сани были выставлены на палубѣ на готовѣ, а также каяки; 20 ящиковъ съ галетами для собакъ оставлены на льду, а 19 ящиковъ съ хлѣбомъ вынесены изъ трюма и поставлены на носу, а также четыре жестяныхъ жбана, заклю-

чавшіе 200 литровъ керосина. Еще раньше мы наполнили 10 небольшихъ жестяныхъ сосудовъ 100 литрами керосина и перенесли ихъ на палубу. Сидя за ужиномъ, мы слышали все тотъ же грохотъ и трескъ льда, который все становится ближе. Вдругъ мы услышали трескъ какъ разъ подъ нами. Я бросился на верхъ. Напоръ происходилъ въ нѣсколько удаленной отъ насъ канавѣ, почти насупротивъ штирборда. Я опять спустился внизъ и принялся за ужинъ. Вскорѣ явился Педеръ, выходившій на ледъ, и сказалъ по обыкновенію съ усмѣшкой: «ледъ раскалывается не очень то красиво». Ледъ треснулъ недалеко отъ ящика съ собачьимъ кормомъ и трещина распространилась почти до самой кормы. Когда я вышелъ на верхъ, то нашелъ, что трещина дѣйствительно значительна, ради безопасности надо было перенести дальше впередъ ящики съ кормомъ. Вокругъ судна было также много маленькихъ трещинъ. Затѣмъ я снова спустился внизъ, закурилъ трубку и принялся спокойно бесѣдовать съ Свердрупомъ. Спустя нѣкоторое время ледъ снова началъ трещать и напирать, и хотя я не находилъ, чтобы шумъ былъ сильнѣе обыкновеннаго, но тѣмъ не менѣе спросилъ сидящихъ въ салонѣ и играющихъ въ карты, нѣтъ ли кого нибудь на палубѣ; если нѣтъ, то пусть кто-нибудь выйдетъ и посмотритъ гдѣ ледъ сдвигается. Тотчасъ же послѣ этого я услышалъ на верху поспѣшные шаги: это былъ Нордаль, прибѣжавшій сказать, что ледъ напираетъ на бакбордъ. Самое лучшее было бы, еслибъ кто-нибудь оставался на палубѣ. Мы съ Педеромъ тотчасъ же побѣжали туда, а за нами и другіе. Въ то время, какъ я взбирался по лѣстницѣ, Педеръ крикнулъ мнѣ сверху: «надо выпустить собакъ; смотрите, на льду уже вода».

Мы пришли вовремя, такъ какъ вода уже устремилась въ собачьи помѣщенія и стояла довольно высоко. Педеръ по колѣна въ водѣ пробрался къ дверямъ и раскрылъ ихъ. Большинство собакъ тотчасъ же выскочили и бросились бѣгать кругомъ, такъ что вода разбрызгивалась во всѣ стороны, но другія въ страхѣ забились въ уголъ, и ихъ надо было вытаскивать оттуда, хотя вода уже покрывала имъ ноги. Бѣдныя животныя! Какъ то онѣ себя чувствовали, запертыя въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи, когда оно постепенно стало наполняться водой.

Послѣ того, какъ собаки были отведены въ безопасное мѣсто, я обошелъ кругомъ судна, чтобы посмотрѣть, не случилось ли еще чего нибудь. Ледъ раскололся вдоль судна, и изъ трещины устремилась вода въ ту сторону, гдѣ льдина понизилась вслѣдствіе давленія, оказываемаго на нее надвигавшимся ледянымъ холмомъ. Щель распространилась подъ кузницу, которая такимъ образомъ очутилась въ опасности, и поэтому мы перевезли ее на саняхъ на большую льдину насупротивъ кормы. Туда же мы перенесли и 11 ящиковъ съ пеммиканомъ, ящики съ собачьимъ кормомъ и 19 ящиковъ съ хлѣбомъ. Мы тамъ слѣдовательно устроили цѣлый складъ, на-

дѣясь, что тутъ онъ будетъ въ безопасности, такъ какъ тутъ ледъ очень толстъ и, по всей вѣроятности, устоитъ. Событія эти оживили всѣхъ, и всѣ собрались на палубѣ. Вынеся на верхъ еще четыре жестянки съ керосиномъ, мы принялись за работу и перенесли изъ трюма на палубу еще 21 ящикъ съ хлѣбомъ и разные запасы: пеммикана, шоколадной муки, масла, сухого бульона и т. д., которыхъ намъ должно было бы хватить на 200 дней, по нашему разсчету; затѣмъ мы приготовили палатки, нашъ кухонный аппаратъ и т. п. такъ что теперь все было въ порядкѣ, и мы могли спокойно лечь спать. Но мы кончили работу только далеко за полночь.

Я все еще надѣюсь, что это былъ ложный страхъ, и что намъ не придется воспользоваться этими запасами, но наша обязанность все приготовить на случай, еслибы произошло что нибудь неожиданное. Кромѣ того, стоящему на вахтѣ было отдано строгое приказаніе наблюдать за собаками и внимательно слѣдить за тѣмъ, не раскололся ли ледъ подъ нашими ящиками, и не начался ли снова напоръ. Если-бы что-нибудь случилось, то онъ немедленно долженъ былъ разбудить всѣхъ и лучше раньше, чѣмъ позже.

Въ то время, какъ я сижу и пишу эти строки, я слышу, какъ снова начинается хрустѣніе и трескъ; значитъ, напоръ льда все еще продолжается. Но всѣ находятся въ прекрасномъ настроеніи, какъ будто это обстоятельство внесло пріятное разнообразіе въ наше монотонное существованіе. Однако уже половина второго; лучше лягу въ свою койку. Я очень усталъ, а вѣдь неизвѣстно сколько времени мнѣ можно будетъ отдыхать.

Пятница, 4-го января. Ночью ледъ былъ спокоенъ, но въ теченіе дня онъ нѣсколько разъ начиналъ сдвигаться и трещать. Сегодня вечеромъ онъ раскололся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и около девяти часовъ снова было давленіе. Напоръ наступалъ черезъ правильные промежутки времени; иногда онъ начинался внезапнымъ толчкомъ, который сопровождался грохотомъ, постепенно ослабѣвающимъ и начинающимся снова. Однако, холмъ становится все выше и надвигается прямо на насъ, медленно — когда ледъ напираетъ съ промежутками, и быстро—какъ только напоръ продолжается дольше. Можно видѣть, какъ все ближе и ближе ползетъ ледяная глыба; теперь, въ часъ дня, ледяной холмъ удаленъ едва на пять шаговъ отъ снѣжнаго холма впереди судна, а отъ этого мѣста до судна не болѣе трехъ метровъ, такъ что немного надо времени, чтобы ледяной холмъ насъ достигъ. Между тѣмъ ледъ продолжаетъ раскалываться, и та солидная ледяная масса, въ которой мы заключены, становится все меньше съ обѣихъ сторонъ судна. Нѣкоторыя трещины доходятъ почти до самаго судна. Такъ какъ ледъ подъ тяжестью холма понижается, и Fram сильнѣе склоняется на бокъ, то вода устремляется на новый ледъ, образовавшійся поверхъ слоя воды, выступившей вчера на поверхность льдины. Это почти похоже на постепенное умираніе.

Медленно, но вѣрно надвигается зловѣщій холмъ, и кажется, будто онъ имѣетъ намѣреніе перешагнуть черезъ бортъ судна. Но если Fram доставитъ намъ удовольствіе и высвободится отъ льда, то я успокоюсь и буду надѣяться, что все еще сойдетъ хорошо; однако въ данную минуту дѣло очень скверно. Вѣроятно, намъ придется выдержать тяжелую борьбу прежде, чѣмъ Fram освободится, если только это не произойдетъ теперь же.

Я вышелъ на верхъ и взглянулъ на холмъ. Какъ увѣренно онъ двигается впередъ! Я посмотрѣлъ также на трещины во льду, какъ онѣ образуются и распространяются кругомъ судна. Я прислушался, какъ трещитъ и хруститъ ледъ внизу, подъ моими ногами, и мнѣ очень не хотѣлось идти внизъ и ложиться въ койку, пока я не увижу, что Fram совершенно освободился отъ льда. Въ то время, какъ я здѣсь сижу, я слышу, какъ ледъ предпринимаетъ новое нападеніе на насъ и напираетъ и шумитъ, и я чувствую, что ледяной холмъ подходитъ все ближе. Напоръ льда, повидимому, не прекращается. Я не знаю, что мы еще можемъ сдѣлать. У насъ все готово на случай необходимости покинуть судно. Сегодня мы вынесли принадлежности одежды и раздѣлили ихъ между всѣми, разложивъ по мѣшкамъ.

Странное положеніе; безспорно есть вѣроятіе, что всѣ наши планы рухнутъ вслѣдствіе непредвидѣнной случайности, но тѣмъ не менѣе не такъ ужъ это неизбѣжно. Я нисколько не боюсь, но мнѣ хотѣлось бы знать, должны ли мы въ самомъ дѣлѣ все уже перенести на ледъ или нѣтъ? Однако, скоро часъ, и самое благоразумное, что я могу сдѣлать—это лечь спать. Часовому отданъ приказъ разбудить меня тотчасъ же, какъ только ледяной холмъ подойдетъ къ Fram. Счастье, что у насъ теперь свѣтитъ луна и мы можемъ разглядѣть кое-что въ этомъ ужасѣ.

Позавчера мы въ первый разъ увидѣли луну на горизонтѣ; вчера она свѣтила нѣкоторое время и теперь она уже не скрывается, а свѣтитъ весь день и всю ночь. Сейчасъ два часа, я долженъ заснуть, но я слышу, что напоръ опять сталъ сильнѣе.

Суббота, 5-го января. Сегодняшнюю ночь всѣ спятъ совершенно одѣтыми и притомъ самыя необходимыя вещи положены возлѣ и прикрѣплены къ туловищу. Каждый готовъ вскочить и выпрыгнуть на ледъ, какъ только раздается предостерегающій зовъ. Все нужное, провіантъ, одежда, спальные мѣшки и т. д. перенесено уже на ледъ. Мы цѣлый день проработали надъ этимъ, и теперь у насъ все въ порядкѣ и мы вполнѣ готовы оставить судно, если только понадобится. Но я всетаки думаю, что это не понадобится.

Я проспалъ хорошо и только разъ проснулся, послушалъ какъ стучитъ, гремитъ и трещитъ ледъ и снова заснулъ. Въ 5½ часовъ утра меня разбудилъ Свердрупъ, сообщившій, что ледяной холмъ теперь уже достигъ Fram и сильно напираетъ на судно, между тѣмъ какъ ледъ ползетъ наверхъ и достигаетъ почти борта. Я не

могъ сомнѣваться въ истинѣ его словъ, такъ какъ едва раскрылъ глаза, какъ уже разслышалъ такой громъ и гулъ, какъ будто наступилъ часъ страшнаго суда. Я вскочилъ. Ничего больше не оставалось, какъ разбудить всѣхъ нашихъ людей, вынести весь остающійся провіантъ на ледъ и принести на палубу наши шубы и другіе предметы нашего снаряженія, чтобы ихъ можно было тотчасъ выбросить за бортъ, какъ только это будетъ нужно. Но день прошелъ, а ледъ оставался спокоенъ. Въ концѣ концовъ мы сняли висѣвшій на боканцахъ ботъ съ керосиновымъ двигателемъ и перенесли его на большую льдину. Около восьми часовъ вечера, когда мы уже думали, что напоръ ослабѣлъ, вдругъ начало опять гремѣть и трещать, еще сильнѣе чѣмъ прежде. Когда я выбѣжалъ на верхъ, то на судно обрушились огромныя массы льда и снѣга. Педеръ, прибѣжавшій вмѣстѣ со мною, тотчасъ же бросился впередъ и сталъ прилежно сгребать ледъ и снѣгъ лопаткой и очищать отъ нихъ крышу палубы. Я пошелъ вслѣдъ за нимъ, чтобы самому удостовѣриться въ положеніи вещей. Я увидалъ больше, чѣмъ мнѣ было желательно. Бороться съ такимъ врагомъ съ лопатой въ рукахъ, было бы безнадежно, и я поэтому позвалъ назадъ Педера, сказавъ ему: «Пойдемъ лучше, снесемъ все на ледъ». Едва я успѣлъ это проговорить, какъ ледъ съ удвоенною силой началъ сдвигаться, гремѣть и трещать. Педеръ на это замѣтилъ: «Меня бы вмѣстѣ съ лопаткой скоро чортъ забралъ»,—и тотчасъ же началъ смѣяться. Я вернулся назадъ на палубу и по дорогѣ встрѣтилъ Могштада, который также спѣшилъ съ лопатою въ рукахъ, но я отослалъ его назадъ. Когда я потомъ бросился къ лѣстницѣ, находящейся подъ парусинной крышей, то увидалъ какъ она изогнулась подъ тяжестью ледяныхъ массъ, и какъ эти массы сваливались оттуда. Ихъ было такое множество, что я каждую минуту ожидалъ, что ледъ прорветъ крышу и завалитъ входъ. Сойдя внизъ, я вызвалъ всѣхъ людей на палубу, но сказалъ имъ, чтобъ они выходили не черезъ дверь у бакборда, а черезъ рубку и вышли бы со стороны штирборда. Надо было прежде всего вынести всѣ мѣшки изъ салона и затѣмъ мы должны были также отнести въ безопасное мѣсто тѣ, которые лежали на палубѣ. Я опасался, какъ бы ледъ, въ случаѣ еслибъ онъ прорвалъ крышу, не проникъ въ помѣщеніе черезъ незапертыя двери и не завалилъ прохода, такъ что мы очутились бы запертыми, какъ въ мышеловкѣ. На случай нужды мы освободили проходъ на верхъ черезъ машинное помѣщеніе, но отверстіе тутъ было слишкомъ узко, и нельзя было пролѣзать черезъ него съ тяжелыми мѣшками. Впрочемъ, было неизвѣстно, какъ долго этотъ путь останется свободнымъ, если ледъ, какъ слѣдуетъ, начнетъ напирать на насъ. Я опять выскочилъ на верхъ, чтобы освободить собакъ, которыхъ мы заперли въ «Castle Garden»—стойлѣ, устроенномъ нами у бакборда. Собаки жалобно визжали и выли, очутившись подъ парусинной крышей, ежеминутно грозившей прорваться

подъ тяжестью снѣга и заживо похоронить собакъ въ снѣжной могилѣ. Я перерѣзалъ ножемъ всѣ скрѣпленія и распахнулъ двери, собаки стремглавъ бросились на другую сторону. Люди между тѣмъ измаялись за переноской мѣшковъ; не зачѣмъ было торопить ихъ, объ этомъ заботился ледъ, который такъ давилъ на бока судна, что я ужъ думалъ, что все кончено. Страшная суматоха царила кругомъ, тѣмъ болѣе, что въ довершеніе всего нашъ рулевой впопыхахъ допустилъ лампы погаснуть, и наступила темнота. Я снова долженъ былъ спуститься внизъ, чтобы надѣть что нибудь на ноги, такъ какъ мои финскіе башмаки висѣли въ каютѣ для просушки. Когда я былъ внизу, то напоръ льда достигъ высшей точки; палубныя балки трещали надъ моей головой такъ, что я думалъ, что онѣ обрушатся на меня.

Скоро салонъ и каюты были освобождены отъ мѣшковъ, а также и палуба, откуда мы побросали все на ледъ подальше. Ледъ гремѣлъ и трещалъ съ такою силой, напирая на бока судна, что мы не могли разслышать ни единаго слова. Однако, все сошло хорошо и мы быстро отнесли въ безопасное мѣсто весь нашъ багажъ.

Въ то время, какъ мы таскали мѣшки, давленіе льда прекратилось, наконецъ, и все снова стало спокойно, какъ было раньше. Но какой видъ! Вся сторона бакборда Fram была совершенно погребена подъ снѣгомъ; виднѣлась только парусинная крыша. Еслибы мы оставили висѣть на боканцахъ лодку съ керосиновымъ двигателемъ, то она навѣрное-бы погибла. Боканцы были совершенно покрыты снѣгомъ и льдомъ. Удивительная лодка! Огонь и вода оказались безсильными передъ нею и изъ подъ льда она также вышла невредимой и лежитъ теперь на льдинѣ, перевернутая килемъ вверхъ. Жизнь ея была преисполнена всякихъ случайностей, и я бы желалъ знать, что ее еще ожидаетъ впереди.

Какъ я уже говорилъ, суматоха была велика, когда положеніе дѣлъ приняло опасный оборотъ, и мы сочли необходимымъ съ наивозможною скоростью вынести изъ салона всѣ мѣшки. Свердрупъ разсказалъ мнѣ, что онъ только что собирался взять ванну и стоялъ совсѣмъ голый, какъ Богъ его создалъ, когда вдругъ услышалъ, что я созываю всѣхъ людей на верхъ. Такъ какъ этого никогда раньше не бывало, то онъ понялъ, что произошло нѣчто серьезное и поскорѣе натянулъ на себя платье.

Все, что только могло намъ понадобиться потомъ, было вынесено на ледъ. Мы видѣли, какъ рулевой тащилъ огромный мѣшокъ съ платьями и тяжелую связку кружекъ, привязанную снаружи мѣшка. Потомъ онъ снова появился, весь увѣшанный разными вещами, ножами, рукавицами и т. п., такъ что издали уже можно было разслышать звонъ и стукъ этихъ предметовъ, когда онъ бѣжалъ. Онъ до конца остался вѣренъ себѣ.

Вечеромъ всѣ принялись уничтожать запасы пирожнаго, конфектъ и т. п.; курили табакъ и проводили время довольно весело.

Очевидно, всѣ хотѣли воспользоваться случаемъ, такъ какъ неизвѣстно было, придется-ли когда либо снова такъ проводить время на Fram. Мы всѣ теперь находились на военномъ положеніи въ опустошенномъ гнѣздѣ.

Изъ предосторожности мы открыли проходъ у штирборда, который былъ занятъ библіотекой и поэтому закрытъ, и держали всѣ двери растворенными, такъ что могли быть спокойны, что намъ удастся выскочить, даже если что-нибудь рушится. Мы вовсе не хотѣли, чтобы ледъ затворилъ намъ двери. Но Fram безспорно крѣпкое судно. У самаго бакборда находится огромный ледяной холмъ, и теперь какъ разъ наступило время напора. Судно склонилось на бокъ, больше чѣмъ когда либо, почти на 7°, но послѣ послѣдняго напора, выдержаннаго имъ, оно снова нѣсколько приподнялось, такъ что, по всей вѣроятности, оно уже освободилось ото льда и начало выпрямляться. Теперь, безъ сомнѣнія, всякая опасность миновала.

Воскресенье, 6-го января. Спокойный день; со вчерашняго вечера не было напора. Большинство людей хорошо выспались сегодня. Послѣ обѣда они всѣ усердно принялись освобождать Fram изъ подъ льда. Бортъ мы уже очистили, но на крышѣ находятся еще большія глыбы.

Сегодня послѣ обѣда Гансенъ опредѣлилъ высоту меридіана, оказалось 83° 24' сѣв. широты. Ура! Мы славно двигаемся къ сѣверу. 13 минутъ съ понедѣльника, и теперь мы находимся на самой сѣверной широтѣ, какая только когда либо была достигнута. Нечего и говорить, что мы отпраздновали это обстоятельство подобающимъ угощеніемъ, состоящимъ изъ пунша, фруктовъ, пирожнаго и сигаръ, принесенныхъ докторомъ.

Еще вчера вечеромъ мы бѣжали со своими мѣшками, спасая свою жизнь, а сегодня вечеромъ мы распиваемъ пуншъ и весело болтаемъ; таковы превратности судьбы! Быть можетъ громъ льда былъ только салютомъ въ честь достиженія нами такихъ высокихъ широтъ! Если такъ, то должно признать, что ледъ сдѣлаетъ все, что могъ, чтобы чествовать насъ. Ну это не бѣда; пусть трещитъ, лишь бы мы подвигались дальше къ сѣверу. Fram теперь навѣрное выдержитъ; спереди судно освободилось на 30 сантиметровъ, а сзади на 15 и немного отодвинулось назадъ. Мы не нашли въ бортахъ ни одной расшатанной подпорки, но, тѣмъ не менѣе, сегодня вечеромъ всѣ легли спать въ полномъ вооруженіи, чтобы быть готовыми тотчасъ же бѣжать на ледъ.

Понедѣльникъ, 7-го января. Днемъ временами ощущалось давленіе, но продолжалось оно не долго, затѣмъ опять все стало спокойно. Очевидно, ледъ еще не вполнѣ установился, и мы можемъ ожидать отъ нашего пріятеля у бакборда новыхъ сюрпризовъ, такъ что я охотно промѣнялъ бы его на лучшаго сосѣда.

Все имѣетъ конецъ, сказалъ одинъ мальчуганъ, когда его вы-

сѣкли розгой. Быть можетъ и напоръ теперь кончился, но быть можетъ и нѣтъ; и то и другое одинаково вѣроятно.

Сегодня работы по откалыванію Fram продолжаются; мы во всякомъ случаѣ хотимъ освободить весь бортъ отъ льда. Судно имѣетъ чрезвычайно внушительный видъ при лунномъ свѣтѣ. Какъ бы мы ни были увѣрены въ своихъ собственныхъ силахъ, всетаки мы не можемъ относиться съ презрѣніемъ къ противнику, который въ нѣсколько минутъ можетъ привести въ движеніе подобныя орудія войны. Вѣроятно, ледъ еще воздвигнетъ гдѣ нибудь таранъ для насъ. Но Fram можетъ справиться съ нимъ; никакое другое судно не въ состояніи было бы выдержать подобный натискъ, но въ какой нибудь часъ ледъ можетъ воздвигнуть возлѣ насъ и надъ нами стѣну, и чтобы высвободиться изъ нея, намъ понадобится мѣсяцъ и даже болѣе. Тутъ есть что-то исполинское; это какъ будто борьба между карликами и великаномъ, во время которой карлики должны прибѣгать къ хитрости и коварству, чтобы вывернуться изъ рукъ великана, рѣдко выпускающаго свою добычу. Fram—это судно, снаряженное карликами со всѣми уловками хитрости для борьбы съ великаномъ, и на этомъ суднѣ они трудятся, какъ муравьи, между тѣмъ, какъ великанъ только ворочаетъ своимъ огромнымъ тѣломъ. Но всякій разъ, когда онъ поворачивается, то кажется, будто орѣховая скорлупа будетъ раздавлена и погребена. Однако карлики такъ искусно выстроили свою орѣховую скорлупу, что она остается свободной и ускользаетъ изъ смертельныхъ объятій великана. Мнѣ приходятъ на память всѣ старинныя саги и миѳы о великанахъ, о борьбѣ Тора въ Іотунгеймѣ, о томъ, какъ съ громомъ рушились горы и падали скалы кругомъ, наполняя долины своими обломками. И когда я смотрю на людей, стоящихъ на ледяномъ холмѣ и старающихся отколоть отъ него куски, то мнѣ они представляются меньше карликовъ, даже меньше муравьевъ. Если муравьи и не могутъ нести заразъ больше одного зерна, то, во всякомъ случаѣ, съ теченіемъ времени они выстраиваютъ цѣлый муравейникъ, гдѣ могутъ спокойно жить, защищенные отъ бурь и зимы.

Если-бы нападеніе на Fram было придумано злобой, то и тогда оно не могло бы быть хуже. Насколько я въ состояніи былъ судить, судно не могло подвергнуться болѣе сильному давленію и неудивительно, что оно такъ стонало подъ напоромъ льда. Однако судно выдержало его, освободилось и снова поднялось. Кто же теперь будетъ утверждать, что форма судна мало имѣетъ значенія? Еслибъ судно имѣло другую форму, то, пожалуй, мы бы здѣсь не сидѣли теперь. Нигдѣ въ суднѣ мы не нашли даже ни капельки воды...

Страннымъ образомъ съ этой поры ледъ уже больше ни разу такъ насъ не тѣснилъ. Не когти ли смерти чувствовали мы въ субботу? Описать ихъ трудно, но онѣ были достаточно сильны.

Сегодня утромъ мы съ Свердрупомъ совершили прогулку по

льду, но нигдѣ не замѣтили и слѣдовъ новаго напора, ледъ былъ ровный и непрерывный какъ прежде. Сдвиганіе ограничилось маленькою полосой отъ востока къ западу, Fram какъ разъ находился на самомъ худшемъ пунктѣ.

Послѣ обѣда Гансенъ вычислилъ вчерашнія наблюденія; результатъ оказался слѣдующій: 83° 34,2′ сѣв. широты и 102° 51′ вост. долготы. Мы, такимъ образомъ, начиная съ кануна Новаго года, подвинулись на 28 километровъ къ западу и только на 25 километровъ къ сѣверу, между тѣмъ какъ вѣтеръ большую часть дулъ съ юго-запада. Льдина, повидимому, избрала наиболѣе рѣшительнымъ образомъ курсъ къ сѣверозападу и, поэтому, нечего удивляться, что происходитъ нѣкоторый напоръ, когда вѣтеръ гонитъ ледъ въ поперечномъ направленіи.

Сегодня вечеромъ появился очень удивительный свѣтъ, какъ разъ подъ луной. Онъ имѣлъ видъ громаднаго свѣтящагося стога сѣна на горизонтѣ и верхней своею частью входилъ въ кольцо, окружающее луну. На верхней сторонѣ кольца была видна, какъ обыкновенно, перевернутая свѣтящаяся дуга.

На слѣдующій день, 8-го января, мы замѣтили, что ледъ снова началъ трещать. Въ это время я и Могштадъ трудились надъ постройкою ручныхъ саней; вдругъ какъ надъ судномъ, такъ и подъ нимъ, опять раздался трескъ, возобновлявшійся нѣсколько разъ; но въ промежуткахъ ледъ былъ совсѣмъ спокоенъ.

Я нѣсколько разъ, находясь на льду, прислушивался къ тренію льда и наблюдалъ его дѣйствіе; однако все ограничивалось только трескомъ и скрипомъ подъ верхнею поверхностью льда и въ ледяномъ холмѣ возлѣ насъ. Быть можетъ это должно намъ служить предостереженіемъ, чтобы мы не были слишкомъ довѣрчивы! я вовсе не такъ уже увѣренъ въ томъ, что можно успокоиться. Въ сущности мы какъ будто живемъ на дѣйствующемъ вулканѣ. Изверженіе, которое должно будетъ рѣшить нашу участь, можетъ начаться каждую минуту. Отъ этого зависитъ успѣхъ или пораженіе Fram. Но что же будетъ ставкой? Fram вернется и тогда цѣль будетъ достигнута; или же мы потеряемъ судно и должны будемъ удовольствоваться тѣмъ, что уже достигнуто раньше, но и на обратномъ пути намъ, быть можетъ, удалось бы разслѣдовать еще часть земли Франца-Іосифа. Это все. Но во всякомъ случаѣ было бы очень тяжело потерять судно и очень грустно было бы видѣть, какъ оно исчезаетъ на нашихъ глазахъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ людей заняты, подъ предводительствомъ Свердрупа, скалываніемъ льда на холмѣ у бакборда; они уже достигли хорошихъ успѣховъ въ этомъ дѣлѣ. Могштадъ и я, мы все время прилежно занимаемся приведеніемъ саней въ порядокъ и приготовленіемъ ихъ къ путешествію, такъ какъ они все равно понадобятся мнѣ, пойдемъ ли мы на сѣверъ, или на югъ.

Лифъ сегодня минуло два года. Она уже большая дѣвочка. Я бы

желалъ знать, узнаю ли я ее; врядъ ли я найду у нея хотя бы одну знакомую черту. У насъ дома теперь большой праздникъ и ей дѣлаютъ всевозможные подарки. Вѣроятно вспомнятъ и о насъ, но никто не знаетъ, гдѣ мы теперь находимся.

Въ послѣдующіе дни ледъ оставался спокоенъ все время.

Въ ночь на 9-е января ледъ снова началъ немного трещать и гремѣть, но затѣмъ все прекратилось и 10-го января было возвѣщено: «Ледъ совершенно спокоенъ». Еслибъ ледяной холмъ не находился по прежнему у бакборда, то никому бы и въ голову не пришло, что вѣчный миръ недавно былъ нарушенъ; теперь все такъ спокойно и мирно кругомъ. Ледъ продолжаютъ скалывать, и холмъ замѣтно уменьшается.

Могштадъ, вмѣстѣ со мною, усердно работаетъ надъ санями въ трюмѣ. Между прочимъ я попробовалъ снять съ различныхъ пунктовъ фотографію Fram при лунномъ свѣтѣ. Результаты далеко превзошли мои ожиданія. Но такъ какъ верхушка холма уже сколота, то снимки не даютъ точнаго представленія о томъ, какъ этотъ пловучій ледъ низвергнулся на Fram. Затѣмъ мы привели въ порядокъ нашъ складъ на большой льдинѣ у штирборда; мы собрали всѣ наши спальные мѣшки, лапландскіе и финскіе башмаки, волчьи шубы и, завернувъ въ большой парусъ, отнесли подальше къ западу. Провіантъ былъ раздѣленъ на шесть отдѣльныхъ кучъ, а ружья и винтовки распредѣлены въ трехъ послѣднихъ кучахъ и все это прикрыто парусами съ лодки. Ящики съ инструментами Гансена и моими также прикрыты парусомъ, вмѣстѣ съ ведромъ наполненнымъ патронами. Кузница и всѣ ея принадлежности были тщательно припрятаны и наверху, на «большомъ холмѣ» сложены сани и лыжи. Каяки лежали перевернутые другъ возлѣ друга и между ними помѣщался кухонный аппаратъ и лампы. Мы распредѣлили всѣ предметы такимъ образомъ для того, чтобы наша потеря была не слишкомъ велика, въ случаѣ если толстая льдина внезапно расколется. Мы знаемъ, гдѣ что можно найти, такъ что пусть завываетъ вьюга, сколько ей угодно, мы ничего отъ этого не потеряемъ.

Вечеромъ 14-го января мы услышали два раза рѣзкій трескъ, точно пушечный выстрѣлъ, вслѣдъ за которымъ послышался такой шумъ, какъ будто что нибудь разваливалось; по всей вѣроятности, это раскололся ледъ вслѣдствіе сильнаго холода. Мнѣ показалось тогда, какъ будто судно склонилось еще больше, но, быть можетъ, это и не такъ.

Время проходило и поэтому мы снова усердно принялись за приготовленія къ санной экспедиціи.

Вторникъ, 15-го января, я написалъ въ дневникѣ: «Сегодня вечеромъ докторъ прочелъ Іогансену и мнѣ лекцію о перевязкѣ и лѣченіи сломанныхъ костей. Я лежалъ на столѣ и на меня накладывалась гипсовая повязка, между тѣмъ какъ всѣ кругомъ стояли

и смотрѣли. Но ужъ одинъ видъ такой операціи долженъ былъ навести на непріятныя мысли. Подобное несчастіе среди полярной ночи, при 40°— 50° холода, было бы менѣе всего желательно, такъ какъ, не говоря уже о томъ, что тутъ дѣло бы шло о нашей жизни, мы врядъ ли съумѣли бы какъ слѣдуетъ наложить перевязку. Однако, подобныя случайности мало вѣроятны или вѣрнѣе: не должны быть вѣроятны».

Въ январѣ мы уже могли замѣтить въ полдень слабый свѣтъ зари занимающагося дня—дня, при разсвѣтѣ котораго мы должны будемъ выступить.

18-го января я записалъ, что уже въ девять утра можно было различить первые признаки зари и въ полдень даже сдѣлалось почти совсѣмъ свѣтло. Я не думаю, чтобы въ теченіи мѣсяца стало достаточно свѣтло для путешествія, но повидимому такъ и будетъ. Во всякомъ случаѣ старые «опытные» люди считаютъ февраль слишкомъ раннимъ и слишкомъ холоднымъ мѣсяцемъ для путешествія, которое и въ мартѣ врядъ ли кто-либо рѣшится предпринять. Однако измѣнить тутъ ничего нельзя; мы не должны тратить время на разсужденія объ удобствахъ, если только хотимъ двинуться впередъ раньше лѣта, когда путешествіе станетъ невозможнымъ. Я не боюсь холода; мы можемъ защитить себя отъ него.

Между тѣмъ приготовленія наши продолжались. Я привелъ въ порядокъ свои дневники, журналы для записи наблюденій, фотографическіе снимки и т. п.; однимъ словомъ все, что мы хотѣли взять съ собой. Могштадъ занимался въ трюмѣ изготовленіемъ полозьевъ для саней, а Якобсенъ началъ собирать новыя сани. Петерсенъ приготовлялъ въ машинномъ отдѣленіи гвозди, нужные Могштаду при обивкѣ саней. Другіе же выстроили изъ ледяныхъ глыбъ и снѣга большую кузницу на льдинѣ и завтра утромъ мы съ Свердрупомъ намѣрены погрузить полозья въ смолу и стеаринъ и согнуть ихъ въ горячемъ состояніи, что можно сдѣлать только въ кузницѣ. Я надѣюсь, что намъ удастся, несмотря на 40° холода, получить достаточно высокую температуру для производства этой важной работы. Амундсенъ занятъ исправленіемъ мельницы, которая опять не въ порядкѣ, такъ какъ зубчатыя колеса поистерлись, но онъ думаетъ, что ему удастся ее совершенно поправить. Довольно-таки холодная работа—лежать при вѣтрѣ на верху на мельницѣ и при свѣтѣ фонаря сверлить твердую сталь и чугунъ при температурѣ около 40° холода. Стоя на палубѣ сегодня, я смотрѣлъ вверхъ на фонарь и слышалъ, какъ работаетъ сверло; по звуку уже можно было судить, какъ тверда сталь. Когда я потомъ услышалъ, какъ Амундсенъ хлопаетъ ладошами, то подумалъ: «Да, похлопывай, похлопывай, дружокъ! не очень то тепло лежать тамъ наверху!» Самое худшее, что при такой работѣ нельзя надѣвать рукавицъ и надо дѣйствовать голыми руками, чтобы добиться чего нибудь. «Долго работать нельзя, руки замерзаютъ, но дѣло, вѣдь,

должно быть сдѣлано»—сказалъ Амундсенъ, принимаясь опять работать. Это такой молодецъ во всемъ, за что бы онъ ни брался; я утѣшаю его тѣмъ, что врядъ ли нашлось бы много людей, которые были бы въ состояніи, при такомъ морозѣ и къ сѣверу отъ 83°, работать на мельницѣ. «Въ другихъ экспедиціяхъ,—сказалъ я ему,—избѣгали всякой работы на открытомъ воздухѣ при такой низкой температурѣ».—«Въ самомъ дѣлѣ?—удивленно спросилъ онъ.—А я думалъ, что прежнія экспедиціи опередили насъ въ этомъ отношеніи; я хочу сказать, что мы слишкомъ много сидимъ тамъ внизу». Я нисколько не поколебался разувѣрить его въ этомъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ всегда все, что можетъ.

Я переживаю странное время; мнѣ кажется, какъ будто я приготовляюсь къ лѣтнему путешествію, какъ будто весна уже наступила, между тѣмъ какъ мы находимся еше только среди зимы, а относительно способа этого лѣтняго путешествія еще существуютъ сомнѣнія. Ледъ остается спокойнымъ; трескъ, который слышится по временамъ въ льдинахъ и въ Fram, есть лишь результатъ холода. Послѣднее время я снова перечитывалъ разсказъ Пайера о его санной экспедиціи на сѣверъ, черезъ зундъ «Austria»; нельзя сказать, чтобы этотъ разсказъ дѣйствовалъ очень воодушевляющимъ образомъ. Мы какъ разъ основываемъ свое спасеніе на той странѣ, которую онъ изображаетъ царствомъ смерти и въ которой онъ со своими спутниками неизбѣжно долженъ былъ бы погибнуть, еслибъ они не встрѣтили своего судна; мы же именно разсчитываемъ достигнуть этой страны, когда нашъ провіантъ придетъ къ концу. Пожалуй это можетъ показаться легкомысліемъ, но я всетаки не думаю и не могу себѣ представить, чтобы страна, въ которой даже въ апрѣлѣ изобилуютъ медвѣди, тупики и копры, и гдѣ тюлени грѣются на солнцѣ, лежа на льду, не была бы «обѣтованной землей» съ «медовыми и молочными рѣками», для двухъ мужчинъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи хорошія ружья. Навѣрное тамъ можно не только удовлетворить свои немедленныя потребности, но еще сдѣлать запасъ для дальнѣйшаго путешествія на Шпицбергенъ. Между тѣмъ невольно приходитъ на мысль, что порою именно тогда бываетъ трудно достать жизненные припасы, когда въ нихъ больше всего нуждаешься. Но такія мысли быстро проходятъ. Мы всетаки готовимся къ выступленію, срокъ котораго быстро приближается. Четыре недѣли или около этого пройдутъ скоро, и тогда: прощай уютное гнѣздышко, которое замѣняло намъ родину въ теченіи полутора года. Мы уходимъ туда, въ мракъ и холодъ; туда, гдѣ царитъ полная неизвѣстность.

23-го января. Заря настолько усилилась, что ея сіяніе уже виднѣется на льду. Въ первый разъ въ этомъ году я увидѣлъ красный отблескъ солнца глубоко внизу на горизонтѣ, освѣщенномъ зарей. Мы сдѣлали промѣръ еще до нашего отъѣзда и нашли 3850 метровъ. Затѣмъ я приготовилъ лыжи и такъ какъ особенно важно,

чтобы они были гладки, упруги и легки, и хорошо скользили, то я ихъ хорошенько пропиталъ дегтемъ, стеариномъ и саломъ и теперь оставалось только позаботиться, чтобы ноги хорошо дѣйствовали, но я не сомнѣвался, что такъ и будетъ.

Вторникъ 29-го января. Вѣроятная широта 83°,30' (за нѣсколько дней передъ этимъ мы находились сѣвернѣе 83°,40', но теперь насъ опять отнесло къ югу). Становится все свѣтлѣе и въ полдень почти уже свѣтло какъ днемъ. Мнѣ кажется даже, что я могъ бы прочесть подъ открытымъ небомъ названіе книги, если только это названіе напечатано крупнымъ и отчетливымъ шрифтомъ. Каждый день я выхожу на прогулку, чтобы привѣтствовать зарю наступающаго дня, и затѣмъ принимаюсь за работу по снаряженію экспедиціи. Я испытываю странное чувство. Конечно тамъ, въ глубинѣ душѣ, я ощущаю нѣчто вродѣ ликованія при мысли, что всѣ мечты мои близятся къ своему осуществленію по мѣрѣ того какъ солнце поднимается все выше и выше, но въ то же время иногда меня охватываетъ глубокая грусть, когда я работаю среди своей привычной обстановки. Это такое чувство, какое всегда испытывается при прощаніи съ друзьями и домомъ, подъ крышей котораго долго находилъ убѣжище. Мы сразу покидаемъ и этотъ домъ и своихъ милыхъ сотоварищей навсегда, и мнѣ уже больше никогда не придется разгуливать по палубѣ, покрытой снѣгомъ, залѣзать подъ парусинную крышу, слышать смѣхъ въ уютномъ салонѣ и сидѣть въ кругу друзей. И потомъ мнѣ приходитъ въ голову, что когда Fram разорветъ наконецъ свои ледяныя оковы и повернетъ назадъ въ Норвегію, то я уже не буду здѣсь. Прощаніе придаетъ всѣмъ предметамъ какой-то особенный грустный отпечатокъ, точно вечерняя заря при закатѣ дня.

Сто разъ на день я обращаю свои взоры на карту, висящую на стѣнѣ, и каждый разъ меня охватываетъ холодная дрожь. Путь, лежащій передъ нами, представляется мнѣ такимъ далекимъ и препятствій на нашемъ пути быть можетъ будетъ очень много. Но затѣмъ меня снова охватываетъ сознаніе неизбѣжности; такъ должно быть и иначе быть не можетъ, все подготовлено слишкомъ тщательно и отступать уже нельзя. Между тѣмъ южный вѣтеръ свиститъ надъ нашими головами, и мы все двигаемся къ сѣверу, навстрѣчу нашей цѣли. Когда я выхожу на палубу и ночью смотрю на сверкающій звѣздный сводъ и пламенѣющее сѣверное сіяніе, то всѣ такія мысли отступаютъ, и мнѣ кажется, что я могу отдохнуть въ этомъ святилищѣ, въ этой темной, глубокой, безмолвной пустынѣ, въ этомъ безпредѣльномъ храмѣ природы, гдѣ душа стремится къ своему первоисточнику. Прилежный муравей, что изъ того, достигнешь ты со своимъ зерномъ цѣли или нѣтъ? Все исчезаетъ въ морѣ вѣчности, въ великой Нирванѣ. Наши имена съ годами будутъ забыты, нашихъ дѣяній никто не вспомнитъ, наша жизнь пролетитъ, какъ облако, и исчезнетъ, какъ туманъ, разгоняемый лучами солнца и уничтожаемый ихъ теплотой. Наша жизнь—это

тѣнь, промелькнувшая мимо, и не можетъ вернуться назадъ; конца никто не можетъ избѣжать и никто не возвращается!

Двое изъ насъ скоро уйдутъ еще дальше въ этой громадной пустынѣ и будутъ странствовать среди еще большаго уединенія и тишины.

Среда, 30-го января. Сегодня произошло великое событіе: вѣтряная мельница послѣ долгаго отдыха снова начала работать. Несмотря на холодъ и темноту, Амундсенъ исправилъ зубчатыя колеса и теперь мельница движется ровно и гладко, точно по резинѣ.

Все время дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, и мы снова двигаемся на сѣверъ.

Около 8-го февраля у насъ были готовы сани съ деревянными полозьями, и мы могли ихъ испробовать; мы нашли при этомъ, что ихъ гораздо легче тащить, чѣмъ положенныя на полозья, обитыя накладнымъ серебромъ, хотя грузъ былъ одинаковъ на обоихъ саняхъ. Разница была такъ велика, что сани съ обитыми полозьями намъ показались вдвое тяжелѣе.

Наши новыя сани изъ ясеневаго дерева также были почти кончены и безъ полозьевъ вѣсили 15 килограммъ. Всѣ люди усердно работаютъ. Свердрупъ шьетъ для саней маленькіе мѣшки или подушки, которые должны будутъ служить подстилкою для каяковъ, положенныхъ на сани. Іогансенъ съ другими наполняютъ эти мѣшки пеммиканомъ, который для этой цѣли долженъ быть хорошо истолченъ, чтобы составить хорошую подстилку для нашей драгоцѣнной лодки. Наполненные такимъ образомъ четырехъугольные гладкіе мѣшки на холодѣ замерзаютъ, какъ камень, и сохраняютъ свою форму. Блессингъ сидитъ въ рабочей комнатѣ и снимаетъ копіи съ фотографій, между тѣмъ какъ Гансенъ дѣлаетъ набросокъ карты нашего пути, записываетъ для насъ свои наблюденія и т. п. Короче говоря, врядъ-ли найдется хотя бы одинъ человѣкъ на суднѣ, который бы не чувствовалъ, что моментъ отъѣзда приближается; развѣ только въ кухнѣ все идетъ по прежнему.

Вчера мы были на 83° 32,1′ сѣв. широты и 102° 28′ восточной долготы, такъ что мы, значитъ, снова направились къ югу. Впрочемъ это не бѣда, что значитъ одной или двумя морскими милями больше или меньше?

Воскресенье, 19-го февраля. Сегодня было такъ свѣтло, что около часа дня я могъ довольно легко читать «Verdens Gang», только нужно было держать газету противъ свѣта зари; если же я повертывалъ ее противъ луны, стоящей глубоко на сѣверѣ, то читать было невозможно.

Передъ обѣдомъ я предпринялъ коротенькую поѣздку съ двумя молодыми собаками, «Гуленомъ» и «Сузиной», а также «Кайфасомъ». Гуленъ еще ни разу не ходилъ въ упряжи, но всетаки пошелъ хорошо; хотя онъ и выказалъ нѣкоторое упрямство сначала,

но это вскорѣ прошло, такъ что, я думаю, онъ будетъ хорошею собакой, когда научится. «Сузина», уже возившая сани прошлою осенью, вела себя, какъ опытная собака. Дорога твердая и для собакъ не представляется трудной; почва не очень неровна, но и не слишкомъ гладка. Ледъ ровный и удобенъ для бѣга, такъ что я надѣюсь, что въ день мы будемъ проходить хорошія разстоянія и будемъ двигаться впередъ скорѣе, чѣмъ я думалъ. Я не могу отрицать, что это далекій путь. Никто еще такъ рѣшительно не сжигалъ своихъ кораблей. Снова найти судно будетъ невозможно и передъ нами лежитъ великое неизвѣстное. Тамъ есть только одна дорога; она ведетъ прямо, все прямо, будь то черезъ сушу или воду, черезъ гладкое или неровное пространство, но только черезъ ледъ или черезъ ледъ и воду, и я твердо убѣжденъ, что мы проберемся, даже если должны будемъ наткнуться на самое худшее,—на землю и пловучій ледъ.

Среда, 13-го февраля. Подушка изъ пеммикана и сушеный паштетъ изъ печенки уже готовы. Каяки будутъ лежать на прекрасной подстилкѣ и я осмѣливаюсь утверждать, что такія мясныя подушки абсолютная новинка. Подъ каждымъ каякомъ находятся три такихъ подушки, точно пригнанныя къ санямъ и имѣющія форму дна каяка. Они вѣсятъ 50—60 килограммъ. Мясо (пеммиканъ и сушеная печенка), наполняющее всѣ три подушки, вѣситъ приблизительно 160 килограммъ. Каждый изъ насъ имѣетъ легкій спальный мѣшокъ изъ оленьяго мѣха, въ которомъ мы съ Іогансеномъ попробовали проспать прошлую ночь на открытомъ воздухѣ. Однако, мы оба нашли, что это довольно прохладно, хотя всего только было 37°. Быть можетъ мы слишкомъ легко одѣлись подъ волчьей шубой и поэтому сегодня ночью попробуемъ сдѣлать второй опытъ, только одѣнемся потеплѣе.

Суббота, 16-го февраля. Наше снаряженіе дѣлаетъ большіе успѣхи, хотя еще надо позаботиться о разныхъ мелочахъ, что возьметъ время, такъ что я не знаю, будемъ ли мы готовы къ выступленію въ среду, 20-го февраля, какъ я думалъ раньше. Днемъ теперь такъ свѣтло, что еслибъ за этимъ было дѣло, то мы могли бы выступить тотчасъ же; однако, быть можетъ, лучше будетъ подождать день или два. Три санныхъ паруса уже готовы. Они сдѣланы изъ легкой бумажной матеріи и имѣютъ въ ширину 2,20 метровъ при высотѣ въ 1,30 метр. Паруса такъ устроены, что ихъ можно соединить вмѣстѣ и употребить, какъ одинъ парусъ на двойныхъ саняхъ. Я думаю, что они намъ окажутъ хорошія услуги, они вѣсятъ около 600 граммъ. Кромѣ того, мы уже приготовили большую часть провіанта для нагрузки въ мѣшки.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Обзоръ нашей современной поэзіи.

IV.

Гг. Минскій, Мережковскій, Фофановъ.

Говоря о современной русской поэзіи, никто не вздумаетъ, разумѣется, говорить о г. Полонскомъ, «семъ остальномъ изъ стаи славной» нашихъ орловъ «чистаго» искусства,—Фета, Майкова, Ал. Толстого и пр. Его пѣсня уже давно пропѣта, и лучшій расцвѣтъ ея, какъ это ни странно съ перваго взгляда, относился къ 60-мъ годамъ, къ тѣмъ самымъ годамъ, которые жрецы чистаго искусства такъ любятъ теперь разносить и поносить (поэзія г. Полонскаго была раньше всего и лучше всего оцѣнена Добролюбовымъ). Не менѣе страннымъ было бы поставить за счетъ современной поэзіи и духовнаго антипода г. Полонскаго — дидактическую, гражданскую музу г. Жемчужникова: она также представляетъ собою живой памятникъ давно минувшихъ временъ. Несравненно ближе къ современности графъ Голенищевъ-Кутузовъ, и тѣмъ не менѣе ни возрастъ этого поэта, ни время, когда стихи его вызывали въ обществѣ нѣкоторый интересъ, не позволяютъ намъ отнести и его къ представителямъ молодой поэзіи. Правда, извѣстный философъ Влад. Соловьевъ объявилъ не такъ давно, что графъ Кутузовъ является въ позднѣйшемъ фазисѣ своей поэтической дѣятельности выразителемъ у насъ идей буддизма: открытіе это было смѣло, какъ по своей неожиданности, такъ и малой обоснованности... Въ простотѣ душевной мы полагаемъ, что въ позднѣйшемъ періодѣ своего развитія поэзія графа ровно ничего собою не изображаетъ, кромѣ упадка тѣхъ чисто-поэтическихъ элементовъ, какіе, несомнѣнно, были въ ней первоначально. Тогда, въ концѣ 70-хъ годовъ, въ стихотвореніяхъ, составившихъ первый сборникъ графа Голенищева-Кутузова, онъ дѣйствительно обнаружилъ и свѣжее молодое чувство, и искреннюю любовь къ жизни природы, хотя ни то, ни другое не шло, разумѣется, дальше красивыхъ перепѣвовъ уже давно извѣстныхъ образцовъ, Фета, Тютчева, Ал. Толстого и пр. Въ позднѣйшіе годы,—съ уходомъ молодости и удаленіемъ въ реакціонныя изданія,—графъ Кутузовъ ничего уже не далъ, кромѣ нѣ-

скольких скучных поэм, представлявших самыя обыкновенныя, безсильныя потуги философскаго пессимизма, которыя нашим увлекающимся философом-критиком приняты были за оригинальное проявленіе на русской почвѣ идей буддизма...

За то ни один обзор молодой нашей поэзіи не может обойтись без того, чтобы не были упомянуты или даже поставлены во главу угла имена троих поэтов, тоже не отличающихся уже особенной молодостью: мы имѣем в виду гг. Минскаго, Мережковскаго и Фофанова, самому младшему из которых, навѣрное, есть уже за тридцать лѣт...

Но вопрос о лѣтах—вопрос, конечно, второстепенный. Мы ограничимся общим, бѣглым очерком поэтических физіономій названных писателей, главным образом, в виду их общеизвѣстности (не далѣе, впрочем, как в прошлом году, мы говорили о г. Минском довольно подробно, по поводу 3-го изданія его стихотвореній: см. «Р. Б.», іюнь).

Расцвѣт поэтическаго таланта Минскаго относится также к давно минувшим временам. Правда, в серединѣ 80-х годов, когда поэт играл уже видную роль в положеніи основ для нынѣшней школы эстетов-символистов (а главною из этих основ является общественный индиферентизм «школы»), талант его сохранял еще полную силу и создавал временами истинно поэтическія вещи. Но в 90-е годы он пришел в явное захирѣніе, и в настоящее время угощает читателей «Сѣв. Вѣстн.», а иногда и «Вѣстника Европы» такими дѣланными, холодно-вычурными виршами, якобы философскаго содержанія, что трудно бывает добраться до их смысла. Куда дѣвался и сжатый, красивый нѣкогда стих г. Минскаго: склонный и прежде к излишней витіеватости, он превратился теперь в голую риторическую фразу... Немудрено понять, в сущности, и причину такого печальнаго превращенія. Дав лозунг новому «теченію» русской поэзіи, сам г. Минскій обладал достаточным умом и художественным чутьем, чтобы не видѣть всѣх тѣх нелѣпостей и безтактностей, к каким пришла «школа», состоявшая из учеников вродѣ гг. Льдова, Сологуба, Бальмонта, г-жи Гиппіус и пр., и пр. Примкнуть к этой школѣ всецѣло (а примкнув к ней, г. Минскій, в силу своего таланта, стал бы, конечно, во главѣ ея) он не мог; вернуться назад, на тот путь либеральнаго поэта, по которому он шел до половины 80-х годов, запѣть снова о любви к родинѣ — для него еще невозможнѣе: всѣ корабли давно сожжены, возврата к юности нѣт... И вот стоит г. Минскій словно на каком-то перепутьи, терзаясь тоской и раздумьем, выдумывая своих «мэонов», в которых сам, полагаем, не вѣрит, ведя «товарищескія» бесѣды с г. Волынским и... про себя, быть может, посмѣиваясь над его юношеским легковѣріем!

Въ другомъ нѣсколько положеніи находится г. Мережковскій. Другъ пѣвца «гражданской скорби», покойнаго Надсона (послѣдній даже посвятилъ ему стихотвореніе «Муза»), ученикъ гуманнаго Плещеева, г. Мережковскій, естественно, началъ свою литературную дѣятельность тоже съ проповѣди идей человѣчныхъ и свободолюбивыхъ. Однако, и въ то время уже явственно ощущался внутренній холодъ въ изящно приглаженныхъ, всегда звучныхъ и красивыхъ стихахъ г. Мережковскаго; да онъ и не скрывалъ никогда этого холода, потому что отличался всегда похвальной откровенностью. Уже въ первомъ сборникѣ стихотвореній, еще насквозь проникнутомъ гуманистическимъ духомъ, онъ открыто признавался, что прежде всего и больше всего на свѣтѣ хочетъ счастья, цвѣтовъ, улыбокъ, пиршествъ, розъ и пр. и пр. благъ земныхъ. Хотя, къ сожалѣнію, мы не знаемъ наизусть этого характернаго стихотворенія, а сборника не имѣемъ подъ руками, но отлично помнимъ, что духовныя радости, которыхъ г. Мережковскій также просилъ у судьбы, явно отступали тамъ на задній планъ передъ розами и улыбками, и что, во всякомъ случаѣ, жизнерадостный поэтъ не выражалъ готовности, въ случаѣ нужды, пожертвовать этими послѣдними во имя какихъ-либо высшихъ требованій. Характерно было въ томъ же сборникѣ и другое стихотвореніе, гдѣ поэтъ скорбѣлъ о томъ, что онъ сильнѣе, чѣмъ людей, любитъ холодныя волны и не менѣе холодныя звѣзды, и въ заключеніе говорилъ:

Дай мнѣ силы, Господь, моихъ братьевъ любить!

И невольно думалось тогда: это ужъ послѣднее дѣло, если любить людей-братьевъ приходится, насилуя свои природныя чувства, моля Бога о томъ, чтобы онъ сдѣлалъ ихъ менѣе эгоистичными...

Съ той поры много времени прошло, много воды утекло. Умеръ Надсонъ, умеръ Плещеевъ; явились новые друзья и учителя, и, вотъ, не успѣли мы оглянуться, какъ г. Мережковскій выступилъ самъ въ роли учителя, въ стихахъ и въ прозѣ начавъ проповѣдовать общественный индиферентизмъ и въ качествѣ главной, единственной задачи искусства поставивъ холодную, безсердечную, самодовлѣющую красоту. Трудно было произнести первое слово, но затѣмъ эволюція г. Мережковскаго пошла уже быстрыми шагами. За извѣстными критическими статьями о теченіяхъ нашей современной литературы появился романъ «Отверженный», этотъ смѣлый дифирамбъ древне эллинскому, жизнерадостно-эгоистическому міросозерцанію, и, наконецъ, «Новыя стихотворенія» съ ихъ откровеннымъ прославленіемъ зла, себялюбія, смѣха, вакханалій красоты, словомъ, всего, что идетъ въ разрѣзъ съ демократическими вѣяніями новохристіанской эпохи. Идеи Ницше, очевидно, всецѣло владѣютъ теперь нашимъ поэтомъ...

Однако эта быстро совершившаяся (менѣе, чѣмъ въ десять лѣтъ) умственная и моральная эволюція, повторяемъ, не была въ

г. Мережковскомъ какимъ либо рѣзкимъ скачкомъ отъ одного міровоззрѣнія къ противуположному, какъ это было, напр., съ г. Минскимъ. Задатки ея, несомнѣнно, лежали въ самой натурѣ поэта, отличающейся быстро воспламеняемымъ воображеніемъ, холоднымъ сердцемъ и чисто-аристократическими вкусами и наклонностями.

Третій, извѣстнѣйшій изъ современныхъ поэтовъ, г. Фофановъ—фигура крайне своеобразная. Никогда не происходило съ нимъ никакихъ «эволюцій», никогда не держалъ онъ въ рукахъ никакого знамени, за которое бы сражался или которому бы измѣнилъ. Какимъ выступилъ онъ передъ публикой въ 82 году на страницахъ иллюстрированнаго журнала «Живоп. Обозрѣніе», такимъ же остался и до настоящаго дня т. е. грубымъ талантомъ-самородкомъ (талантомъ очень скромныхъ, правда, размѣровъ), лишеннымъ, очевидно, всякаго знакомства не только съ иностранными литературами, но, даже, и съ отечественными литературными направленіями и теченіями. Въ своемъ простодушіи г. Фофановъ никогда и не подозрѣвалъ, вѣроятно, о существованіи гдѣ либо на свѣтѣ символизма, декадентства и другихъ мудреныхъ «нѣмецкихъ» выдумокъ, и если его провозгласили потомъ основателемъ и главою россійской символической школы, то, право же, произошло это помимо его воли и желанія. Въ лицѣ г. Фофанова лишній разъ подтвердилось то положеніе, что только при широкомъ умственномъ кругозорѣ, который дается образованіемъ, можетъ спастись отъ крушенія талантъ среднихъ размѣровъ. Кольцовъ, правда, началъ писать хуже, вычурнѣе, когда понабрался мудростей европейской философіи, но это произошло, вѣроятно, оттого, что значеніе и сила Кольцова, какъ поэта чисто народнаго, и заключались, именно, въ его крестьянской непосредственности. Что касается г. Фофанова, онъ—не дитя народа и не пѣвецъ его жизни. Уроженецъ и постоянный житель Петербурга, онъ проникнутъ интересами, привычками и идеями того средняго слоя общества, который считается интеллигентнымъ. Мысли и вопросы, затрогиваемые въ его безъидейной въ общемъ поэзіи, — это все тѣ же вопросы и идеи, что занимаютъ и волнуютъ всѣхъ образованныхъ людей, и потому съ нашей стороны естественно требовать, чтобы такой поэтъ мыслилъ, чувствовалъ и пѣлъ въ унисонъ съ лучшей частью своего общества, вмѣстѣ съ нимъ страдая и стремясь къ одной цѣли. Г. Фофановъ не удовлетворяетъ этихъ справедливыхъ требованій, и за отсутствіемъ крупнаго таланта онъ спасся отъ забвенія, лишь благодаря одной оригинальной чертѣ своей музы — ея безумно-вдохновенному виду, всегда восторженному тону ея приподнятой, хотя и мало вразумительной рѣчи. То, что у поэта обыкновеннаго, такъ сказать — нормальнаго, безъ всякихъ обиняковъ было бы названо чушью или преднамѣренной декаденщиной (какъ у какого нибудь Валерія Брюсова), г. Фофанову прощалось, или даже ставилось въ заслугу, какъ поэту-самородку, поэту-бе-

зумцу по призванію, едва-едва не пророку... А между тѣмъ, невѣрность эпитетовъ, аляповатость красокъ, вычурность мысли, наконецъ простая безграмотность, все это въ стихотвореніяхъ г. Фофанова было поразительно съ самаго начала. Вспомните, напр., читатель, одну изъ «знаменитыхъ» и, дѣйствительно, лучшихъ его пьесокъ:

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Нашептали цвѣтамъ сказки чудныя:
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листки изумрудные.
И цвѣты, опьяненные росами,
Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя,
И распѣли ихъ вѣтры мятежные
Надъ землей, надъ волной, надъ утесами.
И земля подъ весенними ласками,
Наряжаяся тканью зеленою,
Переполнила звѣздными сказками
Мою душу, безумно влюбленную...
И теперь, въ эти дни многотрудные,
Въ эти темныя ночи ненастныя
Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво-чудныя!

Музыка превосходная; свѣжая струйка неподдѣльной поэзіи такъ и бьетъ изъ каждаго стиха, подкупаетъ и захватываетъ самаго завзятаго скептика-читателя... Но отнесемся, однако, безпристрастно къ идеѣ и формѣ этого стихотворенія. Какая, прежде всего, вычурность содержанія! Звѣзды, черезъ посредство цвѣтовъ, вѣтра и проч., нашептываютъ свои сказки безумно-влюбленному (въ кого? во что?) поэту, а поэтъ «отдаетъ» эти сказки опять тѣмъ же звѣздамъ (хотя бы людямъ)! А какъ вамъ нравится опредѣленіе сказокъ—«задумчиво-чудныя»? Не все ли это равно, что, напр., сказать: «твердо-грустныя» или «желто-прелестныя»?

Разбираемое нами стихотвореніе является однимъ изъ безукоризненнѣйшихъ по формѣ у г. Фофанова (да и, вообще, равныхъ ему по поэтичности наберется у него не больше двухъ-трехъ другихъ пьесокъ—маловато, пожалуй, для претензій на громкую славу!). Вся остальная поэзія г. Фофанова представляетъ собою сплошной мусоръ, въ которомъ нужно разбираться, чтобы отыскать цѣнный жемчугъ. Два-три безупречно красивыхъ, поэтическихъ стиха—и вдругъ выглянетъ какое нибудь чудище вродѣ:

Кажетъ луна окровавленный *кончикъ*,

и такого «кончика» вполнѣ бываетъ достаточно, чтобы погубить очарованіе цѣлаго прекраснаго стихотворенія: читатель со смѣхомъ закрываетъ книгу!..

Страстно влюбленный въ природу и только въ пѣсняхъ о природѣ отыскивающій на своей лирѣ дѣйствительно-поэтическія струны, г. Фофановъ, къ несчастію своему, совершенно не знаетъ настоящаго сельскаго ландшафта и до зрѣлаго возраста, повидимому, не

видалъ иной природы, кромѣ чухонскихъ предмѣстій Петербурга съ ихъ тусклымъ, чахлымъ солнцемъ, свѣтящимъ сквозь дымъ и копоть фабричныхъ трубъ, и съ ихъ не менѣе чахлой сѣверной растительностью. Конечно, поэтъ съ демократическимъ міросозерцаніемъ, поэтъ съ широкоразвитымъ умомъ найдетъ много своеобразной поэзіи и въ этой тусклой природѣ, и въ этой скудной жизни. Но бѣда г. Фофанова въ томъ, что у него нѣтъ, въ сущности, никакого міросозерцанія; онъ не прочь, правда, о чемъ угодно пофилософствовать при случаѣ—о жизни, о смерти, о вѣчности, точь въ точь какъ г. Аполлонъ Коринескій; но ничто не проносится надъ его челомъ «грозой», и въ «покорные звуки» онъ выливаетъ только чисто внѣшнія черты и краски окружающей его обстановки.

Но, какъ это ни странно было бы для человѣка, незнакомаго съ условіями русской общественной жизни за послѣднія пятнадцать лѣтъ, именно въ отсутствіи-то какой либо идейности, глубины и заключалась причина эфемернаго успѣха и «славы» г. Фофанова. Открылъ этого поэта въ 82 или 83 году г. Буренинъ, открылъ въ пику тогдашнимъ поэтамъ либеральнаго направленія, Надсону, г. Минскому (бывшему тогда еще либераломъ) и др.: «смотрите, молъ, вотъ истинная поэзія, чуждая всякой тенденціи!» Дѣлая это, г. Буренинъ какъ бы прозиралъ въ далекое будущее. Пронеслась послѣ этого волна почти поголовнаго увлеченія поэзіей Надсона, этой поэзіей «труда, свободы и скорбей», и лишь спустя нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти начались громкіе, неумѣренные восторги г. Фофановымъ, отчасти искренніе, отчасти поддѣльные восторги всѣхъ безпринципныхъ флюгеровъ нашей литературы и публики. И это очень характерный фактъ, что не г. Минскаго, не г. Мережковскаго (поэтовъ, во всякомъ случаѣ, болѣе талантливыхъ) стали называть главою молодой русской поэзіи... Г. Аполлонъ Коринфскій, приготовляющій книгу о современной поэзіи, въ анонсѣ объ этомъ сочиненіи такъ и озаглавливаетъ именемъ *Фофанова* отдѣлъ молодыхъ нашихъ поэтовъ, включая туда же и г. Минскаго съ г. Мережковскимъ (какой ударъ для самолюбивыхъ поэтовъ!). Со стороны г. Коринфскаго, очевидно, это лишь отголосокъ того, что давно уже говорится на заднемъ дворѣ нашей литературы. Искренно ли говорится? Мы думаемъ, что вполнѣ искренно, такъ какъ никто изъ нашихъ сколько нибудь даровитыхъ поэтовъ, кромѣ г. Фофанова, не можетъ быть названъ съ такимъ правомъ и спокойствіемъ за будущее—поэтомъ абсолютно-безпринципнымъ, знаменоносцемъ полной безцвѣтности и безличія въ нашей литературѣ... По Сенькѣ и шапка!

Врядъ ли кто, думаемъ мы, искренно восхищается и стихотвореніями г. Фофанова, написанными имъ въ позднѣйшее, а тѣмъ болѣе въ самое послѣднее время. Кругъ поэзіи его былъ страшно ограниченъ съ самаго начала: первый сборникъ пѣлъ, напр., исключительно о веснѣ, и изъ 200 входившихъ въ этотъ сборникъ пьесъ не отыщется и двадцати, гдѣ не было бы хоть упоминанія объ этомъ

прекрасномъ времени года... Однако, нельзя же втеченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ (да еще послѣ Фета!) восторгаться, и восторгаться, имѣя безумно-вдохновенный видъ, все лишь по поводу скромныхъ придорожныхъ фіалокъ, «усиковъ» пыли, плавающихъ въ солнечномъ лучѣ, подобно рою усталыхъ танцовщицъ, серебристаго рога «колдующей» луны и т. п., и т. п. Между тѣмъ, г. Фофановъ,—необыкновенно плодовитый и раньше,—ставъ знаменитымъ поэтомъ, сдѣлался чуть ли не еще плодовитѣе, и положительно трудно сыскать номеръ иллюстрированнаго изданія, гдѣ не было бы какого либо его стихотворенія; а онъ печатается еще и въ «Сѣв. Вѣст.», и въ «Наблюдателѣ» и въ книжкахъ «Недѣли»!

И необыкновенно жалкое впечатлѣніе производятъ эти не прекращающіяся ни на минуту потуги не молодой уже музы г. Фофанова, силящейся сохранить все тотъ же безумно-вдохновенный, юношески-восторженный тонъ! Молодой наивности уже нѣтъ и слѣда; искренній паѳосъ былыхъ лѣтъ замѣняется нерѣдко разсчитанной вычурностью самаго шаблоннаго декадентства; и даже стихъ г. Фофанова, этотъ красивый, оригинальный стихъ его юношеской поры, сталъ теперь неуклюжимъ, холоднымъ и прозаичнымъ!

V.

Г. Льдовъ, какъ представитель символической школы.

Мы съ намѣреніемъ откладывали такъ долго разсмотрѣніе одной изъ обширнѣйшихъ и крикливѣйшихъ группъ нашихъ поэтовъ—символической школы, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Мы все, словно, надѣялись, что какое нибудь непредвидѣнное обстоятельство избавитъ насъ отъ этой непріятной обязанности, что въ газетахъ появится, напр., за подписью всѣхъ сотрудниковъ «Сѣв. Вѣст.», объявленіе: «съ уничтоженіемъ въ нашемъ журналѣ предварительной цензуры, мы громогласно признаемся—мы шутили!.. Ни въ какой символизмъ мы не вѣримъ, ни къ какой новой красотѣ не стремимся, а просто, за неимѣніемъ другихъ темъ для собесѣдованія, хотѣли испытать долготерпѣніе и легковѣріе почтеннѣйшей публики».

Такого объявленія мы, конечно, въ газетахъ не увидали, хотя о снятіи предварительной цензуры «Сѣв. Вѣстникъ» и довелъ до всеобщаго свѣдѣнія; русскіе символисты остались при своемъ прежнемъ *credo* и осенью откроютъ, вѣроятно, новый походъ на землю русскую. Нѣкотораго облегченія своей задачи мы, впрочемъ, дождались: въ іюньской книжкѣ «Русск. Бог.» появилась статья другого автора о г. Бальмонтѣ, дающая намъ полное право умолчать объ одномъ изъ виднѣйшихъ адептовъ школы. Со взглядами автора статьи, г. Коробки, мы вполнѣ согласны, за очень развѣ незначительными исключеніями: такъ, по нашему мнѣнію, онъ нѣсколько преувеличиваетъ степень таланта, необходимаго для раболѣпныхъ подражаній

чужестраннымъ образцамъ, но это—не важно. Пускай г. Бальмонтъ будетъ крупнымъ талантомъ, играя свою роль маленькаго русскаго Шелли; пускай гг. Сологубъ и Валерій Брюсовъ будутъ прямо геніальны, изображая своими особами нашихъ доморощенныхъ Метерлинковъ или Верлэновъ, что ли: это не помѣшаетъ намъ, не потерявшимъ еще живой души людямъ, со смѣхомъ или равнодушнымъ пренебреженіемъ встрѣчать ихъ шутовскія въ своей серьезности и нелѣпыя въ красивой звучности пѣснопѣнія. Кто, въ самомъ дѣлѣ, повѣритъ г. Бальмонту, что въ 1896 году онъ, точно воскресшій представитель сантиментальнаго направленія, гуляя по лѣсу, «поцѣлуемъ тревожитъ листву»? Или г. Брюсову, что онъ «лежитъ въ ароматѣ (?) азалій и дремлетъ въ музыкальной тиши»? Ужъ скорѣе же мы готовы повѣрить ихъ младшему товарищу по школѣ, г. Ѳ. Сологубу, который пѣлъ недавно на страницахъ «Сѣв. В.»:

Улыбаюсь, забавляюсь,
Самъ собою вдохновляюсь...

Вотъ подходящій эпиграфъ ко всей нашей такъ называемой символической поэзіи! Отъ разжиженія мозга или отъ другихъ причинъ возвращаясь въ младенческое состояніе, они, дѣйствительно, улыбаются, забавляются, сами собою вдохновляются...

Чаще всего, конечно, смѣшитъ, но можетъ иногда приводить и въ искреннее негодованіе та манія величія, до которой доходятъ младенчествующіе стихоплеты этой «школы», то развязное и порой прямо безстыдное отношеніе къ славнымъ завѣтамъ прошлаго нашей литературы, которое они себѣ позволяютъ. Конечно, такому, напр., съ позволенія сказать, писателю, какъ г. Брюсовъ, можно все простить,—и то, что онъ «завѣщаетъ свою книгу вѣчности и искусству», и то, что «изъ-за второстепенныхъ недостатковъ нѣкоторыхъ своихъ произведеній онъ не хочетъ скрывать ихъ въ виду присутствія въ нихъ замѣчательныхъ частностей»: здѣсь мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ шутникомъ-школьникомъ, задавшимся цѣлью высмѣять нашихъ символистовъ и сдѣлавшимъ это, надо сказать правду, не безъ таланта. Если эта догадка невѣрна, то авторъ книги «Chefs d'oeuvre», безъ всякаго сомнѣнія, настоящій душевно-больной человѣкъ. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ заслуживаетъ снисхожденія, и одинъ стихъ его (одна строка!): «О, закрой свои блѣдныя ноги!» гораздо больше повредилъ нашимъ доморощеннымъ декадентамъ, нежели всѣ посвященныя имъ критическія статьи, взятыя вмѣстѣ...

Но совершенно иное настроеніе овладѣваетъ читателемъ и тѣмъ болѣе критикомъ, когда въ роли символиста и вѣщателя новыхъ словесъ, разрушителя старыхъ, дорогихъ намъ кумировъ выступаетъ литераторъ, по собственному признанію подвизающійся уже двадцать лѣтъ на литературномъ поприщѣ, видный сотрудникъ толстаго органа. Разумѣемъ г. Льдова, выпустившаго недавно книжку «Лирическихъ стихотвореній», въ предисловіи къ которымъ говорится:

«Въ теченіе двухъ (?) десятилѣтій Некрасовъ оставался неотъем-

лемымъ властителемъ думъ современниковъ. Посредственные стихотворцы, имена которыхъ давно уже поглотила «медленная Лета», вторили ему дружнымъ хоромъ; всѣ остальные русскіе поэты пребывали въ забвеніи. Каждое новое произведеніе Некрасова заучивалось наизусть молодежью, съ увлеченіемъ декламировалось въ интеллигентныхъ кругахъ и съ подмостковъ. Обаяніе его имени и дарованія водворилось столь властно, что казалось почти кощунствомъ и безуміемъ оспаривать поэтическія достоинства модныхъ стихотвореній. Но прошло всего двадцать лѣтъ и отъ преклоненія этого почти не осталось слѣда. *Такое же несоотвѣтствіе между дарованіемъ и оцѣнкой публики* обнаружилось на нашихъ глазахъ, когда проникнутые «гражданскою скорбью» стихи Надсона затмили своимъ успѣхомъ геніальныя произведенія нашей поэтической литературы».

Истинными чародѣями слова, поясняетъ дальше г. Льдовъ, должны быть названы, кромѣ Пушкина, Тютчевъ, Фетъ, Баратынскій (Лермонтовъ не удостоенъ упоминаніемъ, какъ поэтъ слишкомъ безпокойный, а, значитъ, и тенденціозный).

Въ авторѣ этихъ строкъ, очевидно, до того кипитъ личное озлобленіе, недовольство публикой, несущей лавровые вѣнки не туда, куда желательно «школѣ», что онъ даже не замѣчаетъ явнаго, грубаго противорѣчія въ собственныхъ словахъ: съ одной стороны отъ поклоненія гражданской поэзіи Некрасова *теперь не осталось будто бы и слѣда* (гдѣ? въ редакціи «Сѣв. В.») а съ другой — *гражданской скорбью стихи Надсона — теперь же затмѣваютъ своими успѣхами* истинныхъ чародѣевъ слова. Какъ же это такъ? Не ясно-ли, читатель, что въ г. Льдовѣ говоритъ здѣсь простая зависть къ Надсону, имѣющему до сихъ поръ дѣйствительно огромный успѣхъ, какого никогда, конечно, не имѣть ни одному изъ всей злобной клики, якобы равнодушныхъ къ славѣ міра сего, эстетовъ? Г. Льдовъ хочетъ дальше увѣрить насъ, будто самъ онъ напечаталъ свой сборникъ отнюдь не потому, что ищетъ сочувствія и домогается извѣстности. Даже больше того: «Я былъ-бы непритворно (sic!) огорченъ, еслибы моя скромная лирика совпала съ настроеніемъ большинства, которое удѣляетъ лишь мимолетное вниманіе человѣческому *духу* (?!?)» Какова вѣдь лазейка на случай несовпаденія скромной лирики съ настроеніемъ большинства, т. е., по просту говоря, на случай полнаго ея провала и неуспѣха!..

«Меня побуждало,—продолжаетъ скромный г. Льдовъ,—печатать мои стихи *простое* желаніе придать имъ наиболѣе отчетливое начертаніе, чтобы иногда перечитывать навѣянныя мимолетными вдохновеніями строки». Вѣдь этакая, подумаешь, младенческая простота! Ахъ, какое все это дѣланное, неискреннее ломанье и комедіанство!

А г. Льдовъ, ничтоже сумняшеся, продолжаетъ витійствовать:

«И можетъ-ли истинный художникъ придавать хоть малѣйшее значеніе сужденіямъ людей, которые устремляютъ все свое вниманіе на внѣшнюю отдѣлку картины, не задавая (давая?) себѣ труда вникнуть въ ея смыслъ, въ ея идею? Внѣшнія формы и краски для нихъ лишь средство воспринять съ возможною полнотою полусознательныя и безсознательныя внушенія непостижимаго мірового начала (вы понимаете что нибудь, читатель?). Писатель долженъ вдохнуть въ звучныя слова внѣвременное, идейное содержаніе. Произведеніе искусства, образно отвѣчающее на вѣковые запросы духа, никогда не утратитъ своего значенія».

Относитъ-ли г. Льдовъ всѣ эти разсужденія къ собственной «скромной» книгѣ? Несомнѣнно, относитъ. «Какъ написалась эта книга?—спрашиваетъ онъ самъ себя:—Говоря по совѣсти (о, да!) я не постигаю основной причины, побуждающей меня выражать свои чувства, мысли и настроенія въ искусственной стихотворной формѣ. Когда во мнѣ начинаютъ слагаться созвучія, я бываю каждый разъ пораженъ этимъ явленіемъ; окончивъ работу, нерѣдко весьма кропотливую (спасибо и на этой маленькой оговоркѣ), я перечитываю стихи съ еще большимъ удивленіемъ: мнѣ кажется, что они написаны не мною, а кѣмъ-то внѣ меня, продиктованы невнятнымъ, таинственнымъ голосомъ, уловить который мнѣ удалось лишь съ величайшими усиліями».

Ну, словомъ—«небесъ избранникъ»—да и только! Къ нарисованной картинѣ г. Льдовъ добавляетъ еще, что настроеніе бываетъ у него во время творчества восторженное... Мы хотѣли было спросить, ломаетъ-ли онъ въ это время стулья, но г. Льдовъ, скромно потупивъ глаза, поспѣшилъ пояснить: «... и, если осмѣлюсь такъ выразиться (дерзай, поэтъ, на все дерзай!) настроеніе молитвенное... Пѣвучія слова увлекаютъ меня въ безпредѣльную даль отъ видимаго міра».

Однако, что это за чудный языкъ? Что-то, какъ будто, давно знакомое, давно слышанное... «Внушенія непостижимаго мірового начала», «вѣковые запросы духа», «молитвенная восторженность», «безпредѣльная даль отъ видимаго міра»... Ба! да вѣдь это г. Волынскій, нашъ старинный знакомецъ, авторъ «раскаленныхъ глыбъ психологіи», главный столбъ «Сѣв. Вѣстн.», мужъ краснорѣчія, совѣта и разума... Вы не ошиблись, читатель. Г. Льдовъ, опасаясь все равно быть уличеннымъ въ плагіатѣ чужихъ мыслей, кончаетъ свое предисловіе глубокимъ-глубокимъ реверансомъ передъ учителемъ, «столь смѣло, своеобразно и убѣдительно» развивающимъ на страницахъ «Сѣв. Вѣсти.» тѣ же самыя идеи. «Нѣкоторыя изъ его статей повліяли на мое міросозерцаніе и, несомнѣнно, отразились на моемъ лирическомъ творчествѣ. Я радуюсь, что эта книга даетъ мнѣ случай выразить мою искреннюю и горячую благодарность: произведенія его проникнуты любовью къ истинному и прекрас-

ному, безъ которой было бы слишкомъ холодно и тоскливо на бѣломъ свѣтѣ».

Кто только не смѣялся надъ бѣднымъ г. Волынскимъ, а между тѣмъ вотъ подите же... Умѣетъ человѣкъ плѣнять окружающія его сердца! Давно-ли г-жа Гиппіусъ публично объяснялась ему въ своихъ чувствахъ? Совсѣмъ почти на дняхъ г-жа Гуревичъ, въ предисловіи къ роману «Плоскогорье», пропѣла тому же г. Волынскому пламенный дифирамбъ; теперь дифирамбъ этотъ подхватываетъ г. Льдовъ. Но г. Волынскій — свирѣпый, нелицепріятный критикъ, и мы не разъ были свидѣтелями, какъ онъ раздѣлывалъ, что называется подъ орѣхъ, писателей и поэтовъ, печатавшихся на страницахъ его собственнаго журнала. Мы нимало не удивимся поэтому, если и въ настоящее время, на глубокій реверансъ г. Льдова, онъ отвѣтитъ грубымъ ударомъ своей «критической» нагайки; не удивимся, впрочемъ, если и послѣ того г. Льдовъ пропоетъ ему пламенную оду:

Заблудшей музы покровитель,
Смягчишь ли судъ суровый твой?
Взгляни: она къ тебѣ въ обитель
Пришла съ повинной головой.
Она скиталась въ вихрѣ свѣта,
Въ пустынѣ будничныхъ заботъ,
Но музу скорбнаго поэта
Высокій умъ не оттолкнетъ...
Такъ оглашенный—Божій плѣнникъ —
Приноситъ въ храмъ святую дань,
Когда простретъ къ нему священникъ
Свою прощающую длань.

Стихотвореніе это, напечатанное въ сборникѣ г. Льдова, мы полагаемъ, ни къ кому другому не можетъ относиться, кромѣ г. Волынскаго...

Какъ ни любопытно и ни знаменательно это отношеніе разслабленныхъ духомъ и нервами учениковъ къ своему дерзающему на все учителю, намъ пора, однако, обратиться къ «вѣковѣчному» содержанію книжки г. Льдова.

Въ первомъ-же стихотвореніи нашъ поэтъ собирается умирать и заклинаетъ друзей не плакать надъ его могилой, такъ какъ онъ, поэтъ, живъ мечтою легкокрылой внѣ разстояній и временъ. Его душа останется между ними и будетъ пѣть «смиренными словами о вѣчной родинѣ своей». Однако не первый г. Льдовъ собирался умереть да не умеръ, а только даромъ провелъ время. На второй страницѣ онъ уже «ищетъ призраковъ *безплотныхъ* невыразимой красоты» и съ тоской вопрошаетъ:

Какой напѣвъ, какія сказки,
Какія краски и черты
Передадутъ святыя ласки (?)
Невоплощенной красоты!

Такія черты и краски оказываются, однако, въ распоряженіи самого г. Льдова, потому что на другой-же страницѣ онъ обѣщаетъ намъ «постигнуть непостижимое», другими словами—объять необъятное... Въ читателѣ, разумѣется, пробуждается любопытство, и онъ еще переворачиваетъ страницу:

Въ ночи предчувствуя зарю
И разсвѣтая въ ней,
Я въ душу вѣчности смотрю
Сквозь мракъ души моей.

Хорошо г. Льдову, который умѣетъ «разсвѣтать», но для насъ, простыхъ смертныхъ, тутъ мракъ, полный мракъ.

Смерть, не ты ли у порога,
И не твой ли слышу зовъ
Въ хорѣ тайныхъ голосовъ?
Если такъ, то сбрось покровы:
Очи страстныя готовы
Къ созерцанью красоты...
Это ты!

Какъ! такъ, значитъ, г. Льдовъ не совсѣмъ отдумалъ умирать? Нѣтъ, пугаться намъ за него нечего: вѣдь это только символы, слова...

Слова, слова, вы дѣлъ предтечи,
Иль сами звучныя дѣла?
Родникъ святого утѣшенья
Журчитъ въ словахъ и между словъ!

Таково содержаніе *шести* первыхъ стихотвореній въ главномъ отдѣлѣ сборника «Думы».

Мы не думаемъ, конечно, удручать читателя столь-же подробнымъ ознакомленіемъ и со всѣми остальными пьесами этого отдѣла, имѣющими «внѣвременное, идейное содержаніе» и отвѣчающими на «вѣковѣчные запросы духа». Читатель и безъ того видитъ, что всѣ эти громкія обѣщанія были одной пустой фанфаронадой; весь отдѣлъ «Думъ» посвященъ все тому-же никчемному и неинтересному исканію «красоты», да все тѣмъ-же похвальбамъ «уйти изъ древнихъ башенъ на вершины гордыхъ пѣсенъ»; все одни и тѣ же избитые, заѣзженные пріемы и якобы поэтическія средства, вродѣ «кто-то», «гдѣ-то», «мнится», «призракъ» и пр. Единственные недурные стихи этого отдѣла:

Они не видятъ и не слышатъ,
Не вѣрятъ знаменьямъ чудесъ,
И не для нихъ звѣздами вышитъ
Коверъ полуночныхъ небесъ.
Къ землѣ прикованы судьбою,
Презрѣвши твердь и божество,
Они идутъ земной тропою,
Какъ будто ищутъ подъ собою
Могилъ для праха своего...

Но правда-ли, хорошіе стихи? Одна бѣда г. Льдова, что они написаны (и даже несравненно лучше) еще лѣтъ сорокъ, если не больше, тому назадъ «чародѣемъ слова» Тютчевымъ («Не то, что мните вы, природа»)... Подобная-же непріятность случилась съ г. Льдовымъ и въ другомъ стих. «Пророкъ»:

Я простиралъ свои объятья
Въ порывѣ скорби и любви,—
Въ меня каменья и проклятья
Бросали ближніе мои.

Чудакъ Лермонтовъ тоже гораздо раньше написалъ «Пророка» съ очень похожей на стихи г. Льдова строфой, извѣстной каждому школьнику на Руси... Но это, конечно, простое совпаденіе великихъ талантовъ!

Во второмъ отдѣлѣ сборника есть любопытная пьеса «Паломники», гдѣ, намекая, очевидно, на себя съ товарищами-символистами, г. Льдовъ говоритъ:

Сквозь сумраки (?) суровые,
Сосновые, еловые (?!?),
Для насъ тропинки новыя,
Какъ змѣи, поползли.
Сквозь дебри непролазныя,
Гдѣ спятъ уроды разные,
Нѣмые, безобразные,
Мы ощупью пройдемъ,
Кропя водой священною
Трясину—муть зеленую,
Безумную (?), влюбленную (?)
Въ загнившій буреломъ.
Проникнемъ мы, кропители,

(Ужъ не «кропатели»-ль? не опечатка-ли?)

Въ морозныя (?) обители,
Гдѣ ждутъ насъ вдохновители,
Въ таинственный пріютъ.

Повторяемъ, стихотвореніе это, хотя и написанное «сосновымъ, еловымъ» языкомъ, любопытно по несомнѣнно скрытымъ въ немъ намекамъ...

Въ третьемъ отдѣлѣ—«Времена года»—г. Льдовъ философствуетъ на манеръ графа Хвостова (хотя послѣдній бывалъ вразумительнѣе):

Кто превозмогъ предѣлы чиселъ,
Пространства мнимость (?) превозмогъ?
Пушинки огненнаго снѣга (!),
Кружатъ и вихрятся міры,
Пути изъ горняго пробѣга (?)
Чертежъ невѣдомой игры (!).

Въ другомъ стихотвореніи тишина у него «заснула въ слезахъ»; въ третьемъ насъ убѣждаютъ:

Созерцайте паденіе снѣга,
Созерцайте паденіе (?!).

Дальше «дождь лѣниво моросить, точно изъ незримыхъ ситъ», и осеннему вѣтру поэтъ задаетъ вопросъ:

Вѣстникъ бездны роковой,
Побѣжденный, но живой (?),
Чья въ тебѣ мятется сила?
Съ кѣмъ витійствуетъ уныло
Богохульный голосъ твой?

Вѣтеръ, разумѣется, ничего не отвѣчаетъ на эту витіеватую чепуху, и, въ отчаяніи, г. Льдовъ, наконецъ, признается:

Я позабылъ земные звуки,
Утратилъ слова даръ земной...

Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!..

Заглянемъ, наконецъ, въ послѣдній отдѣлъ книги «Напѣвы», или—вѣрнѣе было-бы сказать—«Перепѣвы», такъ какъ большинство помѣщенныхъ здѣсь любовныхъ стихотвореній г. Льдова представляютъ слишкомъ явное подражаніе мало извѣстнымъ у насъ сонетамъ Петрарки; настоящіе переводы изъ послѣдняго помѣщены тутъ-же. Однако, оргинальныхъ курьезовъ не оберешься и въ этомъ отдѣлѣ. Поэтъ мечтаетъ насладиться съ своего возлюбленной «сочетаньемъ, непостижимымъ для земли». Какъ любитъ г. Льдовъ и почему разстался съ *нею*, можетъ понять лишь тотъ, кто «постигъ восторгъ несбыточныхъ стремленій». У ея ногъ «лишь къ неотвязчивымъ загадкамъ мой духъ таинственно влекомъ»; «ждетъ насъ напитокъ заманчиво-сонный (?!)». Изъ бѣлыхъ крыльевъ серафима «безтѣлесно» упало на землю перо, и изъ него создалась возлюбленная поэта.

Уже изъ этихъ немногочисленныхъ примѣровъ видно, какъ много фразистости и мало сердечности въ любовныхъ изліяніяхъ г. Льдова. Впрочемъ, эта «безтѣлесная» и «непостижимая для земли» любовь не прочь иногда и отъ игривостей, напр. въ стихотвореніи «Опущены шторы у нашей кареты»:

О, тайныя мысли, о робкіе взгляды!
Къ чему лицемѣрить? разрушимъ затворы,
Забудемъ людей и людскія преграды!
У нашей кареты опущены шторы.

Однако, какъ-же все это скучно, какъ скучно! И ужъ, конечно, мы не стали-бы такъ подробно разсматривать «лирическія стихотворенія» г. Льдова, этого типичнаго представителя нашихъ расейскихъ Оскаровъ Уайльдовъ, если бы имъ не предшествовало такое развязное предисловіе. И какъ только подобные ему рифмачи осмѣливаются противупоставлять свои жалкія вирши произведеніямъ писателя, имя котораго будущій историкъ литературы, несомнѣнно, признаетъ однимъ изъ трехъ вели-

кихъ поэтовъ, которыхъ дало намъ девятнадцатое столѣтіе!.. Они осмѣливаются утверждать, что безъ слѣда прошли тѣ времена, когда русское общество могла увлекать и трогать «муза мести и печали», эта «блѣдная, въ крови, кнутомъ изсѣченная муза», и насталъ праздникъ для яснолобыхъ эстетовъ, символистовъ и декадентовъ. Къ счастію, этотъ праздникъ имъ приснился, и русское общество еще не дожило до такого позора. Обаяніе скорбной поэзіи Некрасова, какъ и тѣсно связанной съ нею юной музы Надсона, слишкомъ еще бьетъ всѣмъ въ глаза, чтобы можно было подвергать его хотя бы малѣйшему сомнѣнію.

VI.

Г. Фругъ.

Первый томъ стихотвореній г. Фруга вполнѣ заслуженно дождался въ нынѣшнемъ году уже третьяго изданія. Въ этомъ томѣ помѣщается все лучшее, что далъ г. Фругъ еще въ то время, когда возбуждалъ большія надежды, заставляя думать, что изъ узкаго круга національно-еврейскихъ симпатій онъ сумѣетъ подняться до сочувствія всѣмъ страдающимъ, обиженнымъ и угнетеннымъ людямъ, безъ различія ихъ расовыхъ или религіозныхъ особенностей. Ожиданія эти, къ сожалѣнію, не сбылись. Правда, г. Фругъ пытался одно время стать даже чисто-русскимъ пѣвцомъ, и слово «Русь» очень часто звучало на его лирѣ вмѣсто прежняго «Сіона»; года три тому назадъ это неожиданное «обрусѣніе», приведшее г. Фруга на страницы газеты «Свѣтъ», приняло даже очень странный для прежняго еврейскаго патріота оттѣнокъ, очень похожій во всякомъ случаѣ на неискренность... Оно оттолкнуло отъ симпатичнаго и талантливаго поэта очень многихъ, страстныхъ когда-то поклонниковъ его музы, даже изъ кровныхъ русскихъ, и съ той поры г. Фругъ совсѣмъ какъ-то стушевался и исчезъ изъ нашей большой литературы. Мы, по крайней мѣрѣ, давно уже нигдѣ не встрѣчаемъ его имени, нигдѣ, кромѣ спеціально-еврейскаго органа «Восходъ», въ которомъ продолжаютъ печататься безчисленныя «Легенды» и «Поэмы» г. Фруга, перелагающія въ мало звучные и довольно снотворные стихи разныя библейскія и талмудическія преданія. Пророчить, конечно, всегда рискованно, но можно серьезно опасаться, что пѣсня г. Фруга уже спѣта, что онъ въ состояніи написать еще сотни и даже тысячи такихъ же «Легендъ», но къ славѣ своей ничего этимъ не прибавитъ, и вся она будетъ покоиться только на первомъ томѣ стихотвореній, который лежитъ теперь передъ нашими глазами... Его первый сборникъ, страдающій значительными недостатками формы *) и нѣкоторой узостью идеи, производитъ тѣмъ

*) Прежде всего г. Фругъ, очевидно, не въ совершенствѣ владѣетъ русскою рѣчью. Онъ пишетъ: «спеленённые (спеленатые?) позоромъ»;

не менѣе очень живое, мѣстами прямо чарующее впечатлѣніе по неподдѣльной искренности проникающаго его скорбнаго чувства, по свѣжести и силѣ разлитой въ немъ поэзіи. Длинныя «поэмы», «легенды и сказанія», по нашему мнѣнію, и въ этомъ сборникѣ составляютъ, сравнительно, слабую часть. Нѣтъ въ г. Фругѣ эпическаго таланта; онъ можетъ только рабски перелагать въ стихи то, что мы давно знаемъ изъ библіи, и прекрасный въ своей чисто-народной наивности подлинникъ только страдаетъ отъ этого переодѣванія въ интеллигентный нарядъ; для примѣра укажемъ, хотя бы, на поэму «Дочь Іеѳоая»: какъ апоѳеозъ человѣческаго жертвоприношенія, дѣла, по нашимъ современнымъ понятіямъ, чудовищно-дикаго, во имя чего бы оно ни совершалось, звучитъ крайне антипоэтично.

Сила г. Фруга въ его чисто-лирическихъ пѣсняхъ, жалобахъ и признаніяхъ. Одинъ горькій мотивъ проходитъ по всѣмъ этимъ стихотвореніямъ яркою нитью:

Два достоянья дала мнѣ судьба:
Жажду свободы и долю раба.

И какъ бы ни былъ склоненъ русскій читатель прочесть поэту нотацію за его узкій взглядъ на современный еврейскій вопросъ,— онъ не можетъ не прислушаться съ сочувственной тревогой къ этимъ воплямъ, полнымъ тоски и страсти:

Народъ! народъ! Одинъ удѣлъ мнѣ данъ съ тобой:
Порывы мощные и связанныя крылья...
Въ очахъ пылаетъ гнѣвъ, душа кипитъ грозой,
Въ рукахъ—постыдное безсилье!..
Мнѣ въ пѣснѣ не излить твоихъ тяжелыхъ мукъ,
А радостей, увы! такъ мало наберется;
Едва одна струна издастъ веселый звукъ,
Другая съ воплемъ оборвется!..
Не пѣсня здѣсь нужна!.. Не пѣснею излить
Народную печаль, неволю вѣковую,
Какъ слабой, кроткою слезой не потушить
Пожара искру роковую!..

Да, легко намъ упрекать, легко поучать, но каково провести жизнь, и особенно ея юные, бурно-впечатлительные годы вотъ такъ,

---

«дѣтскую душу плѣня (плѣняя?), тихо вставали картины»; «стоитъ много (многихъ?) мучительныхъ слезъ». Онъ допускаетъ массу самыхъ невозможныхъ удареній: «рузрушённый», «холи́тъ»; «че́рпа́лъ», «зо́ря» (только въ винит. пад. говорятъ «зорю бьютъ»), «выдѣлясь» вм. «выдѣлясь», «вздрогну́лъ» вм. «вздро́гнулъ» и т. д. Рифмы бываютъ тоже довольно жалкія: «блестя» и «поля», «дня» и «заря», «обольщаетъ» и «накипаютъ»; самый стихъ г. Фруга, за исключеніемъ немногихъ пьесъ, гдѣ слышится истинное вдохновеніе, далеко не такъ легокъ и образенъ, какъ стихъ Надсона или даже г. Минскаго въ лучшихъ его вещахъ.

Современные поэты наши, въ большинствѣ своемъ, такъ мало заботятся о грамотности, что мы сочли нелишнимъ сдѣлать эти замѣчанія *хорошему* поэту.

напр., какъ описываетъ г. Фругъ, обращаясь къ своему иновѣрному современнику:

Когда тебя рукой заботливой и нѣжной
Водила мать въ зеленыя поля,
И радостью живой и безмятежной
Дышала грудь свободная твоя,
Въ заброшенномъ углу, на камнѣ подъ заборомъ,
Въ конурѣ пса, забытый, я лежалъ,
И надъ моимъ глумился ты позоромъ
И надъ моею мукой хохоталъ.
Съ мечемъ-ли воина въ десницѣ всепобѣдной,
Съ вѣсами-ль правосудія въ рукахъ,
Во храмѣ-ли науки заповѣдной,
Съ молитвой-ли смиренной на устахъ,—
Все тотъ же ядъ вражды и ненависти жгучей
Ты въ грудь мою рукой жестокой лилъ...
О, сколько силы свѣжей и могучей
Во мнѣ ты этимъ ядомъ задушилъ.
Когда жъ, измучившись, не грозный вызовъ мщенья—
О, нѣтъ!—а лишь упрека полный взоръ,
Подъ гнетомъ долгой скорби и мученья,
Тебѣ порою брошу я въ укоръ,—
Пойми, пойми тогда, какъ я скорблю глубоко,
Мучительной тоскѣ излиться дай,
И за слова невольнаго упрека
Не осуждай, не осуждай!..

И кто же осудитъ несчастнаго поэта, кто, напротивъ, съ отвѣтной грустью и глубокой симпатіей не выслушаетъ его горькихъ жалобъ на судьбу «народа-раба»?

Бывали годы бѣдъ у всякаго народа,
Рыдали ихъ пѣвцы, но каждому вдали
Сіяли, какъ заря, грядущая свобода
И счастье дальнее родной его земли.
Но тщетно для тебя, народъ мой, въ Божьемъ мірѣ
По мукамъ и скорбямъ искалъ я двойника,
Искалъ пѣвца, на чьей найти могла бы лирѣ
Отзывный стонъ моя глубокая тоска.
Я находилъ пѣвца съ рукой ополченной,
Пѣвца съ кошницею и мирною сохой,
А у меня въ рукѣ лишь факелъ похоронный
Да заступъ роковой...
Иди, безъ устали все рой да рой могилы,
Надежды тщетныя изъ сердца изгони,
Убитыя мечты, замученныя силы
Навѣки хорони!
И безъ просвѣта ночь... И безъ конца неволя...
Рыдать и все рыдать... О, какъ же ты горька,
Какъ ненавистна ты, мучительная доля
Пѣвца-гробовщика!..

Иногда, впрочемъ, срываются со струнъ патріота-пѣвца и добрые, полные надежды, звуки:

Пускай шумитъ гроза и мечетъ по вѣтвямъ
Губительный потокъ неистоваго гнѣва,—
Не уступить тебѣ, ни бурямъ, ни громамъ,
Не умереть во вѣкъ твоимъ живымъ корнямъ,
Мое могучее, мое родное древо!..
И дни придутъ, придутъ—они должны прійти!—
Въ тѣни твоихъ вѣтвей потомокъ отдаленный
Нарветъ душистыхъ розъ и лилій, чтобъ сплести
Вѣнокъ цвѣтущій, благовонный.
Онъ вспомнитъ дней былыхъ тяжелый, страшный гнетъ,
Веселый взоръ его затмится грустной думой,
Но тихо и легко, какъ тѣнь, она пройдетъ,
И пѣсню новую онъ громко запоетъ
Подъ шумъ листвы твоей угрюмой...

Но такіе свѣтлые моменты, моменты надежды и вѣры, очень рѣдко посѣщаютъ мечты поэта. Впереди будетъ, правда, хорошо, но теперь-то, пока-то...

...безмолвствуютъ могилы,
Знамя старое въ пыли;
Эти люди, эти силы
Отгремѣли и ушли.
И кругомъ не гнѣвъ, не злоба
Негодующихъ людей,—
Лишь порой во тьмѣ изъ гроба
Раздается стукъ костей...

Мрачно глядитъ г. Фругъ и на еврейскую молодежь своего поколѣнія:

Лѣтами юноши, душою старики,
Мечту залетную насмѣшкой злой мы гонимъ
И острый ядъ томящей насъ тоски
Пугливо, какъ пятно постыдное, хоронимъ.
Ключомъ познанья дверь надзвѣздныхъ тайнъ открывъ
И сердце выстудивъ сомнѣніемъ холоднымъ,
Безуміемъ зовемъ невольный мы порывъ,
Надежду свѣтлую—броженіемъ безплоднымъ.
И нѣтъ тебя у насъ, прекрасное дитя,
Фантазіи живой!—И нѣтъ ни на мгновенье
Ни сладкаго средь мукъ житейскихъ забытья,
Ни благодарнаго отъ горькихъ думъ забвенья...

Заключеніе.

Обзоръ нашъ современной поэзіи конченъ. Въ него не вошли развѣ лишь очень немногіе изъ стихотворцевъ, заслуживающихъ кой-какого вниманія нѣкоторыми частными чертами своей поэтической физіономіи; но врядъ ли они могли бы измѣнить сколько-нибудь существенно общій характеръ, нарисованной нами безотрадной картины. Положеніе дѣлъ можно вкратцѣ опредѣлить такъ.

Тѣ изъ живущихъ нынѣ поэтовъ, которые пытаются остаться вѣрными лучшимъ завѣтамъ русской поэзіи и вообще русской

литературы, — такіе или совершенно бездарны, или же обладаютъ очень слабымъ, еле мерцающимъ дарованіемъ, перепѣваютъ старые, давно извѣстные мотивы, рабски идутъ избитой дорогой (болѣе значительные таланты уже сошли или сходятъ со сцены). Напротивъ, тѣ поэты, въ стихахъ которыхъ слышится или слышалось присутствіе настоящаго таланта, имѣютъ остуженное сердце и охлажденный умъ; безсильные кастраты, живые мертвецы, эти юноши-старцы направляютъ свое воображеніе и чувство въ сторону больныхъ и порой прямо извращенныхъ фантазій, тоскуютъ по какой-то невѣдомой и недостижимой красотѣ, которую часто отождествляютъ со смертью, и относятся съ ироніей къ «такъ называемой» гражданской скорби.

Что же это значитъ? Кто виноватъ во всемъ этомъ? Мы думаемъ, что виновата сама же русская интеллигенція, ставшая въ послѣдніе годы такой апатичной и индиферентной къ общественнымъ вопросамъ. Вялая, сонливая, утомленная даже въ лучшей своей части, она не въ силахъ дать должный отпоръ выросшимъ въ ней реакціоннымъ элементамъ,—и вправѣ ли она претендовать, что и отъ современной литературы вѣетъ тѣмъ же утомленіемъ и той же апатіей? Литература—дитя жизни, говорили мы въ статьѣ о Надсонѣ,—и пока жизнь будетъ сѣра и монотонна, до тѣхъ поръ такова же будетъ и литература,—публицистика, критика, беллетристика, поэзія. Временами могутъ вспыхивать отдѣльныя, случайныя блестки, но общій фонъ останется тусклымъ и блѣднымъ. Явись въ такую пору поэтъ даже съ истиннымъ талантомъ, вырвись изъ его устъ настоящая вдохновенная пѣснь, врядъ-ли ударила-бы она по сердцамъ «съ невѣдомою силой...» Равнодушное общество пройдетъ мимо нея: «одни не поймутъ, не услышатъ другіе»...

Среди многочисленныхъ причинъ, создавшихъ такое печальное положеніе дѣла, не послѣднюю роль, думаемъ мы, играло то обстоятельство, что поколѣніе людей, вступившихъ въ литературу между половиной восьмидесятыхъ и половиной девяностыхъ годовъ, по всей справедливости, можно назвать жалкимъ, безплоднымъ поколѣніемъ. Не отъ всякаго, конечно, времени вправѣ мы требовать геніевъ для литературы, но названное десятилѣтіе было въ этомъ отношеніи выходящимъ изъ ряда, прямо безпримѣрнымъ въ русской исторіи нынѣшняго столѣтія... Литература послѣднихъ лѣтъ представляетъ грустную картину почти абсолютнаго безплодія и бездарности. Все, что есть въ ней въ настоящее время талантливаго, отмѣченнаго печатью силы и оригинальности,—все это наслѣдіе былыхъ, болѣе счастливыхъ временъ. Даже тѣ изъ даровитыхъ беллетристовъ, которые, по старой памяти, все еще продолжаютъ слыть молодыми, всѣ безъ исключенія имѣютъ уже далеко за тридцать лѣтъ, и, слѣдовательно, «молодое поколѣніе» ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права ими гордиться...

Но это-бы еще полбѣды—безплодіе одного десятилѣтія; несрав-

ненно хуже то, что какой-то странный гипнозъ умственнаго и морального упадка простеръ свои мрачныя крылья и на многихъ представителей прежняго, лучшаго времени, продолжающихъ еще дѣйствовать въ литературѣ и задавать ей тонъ. Уважаемые нѣкогда романисты, учившіе молодежь любви къ правдѣ и свѣту, не гнушаются работать въ органахъ, на знамени которыхъ написаны племенная ненависть и равнодушіе къ общественному прогрессу; многіе другіе писатели изъ бывшихъ не такъ давно «передовыми» открыто перешли въ ряды активныхъ борцовъ реакціи. Безразличное отношеніе къ направленію изданій, въ которыхъ приходится сотрудничать, стало характерной чертой не только современныхъ поэтовъ (больше всего поражающихъ своей безпринципностью), но и многихъ, весьма почтенныхъ въ другихъ отношеніяхъ писателей... На страницы лучшихъ журналовъ все чаще прокрадываются обмолвки въ духѣ идей символизма, суть котораго, какъ мы уже не разъ говорили, заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ общественномъ индиферентизмѣ. Современная критика все чаще и больше начинаетъ трактовать о томъ, что въ поэзіи должно быть *настроеніе* (одно изъ модныхъ теперь словечекъ!), а не о томъ, что поэтъ долженъ быть не пѣвцомъ-птицей, а прежде всего человѣкомъ, гражданиномъ родной страны.

Но какъ волны въ морѣ смѣняются одна другой, такъ смѣняются и человѣческія поколѣнія. За однимъ десятилѣтіемъ идетъ другое, и неужели оно не принесетъ никакой перемѣны къ лучшему? Жизнь должна первая показать признаки обновленія. И мы со всѣхъ сторонъ слышимъ, что на смѣну намъ идетъ молодое поколѣніе—бодрое, жизнерадостное, проникнутое живымъ интересомъ къ вопросамъ научнымъ и общественнымъ... Дай-то Богъ! Пора-бы, пора завершиться, наконецъ, этому страшно долгому сезону!..

Девятнадцатый вѣкъ кончается, и, повидимому, онъ не успѣетъ уже подарить намъ крупнаго поэта, талантомъ и значеніемъ хоть приблизительно равнаго Пушкину, Лермонтову, Некрасову. Но, быть можетъ, въ настоящую минуту и есть уже гдѣ-нибудь подростокъ-юноша, начинающій мыслить и слѣдить за литературой, который въ первомъ-же десятилѣтіи двадцатаго вѣка споетъ намъ тѣ чудныя пѣсни, которыхъ мы ждемъ такъ долго, съ такимъ страстнымъ нетерпѣніемъ!

П. Ф. Гриневичъ.

Къ вопросу объ исторической необходимости.

Въ послѣднее время въ русской журналистикѣ, въ связи съ вопросомъ о матеріалистическомъ пониманіи исторіи, обсуждается вопросъ о свободѣ воли. Въ двухъ книжкахъ нашего оффиціальнаго философскаго органа появились статьи гг. Булгакова и Струве, трактующія о свободѣ воли, въ связи съ исторической необходимостью. Въ майской книжкѣ «Новаго Слова» помѣщены статьи тѣхъ же двухъ авторовъ и по тому же вопросу. Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ воли неожиданно выступилъ на сцену въ видѣ живого общественнаго вопроса.

«Живое обсужденіе такъ называемаго «экономическаго матеріализма» или матеріалистическаго пониманія исторіи, пишетъ г. Струве, вновь поставило на очередь вопросъ о соотношеніи между свободой и исторической необходимостью» *).

Г. Струве не только ставитъ этотъ вопросъ, но и пытается разрѣшить его, устанавливая очень мудреное различіе между логическою или теоретическою увѣренностью и увѣренностью психологическою или практическою. Впрочемъ, пониманіе этого различія доступно, по словамъ г. Струве, только для людей, проникнувшихъ въ тайны гносеологическихъ противорѣчій; остальнымъ же смертнымъ онъ предлагаетъ удовольствоваться «спасительными трюизмами въ родѣ того, что законъ развитія общества говоритъ не то, что выйдетъ *безъ* нашихъ дѣйствій, а *изъ* нашихъ дѣйствій» **). (Авторъ этого спасительнаго трюизма—г. Булгаковъ).

Прежде, чѣмъ пытаться достигнуть тѣхъ философскихъ вершинъ, съ высоты которыхъ г. Струве разсматриваетъ и разрѣшаетъ вышеупомянутый гносеологическій вопросъ, мы считаемъ нелишнимъ остановиться нѣсколько подробнѣе на самой постановкѣ его, такъ какъ для людей, непосвященныхъ въ тайны гносеологическихъ противорѣчій, одна постановка такого вопроса уже представляется своего рода загадкой.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое историческая необходимость? Въ основаніи ея предполагается закономѣрность явленій общественной жизни. Научное изслѣдованіе этихъ явленій приводитъ къ открытію законовъ, формулирующихъ такъ или иначе общій ходъ историческаго процесса. Если эти общія формулы соотвѣтствуютъ, по

*) *Свобода воли и историческая необходимость*, «Вопросы философіи и психологіи», янв.-февр., стр. 120.

**) Ib., стр. 138.

нашему мнѣнію, дѣйствительному ходу вещей, онѣ связываютъ наше представленіе о дальнѣйшемъ развитіи общественной жизни. Отсюда—идея объ исторической *необходимости* по отношенію къ будущимъ судьбамъ даннаго общества или всего человѣчества,—идея о необходимомъ подчиненіи общественныхъ явленій тѣмъ законамъ, которые раскрываются для насъ изученіемъ общественной жизни. Изъ этого видно, что объектомъ исторической необходимости является *общественная жизнь* людей.

Съ другой стороны, вопросъ о свободной волѣ вращается исключительно въ области внутренняго сознанія отдѣльно взятаго человѣка. Это—вопросъ о кажущемся противорѣчіи между физіологической и психологической необходимостью, обусловливающею каждое сознательное дѣйствіе человѣка, и его субъективнымъ сознаніемъ свободы своихъ дѣйствій. Весь этотъ вопросъ въ значительной степени порожденъ неясностью и неточностью терминологіи; но, во всякомъ случаѣ, если даже признать его теоретическую важность, то несомнѣнно, что онъ не выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ отдѣльной человѣческой жизни и даже отдѣльно взятаго человѣческаго акта. Каждое наше дѣйствіе, независимо отъ того, къ какой области явленій оно относится, съ одной стороны механически обусловлено внѣшними причинами и физіологическими процессами самого организма, а съ другой — ощущается нами какъ наше собственное дѣйствіе. Слѣдовательно, въ каждомъ сознательномъ движеніи человѣка находятся всѣ элементы того гносеологическаго противорѣчія, о которомъ трактуетъ г. Струве, какъ о связанномъ съ матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи. Въ чемъ именно заключается эта связь, и какое особое соотношеніе усматриваетъ г. Струве между свободою и исторической необходимостью, недостаточно выяснено имъ. Можно представить себѣ людей, придерживающихся строго научнаго міросозерцанія, но еще не увѣренныхъ въ томъ, что найдена формула историческаго движенія общественной жизни; тѣмъ не менѣе, они ни на минуту не сомнѣваются, что ихъ дѣйствія подчинены общему закону причинности; слѣдовательно, вышеупомянутое гносеологическое противорѣчіе существуетъ для нихъ при отсутствіи въ ихъ сознаніи представленія объ извѣстномъ предопредѣленномъ ходѣ развитія общественной жизни. Наконецъ, если даже остановиться на матеріалистической формулѣ историческаго движенія, какъ на научно обоснованной и потому обязательной для сознанія, то развѣ эта формула настолько детальна, что допускаетъ опредѣленные выводы по отношенію къ каждой отдѣльной жизни? Развѣ она предопредѣляетъ не только равнодѣйствующую общественнаго движенія, но также и жизненный путь каждаго индивидуума? Между тѣмъ очевидно, что только въ такомъ случаѣ эта формула ставила бы ея адептовъ въ особое, исключительное положеніе людей, которымъ предсказана ихъ личная судьба. Только въ такомъ случаѣ между свободою людей и необходимостью возникло бы то противорѣчіе, которымъ, повидимому,

озабоченъ г. Струве. Но мы думаемъ, что смущающій его вопросъ о роковомъ столкновеніи между всеобъемлющимъ знаніемъ и свободою—по меньшей мѣрѣ преждевремененъ. Если даже тотъ кругъ, которымъ г. Струве наглядно изображаетъ будущее *общественное* положеніе, представляется отчасти вовсе бѣлымъ пятномъ, а отчасти окрашеннымъ въ неопредѣленно сѣрый цвѣтъ,—даже для людей съ наиболѣе научнымъ и «неумолимо объективнымъ» общественнымъ міросозерцаніемъ, — то личная жизнь отдѣльно взятаго человѣка, можно сказать, остается попрежнему въ непроницаемомъ историческомъ туманѣ. Да оно и понятно: объективная формула историческаго движенія выражаетъ собою равнодѣйствующую многихъ коллективныхъ вліяній, изъ которыхъ каждое въ свою очередь представляетъ равнодѣйствующую безчисленнаго множества единичныхъ стремленій и усилій, расходящихся по разнымъ направленіямъ. Видя только послѣднюю равнодѣйствующую, мы не можемъ имѣть абсолютно никакого представленія о всѣхъ ея слагающихъ, одною изъ которыхъ является наша личная жизнь. Если мы, въ нашей общественной жизни, повинуемся извѣстному, познанному нами историческому закону, то мы дѣлаемъ это съ цѣлію достиженія тѣхъ или иныхъ общественныхъ результатовъ,—совершенно также, какъ мы пользуемся нашими знаніями въ области, скажемъ, геологіи или ботаники для достиженія другихъ нашихъ цѣлей болѣе личнаго характера, связь которыхъ съ результатами общественной жизни для насъ совершенно неуловима. Въ обоихъ случаяхъ, законы исторіи и законы природы являются для насъ законами внѣшняго міра, которыми мы пользуемся, имѣя въ виду осуществленіе нашихъ личныхъ желаній. Въ обоихъ случаяхъ наши дѣйствія связаны этими законами постольку, поскольку они связаны съ нашими личными желаніями. Въ одномъ случаѣ я стремлюсь къ осуществленію моихъ общественныхъ идеаловъ; въ другомъ—къ какому либо усовершенствованію въ сельскомъ хозяйствѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что оба стремленія обусловлены закономъ причинности, но я сознаю ихъ, какъ свои свободныя желанія, и это все, что нужно для наличности разсматриваемаго г. Струве гносеологическаго противорѣчія. Слѣдовательно вопросъ о соотношеніи между свободою и необходимостью можетъ быть поставленъ съ такимъ же основаніемъ по поводу законовъ исторіи, какъ и по поводу какихъ угодно другихъ познаваемыхъ нами законовъ природы. Дѣло въ томъ, что это—вопросъ не о соотношеніи между свободою и тѣми или другими познаваемыми нами законами исторіи, а о соотношеніи между нашими субъективными стремленіями и тѣми объективными причинами, которыя дѣлаютъ эти стремленія необходимыми, которыя обусловливаютъ неизбѣжность ихъ зарожденія въ насъ. Въ этомъ и только въ этомъ заключается все содержаніе затронутаго г. Струве вопроса. Поэтому намъ кажется, что перенесеніе имъ «гносеологическаго противорѣчія» изъ области субъективнаго сознанія въ область объективныхъ

историческихъ явленій и сопоставленіе исторической необходимости съ ощущеніемъ личной свободы—является сплошнымъ недоразумѣніемъ. Для того, чтобы могло возникнуть то гносеологическое противорѣчіе, которое пытается разрѣшить г. Струве, надо было бы, чтобы или общество представляло собою огромный организмъ, сознающій свое бытіе, ощущающій свободу своихъ дѣйствій и въ то же время убѣжденный въ тяготѣющей надъ нимъ исторической необходимости; или же—чтобы эта историческая необходимость являлась для каждаго отдѣльнаго человѣка въ видѣ болѣе или менѣе подробнаго предсказанія его собственной жизни и дѣятельности.

И такъ, намъ кажется, что въ самой постановкѣ вопроса, трактуемаго г. Струве, таится коренное недоразумѣніе, вслѣдствіе чего предлагаемое имъ рѣшеніе этого неправильно поставленнаго вопроса теряетъ значительную долю своего интереса.

Между тѣмъ, какъ г. Струве, такъ и г. Булгаковъ, касаются въ своихъ статьяхъ другого очень интереснаго вопроса, имѣющаго прямое отношеніе къ матеріалистическому пониманію исторіи, а именно—вопроса о роли человѣка въ исторіи, о томъ значеніи, какое имѣютъ въ ней его субъективныя стремленія, уже перешедшія въ форму дѣйствій. Нѣсколько общихъ положеній, высказанныхъ по этому поводу нашими авторами, мало разъяснены ими. Все ихъ вниманіе сосредоточено на чисто субъективной сторонѣ дѣла, на примиреніи закономѣрности общественныхъ явленій съ свободою воли въ сознаніи отдѣльнаго человѣка,—съ *свободою* человѣческихъ дѣйствій. Между тѣмъ, даже для разрѣшенія интересующаго ихъ противорѣчія между свободою и необходимостью чрезвычайно важно обратить вниманіе на объективную сторону человѣческихъ дѣйствій, на соотношеніе между субъективными стремленіями, которыми они обусловлены, и ихъ результатами, на большее или меньшее соотвѣтствіе между первыми и послѣдними. Несомнѣнно, что соотвѣтствіе между ожидаемыми и дѣйствительными результатами каждаго сознательнаго движенія составляетъ очень важный элементъ того сложнаго ощущенія, которое мы называемъ свободою воли. Если бы, желая встать, мы дѣлали движенія, приводившія насъ въ лежачее или какое угодно другое положеніе, но только не въ вертикальное; если бы, желая отправиться въ Петербургъ, мы попадали въ Москву, и т. д.—словомъ, если бы между нашими стремленіями и объективными послѣдствіями этихъ стремленій не установилось въ нашемъ сознаніи прочнаго соотвѣтствія, мы были бы лишены всякаго представленія о свободѣ нашихъ дѣйствій. Мы чувствовали бы себя въ рукахъ невѣдомой силы, перебрасывающей насъ изъ стороны въ сторону ради какихъ-то невѣдомыхъ намъ цѣлей. Очевидно слѣдовательно, что первымъ условіемъ, способствовавшимъ развитію въ насъ сознанія нашей свободы, было соотвѣтствіе между нашими субъективными стремленіями и ихъ объективными резуль-

татами въ самой ближайшей сферѣ нашихъ дѣйствій,—въ движеніяхъ и передвиженіяхъ нашего собственнаго тѣла.

Затѣмъ, сфера, въ которой человѣкъ начиналъ ощущать свою свободу, все болѣе и болѣе расширялась по мѣрѣ его знакомства съ закономѣрностью окружающихъ его явленій. Но необходимо замѣтить, что это расширеніе зависѣло не только отъ *познанія* человѣкомъ соотношенія и законовъ явленій внѣшней природы, но также, и даже главнымъ образомъ, отъ успѣшнаго примѣненія имъ этихъ познаній къ достиженію положительныхъ объективныхъ результатовъ. Вмѣстѣ съ расширеніемъ своего опыта, человѣкъ все болѣе и болѣе убѣждался въ цѣлесообразности своихъ дѣйствій, въ успѣшности своей борьбы съ природою, и эта активная роль, освобождавшая его фактически, отражалась соотвѣтствующимъ образомъ на его сознаніи. Если бы, даже при самомъ полномъ знаніи всѣхъ соотношеній между явленіями внѣшней природы, попытки человѣка воспользоваться этими знаніями для осуществленія своихъ личныхъ, субъективныхъ стремленій оказывались неудачными и приводили къ неожиданнымъ для него послѣдствіямъ, то у него не могло бы возникнуть и упрочиться сознаніе свободы своихъ дѣйствій. У него не могло бы возникнуть даже представленіе о своихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ это представленіе неотдѣлимо отъ ожидаемыхъ результатовъ. Сознаніе свободы дѣйствій необходимо предполагаетъ большую или меньшую увѣренность въ достиженіи извѣстнаго результата. Если я рѣшаюсь, положимъ, зажечь спичку, то эта рѣшимость могла возникнуть во мнѣ только потому, что я увѣренъ въ возможности добыть этимъ путемъ огонь. Всѣ наши желанія основаны на прочно установившейся ассоціаціи между нашими дѣйствіями и ожидаемыми отъ нихъ результатами. Самый генезисъ желаній связанъ съ много разъ повторявшимися опытами, приводившими къ тѣмъ иля другимъ полезнымъ для насъ послѣдствіямъ. И такъ, свобода необходимо предполагаетъ желанія, а желанія необходимо предполагаютъ удачныя попытки ихъ осуществленія; слѣдовательно, никакое сознаніе свободы не было бы возможно, если бы мы не достигали своими дѣйствіями желаемыхъ результатовъ. Освобожденіе нашего сознанія неразрывно связано съ нашимъ фактическимъ освобожденіемъ изъ-подъ неограниченной власти окружающей насъ природы.

Если мы перейдемъ въ сферу общественной жизни, то увидимъ, что и здѣсь также субъективное ощущеніе свободы дѣйствій находится въ соотвѣтствіи съ объективною дѣйствительностью. Только при условіи возможнаго цѣлесообразнаго вмѣшательства въ процессъ общественной жизни, въ сознаніи человѣка можетъ возникнуть представленіе о своей относительной свободѣ въ этой области,—та *идея свободы*, которую Фулье разсматриваетъ, какъ движущую силу. Но такъ какъ общественныя явленія, особенно въ позднѣйшія историческія эпохи, при возникновеніи большихъ государствъ, сдѣлались очень сложными и запутанными, то идея свободы въ этой области

не такъ непосредственна, какъ въ сферѣ воздѣйствія человѣка на внѣшнюю природу, и потому вовсе не для всѣхъ людей ихъ общественная жизнь сопровождается сознаніемъ свободы своихъ дѣйствій. Припомните, напримѣръ, Платона Каратаева и тѣ слова, которыми Л. Толстой заканчиваетъ его изображеніе:

«Каждое слово его и каждое дѣйствіе было проявленіемъ неизвѣстной ему дѣятельности, которая была его жизнь. Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только, какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ. Его слова и дѣйствія выливались изъ него также равномѣрно, необходимо и непосредственно, какъ запахъ отдѣляется отъ цвѣтка. Онъ не могъ понять ни цѣны, ни значенія отдѣльно взятаго дѣйствія или слова».

Для того, чтобы сдѣлался возможнымъ переходъ отъ такого ощущенія своего положенія и своей роли въ окружающей жизни къ ощущенію свободы своихъ дѣйствій, требуется соотвѣтствующій опытъ, соотвѣтствующее представленіе о дѣйствительности, почерпнутое или изъ непосредственнаго наблюденія надъ нею, или путемъ знакомства съ исторіею общественной жизни. Это ощущеніе не является чѣмъ-то присущимъ человѣку, какъ это думаетъ, повидимому, г. Струве, стремящійся проникнуть въ тайны гносеологическихъ противорѣчій; оно развивается въ людяхъ въ соотвѣтствіи съ ихъ дѣйствительною ролью въ исторіи. Поэтому мы и говоримъ очень часто о людяхъ, живущихъ безсознательною жизнью въ сферѣ общественныхъ отношеній, и о пробужденіи ихъ сознанія въ этой области. Человѣкъ, живущій безсознательно, не можетъ ощущать свободы своихъ дѣйствій; это ощущеніе развивается по мѣрѣ расширенія области его сознательной жизни. Въ сознаніи каждаго общественнаго дѣятеля, извѣстнаго рода дѣйствія въ общественной сферѣ ассоціированы съ извѣстнаго рода объективными результатами; въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта ассоціація болѣе или менѣе рискована и является въ видѣ предположеній; въ другихъ случаяхъ установлена прочно, потому что подтверждается опытомъ всей исторіи. На этой реальной подкладкѣ и создается наше субъективное ощущеніе своей свободы въ сферѣ общественной жизни.

Такимъ образомъ, развитіе въ человѣкѣ сознанія своей относительной свободы связывается съ объективными результатами его дѣятельности, охватывающей все большую и большую область окружающей его дѣйствительности. Съ этой эволюціонной точки зрѣнія, какъ мы думаемъ, и слѣдовало бы разсматривать поднятый г. Струве вопросъ о свободѣ воли, а не съ той чисто метафизической точки зрѣнія, съ какой онъ разсматривается какъ имъ, такъ и нѣкоторыми другими сторонниками эконономическаго матеріализма, такъ много говорящими о *своемъ* діалектическомъ методѣ.

Еслибы г. Струве не увлекся метафизической постановкой вопроса и желаніемъ проникнуть въ гносеологическія тайны, то онъ,

вѣроятно, замѣтилъ-бы, какой логическій скачокъ онъ дѣлаетъ, когда переходитъ непосредственно отъ свободы воли къ исторической необходимости, отъ субъективнаго сознанія къ общественному движенію, т. е. къ результатамъ коллективной дѣятельности всѣхъ членовъ общества; онъ, вѣроятно, замѣтилъ-бы, что необходимымъ связующимъ звѣномъ между свободою воли и историческою необходимостью является *объективное проявленіе* свободы воли, т. е. личная дѣятельность человѣка, и что поднятый имъ вопросъ разбивается на два слѣдующихъ: 1) о соотношеніи между свободою воли и личною дѣятельностью, разсматриваемою со стороны ея объективныхъ результатовъ; 2) о соотношеніи между личною дѣятельностью и историческою необходимостью; иначе говоря — о роли человѣка въ исторіи. Такъ какъ *поступки* отдѣльно взятаго человѣка, его личное участіе въ историческомъ процессѣ, находятся съ одной стороны въ извѣстномъ соотношеніи съ его субъективнымъ сознаніемъ, а съ другой стороны представляютъ собою одинъ изъ элементовъ общественной жизни, то они и составляютъ необходимую логическую ступень для перехода отъ субъективнаго міра въ міръ объективной исторической дѣйствительности. Мы видѣли, что г. Струве минуетъ эту ступень и прямо ставитъ вопросъ о соотношеніи между свободою воли и закономъ, формулирующимъ дѣйствія цѣлаго общества. Въ этомъ и заключается сдѣланный имъ логическій скачокъ.

Г. Струве разсматриваетъ свободу воли въ ея метафизической сущности, въ видѣ непостижимой гносеологической тайны; онъ не анализируетъ этого сложнаго ощущенія и не связываетъ его съ объективными проявленіями. Поэтому мы не находимъ у него ровно ничего, что касалось бы перваго изъ двухъ вопросовъ, на которые разбивается постановленный имъ вопросъ, т. е. соотношенія между свободою воли и объективными результатами человѣческихъ дѣйствій.

Посмотримъ же теперь, какъ разрѣшается имъ и г. Булгаковымъ второй вопросъ, непосредственно связанный съ первымъ, вопросъ о роли человѣка въ исторіи. Посмотримъ, въ какомъ соотношеніи находится, по взглядамъ нашихъ авторовъ, не свобода воли, а ея, такъ сказать, реальный субстратъ, т. е. дѣйствія человѣка, и не съ исторической необходимостью—понятіемъ слишкомъ неопредѣленнымъ, — а съ тою формою, какую придаетъ исторической необходимости матеріалистическое пониманіе исторіи. Какъ мы уже упоминали выше, мы находимъ на этотъ счетъ въ статьяхъ гг. Булгакова и Струве только нѣсколько общихъ положеній, «трюизмовъ», на которыхъ, по мнѣнію г. Булгакова, почти не стоитъ останавливаться.

«Но исторія, пишетъ г. Струве, въ то же время *дѣлается людьми*, стремящимися къ осуществленію *своихъ цѣлей*, дѣйствующими во имя *своихъ идеаловъ* *)». (Курсивъ автора).

*) „Вопросы философіи и психологіи“, янв.—фев., стр. 121.

«Справедливо гордое своею неумолимою объективностью, он (матеріалистическое пониманіе исторіи), пишетъ г. Булгаковъ, выставило формулу закономѣрнаго развитія общества, по которой это развитіе совершается, если не вопреки, то помимо субъективныхъ идеаловъ; стремленія и поступки людей, по этому ученію, при извѣстныхъ условіяхъ, даютъ нѣчто или прямо противоположное, или во всякомъ случаѣ иное, чѣмъ ожидали люди *)».

Такъ отвѣчаютъ на поставленный нами вопросъ теоретики экономическаго матеріализма. Исторія дѣлается людьми, стремящимися къ осуществленію своихъ цѣлей; но развитіе общественной жизни совершается, если не вопреки, то помимо субъективныхъ стремленій людей. Въ этой именно независимости общественнаго развитія отъ субъективныхъ идеаловъ и заключается тотъ объективизмъ, которымъ «справедливо гордится» матеріалистическое пониманіе исторіи. Общественное развитіе или, иначе говоря, процессъ исторической жизни конкретно выражается въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, которымъ соотвѣтствуютъ тѣ или другія субъективныя стремленія; законъ общественнаго развитія выполняется людьми, стремящимися къ осуществленію своихъ субъективныхъ цѣлей. Но, согласно матеріалистическому пониманію исторіи, этотъ законъ устанавливаетъ несоотвѣтствіе между стремленіями людей и исторической дѣйствительностью, и это несоотвѣтствіе подчеркивается г. Булгаковымъ, какъ характерная, основная особенность всей концепціи. Такимъ образомъ люди являются исполнителями историческихъ предначертаній, не имѣющихъ ничего общаго съ ихъ субъективными цѣлями. Въ такомъ видѣ рисуется ихъ объективная историческая роль.

Но, спрашивается, достигаютъ они или не достигаютъ своихъ цѣлей? Если не достигаютъ, то, въ такомъ случаѣ, дѣлаются необъяснимыми самыя субъективныя стремленія; при отсутствіи опыта, устанавливающаго связь между стремленіями и ихъ объективными послѣдствіями, становится непонятнымъ самый механизмъ человѣческихъ дѣйствій; непонятно, откуда берется у людей внутренняя энергія для выполненія чуждой имъ исторической миссіи, не соотвѣтствующей ихъ субъективнымъ цѣлямъ. Наконецъ, такое предположеніе невозможно, потому что въ числѣ этихъ субъективныхъ цѣлей на первомъ мѣстѣ стоятъ связанныя съ самымъ существованіемъ людей и съ огражденіемъ ихъ личной и коллективной жизни отъ тысячи личныхъ и общественныхъ опасностей: еслибы люди не достигали этихъ цѣлей, они перестали-бы жить, и слѣдовательно не могли бы выполнять свою историческую миссію.

Но если люди, являясь въ своихъ поступкахъ и стремленіяхъ выполнителями извѣстнаго закона общественнаго развитія, въ то

---

*) *Законъ причинности и свобода человѣческихъ дѣйствій*, Новое Слово, май, стр. 185.

же время достигають своихъ субъективныхъ цѣлей, то очевидно, что этими достигнутыми результатами наполняется историческая дѣйствительность. Но тогда является необъяснимымъ, какимъ образомъ историческая дѣйствительность оказывается не имѣющей ничего общаго съ субъективными стремленіями людей. Непонятно, какимъ образомъ дѣйствія людей оказываются одновременно осуществленіемъ ихъ субъективныхъ цѣлей и осуществленіемъ историческаго закона, не имѣющаго ничего общаго съ ихъ субъективными цѣлями. Это противорѣчіе, какъ видитъ читатель, не гносеологическаго характера; дѣло идетъ не о субъективномъ сознаніи человѣка, а о мірѣ объективныхъ явленій. Это противорѣчіе между исторической дѣйствительностью, какою она неизбѣжно является по формулѣ г. Струве: «исторія дѣлается людьми...» и т. д.—и какою она оказывается по выше приведенной формулѣ г. Булгакова.

Г. Булгаковъ можетъ, конечно, сказать, что онъ не отвѣтственъ за формулу г. Струве. Но дѣло въ томъ, что ту же формулу повторяетъ и самъ г. Булгаковъ въ своемъ спасительномъ трюизмѣ: законъ развитія общества говоритъ о томъ, что выйдетъ *изъ* нашихъ дѣйствій. Оказывается, что изъ нашихъ дѣйствій выходитъ нѣчто или прямо противоположное, или, во всякомъ случаѣ иное, чѣмъ мы ожидали. Слѣдовательно, получается именно то противорѣчіе, на которое мы только что указали.

Но г. Булгаковъ вноситъ очень важное ограниченіе во вторую половину своей фразы: «стремленія и поступки людей, по этому ученію, говоритъ онъ, *при извѣстныхъ условіяхъ*, даютъ нѣчто или прямо противоположное или, во всякомъ случаѣ, иное, чѣмъ ожидали люди». Это ограниченіе, въ сущности, уничтожаетъ все значеніе его перваго категорическаго утвержденія: «закономѣрное развитіе общества совершается, если не вопреки, то помимо субъективныхъ идеаловъ». Дѣйствительно, если только при *извѣстныхъ условіяхъ* въ результатѣ стремленій и поступковъ людей получается нѣчто противоположное ихъ желаніямъ, то слѣдовательно бываютъ случаи совпаденія историческихъ результатовъ съ субъективными стремленіями людей. А такъ какъ и эти случаи неизбѣжно входятъ составною частью въ содержаніе историческаго процесса, то, слѣдовательно, этотъ процессъ совершается *не* вопреки и *не* помимо субъективныхъ идеаловъ.

Очевидно, что если только допустить, въ какомъ бы то ни было размѣрѣ, вліяніе субъективныхъ стремленій людей на ходъ общественнаго развитія, то этимъ допущеніемъ разрушается вся неумолимая объективность матеріалистическаго пониманія исторіи, такъ какъ невозможно будетъ отдѣлить въ историческомъ процессѣ ту часть его, которая совершается помимо или вопреки субъективныхъ стремленій людей, отъ той его части, въ которой осуществляются эти стремленія. Наконецъ, если эта послѣдняя часть слишкомъ ничтожна и незамѣтна, то мы возвращаемся къ первому про-

тиворѣчію; ограниченіе, сдѣланное г. Булгаковымъ, теряетъ тогда свое значеніе, и первая половина его формулы вступаетъ въ полную силу. Но мы уже видѣли, до какой степени эта первая половина несогласима съ тѣмъ положеніемъ, что исторія дѣлается людьми, стремящимися къ осуществленію своихъ цѣлей. Итакъ, или исторія дѣлается не людьми, или она совершается не вопреки и не помимо ихъ субъективныхъ стремленій.

Г. Булгаковъ не отрицаетъ вліянія субъективныхъ стремленій, такъ какъ заявляетъ, что при извѣстныхъ условіяхъ они переходятъ въ историческую дѣйствительность, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отрицаетъ это вліяніе, утверждая, что общественное развитіе совершается если не вопреки, то помимо субъективныхъ стремленій.

Г. Булгаковъ, вѣроятно, полагаетъ, что это противорѣчіе разрѣшается очень легко и просто еще однимъ спасительнымъ трюизмомъ, который мы находимъ въ его статьѣ, а именно слѣдующимъ:

«Но матеріалистическое пониманіе исторіи сулитъ успѣхъ лишь тѣмъ сознательнымъ дѣйствіямъ человѣка, которыя согласуются съ закономъ развитія даннаго общества» *).

Но въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о самомъ законѣ общественнаго развитія, противорѣчіе, на которое мы указываемъ, заключается въ той формулѣ, въ которой г. Булгаковъ выражаетъ свое матеріалистическое пониманіе исторіи; это и есть тотъ самый законъ общественнаго развитія, съ которымъ должны сообразоваться сознательныя дѣйствія людей. Для занимающаго насъ вопроса не важно, отъ чего именно зависитъ, по мнѣнію г. Булгакова, «все общественное бытіе»; онъ думаетъ, что оно зависитъ «отъ соціальнаго хозяйства»; положимъ; но эта зависимость общественнаго бытія отъ соціальнаго хозяйства является, по отношенію къ данному вопросу, только другою формулировкою того же самаго закона, которымъ устанавливается независимость общественнаго развитія отъ субъективныхъ стремленій. Если-же законъ общественнаго развитія, обнимающій собою всѣ сознательныя дѣйствія человѣка, устанавливаетъ, что результаты этихъ дѣйствій не зависятъ отъ субъективныхъ стремленій, то это именно и значитъ, что субъективныя стремленія только въ такомъ случаѣ достигаютъ успѣха, если они согласуются съ тѣми другими факторами, отъ которыхъ зависитъ общественное бытіе, въ данномъ случаѣ—съ соціальнымъ хозяйствомъ. Еслибы субъективныя стремленія могли достигать успѣха вопреки соціальному хозяйству, то это значило-бы, что они имѣли-бы самостоятельное вліяніе на общественное бытіе и, слѣдовательно, являлись-бы въ свою очередь факторами общественнаго развитія, что противорѣчило бы формулированному г. Булгаковымъ закону. Очевидно слѣдовательно, что приведенное нами разъясненіе г. Булга-

*) «Вопросы Филос. и Псих.» ноябрь—декабрь, стр. 611.

кова относительно того, при какихъ именно условіяхъ стремленія и поступки людей не даютъ чего-то противоположнаго или иного, чѣмъ ожидали люди, представляетъ собою простую перефразировку высказанной имъ основной формулы матеріалистическаго пониманія исторіи. Это дѣйствительно трюизмъ для людей, признавшихъ эту формулу; но онъ не разрѣшаетъ заключающагося въ ней противорѣчія.

Противорѣчіе заключается въ томъ, что, съ одной стороны, субъективныя стремленія, руководящія дѣйствіями людей, основаны на активной роли человѣка въ исторіи, на достигнутыхъ имъ результатахъ, на его завоеваніяхъ въ области внѣшней природы и на его вмѣшательствѣ въ общественную жизнь; эти стремленія только потому и возникаютъ, что они связаны съ возможностью ихъ осуществленія; между тѣмъ какъ съ другой стороны самою характерною чертою формулы, выражающей собою законъ общественнаго развитія, является полный разладъ между субъективными стремленіями и объективными результатами человѣческой дѣятельности. Намъ кажется, что это противорѣчіе можетъ быть разрѣшено только видоизмѣненіемъ самой формулы, допущеніемъ въ нее субъективнаго элемента и соотвѣтствующимъ измѣненіемъ понятія объ общественномъ развитіи. Это понятіе не можетъ быть объективнымъ, такъ какъ послѣднимъ звѣномъ въ цѣпи причинъ и слѣдствій, предшествующихъ общественнымъ измѣненіямъ, являются субъективныя стремленія.

Оставимъ пока въ сторонѣ общественную жизнь и представимъ себѣ, что мы хотѣли бы найти формулу, выражающую законъ измѣненій, происходящихъ на земной поверхности за періодъ исторической жизни человѣка. Эти измѣненія, какъ извѣстно, довольно значительны. Человѣкъ расчистилъ почву, истребилъ хищныхъ звѣрей, культивировалъ дикія растенія, извлекъ на поверхность цѣлые пласты каменнаго угля и т. д. Словомъ, онъ до извѣстной степени пересоздалъ внѣшнюю природу, сообразно своимъ потребностямъ; онъ заставилъ ее служить своимъ интересамъ и тѣмъ самымъ лишилъ ее ея безстрастнаго объективнаго характера. Ко всѣмъ разрушительнымъ и созидающимъ силамъ, дѣйствующимъ на земной поверхности, присоединилась энергія человѣка, направленная на достиженіе извѣстныхъ цѣлей, на осуществленіе субъективныхъ стремленій, совершенно отсутствовавшихъ въ природѣ до появленія человѣка. Благодаря этому, тотъ законъ, которому подчинялась ранѣе того жизнь земной коры, долженъ былъ измѣниться и принять субъективную окраску. Онъ уже не могъ бы быть выраженъ въ однихъ объективныхъ терминахъ, потому что въ самой дѣйствительности, которую онъ долженъ обнять своею формулою, появился субъективный элементъ въ видѣ осуществившихся субъективныхъ стремленій человѣка. Субъективныя стремленія человѣка связаны съ дѣйствительностью не только тѣмъ, что вызываются ею, но также

и тѣмъ, что они измѣняютъ ее, и въ этомъ смыслѣ являются творческою силою. Подъ ихъ вліяніемъ человѣкъ создаетъ новыя комбинаціи элементовъ внѣшней природы, существующія предварительно только въ его головѣ, и затѣмъ переноситъ эти комбинаціи въ міръ объективныхъ явленій, гдѣ онѣ не могли бы возникнуть другимъ путемъ. Такимъ образомъ во всякой сферѣ, гдѣ дѣйствуетъ человѣкъ, являются такія внѣшнія измѣненія, которыя соотвѣтствуютъ субъективнымъ цѣлямъ и субъективнымъ стремленіямъ. Внѣшняя среда мало-по-малу пересоздается сообразно потребностямъ человѣка. Таковъ дѣйствительный ходъ вещей, и онъ не можетъ не отразиться на формулѣ, претендующей на истолкованіе дѣйствительности.

Мы знаемъ, что отвѣтятъ намъ на это сторонники матеріалистическаго пониманія исторіи: «Вы говорите о субъективныхъ стремленіяхъ, но вашъ анализъ не идетъ далѣе этого; мы же спрашиваемъ, откуда являются субъективныя стремленія и утверждаемъ, что они вызываются матеріальными условіями окружающей жизни. Вспомните, что говоритъ г. Бельтовъ: если бы человѣкъ не жилъ въ такой средѣ, которая способствовала развитію его переднихъ конечностей, у него не было бы рукъ, этихъ удивительныхъ орудій, столь послушныхъ его волѣ; а если бы у людей не было рукъ, не было бы и успѣховъ «разума», и т. д. Слѣдовательно, въ основаніи всей умственной и психической жизни лежатъ матеріальныя условія». Сущность этого возраженія сводится къ той великой истинѣ, что субъективныя стремленія не возникаютъ безпричинно, съ чѣмъ конечно нельзя не согласиться. Но далѣе слѣдуетъ такой выводъ: такъ какъ субъективныя стремленія не являются безъ причины, то вся ихъ историческая роль, все то движеніе, которое сообщается *ими* окружающей средѣ, уже содержится въ тѣхъ причинахъ, которыми они вызваны, слѣдовательно ихъ можно выкинуть изъ цѣпи причинъ и слѣдствій. Такова, такъ сказать, психологія матеріалистическаго пониманія исторіи.

«А въ какомъ же логическомъ отношеніи къ идеалу стоитъ матеріалистическое пониманіе исторіи?» спрашиваетъ г. Булгаковъ *): «Ни въ какомъ! матеріалистическое пониманіе исторіи есть научная доктрина, имѣющая, слѣдовательно, дѣло исключительно съ познаваніемъ или пониманіемъ извѣстныхъ жизненныхъ отношеній».

Жизненныя же отношенія, по этой концепціи, прямо вытекаютъ изъ той матеріальной среды, которая окружаетъ людей. Тотъ внутренній міръ, черезъ который проходитъ эта среда, прежде чѣмъ превратиться въ извѣстныя жизненныя отношенія, не вноситъ съ своей стороны ничего новаго и ничего не прибавляетъ къ тѣмъ дѣйствующимъ силамъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находится.

*) *Законъ причинности и свобода человѣч. дѣйствій*, «Нов. Слово», май, стр. 198.

Онъ служитъ только простымъ передаточнымъ звѣномъ въ механизмѣ общественной жизни, а потому наука, изучающая этотъ механизмъ, не имѣетъ къ нему никакого логическаго отношенія.

Въ этомъ, какъ намъ кажется, заключается сущность объективизма въ матеріалистическомъ пониманіи исторіи. Эта «грандіозная попытка ввести исторію человѣчества въ систему научнаго опыта» сводится къ тому, что изъ общественныхъ явленій просто устраняется то, что составляетъ ихъ характерную особенность, ихъ отличіе отъ всѣхъ другихъ явленій, подлежащихъ научному изслѣдованію: тѣ процессы развитія и борьбы, которые происходятъ въ мірѣ субъективныхъ явленій и затѣмъ отражаются въ окружающей средѣ.

Касаясь въ этой статьѣ только самыхъ общихъ сторонъ матеріалистическаго пониманія исторіи, насколько оно выразилось во взглядахъ гг. Струве и Булгакова на свободу и историческую необходимость, мы хотѣли указать на противорѣчіе въ ихъ формулахъ, которыя связываются ими съ сущностью ихъ ученія и въ которыхъ, какъ намъ кажется, также повторяются нѣкоторыя общія положенія всей школы.

Если эти противорѣчія и разрѣшаются какъ либо при большемъ развитіи этихъ общихъ положеній и при томъ же отрицаніи исторической роли субъективныхъ процессовъ, то во всякомъ случаѣ мы не находимъ этого ни у г. Струве, ни у г. Булгакова и ни у одного изъ популяризаторовъ этого ученія въ русской журналистикѣ.

П. Б.

Новыя книги.

М. Старицкій. Богданъ Хмельныцькый. Исторична драма въ 5-ты діяхъ и 6-ты одминахъ, зъ апофеозомъ. Кіевъ 1897.

Эпоха возстанія Богдана Хмельницкаго, составившая поворотный пунктъ въ исторіи Польши и Малороссіи, сравнительно не часто привлекала къ себѣ вниманіе беллетристовъ той и другой національности. По своему важному значенію въ жизни обоихъ народовъ, равно какъ по рѣдкому богатству эффектныхъ лицъ и драматическихъ положеній, она несомнѣнно заслуживаетъ художественнаго воспроизведенія, но почему-то до сихъ поръ попытки подобнаго воспроизведенія оставались не особенно многочисленными и не очень удачными. Послѣдняя попытка такого рода въ польской литературѣ, предпринятая Сенкевичемъ въ его извѣстномъ романѣ, переведенномъ и на

русскій языкъ, оказалась совершенно неудовлетворительной, такъ какъ талантливый романистъ, увлекшись погоней за внѣшними эффектами и не съумѣвъ освободиться отъ національныхъ и сословныхъ предразсудковъ, не удержался на высотѣ своей задачи и далъ лишь рядъ батальныхъ картинъ въ лубочномъ вкусѣ. Нельзя сказать, чтобы и г. Старицкій въ своемъ новомъ произведеніи успѣшно справился съ благодарной, хотя и трудной, задачей изображенія народнаго возстанія, взятой имъ на себя, и представилъ очень цѣнный вкладъ въ малорусскую литературу. Начать съ того, что хотя этому произведенію и присвоено авторомъ названіе исторической драмы, но съ дѣйствительною исторіей оно имѣетъ весьма мало общаго. Беллетристы вообще завоевали себѣ право довольно свободнаго отношенія къ изображаемымъ ими историческимъ событіямъ, но г. Старицкій доводитъ такую свободу едва-ли не до послѣднихъ ея предѣловъ. Рисуя подготовку возстанія на Запорожьѣ, онъ заставляетъ собраться какое-то подобіе войсковой рады въ степной корчмѣ и таинственнымъ образомъ сводитъ въ нее главныхъ вождей казачества, въ томъ числѣ и Хмельницкаго, котораго здѣсь и выбираютъ гетманомъ. Далѣе мы узнаемъ, что подъ Зборовомъ поляки были разбиты не Хмельницкимъ, а Богуномъ, миръ же былъ заключенъ Хмельницкимъ не подъ Зборовомъ, а подъ Збаражемъ. Въ сраженіи подъ Берестечкомъ Хмельницкій, если вѣрить историкамъ, не участвовалъ, такъ какъ до начала битвы былъ насильственно увезенъ ханомъ. У г. Старицкаго же не только Хмельницкій начальствуетъ въ этой битвѣ, но его неудачныя распоряженія и являются причиной пораженія казаковъ; должно быть, для усиленія эффекта, гетманъ въ разгаръ битвы получаетъ извѣстіе объ измѣнѣ жены и казни ея, а казаки, предводимые Богуномъ, поднимаютъ возстаніе, которое прекращается лишь благодаря добродѣтельной героинѣ драмѣ, Ганнѣ Золотаренковой, и траготельной рѣчи самого Богдана. Трудно понять, зачѣмъ понадобились автору всѣ эти и многія другія искаженія дѣйствительныхъ фактовъ, обращающія его драму скорѣе въ фантастическую, чѣмъ въ историческую. Подобная характеристика тѣмъ болѣе приложима къ произведенію г. Старицкаго, что онъ не только въ изображеніи отдѣльныхъ фактовъ, но и въ обрисовкѣ характеровъ выводимыхъ имъ лицъ далеко отступаетъ отъ исторической дѣйствительности. Богданъ Хмельницкій, этотъ мало дисциплинированный, но грозный вождь возставшаго народа, въ изображеніи г. Старицкаго въ моментъ удачи мечтаетъ о малороссійской коронѣ, въ минуту же гибели всего возстанія заниматеся своими семейными дѣлами. Богунъ, храбрый воинъ и, насколько извѣстна намъ его дѣятельность, сторонникъ ка-

зацкихъ привилегій, у автора выставленъ заступникомъ за простой народъ передъ Хмельницкимъ. Повидимому, авторъ вообще не далъ себѣ труда сколько-нибудь глубже вдуматься въ эпоху, представить которую онъ задумалъ, и естественнымъ послѣдствіемъ его поверхностнаго отношенія къ своей задачѣ явилось крайне шаблонное построеніе всей драмы. Народъ, который долженъ былъ бы явиться истиннымъ ея героемъ, появляется въ ней лишь въ видѣ поющей или кричащей толпы и вся драма сводится, въ сущности, на личную, по преимуществу любовную, исторію Богдана Хмельницкаго. Съ другой стороны лица, окружающія этого героя, обрисованы крайне шаблонными и топорными чертами. Выводитъ авторъ на сцену казака, любящаго гульнуть,—и онъ при всякомъ своемъ появленіи чуть не каждую фразу сводитъ къ водкѣ. Католическій „пробощъ“ въ драмѣ г. Старицкаго такъ невѣроятно коваренъ что это коварство переходитъ даже въ глупость и врядъ-ли могло бы ввести ве обманъ и малаго ребенка. Польскіе паны являются въ драмѣ только затѣмъ, чтобы разыграть въ Збаражскомъ лагерѣ сцены сейма, причемъ пускается въ ходъ и пресловутое liberum veto; и даже такая яркая и благодарная фигура, какъ Іеремія Вишневецкій, остается совершенно не очерченной. Но если, такимъ образомъ, въ произведеніи г. Старицкаго отсутствуетъ историческая истина и сколько-нибудь тонкая психологическая разработка, то въ немъ за то много, пожалуй, даже слишкомъ много, мелодраматическихъ эффектовъ. Не довольствуясь извращеніемъ историческихъ фактовъ и накопленіемъ невѣроятныхъ событій, примѣры чего мы уже приводили, авторъ прибѣгаетъ и къ другимъ излюбленнымъ пріемамъ сочинителей мелодрамъ. Рядомъ съ Хмельницкимъ, постоянно, кстати и не кстати произносящимъ крайне патетическія рѣчи, авторъ ставитъ двѣ женскія фигуры, едва-ли не одиниково неестественныя. Одна—невѣста Богдана, отнятая у него Чаплинскимъ и потомъ снова возвращенная Хмельницкимъ,—легкомысленная и коварная полька, готовая всѣмъ вѣшаться на шею, что какъ-то не мѣшаетъ ей мечтать о власти надъ страною. Ганна Золоторенкова, воспитанница Богдана, втайнѣ влюбленная въ него,—настоящій извергъ добродѣтели въ юбкѣ или платьѣ. Она не только спасаетъ Богдана отъ яда, усмиряетъ возстаніе казаковъ, ухаживаетъ за больными и разгоняетъ тоску гетмана, бесѣдуя съ нимъ о государственныхъ дѣлахъ, но и въ сферѣ своихъ интимныхъ чувствъ проявляетъ необыкновенную возвышенность души: ея рѣчамъ о любви и трогательному идеализму ея представленій могли бы позавидовать и многія современныя дѣвицы. Наконецъ, въ драмѣ г. Старицкаго имѣются и неизбѣжные предсказатели будущаго; ихъ даже два: бандуристъ, которому приданъ ха-

рактеръ чуть не ветхозавѣтнаго пророка, и цыганка-гадалка, и оба предсказываютъ съ одинаковымъ успѣхомъ. Мелодраматическое по содержанію, шаблонное по формѣ, произведеніе г. Старицкаго обладаетъ однимъ достоинствомъ: оно написано красивымъ и хорошимъ языкомъ и гладкими стихами. Мы можемъ въ заключеніе лишь посовѣтовать почтенному автору не браться за историческія темы, которыя требуютъ отъ художника и сильнаго таланта, и болѣе глубокихъ знаній, нежели каками онъ, повидимому, располагаетъ. Впрочемъ, мы не хотѣли бы скрывать отъ читателя, что наше мнѣніе о драмѣ г. Старицкаго является далеко не общимъ: на конкурсѣ, объявленномъ драматической труппой Кропивницкаго, эта драма удостоена первой преміи, о чемъ и объявляется на заглавной ея страницѣ. Мы склонны однакоже думать, что такой приговоръ свидѣтельствуетъ болѣе о бѣдности малорусскаго сценическаго репертуара, чѣмъ о достоинствахъ даннаго произведенія.

Гербертъ Спенсеръ. Основныя начала. Переводъ съ англійскаго. С.-Петербургъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1897.

Въ концѣ прошлаго 1896 года вышелъ въ Англіи восьмой томъ капитальнаго труда Герберта Спенсера „A system of synthetic philosophy", составляющій вмѣстѣ съ тѣмъ третій томъ „Principles of Sociology", четвертаго сочиненія изъ пяти, входящихъ въ „Систему" англійскаго философа. Два тома пятаго и послѣдняго сочиненія „Principles of Ethics", вышли раньше. Такимъ образомъ, восьмой томъ „Системы", заполняя собою промежутокъ между седьмымъ и девятымъ, оказывается заключительнымъ томомъ знаменитаго труда, попытавшагося дать синтезъ всему знанію, какъ оно развилось и сложилось во второй половинѣ XIX вѣка. Работа громадная и, какими бы частными недостатками и промахами ни отличалась, представляетъ великую заслугу передъ мыслящимъ человѣчествомъ. „Оглядываясь назадъ, пишетъ Спенсеръ въ предисловіи къ послѣднему тому своего труда, оглядываясь назадъ, черезъ рядъ этихъ тридцати трехъ лѣтъ, которыя протекли со времени начала *Синтетической философіи*, я чувствую смущеніе передъ дерзостью, съ которой приступилъ къ работѣ, и удивляюсь, что мнѣ дано было ее окончить". Указывая на болѣзни и упадокъ силъ, которыя прерывали его работу, онъ вспоминаетъ, что было время, когда онъ отчаялся окончить начатый трудъ. Это заставило его послѣ шестого тома, заключавшаго первый томъ *Соціологіи*, прямо перейти къ девятому и десятому, отведеннымъ для *Этики*. Изданіемъ этихъ томовъ Спенсеръ болѣе дорожилъ. Однако, силы его позволили возвра-

титься потомъ къ прерванному изложенію *Соціологіи*. Послѣ седьмого тома, заключавшаго въ себѣ анализъ обрядоваго правительства и основъ политической организаціи, ему удалось дописать, наконецъ, и послѣдній восьмой томъ объ основахъ организаціи духовной, профессіональной и промышленной. „Съ выходомъ этого тома, говоритъ упомянутое предисловіе, *Синтетическая философія* закончена. Серія сочиненій, объединенныхъ въ этомъ трудѣ, оказывается уже пополненною и, однако, еще не полною". Дѣло въ томъ, что всѣ обѣщанные десять томовъ изданы, но содержаніе первыхъ двухъ томовъ *Соціологіи* разрослось при выполненіи въ три тома. Осталась ненаписанною теорія прогресса. Спенсеръ сознается, что, будучи уже семидесяти шести лѣтнимъ инвалидомъ, онъ не чувствуетъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, впрочемъ, отчасти пополняемый разными Essays, опубликованными въ разное время.

Заключеніе знаменитаго труда ставитъ на очередь вопросъ и о его полномъ переводѣ на русскій языкъ. До сихъ поръ переведены только отдѣльные томы, да и тѣ большею частью вышли изъ продажи. Нѣкоторые составляютъ библіографическую рѣдкость. Другіе представляются неконченными отрывками. Такъ изъ *Основаній Этики* переведена и вышла въ нѣсколькихъ даже изданіяхъ лишь первая половина перваго тома (девятаго тома *Синтетической философіи*). Изъ *Основаній Соціологіи* своевременно былъ переведенъ первый томъ (шестой философіи). Затѣмъ позже г. Лучицкій выпустилъ подъ заглавіемъ „Начала Соціологіи" отрывокъ II тома, именно, часть, посвященную обрядовой организаціи. Остальное осталось не переведеннымъ. *Основанія Біологіи* и *Основанія Психологіи*, своевременно по русски изданныя, давно разошлись и въ продажѣ не имѣются. Пора давно подумать о собраніи этихъ фрагментовъ, дополненіи ихъ непереведеными томами и о объединенномъ изданіи, которое дало бы русскому образованному обществу въ руки этотъ, въ своемъ родѣ единственный, синтезъ всего современнаго знанія. Мы уже упомянули, что синтезъ этотъ не лишенъ серьезныхъ прочетовъ и недостатковъ. Русская и европейская литература представляютъ, однако, богатый запасъ разностороннихъ поправокъ и дополненій, ослабляющихъ опасность ложныхъ выводовъ и увлеченій, тогда какъ богатый сводъ данныхъ и рѣдкая сила обобщенія, отличающіе *Синтетическую философію* Герберта Спенсера, не могутъ быть замѣнены не только однимъ, но и многими трудами современной литературы. Важнѣйшею составною частью всего труда является его первый томъ „First Principles", новый переводъ котораго на русскій языкъ и послужилъ для насъ поводомъ къ этимъ замѣткамъ.

Основныя начала, какъ перевелъ Тибленъ тридцать лѣтъ тому назадъ выраженіе „First Principles", удержанное и новымъ переводомъ, заключаютъ въ себѣ двѣ неравноцѣнныя части. Первая, трактующая о непознаваемомъ абсолютѣ, принадлежитъ къ числу столько-же слабыхъ, сколько несмѣлыхъ философскихъ произведеній нашего времени, ими изобилующаго. Вовсе не позитивистъ въ смыслѣ Конта, совершенно просто и непреклонно остановившагося на порогѣ относительнаго и даже не интересовавшагося погадать, что могло быбыть за этимъ порогомъ, Гербертъ Спенсеръ совершенно напротивъ очень интересуется этимъ „непознаваемымъ" абсолютомъ и, повидимому, имѣетъ о немъ довольно опредѣленное представленіе. Вчитываясь въ первую часть „First Principles" и въ ея скрытую, но легко угадываемую связь съ нѣкоторыми основными положеніями второй части, вы легко усмотрите, что «непознаваемымъ» абсолютомъ является сила, разлитая въ природѣ и проявляющаяся во вселенной въ томъ, что наука называетъ физическою энергіей. Философская доктрина Герберта Спенсера представляется, такимъ образомъ, просто ученіемъ матеріалистическаго пантеизма, которое авторъ, робѣя передъ извѣстнымъ складомъ англійскаго образованнаго общества, вырядилъ въ новоизобрѣтенный костюмъ философскаго агностицизма... Кромѣ этого основного недостатка, философской неискренности автора, первая часть *Основныхъ началъ* прямо слаба по изложенію и аргументаціи. Сила Спенсера въ замѣчательномъ синтезѣ. Здѣсь же ему приходилось имѣть дѣло съ анализомъ и, быть можетъ, никогда самостоятельность этихъ двухъ методовъ не сказалась такъ ярко, какъ въ этой слабости анализа изъ ряду вонъ сильнаго синтетическаго ума.

Первая часть занимаетъ, однако, едва одну треть всего тома. Вторая же часть, посвященная *Законамъ познаваемаго*, составляетъ лучшую славу Спенсера. Можно искренно привѣтствовать ея появленіе на русскомъ языкѣ въ хорошемъ переводѣ, нынѣ изданномъ г. Пантелѣевымъ. Мы сличали наудачу нѣсколько мѣстъ русскаго перевода 2-й части (нѣкоторая неточность перевода 1-й части довольно естественна) съ подлинникомъ и всегда находили русскій текстъ близкимъ къ англійскому, хорошо передающимъ его смыслъ и хорошимъ русскимъ языкомъ. Послѣднее въ наше время не очень часто встрѣчается въ переводахъ. Быть можетъ, слѣдовало бы упрекнуть переводчика за нѣкоторую произвольность при выборѣ терминовъ. Для примѣра беремъ самый основной параграфъ всего труда, имено § 94, гдѣ заключается высшій синтезъ всего сущаго. Приведемъ существенное мѣсто этого параграфа, какъ

оно переведено по русски, проставляя въ скобкахъ, гдѣ нужно, англійскія выраженія и термины:

„Мы признали тотъ фактъ, что наука, изслѣдуя генеалогію предметовъ (of various objects), находитъ ихъ составныя части бывшими нѣкогда въ *разлитомъ* состояніи (in *diffused* states), а слѣдя ихъ исторію въ будущемъ, находитъ, что онѣ вновь примутъ разлитое (diffused) состояніе. Тѣмъ самымъ мы признали фактъ, что требуемая формула должна охватывать оба противуположные процесса—сосредоточенія (concentration) и *разлитія* (diffusion). Опредѣляя этими чертами общій характеръ формулы, мы уже приблизились къ спеціальному (specific) выраженію ея. Переходя изъ разлитаго (diffused), *незамѣтнаго* (imperceptible) состоянія въ сосредоточенное *замѣтное* (perceptible это интеграція матеріи и сопровождающее ее *разсѣяніе* (dissipation) движенія, а переходъ изъ сосредоточеннаго замѣтнаго состоянія въ разлитое незамѣтное — это поглощеніе (absorption) движенія и сопровождающая его дизинтеграція матеріи. Это труизмъ. Составныя части аггрегата не могутъ образовать его, не утративъ часть своего относительнаго движенія, и не могутъ распасться (separate), не получивъ прибавку къ своему относительному движенію. Мы не говоримъ здѣсь о движеніи частей массы относительно другихъ массъ, говоримъ только о движеніи ихъ относительно другъ друга. Ограничивая наше вниманіе этимъ внутреннимъ движеніемъ и имѣющимъ его веществомъ, мы видимъ, что должны признать слѣдующую аксіому: *прогрессивное объединеніе* (progressing consolidation) требуетъ уменьшенія внутренняго движенія, а возрастаніе внутренняго движенія ведетъ къ *прогрессивному распаденію* (progressing unconsolidation). (Русск. переводъ; стр. 237; англ. подл. по 3 лондонскому изданію стр. 281).

Отмѣченныя нами курсивомъ передачи англійскихъ терминовъ не могутъ быть признаны удачными. Онѣ не искажаютъ смысла, но лишаютъ языкъ той точности и опредѣленности, которыми онъ отличается у Спенсера. Diffusion, конечно, не разлитіе, а разсѣяніе; dissipation въ данномъ мѣстѣ употреблено въ смыслѣ утраты движенія, его излученія, если хотите; однимъ и тѣмъ же словомъ „распаденіе“ нельзя переводить dissolution (какъ въ предыдущей главѣ), а separation, а unconsolidation... Не отрицая значенія за этою произвольностью терминологіи, мы всетаки должны признать, что лежащій передъ нами переводъ исполненъ вполнѣ удовлетворительно и можетъ служить прекраснымъ началомъ для ознакомленія русской публики съ *Синтетическою Философіей* англійскаго мыслителя.

Еще одно замѣчаніе. Книга названа „Основныя Начала“. Мы ничего не имѣемъ противъ такого перевода англійскаго заглавія „First Principles“, но *чего*, однако, Основныя Начала? У Спенсера озаглавлено такъ: „A system of synthetic philosophy Vol. I: First Principles“. Тутъ ясно, чего первоосновы предлагаетъ книга: не черной магіи и не интегральнаго исчисленія, а синтетической философіи. Не мѣшало бы и по русски упомянуть объ этомъ маленькомъ обстоятельствѣ.

Рѣшеніе философскаго вопроса о достовѣрности существованія души и тѣла. Самостоятельное философское изслѣдованіе **Свѣчникова.** Сарапулъ 1897.

Авторъ совершенно напрасно подчеркиваетъ „самостоятельность" своего изслѣдованія. И безъ того, стоитъ только прочитать любое изъ положеній автора (брошюра написана въ формѣ краткихъ положеній, разъясняемыхъ и защищаемыхъ въ нѣсколькихъ строкахъ, слѣдующихъ за „положеніемъ"), чтобы убѣдиться, что „самостоятельность" автора не уступитъ самостоятельности гоголевскаго философа Тяпкина-Ляпкина, который, какъ это несомнѣнно извѣстно, до всего дошелъ „собственнымъ умомъ".

Для доказательства справедливости нашихъ словъ, приведемъ „важнѣйшія" мѣста изъ сарапульскаго философа. Положеніе № 9. „Природа содержанія и видѣнія въ ощущеніи есть видящая природа, или иначе, наша душа". Доказательство: „Природа содержанія и видѣнія существуетъ въ ощущенія съ видѣніемъ. Если природа содержанія и видѣнія существуетъ въ ощущеніяхъ видѣніемъ, то она въ ощущенія видитъ. Если природа содержанія и видѣнія въ ощущеніи видитъ, то она есть видящая природа. Видящая природа, въ которой существуютъ въ ощущенія содержаніе и видѣніе, очевидно, есть наша душа, такъ какъ способность видѣнія принадлежитъ душѣ" (стр. 12, 13).

Мы можемъ совершенно успокоить нашего автора: несомнѣнно, что ни одинъ философъ не предъявитъ къ нему иска за похищеніе приведеннаго отрывка.

Столь-же несомнѣнно „самостоятельны" и другія положенія автора; напр. № 49. „Природа, въ которой явленіе существуетъ внѣ ощущенія, есть невидящая природа или иначе, наше тѣло".

Но, вѣроятно, наибольшей „самостоятельности" достигаетъ авторъ въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: № 55. „Видящая природа не имѣетъ для себя никакой природы" и № 56. „Невидящая природа не имѣетъ для себя никакой природы".

Отмѣтимъ еще одну „самостоятельную" черту: цѣна за брошюру въ 79 стр., весьма небольшого формата и напечатанную очень разгонистымъ шрифтомъ, назначена 5 рублей. Если только это не опечатка (вмѣсто 5 копеекъ), то это, безспорно, вполнѣ самостоятельная девальвація нашего кредитнаго рубля.

Д-ръ Т. Рибо. Психологія вниманія. Переводъ съ 3-го французскаго изданія Спб. 1897.

Эта небольшая книжка принадлежитъ къ той серіи монографій (Болѣзни памяти, Болѣзни личности, Болѣзни воли),

посредствомъ которыхъ авторъ не только сообщалъ публикѣ результаты собственныхъ размышленій и изслѣдованій, но еще и знакомилъ ее съ современнымъ положеніемъ даннаго вопроса психологіи.

Разбираемая монографія отличается отъ предыдущихъ монографическихъ изслѣдованій того-же автора тѣмъ, что она посвящена изученію не болѣзненныхъ уклоненій, а самого явленія: *психологіи* вниманія. „Цѣль нашего труда, говоритъ авторъ (стр. 4),—установить и доказать слѣдующія положенія: существуютъ двѣ различныя формы вниманія: одна—вниманіе естественное, непроизвольное, другая—искусственное, произвольное".

„Первая форма, оставленная въ пренебреженіи большинствомъ психологовъ, представляетъ собою форму дѣйствительную, примитивную и основную; вторая, составлявшая до сихъ поръ предметъ ихъ изслѣдованій, представляетъ собою подражаніе, результатъ воспитанія и дрессировки. Непрочное и шаткое произвольное вниманіе опирается всецѣло на вниманіе непроизвольное, въ которомъ оно находитъ свое основаніе. Оно есть только усовершенствованный снарядъ, продуктъ цивилизаціи".

„Вниманіе, говоритъ авторъ далѣе, въ этихъ двухъ формахъ не есть что либо неопредѣленное, актъ чисто духовный, дѣйствующій таинственнымъ и неуловимымъ образомъ. Механизмъ его, по существу *двигательный*, т. е., дѣйствующій на мускулы и посредствомъ мускуловъ, главнымъ образомъ, въ формѣ задержки".

„Поэтому эпиграфомъ къ настоящему труду можно было-бы избрать слѣдующее выраженіе Маудсли: „Человѣкъ, неспособный управлять своими мускулами, неспособенъ и ко вниманію".

„Вниманіе, въ обѣихъ его формахъ, представляетъ собою состояніе исключительное, анормальное, не могущее долго продолжаться, потому что оно противорѣчитъ основному положенію психической жизни—измѣняемости. Вниманіе есть состояніе неподвижное. Если оно длится черезчуръ долго, особенно при неблагопріятныхъ условіяхъ, каждый знаетъ по опыту, что имъ вызывается постоянно возрастающая неясность мысли, полное умственное изнеможеніе, часто сопровождающееся головокруженіемъ. Эти легкія временныя помраченія указываютъ на природный антагонизмъ между вниманіемъ и нормальной психической жизнью. Единство сознанія, составляющее основу вниманія, яснѣе выражается въ болѣзненныхъ проявленіяхъ его... какъ въ хронической ихъ формѣ—idées fixes, такъ и въ острой—состояніе экстаза" (стр. 5—6).

„Нормальное состояніе есть множественность состояній со-

знанія, или, слѣдуя выраженію, употребляемому нѣкоторыми писателями, полиидеизмъ. Вниманіе-же есть кратковременная задержка этого безпрерывнаго ряда ради одного какого-нибудь состоянія. Это уже—моноидеизмъ" (стр. 7).

Впрочемъ, моноидеизмъ вниманія есть только относительный моноидеизмъ. Абсолютный моноидеизмъ встрѣчается только „въ очень рѣдкихъ случаяхъ экстаза" (стр. 8).

Затѣмъ, „жестокая зубная боль, колики въ почкахъ, сильная радость даютъ временное единство сознанія, которое не слѣдуетъ смѣшивать со вниманіемъ. Вниманіе должно имѣть объектъ; оно не представляетъ собою чисто субъективнаго измѣненія, а есть познаваніе" (стр. 8—9).

Наконецъ, нужно еще упомянуть „о способности организма приспособляться—способности, постоянно сопровождающей вниманіе и имѣющей большое вліяніе на его образованіе..."

„Въ случаяхъ непроизвольнаго вниманія все тѣло сосредоточивается на объектѣ вниманія; уши, иногда и руки направляются къ нему. Всѣ движенія на время прекращаются. Личность поглощена даннымъ объектомъ вниманія, т. е. всѣ ея стремленія, весь имѣющійся на-лицо запасъ энергіи направлены на одинъ и тотъ же пунктъ. Приспособленность внѣшняя, физическая является признакомъ приспособленности внутренней, психической. Сосредоточеніе ведетъ къ единству, замѣняющему разсѣянность движеній и положеній тѣла, характеризующую нормальное состояніе".

„Въ случаяхъ произвольнаго вниманія приспособленность зачастую бываетъ неполная, перемежающаяся, непрочная" (стр. 9—10).

Послѣ всего этого авторъ опредѣляетъ вниманіе слѣдующимъ образомъ: „вниманіе есть умственный моноидеизмъ въ соединеніи съ непроизвольною или искусственною приспособленностью индивида. Вмѣсто этой формулы можно дать и другую. Вотъ она: вниманіе есть умственное состояніе, исключительное или преобладающее, въ связи съ непроизвольною или искусственною приспособленностью индивида" (стр. 10).

Не смотря на то, что авторъ разсматриваетъ не болѣзненныя уклоненія вниманія, а самый процессъ вниманія, *психологію* вниманія,—нужно признать, что чисто психологическая сторона изслѣдованія является болѣе слабою его стороною. Авторъ съ большимъ мастерствомъ изучаетъ психо-физіологическія *условія* возникновенія вниманія, но не только оставляетъ въ тѣни отношеніе вниманія къ нѣкоторымъ другимъ психическимъ процессамъ (напр., роль вниманія при образованіи сложныхъ продуктовъ духовной дѣятельности), но даже впадаетъ, по нашему мнѣнію, въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою при опредѣленіи основныхъ психологическихъ свойствъ вни-

манія. Такъ, съ одной стороны, онъ совершенно вѣрно настаиваетъ на связи вниманія и чувства. Напримѣръ, на стр. 11 онъ говоритъ: „причиною вниманія—какъ слабаго, такъ и сильнаго—всегда и во всѣхъ случаяхъ является *аффективное* состояніе. Это общее правило, не имѣющее исключеній". Съ другой стороны, какъ мы видѣли выше, авторъ отказывается видѣть элементы вниманія въ томъ „единствѣ сознанія", которое обусловливается жестокою зубною болью или сильною радостью. Какъ мы видѣли, онъ поступаетъ такъ потому, что, по его мнѣнію, „вниманіе есть познаваніе". Но, не говоря уже о томъ, что можно съ большою основательностью находить познавательные элементы и въ жестокой боли, и въ сильной радости,—нельзя не замѣтить, что законность ограниченія вниманія одними познавательными состояніями остается недоказанною нашимъ авторомъ.

Однако, само собою разумѣется, что указанная нами слабая сторона изслѣдованія Рибо съ большимъ избыткомъ вознаграждается другими многочисленными достоинствами, вообще присущими сочиненіямъ этого французскаго психолога.

Естественный нравственный законъ. Психологическія основы нравственности. Изслѣдованіе **Ивана Попова**. Сергіевъ Посадъ. 1897 г. Ц. 3 руб.

Авторъ начинаетъ съ указанія того, что понимаетъ онъ подъ выраженіемъ „естественный нравственный законъ".

„О существованіи въ человѣкѣ... внутренняго закона, указывающаго ему путь добра и побуждающаго его слѣдовать этимъ путемъ, ясно свидѣтельствуетъ, какъ Слово Божіе, такъ и ученіе Отцовъ церкви", говоритъ онъ на стр. II. „Вотъ это-то внутреннее возбужденіе къ извѣстному, строго опредѣленному образу дѣйствій и называется у апостола Павла и въ сочиненіяхъ Отцевъ церкви естественнымъ нравственнымъ закономъ, т. е. закономъ, вложеннымъ въ самую природу человѣка" (стр. II).

Разбираемая книга есть попытка дать научное обоснованіе вышеуказанному утвержденію Отцовъ церкви. „Дѣло христіанской любознательности и науки о нравственности, говоритъ авторъ на стр. XII, развить подробнѣе эти положенія, выраженныя Отцами церкви болѣе въ видахъ назиданія, чѣмъ для удовлетворенія чисто научнаго интереса. Эта практическая цѣль объясняетъ намъ, почему... говоря о существованіи естественнаго нравственнаго закона, отцы церкви не изслѣдуютъ вопроса, въ какихъ собственно силахъ человѣческаго духа онъ коренится и изъ какихъ основныхъ требованій человѣческой природы онъ возникаетъ".

Изслѣдованіе автора приводитъ его къ заключенію, что „нравственная потребность... вытекаетъ изъ самаго основного стремленія человѣческаго духа къ гармоніи, порядку и единству“ (стр. 596).

Авторъ, значительную начитанность котораго нельзя не признать, отлично понимаетъ, что прежде, чѣмъ говорить о *врожденномъ* стремленіи человѣка къ порядку, гармоніи и единству, нужно раздѣлаться съ эволюціонной философіей, которая утверждаетъ, что она можетъ объяснить *возникновеніе* этихъ „врожденныхъ“ наклонностей.

Поэтому авторъ и посвящаетъ болѣе 40 страницъ критикѣ „эволюціонной теоріи морали“. Нужно, однако, замѣтить, что эта критика, не представляя ничего новаго, обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнчивость научной позиціи автора, *приспособляющаго* свои доводы къ требованіямъ минуты. Такъ, напр., въ отдѣлѣ; „критика ученія эволюціонистовъ о наслѣдственной передачѣ нравственныхъ свойствъ“, авторъ является сторонникомъ Вейсмана, у котораго онъ и заимствуетъ свои наиболѣе сильные доводы. Но, не говоря уже о томъ, что вейсманизмъ плохо гармонируетъ съ другими идеями автора, можно замѣтить автору, что онъ совершенно забываетъ о вейсманизмѣ, когда занимается критикою „взгляда на нравственность, какъ на оружіе въ борьбѣ за существованіе“. А между тѣмъ, достаточно хотя бы указать на вейсманиста Кидда (признаннаго самимъ Вейсманомъ), написавшаго цѣлую книгу, основная идея которой та, что нравственность есть лучшее оружіе въ борьбѣ за существованіе между обществами. Казалось-бы, что хотя-бы въ качествѣ благодарности за помощь, оказанную нашему автору Вейсманомъ противъ Спенсера, онъ могъ бы постараться разъяснить вейсманистамъ ихъ заблужденіе. Но авторъ оказался человѣкомъ неблагодарнымъ и ни однимъ словомъ не обмолвился для поученія вейсманистовъ.

Султанъ и Державы. Малькольма Макъ-Коля. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1897.

Литература восточнаго вопроса особенно богата въ Англіи, гдѣ неизлѣчимый кризисъ медленно разлагающагося восточнаго строя издавна возбуждалъ къ себѣ совершенно исключительный интересъ правительства, общества и литературы. Имѣя въ отсталыхъ странахъ Востока выгодные рынки сбыта, опасаясь значительнаго возрастанія русскаго военно-морского могущества въ случаѣ паденія Турціи, и не находя иныхъ вѣроятныхъ методовъ рѣшенія восточнаго кризиса, кромѣ русскаго завоеванія, англичане съ неудовольствіемъ и опасеніемъ смотрѣли на развитіе кризиса и хотѣли думать, что

дѣло вовсе не такъ уже плохо, что Турція способна къ возрожденію и прогрессу, и что, стало быть, забота о такомъ возрожденіи и прогрессѣ и должна быть ближайшею задачею ихъ политики, вмѣстѣ съ тѣмъ и задачею истиннаго гуманизма. Политика охраны турецкаго государства со стороны британскаго правительства и оптимистическій взглядъ на состояніе этого государства въ англійской литературѣ отличали этотъ сравнительно недавній періодъ англо-турецкихъ отношеній. Сравнительно недавно по времени, цѣлая вѣчность — по внутреннему характеру этихъ отношеній. Книга Макъ-Коля, заглавіе которой выше выписано, и которая недавно появилась въ русскомъ переводѣ, представляется яркимъ выраженіемъ этого новаго направленія англійской политики, новаго настроенія англійскаго общества и новыхъ воззрѣній англійской литературы.

Макъ-Коль горячо ратуетъ за угнетенную христіанскую райю Турціи, султана иначе не называетъ, какъ великимъ преступникомъ, и отрицаетъ дѣйствительность всякихъ иныхъ средствъ, кромѣ принужденія. Нельзя сказать, чтобы приводимые доводы были мало убѣдительны. Ясно до очевидности изъ приведенныхъ данныхъ, что турки никогда не желали и теперь не желаютъ даровать хоть сколько нибудь сносное существованіе покореннымъ немагометанскимъ народамъ. Несомнѣнно, что насилія, истязанія, періодическія массовыя избіенія и непрекращающееся обираніе христіанской райи издавна являются прочно установившимся, общепринятымъ методомъ турецкаго управленія. Много разъ доказано, что никакія представленія всѣхъ державъ земного шара ничего тутъ не подѣлаютъ. Только принужденіе, только матеріальная сила представляется внушительнымъ аргументомъ въ главахъ султана и его совѣтниковъ. Все это несомнѣнно, очевидно и неоспоримо. Только преднамѣренно закрывая глаза на печальную дѣйствительность турецкаго управленія на Балканскомъ полуостровѣ и въ Передней Азіи, можно не признавать всѣхъ этихъ неутѣшительныхъ выводовъ Макъ-Коля. Если желаютъ улучшить условія существованія подвластныхъ туркамъ народовъ и даровать имъ хотя бы самую элементарную безопасность личную и имущественную, то султана и его турокъ необходимо къ тому принудить, но какъ принудить? Нельзя сказать, чтобы отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ ясенъ самому Макъ-Колю. Тѣмъ менѣе онъ ясенъ и убѣдителенъ читателямъ его книги.

Чаще всего почтенный авторъ цитируетъ примѣръ 1880 года, когда, чтобы принудить турокъ отдать Черногоріи и Греціи территоріи, присужденныя имъ по берлинскому трактату, было рѣшено между Россіею и Англіею (позже примкнула къ нимъ

еще Италія) занять Смирну и наложить секвестръ на таможенные доходы этого города, главнаго ввознаго порта Турціи. Султанъ немедленно покорился. Примѣръ, однако, не убѣдителенъ. Передать территорію и ввести реформы двѣ вещи, совершенно различныя. Для введенія реформъ мало согласія султана и Порты, чего вполнѣ достаточно для передачи территоріи. Для введенія реформъ необходимы готовность и способность администраціи, необходимы готовность и согласіе магометанскаго населенія. Изъ самой книги Макъ-Коля явствуетъ до очевидности, что невозможно разсчитывать ни на то, ни на другое. Значитъ, необходимо не просто принужденіе, а цѣлое завоеваніе, но завоеваніе чего? Да всей Турціи, потому что всюду подъ гнетомъ невыносимой турецкой администраціи, избиваемое фанатическими турками и грубою турецкою солдатчиною, живетъ христіанское населеніе, одинаково взывающее о помощи, одинаково имѣющее право на сочувствіе и помощь. Въ Македоніи и Арменіи, въ Сиріи и Албаніи, въ Месопотаміи и Ѳракіи, на Критѣ и въ самомъ Константинополѣ господствуетъ таже безграничная тираннія, одинаково безнадежная къ исправленію при сохраненіи турецкаго владычества. Въ сущности, и Макъ-Коль утверждаетъ то же самое и, конечно, ничего не возразилъ бы противъ совершеннаго упраздненія турецкаго царства, но съ этимъ единственно возможнымъ выводомъ изъ всего его сочиненія не согласуется рекомендуемая имъ программа принужденія турецкаго правительства. Его можно принудить уступить Греціи, Сербіи, Болгаріи территоріи, населенныя въ большинствѣ греками, сербами, болгарами, но управлять этими территоріями (какъ и всѣми остальными) сколько-нибудь сносно и достойно его принудить невозможно. Оно не умѣетъ и не можетъ управлять сколько нибудь сносно и достойно. Значитъ, не принудить, а упразднить Турцію и есть единственная цѣлесообразная программа рѣшенія восточнаго вопроса. Но здѣсь то и поднимается тотъ роковой вопросъ о наслѣдствѣ послѣ „больного человѣка“, который угрожаетъ европейскою войною и заставляетъ народы и правительства колебаться передъ перспективою этого, однако, неизбѣжнаго рѣшенія. Еслибы можно было принудить турокъ ввести сносное управленіе, ихъ давно къ тому принудили бы, но передъ разрушеніемъ Турціи и его естественнымъ выводомъ, дѣлежомъ наслѣдства, останавливаются самые смѣлые государственные люди. Въ этомъ гордіевъ узелъ несчастнаго вопроса...

Опасеніе европейской войны — чувство вполнѣ достойное, которое, повидимому, все крѣпнетъ и развивается среди правительствъ и народовъ Европы. Это одно изъ величайшихъ завоеваній послѣдняго времени. Ошибочно было бы думать,

однако, что это чувство помѣшаетъ разрѣшенію восточнаго вопроса въ указанномъ направленіи. Напротивъ того, только тогда, когда оно окончательно окрѣпнетъ и получитъ господство, довѣряясь ему и взаимно не опасаясь другъ друга, державы могутъ смѣло приступить къ цѣлесообразному рѣшенію, для всѣхъ безобидному, для всѣхъ равно выгодному. Не раздѣлъ, а освобожденіе (вездѣ, гдѣ это возможно) можетъ явиться только безобидною и для всѣхъ выгодною комбинаціей. Говоримъ „для всѣхъ выгодною комбинаціей", потому что одно избавленіе отъ тревогъ и опасеній, связанныхъ съ неразрѣшимостью восточнаго вопроса, составляетъ очень крупную выгоду для всей Европы и для всѣхъ ея государствъ и народовъ въ частности. Еще большая выгода—развитіе естественныхъ богатствъ Востока, нынѣ невозможное подъ невозможнымъ режимомъ. Мы вѣримъ, что Европа придетъ къ этому логическому и благородному рѣшенію, и нынѣшнее гуманитарное движеніе въ Англіи является однимъ изъ важныхъ симптомовъ этой эволюціи. Книга Макъ-Коля представляетъ вполнѣ выдающійся моментъ указаннаго движенія британскаго общественнаго мнѣнія. Она заслуживаетъ полнаго вниманія не только поэтому, но и безотносительно, по богатству собраннаго матерьяла, по новизнѣ нѣкоторыхъ важныхъ данныхъ изъ исторіи вопроса, по возвышенному чувству, проникающему всю книгу, которую, если можно упрекнуть за что либо, то развѣ за нѣкоторый оптимизмъ съ одной стороны и за излишнюю подозрительность по отношенію къ Германіи. Виновна во многомъ бисмарковская Германія передъ человѣчествомъ, въ томъ числѣ и передъ восточнымъ человѣчествомъ, но будущее принадлежитъ не бисмарковской Германіи, а народной и культурной, на которую народы могутъ смотрѣть съ довѣріемъ. Покуда могучая тѣнь желѣзнаго канцлера еще прикрываетъ германскую политику, но время идетъ и, вѣроятно, недолго ждать полной эмансипаціи отъ этихъ тягостныхъ завѣтовъ.

Во всякомъ случаѣ, книгу Макъ-Коля можно рекомендовать всякому желающему уяснить себѣ современную жизнь восточнаго вопроса. Почтенный авторъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи очень много, и читатель не пожалѣетъ времени, потраченнаго на ознакомленіе съ этимъ объемистымъ и увѣсистымъ томомъ.

К. Скальковскій. Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ. Спб. 1897.

Къ сожалѣнію, мы никакъ не можемъ сказать того же, что только что сказали о Макъ-Колѣ, и о книгѣ г. К. Скаль-

ковскаго. Мы, по крайней мѣрѣ, искренно сожалѣемъ о времени, потраченномъ на прочтеніе этихъ 560 страницъ. Много, очень много страницъ и *ничего* въ нихъ, что не было бы извѣстно всѣмъ читателямъ газетъ. При этомъ, все это приправлено балагурствомъ дурного тона, которое авторъ принимаетъ, повидимому, за остроуміе.

„*Россія великодушна*, она желаетъ за зло платить добромъ и, такъ какъ русскіе дипломаты, благодушно наивные, не въ силахъ соперничать съ потомками Улисса, то явилось желаніе дѣйствовать не на греческій умъ и сердце, а на греческій карманъ. *Отсюда* и возникло въ Россіи въ 1884 году *желаніе замѣнить дипломатическое искуство изюмомъ*. Изюмъ—коринка, какъ сказано выше, составляетъ важнѣйшую отрасль отпускной греческой торговли, болѣе половины всего вывоза королевства Греціи. Коринка отправляется огромными массами въ Англію, гдѣ безъ коринки англичане были бы лишены чистѣйшаго изъ своихъ наслажденій, ибо у нихъ не было бы ни plum-pudding'a, ни plum-cakes, всякихъ вообще традиціонныхъ plums, которыхъ коринка главное основаніе. Еслибъ и другія государства, въ особенности Россія, поѣдали коринку въ такой же пропорціи, какъ англичане, то Греція была бы богатѣйшею страной въ мірѣ, доходы ея были бы неисчерпаемы, и вся территорія окупалась бы виноградниками. *Къ несчастію, русскіе мало ѣдятъ коринки*. Греки вообразили себѣ, что это происходитъ отъ таможенной пошлины...“ (стр. 325).

Это, право, не изъ „Стрекозы“... Это подлинная точная цитата изъ „серьезной“ книги о „Внѣшней политикѣ Россіи“, страница, призванная обсудить основанія греко-русскихъ отношеній!! „Игра на шарманкахъ не измѣнитъ тропическаго климата“ (стр. 354), говоритъ г. Скальковскій, осуждая абиссинскую экспедицію итальянцевъ. „Извѣстно, что весь костюмъ дамъ внутри Африки состоитъ нерѣдко лишь изъ одной нитки бисера или мелкихъ раковинъ; если же онѣ носятъ передники, то не ради стыдливости, а для защиты отъ колючихъ растеній“ (стр. 348). Это любезное сообщеніе помѣщено, однако, въ книгѣ о внѣшней политикѣ Россіи!.. Когда собрался египетскій парламентъ, то (не менѣе любезно сообщаетъ г. Скальковскій) „выбранные, какъ попало, арабы болѣе всего хлопотали о томъ, чтобы имъ позволили сидѣть поджавъ ноги и курить трубки“ (стр. 350). Очень остроумно, не правда-ли? Можно цѣлыя страницы исписать цитатами въ этомъ вкусѣ, призванными „оживить“ изложеніе... Вмѣсто оживленія читатель чувствуетъ, однако, только смущеніе, что попалъ въ общество, повидимому, недостаточно воспитанное.

На стр. 347 читатель прочтетъ, что Польша погибла вслѣдствіе того, что не завела у себя протекціонизма! Читатель недоумѣваетъ вдвойнѣ, не зная, какъ принять это сообщеніе, серьезно или въ шутку? Быть можетъ, это та же коринка? А быть можетъ и сама коринка не въ шутку? Тѣмъ болѣе, что вообще авторъ не очень освѣдомленъ о предметахъ своего вниманія. Такъ, на стр. 322 сообщается, что на Критѣ половина жи-

телей мусульмане (менѣе одной трети). На стр. 12 говорится, что до Ришелье (т. е. до XVII в.) Францiя занимала второстепенное положенiе въ Европѣ (со времени раздѣла монархiи Карла Великаго неизмѣнно великая держава). На стр. 15 Ришелье называется угнетателемъ гугенотовъ (онъ отнялъ у нихъ политическiя привилегiи, но соблюдалъ полную религiозную терпимость). Стр. 49 повѣствуетъ, что въ рейхстагѣ (германскомъ) столько же враговъ объединенной имперiи, сколько сторонниковъ (неправда, не заслуживающая серьезнаго возраженiя). На стр. 120 узнаемъ что, Италiя создана *прихотью* Наполеона III!.. И т. д. и т. д.

И эти примѣры обширныхъ и разнообразныхъ познанiй г. Скальковскаго по вопросамъ современной европейской исторiи можно было бы также безконечно умножить, какъ и примѣры балагурства дурного тона, выше цитированные. Къ этому можно еще прибавить нѣсколько примѣровъ возвышенности воззрѣнiй автора „Внѣшней политики Россiи.“ Перечисливъ партiи болгарскiя, остроумный авторъ замѣчаетъ: „Таковы были партiи, съ которыми слѣдовало считаться князю (Батенбергскому) и нашей дипломатiи. *На бѣду обѣ партiи* при многихъ недостаткахъ *отличались горячимъ болгарскимъ патрiотизмомъ*“ (стр. 273). Такъ на бѣду? Самъ г. Скальковскiй на всемъ протяженiи своей книги является, однако, патрiотомъ своего отечества. Впрочемъ, „патрiоты своего отечества“, натравливающiе своихъ соотечественниковъ на вражду и ненависть къ чужеземцамъ, и люди, „исполненные горячаго патрiотизма“, разумѣется, не одно и то же, далеко не одно и то же... Приведенная только что цитата можетъ конечно изумить своею циничною откровенностью, но нашъ авторъ въ этомъ отношенiи не стѣсняется. Человѣколюбiе онъ откровенно называетъ „недостойнымъ стимуломъ“ политика (стр. 254); *идеи* принесли въ Россiи отрицательные результаты (стр. 255), „было бы безсмыслiемъ и варварствомъ, насильственно и немедленно освободить африканскихъ рабовъ„ (стр. 367); Гарибальди оказывается не болѣе какъ кондотьеръ (*наемный* солдатъ) и т д. Эта выдающаяся возвышенность воззрѣнiй г. Скальковскаго имъ самимъ откровенно объясняется въ предисловiи (стр. VI): „не скрою, что отвлеченныя идеи о всеобщемъ благѣ и братствѣ народовъ мало меня трогаютъ и интересуютъ“.

Логика нашего автора стоитъ совершенно на уровнѣ возвышенности его идей. На стр. 241 онъ рекомендуетъ союзъ съ Турцiей, а на стр. 256—программу ея разрушенiя!

Съ насъ, однако, довольно и остроумiя, и учености, и возвышенности идей, и логики автора „Внѣшней политики Россiи“. Итоги сами ясны: книга была бы вредна, еслибы не была такъ пуста.

Шпіонство при Наполеонѣ I. Карлъ Шульмейстеръ. Переводъ съ франц. В. Клембовскаго. Изд. Березовскаго. Спб. 1897.

Хотя это изслѣдованіе относится къ области военной исторіи, оно безспорно съ интересомъ можетъ быть прочтено и не спеціалистомъ. Шульмейстеръ состоялъ военнымъ шпіономъ при Наполеонѣ I въ теченіе цѣлаго ряда кампаній съ 1805 по 1815 г. Въ Германіи долго имя его произносилось не иначе, какъ съ негодованіемъ: „der grosse Spion", какъ называли его нѣмцы, былъ по истинѣ злымъ геніемъ ихъ полководцевъ, раскрывая французскому императору самые затаенные ихъ планы, проникая съ цѣлью развѣдокъ въ самую середину непріятельскихъ армій. Фердинандъ Диффенбахъ, посвятившій ему особое изслѣдованіе, подавляя свои національныя антипатіи, называетъ его величайшимъ шпіономъ всѣхъ временъ. Это то изслѣдованіе и легло главнымъ образомъ въ основу настоящей книги.

Писать біографію такого человѣка, какъ Шульмейстеръ, представляетъ особыя затрудненія. Вынужденный по характеру своей дѣятельности постоянно мѣнять свою фамилію, неуловимый въ своихъ постоянныхъ разъѣздахъ и похожденіяхъ, онъ оставилъ сравнительно мало слѣдовъ своей дѣятельности въ оффиціальныхъ бумагахъ. Что же касается собственныхъ его показаній, въ особенности сгруппированныхъ въ брошюрѣ анонимнаго автора, въ которомъ подозрѣваютъ его самого, изданной въ 1817 году, то имъ, по мнѣнію біографовъ, всего менѣе можно довѣрять. Послѣ паденія первой имперіи Шульмейстеръ имѣлъ достаточно основаній опасаться мести прусскаго и австрійскаго правительства и подтасовалъ въ указанной брошюрѣ многіе факты изъ своей жизни. А жизнь этой дѣйствительно замѣчательной личности имѣетъ своеобразный интересъ.

Карлъ Шульмейстеръ родился въ 1770 г. близь Страсбурга на правомъ берегу Рейна и былъ сыномъ пастора. По безспорнымъ записямъ оффиціальныхъ документовъ съ 1892 по 1897 годъ Шульмейстеръ былъ торговцемъ желѣзными издѣліями въ своемъ родномъ селѣ, а съ 1798 по 1805 г. — торговцемъ колоніальными товарами и табакомъ въ Страсбургѣ. Въ теченіе этого времени онъ занимался контрабандой, ремесломъ, которое практиковалось тогда многими баденцами и эльзасцами и было довольно прибыльно. Молодой, ловкій и смѣлый, онъ лично перевозилъ товары, пользуясь благопріятными условіями Рейна и хорошо знакомымъ ему расположеніемъ его многочисленныхъ островковъ. Когда начались французскія войны и армія Моро переправлялась черезъ Рейнъ около того мѣста, гдѣ проживалъ Шульмейстеръ, послѣдній является уже въ роли мелочнаго торговца, какихъ

много въ хвостѣ каждой арміи: онъ продавалъ солдатамъ водку и табакъ. Вѣроятно, тогда онъ былъ замѣченъ генераломъ Совари, который сталъ пользоваться его услугами, какъ развѣдчика. Уже съ 1800 г. онъ несомнѣнно занимался шпіонствомъ и надзоромъ за эмигрантами, проживавшими на правомъ берегу Рейна. Съ самаго начала кампаніи 1805 г. онъ работалъ для французской главной квартиры.

О ловкости, неуловимости и находчивости Шульмейстера существуетъ много легендъ. Переѣзжая съ необыкновенной быстротой громадныя разстоянія, переодѣтый то разносчикомъ, то въ австрійскій мундиръ, онъ свободно вращался въ австрійской и русской арміяхъ, ускользалъ изъ подъ самаго носа солдатъ и жандармовъ, посылаемыхъ его арестовать, и одинъ разъ, переодѣтый австрійскимъ генераломъ-интендантомъ, присутствовалъ даже на военномъ совѣтѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ Францъ II. Шульмейстеръ заплатилъ милліонъ франковъ тому интенданту, имя и мѣсто котораго онъ занялъ. О самомъ фактѣ поступленія его на службу Наполеону существуетъ слѣдующій разсказъ. Въ 1805 г. онъ лично предложилъ свои услуги императору.

„Какія у васъ рекомендаціи?" — спросилъ Наполеонъ. — „Никакихъ, я самъ себя рекомендую". — „Въ такомъ случаѣ, я не могу воспользоваться вашими услугами", отвѣтилъ императоръ и отошелъ за ширму. Шульмейстеръ мгновенно преобразился: взбилъ рукой волосы, сдѣлалъ одну-двѣ гримасы и сталъ совершенно другимъ человѣкомъ. Императоръ, выйдя изъ за ширмъ, увидалъ передъ собой незнакомца. „Кто вы такой? Что вамъ нужно?" воскликнулъ онъ. — „Я Шульмейстеръ". Пораженный такой ловкостью, императоръ тотчасъ принялъ его на службу.

Повидимому, факты произошли иначе, и Шульмейстеръ былъ, вѣроятно, рекомендованъ первому консулу давно знавшимъ его генераломъ Савари, которому Наполеонъ поручилъ организацію шпіонства на театрѣ войны. Самымъ громкимъ дѣломъ Шульмейстера была капитуляція Макка. Войдя въ довѣріе Макка, Шульмейстеръ совершенно сбилъ его съ толку ложными и противорѣчивыми донесеніями о передвиженіяхъ и намѣреніяхъ французской арміи и тѣмъ не мало способствовалъ сдачѣ арміи и орудій Макка, осажденнаго въ Ульмѣ. Порою, чтобы зарекомендовать себя, Шульмейстеръ давалъ Макку и вѣрныя свѣдѣнія, которыя оправдывались, и получалъ за то значительныя суммы. Роль Шульмейстера и послѣ взятія Ульма не сразу была раскрыта австрійцами.

Мы не будемъ слѣдить за его дальнѣйшею дѣятельностью. Она продолжалась вплоть до 1815 г.

Двойственность натуры и дѣятельности Шульмейстера

отражается и въ двойственномъ къ нему отношеніи его біографовъ. Онъ является у нихъ то авантюристомъ, то героемъ. Мы, конечно, знаемъ, что война имѣетъ свою мораль и логику. Шульманъ рисковалъ жизнью для успѣховъ французскаго оружія. Но, вѣдь, ранѣе онъ рисковалъ ею, какъ контрабандистъ, ради денегъ. (Онъ занимался контрабандой и впослѣдствіи, когда былъ богатъ и оставилъ свою дѣятельность при арміи). И въ томъ и въ другомъ случаѣ, онъ пріумножалъ свое состояніе и довелъ его до милліоновъ. Онъ разорился, когда въ 1814 г. союзники вспомнили Шульмейстера и разграбили его замки. Умеръ онъ въ 1853 г. мелкимъ рантьеромъ въ Страсбургѣ. Такимъ образомъ, и богатство его пошло прахомъ. Онъ не любилъ, когда его называли шпіономъ, и подъ старость величалъ себя отставнымъ военнымъ наблюдателемъ и генеральнымъ коммиссаромъ арміи. Когда нѣмецкій писатель Іосифъ Герресъ въ своей статьѣ назвалъ его ремесло подлымъ, онъ отправился къ нему, далъ пощечину и ихъ едва розняли. Однако, Наполеонъ, какъ ни цѣнилъ его услуги, не далъ ему ни одного ордена. „Шарль, сказалъ онъ однажды Шульмейстеру, публично поблагодаривъ его за службу, ты одинъ стоишь цѣлой арміи; проси, чего хочешь: ни въ чемъ не откажу".—„Государь, прошу орденъ Почетнаго Легіона" — „Денегъ, сколько хочешь" отвѣтилъ императоръ, „орденъ—никогда: я берегу его для своихъ храбрецовъ" (12). А ужъ на что храбрецомъ былъ Шульмейстеръ, не разъ рисковавшій и подъ пулями и передъ перспективой висѣлицы...

Н. Карышевъ. Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ. Спб. 1897 г. Ц. 1. р. 30 к.

Подъ приведеннымъ заглавіемъ проф. Карышевъ выпустилъ въ свѣтъ часть широко задуманнаго имъ курса политической экономіи, какъ это видно изъ краткаго предисловія автора. Общіе планъ и задача этого курса имѣютъ въ своей основѣ слѣдующую мысль: „изучать теоретическую экономію полезно *рядомъ* (курсивъ автора) съ изученіемъ хозяйственной жизни разныхъ странъ и преимущественно Россіи: такъ легче провѣрять дедуктивныя положенія теоріи, изслѣдовать практическія ихъ примѣненія и вмѣстѣ изучать ту обстановку, среди которой протекаетъ хозяйственная дѣятельность людей". Такую руководящую мысль автора слѣдуетъ признать по существу правильной и планъ изложенія поэтому цѣлесообразнымъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ. Давно прошло то время, когда слагался, такъ сказать, лишь самый остовъ науки о народномъ хозяйствѣ, и потому теперь главнѣйшее

вниманіе экономистовъ можетъ и должно уже сосредоточиваться на частностяхъ и особенностяхъ предмета. Въ особенности это сдѣлалось возможнымъ и даже обязательнымъ, благодаря заслугамъ исторической школы въ политической экономіи, выяснившей послѣдовательную измѣнчивость хозяйственныхъ явленій и ихъ тѣсную связь съ другими, не экономическими, явленіями и условіями общественнаго развитія. Правда, существуютъ еще до настоящаго времени попытки строгаго отдѣленія чистой или теоретической экономіи отъ ея исторіи и фактической или прикладной ея части. Но попытки эти ограничиваются обыкновенно предѣлами введенія или методологіи, такъ какъ строго выдержать такое раздѣленіе предмета никому не удается. Съ другой стороны, рядомъ съ признаніемъ исторической измѣнчивости хозяйственныхъ явленій, существуютъ, и особенно начали развиваться недавно у насъ въ Россіи, попытки установленія односторонняго возрѣнія на сущность общественнаго развитія, будто бы всецѣло обусловливаемаго одними экономическими факторами или, что еще уже,—лишь условіями и формами производства и сбыта. Это послѣднее направленіе въ значительной мѣрѣ умаляетъ значеніе историко-экономическаго метода, главная заслуга котораго заключается во всестороннемъ, жизненномъ, а не абстрактномъ изслѣдованіи хозяйственныхъ явленій, въ отсутствіи предвзятыхъ теорій и рамокъ, въ которыя насильственно подгоняются многосложные факторы, условія и формы общественнаго развитія...

Намъ казалось необходимымъ предпослать эти общія соображенія критикѣ разсматриваемаго труда ради болѣе широкой и правильной его оцѣнки. Конечно, одно имя его составителя есть достаточная гарантія его достоинствъ, такъ какъ проф. Карышевъ занимаетъ уже видное мѣсто среди русскихъ экономистовъ, преимущественно благодаря его изслѣдованіямъ именно фактическихъ сторонъ хозяйственной дѣятельности. Таковы его двѣ крупныя работы: „Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель" (1885 г.) и „Крестьянскія внѣ-надѣльныя аренды" (1892 г.), равно какъ и цѣлый рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій, печатавшихся преимущественно на страницахъ нашего журнала подъ общимъ названіемъ „Народно-хозяйственныхъ набросковъ". Сверхъ этого вышло три изданія его краткаго пособія по политической экономіи, подъ названіемъ: „Экономическія бесѣды".

Разсматриваемое теперь сочиненіе пр. Карышева отражаетъ на себѣ какъ главнѣйшія достоинства его предъидущихъ работъ, такъ равно и нѣкоторые свойственные имъ недостатки. Прежде всего книга дорога чрезвычайнымъ обиліемъ фактическихъ данныхъ, очень живо и полно иллюстрирующихъ

роль и условія труда, какъ главнѣйшаго фактора производства. Данныя эти частью заимствованы изъ вышеуказанныхъ отдѣльныхъ изслѣдованій, частью представляются совершенно новыми, особенно касательно Россіи. Вся книга раздѣляется на шесть главъ, изъ коихъ четыре первыя посвящены выясненію роли и значенію труда вообще (гл. I), природнымъ даннымъ производства и нѣкоторымъ общественно-правовымъ условіямъ пользованія ими (гл. II), количеству труда (гл. III) и его качеству (гл. IV). Глава V представляетъ собою сжатый очеркъ исторіи освобожденія труда въ Европѣ и Россіи (паденіе крѣпостного права), и послѣдняя (VI),—наиболѣе обширная—землепользованію вообще и нашему общинному землевладѣнію въ особенности. Какъ можно видѣть изъ этого краткаго изложенія содержанія книги, она не вполнѣ подходитъ подъ обычное начало курса политической экономіи, такъ какъ въ ней нѣтъ общаго введенія, методологіи и даже хотя бы общихъ опредѣленій основныхъ элементовъ хозяйственной дѣятельности въ родѣ полезности, цѣнности, капитала, основныхъ типовъ хозяйства (народнаго и частнаго) и т. п. Между тѣмъ тутъ же разсматриваются нѣкоторые болѣе частные вопросы, относящіеся къ хозяйственнымъ процессамъ—производству и отчасти распредѣленію. Въ виду отсутствія общеустановленной системы изложенія курса, въ такомъ отступленіи отъ наиболѣе распространенныхъ образцовъ нельзя еще видѣть крупнаго недостатка самого по себѣ; однако это во всякомъ случаѣ лишаетъ книгу значенія хотя бы начала руководства или пособія по политической экономіи вообще. Но и изъ того, что напечатано, можно уже судить объ общихъ взглядахъ и пріемахъ автора, съ которыми нельзя вполнѣ согласиться, и что составляетъ одинъ общій присущій проф. Карышеву недостатокъ. Будучи приверженцемъ историческаго метода, онъ особенно успѣшно его примѣняетъ въ изслѣдованіяхъ фактической стороны хозяйственной дѣятельности, гдѣ этому методу по преимуществу и суждено играть преобладающую роль. Благодаря своему обширному знакомству не только съ экономической литературой, но и со многими первоисточниками—особенно съ земско-статистическими изслѣдованіями Россіи,—проф. Карышевъ выработалъ себѣ совершенно правильные и вѣско мотивированные имъ взгляды на условія русскаго народнаго хозяйства, представляющаго собою въ силу особенностей его историческаго развитія много оригинальныхъ чертъ, не вполнѣ укладывающихся въ обще-теоретическія рамки и формулы развитія. Такъ, между прочимъ, проф. Карышевъ является горячимъ сторонникомъ нашей земельной общины и артельныхъ формъ производства,

не увлекается искусственно насажденными отраслями крупнаго фабричнаго производства и т. д.

Но рядомъ съ этимъ пр. Карыевшъ, до извѣстной степени, можетъ быть отнесенъ ко второй изъ вышеназванныхъ категорій экономистовъ, обладая склонностью придавать слишкомъ преобладающее значеніе однимъ чисто экономическимъ факторамъ общественнаго развитія. Это замѣтнѣе всего сказывалось въ его маленькомъ курсѣ политической экономіи, краткость которого не оправдываетъ нѣкоторой его односторонности въ томъ отношеніи, что экономическія явленія тамъ разсматриваются внѣ всякой связи съ юридическими и политическими основами общественнаго быта и устройства. За отсутствіемъ въ разсматриваемой книгѣ общаго введенія, судить объ основныхъ взглядахъ ея автора приходится, главнымъ образомъ, по первой (теоретической) главѣ, а затѣмъ и по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ. Такъ уже самое общее опредѣленіе хозяйственной дѣятельности авторъ сводитъ къ удовлетворенію исключительно матеріальныхъ потребностей или интересовъ; между тѣмъ люди трудятся и работаютъ несомнѣнно и для того, чтобы удовлетворять и другія свои потребности, т.-е. не только матеріальныя. Въ связи съ этимъ обнаруживается и слишкомъ узкое матеріалистическое опредѣленіе отличія производительнаго труда отъ непроизводительнаго (§§ 4 и 5). Тутъ авторъ строго придерживается одного изъ самыхъ старыхъ опредѣленій производительнаго труда, даннаго еще Ад. Смитомъ, но затѣмъ значительно расширеннаго послѣдующими экономистами. Таковымъ признается только трудъ, въ результатѣ котораго получаются новыя реальныя цѣнности, увеличивающія общую сумму народнаго богатства; при этомъ послѣднее понимается опять таки въ этомъ же слишкомъ узкомъ матеріальномъ смыслѣ. Приводя нѣсколько ссылокъ на опредѣленія производительнаго труда разными экономистами, авторъ умалчиваетъ о наиболѣе серьезномъ противникѣ А. Смита, и именно о Фр. Листѣ; и лишь въ подстрочномъ примѣчаніи, безъ упоминанія его имени, указывается, безъ всякихъ впрочемъ опроверженій, на подмѣченныя этимъ ученымъ противорѣчія и непослѣдовательность, вытекающія изъ классификаціи видовъ труда у А. Смита, а именно, что „дѣлатель скрипокъ долженъ считаться производительнымъ работникомъ, а скрипачъ—непроизводительнымъ; воспитатель относится ко второй категоріи, а откармливающій свиней—къ первой; врачъ ко второй, а аптекарь къ первой и т. д.“ (стр. 13). Число такихъ примѣровъ можно увеличить чуть не до безконечности, положимъ, признавая трудъ кухарки производительнымъ, потому что она перерабатываетъ сырой матеріалъ въ готовый для потребленія продуктъ, а трудъ гор-

ничной—нѣтъ. А между тѣмъ и та, и другая суть прислуги, трудъ которыхъ вообще признается непроизводительнымъ. Ну, а если взять, напримѣръ, прачешное заведеніе или бани, въ которыхъ заняты и несомнѣно работаютъ много наемныхъ лицъ, хотя и не прислугъ, то куда ихъ причислить?

Въ статистикѣ они составляютъ довольно обширный классъ лицъ, относимый къ цѣлой отрасли занятій „по обезпеченію чистоты тѣла и одежды", и хотя эта „чистота" не есть реальный продуктъ, „увеличивающій сумму народнаго богатства...", однако, очень важное условіе существованія человѣка. На это у автора, конечно, найдется отвѣтъ, что это есть „поставленіе сырого матеріала, орудій или фабрикатовъ (т. е. вообще различныхъ предметовъ), въ условія, при которыхъ нашла бы себѣ примѣненіе его потребительная стоимость" (стр. 19). Правда, это относится не къ этому примѣру, а для подведенія подъ понятіе производительнаго труда того, который направляется „на доставку и сохраненіе", т. е. трудъ торговцевъ, приказчиковъ и т. п. Но вѣдь въ результатѣ и такого труда нѣтъ созданія новыхъ реальныхъ цѣнностей... Выхода изъ противорѣчій нельзя найти и въ томъ, если считать производительнымъ трудъ только физическій или составляющій промысловое занятіе, къ которому, однако, трудно отнести личную прислугу и т. д. Выводъ отсюда одинъ—что такого рѣзкаго разграниченія по качеству и направленію труда допускать не слѣдуетъ. Но было бы правильнѣе ставить вопросъ только на относительную количественную точку зрѣнія и потому считать непроизводительнымъ для народнаго хозяйства трудъ, напримѣръ, излишне содержимой прислуги, чрезмѣрнаго количества музыкантовъ, чиновниковъ и т. п. Въ другого рода противорѣчіе авторъ впадаетъ самъ съ собою въ прекрасной своей главѣ о значеніи *для производительности работы* не только техническаго или профессіональнаго образованія, но и общаго, даже простой грамотности. Но если все это такъ, то вѣдь и трудъ всевозможныхъ учителей приводитъ тоже къ производительнымъ результатамъ; однако учителя, по классификаціи автора, не должны быть считаемы производительными работниками, хотя, конечно, имъ, какъ и многимъ другимъ представителямъ труда непроизводительнаго (въ этомъ узкомъ матеріальномъ смыслѣ), не отказывается въ признаніи ихъ труда очень полезнымъ и даже необходимымъ для общества, а стало быть и для народнаго хозяйства.

Стремленіе автора ставить всѣ вопросы на такую матеріалистическую почву, считаемую имъ за чисто экономическую, приводятъ его къ другого рода натяжкамъ и нарушеніямъ систематичности изложенія предмета. Такъ вопросъ объ истощеніи силъ рабочихъ чремѣрной продолжительностью фабрич-

ной работы разсматривается въ главѣ II-й на ряду со всевозможными дѣйствительно „природными“ условіями приложенія труда, какъ-то: метеорологическими, климатическими, географическими, топографическими и т. п. Разумѣется, силы рабочихъ могутъ истощаться, потому что для нихъ существуетъ чисто естественный предѣлъ; но нарушеніе его есть результатъ извѣстныхъ соціально-экономическихъ отношеній и въ частности преимущественно капиталистическихъ формъ и условій производства. Эти послѣднія вызываютъ у фабрикантовъ стремленіе къ возможно болѣе продолжительной работѣ и дешевой покупкѣ труда рабочихъ; это имъ и удается благодаря конкурренціи рабочихъ и особенностямъ продажи работы, какъ товара, вынуждающимъ рабочихъ соглашаться на всевозможныя тяжкія условія найма. Затѣмъ, тотъ-же вопросъ снова разсматривается, но уже въ главѣ IV-й, посвященной выясненію условій, вліяющихъ на „качество труда“, въ томъ числѣ о благопріятномъ вліяніи на производительность труда сокращенія рабочаго дня. Поэтому одинъ цѣльный вопросъ разбивается на два; а между тѣмъ такъ, какъ онъ возникаетъ и разрѣшается въ дѣйствительной жизни, онъ имѣетъ много еще и другихъ сторонъ и при томъ не только чисто матеріальныхъ. Такъ, онъ имѣетъ непосредственную связь съ величиной вознагражденія за трудъ, — значитъ, къ нему придется возвращаться еще разъ въ ученіи о распредѣленіи доходовъ и въ частности о соотнешеніи заработной платы и прибыли. И, наконецъ, тутъ идетъ рѣчь объ обезпеченіи рабочимъ вообще болѣе соотвѣтствующаго ихъ человѣческому достоинству положенія, въ томъ числѣ большаго досуга, необходимаго какъ для общаго ихъ развитія вообще, такъ и для полученія необходимаго образованія, въ особенности для мало и несовершеннолѣтнихъ рабочихъ.

А вѣдь это все цѣли, обезпечиваемыя при помощи тѣхъ или иныхъ экономическихъ средствъ, той или иной организаціи хозяйства, соотвѣтственныхъ законодательствъ, какъ результата борьбы несомнѣнно экономическихъ интересовъ съ одной стороны и вмѣшательства государства, какъ силы, противополагаемой торжеству силы капитала съ другой. Вотъ этому-то послѣднему вопросу въ разсматриваемой книгѣ вообще не придается достаточнаго значенія, а тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о вліяніи факторовъ юридическихъ и политическихъ, они совершенно какъ-бы отступаютъ на второй планъ и опять-таки съ нарушеніемъ системы изложенія.

Такъ въ той же II-й главѣ, на ряду съ вышеупомянутыми „природными“ условіями, есть параграфъ, посвященный распредѣленію земельныхъ участковъ. Самъ по себѣ этотъ параграфъ есть очень обстоятельное статистическое изображеніе

формъ и размѣровъ поземельной собственности въ разныхъ странахъ, что есть несомнѣнно продуктъ весьма различныхъ бытовыхъ, юридическихъ и политическихъ условій историческаго развитія. Но этотъ очеркъ не находится въ прямой связи съ послѣдующимъ изложеніемъ, потому что только въ V-й главѣ дѣлается изложеніе паденія крѣпостного права, а VI-я глава посвящена землепользованію. Послѣднее находится въ несомнѣнной связи съ распредѣленіемъ земельной собственности и въ то же время есть несомнѣнно вопросъ, относящійся уже къ той или иной организаціи хозяйства, т. е. способамъ производства и видамъ предпріятій. Благодаря же принятой авторомъ системѣ, ихъ сельскохозяйственныя формы и виды совершенно отрѣзаны и отъ общаго ученія о предпріятіяхъ, и отъ торгово-промышленныхъ ихъ видовъ.

Въ такомъ-же родѣ замѣчанія можно сдѣлать и относительно черезъ чуръ расширенной главы III-й, посвященной „количеству труда". Тутъ очень подробно излагается то, что обыкновенно составляетъ содержаніе прикладной части курса статистики, а именно: составъ населенія по полу, возрасту, занятіямъ, рождаемость, смертность, болѣзненность и даже несчастные случаи на работѣ. Послѣдніе разсматриваются съ точки зрѣнія сокращенія ими рабочей силы; но, несомнѣнно, вопросъ этотъ имѣетъ главнѣйшее значеніе съ совсѣмъ иной точки зрѣнія, а именно, во первыхъ, какъ результатъ извѣстныхъ условій производства, а во вторыхъ, и еще болѣе, съ точки зрѣнія отвѣтственности за это предпринимателей и обезпеченія жертвъ несчастныхъ случаевъ въ формѣ соотвѣтственнаго страхованія и въ связи съ другими его видами (отъ временныхъ болѣзней, старости и инвалидности).

Приведенными примѣрами мы и ограничиваемъ свои замѣчанія, которыя всѣ почти относятся къ системѣ курса, если принимать книгу, какъ часть таковаго. Если же отрѣшиться отъ такой точки зрѣнія для оцѣнки книги, то значеніе ихъ въ значительной степени должно уменьшиться, такъ какъ, взятая въ отдѣльности, книга эта представляетъ собой очень цѣнный вкладъ въ нашу экономическую литературу; и благодаря богатству ея фактическаго содержанія, ея чтеніе должно быть признано весьма полезнымъ для лицъ, знакомыхъ съ общими основами политической экономіи, потому что въ общихъ курсахъ этой науки обыкновенно не отводится достаточного мѣста для изложенія жизненныхъ практическихъ данныхъ хозяйственной дѣятельности. Сдѣланными же нами замѣчаніями имѣлось въ виду не столько выразить сожалѣніе о нѣкоторыхъ недостаткахъ, сколько по возможности повліять на устраненіе ихъ корня или причины въ продолженіи этой чрезвычайно почтенной работы. Надо только желать и

надѣяться на то, чтобы намѣреніе автора разработать всѣ отдѣлы науки осуществилось съ той-же тщательностью и добросовѣстностью, какъ это уже сдѣлано въ настоящемъ выпускѣ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Николай Юровскій. Идеалистъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. М. 97. Ц. 1 р. 25 к.

Ѳедоръ Фальковскій. Веселые звуки и другіе маленькіе разсказы. Изд. З. К. Маевскаго. Спб. 97. Ц. 1 р. 25 к.

«Призывъ». Литературный сборникъ въ пользу престарѣлыхъ и лишенныхъ способности къ труду артистовъ и ихъ семействъ. Изд. Д. Гаринъ-Виндингъ. М. 97. Ц. 3 р. 50 к.

Очерки и замѣтки. **М. К—ой.** М. 97. Ц. 1 р.

И. М. Радецкій. Къ борьбѣ и свѣту. 1. О самоубійствѣ. 2. Стихотворенія. Одесса. 97. Ц. 15 к.

Поэтъ изъ народа И. С. Никитинъ. Составлено **Ѳ. Кислинской.** М. 97.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. (Отъ начала русской образованности до нашихъ дней). Т. V. Ц. пяти томовъ 15 р.

По поводу положеній графа Л. Н. Толстого въ его сочиненіяхъ: «Въ чемъ моя вѣра» и «Къ вопросу о свободѣ воли». Двѣ замѣтки. **П. Т. Дегтярева.** М. 98. Ц. 10 к.

Адольфъ Гаспари. Исторія итальянской литературы. Т. II-й. Итальянская литература эпохи возрожденія. Переводъ К. Бальмонта. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 97. Ц. 3 р.

Всеобщая исторія съ IV столѣтія до нашего времени. Составлена подъ руководствомъ **Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо.** Томъ третій. Образованіе большихъ государствъ. 1270—1492. Переводъ В. Невѣдомскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 97. Ц. 3 р.

Сергѣй Шумаковъ. Тверскіе акты. Вып. II. Акты 1649—1761 гг. Изд. Тверской Ученой Архивной Коммиссіи. Тверь. 97. Ц. 2 р.

Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ, для III класса гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ **М. Острогорскій.** Изд. второе. Спб. 97. Ц. 60 к.

П. И. Мессарошъ. Финляндія—государство или русская окраина? Значеніе особыхъ учрежденій Финляндской окраины Россійской Имперіи. Спб. 97.

Сборникъ въ память Александра Серафимовича Гацискаго. Изд. Нижег. Ученой Архивной Комиссіи. Нижній. 97.

Н. М. Геренштейнъ. Роль публициста. Спб. 97.

Его-же. Народное образованіе. Спб. 97.

Матеріалы для характеристики современныхъ литературныхъ нравовъ. Симбирскъ. 97.

Д. С. Милль. Система логики силлогистической и индуктивной. Переводъ съ англійскаго подъ ред. В. Н. Ивановскаго. Книга вторая. Изд. маг. «книжное дѣло». М. 97. Подп. ц. 3 р.

Э. А. Андресъ. Недостатки рѣчи и борьба противъ нихъ въ семьѣ и школѣ. Опытъ руководства для родителей и воспитателей. Кронштадтъ. 97. Ц. 1 р. 75 к.

Н. И. Тезяковъ, земскій санитарный врачъ. Земская медицина, заболѣваемость и смертность населенія въ Елисаветградскомъ уѣздѣ (Херсонской губ.) въ 1896 году. Изд. Елисаветградскаго Уѣзднаго Земства. 97.

Густавъ Шмоллеръ. Наука о народномъ хозяйствѣ, ея предметъ и методъ. Переводъ Е. Котляревской. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 97. Ц. 50 к.

Джонъ Кельсъ Ингрэмъ. Исторія политической экономіи. Изд. второе. Переводъ Ал. Миклашевскаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 97. Ц. 1 р. 50 к.

Фритіофъ Нансенъ. Среди льда и ночи. Переводъ съ норвежскаго В. Семенова. Изд. П. П. Сойкина („Полезная библіотека"). Спб. 97. Ц. 50 к.

Для чтенія въ школахъ и дома. Народы и промыслы Россіи. Изд. К. И. Тихомирова. М. 97. Ц. 25 к.

Первоначальная географія съ картинами. Составила **М. Т. Ярошевская.** М. 97. Ц. 80 к.

Исторія земли. Проф. **М. Неймайра.** Переводъ подъ общею ред. проф. А. А. Иностранцева. Выпуски 3—4, 5—6, 7—8 и 9—10. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 97. Ц. по подпискѣ (30 в.) 11 р. Отд. вып. по 50 к.

Жизнь растеній. Популярныя бесѣды **Грантъ-Аллена.** Изд. маг. „Книжное Дѣло". М. 97. Ц. 60 к.

Исторія электричества. Очерки **Ив. Святскаго.** Изд. П. П. Сойкина. («Пол. Библ.»). Спб. 97. Ц. 50 к.

Разведеніе кормовыхъ травъ на поляхъ. Составилъ агрономъ **К. Дмитріевъ.** Изд. К. И. Тихомирова. М. 97. Ц. 20 к.

В. Кукъ. Практическій хозяинъ-птицеводъ, или какъ сдѣлать птицеводство доходнымъ. Перев. Л. Коллонтай подъ ред. И. И. Абозина. Изд. К. И. Тихомирова. М. 97. Ц. 45 к.

Агрон. **К. Дмитріевъ.** Объ удобреніи почвы известью. Изд. К. И. Тихомирова. М. 97. Ц. 10 к.

Л. Е. Ханъ-Аговъ. Очеркъ маслобойнаго производства. Изд. К. И. Тихомирова. М. 97. Ц. 15 к.

К. И. Тумскій. Лѣсные промыслы. Добываніе живицы, сѣры, скипидара, канифоли и вара. Изд. К. И. Тихомирова. М. 97. Ц. 15 к.

Туркестанъ. По дорогѣ къ Туркестану, завоеваніе Туркестана, земледѣліе въ Туркестанѣ: рисъ и хлопокъ и какъ ихъ воздѣлываютъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 97. Ц. 5 к.

Отчетъ о дѣятельности кіевскаго общества грамотности за 1896 г. Кіевъ. 97.

Отчетъ о дѣятельности первой мужской воскресной школы за время отъ 9 Февр. по 4 Мая 1897 г. Кіевъ. 97.

Каталогъ Ессентукской библіотеки, **отчетъ** по устройству разныхъ учрежденій, принадлежащихъ посѣтителямъ Ессентукской группы и краткія свѣдѣнія изъ исторіи кавказскихъ минеральныхъ водъ. М. 97.

Отчетъ общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Томскѣ за 1896 г. Томскъ. 97.

Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за третій годъ его существованія. Спб. 97.

Статистическій **сборникъ** по Ярославской губерніи за 1897 годъ. Вып. 1. Виды на урожай хлѣбовъ и травъ. Годъ первый. Ярославль. 97.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. V. М. 97.

Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губерніи. Экономическая часть. Вып. II. Лукояновскій уѣздъ. Отдѣлъ II и приложенія. Изд. Нижег. Губ. Земства. Нижній. 97. Ц. 1 р. 50 к.

Виды на урожай въ Полтавской губ. въ 1897 году. По сообщеніямъ корреспондентовъ полтавскаго статистическаго бюро. Полтава. 97.

Виды на урожай хлѣбовъ и травъ въ Нижегородской губ. къ концу іюня 1897 годъ. Изд. Нижег. губ. земства. Нижній-Новгородъ. 97.

Изслѣдованіе крестьянскаго скотоводства въ Саратовской губ., произведенное въ 1895 году. Т. II-ой. Изд. Сарат. Губ. Земства. Саратовъ. 97,

Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губ. за 1896 годъ, по сообщеніямъ корреспондентовъ. Полтава. 97. Ц. 1 р.

Фатежскій уѣздъ. **Сборникъ** оцѣночно-экономическихъ данныхъ. Т. I. Вып. I. Изд. Курскаго губ. земства. Курскъ. 97. Ц. 2 р.

Матеріалы для оцѣнки мелкихъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Изд. Курскаго губ. земства. Курскъ. 97.

Сельско-хозяйственный **обзоръ** Самарской губерніи за 1894—95 года. Вып. II-ой. Изд. Губ. земской управы. Самара. 97.

То-же за 1895—96 годъ. Вып. II-ой. Самара. 97.

Сельско-хозяйственный **обзоръ** Алтайскаго округа за 1896 годъ. Барнаулъ. 97.

Труды Высочайше учрежденнаго всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Тома I—VIII. Спб. 97.

Сводъ постановленій уѣздныхъ земскихъ собраній Черниговской губерніи за 1895 годъ. Составилъ **Иг. Т. Гаркушенко**. Изд. Черниг. Губ. Земства. Черниговъ. 97.

Журналы Уржумскаго уѣзднаго земскаго собранія XXX очередной сессіи 1896 года. Вятка. 97.

Доклады Лохвицкой уѣздной земской управы XXXII очередному уѣздному земскому собранію 1896 года. Лохвица. 97.

Приложенія къ журналамъ и докладамъ очередному земскому собранію XXXII созыва. Лохвица. 97.

Журналы Лохвицкаго очередного уѣзднаго земскаго собранія XXXII созыва. Лохвица. 97.

Записки наукового товариства імени Шевченка. Виходять у Львові під ред. Михайла Грушевськаго. Том. XVIII, кн. IV.

Народното и индустриялното образованне въ Русия и руското искуство. Въ свръзка съ главнитѣ моменти на културното развитие на руското общество отъ **Кирилъ Бервенко**. София. 97. Ц. 1 левъ и 40 ст.

N. Michailowsky. Qu'est-ce que le Progrès? Examen des idées de M. Herbert Spencer. Traduction du Russe, revue par Paul Louis. Paris 97. Prix 2 fr. 50.

Торжество чешской національности и федералистическія стремленія въ Австріи.

(*Письмо изъ Австріи*).

Всего только три года тому назадъ глава австрійскаго коалиціоннаго министерства, кн. Виндишгрецъ, могъ еще позволить себѣ громко заявить, что-де «правительство не знаетъ никакого чешскаго вопроса». Но это была только фраза, и этого самонадѣяннаго заявленія не позволитъ себѣ повторить теперь ни одинъ изъ австрійскихъ министровъ.

Фраза князя Виндишгреца была невѣрна ни по отношенію къ тому моменту, который при немъ переживала Австрія, ни по отношенію къ исторіи Австріи за все послѣднее пятидесятилѣтіе, а въ настоящую минуту, когда изъ-за чешскаго вопроса снова проливается кровь на улицахъ Праги, Пильзена, Брюкса и другихъ городовъ Богеміи, когда этотъ вопросъ является угрозою для всего парламентскаго режима и существующаго строя Австріи, повтореніе ея могло-бы казаться пустою фанфаронадою.

И, тѣмъ не менѣе, ее повторяютъ; но повторяютъ въ совершенно иномъ смыслѣ, менѣе успокоительномъ и болѣе огорчительномъ для пользовавшейся до сихъ поръ всѣми привиллегіями въ имперіи Габсбурговъ нѣмецкой національности.

Въ такомъ именно смыслѣ она прозвучала въ рѣчахъ главарей нѣмецко-либеральной партіи, Шлезингера и Гросса, произнесенныхъ на послѣднемъ Parteitag'ѣ въ Теплицѣ. Оба они, указывая на опасности, которыми грозитъ нѣмецкой національности распоряженіе Бадени объ употребленіи обоихъ языковъ—чешскаго и нѣмецкаго—въ административныхъ учрежденіяхъ Богеміи, заключаютъ свои рѣчи словами: «чешско-нѣмецкій вопросъ превратился въ обще-австрійскій вопросъ!» «Теперь нѣтъ болѣе *чешскаго* вопроса, а существуетъ вопросъ *нѣмецкій*, въ полномъ смыслѣ этого слова, вопросъ о существованіи всего нѣмецкаго народа въ Австріи!»

Пока нѣмцы говорятъ, что Бадени не имѣетъ права требовать, чтобы всѣ чиновники въ Богеміи знали оба языка и объяснялись съ просителями на томъ языкѣ, который послѣдніе предпочитаютъ; пока они кричатъ, что такое требованіе заключаетъ въ себѣ грубое униженіе для нѣмцевъ и ставитъ ихъ въ менѣе привилегированное положеніе, чѣмъ нѣмцевъ въ другихъ частяхъ Австріи; пока они заявляютъ, что ни въ какомъ случаѣ не потерпятъ такого нарушенія историческихъ правъ,—до тѣхъ поръ можно проходить хладнокровно мимо этихъ ламентацій, такъ какъ ни раздѣлять ихъ, ни со-

чувствовать имъ невозможно, какъ съ точки зрѣнія общечеловѣческой, такъ даже и съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ. Требованіе знанія еще одного языка, обращенное къ чиновникамъ (и только къ нимъ) и обусловленное извѣстными мѣстными условіями (смѣшанное населеніе), ни въ коемъ случаѣ не можетъ считаться правонарушеніемъ, а развѣ нарушеніемъ какой-нибудь привиллегіи. Если соображенія государственныхъ интересовъ и интересовъ мѣстнаго населенія, для котораго, во всякомъ случаѣ, удобно, чтобы чиновники знали оба языка, привели къ сознанію необходимости введенія обоихъ языковъ, то этому остается только подчиниться. Вѣдь, требованіе знанія чешскаго языка обращено не къ населенію нѣмецкому, что дѣйствительно было бы притѣсненіемъ, а къ чиновникамъ нѣмецкимъ, которымъ правительство всегда ставитъ извѣстныя условія поступленія на службу. Въ данномъ случаѣ такимъ требованіемъ является знаніе чешскаго языка нѣмецкими чиновниками и нѣмецкаго языка чешскими, точно такъ же, какъ англійское правительство требуетъ знанія мѣстныхъ нарѣчій отъ чиновниковъ, отправляемыхъ въ колоніи. Вѣдь, нѣмцы ничего не имѣютъ противъ предъявляемаго къ чиновникамъ требованія представить хотя бы аттестатъ зрѣлости, для котораго нужно изучать еще менѣе нужные, чѣмъ чешскій, латинскій и греческій языки, и даже ни для чего не нужныя чиновнику тригонометрію и космографію, напримѣръ.

Впрочемъ, отчасти и сами нѣмецкіе вожаки открываютъ свои карты и довольно нецеремонно указываютъ «wo liegt der Hund begraben». Обыкновенно, вслѣдъ за восклицаніями о томъ, что равноправіе языковъ въ Чехіи приведетъ къ уничтоженію самостоятельной нѣмецкой національности и единства Австріи, что это распоряженіе Бадени является опаснымъ нарушеніемъ конституціи, что оно не соотвѣтствуетъ положенію дѣлъ въ странѣ и т. п.,—вслѣдъ за всѣмъ этимъ выступаютъ на очередь болѣе практическіе разговоры, о томъ, что новый законъ Бадени сдѣлаетъ всю бюрократію въ Богеміи чешскою, что чехи займутъ болѣе видное положеніе въ странѣ, пріобрѣтутъ большее вліяніе и лишатъ нѣмцевъ всѣхъ привиллегій, которыя имъ, какъ завоевателямъ, были дарованы такими-то и такими ордонансами цѣлаго ряда императоровъ.

Здѣсь открывается такое широкое поле для сопоставленія цѣлаго ряда взаимно уничтожающихъ другъ друга юридическихъ и софистическихъ хитросплетеній, что при помощи умѣлой эквилибристики каждая сторона можетъ доказать все, что ей кажется нужнымъ. «Историческія права» превращаются въ легкіе шары, которыми обѣ стороны жонглируютъ такъ умѣло, что вы наконецъ этихъ шаровъ не распознаете.

Такъ, напр., бургомистръ Зигмундъ, открывшій Теплицкій Parteitag, считаетъ, конечно, что онъ не совершаетъ никакого преступленія противъ исторіи, когда говоритъ: «чехи нарушили всѣ права гостепріимства: мы, нѣмцы, позволили употреблять въ нашихъ вла-

дѣніяхъ ихъ родной языкъ, а теперь они хотятъ заставить и насъ говорить на этомъ языкѣ; такимъ зазнавшимся гостямъ необходимо указать на дверь». Что ему и его единомышленникамъ до словъ перваго исторіографа Чехіи, Палацкаго, завѣщавшаго своему народу извѣстную тираду: «мы были въ Богеміи раньше, чѣмъ туда пришла Австрія». Нѣмцы на это преспокойно отвѣчаютъ: «за то намъ Богемія принадлежитъ по праву захвата, которому миновала уже сверхъ 300-лѣтняя давность».—«Второго захвата»! задорно отвѣчаютъ чехи. А попробуйте, въ самомъ дѣлѣ, докажите, что именно чехамъ она принадлежитъ по праву *перваго* захвата. Вѣдь, и раньше ихъ тамъ кто-нибудь да былъ же.

Съ другой стороны нѣмцы имѣютъ смѣлость поддерживать свои требованія о сохраненіи за нѣмецкимъ языкомъ его прежняго привилегированнаго положенія ссылкою именно на § 19 основныхъ законовъ австрійской конституціи, гласящій: «Всѣ народности государства равны передъ закономъ, и каждой народности предоставляется безусловное право на сохраненіе и дальнѣйшее развитіе своей національности и своего языка. Государство признаетъ равными передъ закономъ всѣ употребляемыя въ странѣ нарѣчія, какъ въ школѣ, такъ и въ административныхъ учрежденіяхъ и въ общественной жизни». Этимъ параграфомъ пользуется, напр., депутатъ Эппингеръ, чтобы доказать, что нѣмцы должны пользоваться только нѣмецкимъ языкомъ. (Но, вѣдь, не противъ этого и направлено распоряженіе Бадени, требующее, чтобы чехъ, живущій въ нѣмецкой части Богеміи, имѣлъ право давать, положимъ, показанія на судѣ на чешскомъ языкѣ). И этотъ же депутатъ, двумя строками ниже, когда ему нужно доказать, что въ Чехіи нѣмецкій языкъ долженъ пользоваться правами государственнаго языка, толкуетъ этотъ 19 параграфъ въ томъ смыслѣ, что онъ-де представляетъ идеалъ, къ которому будетъ стремиться въ своемъ развитіи Австрія; въ практической-же жизни должно пользоваться ордонансами 1852 г. (года преслѣдованія Чехіи), ограничившими права чешскаго языка.

Съ своей стороны и чехи въ своихъ требованіяхъ равноправія языковъ ссылаются на старинныя права земель «короны Вячеслава» и на тѣ изъ императорскихъ ордонансовъ, которые не отвергали, а признавали эти права.

Неудивительно, что нѣмцы все время, пока они находились въ положеніи beati possidentes, очень мало заботились объ установленіи своихъ историческихъ правъ на Богемію, а спокойно придерживались правила: «кто палку взялъ, тотъ и капралъ», предоставляя чехамъ доказывать противное. Теперь только, когда нѣмцы въ Богеміи стали терять почву подъ ногами, они начали состязаться съ чехами въ словопреніяхъ по вопросу объ историческихъ правахъ обѣихъ сторонъ на Богемію. И такъ какъ всякая партія, какія-бы цѣли она ни преслѣдовала, всегда находитъ своихъ идеологовъ, вполнѣ искренно

защищающихъ своихъ единомышленниковъ, то и въ данномъ случаѣ обѣ стороны нагромоздили огромную литературу по этому вопросу.

Поскольку споръ держится въ этихъ предѣлахъ, онъ представляетъ, можетъ быть, огромный интересъ для обѣихъ сторонъ и можетъ служить прекраснымъ матеріаломъ для агитаціи; сочувствія же и вниманія остальной Европы ни одна изъ сторонъ при такихъ условіяхъ не могла-бы вызвать.

Больше того, вся Европа (за исключеніемъ Германіи) и въ особенности Россія, сочувственно слѣдившая за энергичною борьбою затерявшагося среди чужихъ народностей чешскаго племени, страстно отбивавшагося отъ всѣхъ попытокъ германизировать его и отстаивавшаго, не смотря ни на какія угнетенія, свои права, охладѣла къ этой борьбѣ съ того момента, какъ чехи, сознавая свою силу, обнаруживаютъ поползновеніе воспользоваться своими «историческими правами», чтобы стать на мѣсто притѣснителей, т. е. становятся на ту же точку зрѣнія, отъ которой отправлялись нѣмцы, когда отказывали чехамъ въ самыхъ примитивныхъ правахъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло, если посмотрѣть на него съ точки зрѣнія констатируемой нѣмцами убыли нѣмецкаго вліянія и роста славянскаго вліянія на политику Австріи. Въ этомъ случаѣ чешскій вопросъ становится даже не общенѣмецкимъ, а общеевропейскимъ вопросомъ.

Надо раньше всего замѣтить, что Богемія составляетъ самую богатую, самую развитую въ промышленномъ отношеніи часть Австріи и самую дорогую жемчужину въ коронѣ Габсбурговъ. Въ 1894 г. Богемія (вмѣстѣ съ Силезіею и Моравіею, т. е. земли чешской короны) внесли въ казну 41 милліонъ изъ общей суммы прямыхъ налоговъ въ 111 милліоновъ, т. е. около половины, и 58 милліоновъ изъ 112 милліоновъ косвенныхъ налоговъ, т. е. больше половины, причемъ одна только Богемія уплатила 25 милліоновъ косвенныхъ налоговъ и 62 милліона прямыхъ, а вмѣстѣ съ остальными поборами въ общемъ 119½ милліоновъ. Эти же страны участвуютъ въ общеимперскихъ расходахъ въ суммѣ, превышающей на 50 милліоновъ долю Венгріи *).

При этомъ славянская часть населенія должна была еще изъ собственныхъ средствъ покрыть расходы, потребные для содержанія ея политическихъ учрежденій (12 милліоновъ) и ея учебныхъ заведеній (7 милл.). Изъ этого одного уже видно, что населенію Богеміи приходится извлекать не мало доходовъ; и, дѣйствительно, Богемія, развившая у себя богатую промышленность, поставившая на высокую ступень свою агрикультуру, создавшая у себя густую сѣть желѣзныхъ дорогъ, заняла теперь одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ среди промышленныхъ странъ Европы. Изъ занимаемыхъ ею

*) Эти данныя, равно какъ и слѣдующія, заимствуемъ изъ недавно вышедшей книги Bourlier: «Современная Богемія».

51,948 кв. километровъ только 20% остаются невоздѣланными; остальное, въ видѣ ли крупныхъ помѣстій (крупному землевладѣнію принадлежитъ одна треть всѣхъ земель), или крестьянскихъ участковъ, обрабатывается, и въ обоихъ случаяхъ ведется раціональное хозяйство при помощи машинъ и указаній науки. Благодаря этому, населеніе не только удовлетворяетъ своимъ потребностямъ, но оказывается въ состояніи также вывозить на огромную сумму всевозможные земледѣльческіе продукты. Отъ земледѣлія не только не отстала, но и перещеголяла его фабрично-заводская промышленность. Такъ, напр., на сахарныхъ заводахъ Богеміи работало въ 1890 г. 41,940 раб.; пивоваренные заводы выпустили въ томъ же году 6 милліоновъ гектолитровъ пива; производство мукомольныхъ мельницъ оцѣнивалось въ томъ же году въ 84 милл. флориновъ. Ткацкая промышленность, производство которой оцѣнивалось въ 196 милліоновъ, потребовала 130,756 рабочихъ рукъ; хлопчато-бумажная промышленность—28 милл.; льно-прядильная—68½ милліон.; фабрики полотна—64 милліона; бумажныя фабрики—3 милліона; фаянсъ и стекло—20 милліоновъ и т. д., причемъ въ Богеміи представлены всѣ отрасли промышленности, а нѣкоторыя изъ нихъ (стекло, полотно, музыкальные инструменты) поставлены такъ высоко, что служатъ предметомъ подражанія и пользуются громкою извѣстностью во всей Европѣ.

Уже по этимъ успѣхамъ, достигнутымъ, не смотря на лютую борьбу между обѣими народностями, населяющими Богемію, можно судить о томъ, какого процвѣтанія могла бы достигнуть эта богато одаренная страна при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Правда, отчасти эта же борьба, служившая импульсомъ къ проявленію энергіи на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, сослужила и хорошую службу. Но въ общемъ она все-таки явилась крупною помѣхою для правильнаго развитія страны и заставила обратить всю энергію въ одну сторону, израсходовать массу силъ на вопросы національнаго характера; такъ что вся, напр., литература чешскаго народа, доказавшаго, что онъ могъ бы сдѣлать не малый вкладъ въ духовную сокровищницу Европы, долгое время оставалась чисто мѣстною и не могла освободиться отъ наложенной на нее національною борьбою печати.

Борьба эта, собственно говоря, никогда не прекращалась, но особенно страстный характеръ она приняла за послѣднее 50-тилѣтіе, со времени потрясшихъ всю Европу событій 1848 г. Даже непосредственно послѣ пораженія у Бѣлой Горы, сокрушившаго самостоятельное существованіе Богеміи, чехи продолжали борьбу за свою самостоятельность, и потребовалось новое неудачное возстаніе чешской аристократіи, чтобы окончательно уничтожить слѣды самостоятельнаго существованія Чехіи въ 1741 г. Съ этого момента въ Богеміи, дѣйствительно, наступило затишье на долгое время. Чешская аристократія быстро начала онѣмечиваться, и чешскій

языкъ сдѣлался нарѣчіемъ деревни, простого люда, исчезнувъ совершенно изъ литературы.

Но событія великой французской революціи не прошли безслѣдно и для этой страны. Демократическія вѣянія, занесенныя сюда изъ Франціи, помогли и здѣсь найти неисчерпаемыя богатства въ народномъ языкѣ, въ народныхъ пѣсняхъ. Политическій гнетъ со стороны нѣмцевъ дѣлалъ особенно дорогими и окружалъ особымъ ореоломъ эти древнія саги, въ которыхъ воспѣвались подвиги героевъ свободнаго народа, и съ этого момента чешская литература снова оживаетъ.

Извѣстный славистъ Добровскій первый принимается за научную разработку грамматики чешскаго языка, возстановляетъ его прежнія формы и даетъ въ руки друзей народа могучее орудіе для его просвѣщенія. И первые же поэты чешскаго народа пользуются этимъ орудіемъ для того, чтобы ознакомить свой народъ съ лучшими произведеніями европейской литературы. Оригинальныя же произведенія чешскихъ писателей того времени и позднѣйшаго періода всѣ проникнуты только духомъ патріотизма и мыслями объ освобожденіи своей родины. Это настроеніе и сдѣлало чеховъ особенно воспріимчивыми къ событіямъ 1848 г.

Подобно Венгріи, и Чехія громко привѣтствовала освободительныя теченія 1848 г. Въ мартѣ 1848 г. въ Прагѣ было созвано нѣчто вродѣ учредительнаго собранія, на которомъ представители славянъ выработали главныя desiderata чешской національности. Но, повидимому, тогда уже время было такое, что ограничиться одними только національными требованіями это собраніе не могло, и въ числѣ своихъ desiderata оно выставило, рядомъ съ требованіемъ равноправія обоихъ языковъ, и требованіе уничтоженія барщины, а также требованіе прямого народнаго представительства въ ландтагѣ, который долженъ былъ вѣдать дѣла всѣхъ земель чешской короны (т. е. Богеміи, Моравіи и Силезіи).

Такая программа, конечно, съумѣла возбудить горячія симпатіи населенія, и австрійское правительство, испугавшись этого движенія, сдѣлало чехамъ значительныя уступки. Уже въ апрѣлѣ оно издало патенты, коими признавалось равноправіе языковъ, согласилось на учрежденіе въ Прагѣ высшей и отвѣтственной передъ страной администраціи для всей Богеміи и на допущеніе представителей городовъ и селъ къ участію въ обсужденіи дѣлъ въ ландтагѣ.

Но эти обѣщанія такъ обѣщаніями и остались. Какъ разъ въ это время былъ созванъ во Франкфуртѣ знаменитый пангерманскій парламентъ, въ который славяне рѣшительно отказались послать своихъ депутатовъ. Больше того, они созвали свой (въ Прагѣ) славянскій конгрессъ, на который явилось около 340 делегатовъ отъ всѣхъ славянскихъ племенъ: чеховъ, словаковъ, поляковъ, русиновъ, словинцевъ, кроатовъ, сербовъ. Этотъ конгрессъ долженъ

былъ обсудить мѣры для защиты славянскихъ національностей въ Австріи, обратиться къ императору съ адресомъ, въ которомъ были бы указаны требованія славянъ, и издать манифестъ, который обратилъ бы вниманіе всей Европы на угнетенное положеніе славянъ въ Австріи.

Дѣло, однако, кончилось очень печально. Возбуждаемыя съ одной стороны нѣмецкими агитаторами, съ другой — славянскими, народныя массы не удержались отъ столкновенія съ правительственными войсками; на улицахъ выросли баррикады, въ отвѣтъ на которыя правительство сочло себя вправѣ принять самыя энергичныя военныя мѣры. Защитники баррикадъ послѣ кровопролитнаго столкновенія были разсѣяны, и вѣнское правительство сразу перемѣнило фронтъ по отношенію къ чехамъ. Теперь оно уже не только не думало о выполненіи данныхъ имъ обѣщаній, но уничтожило и многое изъ того, что чехи пріобрѣли раньше. Чешскій языкъ снова былъ изгнанъ изъ администраціи и школъ, и всѣ усилія правительства обращены на германизацію страны. Реакція торжествовала не только по отношенію къ Богеміи, но и на всѣхъ остальныхъ пунктахъ, и потребовался цѣлый рядъ ударовъ, такихъ жестокихъ ударовъ, какъ утрата Австріею итальянскихъ провинцій (въ 1860 г.) и пораженіе при Садовѣ (въ 1867 г.), чтобы обветшалому австрійскому режиму было нанесено окончательное пораженіе.

Какъ извѣстно, Венгрія, представлявшая во все время борьбы за свое существованіе одно цѣлое, успѣла воспользоваться этимъ моментомъ для окончательнаго освобожденія своихъ земель изъ подъ опеки Австріи. У Богеміи не хватило силъ для такой побѣды. Здѣсь чехамъ приходилось выдерживать борьбу не только съ нѣмцами, поддерживавшими центральное правительство, но и съ представителями высшихъ классовъ ихъ собственной національности, причемъ вполнѣ оправдалось предсказаніе, выраженное въ народной поговоркѣ: «чехи будутъ побѣждены только чехами».

Чешская аристократія, какъ это бывало и съ аристократіями многихъ другихъ народовъ, которымъ (аристократіямъ) живется не дурно при всякомъ режимѣ, довольно быстро начала онѣмечиваться. Въ концѣ концовъ, эта аристократія, если и не сдѣлалась вполнѣ нѣмецкою, то во всякомъ случаѣ перестала быть и чешскою, какъ она сама признается, и очень мало думала о судьбѣ чешскаго народа. Если она нѣкоторое время принимала участіе въ національномъ движеніи, то лишь потому, что разсчитывала занять роль правящаго класса въ автономной Богеміи, но какъ только началъ рѣзче оттѣняться демократическій духъ чешскаго движенія, аристократія пошла вспять, перестала поддерживать движеніе и не скрываетъ, что всякая централизація, хотя-бы и нѣмецкая, но освобождающая ее отъ контроля народнаго представительства, ея сердцу гораздо любезнѣе, чѣмъ самая широкая автономія, покоющаяся на выборномъ началѣ. Правительство вступало съ нею во всевозмож-

наго рода сдѣлки и всегда умѣло покупать за чечевичную похлебку ея права первородства, а затѣмъ уже аристократія брала на себя задачу подносить пилюлю своимъ соотечественникамъ въ позолоченномъ видѣ. Въ концѣ концовъ она дошла до такой откровенности, что скупилась даже тратиться на золото, а пробавлялась обыкновенною мишурою, и когда, напримѣръ, въ одномъ изъ засѣданій ландтага Грегръ внесъ проектъ адреса, въ которомъ императору напоминалось о необходимости востановленія государственнаго права Богеміи, аристократы отказались подать голосъ за этотъ проектъ, мотивируя свое положеніе тѣмъ, что *«такъ какъ государственное право одно изъ самыхъ святыхъ правъ, то его не должно компрометировать попытками, не имѣющими никакихъ шансовъ на успѣхъ»*.

Но къ тому времени, когда аристократія прибѣгала къ такимъ оборотамъ, ее умѣли уже раскусить; руководительство движеніемъ перешло въ это время къ младочехамъ, и измѣна аристократіи не могла уже нанести существеннаго ущерба движенію. За то въ свое время эта аристократія успѣла достаточно парализовать чешское движеніе и даже развратить старочешскую партію, которая вмѣстѣ съ нею вступила на путь самыхъ грубыхъ компромиссовъ. Благодаря этому, чешское дѣло мало выиграло въ самые удобные для него моменты, въ 1861 г. и въ 1867 г.

Въ 1861 г. чехи подъ вліяніемъ аристократіи ограничились нѣкоторыми уступками, которыя не носили даже характера законовъ, а простыхъ ордонансовъ, которые можно во всякое время отмѣнить, и дѣйствительно, какъ только богемская діэта заговорила о томъ, чтобы императоръ австрійскій короновался чешскою короною, на чеховъ немедленно посыпались самыя жестокія преслѣдованія: газеты не смѣли пикнуть, редакторы больше просиживали въ тюрьмахъ, чѣмъ за редакторскимъ столомъ, и чехи, видя безплодность своихъ усилій, демонстративно отказались принимать участіе въ совѣщаніяхъ ландтаговъ и рейхстага.

Точно также, благодаря вѣчному marchandage'у, который вели между собою чешская аристократія и вѣнское правительство, послѣднему удалось такъ изуродовать дарованныя послѣ 1867 г. Богеміи выборныя права, что представительство въ ландтагѣ и рейхстагѣ доставило огромныя преимущества нѣмецкому элементу.

Благодаря такъ называемой «избирательной геометріи», при помощи которой создаются самые искусственные избирательные округи (отъ густо населенныхъ чешскихъ округовъ отрѣзываются куски и прирѣзываются къ нѣмецкимъ округамъ, такъ что чешскіе избиратели расплываются въ общей массѣ нѣмецкаго населенія), центральному правительству удалось достигнуть того, что въ общеимперскій парламентъ нѣмецкое населеніе, составляющее 36% всего населенія, посылало до недавняго времени 117 депутатовъ, а славянское населеніе, составляющее свыше 60% общаго числа, посы-

лало 136 депутатовъ. За то въ самой Богеміи крупные землевладѣльцы въ числѣ 452 имѣли въ ландтагѣ 23 депутата, а 236,480 сельскихъ избирателей имѣли лишь 30 депутатовъ; 92840 городскихъ избирателей также имѣли лишь 32 депутата, а 186 членовъ торговыхъ палатъ имѣли 5 депутатовъ.

Что же касается распредѣленія депутатовъ по національностямъ въ Богеміи, то оно и того курьезнѣе: свыше 3½ милліоновъ славянскаго населенія изъ числа общаго населенія, опредѣляющагося цифрою въ 6 милліоновъ, посылали 40 депутатовъ, а 2 милліона нѣмцевъ посылали 36 депутатовъ; къ послѣднимъ должно причислить и 18 представителей крупнаго землевладѣнія, которые никогда ни въ чемъ не отказываютъ коронѣ и носятъ даже поэтому почетную кличку «das verfassungstreue Grossgrundbesitz». Точно также въ богемскомъ ландтагѣ засѣдаетъ 98 чешскихъ депутатовъ, 71 нѣмецкій и 74 крупныхъ землевладѣльца, между тѣмъ какъ безъ помощи «избирательной геометріи» они должны-бы распредѣлиться въ слѣдующемъ порядкѣ: 135 чешскихъ депутатовъ, 72 нѣмецкихъ и 36 отъ крупнаго землевладѣнія *).

Въ 1868 г. чехи предъявили президенту богемскаго ландтага протестъ по поводу отношенія къ нимъ и еще разъ напомнили, что «земли чешской короны никогда не были реально соединены съ Австріею; что за Богеміею сохранено право избирать по своему усмотрѣнію короля, въ случаѣ прекращенія династіи, и составить независимую страну; что чешскій народъ не долженъ считаться съ трактатами, ограничивающими его права и заключенными, безъ его вѣдома, между династіею, Венгріею и другими національностями».

Въ отвѣтъ на это послѣдовало лишь объявленіе Праги въ осадномъ положеніи и новыя преслѣдованія. Но чехи ни на минуту не отказывались отъ борьбы и довели, наконецъ, дѣло до того, что кабинетъ Гогенварта предложилъ въ 1871 г. два министерскихъ портфеля чехамъ, а императоръ Францъ-Іосифъ, приглашая чеховъ принять участіе въ ландтагѣ, который долженъ былъ выработать мѣры для установленія добрыхъ сосѣдскихъ отношеній между чехами и нѣмцами, обратился къ нимъ съ рескриптомъ, въ которомъ сказано: «Прекрасно памятуя положенія государственнаго права земель Богемской короны, сознавая, какую славу и какое могущество эта корона доставила нашимъ предшественникамъ, а также и то, что народъ Богеміи всегда съ непреклонною вѣрностью поддерживалъ нашъ тронъ, мы охотно признаемъ права этого королевства и готовы возобновить это утвержденіе присягою при священномъ короновании».

На этотъ торжественный рескриптъ 12 сентября 1871 г. чехи всегда ссылаются, какъ на главное доказательство признанія за Богеміею особаго государственнаго права, хотя этотъ рескриптъ

---

*) I. Bourlier «Современная Богемія».

нисколько не помѣшалъ императору Францу-Іосифу заявить въ 1889 г., когда младочехи напомнили ему объ этомъ неисполненномъ обѣщаніи: «очень жаль, что столь одаренный чешскій народъ вручилъ власть такой странной компаніи (sonderbare Gesellschaft)».

Для своего времени этотъ рескриптъ во всякомъ случаѣ являлся кульминаціоннымъ пунктомъ торжества чешской національности. Ландтагъ 1871 г. единодушно принялъ проекты законовъ, которыми создавалась вполнѣ автономная Богемія. Но нѣмецкій элементъ былъ такъ напуганъ этимъ торжествомъ чеховъ, что обратился за помощью къ Германіи, и Бисмаркъ быстро экспедировалъ въ Вѣну короля Саксонскаго, послѣ визита котораго министерство Гогенварта должно было выйти въ отставку и уступить власть кабинету Ауэрсперга, который поспѣшилъ распустить ландтагъ, вступить въ союзъ съ Grossgrundbesitzer'ами, измѣнить избирательный законъ и собрать новый ландтагъ съ преобладающимъ нѣмецкимъ большинствомъ.

И вдругъ въ такой критическій моментъ чешскіе вожаки подъ вліяніемъ аристократіи заявляютъ, что на эту политику правительства вполнѣ достойнымъ отвѣтомъ со стороны чеховъ будетъ только политика пассивнаго протеста, и чешскіе депутаты отказываются, къ величайшей радости нѣмцевъ, участвовать въ работахъ ландтага и рейхстага.

Съ этого момента и начинается расколъ, приведшій постепенно къ полному торжеству младочешской партіи, настаивавшей на активной и даже воинствующей политикѣ и внесшей въ свою программу многія демократическія требованія, и къ окончательному сокрушенію старочешской партіи.

Въ началѣ борьбы обаяніе старочеховъ было еще достаточно сильно, чтобы справиться съ не имѣвшими еще никакого авторитета младочехами. Они были объявлены революціонерами; главный вожакъ, Ригеръ, отвернулся отъ своихъ прежнихъ соратниковъ и даже проклялъ ихъ; и на слѣдующихъ выборахъ младочехи, дѣйствительно, потерпѣли жестокое пораженіе. Но какъ ни малочисленно было ихъ представительство въ парламентѣ, они не пропускали ни одного случая, гдѣ нужно было выступить въ защиту чешскаго элемента, и вскорѣ обратили на себя вниманіе народа, а старочехи сочли болѣе благоразумнымъ помириться съ ними. А между тѣмъ при Ауэрспергѣ вліяніе нѣмецкаго элемента продолжало возрастать въ ущербъ славянскому и приняло такіе размѣры, что и онъ не рѣшился дѣлать дальнѣйшія уступки нѣмцамъ, почему и долженъ былъ уступить власть министерству Таафе.

Послѣдній сначала долго заигрывалъ съ чехами; желая составить парламентское большинство безъ участія въ немъ нѣмецкихъ депутатовъ, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ склонить чеховъ, отказавшихся отъ участія въ парламентѣ, войти снова въ парламентъ

и не поскупился на обѣщанія. На дѣлѣ все ограничилось нѣсколькими милостивыми словами по адресу чеховъ въ тронной рѣчи и нѣкоторыми мелкими уступками чехамъ, и за 6 лѣтъ существованія министерства Таафе вопросъ о расширеніи автономіи Богеміи, объ измѣненіи избирательней системы и о языкахъ не подвинулся ни на шагъ.

Въ то же время нѣмецкій элементъ снова усилился, и нѣмцы сочли возможнымъ выставить такое требованіе, какъ полное изгнаніе чешскаго языка изъ чисто-нѣмецкихъ областей Богеміи и сохраненіе за этимъ языкомъ правъ государственнаго языка въ чешскихъ областяхъ Богеміи. Не смотря на всѣ протесты младочеховъ, старочехи продолжали вести свою политику угодничества и даже рѣшились снова изгнать изъ своего клуба слишкомъ строптивыхъ младочеховъ.

Рѣшительный моментъ наступилъ, когда чехамъ пришлось высказаться по знаменитому вопросу о «Пунктуаціяхъ» 1890 г.

Этими «пунктуаціями» наносился жестокій ударъ чешскимъ стремленіямъ: онѣ уничтожали прежніе ордоннансы министровъ, признавшіе равноправіе языковъ, составили исключительно нѣмецкіе суды въ областяхъ Богеміи съ смѣшаннымъ населеніемъ, предоставляли куріямъ право «veto», устанавливали выгодную для нѣмцевъ избирательную систему и т. д. Въ младочешскомъ клубѣ отказались даже обсуждать эти пункты, и когда старочешскій клубъ простеръ свое угодничество до того, что принялъ эти проекты, 55 изъ 94 его членовъ поспѣшили выйти.

Ригеръ не постѣснялся тогда заявить въ «Hlas Naroda», что, принимая знаменитые пункты, старочехи, главнымъ образомъ, стремились создать изъ всѣхъ умѣренныхъ элементовъ оплотъ противъ радикальныхъ и разрушительныхъ тенденцій.

Но это была уже послѣдняя пѣсенка старочеховъ. Энергичная дѣятельность младочешской группы, не допустившихъ при помощи обструкціи принятія направленныхъ противъ чеховъ законовъ ни въ рейхстагѣ, ни въ ландтагѣ, сдѣлали ихъ крайне популярными въ народныхъ массахъ. И когда въ 1891 г. послѣ распущенія парламента были назначены новые выборы, старочехи подверглись рѣшительному разгрому: изъ 40 чешскихъ депутатовъ 38 мѣстъ получили младочехи и только 2—старочехи, а на послѣднихъ выборахъ старочехи не рѣшились даже выставить своихъ кандидатовъ.

Послѣдніе годы существованія министерства Таафе были годами особенно напряженной борьбы со стороны чеховъ. Ихъ представители въ парламентѣ довели обструкцію, это единственное находившееся въ ихъ рукахъ оружіе въ борьбѣ съ парламентскимъ большинствомъ, до такихъ размѣровъ, что совершенно парализовали дѣятельность парламента.

Но не только на политической почвѣ велась борьба, да она была бы и совершенно невозможна, если бы чехи въ практической

жизни, гдѣ борьба велась еще ожесточеннѣе, не заняли сильнаго положенія.

Въ этой области условія для чеховъ сложились особенно благопріятно. Оттѣсненные отъ промышленной дѣятельности, которая насаждалась усиліями центральной власти и потому предоставляла всякія льготы нѣмцамъ, они должны были въ хозяйственномъ отношеніи посвятить себя всецѣло земледѣлію. Это удаленіе чеховъ изъ городовъ, въ которыхъ играли самую видную роль нѣмцы, долго сковывало чешское движеніе и дѣлало его маловліятельнымъ. Но чешское крестьянство не долго оставалось тѣмъ заскорузлымъ, боящимся всякаго нововведенія, крестьянствомъ, которое является характернымъ для многихъ европейскихъ странъ. Со времени уничтоженія феодальныхъ привиллегій чешское крестьянство выдѣлило изъ себя нѣчто вродѣ англійской джентри или американскаго фермерства, т. е. состоятельный, независимый классъ сельскаго населенія, имѣющій возможность удовлетворять и своимъ духовнымъ запросамъ. Агрикультура была поставлена на раціональную почву, и въ Чехіи учреждено было множество земледѣльческихъ школъ низшаго, средняго и высшаго типа; кромѣ того, въ каждомъ округѣ учреждались земледѣльческія ассоціаціи, распространявшія журналы и брошюры, въ которыхъ рядомъ съ техническими указаніями и освѣщеніемъ вопросовъ крестьянскаго обихода обсуждались вопросы высшаго порядка.

Такимъ образомъ, у чеховъ выросло отличное отъ другихъ странъ и «третье сословіе», которое не только было способно къ воспріятію идей, распространяемыхъ чешскою интеллигенціею, но само выдѣляло изъ себя значительный контингентъ лицъ, пополнявшихъ ряды интеллигенціи въ качествѣ учителей, чиновниковъ и т. п. Это выдѣленіе совершалось въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, что въ Чехіи съ большимъ правомъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можно было одно время говорить о перепроизводствѣ интеллигенціи; и, какъ извѣстно, особенно извѣстно въ Россіи, этотъ излишекъ чешской интеллигенціи долгое время служилъ даже въ качествѣ довольно важнаго article d'exportation, который вывозился во всѣ страны. Чешская интеллигенція, благодаря этому, имѣла прекрасно подготовленную почву для агитаціи, и, благодаря той изумительной энергіи, которую она проявила въ своей агитаціонной дѣятельности, и той воспріимчивости, которую обнаружило культурное чешское населеніе, сдѣлавшееся крайне чувствительнымъ къ высокомѣрію и несправедливому притѣсненію со стороны нѣмецкаго элемента, плоды этой агитаціи дали себя скоро знать.

Мы уже говорили, что при своемъ возрожденіи чешская литература скоро сдѣлалась главнымъ носителемъ національной идеи; но эту печать патріотизма, нерѣдко даже узкаго національзма, она носила еще долгое время послѣ возрожденія и даже въ моментъ своего расцвѣта. Не только первые работники на литературной

нивѣ Чехіи, но и всѣ послѣдующіе, какъ Колларъ, Желаковскій, Неруда, Гавличекъ и др., считали себя на службѣ у чешскаго народа. Они считали своею главною обязанностью раньше всего пересадить на чешскую почву лучшіе плоды европейской литературы, а въ своихъ оригинальныхъ произведеніяхъ брали чаще всего сюжетомъ народныя преданія, легенды чешскаго народа, его пѣсни, его героическій эпосъ, его незавидное положеніе среди завоевателей, надежды и упованія. Особенно много сдѣлали на этой почвѣ Ярославъ Врхлицкій, познакомившій чеховъ съ классиками всѣхъ европейскихъ литературъ, и Святополкъ Чехъ, поэтическія произведенія котораго сдѣлались достояніемъ всей народной массы, превратившей ихъ въ національныя пѣсни. Въ этомъ же направленіи дѣйствовали и представители научной мысли, какъ Палацкій, Шафарикъ и др. И можно только удивляться тому могучему отклику, которое встрѣчало въ чешскомъ населеніи каждое начинаніе его интеллигенціи, имѣвшее цѣлью доставить торжество національной идеѣ.

Какъ иллюстрацію, мы приведемъ лишь исторію созданія пражскаго театра и этнографической выставки въ Прагѣ, такъ какъ именно такія далекія отъ пониманія массы населенія и не сулящія никакой непосредственной пользы начинанія во всякой другой странѣ рисковали бы разбиться о равнодушіе населенія. Въ Чехіи же именно эти начинанія превратились въ грандіозную національную демонстрацію.

Руководители чешскаго движенія, сознававшіе, что театръ можетъ служить прекраснымъ агитаціоннымъ средствомъ, прилагали всѣ усилія къ созданію собственнаго чешскаго театра. Спеціально избранный для этого комитетъ объявилъ національную подписку и въ короткое время собралъ значительную сумму, позволившую пріобрѣсти участокъ земли, и приступили къ сооруженію театра. Закладка зданія превратилась въ національное торжество, на которое прибыли ихъ всѣхъ уголковъ Чехіи студенческіе ферейны, крестьянскіе союзы, рабочія ассоціаціи, въ общемъ около 10,000 человѣкъ. Когда расходы по постройкѣ зданія театра превысили первоначальную смѣту, національная подписка немедленно пополнила недостающую сумму. И вдругъ передъ самымъ торжествомъ открытія театра зданіе было уничтожено огнемъ. Но «рука дающихъ не оскудѣвала»; открыта была новая подписка, которая въ теченіе одного мѣсяца доставила милліонъ гульденовъ, позволившихъ довести дѣло до конца. 1883 годъ, ознаменовавшійся открытіемъ національнаго театра, превратился въ юбилейный годъ для чеховъ: въ теченіе цѣлаго года населеніе самыхъ глухихъ мѣстъ совершало паломничество въ Прагу для посѣщенія театра, а во многихъ мѣстностяхъ открывались подписки для доставленія неимущимъ возможности поѣхать въ Прагу и посѣтить театръ.

Точно также и грандіозная выставка 1895 г. была создана ис-

ключительно усиліями чешскаго населенія. Правительство не только отказало въ какой бы то ни было субсидіи этой выставкѣ, ссылаясь на то, что это не областная выставка, а національная, но и старалось помѣшать ей, не разрѣшая предполагавшейся для этого лоттереи. Но это не остановило чеховъ, которые путемъ частныхъ пожертвованій собрали нужную сумму, и выставка, привлекшая свыше $1\frac{1}{2}$ милліоновъ посѣтителей, оказалась не менѣе могучимъ орудіемъ пропаганды.

Послѣ этого не удивительно, что для учрежденій, полезность которыхъ болѣе доступна пониманію населенія, средства стекались со всѣхъ сторонъ. Помимо крупныхъ пожертвованій для университетовъ, институтовъ и т. п., чешскіе комитеты ежегодно собираютъ во всѣхъ городахъ и селахъ сотни тысячъ гульденовъ для устройства школъ, и на этомъ поприщѣ соревнованіе между нѣмцами и чехами особенно велико.

Дѣло въ томъ, что нѣмцы, въ интересахъ ослабленія чешскаго элемента, создали Schulverein, который заботится о распространеніи нѣмецкихъ школъ и пользуется даже поддержкою Германіи, делегатъ которой принимаетъ участіе въ совѣщаніяхъ комитета «Schulverein'а». Въ отвѣтъ на это чехи создали «Школьну Матицу». Въ 1860 г. въ Богеміи было лишь 10 среднихъ школъ, теперь такихъ школъ имѣется свыше 60, и, кромѣ того, усиліями «Школьной Матицы» создано свыше 100 начальныхъ школъ, такъ что на послѣднемъ годичномъ засѣданіи нѣмецкаго Schulverein'а комитетъ долженъ былъ сознаться, что его дѣятельность сокращается соразмѣрно съ ростомъ «Школьной Матицы». Поддержка своей печати также составляетъ одну изъ главныхъ задачъ чешской ителлигенціи, и въ Богеміи существуетъ теперь около 300 періодическихъ изданій, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ «Narodni Listy», достигли 20-тысячнаго тиража.

Усиленіе чешскаго элемента сказалось и въ томъ, что онъ началъ вытѣснять нѣмцевъ и изъ городовъ, заступая ихъ мѣста въ области промышленной дѣятельности. Не говоря уже о томъ, что многіе фабрики и заводы находятся въ рукахъ чешской администраціи, что и высшій, и низшій служебный персоналъ фабрикъ, а также и рабочіе, состоятъ во многихъ случаяхъ изъ чеховъ, послѣдніе вытѣсняютъ нѣмцевъ и въ качествѣ предпринимателей, на что уже раздавались жалобы на нѣмецкихъ Parteitag'ахъ.

При такихъ условіяхъ борьба съ ростомъ славянскаго вліянія въ Богеміи сдѣлалась непосильною задачею для вѣнскаго правительства, не смотря на то, что оно было довольно неразборчиво въ примѣненіи мѣръ для подавленія чешскаго движенія.

Послѣ сверженія министерства Таафе, заигрывавшаго съ чехами, правительство снова вступило на путь репрессалій. Виндишгрецъ, замѣстившій Таафе, пробовалъ игнорировать чешскій вопросъ и относиться къ этому движенію, какъ къ временному, наносному. Чехи

снова подверглись преслѣдованіямъ, въ Прагѣ поддерживалось осадное положеніе, создавались искусственные судебные процессы, въ родѣ процесса общества «Омладины», позволявшіе правительству запирать въ тюрьмы неудобные элементы, но это не привело къ цѣли. Чехи перенесли борьбу въ стѣны парламента и, не смотря на то, что они составляли лишь меньшинство, имъ удавалось здѣсь играть самую видную роль. Они поддерживали требованіе всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ парламента, какъ требованія словинцевъ объ учрежденіи славянской гимназіи въ Цилли, ставили правительство въ затруднительное положеніе своею настойчивостью въ вопросѣ объ избирательной реформѣ, сдѣлали невозможнымъ принятіе налоговой реформы кабинета Виндишгреца—Пленера. Правительственное большинство въ парламентѣ превращено было въ пассивную группу, и двумъ министерствамъ пришлось капитулировать передъ чехами. Въ общемъ, положеніе въ этотъ моментъ лучше всего характеризовалось словами младочешскаго депутата Герольда, заявившаго во время аудіенціи императору: «мы исполняемъ только нашъ долгъ; мы знаемъ, что мы еще не у цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ знаемъ, что наши противники должны какою бы то ни было цѣною добиться примиренія съ чехами».

Эту-то задачу и взялъ на себя теперь гр. Бадени, который, не смотря на признанную за нимъ кличку «желѣзной руки», увидѣлъ, что, въ качествѣ главы австрійскаго правительства, онъ не можетъ обойтись безъ помощи чеховъ.

Въ настоящую минуту чехи, не смотря на шумъ, поднятый нѣмцами, могли-бы сказать уже, что они «у цѣли». И правительство, и большая часть нѣмецкой печати признаетъ теперь справедливость словъ одного изъ наиболѣе выдающихся чешскихъ публицистовъ: «безъ примиренія съ чешскимъ народомъ невозможно существованіе сильной Австріи, невозможно даже существованіе самой Австріи». Вопросъ, однако, сводится къ тому, какъ этого примиренія достигнуть.

Правительство прекрасно знаетъ, что вслѣдъ за предоставленіемъ автономіи Богеміи, такая же автономія должна быть предоставлена и Моравіи, и Галиціи, и всѣмъ прочимъ землямъ Габбсбургской короны. Такимъ образомъ, удовлетвореніе чешскихъ требованій обозначало-бы рѣшительное выступленіе на путь федеративнаго раздѣленія Австріи.

Но противъ этого возстаетъ и географическое, и политическое положеніе Австріи, которая, въ качествѣ первоклассной военной державы, должна быть всегда готова вмѣшаться въ споры и о Филиппинскихъ островахъ, и о Гавайскихъ островахъ, и о Беринговомъ проливѣ, не говоря уже о такихъ вопросахъ, какъ Критъ,—словомъ вмѣшиваться въ споры, которые, можетъ быть, совершенно не будутъ интересовать отвѣтственныхъ передъ своими національностями народныхъ представителей. Наконецъ, торжество славян-

скаго элемента грозитъ отклоненіемъ Австріи отъ ея теперешней политики и можетъ въ случаѣ политическихъ осложненій заставить Австрію пойти инымъ путемъ.

Эти соображенія всегда пользовались большимъ вѣсомъ въ глазахъ центральнаго правительства. Однако теперь рѣчь идетъ о существованіи Австріи не только въ качествѣ первоклассной державы, но и объ ея существованіи вообще. И въ настоящее время не только чехи, но и многіе нѣмецкіе органы начинаютъ признавать, что федерація австрійскихъ земель является единственною формою, обезпечивающею политическое существованіе Австріи. Даже «Preussische Jahrbücher» признали въ послѣднее время, что иного выхода для Австріи нѣтъ. Но это голосъ съ другого берега. Послушаемъ, что говорятъ австрійскіе патріоты. Передъ нами двѣ брошюры— просто «патріота» и «австрійскаго патріота»—выпущенныя по поводу предстоящаго обсужденія мѣръ для умиротворенія Чехіи. Авторы обѣихъ брошюръ, судя по представленнымъ ими на эту тему соображеніямъ, принадлежатъ къ различнымъ партіямъ, и оба они признаютъ, что «всѣ палліативы и временныя мѣры уже исчерпаны, и теперь сдѣлалось достаточно очевиднымъ, что необходимо коренное измѣненіе нашихъ учрежденій». Оба въ различныхъ выраженіяхъ говорятъ, что главный государственный вопросъ Австріи, это доставленіе всѣмъ національностямъ возможности правильнаго мирнаго развитія, что возможно только при федеративномъ строѣ. «Вы скажете, что это—трудная задача, замѣчаетъ одинъ, но развѣ борьба, потрясающая самое существованіе нашего государства, можетъ быть устранена безъ крупныхъ жертвъ?»

Другой доказываетъ эту мысль еще болѣе убѣдительно. «Нѣмцы, говоритъ онъ, принесли уже достаточно жертвъ иллюзіи существованія нѣмецкой Австріи, но послѣдніе годы должны были убѣдить самыхъ ярыхъ, что мы имѣемъ славянскій режимъ на нѣмецкомъ языкѣ. И только для сохраненія нѣмецкаго языка приносятся такія жертвы, которыя отражаются самымъ вреднымъ образомъ на интересахъ нѣмцевъ и подрываютъ самое существованіе Австріи».

Въ этомъ смыслѣ высказывается и профессоръ восточной академіи въ Вѣнѣ Ж. Блочишевскій. «Не смотря ни на какія усилія, говоритъ онъ, ни Меттерниху, ни другимъ не удалось найти матеріала для созданія *австрійской* національности... Австрія, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, бывшая въ свое время и нѣмецкою, и испанскою, и итальянскою, становится въ настоящее время рѣшительно славянскою страною. Да это и не можетъ быть иначе въ странѣ, гдѣ на населеніе въ 43 милліона приходится лишь—самое большее— 11 милліоновъ нѣмцевъ, а славянъ свыше 21 милліона».

Эти мысли представляютъ собою не академическія разсужденія, а носятся въ воздухѣ; ими проникаются не только политическіе вожаки, но и правительство. И тѣмъ не менѣе трудно вѣрить, что графу Бадени удастся теперь разрѣшить этотъ споръ. Правитель-

ство изъ самыхъ различныхъ соображеній попробуетъ еще оттянуть окончательное рѣшеніе, можетъ быть, вернется даже на время къ репрессивнымъ мѣрамъ. Но это мало измѣнитъ положеніе. Теперь уже для всѣхъ ясно, «кто устоитъ въ неравномъ спорѣ»—централистскія-ли стремленія вѣнскаго правительства, или федералистическія тенденціи отдѣльныхъ національностей. Побѣда послѣднихъ—только вопросъ времени, и не очень отдаленнаго времени.

П. Звѣздичъ.

Донъ Антоніо Кановасъ дель Кастильо.

(Письмо изъ Испаніи).

Трагическая смерть перваго государственнаго человѣка Испаніи, павшаго новой жертвой анархизма, произвела тяжелое впечатлѣніе на все европейское общество, какъ по той роли, которую игралъ Кановасъ дель Кастильо въ исторіи послѣднихъ десятилѣтій въ Испаніи, такъ и по причинамъ, вызвавшимъ это печальное событіе.

Кановасъ дель Кастильо, безспорно, былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся политическихъ дѣятелей Испаніи въ теченіе XIX вѣка. Какъ вождь извѣстной партіи, онъ имѣлъ многихъ политическихъ противниковъ. Но борьба съ ними всегда совершалась на конституціонной почвѣ. Кановасъ становился во главѣ правительства или оставлялъ власть, смотря по тому, въ пользу какой изъ борящихся партій склонялись вѣсы парламентскаго представительства. Враги его, такъ же, какъ и онъ самъ, считались съ мнѣніями и правами другъ друга, и для устраненія противника отъ власти не прибѣгали къ насильственнымъ мѣрамъ. Убійство Кановаса ничего общаго не имѣетъ съ его политической программой, и къ нему совершенно непричастны политическіе противники перваго министра. Кановасъ палъ не какъ защитникъ той или другой формы правленія въ Испаніи, не какъ представитель того или другого направленія во внутренней и внѣшней политикѣ страны, а какъ защитникъ соціальнаго строя, существующаго на однихъ и тѣхъ же началахъ въ Испаніи, какъ и въ остальной Европѣ. Убійство президента испанскаго Совѣта Министровъ, въ этомъ отношеніи, является вполнѣ аналогичнымъ происшедшему нѣсколько лѣтъ тому назадъ убійству президента французской республики Карно. Оба сдѣлались жертвами анархистскихъ преступленій, только потому, что являлись

представителями общественной власти и защиты. Въ виду этого драма, разыгравшаяся 27 іюля (8 августа) въ Сантъ-Агуэдѣ, имѣетъ значеніе не мѣстнаго событія, вызваннаго особыми условіями испанской общественной жизни, а симптома скрытаго болѣзненнаго состоянія, въ которомъ находится современное европейское общество и которое сдѣлало возможнымъ такое явленіе, какъ анархизмъ.

Но оставимъ этотъ вопросъ, не имѣющій прямого отношенія къ предмету нашего очерка, и посмотримъ, кто такой былъ Кановасъ, какое мѣсто занималъ онъ среди современныхъ политическихъ партій Испаніи и въ чемъ выражается значеніе этого государственнаго дѣятеля въ исторіи современной Испаніи.

Внукъ одного изъ героевъ войны за независимость 1808—1810 гг. и сынъ учителя морской коллегіи Санъ-Тельмо въ Малагѣ, Донъ-Антоніо Кановасъ дель Кастильо родился въ этомъ городѣ 8 февраля 1828 г. Ранняя смерть отца и отсутствіе средствъ къ существованію побудили Донъ Антоніо, какъ старшаго изъ сыновей, хотя и очень юнаго, замѣстить отца въ должности преподавателя. Своими заработками онъ поддерживалъ семью, состоявшую изъ матери и четырехъ братьевъ.

Съ 1845 г., не смотря на свои 17 лѣтъ, Кановасъ предпринялъ изданіе газеты: «La Joven Malaga» («Молодая Малага»). Газета эта служила выраженіемъ мыслей и чувствъ консервативнаго элемента мѣстной молодежи, къ которому принадлежалъ Кановасъ, и въ то же время—средствомъ удовлетворять литературно-поэтическія наклонности послѣдняго. Но «La Joven Malaga», подобно большинству предпріятій этого рода, скоро прекратила свое существованіе за недостаткомъ подписчиковъ. Чувствуя призваніе къ литературной дѣятельности, сознавая недостаточность своего образованія, Кановасъ тяготился монотонной, бѣдной содержаніемъ жизнью въ провинціальномъ городкѣ Андалузіи и рвался въ Мадридъ,—эту обѣтованную землю испанской провинціальной молодежи, стремящейся создать себѣ имя и положеніе въ обществѣ. Мечта была осуществлена. Кановасъ явился въ Мадридъ и сталъ слушать лекціи на юридическомъ факультетѣ, заработывая въ то же время кусокъ хлѣба въ качествѣ служащаго въ управленіи Мадридо-Аранхуэской желѣзной дороги. Эта пора жизни Кановаса была временемъ усидчиваго труда и научныхъ занятій. Жилъ онъ въ скромной «casa de huespedes» на улицѣ Valverde, стѣсняя себя во всемъ и тратя остатокъ своихъ скудныхъ заработковъ исключительно на книги. Свободное время онъ посвящалъ литературной дѣятельности, помѣщая свои работы беллетристическаго или публицистическаго характера въ разныхъ журналахъ. Въ подобномъ же положеніи находились и нѣкоторые изъ сверстниковъ и товарищей Кановаса, которымъ также пришлось впослѣдствіи играть выдающуюся роль въ политической исторіи страны, какъ Кастеляръ, Айала, Мартосъ и др. Истиннымъ счастьемъ для Кановаса было то, что въ Мадридѣ онъ нашелъ под-

державу и сочувствіе со стороны своего родственника, извѣстнаго литератора Д. Серафина Эстеванеса Кальдерона. Послѣдній много содѣйствовалъ начинающему писателю завязать сношенія съ литературными и политическими знаменитостями того времени, и Кановасъ навсегда сохранилъ чувство глубокой признательности за оказанныя ему услуги въ трудную пору жизни. Книга Кановаса «El Solitario y su tiempo», въ которой онъ представилъ біографію этого писателя, была однимъ изъ выраженій этой благодарности.

При посредствѣ Эстеванеса Кановасъ сблизился съ знаменитымъ въ то время публицистомъ Д. Хоакиномъ Франсиско Пачеко, который, оцѣнивъ литературныя способности молодого андалузца, пригласилъ его участвовать въ своемъ журналѣ «La Patria». La Patria впослѣдствіи сдѣлалась органомъ политической партіи «Либеральная унія», къ которой принадлежалъ Кановасъ. Какія задачи преслѣдовала эта партія, и какимъ характеромъ отличалась она— увидимъ нѣсколько ниже.

Начало парламентарной дѣятельности Кановаса совпадаетъ съ наступленіемъ революціи 1854 г. Ему тогда было всего лишь 28 лѣтъ, но вліяніе его было уже настолько велико, что ему поручено было составленіе такъ назыв. «Мансанаресскаго манифеста 7 іюля», въ которомъ «прогрессисты» ставили свои условія коронѣ, и который подписанъ былъ О'Донелемъ. Тогда же Кановасъ избранъ былъ депутатомъ отъ г. Малаги въ учредительные кортесы, выработавшіе новую конституцію, которая, однако, вслѣдствіе реакціи, наступившей въ 1855 г., не получила практическаго примѣненія. Вскорѣ послѣ этого Кановасъ занимаетъ важный постъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, получаетъ дипломатическую миссію въ Римъ для подготовленія конкордата между Испаніей и Ватиканомъ. Пребываніемъ въ Римѣ онъ воспользоваться для своихъ научно-артистическихъ цѣлей, собралъ тамъ много предметовъ искусства и документовъ для составленія двухъ историческихъ работъ «Взятіе Рима» и «Сраженіе при Павіи». По возвращеніи въ Испанію онъ назначенъ былъ вице-директоромъ министерства иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ нѣкоторое время былъ губернаторомъ Кадикса, а въ 1858 г. занялъ одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ теченіе всего этого времени онъ не оставлялъ своей научно-литературной дѣятельности и въ 1860 г. издалъ интересное сочиненіе «о началѣ и концѣ военной супреметіи испанцевъ въ Европѣ», которое открыло ему доступъ въ королевскую академію исторіи.

Внутренніе раздоры партіи, къ которой принадлежалъ Кановасъ, заставили его на нѣкоторое время оставить министерство, и онъ стоялъ внѣ политики до 1864 г., когда получилъ портфель министерства внутреннихъ дѣлъ въ умѣренно-либеральномъ кабинетѣ Мона; затѣмъ сдѣлался министромъ колоній и пребывалъ на этомъ посту до 1866 г., ознаменовавъ свою дѣятельность составленіемъ законопроекта объ уничтоженіи рабства въ испанскихъ колоніяхъ.

До послѣдняго момента онъ защищалъ либеральныя идеи конституціонной монархіи противъ усиливавшейся реакціонной политики Нарваэса и Гонсалеса Браво, предсказывая, что эта политика приведетъ къ потерѣ Изабеллой II трона.

Предсказаніе это сбылось. Но раньше чѣмъ говорить объ этомъ, необходимо познакомиться съ характеромъ испанскихъ политическихъ партій и узнать, какое мѣсто среди нихъ занималъ Кановасъ. Читатель извинитъ насъ, если для большей ясности мы начнемъ нѣсколько издалека.

Возникновеніе въ Испаніи политическихъ партій въ собственномъ смыслѣ этого слова относится ко времени провозглашенія Кадикской конституціи 1812 г., которая является дѣломъ либераловъ, усвоившихъ идеи передовыхъ французскихъ мыслителей и восторжествовавшихъ въ данный моментъ надъ сторонниками стараго абсолютистскаго режима. Господство этой партіи было непродолжительно. Реакція, наступившая въ 1814 г. и продолжавшаяся до 1820 г., пріостановила развитіе либеральной партіи и возстановила «старый порядокъ». Революція 1820 г. только на 3 года возстановила парламентарный режимъ. Съ 1823 г. начинается новая реакція, преслѣдуются либералы, и царитъ полный абсолютизмъ до 1833 г., до смерти Фердинанда VII. Провозглашонная регентшей, по случаю несовершеннолѣтія королевы Изабеллы II, мать ея, Марія-Христина, должна была обратиться за помощью къ либераламъ для борьбы противъ карлистовъ и Д. Карлоса, оспаривавшаго тронъ въ свою пользу. Для привлеченія либераловъ на свою сторону, она издала 10 апрѣля 1834 г. т. наз. «органическій статутъ» на подобіе той конституціонной хартіи, которая пожалована была Людовикомъ XVIII французскому народу, и той, которая позже дана была Пьемонту Карломъ-Альбертомъ.

Съ этихъ поръ существуютъ двѣ конституціонныя партіи рядомъ другъ съ другомъ, на почвѣ однихъ и тѣхъ же учрежденій: либеральная (христиносы), усвоившая послѣ окончанія первой карлистской войны въ 1839 г. названіе прогрессивной, и консервативная. Представителями первой были Аргэльесъ, Мартинесъ дела Роса, Эспартеро, Нарваэсъ, Мендесабалъ, Гонсалесъ Браво, а второй— Сеа Бермудесъ, Истурисъ, Монъ, Пидаль, Пачеко. Между этими партіями происходитъ безпрерывно борьба изъ за власти, сопровождаясь придворными интригами, военными бунтами, измѣненіями въ конституціи. Въ 1854 г. прогрессисты начинаютъ сильную оппозицію противъ консерваторовъ, стоявшихъ у власти и злоупотреблявшихъ ею, а генералъ О'Донель производитъ pronunciamiento, послѣдствіемъ котораго былъ переходъ министерства въ руки прогрессистовъ. Въ короткій промежутокъ времени они проводятъ законы о желѣзныхъ дорогахъ, продажѣ церковныхъ имуществъ и

пытаются дать торжество идеѣ о національномъ суверенитетѣ, но на этомъ пунктѣ терпятъ пораженіе, и власть снова переходитъ къ консерваторамъ.

Въ это время эволюція партій вступаетъ въ новую фазу. Послѣ потери прогрессистами власти, «правая» этой партіи соединяется съ «лѣвой» консервативной, образуется новая и, подъ названіемъ «либеральной уніи», занимаетъ промежуточное мѣсто между двумя первыми. Къ этой именно партіи, вождемъ которой былъ О'Донель, присталъ Кановасъ. Въ 1858 г. О'Донелю удается овладѣть министерствомъ и удержать его въ рукахъ своей партіи въ теченіе четырехъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ: фактъ небывалый дотолѣ. Въ 1863 г. министерство О'Донеля падаетъ, слѣдуетъ затѣмъ частая смѣна кабинетовъ уніонистскаго или консервативнаго характера, пока реакціонная политика Изабеллы II не разрѣшается революціей 1868 г.

Событіе, извѣстное подъ именемъ сентябрьской революціи, было дѣломъ трехъ партій: «прогрессистовъ», работавшихъ съ увлеченіемъ въ пользу установленія принципа народнаго суверенитета, «уніонистовъ», пользовавшихся большимъ сочувствіемъ въ странѣ и опиравшихся на армію, и партіи «демократовъ», постепенно образовавшейся изъ экзальтированныхъ прогрессистовъ «лѣвой», исповѣдывавшихъ республиканско-демократическія идеи; органомъ ихъ служилъ уже въ 1839 г. журналъ «El Huracan», издававшійся поэтомъ Эспронседа, котораго называютъ испанскимъ Байрономъ. Ростъ этой партіи, вождемъ которой сдѣлался Эмиліо Кастеляръ, былъ настолько быстръ, что уже въ кортесахъ 1855 года 20 демократическихъ депутатовъ вотировали противъ монархіи. Въ теченіе десяти послѣдующихъ лѣтъ партія постепенно увеличивала свои ряды и вліяніе, между тѣмъ какъ политика Изабеллы II становилась все болѣе непопулярной. 5 ноября 1865 г. демократы имѣли митингъ въ театрѣ Лисео, гдѣ избрали изъ своей среды комитетъ, которому поручено было организовать сопротивленіе реакціонному правительству. Военное возстаніе генерала Прима и безпорядки въ Мадридѣ въ 1866 году были первыми предвѣстниками приближающейся грозы. Чтобы предупредить ее, Изабелла принуждена была призвать къ власти генерала Нарваеса, но смерть его 23 апрѣля 1868 г. такъ же, какъ и предшествовавшая ей смерть О'Донеля (6 ноября 1867 г.) лишила тронъ необходимой поддержки со стороны популярныхъ вождей партій, а изгнаніе изъ королевства герцога Монпансье, многихъ генераловъ и нѣкоторыхъ членовъ оппозиціонной партій рѣшило участь монархіи Изабеллы II. 17 сентября 1868 г. въ Кадиксѣ вспыхнула революція, во главѣ которой сталъ адмиралъ Топете, вожди оппозиціонной партіи Сагаста и Сорилья, а на слѣдующій день генералъ Примъ издалъ манифестъ о низложеніи Изабеллы. Остававшіеся вѣрными ей военные отряды разсѣяны были революціонными войсками при Аль-

колеа, послѣ чего Изабелла должна была искать убѣжища во Франціи. Предводители возстанія между тѣмъ организовали временное правительство и въ 1869 г. созвали учредительные кортесы для пересмотра конституціи. Депутаты въ кортесы избраны были посредствомъ всеобщаго голосованія. Большинство составляли демократы, рѣшившіе произвести измѣненія въ конституціи въ демократическомъ духѣ, съ сохраненіемъ, однако, королевской власти, а республиканскихъ депутатовъ было только 71. Въ этихъ кортесахъ принималъ также участіе въ качествѣ депутата и Кановасъ. Изгнанный незадолго до сентябрской революціи, онъ возвратился въ отечество послѣ низложенія Изабеллы II, но не принималъ участія въ событіяхъ. Избранный депутатомъ въ кортесы, онъ съ рѣдкимъ воодушевленіемъ выступилъ противъ торжествующей демократіи, доказывая преимущества конституціонной монархіи передъ республикой и защищая противъ нападокъ Марію Христину и Изабеллу, но не какъ придворный, а какъ убѣжденный монархистъ, задавшійся цѣлью способствовать реставраціи Бурбоновъ. Демократы провели законъ о конституціи 1869 г. и временно поручили регентство ген. Серрано, рѣшивъ возстановить королевскую власть. Среди большинства обнаружились разногласія по вопросу о томъ, кто долженъ быть избранъ королемъ, сынъ-ли Изабеллы II — Альфонсъ, мужъ-ли ея сестры — герцогъ Монпансье, португальскій-ли король—въ интересахъ объединенія полуострова или герцогъ Мадридскій — внукъ Д. Карлоса. Генералъ Примъ, пользовавшійся тогда огромнымъ вліяніемъ, предложилъ кандидатуру принца Леопольда Гогенцоллерна, но, какъ извѣстно, ей воспротивился Наполеонъ III, что и послужило непосредственнымъ поводомъ для франко-прусской войны 1870 г. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ споровъ, 16 ноября 1870 г. большинство 191 голоса противъ 101 приняло предложенную тѣмъ же генераломъ Примомъ кандидатуру второго сына Виктора-Эммануила — Амедея Савойскаго, который и былъ провозглашенъ королемъ. Это большинство, такъ называемыхъ, «амедеистовъ» составляли нѣкоторые изъ членовъ «либеральной уніи» («правая» — Торре, Айала, Ромеро Робледо и др.), тѣ изъ демократовъ, которые объявили себя сторонниками монархіи («лѣвая»—Риверо, Эчегарей, Каналехасъ) и, наконецъ, всѣ прогрессисты («центръ»).

Прибытіе новаго короля сопровождалось печальнымъ для него предзнаменованіемъ. Генералъ Примъ, болѣе всѣхъ способствовавшій возведенію его на тронъ, проѣзжая въ каретѣ по одной изъ улицъ Мадрида, среди бѣла дня былъ убитъ шайкою убійцъ, которыхъ даже не пытались разыскивать.

Со времени вступленія Амедея на престолъ, Кановасъ устранился отъ политической дѣятельности, сохраняя, однако, самое почтительное отношеніе къ новому монарху, въ силу своихъ монархическихъ убѣжденій. Но когда радикальная партія стала замѣтно усиливаться,

и все предвѣщало близкое установленіе республики, Кановасъ рѣшительно сталъ во главѣ реставраціоннаго движенія, работая въ пользу сына Изабеллы II—Д. Альфонса и принявъ неограниченныя полномочія отъ вполнѣ довѣрившейся ему, развѣнчанной королевской фамиліи Испаніи. Радикальная партія образовалась, благодаря новой комбинаціи различныхъ элементовъ уже существовавшихъ политическихъ партій. «Центръ» и «лѣвая» амедеистовъ соединились между собой и образовали партію «прогрессистовъ-демократовъ», но, благодаря несогласіямъ вождей ея, Сагасты и Руиса Сорильи, въ ней скоро обнаружился расколъ: Сагаста склонялся къ сближенію съ уніонистами, тогда какъ Руисъ Сорилья былъ сторонникомъ супрематіи демократовъ. Образовались двѣ новыя партіи: радикальная, состоявшая изъ бывшихъ демократовъ и большинства прогрессистовъ и признававшая своимъ вождемъ Руиса Сорилью, и консервативная, въ составъ которой вошли нѣкоторые прогрессисты и всѣ уніонисты, признавъ своими вождями герцога Торре и Сагасту. Партіи эти ожесточенно боролись между собой, въ короткое время смѣнилось нѣсколько министровъ, Амедей проявлялъ много такта и терпимости по отношенію ко всѣмъ партіямъ, но, не смотря на свой либерализмъ, какъ иностранецъ, онъ не пользовался популярностью и 11 февраля 1873 г. счелъ себя вынужденнымъ отречься отъ престола. Немедленно вслѣдъ затѣмъ въ кортесахъ поднятъ былъ вопросъ объ установленіи республики. 319 сенаторовъ и депутатовъ высказались въ пользу республики противъ 32 альфонсистовъ уніонистовъ, и республика была провозглашена.

Республика, провозглашенная на федеративномъ началѣ, просуществовала всего лишь 11 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ успѣли перемѣниться четыре министерства—Фигуэраса, Пи-и-Маргаля, Кастеляра и Сальмерона. Ни одному изъ нихъ не удалось справиться съ трудностями, которыя создавало договорное начало новой конституціи. Признаніе республики на федеративномъ началѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ кантональное движеніе въ колоніяхъ и провинціяхъ, возстаніе на Кубѣ и вторую карлистскую войну.

2 января 1874 г., въ тотъ день, когда кортесы избрали президентомъ республики Сальмерона на мѣсто Кастеляра, генералъ Павія произвелъ государственный переворотъ, разсѣялъ собраніе, а Серрано провозглашенъ былъ диктаторомъ. Это было тріумфомъ военной партіи, упорно боровшейся противъ карлистовъ и нуждавшейся для успѣшности борьбы въ болѣе твердомъ правительствѣ. Павія созвалъ собраніе нотаблей для обсужденія вопроса о формѣ правленія. Кановасъ дель Кастильо снова выступилъ въ защиту правъ Альфонса на престолъ, указывая на то, что реставрація Бурбоновъ—единственное средство вывести Испанію изъ анархіи. Но предложеніе было отвергнуто, и Кановасъ снова принялъ выжидательное положеніе. Диктатура Серрано продолжалась до 29 декабря 1874 г., когда произошло новое pronunciamiento, произведенное

въ пользу Альфонса XII генераломъ Мартинесомъ Кампосомъ, стоявшимъ во главѣ войска въ Сагунтѣ, къ которому присоединился и Серрано, находившійся въ Мадридѣ *). Кановасъ призналъ Сагунтскій переворотъ, хотя говорилъ потомъ друзьямъ, что предпочелъ бы провозглашеніе Альфонса XII королемъ въ кортесахъ, чѣмъ въ военномъ лагерѣ.

Извѣщенный обо всемъ происшедшемъ, Альфонсъ немедленно поручилъ власть до своего прибытія совѣту регентства, во главѣ котораго сталъ Сагаста. Скоро, въ сопровожденіи Мартинеса Кампоса, въ Мадридъ явился и самъ король. Реставрація Бурбоновъ, завѣтная мечта Кановаса, была, такимъ образомъ, осуществлена. Оставалось упрочить положеніе династіи на престолѣ, умиротворить карлистовъ и кубанскихъ инсургентовъ, продолжавшихъ борьбу, и, наконецъ, примирить различныя партіи съ реставраціей путемъ изданія новой конституціи въ болѣе либеральномъ духѣ. Все это долженъ былъ сдѣлать Кановасъ, которому Альфонсъ XII, немедленно по своемъ прибытіи въ Мадридъ, поручилъ составленіе новаго кабинета. Кабинетъ этотъ получилъ названіе «примирительнаго», такъ какъ глава его устранялъ всякую мысль о репрессаліяхъ и мести. «Мы, говорилъ Кановасъ, намѣрены продолжать исторію Испаніи», желая сказать этимъ, что реставрація не будетъ реакціей противъ революціоннаго періода, а будетъ слѣдовать традиціямъ и интересамъ испанскаго народа.

Реставрацію произвели, главнымъ образомъ, «альфонсисты», находившіеся подъ руководствомъ Кановаса; другими вождями этой партіи были Франсиско Сильвель и Эстебанесъ; вскорѣ съ нею соединились «умѣренные» времени Изабеллы II (Корденасъ и др.) и нѣкоторые «уніонисты» (Айала, Ромеро Робледо, Эльдуайенъ). Образовалась т. наз. «*либерально-консервативная*» партія, вождемъ которой сдѣлался и оставался до самой смерти Кановасъ. Судьба другихъ партій была такова.

«*Конституціонная*» революціоннаго періода побѣждена была Мартинесъ-Кампосомъ и примирилась съ совершившимся фактомъ; «*радикальная*» заняла мѣсто оппозиціи и, соединившись съ нѣкоторыми изъ республиканскихъ элементовъ, подъ главенствомъ Руиса Сорильи, образовала *прогрессивно-демократическую* партію, разбившуюся по смерти своего вождя на двѣ фракціи: умѣренную (Muro) и революціонную (Esquerdo); «*республиканская*» раздѣлилась на 4 фракціи, вождями которыхъ были Сальмеронъ, Кастеляръ, Фигуэрасъ и Пи-и-Маргаль; первые два являются сторонниками унитарной республики, тогда какъ два послѣднихъ стоятъ за федеративную. Партіи Кастеляра и Фигуэраса надѣятся осуществить свои идеалы путемъ

---

*) Событія новѣйшей испанской исторіи хорошо изложены въ соч. Geschichte Spaniens von dem Sturz Isabella's bis zum Thronbesteigung Alfonso's, von Wilhelm Lauser (2.BB.), и Les origines de la Restauration des Bourbons en Espagne (Paris, 1890).

эволюціи (поссибилисты, реформисты), тогда какъ Сальмеронъ и Пи-и-Маргаль рекомендуютъ революціонныя средства; наконецъ, «*Карлистская*», которую поддерживали всѣ ультрамонтаны, разбита была на полѣ сраженія; послѣ обнародованія конституціи 1876 г., одна группа карлистовъ (Alejandro Pidal) образовала «правую» консервативной партіи, другая, рѣшившаяся поддерживать права Д. Карлоса, образовала самостоятельную партію «антидинастическую» (Barrio y Mier, Zanz, Mella), и третья,—партію «интегристовъ» (Поседаль), равнодушную къ династическому вопросу.

Послѣ реставраціи во взаимныхъ отношеніяхъ нѣкоторыхъ партій произошли измѣненія. Для выработки современной конституціи «правая» «конституціонной» партіи соединилась съ консерваторами, тогда какъ остальные элементы «конституціонной» партіи соединились съ нѣкоторыми «радикалами» и образовали *либеральную партію реставраціи* («либерально-династическую»), раздѣляющуюся на «правую» (Гамасо, Наварро, Маура, Хикуэна) «центръ» (Сагаста, Гронсардъ) и «лѣвую» (Моретъ, Монтеро Ріосъ, Мартосъ). Вождемъ этой партіи является Сагаста *). Такая группировка партій, въ своихъ существенныхъ чертахъ, существуетъ и въ данный моментъ. Политическія партіи въ Испаніи, какъ и повсюду, развивались по мѣрѣ того, какъ на очередь ставились новые вопросы политическаго, экономическаго или соціальнаго порядка. Безконечное дробленіе на отдѣльныя фракціи обусловливалось не только различіемъ руководящихъ принциповъ, но такъ же и различіемъ въ выборѣ средствъ для осуществленія поставленныхъ членами той или другой партіи задачъ. Личное самолюбіе отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей нерѣдко являлось исключительнымъ мотивомъ для образованія самостоятельныхъ партій. Организаторскій талантъ Кановаса такъ же, какъ и Сагасты, помогъ этимъ двумъ дѣятелямъ создать изъ различныхъ элементовъ двѣ большія партіи, съ помощью которыхъ они и управляли поочередно страной въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія.

Стоя во главѣ «примирительнаго» кабинета и опираясь на консервативную партію, Кановасъ удерживалъ безпрерывно въ своихъ рукахъ власть въ періодѣ отъ 1876 до 1881 г. Въ теченіе этого промежутка времени онъ способствовалъ окончанію Карлистской войны, подавленію Кубанскаго возстанія и отдѣльныхъ бунтовъ на полуостровѣ, являвшихся отголосками предшествующей революціонной эпохи, и издалъ 30 іюня 1876 г. конституцію, дѣйствующую и въ настоящее время.

---

*) Azcarate, Les partis politiques en Espagne, pp. 8—11; Rafael Salillas. La evolucion de los partidos politicos en Espana, p. 86 (La Espana Moderna, 1 junio 1896).—Соціалистическая партія, получающая опредѣленную организацію въ 1878 г. и съ 1891 г. борящаяся на избирательной почвѣ, не имѣетъ сомостоятельнаго представительства въ испанскомъ парламентѣ.

Конституція эта является седьмою по счету; въ теченіе XIX в. Испанія мѣняла семь разъ свой конституціонный строй: въ 1812, 1834, 1837, 1845, 1855 (въ проектѣ), 1869 и 1876 гг. Изъ этихъ конституцій самое продолжительное существованіе имѣетъ послѣдняя. Она пожалована была королемъ въ кортесахъ и, въ отличіе отъ конституціи 1812, 1837, 1855 и 1869 гг., отвергаетъ принципъ народнаго суверенитета: Альфонсъ XII принялъ титулъ «Rey constitucional de Espana» (конституціонный король Испаніи), но съ прибавленіемъ «por la gracia de Dios» (милостью Божьей) *). По этой конституціи, законодательная власть принадлежитъ королю и кортесамъ, состоящимъ изъ двухъ палатъ: сената и палаты депутатовъ (Congreso de los diputados); сенатъ состоитъ изъ сенаторовъ въ силу собственнаго права (сыновья короля, гранды Испаніи, генералы и адмиралъ), изъ членовъ, пожизненно назначаемыхъ королемъ и избираемыхъ отдѣльными корпораціями государства. Избраніе депутатовъ въ конгрессъ до введенія всеобщаго голосованія ограничивалось опредѣленнымъ цензомъ, въ настоящее же время избираются они посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, по одному депутату на каждые 50,000 человѣкъ, на 5 лѣтъ. Кортесы созываются ежегодно; власть короля,—наслѣдственна; ему принадлежитъ право приводить въ исполненіе законы и власть назначать министровъ; министры—отвѣтственны **). Конституція 1876 г. опредѣляетъ основныя гражданскія права испанцевъ такимъ образомъ: никто не обязанъ платить налоговъ, разъ они не вотированы кортесами или компетентными корпораціями; никто не можетъ быть арестованъ иначе, какъ въ случаяхъ и въ формѣ, предписанныхъ закономъ; каждый арестованный долженъ быть освобожденъ или представленъ въ распоряженіе судебной власти не позже 24 часовъ съ момента ареста; ни одинъ испанецъ не можетъ быть заключенъ въ тюрьму безъ рѣшенія компетентнаго судьи; никто не можетъ войти въ домъ испанца или иностранца, пребывающаго въ Испаніи, безъ его согласія, за исключеніемъ случаевъ и въ формѣ, предусмотрѣнныхъ законами; частная почтовая корреспонденція не можетъ быть задержана или вскрыта представителями власти ***); римско-католическая религія признается государственной, но это не исключаетъ свободы религіозной совѣсти и права свободнаго исповѣдованія за другими культами. Наконецъ, конституція 1876 г. провозглашаетъ полную свободу мысли, слова, печати, частныхъ сходокъ, ассоціацій, личныхъ или коллективныхъ петицій, адресуемыхъ королю, кортесамъ или властямъ ****).

Такова была въ наиболѣе существенныхъ чертахъ та конститу-

*) Manual de los senores Diputados (оффиціальное изданіе положеній дѣйствующей конституціи. Madrid, abril de 1893), p. I.
**) ib., pp. 22—26.
***) ib., p. p. 7—17.
****) ib., p. p. 20—21.

ція, которую редактировалъ Кановасъ въ сотрудничествѣ съ консерваторами и съ членами другихъ партій, вступившими съ ними въ компромиссъ.

Въ 1881 г. перевѣсъ перешелъ на сторону либеральной партіи. Кановасъ, выйдя въ отставку, избранъ былъ депутатомъ отъ г. Мадрида, а Сагаста сформировалъ либеральный кабинетъ, пытавшійся провести законъ о всеобщемъ голосованіи, но безуспѣшно, вслѣдствіе оппозиціи Кановаса и его сторонниковъ. 18 января 1884 г. Кановасъ снова овладѣлъ министерствомъ, назначилъ новые выборы въ кортесы, которые дали благопріятные для монархіи результаты. Въ слѣдующемъ году возникъ конфликтъ съ Германіей по вопросу о Каролинскихъ островахъ, который удачно былъ разрѣшенъ Кановасомъ; въ то же время ему пришлось принять энергичныя мѣры для облегченія участи народа, испытывавшаго въ 1885 г. цѣлый рядъ бѣдствій, вслѣдствіе наводненій, землетрясеній и холеры. Въ іюнѣ этого года едва не произошелъ министерскій кризисъ вслѣдствіе желанія короля лично отправиться въ Мурсію для организаціи помощи населенію, особенно бѣдствовавшему отъ холеры. Кановасъ настаивалъ на томъ, что король не долженъ этого дѣлать, угрожая въ противномъ случаѣ выйти въ отставку. Король уступилъ. 25 ноября Альфонсъ XII умеръ, оставивъ двухъ дочерей и беременную жену, Марію-Христину, которая и объявлена была регентшей.

Въ тотъ-же день Кановасъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, желая предоставить регентшѣ полную свободу дѣйствій, предоставленную коронѣ конституціей, и Сагастѣ на другой день поручено было сформировать новый кабинетъ. Кановасъ же избранъ былъ президентомъ палаты 222 голосами противъ 112, выпавшихъ въ пользу Ромеро Робледо, занимавшаго постъ министра юстиціи въ кабинетѣ Кановаса. Въ апрѣлѣ 1886 г. Сагаста назначилъ новые выборы въ кортесы. Избрано было много республиканцевъ, но большинство были монархисты. Положеніе монархіи было упрочено, когда 17 мая 1886 г. королева разрѣшилась отъ бремени сыномъ, который и былъ провозглашенъ королемъ подъ именемъ Альфонса XIII.

Министерство Сагасты ознаменовано было рядомъ новыхъ успѣховъ либеральной партіи: ей удалось, не смотря на оппозицію Кановаса, провести законы о всеобщемъ голосованіи, судѣ присяжныхъ, гражданскомъ бракѣ и т. д.

Сагаста оставался у власти до 1890 г., когда его снова замѣнилъ Кановасъ. Кризисъ произошелъ на почвѣ таможенной политики: Сагаста склонялся на сторону свободной конкурренціи, тогда какъ Кановасъ былъ сторонникомъ протекціонизма. Министерство Кановаса продолжалось до 1894 г. Его снова замѣнилъ Сагаста, въ министерство котораго вспыхнуло новое кубанское возстаніе. Не будучи въ состояніи справиться съ нимъ, Сагаста въ концѣ 1895 г. уступилъ власть Кановасу. Но, какъ извѣстно, и Кановасу не уда-

лось подавить это возстаніе, такъ же какъ и новое сепараціонное движеніе, возникшее на Филиппинскихъ островахъ. Положеніе дѣлъ постоянно ухудшалось. Вопросъ о Кубѣ поглощалъ и поглощаетъ все вниманіе и правительства, и общества, такъ какъ съ этимъ вопросомъ связывается другой: вопросъ о самомъ существованіи монархіи. При такихъ обстоятельствахъ смерть Кановаса, служившаго главнымъ оплотомъ монархіи, является событіемъ первостепенной важности. Если военный министръ Аскарага могъ замѣстить Кановаса въ качествѣ президента совѣта министровъ, то некому замѣнить Кановаса, какъ вождя консервативной партіи. Та связь, которая существовала между различными элементами ея въ лицѣ Кановаса, прекратилась, и партія теперь быстро разлагается на составныя части. Образованіе кабинета Франсиско Сильвела, вождя консерваторовъ-диссидентовъ, опирающагося на генерала Мартинеса Кампоса, или же принятіе министерства Сагастой—вотъ двѣ возможныя комбинаціи разрѣшенія современнаго политическаго кризиса Испаніи въ благопріятномъ для монархіи смыслѣ. Но извѣстно также, что наряду съ этими комбинаціями существуютъ и другія, менѣе благопріятныя.

Познакомившись съ ходомъ и результатами дѣятельности Кановаса, какъ государственнаго человѣка, читатель не составитъ представленія о нравственной и общественной физіономіи его, если въ то же время не узнаетъ его общаго міровоззрѣнія, его нравственныхъ и политическихъ идеаловъ, которыми онъ руководствовался въ своей дѣятельности и о которыхъ мы можемъ судить на основаніи его собственныхъ произведеній. Мы сдѣлаемъ нѣсколько цитатъ, не вдаваясь въ ихъ оцѣнку. Какъ читатель увидитъ, онѣ достаточно ярки сами по себѣ.

«Эти страницы», говоритъ Кановасъ въ предисловіи къ наиболѣе интересной для нашей цѣли книгѣ («Современныя задачи» *), представляющей сборникъ рѣчей, произнесенныхъ имъ или въ Мадридскомъ ученомъ обществѣ «Атенео» или въ парламентѣ, «эти страницы имѣютъ столь же біографическій, сколько и научный характеръ, такъ какъ служатъ выраженіемъ существеннѣйшихъ изъ моихъ идей и заключаютъ теоретическое объясненіе моего поведенія въ теченіе всего того времени, когда на мою долю выпало бороться упорно и не на жизнь, а на смерть съ революціонными тенденціями атеистическихъ и демагогическихъ школъ, хотя это и не мѣшало мнѣ защищать всѣ законныя пріобрѣтенія цивилизаціи» (t. I, p. VIII).

Еще въ юности своей, будучи издателемъ газеты «Молодая Малага», Кановасъ заявилъ себя, какъ консерваторъ. Новыя вѣянія и политическія бури второй половины нынѣшняго столѣтія не измѣ-

*) Problemas contemporaneos, por D. Antonio Cánovas del Castillo, Madrid, 1884—1890.

нили его убѣжденій. Онъ оставался такимъ же консерваторомъ въ эпоху сентябрьской революціи, какъ и до, и послѣ нея, между тѣмъ, какъ многіе изъ его сверстниковъ мѣняли, въ зависимости отъ обстоятельствъ, и лагерь, и знамя. Сагаста, напримѣръ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей послѣ Кановаса, не представляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. Разумѣется, испанскіе консерваторы имѣютъ иное значеніе и характеръ, чѣмъ въ другихъ странахъ, гдѣ нерѣдко подъ консерваторами разумѣются реакціонеры, гдѣ либералы могутъ быть умѣреннѣе испанскихъ консерваторовъ. Кановасъ не былъ реакціонеръ, онъ былъ, употребляя мѣстную терминологію «либеральный консерваторъ», т. е. придерживался того принципа, что государство въ своемъ развитіи должно слѣдовать національнымъ историческимъ традиціямъ и съ большой осторожностью выступать на путь нововведеній.

«Политика, говоритъ онъ, есть не болѣе какъ искусство осуществлять въ каждый историческій моментъ ту долю человѣческихъ идеаловъ, которую позволяютъ осуществить данныя обстоятельства. Каждый, напр., добрый испанецъ лелѣетъ мысль о возвращеніи Испаніи того почетнаго мѣста среди націй, какое занимала она нѣкогда; но всякаго политика, который, признавая эту мечту осуществимой, сталъ бы дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали наши предки въ эпоху Карла V, можно было бы съ полнымъ основаніемъ помѣстить въ домъ сумасшедшихъ» (ib., I, pp. XXV—XXVI).

Основательно зная исторію своего отечества, такъ же, какъ и современное его положеніе, Кановасъ находилъ, что конституціонная монархія является самой подходящей для Испаніи формой правленія. Требованія новаго времени съ его тенденціями къ демократизаціи политическихъ учрежденій онъ стремился примирить съ древними традиціями Испаніи, управлявшейся въ средніе вѣка и отчасти въ новое время посредствомъ кортесовъ. Образцомъ подражанія для Кановаса служила англійская конституція, какъ можно заключать изъ слѣдующаго его признанія:

«Никто по совѣсти не можетъ отрицать того, что я искренно и глубоко преданъ парламентаризму; что бы тамъ ни говорили, я пламенный приверженецъ конституціонной системы и болѣе, чѣмъ кто-либо другой, энтузіастъ прогресса. Яснымъ доказательствомъ этого можетъ служить то преклоненіе, которое въ теченіе всей моей эпохи обнаруживалъ я по отношенію къ великимъ традиціоннымъ и постоянно совершенствующимся учрежденіямъ Англіи, сдѣлавшимъ за два послѣднія столѣтія правленіе этой страны лучшимъ, чѣмъ правленіе, существующее у всѣхъ остальныхъ новыхъ націй, не смотря на ошибочность многихъ принциповъ, которыхъ придерживаются англійскіе правители. Зачѣмъ скрывать? Именно то, чѣмъ обладаетъ Англія, а не что другое—всегда являлось моимъ конкретнымъ идеаломъ по отношенію къ Испаніи. Но во власти-ли одной партіи или одного человѣка осуществленіе этого идеала даже

не здѣсь, а у какой угодно изъ континентальныхъ націй? Увы! гораздо легче можетъ случиться, что счастливое равновѣсіе, еще существующее въ британской конституціи, будетъ нарушено, слѣдуя общей судьбѣ человѣческихъ дѣлъ, чѣмъ націи континента приблизятся къ этому идеалу» (id: I, pp. XXVI—XXVIII).

Необходимыми условіями для правильнаго и послѣдовательнаго конституціоннаго развитія страны было, съ точки зрѣнія Кановаса, существованіе двухъ большихъ парламентскихъ партій, которыя, подобно англійскимъ виги и тори, чередовались бы другъ съ другомъ у власти, отражая настроеніе и потребности общества въ каждый данный моментъ, и старались бы производить улучшенія въ жизни страны, не уничтожая существующихъ конституціонныхъ установленій и тѣхъ нововведеній, какія сдѣланы предшественниками. Для успѣха политическаго развитія націи, думалъ онъ, должны существовать партіи, а не секты. Каждая партія должна быть возможно многочисленнѣе, а число партій возможно меньшимъ. Кановасъ различалъ легальныя партіи отъ нелегальныхъ: первыми были тѣ, которыя стремились производить улучшенія въ странѣ на почвѣ существующей конституціи, а нелегальными тѣ, которыя необходимымъ условіемъ для какихъ бы то ни было улучшеній считали уничтоженіе дѣйствующей конституціи (ib. III, p. 65, 6 ноября 1889). Такими нелегальными партіями были, напр., карлисты и республиканцы; самыми же многочисленными и легальными были тѣ, которыми руководили Кановасъ и Сагаста; первый былъ вождемъ испанскихъ «тори», а второй — вождемъ «испанскихъ виговъ». Оба послѣдовательно смѣняли другъ друга у власти въ теченіе болѣе двадцатилѣтняго періода времени, поддерживая монархію Альфонса XIII противъ карлистовъ и республиканцевъ. Не могу не вспомнить по этому поводу характернаго сравненія, которое дѣлаютъ испанцы между своими политическими дѣятелями и героями тавромахіи: Сагаста и Кановасъ для нихъ являются какъ бы двумя «espadas» (матадоры), которые послѣдовательно чередуются другъ съ другомъ на «Plaza de Toros», чтобы не утомлять публику однообразіемъ пріемовъ и найти возможность самимъ отдохнуть.

Кановасъ, какъ мы уже видѣли, былъ противникомъ «всеобщаго голосованія», законъ о которомъ проведенъ былъ въ одно изъ министерствъ Сагасты, и даетъ слѣдующее теоретическое объясненіе своему отношенію къ этому вопросу:

«Да будетъ позволено мнѣ замѣтить, что, съ точки зрѣнія философіи и соціологіи, всеобщее голосованіе представляетъ не болѣе какъ силу, силу, которая съ такимъ же успѣхомъ можетъ подчиниться праву и разсудку, какъ и несправедливости, и страстямъ. Войско, исключительно располагавшее прежде судьбами народовъ, всегда было и будетъ силой, болѣе разумно организованной и лучше управляемой, чѣмъ всеобщее голосованіе» (ib. I, pp. 188—189).

Но разъ законъ о «всеобщемъ голосованiи» прошелъ, Кановасъ, овладѣвъ министерствомъ, не считалъ себя вправѣ отмѣнить его и примирился съ совершившимся фактомъ, выразивъ, однако, желанiе, чтобы «всеобщее голосованiе» было, по крайней мѣрѣ, христiанскимъ, т. е., чтобы правомъ тѣмъ пользовались лишь лица, исповѣдующiя католическую религiю (ib.). Можемъ прибавить отъ себя, что Кановасъ желалъ также, чтобы введенiе закона о всеобщемъ голосованiи не уничтожило силы различiя между легальными и нелегальными партiями и не дало перевѣса послѣднимъ надъ первыми. Смотря на всеобщее голосованiе, какъ на слѣпую силу, Кановасъ считалъ себя обязаннымъ руководить ею, или, другими словами, оказывать давленiе на избирателей при выборахъ депутатовъ въ кортессы. Прошлогоднiе выборы, давшiе карлистамъ 10, а республиканцамъ только 3 голоса въ кортессы, тогда какъ консерваторовъ избрано было 303, а либераловъ—102 *), никоимъ образомъ не могутъ служить доказательствомъ слабости республиканской или карлистской партiй, между которыми, въ дѣйствительности, раздѣляется большинство испанскаго населенiя, а свидѣтельствуютъ лишь о дѣятельности Кановаса, съумѣвшаго, путемъ административнаго вмѣшательства въ выборы, дать своей партiи торжество.

Установленiе суда присяжныхъ такъ же, какъ и всеобщей подачи голосовъ, Кановасъ не считалъ полезнымъ для Испанiи, но принялъ это учрежденiе въ наслѣдство отъ либеральной партiи. Въ принципѣ онъ не былъ противникомъ суда присяжныхъ, но съ недовѣрiемъ относился къ результатамъ, какихъ можно было ожидать отъ перенесенiя англо-саксонскаго учрежденiя на испанскую почву (ib., III, p. 251).

Католицизмъ для Кановаса являлся той нравственной силой, которая одна въ состоянiи спасти человѣчество отъ того духовнаго разложенiя, въ которомъ, по его мнѣнiю, находится современное общество. «Европейская демократiя, говоритъ онъ, борется съ католической церковью. Необходимо защищаться и посредствомъ борьбы и пропаганды установить новые шлюзы противъ наводненiя и разрушенiя, угрожающихъ соцiальному порядку» (ib. I, 113). Признавая католицизмъ единственною религiей, неуклонно и послѣдовательно поддерживающей въ человѣкѣ идею о сверхестественномъ и божественномъ (ib. I, 116—117), Кановасъ былъ убѣжденъ, что для народовъ латинской расы нѣтъ спасенiя внѣ католицизма. «Латинская раса, замѣчаетъ онъ, какъ старшая изъ дочерей католицизма, должна съ особеннымъ вниманiемъ относиться ко всѣмъ вопросамъ католической церкви и, съ вѣрой въ будущее, развивать свои естественныя наклонности къ философiи и искусству, избѣгая,

*) См. нашу корресп. изъ Мадрида въ «Рус. Вѣд.» 1896 г. № 266 26 сент.).

во что бы то ни стало, скептицизма, который всегда приводилъ эту расу къ полной гибели». Обращаясь же къ своимъ соотечественникамъ, онъ даетъ имъ слѣдующій совѣтъ: «Не забывайте при изученіи или при свободномъ преподаваніи наукъ, что здѣсь (въ Испаніи) мы обладаемъ гораздо большими наклонностями къ сверхъестественному, къ совершенному, чѣмъ наши сѣверные соперники (французы). Можетъ быть это потому, что мы находимся въ болѣе постоянномъ соприкосновеніи съ безконечнымъ, съ небомъ, съ солнцемъ, съ этими безчисленными мірами, скрыть которые отъ насъ почти никогда не удается и чуднымъ ночамъ юга... Обратите, наконецъ, вниманіе на то, что мы—по природѣ теологи и, какъ латиняне,—непреодолимые поэты, художники и метафизики; что если иногда мы отступаемъ отъ того, чѣмъ были всегда, то лишь подъ условіемъ не оставлять развитія свойственныхъ намъ наклонностей, которыя являются какъ бы компасомъ, даннымъ Богомъ, для того, чтобы народы не блуждали на своемъ пути и сумѣли выполнить ту задачу, которая выпала на ихъ долю въ безконечной драмѣ исторіи. Если латинскія націи съ большимъ трудомъ усвоиваютъ искусство быть свободными, то еще труднѣе имъ научиться быть скептиками, и горе тѣмъ, которые усвоиваютъ скептицизмъ или усвоятъ его вполнѣ» (ib. I, 50).

Но не смотря на всю свою преданность католицизму, Кановасъ не былъ фанатикомъ. «Сынъ поколѣнія, говорилъ онъ 26 ноября 1872 года въ Атенео, которое сомнѣвалось во всемъ и надъ всѣмъ насмѣхалось, и братъ по возрасту, ученію и стремленіямъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя еще и теперь во многомъ сомнѣваются и многое отрицаютъ, я нахожу, что проявленіе догматической нетерпимости столь же мало соотвѣтствуетъ моей натурѣ, какъ и собранію, передъ которымъ я говорю» (ib. I, 123).

Огромное значеніе, которое придавалъ Кановасъ католицизму, обусловливалось не только его личнымъ религіознымъ настроеніемъ, но также и желаніемъ оставаться вѣрнымъ традиціямъ испанскаго народа, всегда отличавшагося преданностью католической церкви, а съ другой стороны — вытекало изъ общаго воззрѣнія Кановаса на католицизмъ, какъ на одну изъ основъ современнаго соціальнаго и экономическаго строя.

«Какъ ни странно кажется на первый взглядъ, разсуждалъ онъ, но безъ религіозной вѣры всякая идея о справедливости станетъ несовмѣстимой съ извѣстными законами политической экономіи (ib. I, 139)... Теорія о несовершенствѣ земной жизни въ соединеніи съ ученіемъ о безсмертіи души, обѣщающемъ достиженіе совершенства, къ которому существуетъ инстинктивное стремленіе, въ другомъ мірѣ; возвышенная догма о вознагражденіи по заслугамъ, на которое могутъ разсчитывать бѣдняки тамъ, на небесахъ; идеализація самой бѣдности, страданій и даже смерти; христіанская или религіозная благотворительность—вотъ единственныя сред-

ства установить извѣстную гармонію между богатыми и бѣдными, смягчить горечь столкновеній между богатыми и бѣдняками, неизбѣжныхъ при современномъ режимѣ свободной конкурренціи; равновѣсіе между разнородными индивидуальными стремленіями можетъ быть поддержано лишь при условіи самоотреченія и довольства каждаго собственною участью, какова бы она ни была» (ib. I, 151—152).

Возможно ли законодательными средствами, спрашиваетъ Кановасъ, содѣйствовать уничтоженію неравенства между людьми, установленнаго самой природой? Отвѣтъ не трудно угадать. «Экономисты, говоритъ онъ, стараясь установить справедливые законы о распредѣленіи богатствъ, принимаютъ двоякаго рода различія, всегда существующія между людьми: тѣ, которыя устанавливаетъ сама природа, дѣлая однихъ болѣе способныхъ къ труду, другихъ— менѣе, и тѣ, которыя возникаютъ, вслѣдствіе случайности рожденія, благодаря которому пріобрѣтаемая способность къ труду различается въ зависимости отъ свойства полученнаго воспитанія... Но какъ бы мы ни старались сдѣлать обученіе полнымъ и общедоступнымъ, мы не можемъ устранить различіе въ пріобрѣтаемыхъ посредствомъ воспитанія способностяхъ къ труду, пока существуютъ собственность и наслѣдственность, даже еслибы обученіе было общеобязательнымъ, т. е. предполагало бы карательныя мѣры по отношенію къ родителямъ, не посылающимъ своихъ дѣтей въ школу» (ib. I, 128).

По поводу общеобязательности дарового обученія, Кановасъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Не довѣряя даже родителямъ, ревностные сторонники дарового обученія стараются сдѣлать его обязательнымъ въ такой степени, чтобы подвергать штрафу лицъ, нарушающихъ этотъ принципъ. Но если дозволительно, хотя и не строго обязательно, допускать людей до голодной смерти всякій разъ, когда недостатокъ естественныхъ способностей къ труду или временное отсутствіе заработка лишаютъ необходимыхъ средствъ къ существованію, то почему же нельзя существовать, оставаясь въ невѣжествѣ? Тамъ, въ бѣдной хижинѣ, гдѣ не пылаетъ огонь въ сырыя зимнія ночи, гдѣ едва можно найти другое прикрытіе отъ ненастья, какъ крышу и холодныя стѣны, какой публицистъ будетъ настолько краснорѣчивъ, чтобы убѣдить мать въ томъ, что сынъ ея имѣетъ безусловное право на то, чтобы его обучили грамотѣ, хотя не имѣетъ никакого на тепло, постель и даже на необходимое питаніе?» (ib. I, 130).

Кановасъ былъ послѣдователемъ протекціонизма, считая эту систему экономической политики наиболѣе подходящей для современныхъ хозяйственныхъ интересовъ Испаніи. Полемизируя съ однимъ изъ представителей классической школы политической экономіи въ Испаніи, Габріэлемъ Родригесомъ, назвавшимъ его ученикомъ Листа, Кановасъ отказывается признать себя послѣдователемъ нѣмецкаго экономиста. «Благодаря Бога, замѣчаетъ Кановасъ, величайшій изъ

недостатковъ моихъ трудовъ заключается не въ томъ, что они составлены подъ тѣмъ или другимъ вліяніемъ, какъ-бы достойно и возвышенно оно ни было, а въ томъ, что, худо или хорошо, я мыслю всегда самостоятельно... Я не буду касаться вопроса, продолжаетъ онъ, сторонникъ ли я запретительной системы или нѣтъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что я имѣю въ виду не запрещеніе ввоза иностранныхъ товаровъ, а лишь необходимое покровительство нашимъ, для того, чтобы послѣдніе могли конкуррировать съ первыми, если не на равныхъ, то на сходныхъ условіяхъ. Также не можетъ быть и рѣчи о томъ, что я хочу покровительствовать лишь для покровительства, хотя бы оно было безполезно, и хотя бы данная промышленность стояла на такой высотѣ, что не нуждалась бы въ немъ. Все это, конечно, стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ моими воззрѣніями. Покровительство должно имѣть мѣсто прежде всего и болѣе всего по отношенію къ національному труду, потому что трудъ— націоналенъ. По отношенію къ Испаніи я хочу только того, чего хотятъ для себя Соединенные Штаты, Листъ для Германіи и другія государства—для себя... Тѣ изъ насъ, читаемъ дальше, кто испытывалъ удовольствіе въ основательномъ изученіи славнаго періода нашей исторіи, кто со вниманіемъ изучалъ экономическія причины нашего упадка, кто сознаетъ всю бѣдственность нашего современнаго положенія, постоянно ухудшающагося, тѣ не нуждаются въ Листѣ, чтобы понять, что экономическая политика должна имѣть здѣсь характеръ существенно національный. Изученіе исторіи и размышленіе надъ нею вмѣстѣ съ тщательнымъ анализомъ понятія о томъ, что такое нація, и какова ея цѣна въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ человѣческаго рода заставили меня отказаться отъ всякаго утопическаго космополитизма, разрушающаго основные провиденціальные элементы прогресса» *).

Сочиненія Кановаса можно раздѣлить на три группы: историческія, публицистическія и поэтическія. Изъ историческихъ его работъ, кромѣ уже цитированной «О началѣ и концѣ военной супрематіи испанцевъ въ Европѣ» (въ другомъ изданіи сочиненіе это носитъ названіе: «Исторія упадка Испанія со времени вступленія на престолъ Филиппа III до смерти Карла III»), наибольшей извѣстностью пользуются «Очерки по исторіи царствованія Филиппа IY» (Мадридъ, 2 v., 1888—1889). Первое изъ названныхъ сочиненій составляетъ продолженіе знаменитаго труда іезуитовъ Маріаны и Миньяны «Исторія Испаніи»; второе—заключаетъ новыя интересныя данныя для военной и политической исторіи Испаніи въ XVII столѣтіи. Ко второй группѣ относятся нѣко-

*) «De cômo he venida à ser doctrinalmente proteccionista», ib., III, 405—413.

торыя изъ уже названныхъ нами сочиненій, какъ «Современныя задачи», гдѣ авторъ собралъ свои рѣчи и статьи по вопросамъ политическаго, экономическаго и соціальнаго характера, какъ «El Solitario y su tiempo», представляющее біографію Эстеванеса Кальдерона въ связи съ очеркомъ исторіи возрожденія испанской литетуры; сюда же относятся его «литературные этюды» («Estodias literarias, Madrid, 2 v., 1868), рядъ предисловій къ произведеніямъ различныхъ современныхъ писателей. Изъ этихъ предисловій особенный интересъ представляетъ «Современный испанскій театръ», составляющее введеніе къ сборнику «Autores dramaticos contemporaneas», (Madrid, 2 v., 1884) и переведенное на французскій языкъ («Le théâtre espagnol contemporain», traduit par J. C. Magnabel, Paris, 1886). Что касается поэтическихъ произведеній Кановаса, то они отличаются или мечтательно-лирическимъ или патріотическимъ характеромъ, какъ большинство твореній современной музы Испаніи. Эти произведенія Кановаса собраны въ двухъ томахъ «Artes y letras», (Madrid, 1887) и «Obres poeticas», (Madrid, 1887). Историческій романъ изъ Аррагонской жизни XII в. «La campana de Hoesca» (Madrid, 1852) принадлежитъ къ числу лучшихъ беллетристическихъ сочиненій Кановаса.

Кановасъ былъ президентомъ мадридской королевской академіи исторіи, каковымъ и оставался до самой смерти. Подъ его редакціей члены этой академіи предприняли обширное изданіе ряда монографій по исторіи отдѣльныхъ царствованій, подъ общимъ названіемъ «Исторія Испаніи».

Одновременно Кановасъ состоялъ членомъ другихъ ученыхъ обществъ какъ въ Испаніи, такъ и за границей и, кромѣ этого, часто былъ избираемъ президентомъ мадридскаго научно-литературнаго общества «Атенео», основаннаго въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Все свободное отъ государственной дѣятельности время Кановасъ посвящалъ своимъ любимымъ историко-литературнымъ занятіямъ. У него образовалась великолѣпная библіотека, состоящая изъ 20,000 томовъ, среди которыхъ не мало цѣнныхъ рукописей и старинныхъ изданій. Согласно завѣщанію, какъ говорятъ, вся эта библіотека должна поступить въ собственность мадридской національной библіотеки. Жилъ онъ въ своемъ мадридскомъ дворцѣ, такъ называемомъ «Huerta», окруженномъ роскошными садами.

Пишущему эти строки не разъ приходилось присутствовать на засѣданіяхъ испанскихъ кортесовъ и слышать рѣчи Кановаса, когда онъ, поднявшись съ такъ называемой «голубой скамьи» (banco azul), отвѣчалъ на интерпеляціи депутатовъ или защищалъ свои законопроекты. Начиналъ онъ нѣсколько глухо и монотонно, но скоро оживлялся; рѣчь его отличалась изяществомъ и легкостью стиля и

обнаруживала недюжиннаго парламентскаго оратора. Въ самой внѣшности его было много серьезнаго и импонирующаго: широкій лобъ, причесанные назадъ волосы, густыя, сильно нависшія надъ глазами брови, живой взглядъ, пронизывающій сквозь пенснэ, прямой, но нѣсколько широкій носъ, толстые, сѣдые усы, небольшая эспаньолка, бритые щеки и подбородокъ, осанистая фигура—таковъ портретъ Кановаса. Но въ этой серьезной и почтенной наружности живое воображеніе испанца всегда умѣло находить комичную сторону, и испанскіе каррикатуристы, преувеличивая типичныя черты лица Кановаса, умудрялись придавать его изображенію видъ бульдога. Помню, какъ однажды въ Мадридѣ, на Puerta del Sol, одинъ продавецъ маленькихъ собачекъ привлекалъ вниманіе публики возгласомъ: «Смотрите, господа, вотъ собака съ головой донъ Антоніо Кановасъ дель Кастильо!» Прохожіе останавливались и улыбались, а продавецъ имѣлъ успѣхъ.

Кановасъ не былъ популяренъ. Впрочемъ въ силу особеннаго склада національнаго характера и традицій въ Испаніи достаточно самому популярному человѣку получить власть, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ потерять всякій кредитъ въ обществѣ. Испанецъ всегда будируетъ противъ властей, и это объясняется столько же историческими, сколько и современными причинами. «Не надо забывать, говоритъ одинъ изъ современныхъ испанскихъ публицистовъ, что Испанія—страна индивидуальной независимости, «beterpiй», т. е. самоуправленія, доходящаго до анархіи, страна «guerrilleros» (т. е. иррегулярныхъ военныхъ отрядовъ), гдѣ король и народъ, знать и духовенство одинаково были буйны и мятежны» *). Съ другой стороны, въ настоящее время политика въ Испаніи обратилась въ извѣстнаго рода спортъ, азартную игру, въ которой каждый считаетъ себя вправѣ принимать болѣе или менѣе активное участіе. Сложилась даже характерная поговорка: «En tauromaquía, medicina y politica todos los espanoles son antoridades», т. е. «въ искусствѣ тореро, въ медицинѣ и политикѣ каждый испанецъ является авторитетомъ». Вызвать искусственнымъ образомъ паденіе даннаго министерства, вотъ въ сущности цѣль большинства испанскихъ политикановъ, стремящихся занять мѣсто въ администраціи или обезпечить себѣ пенсію эксъ-министра въ 30,000 реаловъ въ годъ (реалъ, впрочемъ, менѣе 10 коп.). Эта игра въ политику тяжело отзывается на положеніи народа и этимъ объясняется его недружелюбное отношеніе къ его правителямъ и убѣжденіе въ томъ, что Испанія не можетъ имѣть хорошаго правительства. Невольно вспоминается граціозное объясненіе такой участіи Испаніи, которое даютъ ея сыны: еслибы, говорятъ они съ ироніей, ко всѣмъ благамъ, которыя, по просьбѣ Сантіаго де Кампостелла, Богъ даровалъ этой странѣ, въ видѣ плодородія почвы обилія металловъ, чуднаго неба

*) Azcarate цит. соч. стр. 18.

и климата, хорошаго вина и красивыхъ женщинъ, еще далъ бы и хорошее правительство, то Испанія обратилась бы тогда въ земной рай, и людямъ нечего было бы дѣлать въ немъ...

В. П—ій.

Барселона, августъ 1897.

На лѣтнихъ конгрессахъ.

(*Письмо изъ Швейцаріи*).

Одна старосвѣтская нѣмка со злобой замѣтила, что скоро-де весь свѣтъ будетъ состоять изъ однихъферейновъ да конгрессовъ. Эта нѣмка, надо отдать ей справедливость,—характеризовала своимъ злобнымъ замѣчаніемъ чрезвычайно выдающуюся сторону нашей эпохи. И исторія безусловно отмѣтитъ, какъ характерную особенность нашего вѣка, то обстоятельство, что всѣ стремленія, всѣ лучшія чаянія, теченія и жгучія противорѣчія, возникающія во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни, находятъ свое подкрѣпленіе, разрѣшеніе или споспѣшествованіе путемъ общихъ, своего рода парламентарныхъ, обсужденій. Въ противоположность всѣмъ предыдущимъ эпохамъ это явленіе есть несомнѣнно могучій культурный прогрессъ, который, служа результатомъ великихъ техническихъ завоеваній въ области международныхъ сношеній, путей сообщенія и болѣе широкаго просвѣщенія народныхъ массъ, служитъ съ своей стороны могущественнымъ факторомъ въ ходѣ политическаго и общественнаго развитія народовъ. Какъ глубоко и повсемѣстно внѣдрились эти новыя формы человѣческихъ сношеній въ жизнь и стремленія современности, тому служитъ нагляднымъ доказательствомъ не только обиліе конгрессовъ и не только ихъ повсемѣстность, но и ихъ рѣдкій, небывалый еще составъ и характеръ. На такого рода конгрессахъ пришлось мнѣ въ прошломъ мѣсяцѣ побывать въ Швейцаріи, въ этой классической странѣ международныхъ съѣздовъ, въ этой странѣ «чужеземной индустріи»—такъ называемой Fremdenindustrie.

«Auf dem freien Boden unseres Landes»—на почвѣ нашей свободной страны, какъ съ гордостью говорятъ швейцарцы, собирался въ это лѣто, какъ всегда, добрый десятокъ всевозможныхъ международныхъ конгрессовъ. Они сдѣлались постепенно одной изъ достопримѣчательностей, предлагаемыхъ вниманію и любознательности тѣхъ десятковъ тысячъ иностранцевъ, которые наѣзжаютъ по лѣтамъ въ этотъ чудный уголокъ земного шара. Эта достопримѣчательность тѣмъ притягательнѣе, что она часто имѣетъ интересъ но-

визны, такъ какъ спеціальностью Швейцаріи сдѣлались собранія еще не бывалыхъ ранѣе, *первыхъ* международныхъ конгрессовъ. Такими первыми конгрессами были въ Швейцаріи въ это лѣто, между прочимъ, международные конгрессы математиковъ, представителей такъ называемой католической науки, старающихся примирить знаніе и вѣру, конгрессъ о законодательной защитѣ труда и конгрессъ сіонистовъ. Моимъ личнымъ впечатлѣніямъ отъ двухъ послѣднихъ конгрессовъ я хочу посвятить это письмо.

Мысль о международномъ регулированіи фабричнаго законодательства зародилась впервые въ такое время, когда для ея проведенія въ жизнь не было на лицо самыхъ необходимыхъ условій. Это было въ 1841 году. Эльзасскій фабрикантъ Даніель Легранъ выступилъ съ проектомъ международной фабричной инспекціи, но не встрѣтилъ никакой поддержки. Съ тѣхъ поръ эта мысль нашла себѣ особенно благопріятную почву въ Швейцаріи, гдѣ, начиная съ 1855 года, отъ времени до времени подвергалась обсужденію въ различныхъ представительныхъ учрежденіяхъ союзной республики. Счастливая Швейцарія, не зная ни ожесточенныхъ внутреннихъ, ни внѣшнихъ распрей, уже неоднократно являлась иниціаторомъ и творцомъ великихъ международныхъ начинаній; достаточно назвать всемірный почтовый союзъ. Та-же высокая степень культурнаго и политическаго развитія, въ связи съ возникающими на этой почвѣ потребностями, побудила Швейцарію взять на себя и иниціативу международнаго урегулированія законодательной защиты труда. Швейцарія ранѣе другихъ странъ ввела у себя сравнительно самыя рѣшительныя мѣры для ограниченія эксплуатаціи силъ рабочаго люда, она имѣетъ самое широкое и прогрессивное соціальное законодательство, и не удивительно, если она изъ соображеній международной конкурренціи всѣхъ рѣшительнѣе настаиваетъ на международномъ соглашеніи въ сферѣ защиты труда. Оставляя въ сторонѣ разсмотрѣніе этого вопроса въ предѣлахъ междукантональнаго урегулированія, слѣдуетъ, главнымъ образомъ, остановиться на тѣхъ моментахъ швейцарской иниціативы, которые имѣли въ виду урегулированіе международнаго законодательства. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія рѣчь извѣстнаго государственнаго дѣятеля Швейцаріи, полковника Фрея, открывшаго въ 1876 году въ качествѣ президента швейцарскаго парламента (Nationalrat) собраніе, между прочимъ, слѣдующими словами: «...Я предложилъ бы Швейцаріи возбудить вопросъ о заключеніи международныхъ договоровъ съ цѣлью возможно болѣе равномѣрнаго урегулированія условій труда во всѣхъ промышленныхъ странахъ. Вѣдь самая большая трудность фабричнаго законодательства заключается въ томъ обстоятельствѣ, что, путемъ изолированнаго образа дѣйствій отдѣльной страны въ смыслѣ улучшенія доли труда, она грозитъ причинить сильный ущербъ способности своей промышленности конкуррировать на міровомъ рынкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что

условія производства въ различныхъ промышленныхъ странахъ разнятся другъ отъ друга, но эта разница не такъ велика, чтобы нельзя было установить извѣстную равномѣрность въ условіяхъ труда съ сохраненіемъ необходимаго простора для тѣхъ или иныхъ особенностей и исключеній»... Въ 1880 году тотъ-же полковникъ Фрей, бывшій впослѣдствіи однимъ изъ министровъ, т. е. членомъ Союзнаго Совѣта (Bundesrat), снова возбудилъ прежній свой проектъ и внесъ въ національный совѣтъ (Nationalrat) слѣдующее предложеніе (Motion): «Союзный Совѣтъ приглашается войти въ переговоры съ главнѣйшими промышленными странами съ цѣлью установленія международнаго фабричнаго законодательства». Это предложеніе было принято, и союзный совѣтъ немедленно принялся за его выполненіе. Но усилія совѣта не встрѣтили благопріятной почвы. Отчетъ союзнаго департамента торговли и земледѣлія констатировалъ, что «проектъ встрѣтитъ поддержку лишь со стороны самаго небольшого числа государствъ, такъ какъ большинство странъ не находятъ фабричное законодательство подлежащимъ международному урегулированію въ виду особенныхъ условій и несогласующихся интересовъ различныхъ странъ...» Въ 1887 году члены парламента, д-ръ Декуртинъ и Фавонъ, снова принялись за проектъ Фрея, а въ 1888 г. онъ былъ единогласно принятъ и національнымъ совѣтомъ. На основаніи этого возобновленнаго акта Союзный Совѣтъ въ мартѣ 1889 г. обратился съ циркуляромъ ко всѣмъ европейскимъ промышленнымъ странамъ. Съ точки зрѣнія союзнаго совѣта рѣчь шла въ этомъ случаѣ съ одной стороны объ извѣстномъ урегулированіи промышленнаго производства, съ другой же—объ улучшеніи условій труда. Какъ на области, съ большимъ успѣхомъ подлежащія урегулированію, въ циркулярѣ указывалось на воскресный промышленный трудъ и на трудъ женщинъ и дѣтей. Въ числѣ програмныхъ пунктовъ для международнаго соглашенія циркуляръ предлагалъ: 1) воспрещеніе воскреснаго труда; 2) установленіе минимальнаго возраста для допущенія дѣтей къ фабричному труду; 3) установленіе максимальнаго рабочаго дня для подростковъ; 4) воспрещеніе работы женщинъ и подростковъ въ особенно вредныхъ для здоровья и опасныхъ промыслахъ; 5) ограниченіе ночной работы для женщинъ и подростковъ. Слѣдующія страны отвѣтили на циркуляръ согласіемъ собраться на предложенную союзнымъ совѣтомъ конференцію: Нидерланды, Бельгія, Португалія, Австро-Венгрія, Франція, Люксембургъ, Италія и Великобританія. Россія отклонила предложеніе швейцарскаго правительства, а со стороны Даніи, Германіи, Швеціи, Норвегіи и Испаніи не поступило никакихъ заявленій. Въ дальнѣйшемъ циркулярѣ швейцарское правительство предложило отсрочить конференцію до весны 1890 года, чтобы имѣть время выработать для нея болѣе детальную програму дѣйствій.

Швейцарія была такъ близка къ осуществленію своего плана,

какъ вдругъ, къ изумленію всего міра, появились извѣстные соціально-политическіе указы германскаго императора Вильгельма II отъ 4 февраля 1890 года. Эти указы заявляли, что «заключенныя въ международной конкурренціи трудности для улучшенія положенія рабочаго класса могутъ быть, если не устранены, то во всякомъ случаѣ смягчены путемъ международнаго соглашенія странъ, господствующихъ на всемірномъ рынкѣ». Въ виду этого, заявлялъ Вильгельмъ II,—«я хочу, чтобы прежде всего былъ сдѣланъ оффиціальный запросъ у Франціи, Англіи, Бельгіи и Швейцаріи, не найдутъ-ли онѣ возможнымъ вступить съ нами въ переговоры для международнаго соглашенія»... Такимъ образомъ, Германія стала во главѣ движенія, направленнаго къ международному урегулированію соціальнаго законодательства. Швейцарское правительство отступилось въ пользу берлинской конференціи, которая засѣдала отъ 15 до 29 марта 1890 года.

Берлинская конференція, долженствовавшая сдѣлаться началомъ систематической и непрерывной дѣятельности для проведенія международной защиты труда, въ дѣйствительности не оправдала этого замысла и лишь тормазила швейцарскую инициіативу. Она имѣла однако косвенно то хорошее дѣйствіе, что показала целѣсообразность намѣченнаго плана и заставила швейцарскихъ дѣятелей съ усиленной энергіей снова приняться за дѣло. Цѣлая группа выдающихся швейцарскихъ общественно-политическихъ дѣятелей, опираясь на поддержку правительства и рабочихъ организацій, созвала, наконецъ, въ прошломъ мѣсяцѣ первый международный конгрессъ для защиты труда. Программа этого конгресса почти вполнѣ совпадала съ приведенными выше пунктами циркуляра швейцарскаго правительства, поставивъ на очередь, сверхъ того, лишь еще пунктъ, касающійся труда взрослыхъ рабочихъ.

Мѣстомъ конгресса швейцарцы избрали Цюрихъ. Этотъ городъ растетъ изъ года въ годъ, и, являясь фактически центромъ швейцарской жизни, постепенно дѣлается и очень замѣтнымъ европейскимъ центромъ. Четыре—пять лѣтъ тому назадъ я не припомню и третьей доли того движенія, которое замѣтно теперь въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ вокзалу и Цюрихскому озеру. Въ кои вѣки бывало наткнешься на нѣсколько неуклюжую и меланхолическую фигуру полицейскаго, а теперь—что ни переулокъ, то шуцманъ, строгій, зоркій, вымуштрированный не хуже развязнаго берлинскаго хранителя порядка. Любопытно, между прочимъ, то, что эта вышколенная, преумноженная и усовершенствованная мѣстная полиція началась, главнымъ образомъ, со времени назначенія три—четыре года тому назадъ цюрихскимъ полицимейстеромъ г. Фогельзангера, бывшаго до послѣдняго времени единственнымъ соціалистическимъ депутатомъ въ швейцарскомъ парламентѣ и до сихъ поръ совмѣщающимъ это свое качество съ полицейской службой. Его единомышленники нѣсколько конфузятся этого совмѣстительства и

подчасъ шутятъ надъ своимъ «товарищемъ», называя его auch-socialist.

Организаторамъ конгресса удалось для его собраній получить въ свое распоряженіе новую Тонгалле, самое роскошное изъ зданій, взведенныхъ за послѣдніе два года на берегу Цюрихскаго озера. На призывъ швейцарцевъ откликнулись со всѣхъ странъ свѣта люди разныхъ званій и состояній и, что всего важнѣе, люди самыхъ разнообразныхъ политическихъ и религіозныхъ направленій. Отдѣльныя правительства, какъ бельгійское и французское, прислали своихъ особыхъ представителей, что, понятно, сдѣлало и швейцарское правительство и всѣ кантоны швейцарскаго союза.

Составъ конгресса представлялъ пеструю картину. Это первый случай, когда люди самыхъ противоположныхъ партій, самымъ безпощаднымъ образомъ борящіеся другъ противъ друга въ парламентахъ, на выборахъ и въ печати, нашли общую почву для совмѣстныхъ обсужденіе одной изъ жгучихъ темъ. Люди партіи Бебеля и Либкнехта, считавшіе все остальное человѣчество «сплошной реакціонной массой», начинають дѣлать разницу въ составѣ этой массы; а наиболѣе передовые слои этой массы не такъ слѣпо и безапеляціонно вопіютъ, что все кромѣ нихъ сплошные разрушители, или, какъ гласитъ модная кличка—Umsturz. Рядомъ съ Бебелемъ и его единомышленниками различныхъ странъ, можно было видѣть въ этотъ разъ либеральныхъ политиковъ, въ родѣ извѣстного судьи и публициста Куллемана, консервативныхъ дѣятелей и писателей, какъ д-ръ Рудольфъ Майеръ, многочисленную группу христіански-соціальныхъ дѣятелей свѣтскаго званія, въ родѣ австрійскихъ антисемитовъ, и, что всего замѣчательнѣе, цѣлую массу почтеннаго католическаго и евангелическаго духовенства въ длиннополыхъ кафтанахъ и съ прочими аттрибутами ихъ духовнаго званія. Не было также недостатка и въ женскихъ дѣятеляхъ различнаго направленія.

Конгрессъ даетъ возможность видѣть въ сборѣ людей, про которыхъ то и дѣло слышишь въ разсказахъ или читаешь въ газетахъ, но которыхъ не всякій сподобится увидѣть воочію. Цюрихскій конгрессъ представлялъ въ этомъ отношеніи большой интересъ. Само собою разумѣется, что сама Швейцарія и сосѣднія страны—Германія и Австрія—отрядили въ Цюрихъ наибольшее число представителей. Кромѣ университетскихъ и «приватныхъ» ученыхъ бросались въ глаза извѣстные политическіе дѣятели. Вотъ гроза германскаго парламента, послѣ Евгенія Рихтера, вѣрнѣе—рядомъ съ нимъ самый страшный ораторъ рейхстага Бебель. Недалеко отъ него его личный другъ, но нерѣдко политическій антагонистъ, особенно популярный въ южной Германіи фонъ-Фольмаръ. Гигантскаго роста мужчина, онъ болѣе 25 лѣтъ опирался на костыли и безпомощно волочилъ свои контуженныя въ франко-прусскую войну ноги. И только теперь, съ открытіемъ рентгеновскихъ лучей удалось найти мѣстонахожденіе пуль, вынуть ихъ и воротить этому гиганту воз-

можность передвигаться на собственныхъ ногахъ. Эти два политика пользуются уваженіемъ и со стороны своихъ противниковъ, и нерѣдко можно было ихъ видѣть на конгрессѣ въ дружеской бесѣдѣ съ кроткимъ католическимъ патеромъ. Гораздо менѣе общителенъ, но не менѣе обязателенъ въ личныхъ сношеніяхъ третій членъ знаменитаго тріумвирата 72 лѣтній Либкнехтъ. Преданный, какъ всегда, своей публицистической миссіи, старый хлесткій журналистъ и нѣсколько деспотическій шефъ-редакторъ «Vorwärts'а» сидитъ отдѣльно отъ делегатовъ конгресса въ первомъ ряду трибуны журналистовъ, безпрерывно занятый письменной работой.

Интересную группу—человѣкъ 80—представляли католическіе христіански-соціальные дѣятели, за немногими исключеніями, бельгійскіе и французскіе священники. Выступавшіе изъ ихъ среды ораторы оказывались блестящими съ своей точки зрѣнія діалектиками, прекрасно освѣдомленными на счетъ жгучихъ вопросовъ современности политиками. Двѣ особенно интересныхъ личности выдѣлялись изъ среды бельгійской делегаціи. Одинъ изъ нихъ извѣстный брюссельскій адвокатъ, депутатъ парламента и профессоръ тамошняго вольнаго университета Фанъ-деръ-Фельде. Еще совсѣмъ молодой человѣкъ, съ блѣднымъ лицомъ, обрамленнымъ черной бородкой, съ живыми глазами, онъ послѣ смерти своего друга Жана Вольдерса одинъ изъ популярнѣйшихъ бельгійскихъ политиковъ. На конгрессѣ не было оратора, равнаго ему. Его рѣчь счастливое сочетаніе формы, содержанія, голоса и жестовъ. Энергичнымъ, но граціознымъ движеніемъ рукъ, онъ усиливаетъ эффектъ своихъ звучныхъ и сильныхъ словъ; порой онъ сжимаетъ кулаки обѣихъ рукъ, дѣлаетъ шагъ впередъ и назадъ и усиленнымъ поднятіемъ своего красиваго голоса поражаетъ слушателя какъ мощный и гармоническій аккордъ концерта. Это глубокое эстетическое наслажденіе, засвидѣтельствованное и тѣми слушателями, которымъ непонятна французская рѣчь... Нѣсколько иного рода личность второй соотечественникъ Фанъ-деръ-Фельде—аббатъ Daens, католическій священникъ единственный въ своемъ родѣ. Человѣкъ онъ уже пожилой. Въ его совершенно бритомъ, нѣсколько краснѣющемъ во время рѣчи лицѣ видны большой умъ и несокрушимая сила воли. Спокойно стоитъ онъ на трибунѣ, его священническій длинный кафтанъ подобранъ сзади точно дамскій шлейфъ, ни одна складка не шелохнется, а голосъ воодушевленнаго оратора все же выдаетъ порой сильное внутреннее волненіе. Это глубоко вѣрующій и набожный католикъ, у котораго горячее сердце сильно бьется и отзывается на невзгоды жизни и страданія человѣчества. У себя на родинѣ онъ нажилъ не мало враговъ.

Здѣсь кстати упомянуть еще одного члена конгресса, знаменитаго галиційскаго патера Стояловскаго. Лѣтъ 50 отъ роду, средняго роста, блѣдный, по выраженію глазъ и чертамъ лица напоминающій старыя итальянскія изображенія Спасителя, во время рѣчи нѣ-

сколько нервный съ отпечаткомъ глубокой искренности и мечтательности—въ общемъ захватывающая, очаровывающая личность. Въ длинномъ священническомъ одѣяніи онъ быстро перебѣгаетъ отъ одного участника конгресса къ другому, внимательно слѣдитъ за всѣмъ ходомъ засѣданій и дѣлаетъ отмѣтки на бумагѣ. Читатели «Русскаго Богатства» знаютъ роль Стояловскаго въ движеніи галиційскихъ крестьянъ. Его неустанной агитаціи и публицистической дѣятельности это движеніе обязано своимъ необыкновеннымъ ростомъ. Много пришлось ему вынести отъ своихъ недруговъ, но галиційскіе крестьяне остались на его сторонѣ и среди нихъ онъ пользуется рѣдкой популярностью. Во время послѣднихъ выборовъ его враги взвели на него неслыханныя обвиненія въ святотатствѣ и прочихъ ужасахъ, желая добиться его ареста и освободиться отъ опаснаго политическаго противника. Но ему удалось уйти въ Венгрію и изъ одного пограничнаго мѣстечка руководить выборами. Венгрія и по сіе время отказывается выдавать патера австрійскимъ властямъ, такъ что Стояловскій можетъ спокойно продолжать свою работу и редактировать нѣсколько основанныхъ имъ для крестьянъ газетъ.

Я уже упоминалъ выше извѣстнаго консервативнаго писателя д-ра Рудольфа Майера, автора «Emancipationskampf des vierten Standes» и другихъ капитальныхъ сочиненій. Это добродушный старичекъ, человѣкъ съ богатымъ житейскимъ опытомъ,—онъ занимался, между прочимъ, сельскимъ хозяйствомъ много лѣтъ въ Америкѣ,—съ обширными знаніями, и для выраженія его мыслей по какому нибудь пункту недостаточно ограниченно размѣреннаго времени на конгрессѣ, а требуются цѣлые томы. Поэтому каждый разъ производило очень забавное впечатлѣніе, когда д-ръ Майеръ всходилъ на трибуну и съ благодушной миной начиналъ разбирать тотъ или иной вопросъ ab ovo. Тѣмъ временемъ истекало назначенное время, президентъ звонилъ въ колоколъ, а прерванный ораторъ съ претенціознымъ видомъ смотрѣлъ на часы и заявлялъ: да, помилуйте, я и до середины того не дошелъ, что хотѣлъ сказать!.. Но при общемъ одушевленія собранія ученому и черезчуръ основательному оратору приходилось оставлять трибуну.

Изъ другихъ австрійскихъ членовъ конгресса обращаетъ на себя вниманіе глава рабочаго движенія въ Австріи д-ръ Викторъ Адлеръ—небольшая и, на первый взглядъ, мало презентабельная фигура. Казалось, что на немъ оставались еще свѣжіе слѣды тѣхъ невѣроятныхъ усилій и той чудовищной борьбы, какія пришлось преодолѣть во время агитаціи за реформу избирательнаго права и въ послѣднюю выборную компанію, въ которой онъ былъ побитъ вѣнскимъ антисемитомъ. Но когда этотъ тщедушный человѣкъ наначинаетъ говорить, то за стеклами очковъ показывается въ глазахъ огонь возбужденія; онъ становится рѣзокъ, наступателенъ, подавляющъ своей безпощадной сатирой. Это, между прочимъ, въ высшей

степени интеллигентный и тонкій ораторъ. Не столько по содержанію, сколько по внѣшнимъ формамъ, Адлера превосходитъ его ближашій сотрудникъ Пернерстоферъ, бывшій депутатомъ рейхсрата и на послѣднихъ выборахъ также побитый антисемитами. Пернерстоферъ началъ свою карьеру какъ ученый и писатель; онъ еще и теперь издаетъ интересный, хотя мало распространенный журналъ «Deutsche Worte» Постепенно онъ почти всецѣло отдался политикѣ. Эта послѣдняя получила въ лицѣ Пернерстофера незамѣнимый экземпляръ. Провалившихъ его антисемитовъ онъ ненавидитъ всѣми фибрами души, и когда онъ принимается ихъ раздѣлывать, то чувствуешь, что отъ нихъ разлетаются клочья.

Совершеннымъ контрастомъ являются другіе делегаты той же Австріи, но изъ иного, христіанско-соціальнаго лагеря. Взять бы хоть профессора Шейхера, онъ же депутатъ рейхсрата и католическій дѣятель. Точно елей по сердцу разливается его рѣчь, произносимая съ покачиваніемъ головы во всѣ стороны и съ умильнымъ, просящимъ лицомъ. Онъ очевидно очень мягкосердечный человѣкъ, потому что стоитъ ему только нѣсколько оживиться и прижать своей аргументаціей противника къ стѣнѣ, какъ онъ снова впадаетъ въ элегическій тонъ...

Далеко не такъ мягкосердечны австрійскіе антисемиты чистой крови. Есть что то скандальное, вызывающее и въ ихъ рѣчахъ, и въ ихъ движеніяхъ. Изъ этой категоріи былъ, между прочимъ, на конгрессѣ депутатъ австрійскаго рейхсрата Аксманъ, особенно отличавшійся во время извѣстныхъ скандаловъ этого злосчастнаго учрежденія въ послѣднее время. Когда этотъ печальный герой и на цюрихскомъ конгрессѣ впалъ въ не надлежащій тонъ, то въ залѣ раздались слова: позвольте, вы не въ австрійскомъ парламентѣ!

Объ англичанахъ сложилось у многихъ представленіе, какъ о флегматичныхъ существахъ. Кто хотѣлъ-бы разувѣриться въ этомъ мнѣніи, тому можно рекомендовать прислушаться и присмотрѣться къ небольшой группѣ англійскихъ делегатовъ на цюрихскомъ конгрессѣ. Это всего какихъ нибудь 12—15 человѣкъ съ тремя дамами. Эта группа первые два дня сидѣла въ глубинѣ зала, на третій день она уже не хотѣла мириться съ такой почтительной дистанціей отъ трибуны и перенесла свой столъ къ ея подножію. Съ неусыпнымъ вниманіемъ слѣдили эти сыны Альбіона за ходомъ преній и за каждымъ словомъ своего переводчика. А стоило лишь одному изъ нихъ самому въ качествѣ оратора взойти на трибуну, тогда по всей Тонгалле раздавалась своеобразная музыка англійской рѣчи, и обращенная вся въ слухъ англійская делегація криками: hear, hear! усиливала одушевленіе и паѳосъ своего оратора.

Изъ злосчастной Испаніи прибылъ въ качествѣ делегата нѣкій профессоръ университета въ Валенціи, д-ръ Донъ Рафаэль Родригецъ де Кепеда, микроскопическій человѣкъ на куриныхъ ножкахъ и съ большимъ горбомъ, невинный какъ ребенокъ, и нисколько

незараженный прогрессивными идеями средней Европы. Онъ горячо ратовалъ за пользованіе дѣтскимъ трудомъ и не смутился нисколько, когда д-ръ Рудольфъ Майеръ съ нѣсколько презрительной миной вставилъ: «Испанія не разбогатѣла отъ того, что сверхъ мѣры эксплуатируетъ дѣтскій трудъ...»

Мнѣ хочется еще упомянуть здѣсь хоть одного швейцарскаго дѣятеля, и справедливость требуетъ остановиться на душѣ конгресса, его генеральномъ секретарѣ и главномъ организаторѣ. Это Германъ Гройлихъ, изъ простыхъ рабочихъ дослужившійся до высокихъ степеней. Были трудныя времена у этого человѣка. Онъ пришелъ въ Цюрихъ простымъ переплетчикомъ, но вскорѣ взялъ на себя редакцію одной рабочей газеты и въ этой дѣятельности нажилъ себѣ массу враговъ. Разсказываютъ, что еще 15 лѣтъ тому назадъ, когда въ его домѣ случился пожаръ, его противники мѣшали тушить огонь. Но времена измѣнялись. Гройлихъ прилежно и усиленно работалъ, усвоилъ массу знаній, изучилъ французскій, англійскій и итальянскій языки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ союзное швейцарское правительство назначило его секретаремъ швейцарскаго рабочаго бюро; съ 1890 года онъ выбранъ въ кантональные совѣтники (Kantonsrat), а съ прошлаго года — въ члены великаго городскаго совѣта (Grosses Stadtrat). Въ настоящее время ему 55 лѣтъ и онъ извѣстенъ въ Швейцаріи подъ именемъ Papa Greulich.

Обратимся, однако, къ главнѣйшимъ работамъ конгресса. Держась хронологическаго порядка, мы должны, прежде всего, отмѣтить рефератъ профессора теологіи при фрейбургскомъ университетѣ (въ Швейцаріи), посвященный воскресному труду.

Вотъ главнѣйшія мысли референта: Каждый разъ, когда въ законодательныхъ учрежденіяхъ различныхъ странъ возбуждался вопросъ о законодательной защитѣ праздничнаго отдыха, то со стороны руководящихъ государственныхъ мужей слышались опасенія, что усиленіе этой защиты можетъ повести къ сокращенію способности промышленности данной страны конкуррировать съ другими странами на всемірномъ рынкѣ. Не смотря на то, что опытъ отдѣльныхъ странъ совершенно опровергъ такую точку зрѣнія, указанный предразсудокъ все еще очень распространенъ. Между тѣмъ, законодательная защита воскреснаго отдыха есть одна изъ тѣхъ проблемъ защиты труда, которыя нуждаются въ международномъ разрѣшеніи, ибо вопросъ о воскресномъ отдыхѣ есть жизненный вопросъ, какъ для благополучія отдѣльнаго рабочаго, такъ, равно, и для процвѣтанія всего человѣчества. Для отдѣльнаго рабочаго, полный и неумаленный воскресный отдыхъ есть прежде всего неотвратимое требованіе его физическаго здоровья. Что касается вліянія воскреснаго отдыха на духовную жизнь рабочаго люда, то такой отдыхъ есть безусловное требованіе общественной справедливости. Онъ даетъ возможность укрѣпленія духовныхъ силъ рабочаго, расширенія его образованія и пользованія всѣми куль-

турными благами человѣчества. Уже давно удостовѣрено, что страны съ наиболѣе признаннымъ воскреснымъ отдыхомъ располагаютъ и наиболѣе интеллигентнымъ рабочимъ сословіемъ. Воскресный отдыхъ есть также основной постулатъ религіозной свободы; покойный вождь партіи центра Виндгорстъ говорилъ: я не хочу силой гнать рабочаго въ церковь, но я требую такого закона, который далъ-бы ему возможность слѣдовать своимъ религіознымъ влеченіямъ. Луйо Брентано показалъ, что рабочіе тѣхъ странъ, гдѣ господствуетъ болѣе сокращенный рабочій день и воскресный отдыхъ, дешевле и лучше работаютъ; производительность труда при этомъ не только не понижается, но значительно растетъ и, тѣмъ самымъ, обезпечиваетъ данной странѣ возможность съ успѣхомъ конкуррировать на міровомъ рынкѣ. Воскресный отдыхъ отзывается также на сокращеніи кризисовъ. Онъ, наконецъ, благотворно вліяетъ на политическое воспитаніе народа, давая ему возможность и досугъ для пользованія своими гражданскими правами, въ качествѣ избирателя и пр.

Эти спеціальныя основанія въ пользу отмѣны воскреснаго труда ведутъ къ дальнѣйшему требованію относительно работницъ, которое заключается въ предоставленіи имъ сверхъ того свободнаго послѣобѣденнаго времени въ субботу. Какая польза работницѣ отъ свободнаго воскресенья, если она весь этотъ день должна употребить на уборку своей квартиры, на мытье и починку платья своихъ дѣтей и т. п. Предоставленіемъ же половины дня въ субботу послѣ обѣда работницѣ дана была-бы возможность уже на канунѣ воскресенья справить все необходимое по хозяйству, а въ воскресенье дѣйствительно отдыхахъ со всей своей семьей. Эта льгота должна быть, понятно, предоставлена и не замужней работницѣ. Англія счастливѣе другихъ странъ въ этомъ отношеніи: послѣдніе фабричные законы ввели уже тамъ такую льготу для работницъ, добытый опытъ блестящимъ образомъ оправдалъ возлагавшіяся на этотъ законъ надежды. Въ Швейцаріи движеніе въ пользу такой реформы дѣлаетъ также громадные успѣхи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ за ея разумность и настоятельность высказался цѣлый рядъ предпринимателей.

На основаніи соображеній референта, проф. Бека, конгрессъ международной защиты труда ставитъ слѣдующія требованія:

1) Запрещеніе воскресной работы должно быть по возможности и подъ страхомъ серьезныхъ взысканій распространено на всѣ категоріи наемнаго труда, слѣд. на работу въ промышленности, въ горныхъ промыслахъ, въ ремесленномъ производствѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ, въ отрасляхъ путей сообщенія (желѣзнодорожной, почтовой, телеграфной и телефонной службахъ), въ крупныхъ и мелкихъ торговыхъ заведеніяхъ.

2) Исключенія могутъ быть допускаемы только въ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для обезпеченія нормальнаго продол-

женія производственнаго процесса въ понедѣльникъ, или когда этотъ процессъ, по техническимъ причинамъ, не можетъ быть прекращенъ.

3) Исключенія, допускаемыя относительно запрещенія воскресной работы, должны быть дѣлаемы не на основаніи дискреціонныхъ истолкованій закона администраціей, но вполнѣ точно выражены въ текстѣ самого закона.

4) Во всѣхъ отрасляхъ труда должно быть равномѣрно проведено требованіе, въ силу котораго лицамъ, вынужденнымъ, согласно допущеннымъ исключеніямъ, къ воскресной работѣ, обезпечивается для празднованія каждое второе воскресенье, а вмѣсто проработаннаго воскресенья—свободный день въ теченіе недѣли.

5) Со стороны предпринимателей не должны, ни подъ какимъ видомъ, налагаться на рабочихъ обязательства воскреснаго или праздничнаго труда; всякія такія сдѣлки не имѣютъ обязательно-правовой силы.

По каждому пункту программы организаціоннымъ комитетомъ были назначены два реферата, одинъ на нѣмецкомъ языкѣ, другой на французскомъ. Такъ какъ оба такихъ реферата въ существенныхъ частяхъ совпадали, то для насъ будетъ достаточно привести изъ обоихъ самыя существенныя мысли. Второй пунктъ программы былъ посвященъ разсмотрѣнію дѣтскаго труда, о чемъ исчерпывающимъ образомъ реферировалъ дѣтскій врачъ въ Бернѣ д-ръ Герингъ. По его словамъ, фабричная работа дѣтей существовала уже въ 17 и 18-мъ вѣкахъ, но только въ 19-мъ столѣтіи она достигла такихъ размѣровъ, что понадобились государственныя мѣропріятія противъ ея гибельныхъ послѣдствій. Англія и Бельгія сдѣлали въ этомъ отношеніи первые шаги. Наука совершенно согласна насчетъ послѣдствій дѣтскаго труда, но законодательство осталось далеко позади требованій гигіены. Этотъ предметъ еще и по сіе время во многихъ случаяхъ предоставляется на произволъ частнаго усмотрѣнія. Между тѣмъ эксплуатація дѣтскаго труда идетъ лишь на пользу частной предпріимчивости: она давитъ на заработную плату взрослыхъ лицъ, такъ что семья при кажущемся заработкѣ дѣтей живетъ, въ сущности, не лучше, а много хуже. Дальнѣйшимъ роковымъ послѣдствіемъ дѣтскаго труда является переутомленіе, дѣтскій организмъ не въ силахъ бываетъ освободиться отъ впитавшихся въ него ядовитыхъ отбросовъ, газовъ и пр. Это ведетъ къ тѣлеснымъ поврежденіямъ и опаснымъ психозамъ. Все развитіе дитяти принимаетъ ненормальный ходъ. Цѣлый рядъ болѣзней, возникающихъ раньше или позже, можетъ быть сведенъ къ чрезмѣрной работѣ дѣтей.

Современное законодательство различныхъ странъ въ различныхъ степеняхъ ограничиваетъ дѣтскій трудъ. Во Франціи дѣти моложе 13 лѣтъ, въ Германіи — моложе 14 лѣтъ, въ Бельгіи—моложе 12 лѣтъ, въ Англіи—моложе 11 лѣтъ, вообще, не допускаются къ работѣ на фабрикахъ. Относительно продолжительности работы

дѣтей, французскій законъ предписываетъ, что дѣти моложе 16 лѣтъ работаютъ не болѣе 10 часовъ въ сутки, въ возрастѣ отъ 16 до 18 лѣтъ—не болѣе 11 часовъ. Запрещеніе ночной работы дѣтей проведено въ цѣломъ рядѣ странъ, только Бельгія, Италія и Испанія отстали на этомъ пути. Но все сдѣланное въ этомъ отношеніи представляетъ еще въ значительной степени не болѣе какъ компромиссы. Дѣйствительное ограниченіе дѣтскаго труда заключается въ общемъ, обязательномъ школьномъ образованіи, которое, какъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, длится вплоть до 15-го года. Изъ тѣхъ требованій, которыя школа ставитъ къ дѣтямъ, можно вывести и maximum дозволенной дѣтской работы. Въ школахъ этотъ maximum равняется 6 часамъ. Но гигіеническія условія школы: паузы между уроками, удобныя скамьи и пр. — все это стоитъ выше условій работы на фабрикахъ. Поэтому д-ръ Герингъ полагаетъ, что работа дѣтей въ возрастѣ до 15 лѣтъ не должна превышать 4 часовъ въ сутки. Самымъ же раціональнымъ средствомъ является введеніе обязательнаго обученія по крайней мѣрѣ до 15-лѣтняго возраста и, тѣмъ самымъ,—совершенное воспрещеніе работы дѣтей въ этомъ возрастѣ. Охрана подростковъ въ возрастѣ отъ 15 до 19 лѣтъ еще оставляетъ многаго желать. Между тѣмъ возрастъ возмужанія и созрѣванія самый чувствительный ко всякаго рода тѣлеснымъ поврежденіямъ. Только съ 20 лѣтняго возраста нормальный рабочій день является безвреднымъ, для 16—19 лѣтнихъ подростковъ maximum работы не долженъ превышать 7 часовъ.

Слѣдующіе четыре тезиса комиссіонныхъ резолюцій были приняты конгрессомъ по выслушаніи рефератовъ и послѣ слѣдовавшей затѣмъ дискуссіи:

1. Дѣтямъ моложе 15 лѣтъ воспрещается всякая промышленная дѣятельность. До 15 лѣтъ включительно всѣ дѣти обязаны посѣщать народную школу.

2. Подростки и ученики въ возрастѣ отъ 15 до 18 лѣтъ могутъ работать не свыше 8 часовъ въ сутки, послѣ 4 часовъ работы должна быть сдѣлана пауза не менѣе 1½ часовъ.

3. Въ теченіе этой работы ученикамъ и подросткамъ должно быть предоставлено необходимое время для посѣщенія общихъ или профессіональныхъ учрежденій внѣшкольнаго образованія.

4. Подросткамъ и ученикамъ безусловно воспрещается всякая промышленная работа въ воскресные и праздничные дни.

Пунктъ 1 слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что дѣтямъ воспрещается также и работа въ такъ называемой домашней индустріи, а пунктъ 3—въ томъ смыслѣ, что учебное время не должно быть перенесено на вечеръ, когда утомленный отъ работы подростокъ или ученикъ не въ состояніи воспринимать образовательную пищу.

Перейдемъ къ третьему реферату конгресса, къ реферату цю-

рихскаго судьи г. Отто Ланга о работѣ взрослыхъ мужчинъ. Мы видѣли выше, что этотъ пунктъ не значится въ программѣ берлинской конференціи 1890 года, но неоднократно дебатировался на другихъ конгрессахъ заинтересованныхъ слоевъ. Опасеніе, что сокращеніе рабочаго времени должно быть куплено цѣною сокращенія заработной платы, опровергнуто данными опыта; мы встрѣчаемъ продолжительный рабочій день именно тамъ, гдѣ существуетъ низкая заработная плата. Далѣе все болѣе распространяется убѣжденіе, что для обезпеченія выгодъ сокращеннаго рабочаго дня необходимо его законодательное установленіе. Правда, профессіональнымъ организаціямъ (Gewerkschaften) удалось во многихъ случаяхъ добиться для извѣстныхъ мѣстностей и промышленныхъ отраслей сокращенія рабочаго дня, но организованные въ этихъ Gewerkschaften рабочіе все еще составляютъ сравнительно небольшую долю рабочихъ вообще. Опытъ требуетъ международнаго законодательства для защиты труда. Если различныя правительства утверждали, что изъ соображеній конкурренціи они не могутъ самостоятельно предпринимать соціальныя реформы, то основательность этого довода не подлежала никакому сомнѣнію. Правда, результаты, добытые Швейцаріей съ 1887 года въ ея вывозной промышленности, могли бы нѣсколько ослабить этотъ доводъ, но все-же усилія къ сокращенію рабочаго времени должны дѣлаться во всѣхъ странахъ, такъ какъ только международное законодательство способно обезпечить благодѣтельное вліяніе такихъ мѣропріятій.

При законодательномъ регулированіи труда взрослыхъ мужчинъ возникаютъ разнаго рода вопросы. Прежде всего надлежитъ рѣшить, въ какомъ возрастѣ приходится полагать границу между подростками и взрослыми рабочими. Швейцарскій фабричный законъ причисляетъ молодыхъ людей моложе 18 лѣтъ къ подросткамъ. Международный конгрессъ въ Парижѣ въ 1889 г. также останавливался на этой границѣ, точно также австрійское и англійское законодательства. Много важнѣе вопросъ, какую продолжительность слѣдуетъ признать за максимальнымъ рабочимъ днемъ. Швейцарское и австрійское законодательства установили 11 часовой maximum. Во многихъ отрасляхъ и мѣстностяхъ Германіи, Франціи и Англіи фактическая продолжительность рабочаго времени меньше 11 часовъ, точно также и въ Швейцаріи только приблизительно половина всѣхъ подлежащихъ дѣйствію фабричнаго закона рабочихъ знаетъ 11 часовой maximum; для другихъ онъ сводится на $10^1/_2$, 10, $9^1/_2$ и 9 часовъ. Съ другой стороны, мы находимъ повсюду въ Австріи и Швейцаріи, въ тѣхъ отрасляхъ, которыя не подлежатъ дѣйствію рабочаго законодательства, 12—15 часовую и даже большую продолжительность рабочаго времени.

Референтъ держится того мнѣнія, что задачей конгресса не можетъ быть постановка утопическихъ требованій, что онъ не долженъ выходить за предѣлы практически достижимаго. Восьмичасовой

рабочій день представляется вполнѣ достижимой цѣлью; въ болѣе широкомъ объемѣ эта норма проведена покуда только въ Австраліи и Америкѣ, но и на европейскомъ континентѣ существуетъ цѣлый рядъ промысловъ, съ успѣхомъ практикующихъ восьмичасовой рабочій день. Постепенное распространеніе этой нормы на всѣ промыслы представляется вполнѣ возможнымъ. Прежде всего приходятъ въ этомъ отношеніи въ разсчетъ такъ называемыя промышленныя предпріятія. Изъятыми остаются сельское хозяйство и торговля. Законодательство должно считаться со всякаго рода особенностями и потому можетъ устанавливать извѣстный maximum сверхчасовой работы; съ другой стороны въ различныхъ отрасляхъ, смотря по потребности, продолжительность работы можетъ колебаться различнымъ образомъ, но не должна выходить за норму максимальнаго рабочаго дня.

Возможность практическаго проведеніи максимальнаго—спеціально восьмичасоваго рабочаго дня доказывается обыкновенно двумя способами: теоретическими вычисленіями и указаніями на опытъ. Эта индуктивная аргументація, съ накопленіемъ въ послѣднее время точнаго и надежнаго опыта, пріобрѣла теперь вполнѣ убѣдительную силу. Исторія труда показываетъ безпрерывную тенденцію къ постепенному сокращенію рабочаго времени. Это справедливо не только относительно работы дѣтей и женщинъ, но и взрослыхъ рабочихъ. Нѣтъ никакого смысла предположить, что этотъ процессъ развитія вдругъ пріостановится. Прогрессивное улучшеніе рабочихъ методовъ, увеличеніе снаровки и приспособленности рабочихъ, непрекращающіеся успѣхи въ господствѣ надъ силами природы—все это создаетъ еще небывалыя условія для сокращенія рабочаго времени; съ другой стороны законодательныя мѣры въ направленіи такого сокращенія даютъ новые толчки для усовершенствованія техники.

Исходя изъ этихъ соображеній, цюрихскій конгрессъ пришелъ къ слѣдующимъ резолюціямъ:

1. Международный конгрессъ для защиты труда считаетъ настоятельной потребностью введеніе закономъ установленнаго максимальнаго рабочаго дня для всѣхъ лицъ, занятыхъ въ промышленности, торговлѣ, въ отрасляхъ, служащихъ для путей сообщенія и сношенія, въ сельско-хозяйственныхъ крупныхъ промыслахъ, въ казенныхъ и общественныхъ промыслахъ. Для сельскаго хозяйства во время жатвы допускаются исключенія.

2. Конгрессъ полагаетъ, что при современномъ состояніи техники и послѣ того, какъ въ различныхъ промыслахъ и странахъ сокращеніе рабочаго времени до 9 и 8 часовъ увѣнчалось успѣхами, законодательство должно поставить себѣ цѣлью восьмичасовой рабочій день.

3. Тамъ, гдѣ переходъ къ восьмичасовому рабочему дню является въ настоящее время невозможнымъ, надлежитъ приближаться

къ нему путемъ установленія возможно болѣе близкаго къ 8 часамъ максимальнаго рабочаго дня.

3. Законодательству надлежитъ, за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, установить для всѣхъ промысловъ одну и ту же максимальную норму.

5. Поскольку законодательство найдетъ нужнымъ допускать уклоненія отъ максимальнаго рабочаго времени, условія такихъ уклоненій должны быть точно означены въ самомъ законѣ, а допустимая максимальная продолжительность т. н. сверхчасовой работы должна быть установлена по опредѣленнымъ часамъ дня и временамъ года.

Въ наше время, какъ извѣстно, въ обычай вошли спеціально женскіе конгрессы. Случается даже, что во главѣ смѣшанныхъ конгрессовъ стоятъ женщины; припомнимъ хотя бы баронессу фонъ-Сутнеръ съ ея пропагандой мира. Наконецъ, ни одинъ научный или политическій конгрессъ не обходится безъ женщинъ. Онѣ хотятъ, чтобы ихъ слушали и говорили о нихъ. А такъ какъ много столѣтій подрядъ къ ихъ совѣтамъ въ общественныхъ дѣлахъ не прислушивались и всего менѣе говорили о нихъ на конгрессахъ, то тѣмъ настойчивѣе требуютъ онѣ теперь вниманія къ себѣ. Неудивительно поэтому, что и цюрихскій конгрессъ поставилъ въ программу своихъ занятій вопросъ о женскомъ трудѣ и что въ работахъ конгресса женщины принимали очень дѣятельное участіе. На конгрессѣ, гдѣ свѣтскія и духовныя лица, либеральные, демократическіе, католическіе, христіански-соціальные, націоналъ-соціальные, антисемитическіе и прочіе элементы соединились для общаго дѣла, женщинамъ вдвойнѣ трудно было отстоять свое женское дѣло. И онѣ дѣлали это не безъ таланта и энергіи.

Какъ по каждому пункту, такъ и по вопросу о женскомъ трудѣ, было два референта. Я отмѣчу лишь рефератъ, прочитанный дамой. Это еще молодая дѣвушка, дочь извѣстнаго уже намъ папа Гройлиха. Имя госпожи Гройлихъ встрѣчалось уже много разъ въ печати, но тамъ были лишь лестные отзывы о ней, какъ о художницѣ. Въ качествѣ публичной докладчицы, она впервые дебютировала на цюрихскомъ конгрессѣ. Она художница, но и сама могла бы фигурировать на заглавныхъ листахъ современныхъ художественныхъ журналовъ: худенькое, совсѣмъ не тѣлесное созданіе, съ нервнымъ маленькимъ личикомъ и съ простой, но изящной прической волосъ. Во всѣхъ движеніяхъ виденъ художественный вкусъ и чувство мѣры... Ея рефератъ ограничивается сопоставленіемъ главнѣйшихъ моментовъ женскаго вопроса. Она констатируетъ фактъ все усиливающейся охраны женскаго труда правительствами всѣхъ странъ. Современная промышленность интернаціональна, она требуетъ поэтому и международной защиты женщинъ. Про-

мышленныя работницы становятся все большей угрозой семьѣ, эту угрозу можно смягчить увеличеніемъ цѣнности мужского труда. Особенно ненормальныя условія господствуютъ теперь въ отрасляхъ мелкой промышленности, въ швейномъ промыслѣ, въ домашней индустріи и пр. По окончаніи фабричной работы работа женщины еще не прекращается: ее ждутъ всякія домашнія заботы. Отсюда г-жа Гройлихъ также приходитъ къ требованію половины субботняго дня въ пользу женщинъ. Она настаиваетъ еще спеціально на принципѣ равной платы за равный трудъ мужчинъ и женщинъ. Это требованіе впервые было поставлено въ Америкѣ и съ тѣхъ поръ пріобрѣтаетъ все большую популярность. Въ высшей степени важно и необходимо охранять женщинъ въ особенно критическіе періоды ихъ жизни, во время беременности, нѣсколько времени до и послѣ родовъ. Затраты на такую охрану невелики, а выгоды отъ нея для общества и государства неисчислимы...

Послѣ спокойнаго реферата г-жи Гройлихъ на трибуну вошелъ одинъ бельгійскій ораторъ, еще сравнительно молодой дѣятель христіански-соціальной партіи, д-ръ Картонъ-де-Віаръ. Онъ разражается горячей филиппикой и заявляетъ, что современная эксплуатація женскаго труда есть вопіющее зло и смертный грѣхъ противъ женской натуры. Даже самая легкая фабричная работа должна быть признана гибельной для женщинъ: она разрушаетъ ихъ нервы и здоровье. Женщина должна быть матерью, она должна быть возвращена семьѣ и домашнему хозяйству. На этомъ основаніи онъ требуетъ постепеннаго удаленія женщинъ изъ всѣхъ отраслей крупной промышленности и, тѣмъ самымъ, упраздненія ихъ конкурренціи съ мужчинами.

Это предложеніе было сигналомъ къ жестокой схваткѣ. Одна за другой выступаютъ женскіе члены конгресса и всѣ онѣ протестуютъ противъ лишенія ихъ права на трудъ. Въ собраніи слышится сильное оживленіе, когда президентъ называетъ имя г-жи Браунъ. Это дочь прусскаго генерала фонъ-Кречмера, впослѣдствіи самоотверженная жена покойнаго калѣки-профессора Гижицкаго, а теперь счастливая супруга редактора-издателя Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik, д-ра Гейнриха Брауна. Тихой, нѣсколько торжественной поступью подымается эта красивая женщина на трибуну и безъ паѳоса и жестикуляцій, но съ большой отчетливостью начинаетъ возражать Картонъ-де-Віару: «..Мы, женщины, стоящія въ первыхъ рядахъ современнаго движенія, также требуемъ защиты женскаго труда тамъ, гдѣ онъ является вреднымъ, но намъ въ голову не приходитъ требовать совершеннаго упраздненія труда женщинъ. Женщина, прежде всего, человѣкъ и имѣетъ право на самостоятельность. Чтобы быть матеріально независимымъ, необходимо сокращеніе рабочаго времени, но не запрещеніе работы вообще. Трудъ освобождаетъ человѣка и духовно... Каковы были бы послѣдствія предложеннаго г. де-Віаромъ

запрещенія женскаго труда въ крупныхъ промыслахъ? Ничто иное, какъ расцвѣтъ болѣе гибельной домашней индустріи и превращеніе семейнаго очага въ мастерскую... Запрещеніе женскаго труда было бы кромѣ того преміей на конкубинатъ, оно служило бы для многихъ рабочихъ препятствіемъ къ женитьбѣ; оно было бы далѣе преміей на развратъ, на проституцію...»

Австрійская баронесса Фогельзангъ, среднихъ лѣтъ женщина съ нѣсколько надорванными силами, скорбитъ о томъ, что такая масса женщинъ оторвана отъ семьи и брошена въ водоворотъ современной капиталистической горячки. Онъ требуетъ преимущественной охраны женскаго труда, такъ какъ женщина по природѣ слабѣе мужчины. Есть, говоритъ она, исключительныя женскія натуры, способныя на сверхчеловѣческія усилія. За примѣромъ нечего далеко ходить: это Клара Цеткинъ!...

Это не было преувеличеніемъ со стороны баронессы. Клара Цеткинъ редактируетъ въ настоящее время въ Штутгартѣ женскую газету «Die Gleichheit» и является самой выдающейся представительницей современнаго женскаго движенія. Ей теперь лѣтъ 35, и она прошла трудную, полную лишеній жизни. Тѣмъ, что она есть теперь, она сдѣлалась благодаря своему дѣйствительно сверхчеловѣческому прилежанію.

Она была первоначально швеей. Неугомонная жажда знанія и образованія не оставляла ее въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока она не скопила отъ своей работы сумму, необходимую для поступленія въ учительскій семинаръ. По выдержаніи экзамена она сдѣлалась народной учительницей. Въ началѣ 80-хъ годовъ она вышла замужъ за Цеткина, съ которымъ переселилась въ Парижъ. Вскорѣ ея мужъ заболѣлъ и умеръ черезъ два года послѣ женитьбы. Всѣ заботы по уходѣ за больнымъ мужемъ и двумя малыми дѣтьми лежали бременемъ на молодой женщинѣ, которая день и ночь работала, чтобы поддержать семью. Послѣ смерти мужа она еще нѣкоторое время жила въ Парижѣ, занимаясь литературной работой, затѣмъ вернулась въ Германію и, наконецъ, поселилась въ Штутгартѣ. Клара Цеткинъ вполнѣ самоучка. Ея превосходныя знанія нѣмецкаго, французскаго и англійскаго языковъ сдѣлали ее незамѣнимой переводчицей на конгрессахъ. Ея ораторскія способности необыкновенны. Когда она на многолюдныхъ собраніяхъ начнетъ свою рѣчь словами: Genossinen und Genossen!—и часъ-два съ лишкомъ говоритъ въ самомъ верхнемъ регистрѣ, безъ передышки, безъ всякихъ замѣтокъ въ рукѣ, но съ массою цифръ и фактическаго матеріала,—тогда, слушая ее, вы не можете не сказать вмѣстѣ съ баронессой: да, это исключительное явленіе!

Я не могу забыть здѣсь кроткую и добрую печальницу «меньшей сестры», супругу «тайнаго санитарнаго совѣтника» г-жу Марію Штритъ; нѣсколько комическую фигуру M-me Bonnevial, немного зацвѣтшую француженку, но француженку во что бы то ни

стало. Я упомяну наконецъ олимпійски спокойныхъ, граціозныхъ и уравновѣшенныхъ англичанокъ, и ими завершу галлерею женщинъ конгресса...

Резолюціи, принятыя конгрессомъ по вопросу о женскомъ трудѣ, гласятъ слѣдующимъ образомъ:

1) Конгрессъ требуетъ широкой и раціональной защиты всѣхъ лицъ женскаго пола, занятыхъ въ крупной и мелкой индустріи, въ торговлѣ, въ транспортномъ дѣлѣ и въ домашней промышленности.

2) Какъ основаніе этой защиты конгрессъ требуетъ максимальнаго рабочаго дня въ 8 часовъ и 44 часа работы въ недѣлю. Рабочее время должно въ субботу въ 12 ч. дня прекращаться, чтобы обезпечить женщинамъ, по крайней мѣрѣ, 42 часовую паузу безпрерывнаго отдыха до понедѣльника.

3) Конгрессъ требуетъ строгаго запрещенія обычая, въ силу котораго работницамъ и служащимъ женскаго пола дается еще работа на домъ.

4) До родовъ роженицы не должны быть заняты въ фабрично-заводскихъ промыслахъ въ теченіе восьми недѣль; послѣ родовъ— не менѣе 6 недѣль.

5) Всѣ законы и постановленія, ставящіе сельско-хозяйственныхъ работницъ (и работниковъ) въ исключительное положеніе сравнительно съ другими категоріями трудящихся (устарѣлые уставы о домашней прислугѣ, запрещеніе права ферейновъ и собраній), должны быть упразднены и вмѣсто нихъ изданы законы, соотвѣтственно настоящимъ резолюціямъ.

6) Исходя изъ того соображенія, что ограниченіе домашней индустріи во всѣхъ ея формахъ вытекаетъ изъ потребностей народной гигіены и профессіональной организаціи трудящихся, конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы этотъ пунктъ, въ связи съ вопросомъ о рабочихъ жилищахъ, былъ поставленъ на очередь дѣла слѣдующаго конгресса въ интересахъ болѣе всесторонняго обсужденія.

7) Конгрессъ высказывается за равную заработную плату женщинамъ при равномъ трудѣ и вмѣняетъ въ обязанность делегатамъ воздѣйствовать въ этомъ смыслѣ на общественное мнѣніе и на законодательство.

Мнѣ жаль, что о чрезвычайно содержательномъ докладѣ извѣстнаго гигіениста проф. Эрисмана я вынужденъ упомянуть въ такой же сжатой формѣ. Почтенный ученый говорилъ о ночномъ трудѣ и о трудѣ во вредныхъ для здоровья промыслахъ. Лишь въ 70-хъ годахъ было положено начало ограниченію ночного труда. Подъ защиту были послѣдовательно поставлены дѣти, женщины и взрослые мужчины. Въ общемъ законодательства въ этомъ отношеніи различны и недостаточно полны; взрослые мужчины охраняются отъ ночной работы покуда въ одной Швейцаріи. Возрастъ подростковъ, допускаемыхъ къ ночной работѣ, въ большинствѣ странъ еще

очень низкій, обыкновенно 16 лѣтъ. Съ гигіенической точки зрѣнія ночная работа должна быть признана вредной для всѣхъ и каждаго: она разрушаетъ нервную систему, вызываетъ постоянную усталость, раздражительность, повреждение органовъ пищеваренія и пр.

Проф. Эрисманъ полагаетъ, что ночная работа, т. е. работа между 8 ч. вечера и 6 ч. утра должна быть воспрещена для рабочихъ всякаго возраста и пола. Исключенія могутъ быть дѣлаемы только для взрослыхъ мужчинъ и только для тѣхъ отраслей промышленности, которыя, по техническимъ причинамъ, зависятъ отъ безпрерывнаго процесса производства и должны быть точно обозначены въ законѣ. Сверхчасовая работа не должна быть дозволена дѣтямъ, подросткамъ обоего пола ниже 18 лѣтъ, а также и женщинамъ. Для взрослыхъ мужчинъ она въ видѣ исключенія допустима, но такая работа не должна распространяться на тѣ часы, которые по закону принадлежатъ къ ночному времени. Въ видѣ исключенія преходящее удлиненіе рабочаго времени допускается, когда данное предпріятіе подверглось какимъ нибудь особеннымъ несчастнымъ случайностямъ, причинившимъ хозяину большія потери. Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которыя по своей природѣ функціонируютъ безпрерывно, должны быть установлены три смѣны, а для воскресенья должна быть особая резервная смѣна.

Переходя къ труду въ опасныхъ для здоровья промыслахъ, проф. Эрисманъ отмѣчаетъ, главнымъ образомъ, промыслы, связанные съ образованіями особенно вредной пыли, разрушающей дыхательные органы. Всѣхъ вреднѣе металлическая пыль, менѣе вредна пыль отъ животныхъ и растительныхъ продуктовъ. Статистика показываетъ поразительную смертность между, такъ называемыми, пыльными рабочими (Staubarbeiter), имъ суждена лишь краткая рабочая пора, обыкновенно они долго хвораютъ и умираютъ отъ чахотки. Еще хуже участь рабочихъ въ тѣхъ промыслахъ, которые выдѣляютъ ядовитые газы: ртутные, фосфорическіе. Въ настоящее время, къ счастью, серебро все болѣе приходитъ на смѣну ртути въ зеркальномъ производствѣ. Примѣненіе же фосфора все еще дѣлается въ ужасныхъ размѣрахъ и гибельнымъ образомъ отзывается особенно на рабочихъ, занятыхъ производствомъ сѣрныхъ спичекъ.

Профессоръ приходитъ къ слѣдующимъ тезисамъ, принятымъ конгрессомъ:

1) Разрѣшеніе властей на открытіе опасныхъ для здоровья промысловъ должно послѣдовать лишь тогда, если приняты всѣ закономъ предписанныя мѣры для устраненія вредныхъ сторонъ такихъ промысловъ. Въ особенности надлежитъ требовать, чтобы все устройство предпріятія насколько возможно препятствовало проникновенію вредныхъ элементовъ въ рабочее помѣщеніе.

2) Дѣти, подростки моложе 18 лѣтъ и женщины не должны до-

пускаться къ работѣ въ опасныхъ для здоровья промыслахъ и въ горныхъ рудникахъ. Это воспрещеніе должно быть абсолютнымъ.

3) Въ опасныхъ для здоровья промыслахъ денное рабочее время должно быть установлено ниже закономъ опредѣленнаго максимальнаго рабочаго дня, причемъ сокращеніе рабочаго времени должно сообразоваться со степенью опасности для здоровья даннаго промысла, а рабочее время ни въ какомъ случаѣ не должно превышать 8 часовъ въ день.

4) Въ опасныхъ для здоровья промыслахъ надлежитъ установить періодическое врачебное изслѣдованіе состоянія здоровья рабочихъ.

5) За поврежденіе здоровья и жизни, проистекающее отъ занятій въ опасныхъ для здоровья промыслахъ, отвѣтственность лежитъ на предпринимателѣ.

6) При чрезвычайной опасности извѣстной отрасли промышленности примѣненіе вредной матеріи должно быть совершенно воспрещено.

Мнѣ остается еще упомянуть кратко о послѣднихъ пунктахъ программы цюрихскаго конгресса: 1) о средствахъ и путяхъ къ осуществленію международной защиты труда, и 2) о международномъ бюро труда. Что касается перваго пункта, то рѣчь можетъ идти лишь объ устномъ и письменномъ распространеніи, о вліяніи на законодательство, о пропагандѣ указанныхъ требованій во время выборовъ и т. п. Международное бюро будетъ, по мысли конгресса, учреждено тотчасъ, какъ обезпечено будетъ сочувствіе, по крайней мѣрѣ, трехъ европейскихъ государствъ. Это бюро будетъ средоточіемъ для всѣхъ работъ (собраніе матеріала, сравнительная обработка его, соціально-политическая статистика и пр.), относящихся къ области международной защиты труда. На бюро будетъ также лежать созывъ конгрессовъ и отчетность о ходѣ рабочаго законодательства. Мѣстонахожденіемъ бюро будетъ Брюссель или Цюрихъ.

Конгрессъ въ заключеніе своихъ работъ выражаетъ благодарность швейцарскому правительству за его неоднократныя усилія въ возбужденіи международныхъ переговоровъ по защитѣ труда и проситъ его въ настоящій благопріятный моментъ снова войти въ такіе переговоры съ европейскими правительствами.

Одинъ изъ раввиновъ, бывшихъ на базельскомъ конгрессѣ сіонистовъ, будучи пораженъ энтузіазмомъ собранія, воскликнулъ: «мы слишкомъ умаляли интенсивность сіонистской идеи, мы имѣли недостаточное представленіе о размѣрахъ сіонистскаго движенія!..» Признаюсь, я имѣлъ объ этотъ движеніи, быть можетъ, еще меньшее представленіе, чѣмъ изумленный раввинъ. Въ виду этого я и поѣхалъ изъ Цюриха въ Базель.

Впрочемъ, еще за нѣсколько мѣсяцевъ до базельскаго конгресса.

мое вниманіе было привлечено полемикой, происходившей въ нѣмецкой печати по поводу предстоявшаго тогда конгресса. Первоначально конгрессъ предполагалъ собраться въ Мюнхенѣ, но нѣмецкіе раввины, за немногими исключеніями, противники сіонистскаго движенія и всѣми средствами мѣшали конгрессу собраться на германской почвѣ. Разсказываютъ, что въ Мюнхенѣ сіонистамъ не удалось найти для конгресса ни одного приличнаго помѣщенія. Пришлось еврейскій конгрессъ собрать въ такой городъ, гдѣ почти нѣтъ евреевъ.

Начало сіонизма относятъ чуть ли не къ моменту, непосредственно слѣдовавшему за разрушеніемъ іудейскаго царства. Почти два тысячелѣтія не перестаетъ лелѣяться надежда на возстановленіе національной самостоятельности, на возвращеніе евреевъ въ обѣтованный край. Эти два тысячелѣтія евреи провели разсѣянными среди чужихъ народовъ, не на своей почвѣ. Это было время жестокихъ бѣдствій, противъ которыхъ глубокая вѣра въ наступленіе блаженнаго будущаго была несомнѣнно очень сильнымъ противовѣсомъ. Когда въ концѣ прошлаго вѣка и особенно въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія начала нѣсколько смягчаться участь еврейства и одно государство за другимъ прокламировало равноправность всѣхъ исповѣданій, то тяготѣніе евреевъ къ горѣ Сіону, казалось, нѣсколько начало ослабѣвать. Возродилась надежда на избавленіе и внѣ Палестины. Эмансипація евреевъ требовала ихъ полнаго слиянія, ассимиляціи съ остальнымъ населеніемъ. Это требованіе находило со стороны еврейства полное удовлетвореніе, и въ этомъ новомъ лозунгѣ: ассимиляція! усматривалось какъ бы начало новой эры, когда всѣ люди станутъ братья, и не будетъ ни эллиновъ ни іудеевъ. Но не долго продолжалось это ликованіе. На аренѣ общественной жизни показалось страшное чудовище: антисемитизмъ. Въ процессѣ ассимиляціи не только наступилъ болѣе медленный темпъ, но вмѣсто прежняго лозунга раздался со многихъ сторонъ новый пароль: послѣдовательная, неукоснительная приверженность къ еврейской національности, возстановленіе стараго іудейскаго національнаго государства.

Первоначально еще мало замѣтное движеніе начало разростаться особенно въ 80-хъ годахъ. Начали формироваться особые сіонистскіе кружки, нашедшіе литературную формулировку своихъ стремленій въ извѣстной брошюрѣ одесскаго врача Пинскера «Auto-Emancipation». Тѣмъ временемъ дальнѣйшія судьбы еврейства въ различныхъ странахъ способны были лишь подогрѣвать въ немъ оптимистическія симпатіи палестинства. Достаточно упомянуть изувѣрство штеккеровской пропаганды и послѣдовавшаго за тѣмъ антисемитическаго авантюризма Альвардтовъ, Либерманъ-фонъ-Зонненберговъ въ Германіи, далѣе неслыханныя антисемитическія оргіи въ Вѣнѣ, подъ предводительствомъ ея городского головы Луигера, чтобы понять, что и у такихъ благополучныхъ израилитовъ, какъ

редакторъ вѣнской «Neue Freie Presse» д-ръ Теодоръ Герцль и извѣстный авторъ «Парадоксовъ» Максъ Нордау, лопнуло терпѣніе и загорѣлось желаніе спастись въ страну Ханаана.

Читателямъ «Русскаго Богатства» извѣстно изъ одного австрійскаго письма г. Василевскаго содержаніе надѣлавшей много шуму книжки д-ра Герцля «Der Judenstaat». Эта книжка появилась въ самый разгаръ австрійскаго антисемитизма и была со стороны евреевъ встрѣчена съ нескрываемымъ восторгомъ. Въ трудную годину помраченія умовъ талантливый авторъ съумѣлъ набросать картину грандіозной перспективы: колонизація Палестины евреями тѣхъ странъ, въ которыхъ они по существующимъ законамъ не могутъ ассимилироваться съ прочимъ населеніемъ, далѣе основаніе сюзереннаго еврейскаго государства подъ протекторатомъ Турціи. Финансовая сторона всего этого предпріятія была вычислена до послѣднихъ деталей.

Движеніе, вызванное грандіознымъ проектомъ д-ра Герцля, встрѣтило вскорѣ сильную оппозицію со стороны еврейской буржуазіи нѣмецкихъ странъ и ея духовныхъ вождей—нѣмецкихъ раввиновъ. Этой буржуазіи живется привольно среди всѣхъ націй, а ея раввины проповѣдуютъ съ амвона, что нѣтъ еврейской націи. Въ этихъ слояхъ опасались, что сіонистское движеніе снова раздуетъ пламя антисемититизма и зависти и ухудшитъ положеніе евреевъ даже тамъ, гдѣ, какъ во Франціи, Англіи, Италіи и Америкѣ, евреямъ живется покойно. Союзъ нѣмецкихъ раввиновъ опубликовалъ мѣсяца 2—3 тому назадъ протестъ противъ сіонистскаго движенія, указывая на то, что его стремленія основать въ Палестинѣ національное іудейское государство противорѣчатъ мессіанскимъ завѣтамъ іудейства. Эти завѣты заложены въ священныхъ книгахъ, предписывающихъ послѣдователямъ іудейства быть преданными тому отечеству, которому они принадлежатъ, и всѣми силами содѣйствовать его національнымъ интересамъ. Съ этими обязательствами не находятся де ни въ какомъ противорѣчіи тѣ стремленія, которыя направлены къ колонизаціи Палестины еврейскими хлѣбопашцами, независимо отъ всякихъ плановъ національнаго государства.

Сіонисты не остались въ долгу и отвѣтили раввинамъ: это не вѣрно, что сіонистскія стремленія противорѣчатъ мессіанскимъ завѣтамъ; такой авторитетъ, какъ рабби Калишеръ, доказываетъ противное. Съ ученіями іудейства сіонистскія стремленія не имѣютъ ничего общаго; они, прежде всего, направлены на устраненіе ненормальнаго положенія еврейства. Сіонисты отвергаютъ далѣе съ возмущеніемъ упрекъ раввиновъ, сдѣланный подъ прикрытіемъ особеннаго патріотизма, что сіонистское движеніе препятствуетъ будто бы его сторонникамъ исполнять всѣ государственныя и гражданскія повинности. Сіонисты, наконецъ, также берутъ подъ свою за-

щиту колонизацію Палестины, хотя не отожествляютъ съ этимъ основныхъ своихъ стремленій.

На состоявшейся въ іюлѣ этого года конференціи «нѣмецкихъ сіонистовъ» было постановлено организоваться въ общество и принять участіе въ «міровомъ конгрессѣ» въ Базелѣ.

Въ просторномъ залѣ базельскаго Казино я нашелъ собраніе человѣкъ болѣе двухъ сотъ, явившихся делегатами отъ сіонистскихъ организацій, еврейскихъ общинъ всѣхъ частей свѣта до самой Палестины включительно. Здѣсь было и много гостей обоего пола, студенческой молодежи. Если бы не нѣсколько талмудическихъ фигуръ въ длинныхъ мантіяхъ и ермолкахъ на головѣ, то на первый взглядъ трудно было бы предположить, что это еврейскій конгрессъ, что это конгрессъ вообще. Большинство членовъ конгресса было во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, съ шести или восьмиконечными ленточными значками въ петлицахъ, которые должны были означать гербъ царя Давида. На трибунѣ расположились въ рядъ человѣкъ десять членовъ комитета, среди которыхъ можно было видѣть и двухъ русско-еврейскихъ дѣятелей съ крупными инженерскими значками на груди. Замѣчу тутъ-же, что на конгрессѣ совершенно отсутствовали тѣ слои еврейскаго народа, которые, казалось бы, прежде всего нужны для сіонистскаго предпріятія: отсутствовали—денежная еврейская аристократія и еврейскій пролетаріатъ. Здѣсь были почти исключительно представители средняго класса еврейской интеллигенціи: врачи, адвокаты, инженеры, писатели, журналисты и студенты. Публика была такимъ образомъ чистая, европейски просвѣщенная. Само собою разумѣется, что среди этой публики каждый, прежде всего, искалъ тѣхъ лицъ, которыя такимъ непостижимымъ образомъ очутились во главѣ сіонистскаго движенія:—д-ровъ Герцля и Нордау. Имя послѣдняго хорошо всѣмъ извѣстно. Что касается д-ра Герцля, то это еще молодой человѣкъ—лѣтъ 35, красивый брюнетъ, съ изящными манерами. Я знаю о немъ только, что онъ нѣсколько лѣтъ былъ парижскимъ корреспондентомъ вѣнской «Neue Freie Presse» и теперь состоитъ однимъ изъ ея редакторовъ. Свои наблюденія надъ французской жизнью и свои впечатлѣнія, собранныя въ кулуарахъ французскаго парламента, онъ изложилъ въ блестяще написанной книгѣ «Das Palais Bourbon». Затѣмъ извѣстно еще, что онъ недавно имѣлъ личную аудіенцію у турецкаго султана, изъ которой, очевидно, вынесъ нѣкоторое подкрѣпленіе своихъ сіонистскихъ плановъ.

Я обойду вступительную рѣчь д-ра Герцля и отмѣчу нѣсколько мыслей изъ рѣчи Макса Нордау, говорившаго объ общемъ положеніи евреевъ и бывшаго главнымъ героемъ всего конгресса. Ему вѣроятно не больше 50 лѣтъ, но онъ весь сѣдъ, и только надъ живыми умными глазами рельефно выдѣляются густыя черныя брови. Средняго роста фигура съ короткимъ туловищемъ, на которомъ покоится большая голова. Крупныя, правильныя семитическія черты

лица, съ тщательно расчесаной бородой и усами, съ высокимъ лбомъ,—въ общемъ интересная, подвижная, импульсивная личность. Онъ безусловно опытный ораторъ, онъ увѣренъ въ производимомъ его рѣчью впечатлѣніи, и эта рѣчь дѣйствительно какого-то особаго характера: пластичная по формѣ, оригинальная по комбинаціи мыслей, безусловно разсчитанная на эффектъ, но, тѣмъ не менѣе, проникнутая не кричащимъ, а тихимъ, захватывающимъ паѳосомъ; получаешь впечатлѣніе художественной гармоніи идей—хотя подчасъ и парадоксальныхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Повсюду, гдѣ встрѣчаешь евреевъ, встрѣчаешь и еврейскія невзгоды, которыя евреи испытываютъ не какъ люди, а какъ евреи. Можно различать два рода невзгодъ—матеріальныя и моральныя. Въ восточной Европѣ, на востокѣ и спеціально въ Африкѣ $^9/_{10}$ евреевъ испытываютъ мучительныя заботы о завтрашнемъ днѣ и борьбу за хлѣбъ насущный. Въ западной Европѣ царитъ духовная, моральная нужда евреевъ, причиняющая имъ ежедневныя огорченія ихъ чувства чести, налагающая на нихъ общественныя лишенія, вынуждающая ихъ къ лишеніямъ благъ жизни, какихъ не знаетъ ни одинъ не еврей. Но всетаки еврей считается съ ограниченіями мѣста жительства. Кто можетъ—идетъ на сторону, ища свѣта и воздуха на чужбинѣ; кто не можетъ уйти—гибнетъ морально и тѣлесно... Самые несчастные евреи живутъ въ Марокко. Они потеряли всякую способность подняться на высшую ступень и только встряхиваются тогда, когда чернь, убивая и грабя, врывается въ ихъ гето.

Близорукіе люди полагали, что устраненіе ограниченій можетъ исцѣлить недугъ; неудавшіеся эксперименты эмансипаціи евреевъ показали противное. У западноевропейскаго еврея борьба за существованіе приняла, правда, болѣе смягченныя формы. Но тѣмъ болѣе приходится ему бороться съ невзгодами моральными. У него есть хлѣбъ, но не единымъ хлѣбомъ живъ человѣкъ; ему не всегда грозитъ разъяренная чернь, но не отъ однихъ пораженій тѣла истекаетъ кровью человѣкъ. «Мы воплощаемъ чистую человѣчность!» заявляютъ евреи. «Тебѣ недостаетъ понятія чести,—гласитъ отвѣтъ народовъ, не достаетъ нравственности, патріотизма, мы должны изъять тебя отовсюду, гдѣ необходимы эти качества»... Когда народы эмансипировали евреевъ, то обманывались на счетъ собственныхъ своихъ чувствъ: эмансипація была лишь результатомъ прямолинейнаго французскаго раціонализма 19 столѣтія, послѣдствія философіи энциклопедистовъ. Евреи, дескать, люди, поэтому они должны имѣть человѣческія права,—не по велѣнію чувствъ, а по требованію логики... Да простится мнѣ жестокое слово! восклицаетъ Нордау: люди 1789 года, эмансипировавшіе насъ, сдѣлали это изъ за одного пустаго принципіализма (Principienreiterei)!.. Другія страны слѣдовали имъ не изъ внутренняго побужденія, а потому, что принципы революціи рядомъ съ политической свободой, свободой печати, союзовъ и собраній считали и свободу евреевъ

необходимымъ учрежденіемъ современнаго государства, подобно тому, какъ въ благоустроенномъ хозяйствѣ имѣется и піанино, хотя ни одинъ изъ членовъ дома не умѣетъ на немъ играть. Одна Англія представляла въ этомъ отношеніи исключеніе. Тамъ эмансипація вытекала, дѣйствительно, изъ чувства и была санкціонирована законодателемъ долгое время спустя послѣ того, какъ на самомъ дѣлѣ уже не было различія между евреемъ и не евреемъ.

Еврейскіе гето были очагами, отечествомъ евреевъ, гдѣ ихъ специфическія расовыя особенности находили себѣ полную охрану. За похвалами внѣ гето стоящихъ не гнались, старались лишь понравиться своимъ братьямъ. Такимъ образомъ, евреи вели въ гето полную жизнь, они были гармоническими натурами. Пришла эмансипація. Еврею сказали: ты теперь полноправный гражданинъ твоей родины. Среди ликованій медовыхъ мѣсяцевъ эмансипаціи онъ началъ ломать позади себя всѣ мосты: теперь онъ имѣетъ куда приткнуться, ему незачѣмъ болѣе ежиться къ своимъ собратьямъ.

Послѣ передышки въ 30 лѣтъ прорвалась старая ненависть къ евреямъ—антисемитизмъ и разоблачилъ истинное положеніе вещей. Еврей еще можетъ подавать свой голосъ на выборахъ, но изъ союзовъ и обществъ его болѣе или менѣе недвусмысленнымъ образомъ просятъ удалиться. Онъ имѣетъ еще право на голосованіе, но далѣе этого пути ему закрыты. Самыя главныя усилія и заботы современнаго еврея направлены къ замаскированію своего подлиннаго существа; онъ безпокоится, что въ немъ узнаютъ еврея. Какъ все ложное, такъ и эти усилія отталкиваютъ своей ложью. Лучшіе люди стонутъ, ища исцѣленія и избавленія. Вѣру въ пришествіе Мессіи они потеряли. Многіе ищутъ спасенія въ крещеніи, которое, однако, не спасаетъ отъ расоваго антисемитизма. Остается лишь святотатственная ложь, съ которой перекрещенцы стараются проникнуть въ христіанскую общину.

Серьезные люди увѣряютъ, что евреи обладаютъ всѣми богатствами міра и располагаютъ разными таинственными силами. Это та насмѣшка, которая издѣвается надъ вами, послѣ того какъ ненависть нанесла вамъ рану. Антисемиты, сверхъ того, упрекаютъ евреевъ Мамономъ. Между тѣмъ милліонами и милліардами обладаетъ ничтожное меньшинство. «Что общаго у Израиля съ этой кучкой? Іудейство пророковъ, Гиллеля и Спинозы, іудейство Берне и Гейне не знаетъ этихъ толстосумовъ, которые чтутъ то, что мы ненавидимъ, и ненавидятъ, что мы чтимъ. Мы истекаемъ кровью за нихъ; единственное, что они дѣлаютъ—это милостыня. Въ іудейскомъ царствѣ они бы стояли на послѣднемъ мѣстѣ, а не удостоивались бы тѣхъ почестей, орденовъ и титуловъ, которыми ихъ теперь осыпаютъ».

Я передалъ, конечно, здѣсь лишь слабый конспектъ того ораторскаго кунштюка, который, по мнѣнію моего восторженнаго сосѣда на конгрессѣ, будетъ началомъ новой эры въ судьбахъ еврей-

скаго народа. Изображенныя Максомъ Нордау психологія еврейскаго гето и трагедія современнаго еврея не поддаются передачѣ.

Чрезвычайно симпатичное впечатлѣніе производитъ третій крупный представитель сіонистскаго движенія, талантливый публицистъ д-ръ Бирнбаумъ—характерный типъ молодого еврейскаго ученаго. Его докладъ, обосновавшій сіонистскую программу, былъ глубоко продуманнымъ, тонкимъ культурно-философскимъ очеркомъ еврейства. Были сдѣланы еще доклады о положеніи евреевъ въ отдѣльныхъ странахъ, о сіонистской организаціи, о колонизаціи, о древнееврейской литературѣ и т. д. Подробная передача всего этого завела бы меня слишкомъ далеко, и я ограничусь поэтому лишь приведеніемъ нѣкоторыхъ постановленій конгресса.

Сіонизмъ стремится къ созданію для еврейскаго народа обезпеченной въ общественно-правовомъ смыслѣ (öffentlich rechtlich) территоріи на почвѣ Палестины. Для этой цѣли средствами служатъ: 1) цѣлесообразная колонизація Палестины еврейскими хлѣбопашцами, ремесленниками и промышленниками, 2) объединеніе всего еврейства, при помощи общихъ и мѣстныхъ организацій, сообразно съ законами каждой данной страны, 3) укрѣпленіе національнаго сознанія евреевъ, 4) подготовительные шаги къ содѣйствію этимъ цѣлямъ со стороны правительствъ.

Сіонистская организація распадается на комиссіи, вѣдающія: 1) изслѣдованіе еврейства; 2) колонизаціонное дѣло; 3) организацію пропаганды; 4) печать и прессу; 5) организацію международныхъ конгрессовъ. Сверхъ того, набросаны проекты созданія національнаго фонда, учрежденія спеціальнаго еврейскаго банка, основанія университета въ Палестинѣ и пр.

Сіонистскій конгрессъ съ самаго своего начала и въ теченіе трехъ дней своихъ засѣданій стоялъ на высотѣ неослабнаго національнаго одушевленія. Насколько жизненна и осуществима идея сіонизма, это, конечно, другой вопросъ. Для этого недостаточно однихъ постановленій конгресса, для этого, какъ выразился одинъ антисіонистъ, необходимы прежде всего евреи и государство. Какъ-бы то ни было, но если базельскій конгрессъ не былъ лишь одной ложной тревогой, то сіонистское движеніе, сдѣлавшись серьезнымъ предметомъ публичнаго обсужденія, прямо или косвенно внесетъ больше свѣта и оживленія въ тѣ слои еврейскаго народа, обезличеніе и деморализацію которыхъ Максъ Нордау изобразилъ въ такихъ краснорѣчивыхъ и яркихъ краскахъ.

А. Ковровъ.

Изъ Англіи.

I.

Августъ извѣстенъ въ Лондонѣ подъ названіемъ «dull-season» (скучный сезонъ). Парламентъ закрывается, комонеры либо путешествуютъ по материку, либо стрѣляютъ куропатокъ въ Шотландіи, либо разъѣзжаютъ въ своихъ собственныхъ яхтахъ. Въ газетахъ въ это время мертвый штиль. Пропадаетъ интересъ даже къ «морскому змѣю», который вотъ уже ровно сто лѣтъ, какъ аккуратно каждый годъ появляется на столбцахъ англійскихъ газетъ во время «dog-days» (въ концѣ іюля). Очевидно, всякому овощу свое время. А между тѣмъ, вотъ уже девять лѣтъ, какъ въ самомъ развалѣ «скучнаго сезона» опустѣвшій Лондонъ внезапно оживляется, вслѣдствіе пріѣзда крайне своеобразныхъ посѣтителей. Ихъ подвозятъ полуночные поѣзда со всѣхъ концовъ Англіи. Тутъ старики бѣлые, какъ лунь, и краснощекіе, здоровые парни съ широчайшими плечами и умопомрачительной величины кулаками; тутъ дѣвушки и ребята-подростки. Всѣ разряжены по праздничному; у многихъ въ рукахъ букеты цвѣтовъ, у всѣхъ на лицахъ написано ожиданіе чего то очень хорошаго. Въ два часа ночи, когда въ обычное время по соннымъ улицамъ гигантскаго города бродитъ лишь одинокій бездомный «tramp» (бродяга) или же «боби» (полицейскій),—на тротуарахъ замѣтно сильное оживленіе. Толпы пассажировъ, о которыхъ я только что сказалъ, сходятся съ разныхъ станцій, сливаются вмѣстѣ, образуютъ одну огромную живую волну, подвижную, какъ ртуть, жизнерадостную, какъ стая жаворонковъ. Смѣхъ, веселыя шутки, обрывки пѣсенъ гудятъ въ сонномъ воздухѣ. Огромная, многотысячная толпа обходитъ ночью всѣ скверы, всѣ главныя улицы, а въ девять часовъ утра живымъ каскадомъ льется по лѣстницѣ, ведущей изъ подземельной станціи Snow Hill; отсюда каждыя десять минутъ отправляются спеціальные поѣзда, которые едва успѣваютъ забрать пассажировъ. Безсонная ночь нисколько не уменьшила веселья. Всѣ отдѣленія вагоновъ биткомъ набиты. Тамъ, гдѣ должны сидѣть лишь 8 человѣкъ, помѣщаются двадцать. И это еще болѣе увеличиваетъ веселье. Въ вагонахъ, какъ серебряные колокольчики, звучитъ дѣтскій смѣхъ. Вотъ раздался густой раскатъ хохота, который, по живописному выраженію Гоголя, напоминаетъ ревъ двухъ бугаевъ: то ликуютъ парни съ широчайшими плечами и умопомрачительными кулаками. Гдѣ-то запищала въ вагонѣ дудка, еще и еще. Щеки играющихъ надулись, какъ волынка, глаза бле-

стятъ. На весь поѣздъ разливаются удалые, раззадоривающіе звуки «джига».

— Ноги держите!—не вытерпѣлъ одинъ изъ парней. Всѣ вскакиваютъ на скамьи, очищая мѣсто, а полъ вагона дрожитъ подъ ударами подбитыхъ громадными гвоздями башмаковъ.

— Дядю Дика сюда!— кричатъ веселые голоса. «Дядя Дикъ», какой-нибудь весь бѣлый старикъ, лицо котораго все сіяетъ отъ удовольствія, отнѣкивается. Конечно, въ свое время онъ танцовалъ и танцовалъ хорошо; но куда же ему теперь!— отговаривается онъ. Но молодежь проситъ убѣдительно. Наконецъ, дядя Дикъ заявляетъ, что онъ не прочь проплясать джигъ; но лишь тогда, когда тетушка Бриджитъ станетъ напротивъ. Напрасно послѣдняя начинаетъ отмахиваться руками и въ видѣ протеста энергично закутывается въ зеленую клѣтчатую шаль. Молодежь проситъ такъ убѣдительно! Дудки пищатъ пронзительнѣе; мотивъ становится еще болѣе заразительнымъ, тетушка Бриджитъ расцвѣтаетъ вся, какъ тотъ лугъ, по которому мчится теперь поѣздъ, и плавно выступаетъ противъ дяди Дика, который лихо выстукиваетъ каблуками. Но вотъ на блѣдномъ лондонскомъ небѣ, которое Барбье удачно сравнилъ съ лицомъ покойника, покрытымъ кисеею, засверкала крыша Хрустальнаго Дворца. Пріѣхали.

Кто же эти веселые посѣтители? То кооператоры съѣхались съ различныхъ концовъ Англіи на свой праздникъ, который вотъ уже девять лѣтъ, какъ устраивается ежегодно въ Хрустальномъ Дворцѣ. И съ каждымъ годомъ пріѣздъ все больше и больше увеличивается. Въ 1887 г. собралось лишь 12 тысячъ человѣкъ, въ прошломъ году — 42 тысячи, а въ этомъ — болѣе 50 тысячъ. Въ огромныхъ залахъ Хрустальнаго дворца, гдѣ въ обычное время почти нѣтъ никого, сегодня шумно и людно. Кооператоры устроили свою ежегодную выставку. Кругомъ со свистомъ вращаются колеса станковъ, приводимыя въ движеніе электричествомъ, стучатъ рычаги, тихо гудятъ ткацкіе станки:—все это выставлено различными кооперацiями. Вотъ витрина манчестерскаго кооперативнаго общества печатниковъ. Здѣсь выставлены памфлеты, брошюры и журналы, печатаемые кооператорами. Вотъ книги, которыя написаны, отпечатаны, иллюстрированы и переплетены участниками различныхъ коопераций. Развернемъ огромный томъ отчетовъ засѣданій двадцать девятаго конгресса кооператоровъ (The twenty ninth Annual Co-operative congress, 1897) и на 235-ой страницѣ найдемъ рядъ таблицъ, показывающихъ процессъ кооперативнаго движенія въ Англіи за послѣднія тридцать лѣтъ. Если сгруппируемъ эти таблицы, то получимъ слѣдующія цифры:

Годы.	число обществъ.	число сочлен.	капиталъ:	продано коопер.	получено прибыли.
1861	неуказано	48,184	333,290 ф. ст.	1,512,117 ф.	— — —
1865	867	148,586	819,367 „	3,373,847 „	279,226

1870	1375	249,113	2,034,261	ф. ст.	8,202,466	р.	555,435
1875	1163	479,284	4,700,990	„	16,088,077	„	1,425,267
1880	1183	604,063	6,232,093	„	23,248,314	„	1,579,873
1885	1288	803,747	8,799,753	„	29,882.679	„	2,883,761
1890	1435	1,056,152	12,067,425	„	41,503,196	„	4,079,281
1895	1695	1,349,420	16,122,710	„	52,096,664	„	5,344,205

Но если присмотримся внимательнѣе, то замѣтимъ результаты еще болѣе важные, чѣмъ матеріальные успѣхи. Изъ своихъ доходовъ коопераціи удѣляютъ огромныя суммы на, такъ называемый, воспитательный фондъ. Путемъ лекцій, школъ, библіотекъ, клубовъ и пр. коопераціи стараются поднять умственный уровень своихъ сочленовъ и, какъ увидимъ, старанія не остались безплодными.

Многотысячная толпа окружаетъ эстраду, на которой сидятъ теперь вожди кооперативнаго движенія въ Англіи. Вотъ всѣ поднялись и бурными аплодисментами встрѣчаютъ восьмидесятилѣтняго, но еще бодраго старика. Это—Несторъ англійскихъ кооперацій, извѣстный писатель Голіокъ (Holyoak), котораго Робертъ Оуэнъ когда то намѣтилъ, какъ своего преемника. Старикъ—живая лѣтопись пробужденія демократіи въ Англіи. Всю свою жизнь онъ дѣятельно отстаивалъ свои идеалы, какъ съ перомъ въ рукахъ, такъ и съ трибуны. На закатѣ жизни онъ вспомнилъ, что можетъ разсказать еще кое что крайне интересное своимъ согражданамъ и написалъ свои мемуары, которые были встрѣчены крайне сочувственно всѣми органами печати, безъ различія направленій. Мемуары эти носятъ названіе «Sixty years of an agitator's life». «Въ одной изъ комедій Бенъ-Джонсона,—пишетъ старикъ въ своей автобіографіи,—слуга говоритъ о своемъ хозяинѣ: «онъ очень почтенный джентельменъ, только у него нѣтъ времени быть самимъ собою, до такой степени онъ занятъ». То же самое повторилось и со мною. Я такъ долго былъ занятъ отстаиваніемъ правъ другихъ на жизнь и формулированіемъ ихъ желаній по этому поводу, что до послѣдняго года у меня не было времени высказать мои собственныя мнѣнія». Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ говоритъ о тѣхъ страданіяхъ и о той борьбѣ, которыя должны были выдержать англійскія массы, пока онѣ добились признанія ихъ правъ. Автобіографія Голіока вся дышитъ тѣмъ оптимизмомъ и той глубокой вѣрой въ человѣка и право его на счастье, которое такъ чаруютъ читателя во всѣхъ произведеніяхъ выдающихся англійскихъ мыслителей.

Опять гремятъ аплодисменты: то встрѣчаютъ другого старика, немногимъ развѣ моложе Голіока. Это Людлоу (Ludlow), одинъ изъ первыхъ кооператоровъ въ Англіи и одинъ изъ послѣднихъ очевидцевъ бурнаго движенія въ этой странѣ въ періодъ 1844—1848 гг. Рядомъ съ Людлоу—священникъ, съ круглымъ, смуглымъ, умнымъ и необыкновенно живымъ лицомъ. Это крайне популярный ораторъ на всѣхъ народныхъ митингахъ Лондона—каноникъ Скоттъ-

Голландъ. Обыкновенно, эстрада украшена лишь флагами Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Сегодня сюда присоединены еще флаги Новой Зеландіи. Это въ честь оратора, молодого джентельмэна съ энергичнымъ, нѣсколько инородческаго типа лицомъ, который сидитъ рядомъ съ Скоттъ-Голландомъ. Это представитель кооперативной Новой Зеландіи, бывшій министръ народнаго просвѣщенія мистеръ Ривсъ (Reevs). Со времени бриллiантоваго юбилея, когда большая публика Англіи впервые познакомилась съ удивительной молодой колоніей, интересъ къ ней не только не ослабѣваетъ, но все болѣе и болѣе растетъ. Ривсъ принесъ съ собой, такъ сказать, свѣжій бризъ своей далекой родины. И вотъ уже два мѣсяца, какъ бывшій министръ—герой Лондона. Въ концѣ статьи я поговорю подробно о новыхъ реформахъ той страны, которую представляетъ на праздникѣ кооператоровъ Ривсъ.

Апплодисменты умолкли. Поднялся Людлоу.

— Лэди и джентельмэны,—говоритъ онъ, — въ связи съ прогрессомъ коопераціи должно находиться все большее и большее развитіе идеи необходимости *счастья* для всѣхъ. Всѣ люди рождены для него. И ораторъ выясняетъ, что именно скрашиваетъ жизнь. Онъ говоритъ о братскомъ единеніи, затѣмъ объ облагораживающемъ вліяніи знанія, музыки, искусствъ. Какъ истый англичанинъ, онъ не забываетъ удѣлить свое мѣсто и спорту. Уже и теперь многія коопераціи,—продолжаетъ ораторъ,—завели свои библіотеки, свои концертныя залы, свои луга для игры въ футболъ и въ лаунъ-тенисъ. Но это еще не все. Въ скоромъ времени мы будемъ въ состояніи устроить «долину отдыха». Кооператоры сообща пріобрѣтутъ огромный паркъ; тамъ будетъ и рѣка для катанія въ лодкахъ, и лугъ для футбола, и концертныя, и танцовальныя залы, и библіотеки. Въ паркѣ будутъ дома, куда уставшіе кооператоры могутъ пріѣхать разъ въ годъ, чтобы отдохнуть мѣсяцъ.

Публика апплодируетъ и спѣшитъ на лужайку, гдѣ въ огромной палаткѣ устроена цвѣточная выставка. Это все цвѣты, выращенные кооператорами въ своихъ микроскопическихъ садикахъ, въ свободное отъ работы время. Ходятъ и любуются выставленными тутъ же колоссальными тыквами, гигантской морковью и исполинской капустой, которая насытила бы, вѣроятно, даже Гаргантюа. Это все овощи, выросшія на шотландскихъ кооперативныхъ фермахъ. На террасѣ звучатъ мѣдныя трубы и пищатъ дудки: безконечнымъ баталіономъ проходятъ дѣти кооператоровъ. Они тоже принадлежатъ къ своей «дѣтской гильдіи». На лугу устраиваются состязанія: дѣти бѣгутъ въ запуски, прыгаютъ черезъ веревочку, играютъ въ лаунъ-тенисъ и пр. Англичане, прежде всего, цѣнятъ крѣпкіе мускулы и закаленное здоровье. Въ такомъ случаѣ, они могутъ радоваться, глядя на эти оживленныя, дышащія здоровьемъ, раскраснѣвшіяся дѣтскія лица. Бли-

зится три часа, и всѣ спѣшатъ опять въ дворецъ, въ театръ, чтобы послушать знаменитый хоръ, состоящій изъ семи тысячъ пѣвцовъ. Хоръ, конечно, любительскій. Это все кооператоры, члены различныхъ «гильдій», въ это лишь утро собравшіеся изъ разныхъ концовъ Англіи. Каждая «гильдія» имѣетъ свой хоръ. Пѣнію они учились въ своихъ клубахъ, вечерами, послѣ работы. Колоссальный хоръ производитъ сильное впечатлѣніе, какъ прекрасными голосами, такъ и стройностью. Поютъ маршъ Мендельсона, затѣмъ хоръ Гайдена; но больше всего народныя пѣсни. Публика бурными апплодисментами и маханіемъ платковъ привѣтствуетъ гимнъ кооператоровъ: «God save the people». Поздно ночью праздникъ заканчивается фейрверкомъ и танцами на лугу.

Познакомимся теперь нѣсколько ближе съ кооперативнымъ движеніемъ въ Англіи.

II.

Началомъ кооперативнаго движенія въ Англіи нужно считать основаніе Робертомъ Оуэномъ въ 1816 г. «Института для образованія характера» (The Institute for the Formation of Character). Какъ извѣстно, первый опытъ былъ крайне удаченъ. Мнѣ не приходится здѣсь разсказывать исторію Нью-Ленеркской коопераціи: все это извѣстно русской публикѣ хорошо, какъ по книжкѣ Р. Оуэна «объ образованіи человѣческаго характера», которая выдержала у насъ, кажется, три изданія, такъ и по страстной, горячей статьѣ Добролюбова, помѣщенной въ IV-омъ томѣ собранія сочиненій его.

Въ 1834 г. Оуэнъ писалъ лорду Brougham'у объ этой коопераціи слѣдующее: «Я думаю, вамъ извѣстно, что ни одинъ опытъ не былъ такъ удаченъ, какъ тотъ, который мы сдѣлали въ Нью-Ленэркѣ, хотя онъ былъ продѣланъ вопреки всѣмъ старымъ предразсудкамъ людей. Въ теченіи двадцати девяти лѣтъ мы обходились безъ магистратовъ и безъ адвокатовъ. Намъ ни разу не пришлось прибѣгнуть также къ наказанію; у насъ было неизвѣстно, зачѣмъ нужны налоги для бѣдныхъ. Мы сократили продолжительность рабочаго дня, ввели хорошее образованіе для дѣтей, улучшили положеніе взрослыхъ, сдѣлали ихъ участниками въ доходахъ фабрики, сверхъ того, очистили 300 тысячъ фунтовъ ст. прибыли» *) Около того времени появился первый журналъ, посвященный кооперативному движенію «The Economist», которому историкъ этого движенія удѣляетъ почетное мѣсто. Редакторомъ и издателемъ «Экономиста» былъ Робертъ Оуэнъ. Впослѣдствіи, подъ тѣмъ же названіемъ, Джемсъ Вильсонъ основалъ другой журналъ, который сталъ боевымъ органомъ

*) *Holyoake*, «The History of co-operation» v. I, p. 56.

богатыхъ промышленниковъ. Въ первомъ номерѣ журнала мы читаемъ: «Экономистъ» — періодическое изданіе, основанное для разъясненія новой системы общественнаго строя, выработанной Робертомъ Оуэномъ, Esq. Въ журналѣ будетъ обсуждаться также планъ ассоціаціи, имѣющей цѣлью улучшить положеніе рабочаго класса при существующихъ нынѣ условіяхъ найма». И въ слѣдующей статьѣ того же нумера излагается проектъ «кооперативнаго и экономическаго общества». Это, если я не ошибаюсь, первое по времени въ Англіи ясное и точное опредѣленіе кооперации. Эпиграфомъ для статьи Робертъ Оуэнъ избралъ слова Мильтона:

«Our greatness will appear
Then most conspicuous, when great things of small,
Useful of hurtful, prosperous of adverse
We can create».

(Наше величіе проявится вполнѣ тогда, когда мы сможемъ сдѣлать великія вещи изъ ничтожныхъ, полезныя изъ вредныхъ и цвѣтущія изъ увядающихъ). Къ сожалѣнію, какъ извѣстно, дальнѣйшія коопераціи въ Англіи не удавались. Отчасти, это зависѣло отъ самихъ участниковъ, отъ ихъ, такъ сказать, соціальной неподготовленности, отчасти, вслѣдствіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ условій. Торговцы бойкотировали вновь возникшіе склады и отказывались отпускать имъ товары; прибыль распредѣлялась лишь между основателями и пайщиками, а покупатели оставались въ сторонѣ. Такимъ образомъ, у послѣднихъ не было основанія предпочесть лавку кооператоровъ другимъ магазинамъ. Общества отпускали въ кредитъ и теряли много, когда должники отказывались платить. Лишь съ возникновеніемъ Рочдейлевскаго склада основаннаго на новомъ принципѣ, коопераціи въ Англіи стали прочно на ноги и достигли могучаго развитія. Прежде, чѣмъ приступить къ новѣйшей исторіи англійскихъ коопераціи, необходимо сдѣлать одно замѣчаніе. Онѣ гораздо больше обязаны Роберта Оуэну, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. «Долину отдыха», о которой говорилъ Людлоу, клубы и концертныя залы-лекціи и кружки саморазвитія, — несомнѣнно, навѣяны идеями «Нью-ленеркскаго философа». «Подобно Платону, Оуэнъ придавалъ огромное воспитательное значеніе не только знанію, но и пѣнію, танцамъ и физическимъ упражненіямъ, къ великому ужасу своего сокомпаніона по фабрикѣ,—квакера,—говоритъ въ своей «Lecture on Foreshadowings of Co-operation in Plato» Вальтеръ Морирсонъ, хорошо знавшій лично Оуэна. — Подобно Платону, Оуэнъ считалъ самообладаніе, затѣмъ развитіе общественныхъ инстинктовъ—основами воспитанія».

Въ 1843 г. дѣла фланелевыхъ фабрикантовъ въ Рочдейлѣ были великолѣпны. Ткачи рѣшили, въ силу этого, просить прибавку жалованія. Тогда рабочіе въ Англіи были въ совершенномъ подчи-

неніи у предпринимателей. «The right of combination», т. е. право соединяться въ союзы, признанное теперь за ними парламентомъ, тогда считалось преступленіемъ. Послѣ долгихъ переговоровъ рабочіе рѣшили между собою пустить пробный шаръ: послать депутатовъ къ владѣльцу одной фабрики. Если депутаты получатъ отпоръ, то всѣ ткачи той фабрики должны объявить стачку, а рабочіе остальныхъ фабрикъ обязаны поддерживать товарищей взносами по два пенса въ недѣлю. Оставалось самое трудное: избрать депутацію. Въ то время каждый депутатъ могъ смотрѣть на себя, какъ на потеряннаго человѣка: фабрикантъ имѣлъ его постоянно въ виду, какъ зачинщика и подстрекателя, и при первомъ случаѣ старался отдѣлаться отъ него. Обыкновенно, въ депутаты попадали наиболѣе способные и развитые рабочіе. И тѣмъ болѣе предприниматели относились къ нимъ съ недовѣріемъ. Уволенный депутатъ искалъ работы на другой фабрикѣ; но аттестація его, какъ безпокойнаго человѣка, распространилась уже всюду. Всякій предприниматель боялся принять «вожака и эмиссара разбойничьей шайки, извѣстной подъ названіемъ Trade-Union». Въ концѣ концовъ, не смотря на свое искусство и опытность, депутатъ попадалъ въ плачевное состояніе, опредѣляемое въ Англіи словами «always out of work» (всегда безъ работы). Во время этихъ постоянныхъ поисковъ работы бѣдняга, бывало, случайно попадетъ въ драку близь кабака. Сцена переносится въ судъ. Въ другое время дѣло кончилось бы ничѣмъ; но магистратъ состоялъ изъ тѣхъ же фабрикантовъ. Депутатъ имъ всѣмъ былъ извѣстенъ, какъ безпокойный человѣкъ, и его отправляли въ тюрьму, хотя бы и не выяснилось, что именно онъ принималъ участіе въ дракѣ.

— Подсудимый былъ депутатомъ! Чего же еще больше! Такой негодяй, если не свершилъ еще преступленія сегодня, то завтра свершитъ его непремѣнно. Такъ ужъ лучше въ тюрьму его: по крайней мѣрѣ, не будетъ болѣе подстрекать никого.—Такъ разсуждалъ магистратъ. Жена и дѣти депутата попадали въ рабочій домъ. Когда злосчастный «эмиссаръ» выходилъ изъ тюрьмы, на немъ ужъ лежало несмываемое пятно «опаснаго человѣка». Въ лучшемъ случаѣ, бѣдняга эмигрировалъ, въ худшемъ—погружался въ пропасть мрачнаго отчаянія. Такова была карьера депутата въ то время, когда рочдейлевскіе ткачи рѣшили отправить посольство къ своимъ хозяевамъ.

— Кто пойдетъ?—Это былъ старый вопросъ эзоповской басни. Всѣ мыши рѣшили, что коту нужно навѣсить колокольчикъ; но не находился никто, кто рѣшился бы сдѣлать это. Нужно имѣть въ виду, что тогда рабочіе въ Англіи были еще принижены и темны. Никто тогда не мечталъ еще не только о народныхъ университетахъ, подвижныхъ библіотекахъ и о газетахъ, редактируемыхъ лицами, вышедшими изъ народа, но даже о простой грамот-

ности для всѣхъ. Наконецъ, смѣльчаки нашлись. То были наиболѣе развитые рабочіе, изъ которыхъ нѣкоторые были хорошо знакомы съ проектами Роберта Оуэна. Дальше все пошло, какъ можно было предвидѣть: хозяева отказались увеличить плату, а депутація, состоявшая изъ 28 человѣкъ, потеряла работу. Но депутаты не были доведены до тюрьмы. Сознавая, что для побѣды имъ нужна прежде всего независимость, они рѣшили добыть ее при помощи коопераціи. И въ Рочдейлѣ удалось то, что не удавалось до тѣхъ поръ *). «Въ концѣ 1843 г., въ сырой, темный, мрачный вечеръ, въ одинъ изъ тѣхъ ноябрьскихъ англійскихъ вечеровъ, когда солнце, кажется, скрылось отъ отчаянія и отъ сознанія своего безсилія разогнать лучами сырую пелену,—нѣсколько бѣдныхъ ткачей, потерявшихъ работу и надежду на нее, не имѣвшихъ почти, чѣмъ прокормить дѣтей, собрались вмѣстѣ, чтобы обсудить, какъ поступить. Прибѣгнуть ли имъ къ помощи рабочихъ домовъ? Но вѣдь это значитъ попасть въ новую кабалу. Эмигрировать ли? Но вѣдь это будетъ ссылка въ наказаніе за то, что ткачи имѣли несчастье родиться бѣдняками. Что же дѣлать? И ткачи смѣло рѣшили стать самимъ купцами, собственниками фабрикъ и капиталистами. У нихъ не было ни опытности, ни знаній, ни средствъ. По рукамъ пошелъ подписной листъ. Ткачи обязались вносить еженедѣльно по два пенса, хотя рочдейлевскіе ротшильды не могли бы съ увѣренностью сказать тогда, будутъ ли у нихъ такія деньги». Такъ пишетъ авторъ «Исторіи коопераціи въ Англіи». Черезъ 52 недѣли у «акціонеровъ» не накопилось еще достаточной суммы, чтобы купить мѣшокъ ячменной муки. А черезъ 13 лѣтъ они уже получали ежегодно 76 тысячъ ф. ст. Теперь же отдѣленія рочдейлевскаго склада покрыли сѣтью всю Англію. Въ декабрѣ 1844 г. кооперація, получившая названіе «Equitable Pioneers», открыла свои дѣйствія на Toad Lane (въ «Лягушечьемъ переулкѣ») въ Рочдейлѣ. «Среди торговцевъ пронесся слухъ, — говоритъ авторъ «History of the Rochdale Pioneers», — что ихъ конкурентъ выступитъ именно въ тотъ вечеръ, и не мало любопытныхъ глазъ заглянуло нарочно въ глухой, грязный Лягушечій переулокъ. Но «конкуррентъ» стыдился показаться. «Піонеры» (такое названіе получили 28 ткачей-основателей, бывшіе депутаты) собрались въ низкой, мрачной комнатѣ своего «магазина» и обсуждали, у кого хватитъ храбрости открыть ставни. «Наконецъ, такой смѣльчакъ

*) Несторъ кооперативнаго движенія въ Англіи — Голіокъ въ своей „Исторіи Рочдейлевскихъ піонеровъ“ объясняетъ удачу именно тѣмъ, что народъ послѣдовалъ совѣту Пилля и взялъ „свою судьбу въ свои руки“. „Онѣ (прежнія коопераціи) не удавались именно потому, что доброхоты помогали имъ изъ своихъ кошельковъ... Самопожертвованіе и надежда исключительно только на самого себя—вотъ тотъ секретъ, которымъ объясляется успѣхъ рочдейлевскихъ коопераціи, какъ и многихъ другихъ предпріятій“.

нашелся, ставни были сняты, и, на потѣху уличнымъ мальчишкамъ и лавочникамъ, показалось въ окнахъ гомеопатическое количество ячменной муки, сахара и чаю». На первыхъ порахъ лавочка бывала открыта лишь по субботамъ да по понедѣльникамъ, да и то не цѣлый день, а лишь вечеромъ. Одинъ изъ членовъ учредителей стоялъ за приказчика, другой былъ секретаремъ, третій носилъ громкій титулъ кассира и записывалъ въ книгу еженедѣльный оборотъ въ 2 ф. ст. Четвертый былъ облеченъ еще болѣе почетнымъ званіемъ казначея, и въ его вѣдѣніи находился весь артельный фондъ въ 28 ф. Остальные 24 «піонера» были въ одно и то же время кураторами, директорами, акціонерами, пропагандистами и... единственными покупателями. Я упомянулъ уже, что среди піонеровъ были нѣкоторые, которые хорошо знали взгляды Роберта Оуэна. Самыми выдающимися основателями были Виліамъ Куперъ и Чарльзъ Говартъ, которые и выработали уставъ. «Кооперація имѣетъ цѣлью,—читаемъ мы въ немъ,—1) устройство лавки для продажи жизненныхъ припасовъ, одежды и т. д.; 2) постройку или покупку домовъ, въ которыхъ могли бы жить сочлены, объединенные общимъ желаніемъ улучшить взаимной помощью, какъ матеріальное положеніе, такъ и умственное развитіе другъ друга; 3) изготовленіе фабрикатовъ, съ цѣлью доставить, такимъ образомъ, работу нуждающимся въ ней; 4) пріобрѣтеніе или же аренду участковъ земли, которые могли бы обрабатываться сочленами, не имѣющими вовсе работы или же имѣющими плохо оплачиваемыя занятія, и 5) насколько возможно, общество должно стремиться къ тому, чтобы быть въ состояніи изготовлять всѣ необходимыя въ его обиходѣ вещи. Оно будетъ помогать въ томъ же и другимъ обществамъ». Въ силу многихъ обстоятельствъ (чтобы избѣгнуть враждебныхъ дѣйствій другихъ лавочниковъ, чтобы привлечь капиталы и пр.) рочдейлевскіе піонеры должны были отказаться отъ всецѣлаго принятія проекта кооперативной лавки, предложеннаго Оуэномъ. Они стали продавать продукты по рыночнымъ цѣнамъ и заботились лишь о томъ, чтобы товары были хорошаго достоинства. Такимъ образомъ, накоплялась прибыль, которая съ слѣдующаго же года стала распредѣляться пропорціонально между покупателями. Этотъ простой способъ распредѣленія существуетъ безъ измѣненія до сихъ поръ. Каждый покупатель, пріобрѣтающій что-нибудь изъ лавокъ, устроенныхъ по рочдейлевской системѣ, получаетъ цинковую марку съ обозначеніемъ стоимости покупки. Въ концѣ каждой четверти года эти марки предъявляются, и покупателю выдается соотвѣтственная часть дивиденда (обыкновенно, отъ 1—3 шиллинговъ на фунтъ). Чтобы стать сочленомъ коопераціи, нужно внести лишь одинъ шиллингъ. Въ настоящее время введено правило, что дивиденты каждаго сочлена удерживаются до тѣхъ поръ, пока они не составятъ достаточной суммы для покупки пяти паевъ общества по фунту каждый. Затѣмъ, сочленъ

начинаетъ получать дивидендъ на свой пай. Въ началѣ общество платило 3½%, затѣмъ, чтобы привлечь капиталы, повысило платежи до 5%; теперь же дѣла такъ блестящи, что процентъ опять пониженъ. Въ однѣхъ рочдейлевскихъ коопераціяхъ взносъ одного шиллинга даетъ уже сочлену право голоса; въ другихъ—оно предоставляется лишь съ пріобрѣтеніемъ пая въ одинъ фунтъ. Но послѣдній накопляется, какъ мы видѣли, чисто автоматически. Всюду, гдѣ существуютъ рочдейлевскія коопераціи, завѣдующіе стремятся пріобщить и объединить безъ исключенія всѣхъ жителей даннаго округа. Послѣдняго стремленія мы не замѣчаемъ въ обыкновенныхъ кооперативныхъ обществахъ, напр., въ богатой «Civil Service Supply Association», основанной въ 1867 г. почтовыми чиновниками. Съ самаго начала была принята система превращенія прибылей въ капиталъ. Правда, общество стремилось къ тому, чтобы продавать, по возможности, по своимъ цѣнамъ; но прибыль неминуемо должна была накопляться именно вслѣдствіе условій продажи въ раздробь. Въ операціяхъ «Civil Service Supply Association» мы видимъ, въ какіе огромные капиталы могутъ превратиться дробныя части пенсовъ и фартинговъ *). Общество было основано въ 1867 г. Въ 1882 г. накопилась огромная прибыль, которую учредители и распредѣлили пропорціонально своимъ вкладамъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенныя акціонерныя компаніи. Теперь акція общества, стоившая вначалѣ лишь 10 шиллинговъ,—продается по 125 ф. и приноситъ 12%. Въ результатѣ то, что изъ сорока тысячъ потребителей лишь 5 тысячъ имѣютъ право голоса. «Civil Service Supply Association» — своего рода кооперативная олигархія. Рочдейлевскіе же піонеры съ самаго начала установили принципъ: сколько покупателей, столько и голосовъ; одинъ человѣкъ можетъ имѣть лишь одинъ голосъ. Члены, которые на столько равнодушны къ общему дѣлу, что не хотятъ явиться на засѣданіе, не должны передавать никому своего права. Женщины пользуются всѣми правами и могутъ быть, какъ служащими въ обществѣ, такъ и руководителями его. Обратимся къ результатамъ. Въ 1844 г., рочдейлевская кооперація начала свою дѣятельность съ капиталомъ въ 28 фунтовъ. Прибылей получено не было. На второй годъ общество насчитывало уже 1747 кооп., а основной капиталъ его равнялся 181 ф., оборотный же—710 ф. Прибыль составила 22 ф. И изъ нихъ сейчасъ же значительная

---

*) Для поясненія приведу примѣръ, заимствованный изъ книги Беатрисы Сидней-Веббъ «The Co-operative Movement in Great Britain». Общество пріобрѣтаетъ чай по 1 ш. 10 п. 1 фарт. за фунтъ. Почемъ оно должно продавать 3 унца? Само собою разумѣется, оно должно будетъ или отбросить дробную часть фартинга, или прибавить, чтобы получилась существующая монета. Въ первомъ случаѣ, общество потеряетъ, въ концѣ концовъ, огромныя суммы, во второмъ, противъ желанія, получитъ большую прибыль (p. 64).

часть была отдѣлена для образованія, такъ называемаго, «воспитательнаго фонда». Въ 1876 г. всѣхъ членовъ было 8892, капиталъ коопераціи равнялся 254,000 ф., годовой оборотъ 305,000 ф., а прибыль составила 50,500 ф. Въ 1887 г. лидское отдѣленіе насчитывало 23 тысячи сочленовъ и получило 59 тысячъ ф. прибыли. Ольдгемская кооперація въ томъ же году возвратила своимъ 23 тысячамъ сочленамъ покупателямъ 90 тысячъ ф. ст. въ видѣ дивиденда. «Представте себѣ богатаго человѣка, который ежегодно даритъ рабочимъ по 90 тысячъ ф. ст.,—читаемъ мы въ «Fortnightly Review» за 1887 г.,—его портреты были бы въ каждомъ окнѣ, его статуи и бюсты украшали бы каждый скверъ и его избрали бы въ парламентъ, хотя считали бы величайшимъ глупцомъ въ мірѣ. Не гораздо болѣе-ли почетно то, что рабочій классъ самъ себѣ можетъ подарить эту сумму и не обязанъ благодарностью никому за его благотворительность» *). «Точно такъ, какъ существованіе бани въ городѣ показываетъ прогрессъ сознанія необходимости опрятности,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же восторженный авторъ,—точно такъ же учрежденіе кооперативной лавки рочдейлевской системы свидѣтельствуетъ о прогрессѣ сознанія промышленной нравственности и доказываетъ, что организаціонная дѣятельность началась уже среди рабочаго класса». Что авторъ подразумѣваетъ подъ словами «промышленная нравственность»,—онъ объясняетъ намъ въ другой статьѣ, помѣщенной въ «отчетахъ» съѣзда англійскихъ кооператоровъ за 1890 г. «Всѣ лавки, входящія въ составъ «кооперативнаго союза», обязаны продавать не фальсифицированные продукты. Если продавецъ знаетъ какой-нибудь изъянъ въ требуемой вещи, онъ обязанъ предупредить покупателя. Такимъ образомъ—кооперація значитъ повышеніе промышленной нравственности. Въ концѣ концовъ, всѣ коопераціи должны будутъ соединиться и основать одно гигантское производительное общество для изготовленія вполнѣ доброкачественныхъ фабрикатовъ. Но чтобы имѣть возможность продавать вполнѣ доброкачественные товары,—должны быть покупатели, настолько воспитанные, чтобы пріобрѣтать ихъ, покупатели, думающіе не столько о цѣнѣ, сколько о превосходномъ качествѣ продукта. Дешевая работа обозначаютъ надувательство,—продолжаетъ апологетъ коопераціи, — мошенничество и деморализацію рабочаго; точно такъ, какъ привычка ко лжи въ обыденной жизни свидѣтельствуетъ о полной нравственной деморализаціи. Дешевыя цѣны означаютъ, въ большей или же въ меньшей степени, низкую заработную плату. Печать голода, нищенства и смерти лежитъ на каждой дешевой вещи». Однако, возвратимся къ цифрамъ. Статистика показала, что въ Англіи каждыя четыре

*) «F. R»., CCXLVIII, 1887, p. 163., статья: «The growth of co-operation in England».

тысячи семей рабочаго класса уплачиваютъ ежегодно лавочникамъ 10 тысячъ фунтовъ прибыли за доставку скудныхъ запасовъ ихъ скромнаго обихода. Въ рочдейлевскихъ коопераціяхъ вся эта сумма возвращается обратно покупателямъ. Въ прошломъ году въ Англіи, такимъ образомъ, рабочіе получили обратно болѣе 50 милліоновъ рублей (5,724,535 ф. ст.). Въ прошломъ году здѣсь было 1453 такихъ обществъ, насчитывавшихъ 1.378.036 членовъ. Капиталъ общества достигалъ 15,367,319 ф. ст. Они продали товаровъ на 36.942.030 ф. ст. Цифру прибылей я приводилъ уже. Коопераціи огромную часть своихъ доходовъ удѣляютъ на «воспитательный фондъ». Какъ увидимъ дальше, онѣ протянули руку Trade-Unions, которымъ оказали сильную поддержку не разъ. Каменотесы въ Виѳездѣ (Валисѣ), которые вели 11 мѣсячную борьбу съ лордомъ Пенриномъ за право имѣть свой союзъ,— продержались такъ долго и одержали блистательную побѣду, между прочимъ потому, что коопераціи поддержали ихъ. Онѣ же обѣщали открыть механикамъ, борящимся теперь за восьмичасовой день, кредитъ въ милліонъ рублей. Какъ видите, кооператоры не забыли, что заставило въ 1884 г. соединиться вмѣстѣ рочдейлевскихъ піонеровъ.

Почти одновременно съ рочдейлевскими потребительными обществами мы видимъ возникновеніе производительно-потребительныхъ коопераціи булочниковъ и мельниковъ. Какъ и въ Рочдейлѣ, ихъ породила неудачная стачка. Чтобы сломить силу забастовавшихъ, предприниматели подговорили булочниковъ и лавочниковъ не отпускать рабочимъ въ долгъ. Основывая потребительно-производительную кооперацію, рабочіе хотѣли также обезпечить себя отъ truck-system (системы расплачиванія товарами) и отъ вынужденной аренды котеджей у предпринимателей. Въ настоящее время годовой оборотъ этихъ коопераціи достигаетъ двухъ милліоновъ ф. ст. Во главѣ ихъ стоитъ «соединенное гласговское общество хлѣбопековъ», 76 членовъ котораго раздѣлили между собою въ прошломъ году 27,490 ф. прибыли. Съ 1862 г. мы видимъ возникновеніе цѣлаго ряда исключительно производительныхъ коопераціи. Онѣ могутъ быть раздѣлены на три группы: 1) общества, въ которыхъ рабочіе получаютъ часть дивидента; 2) коопераціи, въ которыхъ рабочіе принимаютъ нѣкоторое участіе въ управленіи дѣлами и 3) коопераціи, основанныя не посторонними лицами, сочувствующими рабочимъ, а самими же производителями безъ посторонней помощи. Сюда относятся коопераціи, организованныя потребительными обществами (рочдейлевскаго типа). На первыхъ порахъ дѣла нѣкоторыхъ коопераціи шли туго. Кооперативный трудъ требуетъ извѣстнаго развитія и проникновенія всѣхъ производителей сознаніемъ общей пользы. Съ развитіемъ народнаго образованія, съ ростомъ трэдъ-юніоновъ, съ нарожденіемъ дешевой народной прессы, проведшей въ сознаніе массы много

свѣтлыхъ идей, съ призваніемъ новыхъ слоевъ къ общественной жизни,—пропорціонально крѣпли и развивились коопераціи. Впрочемъ, убытки производительныхъ обществъ въ первые годы существованія были сильно преувеличены врагами ихъ. «Были исчислены убытки всѣхъ обществъ, называвшихъ себя коопераціями, причемъ не принималось совершенно во вниманіе, заключаютъ ли они въ себѣ какой-нибудь кооперативный принципъ или же нѣтъ,—говоритъ Генри Вивіанъ. Такъ, напримѣръ, въ 1883 г. былъ составленъ списокъ 224, будто бы, кооперативныхъ обществъ, понесшихъ убытки. Между тѣмъ, въ этомъ спискѣ было всего лишь 24 дѣйствительно кооперативныхъ общ.» *). Собственно говоря, правильная, безусловно вѣрная статистика существуетъ лишь со времени основанія «Рабочей ассоціаціи для поощренія кооперативнаго производства» («Labour Association for Promoting Co-operative Production). «Ассоціація» основана въ 1880 г. Несторомъ кооперативнаго движенія въ Англіи, правовѣрнымъ ученикомъ Оуэна—Голіокомъ. Цѣль ея: 1) путемъ печати, распространенія литературы, чтенія лекцій и пр. познакомить народъ съ принципами кооперацій и съ выгодами ихъ; 2) содѣйствовать объединенію трэдъ-юніоновъ и кооперацій для взаимной пользы и прогресса; 3) доставлять всевозможныя свѣдѣнія о положеніи существующихъ кооперацій и участвующихъ въ нихъ рабочихъ. Въ настоящее время «Labour Association» состоитъ изъ 300 членовъ да изъ 45 кооперацій, состоящихъ въ свою очередь изъ 12 тысячъ сочленовъ и владѣющихъ капиталомъ въ 360,000 ф. ст. Въ прошломъ году «Ассоціація» прочла во всѣхъ частяхъ Англіи болѣе 250 публичныхъ лекцій о коопераціяхъ да выпустила около 50 памфлетовъ, которые разошлись въ количествѣ 250 тысячъ экземпляровъ. «Рабочая Ассоціація» издаетъ свой собственный журналъ «Labour Copartnership». Она основала много новыхъ кооперацій, поддерживаетъ ихъ всячески, доставляетъ имъ работу. Теперь она строитъ дома для кооператоровъ **).

III.

Вотъ таблица, показывающая положеніе производительныхъ кооперацій въ настоящее время. Цифры взяты изъ упомянутой уже выше брошюры Вивіана.

---

*) Henry Vivian, «What co-operative Production is doing», 1897.

**) См. «Twenty-nintg annual co-operative congress», 1897 и также «Labour Annual», 1897.

	1883 г.	1893 г.	1895 г.	1896 г.
Число обществъ . .	15	110	155	160
Капиталъ	103,436	639,884	915,302	1,000,000
Продано за годъ . .	160,751	1,292,550	1,859,876	2,000,000
Прибыль	9,031	67,653	94,305	1,000,000
Убытки	114	2,984	2,296	—

Сумма всюду показана въ фунтахъ ст.

Въ числѣ этихъ обществъ есть коопераціи чулочниковъ, башмачниковъ, жестяныхъ дѣлъ мастеровъ, ткачей, валяльщиковъ сукна, механиковъ, котельниковъ, печатниковъ, часовыхъ дѣлъ мастеровъ, ножевщиковъ, каменьщиковъ, портныхъ, горшечниковъ, сыроваровъ и пр. Одна изъ старѣйшихъ кооперацій это— Гебденбриджское общество ткачей бумазеи (Hebden-Bridge Fustian Society), возникшее въ 1870 г. Основной капиталъ былъ составленъ изъ членскихъ взносовъ по три пенса. Дѣятельность на первыхъ порахъ сводилась почти къ нулю. Кооперація лишь разрѣзывала большіе куски бумазеи, затѣмъ посылала одного изъ сочленовъ продавать ихъ на улицахъ. Сочувствующія лица и потребительныя коопераціи явились на помощь. Въ 1872 г. изъ 1,806 ф. основного капитала рабочимъ принадлежали лишь 29 ф. Общество приняло систему участія рабочихъ въ прибыляхъ. Введено было правило, по которому прибыль не выдается до тѣхъ поръ, пока она не составитъ достаточной суммы для пріобрѣтенія двадцати паевъ по одному фунту. Результаты видны по числу паевъ, которые принадлежатъ теперь рабочимъ. Въ концѣ 1896 г. потребительнымъ коопераціямъ принадлежали 10,655 ф. основного капитала, рабочимъ 8,323 ф. и частнымъ лицамъ — 13,910 ф. Общество владѣетъ теперь фабрикой, домами; ему принадлежитъ большой прудъ и пр. Въ кооперації участвуютъ теперь 332 раб., которые всѣ пользуются правомъ голоса въ правленіи. Среднимъ числомъ, каждый изъ нихъ имѣетъ паевъ на 26 ф.

Посмотримъ теперь, какъ выражается въ цыфрахъ прогрессъ гебденбриджскаго общества ткачей бумазеи.

Годы.	Число членовъ.	Продано фабрикатовъ.	Получено прибыли.
1870	95	55 ф.	3 ф.
1880	384	18,625 »	1,774 »
1890	684	38,794 »	3,499 »
1892	742	39,578 »	5,118 »
1896	822	46,862 »	4,829 » *)

*) Въ 8 № журнала „Labour Co-partnership“ за августъ 1897 г. мы находимъ цыфру, относящуюся къ болѣе позднему періоду. За первую половину этого года продано фабрикатовъ на 22,499 ф., а прибыли получено 2,136 ф. Пайщики получили по 1 шиллингу на фунтъ дивиденда.

Въ этомъ обществѣ не выгодно отозвалось то, что капиталъ рабочихъ на первое время составлялъ лишь одинъ процентъ: они могутъ подавать голосъ, но не могутъ быть избраны въ комитетъ правленія. За то послѣдній состоитъ исключительно изъ рабочихъ и пайщиковъ въ цвѣтущемъ «A Society» башмачниковъ и сапожниковъ. Эта кооперація стала на ноги сама, безъ посторонней помощи. Посторонніе акціонеры явились лишь тогда, когда дѣла наладились уже вполнѣ. Кооперація вначалѣ состояла всего лишь изъ 3 членовъ, теперь ихъ триста. Всѣ они пайщики. Въ апрѣлѣ 1895 г. общество открыло свой собственный великолѣпный магазинъ. Его мастерскія снабжены дорогими машинами новѣйшей системы и настолько просторны, что могутъ вмѣстить еще 600 человѣкъ.

«Лейстерское кооперативное общество чулочниковъ» (Hosier co-operative society) основано въ 1876 г. Въ 1891 г. всѣхъ членовъ было 260, и они раздѣлили между собою 628 ф. прибыли, а въ 1896 г. общество насчитывало 660 членовъ и записало въ приходъ 3,313 ф. ст. прибыли. Какъ и гебденбриджское общество ткачей бумазеи, «Hosier Society» тоже вначалѣ не допускало рабочихъ въ комитетъ правленія; но теперь это постановленіе уже болѣе не существуетъ. Отличны дѣла уольсальскаго общества слесарей (Walsall Padlock Society), основаннаго вначалѣ исключительно съ цѣлью поддержать стачечниковъ. Примѣры дѣйствуютъ заразительно. Интересно видѣть, какъ принципъ коопераціи находитъ въ какомъ нибудь городѣ все большее и большее число сторонниковъ и захватываетъ все большую и большую область. Возьмемъ, напримѣръ, Лейстеръ. Вначалѣ тамъ основалась кооперація чулочниковъ, о которой я уже говорилъ выше; удачная попытка заохотила другихъ, и вскорѣ появились тамъ же двѣ артели башмачниковъ, дѣла которыхъ тоже пошли великолѣпно. Тогда основалось кооперативное общество печатниковъ, которое тоже быстро стало на ноги. Типографы вошли въ союзъ съ обществомъ механиковъ и образовали одно «Leicester Co-operative Engineers' Society» (Лейстерское кооперативное общество механиковъ). Успѣхъ общества соблазнилъ лейстерскихъ каменьщиковъ. То же заразительное вліяніе примѣра мы наблюдаемъ въ Кеттерингѣ. Когда здѣсь узнали о томъ, какъ хорошо устроились лейстерскіе башмачники, кеттерингскіе сапожники сейчасъ же объединились въ союзъ. Дѣла пошли хорошо и вотъ возникаютъ коопераціи портныхъ, затѣмъ — каменьщиковъ. Нужно сказать, что въ каждомъ изъ этихъ городовъ существуютъ богатыя потребительныя общества (рочдейлевскаго типа), которыя оказываютъ всевозможное содѣйствіе возникающимъ производительнымъ обществамъ. Затѣмъ, коопераціи помогаютъ другъ другу. Кеттерингскіе каменьщики, напримѣръ, выстроили магазинъ и мастерскую для мѣстной коопераціи портныхъ. Не такъ давно еще Лондонъ называли «The

cooperative desert», кооперативной пустыней. Теперь, однако, эта «desert» начинаетъ оживляться. Прочно стала на ноги мѣстная кооперацiя переплетчиковъ (London Co-operative Bookbinders), хотя она существуетъ лишь десять лѣтъ. «Лондонскiе переплетчики» удѣляютъ значительную часть своихъ прибылей въ «воспитательный фондъ». Они—самые усердные посѣтители вольнаго университета, что на Ормондъ-стритъ (Working men's college). Блестяще ведетъ также свои дѣла «Лондонская кооперацiя кожевниковъ» и «союзъ механиковъ». Въ послѣднее время союзъ каменьщиковъ насчитываетъ болѣе 800 человѣкъ. Огромное значенiе для производителей имѣло учрежденiе въ Лондонѣ двухъ обществъ: «Cooperative productive federation» (кооперативная производительная федерацiя) и «Co-operative Institute Society» (кооперативное учредительное общество). «Федерацiя» поставила себѣ цѣлью: 1) распространять между потребительными обществами такъ называемый «list», т. е. списокъ всѣхъ вещей, изготовляемыхъ производительными обществами, съ обозначенiемъ цѣнъ; для этого, спецiальные агенты объѣзжаютъ всѣ мастерскiя, такъ что кооператоры могутъ входить въ непосредственныя отношенiя съ ними; 2) устройство выставокъ, на которыхъ могли бы быть экспонированы фабрикаты всѣхъ производительныхъ обществъ. «Institute Society» устроило въ Лондонѣ центральный магазинъ для продажи вещей, изготовленныхъ кооператорами.

Интересное явленiе среди кооператоровъ составляетъ «Женская кооперативная гильдiя» (Women's Co-operative Guild), союзъ работницъ, входящiй въ ассоцiацiю съ другими аналогичными обществами. «Гильдiя» состоитъ теперь изъ 223 отдѣленiй (branches) и насчитываетъ болѣе 10,555 членовъ. Во главѣ всѣхъ отдѣленiй находится центральный комитетъ, избираемый ежегодно. Цѣль «гильдiи»: 1) познакомить женщинъ, какъ съ теорiей и практикой кооперацiй, такъ и съ другими соцiальными реформами высшаго порядка и 2) улучшить условiя домашней жизни рабочихъ. Гильдiя полагаетъ, что положенiе мужчины, какъ добывателя средствъ къ жизни (wage-earner), значительно улучшится, если женщины научатся наиболѣе цѣлесообразно тратить эти средства. Гильдiя рекомендуетъ женщинамъ «становиться пайщицами потребительныхъ обществъ, принимать участiе въ дѣлахъ ихъ, покупать лишь продукты, изготовленные тредъ-юнiонами, и всячески агитировать въ пользу фабричнаго законодательства, имѣющаго цѣлью защитить женщину работницу» *). Въ виду послѣдняго, многiя участницы «женской гильдiи» тщательно изучаютъ положенiе работницъ въ Англiи, жилища для бѣдныхъ и дѣйствiе законовъ о бѣдныхъ (poor laws). Двадцать пять членовъ «гильдiи», съ тою же цѣлью, занимаютъ теперь въ «совѣтѣ графствъ» должности такъ назы-

---

*) Labour Annual, 1897, p. 122.

ваемыхъ «poor law guardians». Гильдія собрала массу матеріаловъ, которые сослужатъ отличную службу будущему законодателю. Въ 1896 г., напримѣръ, корреспонденты «гильдіи» осмотрѣли и подробно описали 457 фабрикъ, на которыхъ работаютъ 72 тысячи женщинъ. («Annual Report», p. 46). Пока, «гильдія» не имѣетъ еще своего журнала: въ изданіи кооператоровъ ей принадлежитъ лишь отдѣлъ, носящій названіе «Woman's Corner». За то, «гильдія» ежегодно издаетъ массу памфлетовъ и брошюръ, изъ которыхъ нѣкоторыя прекрасно составлены *) Фонды гильдіи не велики. Главнымъ образомъ, они состоятъ изъ членскихъ взносовъ (1—2 шиллинга въ годъ), изъ выручки отъ продажи литературы и устройства вечеровъ, изъ частныхъ пожертвованій и пр. Въ 1896 г. доходъ гильдіи составлялъ 312 ф. 18 ш. 3 п. Но на эти небольшія средства гильдія дѣлаетъ очень много: она открываетъ систематическіе курсы теоріи коопераціи, затѣмъ читаетъ въ различныхъ городахъ цѣлый рядъ общеобразовательныхъ лекцій, устраиваетъ конференціи, литературные клубы, семейные вечера для работницъ-матерей и пр.

Я уже нѣсколько разъ упоминалъ, что коопераціи тратятъ значительную часть своихъ доходовъ на образованіе и развитіе своихъ сочленовъ и дѣтей ихъ и на поднятіе ихъ нравственнаго уровня. Въ прошломъ году такимъ образомъ, затрачено было 42 тысячи ф. ст. Смотря по средствамъ своимъ, коопераціи удѣляютъ ежегодно отъ 1 ф. ст. до 2000 ф. въ «воспитательный фондъ». Изъ отчета, прочитаннаго спеціальнымъ комитетомъ на 29 конгрессѣ кооператоровъ, видно, что 153 общества удѣляли менѣе 50 ф. въ годъ, 39—отъ 50—100 ф., 30 обществъ—отъ 100—200 ф. Шесть коопераціи даютъ ежегодно на образовательныя цѣли болѣе 1000 ф. Мы можемъ намѣтить три главныхъ теченія въ системѣ воспитанія,—говоритъ докладчикъ: 1) стремленіе путемъ лекцій, вечернихъ классовъ, распространенія литературы, пропаганды на митингахъ и пр.—распространить знаніе принциповъ и методовъ коопераціи; 2) стремленіе путемъ университетскихъ и частныхъ лекцій, вечернихъ и дневныхъ школъ, библіотекъ постоянныхъ и передвижныхъ,—доставитъ общее образованіе и 3) желаніе дать сочленамъ и дѣтямъ ихъ разумныя и полезныя развлеченія. Съ этой цѣлью общества основываютъ читальни, спеціальные митинги, «tea meetings», концерты, политическіе и литературные клубы, клубъ для организаціи поѣздокъ (rambling clubs) *), затѣмъ хоры, крокетные клубы и пр. На

*) Таковы изданныя въ прошломъ году брошюры: «The History of the Poor-law» (Исторія закона о бѣдныхъ), «Why working women need the vote» (Почему рабочей женщинѣ необходимо право голоса въ выборахъ), «The life of a Weaver». (Жизнь ткача), «Working Day in the Home», (Рабочій день дома), etc.

**) На кооперативныхъ началахъ предпринимаются поѣздки въ глубь

читальни и библіотеки коопераціи въ прошломъ году израсходовали 16.607 ф. Развитіе кооператоровъ быстро подвинулось впередъ съ тѣхъ поръ, какъ коопераціи проявили сильное тяготѣніе къ родственному, въ сущности, институту, къ university extension.

«Основной тонъ нашего столѣтія: демократія и взаимопомощь,— сказалъ одинъ изъ ораторовъ на конференціи university extension въ Оксфордѣ, 4 августа этого года. Какъ коопераціи, такъ и university extension оба настроены именно на этотъ тонъ». Далѣе ораторъ указалъ на то, какое огромное значеніе придавали образованію первые провозвѣстники кооперативнаго движенія въ Англіи. Они явились піонерами въ учрежденіи вольныхъ библіотекъ, распространять которыя взялись теперь муниципалитеты. Они же поощряли техническое образованіе за долго до того, какъ за это взялись совѣты графства (county councils). Теперь коопераціи должны явиться эпигонами провозвѣстниковъ: онѣ должны дать толчекъ высшему образованію, носителемъ котораго является University Extension. Многія коопераціи и въ настоящее уже время живо заинтересованы вольнымъ университетомъ. Въ Ольдгамѣ, напримѣръ, на лекціи записалось болѣе 1000 студентовъ рабочихъ. Въ Тодморденѣ кооперація взяла на себя всѣ расходы по содержанію лекторовъ, и затѣмъ открыла свободный доступъ въ аудиторію для всѣхъ желающихъ. Въ Гебденъ-Бриджѣ, въ Болтонѣ, въ Плимутѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ коопераціи оказали University Extension сильное содѣйствіе.

University Extension и коопераціи подали теперь другъ другу руки и взаимно будутъ преслѣдовать общую цѣль: развитіе въ сочленахъ тѣхъ высшихъ идеаловъ, безъ которыхъ не можетъ существовать ни нормальное человѣческое общество, ни разумное счастье, — прибавилъ другой ораторъ, маркизъ Рипонъ. И на конференціи была подписана своего рода унія между двумя родственными движеніями. Вообще, оксфордскій университетъ, мѣсто рожденія «University Extension movement», играетъ теперь видную роль въ исторіи кооперативнаго движенія.

Помимо университетскихъ и частныхъ лекцій, образованію молодыхъ кооператоровъ содѣйствуетъ также много то, что у насъ было бы названо кружками саморазвитія. Большею частью, кружки эти устраиваются сочленами въ небольшихъ, небогатыхъ коопераціяхъ, находящихся въ глухихъ провинціальныхъ городахъ, иногда далеко отъ желѣзныхъ дорогъ. Въ англійской литературѣ очень много прекрасно составленныхъ книгъ для саморазвитія. Видное мѣсто среди нихъ занимаетъ «Максимліановская» коллекція, «Eng-

---

страны, на берегъ моря, на о. Мэнъ или же на континентъ. Особенно дѣятельное участіе въ устройствѣ такихъ экскурсій принимаетъ лондонскій «Политехникумъ», который возитъ ежегодно нѣсколько тысячъ ооператоровъ въ Швейцарію Парижъ, на о. Мадеру и т. д.

lish Citizen series». Здѣсь мы находимъ томики, трактующіе о всемъ томъ, что необходимо знать англійскому гражданину: о центральномъ правительствѣ, о правахъ и обязанностяхъ англичанина, объ избирательномъ правѣ и законодательствѣ, о мѣстномъ самоуправленіи, объ отношеніи государства къ труду, къ земельному вопросу и къ церкви и пр. Вотъ на этихъ то серіяхъ и воспитываются кооператоры въ глухихъ городахъ. Обыкновенно, это взаимное ученіе происходитъ такъ. Кружокъ кооператоровъ собирается вечеромъ послѣ работы въ клубѣ (безъ послѣдняго никакой англичанинъ не можетъ жить: лорды и нищіе, ученые и извощики, взрослые и дѣти, имѣютъ свои клубы). Кто-нибудь изъ рабочихъ поочереди читаетъ вслухъ какую-нибудь книжку изъ названной серіи. Всякій, кому какое либо мѣсто не понятно, или же, кто желаетъ поднять вопросъ по поводу какого-нибудь пункта, проситъ чтеца очеркнуть мѣсто въ книгѣ; затѣмъ чтеніе продолжается. Къ концу вечера, всѣ очеркнутыя мѣста просматриваются, систематизируются, прочитываются вновь и просившимъ очеркнуть предлагается поднять дебаты. Кооператоры любятъ эту систему, потому что она не прерываетъ чтенія.

Я сказалъ уже объ одномъ могучемъ союзникѣ кооперацій; у нихъ теперь есть еще другой, не менѣе сильный, хотя въ другомъ родѣ: Trade-Unions, рабочіе союзы. Уже много лѣтъ вожди обоихъ движеній энергично проповѣдуютъ необходимость тѣснаго союза. «Прямая обязанность кооператоровъ и трэдъ-юніонистовъ помогать и поддерживать всячески другъ друга,—читаемъ мы въ превосходной лекціи Беатрисы Сидней-Веббъ «The Relationship between Co-operation and Trade Unionism». Кооператоръ рабочій, который не состоитъ въ то же время членомъ своего трэдъ-юніона — грѣшитъ противъ всѣхъ пунктовъ катехизма взаимопомощи. Трэдъ-юніонистъ, не принимающій участія въ коопераціи,—самъ же кладетъ новыя заклепки на свои цѣпи... Вожди тредъ-юніоновъ и кооперативнаго движенія, съ милліонами сочленовъ, имѣютъ впереди благородныя цѣли, къ которымъ имъ слѣдуетъ стремиться. Если они станутъ взаимно поддерживать другъ друга,—«sweating system» (т. е. система поштучной работы на дому, дающая возможность страшно эксплуатировать рабочихъ) будетъ окончательно изгнана изъ страны, а чрезмѣрно продолжительный рабочій день и другія формы промышленнаго порабощенія сдѣлаются совершенно невозможнымъ явленіемъ. Союзъ долженъ быть основанъ на взаимномъ уваженіи принциповъ, на которыхъ держится каждая изъ двухъ организацій. Безъ этого никакой прогрессъ не возможенъ. Союзъ между кооперативнымъ движеніемъ и трэдъюніонизмомъ долженъ быть похожъ на идеальный бракъ, въ которомъ каждая изъ сторонъ уважаетъ индивидуальность другъ друга, но, въ то же время, сообща стремятся къ одной цѣли». Такъ писала Сидней Веббъ въ 1892 г. Теперь не нужно уже

болѣе доказывать ни кооператорамъ, ни трэдъ-юніонистамъ необходимость союза. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить помощь, оказанная пенринцамъ.

Такимъ образомъ, кооперативное движеніе въ Англіи обѣщаетъ превратиться въ могучій потокъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ одномъ руслѣ слились три теченія: 1) потребительныя кооперацiи рочдейлевскаго типа, 2) трэдъ-юніонизмъ и 3) University Extension.

IV.

При открытіи праздника кооператоровъ Ривсъ не безъ основанія сказалъ, что онъ является представителемъ страны, которую лишь нѣсколько недѣль тому назадъ знали только по одному названію. Внезапный интересъ къ ней возбудилъ брилліантовый юбилей. Тогда премьеры далекихъ колоній произвели въ Лондонѣ такое же впечатлѣніе, какъ Франклинъ во время своего пріѣзда въ Парижъ въ 1776 г. Публика съ восторгомъ узнала о томъ, что далеко за океаномъ выступило на арену жизни молодое общество, которое воспользовалось опытомъ стараго свѣта и рѣшилось слѣдовать, поэтому, новымъ путемъ. Послѣ юбилея Новую Зеландію не забыли. Наоборотъ, обстоятельства сложились такъ, что ее вспоминали не одинъ разъ. Прекратилась одиннадцатимѣсячная стачка въ Виѳездѣ (Валисѣ); владѣльцы механическихъ заводовъ устроили lock-out (разсчетъ забастовавшихъ), когда рабочіе потребовали восьмичасоваго дня — и пресса вспомнила Новую Зеландію, гдѣ стачки lock-out теперь невозможны, а восьмичасовый рабочій день введенъ всюду. Умеръ бывшій министръ гладстоновскаго кабинета Джонъ Мунделла, пытавшійся установить при министерствѣ промышленности третейскій судъ для рѣшенія недоразумѣній между предпринимателями и рабочими,—и опять всѣ вспомнили Новую Зеландію, гдѣ эти третейскіе суды дѣйствуютъ превосходно. Вышелъ отчетъ о плачевномъ положеніи земледѣлія въ Англіи, о чрезмѣрномъ ростѣ арендной платы, — и опять заговорили о земельныхъ реформахъ въ далекой колоніи. Словомъ, Новая Зеландія вспоминается часто. Наконецъ, на праздникѣ кооператоровъ Ривсъ заявилъ, что кооперативное движеніе захватило мощнымъ потокомъ его родную страну. Мнѣ кажется, поэтому, что читатели «Русскаго Богатства» ничего не будетъ имѣть, если я постараюсь въ общихъ чертахъ передать положеніе этой интересной колоніи, о которой говорятъ такъ много.

Новая Зеландія — два острова, лежащіе совершенно обособленно отъ остального міра и опоясанные не только моремъ, но еще и океаномъ. Острова эти продолговаты, гористы, необыкновенно живописны, а климатъ ихъ удивитель-

ный: мягкій, ласкающій, едва ли не самый здоровый въ мірѣ. Смертность теперь не превышаетъ 9,04 на тысячу. Болотныя лихорадки и очень много другихъ болѣзней совершенно неизвѣстны. По контуру и по богатству красокъ острова напоминаютъ туристамъ Италію или же Японію. Почва даетъ 60—70 бушелей зерна съ акра. Овесъ даетъ еще лучшій урожай. Населеніе состоитъ изъ 700 тысячъ человѣкъ бѣлыхъ и изъ 40—50 тысячъ добродушныхъ инородцевъ (маорисовъ), которые всего лишь два поколѣнія тому назадъ считались самымъ свирѣпыми людоѣдами въ мірѣ. Населеніе живетъ, главнымъ образомъ, вдоль береговъ; но колоніи встрѣчаются и внутри острова. Новозеландцы не знаютъ, что такое милліонеръ; но имъ неизѣстна въ то же время и крайняя нищета. По богатству, приходящемуся среднимъ числомъ на каждаго обывателя,—Новая Зеландіи занимаетъ второе мѣсто въ мірѣ. По количеству же заработковъ ей принадлежитъ первое мѣсто. Нужно еще прибавить, что этотъ маленькій народъ высоко образованъ. Въ настоящее время въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ да въ университетахъ воспитываются 150 тысачъ юношей и дѣтей. Изъ нихъ государство всецѣло содержитъ 0,9. Университеты, среднія учебныя заведенія и почти всѣ начальныя школы (0,9) — принадлежатъ государству. Образованіе всюду свободное, безплатное, свѣтское и обязательное. Оно находится въ вѣдѣніи мѣстныхъ ученыхъ комитетовъ (local education boards), избираемыхъ ad hoc. «Народъ крайне дорожитъ своей системой образованія, и горе тому, кто покусится на нее», читаемъ мы у одного изъ Ново-зеландскихъ публицистовъ. Въ Новой Зеландіи женщины пользуются всѣми правами, между прочимъ, и избирательными. Въ университетахъ женщины могутъ получать всѣ степени наравнѣ съ мужчинами. «Вы видите, — говоритъ Ривсъ, — что у насъ ни одинъ ученый ораторъ не могъ бы, хотя бы даже и въ латинской рѣчи, сравнить стремленія женщинъ, добивающихся правъ въ университетѣ, съ бѣшенствомъ, которое порой охватываетъ собакъ». (Подобное сравненіе сдѣлалъ въ маѣ этого года одинъ изъ ученыхъ докторовъ кембриджскаго университета).

«Богатство Новой Зеландіи исчисляется въ 200 милліоновъ ф. ст. Я подчеркиваю это обстоятельство,—пишетъ одинъ изъ мѣстныхъ публицистовъ, — для того, чтобы вы видѣли, что, хотя мы и сдѣлали нѣсколько смѣлыхъ реформъ (нѣкоторые называютъ ихъ даже безумными), но отнюдь не поступали на обумъ. Я думаю, вы сами поймете, что страна, которая почти вся состоитъ изъ состоятельныхъ людей, не станетъ шутить шутокъ (is not likely to play ducks and dracks) съ національнымъ богатствомъ» *). Большинство реформъ было проведено въ Новой Зеландіи въ по-

*) «Reform and Experiment in New-Zealand», p. 21.

слѣднія пять лѣтъ. И прежде государство было здѣсь самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ, а потому самымъ крупнымъ получателемъ арендной платы; и прежде правительство являлось почти исключительнымъ подрядчикомъ при работахъ. И прежде ему принадлежала иниціатива въ дѣлѣ воспитанія. Государству не принадлежали лишь почта да маяки (собственность британскаго правительства), за то оно всецѣло владѣло телеграфами и великолѣпной системой телефоновъ, которые связываютъ всѣ населенныя мѣста. Затѣмъ, государство монополизировало страховку жизни, капиталовъ и имущества. Ему же принадлежали (за ничтожными исключеніями) всѣ желѣзныя дороги на островахъ. Правительственныя земельныя нотаріальныя конторы (Government Land Transfer Offices) свершаютъ почти всѣ купчія крѣпости и передаточныя записи въ Новой Зеландіи. Государство монополизировало также дѣятельность повѣренныхъ, частныхъ опекуновъ и кураторовъ учрежденіемъ особыхъ департаментовъ, называемыхъ «общественными повѣренными» (Public Trustee offices). Имъ поручаетъ свое имѣніе всякій, предпочитающій государственнаго повѣреннаго—частному. «Public Trustee» передаются имѣнія лицъ, не оставившихъ духовнаго завѣщанія, если наслѣдники оставили Новую Зеландію или же если они настолько беззаботны, что не взяли ввода во владѣніе. Public Trustee хранитъ также завѣщанія, пока не явится наслѣдникъ. Ему поручается управленіе имѣніемъ безумнаго. «Я нисколько не преувеличу,—замѣчаетъ цитируемый выше авторъ,—сказавъ, что въ Новой Зеландіи Public Trustee является дѣйствительнымъ другомъ вдовъ и сиротъ. Public Trustee никогда не умираетъ; онъ никогда не можетъ сойти съ ума, уѣхать потихоньку, обанкротиться, словомъ, никогда не можетъ стать повѣреннымъ, которому вы болѣе не вѣрите». (ib. p. 22). «Public Trustee offices» настолько популярны, что въ ихъ вѣдѣніи находится болѣе, чѣмъ на $1^1/_2$ милліона ф. ст. имущества. Всѣ эти учрежденія существовали уже пять лѣтъ тому назадъ, до начала реформаціоннаго періода. Такимъ образомъ, населеніе было подготовлено къ нововведеніямъ. Оно привыкло къ вмѣшательству государства, когда дѣло идетъ объ общемъ благѣ. Въ 1891 году произошло сліяніе нѣсколькихъ партій: «рабочая организація» соединилась съ «новой рабочей партіей» и со старыми либералами. Во главѣ этого сильнаго союза сталъ энергичный дѣятель—Баллансъ. Сплоченныя группы выступили въ парламентѣ съ широкими организаціонными планами. Первой реформой была попытка сдѣлать государство единственнымъ выдавателемъ фермерамъ мелкихъ и крупныхъ ссудъ. Два года тому назадъ прошелъ законъ, которымъ государство уполномочивается свершить внѣшній заемъ для того, чтобы имѣть возможность выдавать ссуды. Результаты были немедленны: процентъ на капиталъ упалъ сразу. Второй реформой огромной важности было введеніе новой системы земель-

ныхъ и подоходныхъ налоговъ. Земельный налогъ падаетъ всецѣло на стоимость *необработанной* почвы, т. е. цѣлины. Всѣ улучшенія, сдѣланныя фермеромъ, постройки, скотъ и т. д. избавлены отъ налога. «Обложенію не подлежитъ все то, что фермеръ сдѣлалъ для земли въ потѣ лица своего или же при помощи капитала», гласитъ законъ. Въ силу этого закона, фермеръ крестьянинъ, въ сущности, не платитъ ничего: обложенію налогомъ не подлежитъ совершенно земля, которая *до обработки*, въ цѣлинѣ, стоила меньше 500 ф. ст. Выше 500 ф. налогъ равняется 1 пени на фунтъ. Если же земля до обработки стоила выше 5 тысячъ ф., тогда является новый элементъ—прогрессивный налогъ. Въ силу его, имѣніе въ 210,000 ф. ст. облагается огромнымъ налогомъ въ три пенса съ фунта, т. е. владѣлецъ вноситъ ежегодно около 8500 руб. Подоходный налогъ основанъ на томъ же принципѣ прогрессивности. Имѣющіе меньше 300 ф. въ годъ дохода—не платятъ никакихъ налоговъ. За первую тысячу ф. выше 300 упомянутыхъ только что, платится по 6 пенсовъ съ фунта, за болѣе высокій доходъ—по шиллингу съ фунта т. е. 5%). Такимъ образомъ, быть крупнымъ капиталистомъ въ Новой-Зеландіи—не особенно выгодно.

Правительство ввело систематическій контроль надъ землей. Это—серія законовъ, имѣющихъ конечной цѣлью національзировать, по возможности, почву. Въ первые годы, какъ и во всѣхъ молодыхъ странахъ, правительство Новой Зеландіи раздавало беззаботно землю. Оно было убѣждено тогда, что самое лучшее, что можетъ сдѣлать государство, это—отдѣлаться скорѣе отъ земли и достать кого-нибудь, кто согласился бы вспахать ее или же хоть пасти скотъ на цѣлинѣ. Въ результатѣ было то, что у правительства ушелъ не одинъ десятокъ тысячъ акровъ. Съ 1891 г. государство приняло систему краткосрочной аренды. Оно совершенно не продаетъ землю, но ввело такъ называемую «permanent tenure» (вѣчную аренду), которая оставляетъ за правительствомъ право постояннаго контроля, а фермеру даетъ прерогативы собственности. Колонистъ получаетъ опредѣленный участокъ земли на 999 лѣтъ и платитъ за него государству по 4%, считая на стоимость цѣлины. Подъ системой eterneal lease колонистъ не можетъ заложить свою землю; но можетъ получить отъ правительства ссуду *подъ тѣ улучшенія*, которыя сдѣлалъ у себя (т. е. подъ постройки, подъ ирригаціонныя сооруженія etc.). Правительство сохраняетъ за собою вѣчный контроль и слѣдитъ затѣмъ, чтобы на землю осѣлъ фермеръ bona fide. Если колонистъ передаетъ землю другому, то правительство предъявляетъ тѣ же требованія и къ новому владѣльцу. Два года тому назадъ прошелъ законъ, уполномочивающій правительство пріобрѣтать обратно тѣ земли, которыя оно такъ беззаботно когда то раздавало. Въ иныхъ случаяхъ правительство можетъ экспропріировать ихъ; обыкновенно же это дѣлается такъ. Круп-

ные землевладѣльцы находятъ невыгоднымъ для себя платить огромный прогрессивный налогъ и уступаютъ землю правительству. Въ силу закона, землевладѣлецъ можетъ потребовать у правительства, чтобы оно купило его владѣнія, разъ онъ находитъ, что подоходная оцѣнка очень высока.

Новая парламентская партія реформировала также совершенно въ 1894 году фабричное законодательство. Былъ выработанъ цѣлый рядъ мѣръ, стремящихся къ тому, чтобы защитить, по возможности, право труда. Безъ сомнѣнія, фабричный кодексъ въ Новой Зеландіи теперь самый прогрессивный во всемъ мірѣ. На фабрику не можетъ быть принятъ никто моложе 14 лѣтъ. Затѣмъ, мальчики и дѣвушки старше этого возраста могутъ быть приняты лишь тогда, когда предъявятъ свидѣтельство объ окончаніи начальной школы. До 16 лѣтъ мальчикъ или дѣвушка, желающіе поступить на фабрику, должны предъявить медицинское свидѣтельство о томъ, что физически совершенно здоровы. Чтобы мастерскія не могли ускользнуть отъ вниманія фабричныхъ инспекторовъ, введенъ законъ, по которому фабрикой признается всякое помѣщеніе, въ которомъ работаютъ болѣе, чѣмъ два человѣка. Законодательство употребило всѣ усилія, чтобы, по возможности, уничтожить работу на дому. Такъ называемая, «sweating system», свирѣпствующая въ Лондонѣ, въ Лидсѣ и въ Ливерпулѣ, система, превращающая рабочихъ въ бѣлыхъ невольниковъ,—служила Ново-Зеландскому правительству хорошимъ Memento! Далѣе законъ предписываетъ, что никто, моложе 18 лѣтъ, не долженъ работать на фабрикахъ более чѣмъ 48 часовъ въ недѣлю. Женщины не допускаются на ночныя работы. Въ извѣстные дни года фабричный инспекторъ можетъ разрѣшить «over-time» т. е. работу сверхъ назначеннаго времени; но за каждый лишній часъ рабочіе должны получать, въ такомъ случаѣ, лишнюю плату (minimum—6 пенсовъ въ часъ). Каждому рабочему, кромѣ воскресенья, въ недѣлю долженъ быть предоставленъ «полъ-праздника» (half-holiday), послѣ часа дня, безъ вычета изъ жалованія. Тотъ же самый законъ существуетъ и относительно приказчиковъ въ магазинахъ, которыхъ фабричное законодательство въ Англіи, напримѣръ, совершенно не касается. Послѣдній законъ было очень трудно провести. Онъ потребовалъ пятилѣтней борьбы. «Полу-праздники» назначаютъ по взаимному соглашенію рабочихъ и предпринимателей. Каждый округъ назначаетъ свой день. Лишь въ одномъ мѣстѣ въ Новой-Зеландіи полупраздникъ приходится въ субботу; во всѣхъ же остальныхъ мѣстахъ,—въ среду или же въ четвергъ.

Три закона касаются рабочей платы. Всѣ они стремятся къ тому, чтобы всякій рабочій могъ получать отъ предпринимателя плату безъ задержки, полностью и наличными деньгами. (Законъ говоритъ: «Every workman should be entitled to get his wages in

full, in coin, get them quickly). Массу стараній приложено къ тому, чтобы предупредить систему разсчета товарами. Законъ предписываетъ предпринимателямъ устраивать разсчетъ каждую недѣлю. Всякій рабочій, жалованіе котораго задержано 24 часа, имѣетъ право подать заявленіе; тогда на доходы предпринимателя налагается запрещеніе и изъ первыхъ же денегъ производится разсчетъ. Рядъ законовъ говоритъ объ отвѣтственности предпринимателей за жизнь и безопасность рабочихъ. Законодатели предусмотрѣли, такъ называемое, contracting-out, т. е. заключеніе условія въ обходъ закона объ отвѣтственности предпринимателя. Послѣдній не можетъ также обойти законъ при помощи передачи контракта или же машинъ въ аренду подрядчику. Но больше всего новозеландскіе реформаторы дорожатъ своимъ «Conciliation and Arbitration act», закономъ, стремящимся положить конецъ промышленнымъ войнамъ: стачкамъ, съ одной стороны, и «lock-outs» (т. е. разсчетъ забастовавшихъ)—съ другой. Эти промышленныя войны едва ли не болѣе гибельны, чѣмъ обыкновенныя сраженія. Реформаторы исходили изъ того положенія, что, если возможно обыкновенную войну предупредить третейскимъ судомъ, то почему же нельзя сдѣлать того же при промышленной войнѣ? Нужно имѣть въ виду, что conciliation and arbitration act, о которомъ я сейчасъ скажу, проведенъ по настоятельному желанію трудящагося класса. Оправдаетъ ли законъ ожиданія, возлагаемыя на него,—покажетъ, конечно, лишь будущее. Третейскій судъ состоитъ изъ двухъ инстанцій: изъ суда и аппеляціонной палаты (Court of Appeal). Рѣшеніе послѣдней инстанціи окончательно. За два года существованія закона ни одинъ споръ *ни разу* не доходилъ еще до второй инстанціи: обѣ стороны оставались довольны рѣшеніемъ суда и подчинялись ему. Подобные суды были устроены въ Англіи по иниціативѣ Джона Мунделлы. Нельзя сказать, чтобы дѣятельность ихъ была успѣшна. Новозеландскіе публицисты объясняютъ эту неудачу многими обстоятельствами; между прочимъ, тѣмъ, что: 1) рабочіе никогда не были увѣрены въ безпристрастности третейскаго суда и 2) тѣмъ, что въ Англіи не было второй инстанціи, рѣшеніе которой *окончательно.*

Реформаторы провели три года тому назадъ билль о женскихъ правахъ. Съ тѣхъ поръ были уже общіе выборы, и никто не жаловался на то, что на сцену явились новые избиратели. По закону, право голоса имѣютъ всѣ рѣшительно женщины, достигшія совершеннолѣтія и живущія постоянно въ одномъ изъ избирательныхъ округовъ Новой Зеландіи. Выборы доказали, что женщины могутъ принимать участіе въ нихъ и что они не вносятъ рѣшительно никакого разлада въ семью, какъ опасались противники билля. Въ девятнадцати случаяхъ изъ двадцати, какъ показалъ опытъ, вся семья подавала голосъ за одного и того же кандидата. Дочери вотировали за одно съ отцами, сестры, въ огромномъ боль-

шинствѣ случаевъ, съ нѣкоторыми лишь исключеніями,—за одно съ братьями, жены—съ мужьями. Опасались, что женщины подпадутъ подъ вліяніе духовенства, и прогрессивная партія будетъ разбита. Общіе выборы, однако, доказали противное: огромнымъ большинствомъ власть опять досталась реформаторамъ. «Женское вліяніе сказалось уже въ другой области: на сцену выдвинуты реформы, стремящіяся къ возможному сокращенію винокуренія и продажи спиртныхъ напитковъ. Затѣмъ, женщины посвятили всю энергію съ цѣлью выработки мѣръ, которыя могли бы уничтожить причины, производящія порокъ» *). Съ перваго же дня, какъ только реформаторы стали у власти,—они постарались провести билль, который дѣлаетъ излишнимъ подрядчиковъ при работахъ. Законъ этотъ извѣстенъ въ Новой Зеландіи подъ не совсѣмъ точнымъ названіемъ «Co-operative Contract System» и состоитъ въ томъ, что при подрядахъ правительство входитъ въ непосредственныя сношенія съ самими рабочими. Такимъ образомъ, роль подрядчика-хозяина совершенно уничтожается. Сдача работъ происходитъ такимъ образомъ. Правительственные инженеры составляютъ самую подробную смѣту, затѣмъ весь подрядъ раздѣляется на нѣсколько частей и сдается отдѣльнымъ рабочимъ артелямъ. Матеріалы, необходимые при работахъ, покупаетъ само правительство. Такова въ самыхъ общихъ чертахъ картина реформъ, введенныхъ въ послѣднія пять лѣтъ. Правительственная партія, гдѣ только могла, постаралась примѣнить возможно шире принципъ взаимопомощи. И примѣненіе это дало всюду блестящіе результаты.

«Я поступилъ бы крайне неправильно, если бы постарался увѣрить васъ, что весь нашъ парламентъ, вся та партія, которая провела реформы,—состоитъ исключительно изъ одних ъпламенныхъ энтузіастовъ идеалистовъ, воспитавшихся на соціалистической литературѣ и горящихъ желаніемъ увидать скорѣе свои теоріи осуществленными. Было бы совершенно ошибочно полагать, что наши реформаторы проводятъ лишь то, что соотвѣтствуетъ этимъ идеаламъ»,—сказалъ Ривсъ на банкетѣ въ политическомъ «Eighty Club».—Если наши реформаторы гордятся чѣмъ, такъ это тѣмъ, что они, прежде всего, колонисты-практики. Я отнюдь не хочу сказать этимъ, что среди нихъ нѣтъ ученыхъ людей, которые глубоко интересуются экономическими вопросами. Я отнюдь не хочу сказать, что большинство моихъ земляковъ не знаетъ, что Карлъ Марксъ и Генри Марксъ (членъ парламента, консерваторъ) не одно и то же лицо; смѣю васъ увѣрить также, что мы всѣ знаемъ, что Бернаръ Шоу (англійскій писатель коллективистъ) и сэръ Ашмедъ Бартлетъ не совсѣмъ согласны во взглядахъ **). Но

*) «Reform and Experiment in New Zealand», p. 35.

**) Сэръ Ашмедъ Бартлетъ — притча во языцѣхъ англійскаго парламента, ярый туркофилъ, ѣздившій недавно на поклоненіе въ Абдулъ-Га-

все же мы вносимъ лишь такую реформу, которую считаемъ, прежде всего, практически необходимой. Наши реформаторы, прежде всего, задаютъ себѣ вопросъ: «можетъ ли такой то билль уничтожить существующее зло? Можетъ ли онъ принести немедленную пользу? Необходимъ ли онъ сейчасъ? Если нѣтъ, то пусть лучше билль полежитъ еще». Въ силу этого, напримѣръ, реформаторы провели «Conciliation and Arbitration Bill» (законъ о третейскомъ судѣ и о посредничествѣ) не потому, что онъ даетъ возможность государству вмѣшиваться между трудомъ и капиталомъ и регулироввть промышленныя системы; но потому, что при существованіи такого закона почти немыслимо подобное зрѣлище: фабриканты устроили lock-out, а рабочіе бродятъ, не зная, гдѣ предложить свои услуги. Совершенно вѣрно, что у насъ есть идеалы; они состоятъ въ слѣдующемъ: мы всѣ страстно желаемъ, чтобы нашу прекрасную и счастливую страну миновали бы тѣ бѣдствія, которыя грозятъ не только старому свѣту, но и Америкѣ... Я глубоко убѣжденъ, что у насъ реформы не могутъ быть сметены возвратившейся реакціей или же уничтожены соціальной революціей. Ни для первой, ни для второй нѣтъ почвы въ Новой Зеландіи. Напротивъ, будущее у насъ принадлежитъ новымъ реформамъ и прогрессу».

Діонео.

Дневникъ журналиста.

Русско-польскія отношенія.

I.

Когда лавина скатывается со снѣжной вершины заоблачныхъ горъ, она быстро растетъ по пути своего фатальнаго скольжанія, увлекая съ собою новыя снѣжныя глыбы, отрывая каменья и цѣлыя скалы, сламывая и нагружаясь вѣковыми древесными исполинами, все захватывая, отъ всего наростая и усиливаясь, все увлекая и ничего не щадя... То же въ исторіи человѣческой. Когда въ какую нибудь историческую эпоху образуется силою исторической необходимости такая лавина, она не только все преодолѣваетъ на пути своемъ, не только сокрушаетъ всякое сопротивленіе и препятствіе, но и все поглощаетъ, выростая и усиливаясь сама собою потому только, что велика и могуча, и потому еще, что движется. Всякія были историческія лавины... Были идейныя, какъ крестовые походы, реформація, революція. Были и чисто стихійныя, какъ нашествія Аттилы, Чингиза, Тамерлана. Это явленіе быстро и

миду. Надъ нимъ потѣшается не только оппозиція, но и своя консервативная партія, въ которой онъ принадлежитъ къ самымъ «непримиримымъ». Это любопытный представитель отжившаго уже вѣка, считающій даже Салисбюри революціонеромъ.

чисто стихійно накопляющейся силы, внезапно выросшей изъ историческаго небытія, очень распространено въ исторіи всѣхъ эпохъ и народовъ. Разной силы бываютъ эти лавины. Чингизъ и Тамерланъ залили міръ кровью, сокрушили тысячелѣтнія царства, истребили многомильонные народы, на цѣлые вѣка погрузили человѣчество въ варварство. А совершенно такъ же начавшій совершенно такой же «мірокрушитель» султанъ Кенисары, въ сороковыхъ годахъ этого столѣтія, ограничилъ свою крушительную миссію однѣми киргизскими степями и не успѣлъ дойти даже до Оренбурга. Первые три крестовые похода далеко на востокъ и югъ отодвинули волну мусульманскаго владычества, а четвертый ограничился участіемъ въ смутахъ христіанской Византіи. И т. д., и т. д. Разные поэтому и плоды этихъ самонакопляющихся, самоpостущихъ историческихъ могуществъ. Плоды эти могутъ быть значительные и ничтожные, свѣтлые и мрачные, радостные и горестные. Чаще, впрочемъ, бываютъ они мрачные и горестные, чѣмъ свѣтлые и радостные. И европейская исторія XIX вѣка испытала эти явленія историческихъ лавинъ. Наполеонъ I является особенно яркимъ представителемъ этого рода историческихъ движеній. Менѣе ярко было того же, несомнѣнно, рода движеніе Германіи въ теченіе четверти вѣка съ 1866 по 1890 годъ. Франко-русскій союзъ обнаруживаетъ тенденцію замѣнить собою это германское движеніе. Онъ возбуждаетъ увлеченіе въ Скандинавіи, Италіи, на Балканскомъ полуостровѣ; ободряетъ славянское движеніе въ Австріи; смягчаетъ непримиримую руссофобію мадьяръ; отражается во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Что принесетъ человѣчеству и союзнымъ націямъ это все ростущее обаяніе ихъ единенія, эти самонаростающія сочувствія и содѣйствія? долго ли продлится это все забирающее движеніе франко-русской лавины? Предсказывать не берусь. Полагаю только, что предстоитъ намъ увидѣть еще очень много неожиданнаго и непредвидѣннаго, такого, что не входило въ программу франко-русскаго сближенія и о чемъ и гадать при этомъ было бы затруднительно. Полагаю, что не безъ вліянія франко-русской комбинаціи и переживаемое нами примирительное русско-польское движеніе.

Я не хочу сказать, что оно не имѣетъ другихъ причинъ. Тѣмъ менѣе склоненъ я считать его неискреннимъ или неимѣющимъ крупнаго историческаго значенія. Полагаю, однако, что и обаяніе все растущей и все сосредоточивающей франко-русской комбинаціи не могло не сыграть своей немаловажной роли въ неожиданныхъ многими событіяхъ варшавскихъ празднествъ. Если этому настроенію суждено укрѣпиться и отъ изліяній и словъ перейти въ историческое дѣло, воплотиться въ новый строй русско-польскихъ отношеній, то, несомнѣнно, еще одна карта выпадетъ изъ рукъ тройственнаго союза и однимъ больнымъ европейскимъ вопросомъ станетъ меньше. Стало бы меньше и однимъ больнымъ,

очень больнымъ русскимъ вопросомъ, наша историческая жизнь обрѣла бы болѣе правильное и нормальное теченіе, избавилась бы отъ одной изъ главныхъ причинъ постоянныхъ колебаній этого теченія. Справедливое рѣшеніе польскаго вопроса и уничтоженіе вѣковой вражды, это громадная историческая задача, давно заслуживающая вниманія не только съ точки зрѣнія пресѣченія, но и ради устраненія тѣхъ причинъ, которыя заставляютъ постоянно думать о пресѣченіи. Если для насъ, русскихъ, значеніе справедливаго рѣшенія польскаго вопроса на почвѣ искренняго устраненія вражды и недовѣрія представляется первоклассньмъ, огромнымъ дѣломъ, великою историческою задачею и великою историческою заслугою, то для поляковъ такое рѣшеніе еще много важнѣе и настоятельнѣе. Для насъ наше ненормальное сожительство съ поляками нарушаетъ нормальное теченіе нашей исторіи; полякамъ оно его совершенно извращаетъ, искажаетъ, калѣчитъ. Намъ настоятельно необходимо устраненіе этой вредной ненормальности; полякамъ вдвое, втрое необходимѣе избавиться отъ этого пагубнаго историческаго положенія. Они надѣялись достичь этого отложеніемъ отъ Россіи, разрывомъ историческихъ узъ, сковавшихъ ихъ съ русскимъ народомъ. Много поколѣній истратили всю свою энергію и силу, принесли неисчислимыя жертвы для того, чтобы добиться такого рѣшенія... Но и желаніе найти другое рѣшеніе не со вчерашняго дня живетъ въ польскомъ обществѣ и послѣднія событія только ярче и доказательнѣе его обнаружили передъ мало наблюдательнымъ, мало интересующимся окраинами русскимъ обществомъ. Тѣ же, кто ближе принималъ къ сердцу сложные вопросы о нашихъ многочисленныхъ и все еще окончательно не устроенныхъ окраинахъ, кто понималъ, что жизнь самого центра не можетъ идти нормально и правильно, если ненормальна, не устроена жизнь периферій, тѣ давно знаютъ, что и польская непримиримость давно не есть удѣлъ всего польскаго общества и что въ немъ уже многіе годы существуютъ сильныя теченія, склонныя къ сближенію, склонныя на этомъ сближеніи строить программу рѣшенія польскаго вопроса въ Россіи. Еще въ 1872 году «Вѣстникъ Европы» указывалъ, что въ польской заграничной печати появились голоса за сближеніе и примиреніе съ Россіей (*Вѣстникъ Европы*, 1872 г., № 2, стр. 680). А это было время, когда всѣ ожидали русско-германской войны и польская непримиримость могла бы здѣсь-то проявить свое постоянство!

Судьбы Польши—это сложный историческій вопросъ, а судьбы соединенныхъ Россіи и Польши — вопросъ, еще болѣе сложный, еще болѣе трудный, еще болѣе обусловленный такими завѣщаніями тысячелѣтней исторіи, о которыхъ должна бы разбиться добрая воля самыхъ сильныхъ людей, добрая воля самихъ народовъ, политически связанныхъ... Исторія всей Европы постепенно развивается въ направленіи, сглаживающемъ контрасты въ строѣ и жизни разныхъ европейскихъ народовъ, русскаго и польскаго народовъ въ томъ

числѣ. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи, независимый судъ, значеніе, пріобрѣтенное прессою, заслуженная литература и искусство, возвысившійся уровень просвѣщенія и культурности, хотя бы и заставляли у насъ еще многаго и многаго желать, составляютъ, во всякомъ случаѣ, элементы, которые всегда могутъ найти сочувственный откликъ и въ польскомъ обществѣ. Этихъ элементовъ вовсе не существовало тому назадъ какихъ нибудь сорокъ лѣтъ. Съ другой стороны, демократизація Польши, явившаяся послѣдствіемъ, отчасти, распространенія нѣкоторыхъ русскихъ реформъ и на Польшу (крестьянской и судебной), отчасти же вызванная распространеніемъ въ польскомъ обществѣ господствующихъ идей вѣка (вся Европа демократизируется), открываетъ и русскому обществу симпатическія стороны измѣняющагося строя польскаго общества. Наконецъ, вторженіе капитализма, нивелирующаго въ общихъ испытаніяхъ оба народа, тоже сглаживаетъ контрасты и открываетъ новыя перспективы для общей работы и сближенія на почвѣ общихъ задачъ, общихъ надеждъ и общихъ опасностей. Такимъ образомъ, нисколько не умаляя всей серьезности того контраста историческихъ началъ, что многіе вѣка раздѣляетъ оба народа, я однако полагаю, что исторія послѣдняго полстолѣтія многое устранила въ этихъ контрастахъ, многое уже сгладила, еще больше подготовила, открывая почву для благожелательнаго сближенія. Реформы Александра II въ Россіи и въ Польшѣ, ростъ образованности обѣихъ націй, распространеніе демократическихъ идей въ Польшѣ, вторженіе капитализма въ жизнь и русскаго, и польскаго народовъ, все растущее сознаніе нерасторжимости союза, все дальше отодвигающіяся впечатлѣнія открытой борьбы, постепенно пріобрѣтаемая обоими обществами зрѣлость мысли, вотъ многочисленные факторы, содѣйствующіе постепенной выработкѣ того историческаго теченія, которое недавно такъ ярко проявилось въ Варшавѣ, съ такою же силою, какъ и совершенно неожиданно для большинства нашего общества, недостаточно внимательнаго, какъ уже выше сказано, къ жизни окраинъ.

Между тѣмъ, стремленіе къ сближенію (лишь не поступаясь своею народностью) сказывалось между поляками не однажды, въ теченіе этихъ тридцати трехъ лѣтъ, что протекли со времени кровавой борьбы 1863—64 гг. Я уже упоминалъ объ указаніи «Вѣстника Европы» на появленіе еще въ 1872 году примирительнаго теченія въ средѣ поляковъ. Въ 1878 году, на всероссійскомъ сельскохозяйственномъ съѣздѣ въ Одессѣ, поляки, принявшіе участіе въ этомъ съѣздѣ (и въ довольно значительномъ числѣ), высказались за созваніе слѣдующаго «всероссійскаго» съѣзда въ Варшавѣ.

«Напрасно думаютъ русскіе», говорилъ мнѣ одинъ полякъ-помѣщикъ, въ то же время варшавскій публицистъ, «напрасно думаютъ русскіе, что мы противъ *такого* объединенія. Мы его желаемъ даже. Лишь сближеніе на этой культурной и даже просто практической экономической почвѣ могло бы подготовить болѣе

взаимнаго довѣрія, очень необходимаго, если намъ суждено жить въ союзѣ. У насъ же, въ Польшѣ, все больше распространяется мнѣніе, что расторженіе этого союза невѣроятно». Это было, какъ сказано, въ 1878 году и это единичное мнѣніе нашло себѣ подтвержденіе въ голосованіи нѣсколькихъ десятковъ поляковъ, единодушно подавшихъ свои голоса за собраніе въ Варшавѣ. Скоро послѣ того я нашелъ еще болѣе убѣдительное подтвержденіе существованія въ Польшѣ довольно замѣтной струи примирительнаго теченія.

Мнѣ пришлось играть нѣкоторую роль въ этомъ эпизодѣ изъ исторіи русско-польскихъ отношеній, эпизодѣ, мало извѣстномъ русскому обществу и между тѣмъ характерномъ именно по тѣмъ откликамъ, которые онъ встрѣтилъ и вызвалъ въ польскихъ земляхъ, въ русскихъ предѣлахъ и за границею. Въ виду этой малоизвѣстности эпизода, будетъ не лишнимъ напомнить его съ нѣкоторою обстоятельностью.

II.

Въ концѣ 1878 года возникла среди поляковъ мысль отпраздновать по возможности торжественно пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности извѣстнаго и популярнаго польскаго романиста Іосифа Игнатія Крашевскаго (нынѣ уже покойнаго). Съ этою цѣлью образовался подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго галиційскаго дѣятеля Зебликевича комитетъ въ Краковѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія Крашевскій далъ согласіе на празднованіе и обѣщалъ пріѣхать въ Краковъ ко дню юбилея, который рѣшено было назначить на сентябрь 1879 года.

Извѣстіе объ этомъ рѣшеніи скоро облетѣло всѣ славянскія страны. Въ разныхъ славянскихъ центрахъ состоялись совѣщанія, образованы комитеты. Чехи, сербы, хорваты, словинцы приготовлялись принять участіе въ чествованіи маститаго польскаго писателя. Одни русскіе хранили молчаніе, точно это чествованіе совершалось гдѣ то у антиподовъ, точно милліоны ихъ соотечественниковъ и соплеменниковъ не были кровно заинтересованы этимъ чествованіемъ, не считали его своимъ роднымъ дѣломъ. Такое игнорированіе просвѣщенной Польши просвѣщенной Россіей являлось, хотя и невольнымъ и безсознательнымъ, но совершенно логическимъ дополненіемъ той программы искорененія, которая проповѣдовалась извѣстными московскими публицистами. Программа игнорированія интересовъ, радостей и надеждъ нѣсколькихъ милліоновъ соотечественниковъ такъ же ненормальна, какъ и программа ихъ искорененія. Порожденная полнымъ отчужденіемъ, она принимаетъ видъ какого то пренебрежительнаго индифферентизма. Внимательно слѣдя за отраженіемъ этого вопроса о юбилеѣ Крашевскаго въ русской печати, я находилъ изрѣдка въ отдѣлѣ иностранной хроники коро-

тенькія извѣстія мелкимъ шрифтомъ о приготовленіяхъ къ празднеству (очень отрывочныя, не всегда вѣрныя, игнорировавшія участіе другихъ славянъ). Одинъ *Голосъ* разразился бранной статейкой, стараясь выставить юбиляра бездарностью, не заслуживающей вниманія. Мнѣ казалось все это неправильнымъ и ненормальнымъ и я началъ съ того, что помѣстилъ въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* (я тогда жилъ въ Одессѣ) статью, въ которой указывалъ на необходимость и русскому образованному обществу отозваться на этотъ праздникъ польской литературы и польскаго просвѣщенія. Крашевскій къ тому же былъ уроженецъ Россіи, именно Волынской губерніи. Статейка моя не вызвала никакого отклика въ печати и едвали была замѣчена. Скользнувъ по поверхности сознанія небольшого числа ее пробѣжавшихъ, она потонула въ Летѣ, гдѣ успокаиваются на вѣчныя времена всякія начинанія, не соотвѣтствующія общественному настроенію и духу времени и общества.

Я, однако, испробовалъ и другой путь.

Въ это время я состоялъ членомъ Одесскаго Славянскаго Общества, а, со времени босно-герцеговинскаго движенія, былъ избираемъ и въ составъ правленія этого общества. Я рѣшился воспользоваться этимъ положеніемъ своимъ, чтобы поднять вопросъ объ русскомъ участіи въ юбилеѣ Крашевскаго въ засѣданіяхъ Славянскаго Общества, которому болѣе, нежели кому либо, надлежало взять на себя иниціативу этого столько же общеславянскаго, сколько примирительнаго русско-польскаго дѣла. Я внесъ соотвѣтственное предложеніе въ правленіе славянскаго Общества. Правленіе это послѣ нѣкотораго колебанія отклонило мое предложеніе и я его перенесъ на разсмотрѣніе общаго собранія членовъ Общества, состоявшагося 25 февраля 1879 года. Привожу свѣдѣнія объ этомъ засѣданіи изъ *Одесскаго Вѣстника* (1879 г. № 44):

Въ воскресенье 25 февраля состоялось въ актовой залѣ Новороссійскаго Университета Общее Собраніе членовъ Одесскаго Славянскаго Общества. Отлагая до завтра, за недостаткомъ мѣста, данныя изъ годового отчета правленія и рѣшенія по нимъ Общаго Собранія, мы сообщимъ сегодня лишь о самомъ интересномъ вопросѣ засѣданія, объ участіи въ праздновани юбилея польскаго писателя I. И. Крашевскаго. Мы уже сообщали, что въ правленіи Одесскаго Славянскаго Общества вопросъ этотъ поднятъ былъ членомъ правленія С. Н. Южаковымъ еще 13 января этого года. Извлекаемъ теперь изъ отчета о дѣйствіяхъ Общества краткія свѣдѣнія о судьбѣ этого предложенія. Сначала оно было принято правленіемъ сочувственно. Именно большинствомъ восьми голосовъ противъ четырехъ было рѣшено одобрить его въ принципѣ, но окончательное рѣшеніе отложить до ближайшаго ознакомленія съ вопросомъ. Порученіе составить рефератъ о жизни и дѣятельности юбиляра было возложено правленіемъ на члена правленія П. И. Феерчака. Въ слѣдующемъ засѣданіи правленія обстоятельный докладъ г. Феерчака былъ заслушанъ, но рѣшеніе еще разъ отложено. Наконецъ, въ засѣданіи 17 февраля вопросъ былъ снова поставленъ на очередь и состоялось рѣшеніе въ томъ смы-

слѣ, что правленіе отклоняетъ отъ себя иниціативу въ дѣлѣ юбилея Крашевскаго. Членъ правленія Южаковъ остался при мнѣніи и перенесъ вопросъ въ Общее Собраніе, которое и состоялось 25 февраля.

Внося въ Общее Собраніе свое предложеніе, г. Южаковъ мотивировалъ его, какъ литературными заслугами Крашевскаго, такъ и необходимостью воспользоваться этимъ юбилеемъ, чтобы заявить о тѣхъ примирительныхъ и благожелательныхъ чувствахъ, которыя начинаютъ все болѣе завоевывать почву среди русскаго мыслящаго общества. „Къ сожалѣнію, сказалъ г. Южаковъ, корни вѣковой вражды еще слишкомъ глубоки и сама идея славянской солидарности, основанной на взаимномъ признаніи славянскими народностями другъ друга, еще не успѣла очистить атмосферу отъ гнилыхъ міазмовъ историческаго озлобленія. Исторія моего предложенія служитъ лишь новымъ доказательствомъ этой печальной истины". Затѣмъ г. Южаковъ изложилъ судьбу своего предложенія въ правленіи, указавъ при этомъ, что агитація между членами внѣ правленія произвела давленіе и на само правленіе, которое отказалось отъ иниціативы, опасаясь раскола въ обществѣ. Далѣе указывая на то, что всѣ славянскія племена принимаютъ участіе въ чествованіи Крашевскаго, г. Южаковъ замѣтилъ, что было бы печально, если бы въ этомъ хорѣ славянскихъ голосовъ отсутствовалъ голосъ русскаго племени, если бы повторилось то, что было въ 1867 году въ Москвѣ, когда на всеславянскомъ съѣздѣ отсутствовало одно польское племя. Но не только въ качествѣ славянина, которому дорога идея славянской взаимности, вноситъ г. Южаковъ свое предложеніе, но и какъ русскій, который, горячо любя свое отечество, дорожитъ устраненіемъ съ пути русскаго народа одной изъ помѣхъ его прогрессу. Русско-польская рознь является такою помѣхою не для одной Польши, но и для Россіи... Г. Южаковъ, конечно, далекъ отъ самообольщенія и не думаетъ, чтобы его предложеніе способно было уничтожить рознь, накопленную вѣками, но онъ полагаетъ, что какъ бы ни были скромны плоды этого шага, все же онъ не пройдетъ безслѣдно. Давно уже пора выступить на путь сближенія и примиренія. Правда, историческія условія, питающія рознь, не устраняются вслѣдствіе заявленія чувствъ Одесскаго Славянскаго Общества, но заявленіе это послужитъ хотя немного дѣлу культурнаго сближенія двухъ племенъ и началу взаимнаго пониманія будетъ положено основаніе. Взаимное же пониманіе правомѣрныхъ чувствъ и настроеній, интересовъ и потребностей можетъ дать основаніе и для прочнаго сближенія. Въ виду этихъ соображеній, какъ славянскихъ, такъ и русскихъ, г. Южаковъ и вноситъ свое предложеніе *объ участіи одесскаго славянскаго общества въ празднованіи юбилея Крашевскаго, для чего предлагается: 1) избрать Іосифа-Игнатія Крашевскаго почетнымъ членомъ, 2) препровождая юбиляру дипломъ, поднести ему адресъ съ выраженіемъ благожелательныхъ и примирительныхъ чувствъ.*

Г. предсѣдатель Одесскаго Славянскаго Общества, Г. А. Евреиновъ *) объявилъ затѣмъ открытыми общія пренія по предложенію г. Южакова, не предрѣшая формы участія въ юбилеѣ.

Товарищъ предсѣдателя А. Д. Горемыкинъ **) представилъ съ своей стороны возраженіе противъ предложенія г. Южакова. Онъ напомнилъ собранію, что предложеніе всесторонне и троекратно обсуждено въ правленіи, гдѣ были представлены доводы pro и contra и тщательно взвѣшены. Тѣмъ не менѣе правленіе, сначала отнесшееся сочувственно къ

---

*) Г. А. Евреиновъ, впослѣдствіи товарищъ министра путей сообщенія, теперь сенаторъ.

**) А. Д. Горемыкинъ, начальникъ штаба одесскаго военнаго округа, теперь Иркутскій генералъ-губернаторъ.

предложенію, не рѣшилось взять на себя иниціативу, несмотря на то, что членъ правленія г. Феерчакъ въ своемъ докладѣ о Крашевскомъ привелъ въ его пользу все, что возможно. Правленіе Славянскаго Общества не какое нибудь сборище случайныхъ людей, но коммиссія, облеченная довѣріемъ общества. Ея мнѣнія въ такомъ важномъ вопросѣ нельзя игнорировать, Далѣе ораторъ призналъ, что дѣйствительно существуетъ рознь между поляками и русскими, но, ссылаясь на 1867 годъ, замѣтилъ, что не русскіе, а поляки выдѣлились изъ славянства. Входить въ обсужденіе аргументовъ противъ предложенія г. Южакова, г. товарищъ предсѣдателя находилъ неудобнымъ, чтобы не разжигать страстей. Онъ приглашаетъ поэтому и всѣхъ тѣхъ членовъ общества, которые подобно ему не согласны съ предложеніемъ г. Южакова, не приводить никакихъ доводовъ противъ него, но молча положить черные шары.

Членъ правленія Феерчакъ счелъ необходимымъ возразить противъ одного замѣчанія г. товарища предсѣдателя, гдѣ какъ бы намекается на пристрастность его доклада о Крашевскомъ. Онъ не скрываетъ своего сочувствія предложенію г. Южакова, но въ докладѣ своемъ держался исключительно фактовъ.

Членъ общества г. Милятицкій заявилъ, что г. Горемыкинъ ошибается, полагая, что поляки выдѣляютъ себя изъ славянства. Какъ полякъ, онъ можетъ удостовѣрить, что это несправедливо.

Членъ правленія Г. Е. Афонасьевъ, поддерживая предложеніе г. Южакова, указалъ, что въ возраженіяхъ противъ него нельзя ссылаться на 1867 годъ, потому что нельзя сравнивать уклоненіе побѣжденнаго черезъ три года послѣ окончанія борьбы съ уклоненіемъ побѣдителя черезъ пятнадцать лѣтъ.

Членъ правленія Южаковъ указалъ, что мотивировка отказа примириться менѣе способна разжечь страсти, нежели отказъ безъ мотива, а потому и воздержаніе противниковъ его предложенія отъ преній не можетъ быть оправдано этимъ соображеніемъ.

Г. Товарищъ предсѣдателя замѣтилъ, что его слова не совсѣмъ вѣрно поняты его оппонентами.

Поставленное затѣмъ на баллотировку, предложеніе г. Южакова было принято большинствомъ девятнадцати (19) голосовъ противъ четырнадцати (14).

Постановленіе это, однако, исполнено не было. Какъ это произошло, въ точности я не знаю, потому что вскорѣ оставилъ Одессу и выбылъ изъ состава правленія Одесскаго Славянскаго Общества. Правда, общее собраніе 25 февраля 1879 года одобрило мое предложеніе лишь *въ принципѣ*, какъ то видно и изъ приведеннаго реферата. Рѣшеніе вопроса о *формѣ*, въ которую должно было отлиться участіе Славянскаго Общества въ чествованіи маститаго польскаго юбиляра, было отложено. Времени съ февраля по сентябрь для такого рѣшенія было, конечно, вполнѣ достаточно. Если однако, не было созвано общее собраніе въ этотъ срокъ, то некому было и постановлять рѣшеніе. По всей вѣроятности, такъ и произошло. Въ точности дальнѣйшія перипетіи моего предложенія мнѣ неизвѣстны. Знаю только, что оно осталось однимъ академическимъ заявленіемъ Общества, не воплотившимся ни въ какомъ поступкѣ со стороны представителей Общества. Это характеризуетъ русское общество. Завелъ-же я рѣчь, главнымъ образомъ, съ цѣлью

отмѣтить характерныя черты въ отношеніяхъ польскаго общества. Отголоски нашего постановленія въ польскомъ обществѣ лишній разъ обнаружили присутствіе въ его средѣ значительныхъ примирительныхъ теченій.

Одесское славянское общество могло само ждать отклика изъ среды польскаго образованнаго общества, конечно, не раньше приведенія въ исполненіе своихъ добрыхъ намѣреній, выразившихся въ постановленіи 25 февраля 1879 года. Тѣмъ не менѣе вниманіе и сочувствіе выказаны было немедленно, и въ формѣ, не допускающей сомнѣнія. Польская печать помѣстила подробные рефераты засѣданія 25 февраля. Одна варшавская газета, имѣвшая спеціальнаго корреспондента въ засѣданіи Одесскаго славянскаго общества, помѣстила отчетъ, даже значительно подробнѣйшій, нежели одесскія газеты (прочія русскія вовсе не замѣтили этого засѣданія). Не было недостатка и въ сочувственныхъ польскихъ статьяхъ, хотя и очень сдержанныхъ (насколько о томъ до меня доходили свѣдѣнія, такъ какъ самъ я по польски не читаю).

Эта сдержанность понятна и вполнѣ была оправдана послѣдующей судьбою уже состоявшагося рѣшенія. Однако, поляки не такая нація, чтобы легко мирилась съ необходимостью быть сдержанымъ. Они нашли способъ выразить свое сочувствіе сближенію въ болѣе яркой формѣ. Славянское общество должно было еще довести дѣло до конца, но я, какъ иниціаторъ, въ предѣлахъ своей компетенціи уже сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло. Мнѣ и было выражено горячее сочувствіе въ самой разнообразной и порою трогательной формѣ. Свыше сотни визитныхъ карточекъ разныхъ видныхъ представителей польской колоніи въ Одессѣ было мною получено 26 и 27 февраля. Десятки такихъ представителей сдѣлали личные визиты, множество писемъ и телеграммъ изъ разныхъ концовъ русской и зарубежной Польши приходили ко мнѣ въ теченіе марта мѣсяца. Признаться, я не ожидалъ, что найду столько сочувствія въ польскомъ обществѣ моей иниціативѣ, въ сущности очень скромной, представлявшей изъ себя лишь какъ бы зондированіе почвы и въ русскомъ и въ польскомъ обществѣ. Къ сожалѣнію, русское общество, даже въ лучшихъ и прогрессивнѣйшихъ слояхъ своихъ, осталось совершенно равнодушнымъ къ вопросу, столь насущному, столь больному, столь близко касающемуся не только интересовъ нашихъ, но и нашей совѣсти. Съ другой стороны, отголоски въ польскомъ обществѣ были и многочисленны, и порою трогательно сердечны. Одинъ старый ветеранъ возстанія 1831 года, служившій солдатомъ въ Оренбургѣ вмѣстѣ съ Шевченкомъ, доставилъ мнѣ портретъ нашего украинскаго поэта, набросанный имъ самимъ и подаренный на память своему польскому товарищу по полку. Другіе выражали самыя сангвиническія чувства. Одно письмо изъ Вѣны особенно поразило меня по теплотѣ тона и по справедливому взгляду на галиційскія отношенія. Изъ Познани больше стояли на

общеславянской почвѣ. Одно познанское письмо было коллективное на французскомъ языкѣ, довольно лирическое и полное надеждъ на скорое единеніе, на что я никакъ не могъ надѣяться по состоянію нашего русскаго общества, въ то время частью непримиримаго, враждебнаго, частью совершенно равнодушнаго и всецѣло невнимательнаго.

Много воды утекло съ того времени. Сильно измѣнилось и европейское, и русское, и польское состояніе. Условія для сближенія теперь благопріятнѣе и было бы печально, если бы русское общество не откликнулось искренно и благожелательно на искреннее и благожелательное настроеніе польскаго общества.

Прежде всего, конечно, не нужно обольщаться, что *все* польское общество, *вся* польская нація склонна искать рѣшенія польскаго вопроса въ сближеніи съ Россіей, а не въ отложеніи отъ нея. Не возможно и не мыслимо, чтобы идеалъ, который съ такою настойчивостью, преданностью и самоотверженіемъ преслѣдовался цѣлымъ рядомъ поколѣній, не сохранялъ за собою нѣкотораго престижа, не собиралъ вокругъ своего знамени нѣкоторой болѣе или менѣе значительной части польскаго общества. Это было бы неестественно и ожидать чего нибудь подобнаго значило бы идти на встрѣчу разочарованіямъ и неудачамъ. Антирусское теченіе, конечно, сохранилось въ польскомъ обществѣ. Оно будетъ слабѣть, по мѣрѣ улаженія русско-польскихъ отношеній. Оно будетъ усиливаться при неудачѣ примирительнаго движенія. Оно будетъ усиливаться такъ же съ усиленіемъ тройственнаго союза, какъ слабѣетъ подъ вліяніемъ франко-русскаго союза. Ко всему этому мы должны быть готовы. Мы должны, однако, помнить, что часть польской націи желаетъ устроиться съ нами и отъ насъ зависитъ въ значительной степени будущность этого желанія: окрѣпнетъ-ли оно и станетъ закономъ жизни польскаго народа, или отцвѣтетъ, не успѣвши разцвѣсть, оставивъ лишнюю горечь въ сердцахъ нашихъ соотечественниковъ польской національности?

III.

Чего, однако, желаютъ эти склонные къ сближенію и примиренію поляки? Чего они отъ насъ ожидаютъ? И можемъ ли мы искренно и добросовѣстно отвѣтить ихъ ожиданіямъ?

Передо мною лежатъ двѣ брошюры г. Д. Багницкаго, польскаго патріота, взявшагося быть истолкователемъ задушевныхъ желаній русской партіи въ Польшѣ *). Г. Багницкій нисколько не скрываетъ, что конечною цѣлью стремленій и надеждъ и этой партіи,

*) *Д. Багницкій.* Политическая исповѣдь современнаго поляка, Спб. 1897. *Д. Багницкій.* Къ вопросу о русско-польскихъ отношеніяхъ. Спб. 1897. Вторая брошюра является отвѣтомъ на возраженія, вызванныя первою.

какъ и всякой другой въ Польшѣ, соединеніе всѣхъ польскихъ земель въ одно національное тѣло, обособленное отъ другихъ такихъ же тѣлъ. Почему же эта партія должна называться русскою или руссофильскою? На это г. Багницкій отвѣчаетъ, что это, хотя и обособленное, существованіе Польши, должно, по мнѣнію его единомышленниковъ, вылиться въ форму неразрывной реальной уніи съ Россіей. Унію эту г. Багницкій понимаетъ на началахъ болѣе тѣсныхъ, нежели унія Финляндіи. Онъ не желаетъ польскому царству ни отдѣльной арміи, ни таможенной автономіи. Административная автономія, мѣстное самоуправленіе, прекращеніе обрусительныхъ опытовъ,—вотъ ближайшая программа г. Багницкаго, если мы его вѣрно поняли, а далѣе идутъ надежды, что тогда, послѣ искренняго примиренія, Россія сама возьметъ въ свои руки дѣло собранія воедино подъ своимъ скипетромъ зарубежныхъ польскихъ земель. Г. Багницкій не сомнѣвается, что Россія достаточно сильна для этого, но не надѣется, что русскіе прибѣгнутъ къ силѣ и отнимутъ вооруженною рукою польскія земли, подвластныя Австріи и Германіи. Онъ думаетъ, что вознагражденіе Германіи австрійскими нѣмцами, а Габсбурговъ сербскими землями Балканскаго полуострова могли бы явиться почвою для мирнаго размежеванія Восточной Европы. Повидимому, авторъ склоненъ отказаться отъ Познани, или хотя западной ея части; за то, кажется, имѣетъ притязанія на Верхнюю Силезію и не только на Западную, но и на Восточную Пруссію. Съ другой стороны, г. Багницкій завѣряетъ, что поляки, съ нимъ единомышленные, оставили всякія притязанія на Западный край и даже готовы отказаться отъ Восточной Галиціи. Автономная этнографическая Польша въ реальной уніи съ Россіей и, по возможности, пробившаяся къ берегу Балтійскаго моря (между устьями Вислы и Нѣмана),—таковы задушевныя надежды этой «политической исповѣди современнаго поляка», какъ называется брошюра г. Багницкаго.

Не знаю, какъ вы, читатель, но я прежде всего почувствовалъ большое смущеніе, прочитавъ эту исповѣдь, дышащую искренностью и убѣжденіемъ и построенную не безъ логики. Принимать на свою отвѣтственность такое наслѣдство, какъ притязанія на всю зарубежную Польшу, это такая задача, передъ которою каждый русскій остановится не только въ раздумьи, но и съ явнымъ неудовольствіемъ. Мечты о пріобрѣтеніи всего этого свыше десятка милліоновъ новыхъ согражданъ мирнымъ путемъ, конечно, иллюзія. Да и какое имѣемъ мы право платить сербами за расширеніе своей территоріи? Ее, конечно, пришлось бы отвоевывать силою оружія. Иначе говоря, примиряясь этою цѣною съ поляками, мы немедленно пріобрѣтаемъ въ Германіи заклятаго и непримиримаго врага.

Съ другой стороны, кто уполномочилъ г. Багницкаго отрекаться отъ Литвы, Украины и Галиціи? Два милліона поляковъ, живущихъ здѣсь смѣшанно съ полутора милліонами литовцевъ, тремя милліонами

бѣлоруссовъ, двѣнадцатью милліонами малороссовъ и четырьмя милліонами евреевъ, только сами могли бы за себя рѣшать и отказываться отъ своихъ притязаній на гегемонію въ краѣ, гегемонію, которую они опираютъ на историческія традиціи, дворянское происхожденіе, матерьяльное преобладаніе, образованіе... Согласятся-ли они съ г. Багницкимъ и его единомышленниками на берега Вислы? А между тѣмъ дѣло въ ихъ поведеніи и въ ихъ отношеніи къ мѣстному населенію, а не въ томъ мнѣніи, которое можетъ объ этомъ существовать на берегахъ Вислы или на берегахъ Оки. Я не хочу сказать, что польскіе голоса, отрекающіеся отъ господства въ земляхъ бывшей польской короны, населенныхъ не польскимъ большинствомъ, не имѣли бы значенія. Напротивъ, я имъ придаю очень большое значеніе, желалъ бы, чтобы наше русское общество внимательно къ нимъ прислушивалось и, одобряя ихъ иниціативу, и само въ своихъ чувствахъ и желаніяхъ усвоивало бы такія же мнѣнія и настроенія по отношенію къ окраинамъ съ не русскимъ большинствомъ населенія. Я хочу только сказать, что подобныя заявленія сами по себѣ, какъ бы симпатичны и справедливы они ни были, еще не даютъ даже основанія для серьезнаго обсужденія предложенной программы: «Вамъ, русскимъ, западный край, а намъ, полякамъ, за то прусскія и австрійскія провинціи, населенныя поляками...» Я понимаю, что для всякаго польскаго патріота, честно желающаго другимъ народностямъ того же, что и себѣ, или, по крайней мѣрѣ, той же справедливости, отреченіе отъ господства надъ малорусскимъ и бѣлорусскимъ большинствомъ предписывается и логикою и совѣстью. Съ другой стороны, именно это справедливое отношеніе къ другимъ заставляетъ тѣмъ страстнѣе желать справедливости и для себя, а возсоединеніе всѣхъ земель, населенныхъ польскимъ большинствомъ, и является этою справедливостью, и при томъ изъ самыхъ элементарныхъ. Такимъ образомъ, не отрицаю, что отреченіе отъ западнаго края и притязаніе на австрійскія и прусскія провинціи, населенныя поляками, составляютъ двѣ стороны одной и той же политической идеи, одинаково требуемыя разумомъ и совѣстью каждаго убѣжденнаго и безпристрастнаго польскаго патріота, одинаково заслуживающія одобренія всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Русскіе, конечно, не совсѣмъ наблюдатели посторонніе въ этомъ дѣлѣ, но и не совсѣмъ солидарны въ *своихъ обязанностяхъ* съ польскими іотами. Къ тому же, по своему положенію велико европейской державы, они отвѣтственны не только передъ отечествомъ, но и передъ всѣмъ европейскимъ человѣчествомъ. Я понимаю такъ же, что имѣющее возникнуть русско-польское сближеніе и единеніе, можетъ постепенно сближать и объединять обязанности русскаго и польскаго патріота, но вѣдь это въ будущемъ и никто не можетъ предсказать, какъ отразились бы такое сближеніе на идеяхъ и желаніяхъ обѣихъ сторонъ. Не одни русскіе прониклись бы поль-

скими надеждами и желаніями, поляки усвоивали бы русскія стремленія; создавались бы совершенно новыя задачи... Будемъ думать, что наши внуки будутъ не глупѣе насъ и когда исторія поставитъ передъ нами эту задачу объединенной русско-польской политики, солидарно и взаимно довѣрившейся, они ее рѣшатъ на основаніи данныхъ, которыхъ мы еще не имѣемъ, разумнѣе и справедливѣе, чѣмъ это мы теперь можемъ.

Впрочемъ, и самъ г. Багницкій возлагаетъ свои надежды на будущее, вполнѣ сознавая, что въ настоящее время ни одинъ русскій не рѣшится рекомендовать своему отечеству отвоеваніе зарубежной Польши или даже политику, направленную къ ея мирному пріобрѣтенію. Будущее же предоставимъ будущему, а теперь остановимся на томъ, что г. Багницкій желаетъ для настоящаго, для положенія основы того русско-польскаго сближенія, котораго желаетъ г. Багницкій и значительная часть польскаго общества. Теперь, кажется, уже нельзя сомнѣваться въ существованіи такого желанія.

«Административная автономія, мѣстное самоуправленіе, прекращеніе обрусительныхъ опытовъ», такъ мы выше формулировали желаніе русской партіи въ Польшѣ, отъ имени которой говоритъ съ нами г. Багницкій. Мы только не вполнѣ увѣрены, что вѣрно истолковали желанія г. Багницкаго, такъ какъ самъ онъ нигдѣ ихъ не формулируетъ съ достаточной ясностью и категоричностью. Ихъ приходится выводить изъ сопоставленія разныхъ мѣстъ его брошюръ. Желательно было бы на этотъ счетъ имѣть болѣе обстоятельное объясненіе и не одного г. Багницкаго, а болѣе авторитетныхъ и компетентныхъ представителей польскаго общества. Покамѣсть же можно только замѣтить, что значительная часть русской печати и единомысленнаго съ нимъ русскаго общества давно стоятъ на точкѣ зрѣнія, выше нами формулированной. За введеніе земскихъ и муниципальныхъ учрежденій въ польскихъ губерніяхъ высказалась и почти вся ежедневная русская печать. Исключеніе составили, кажется, однѣ *Московскія Вѣдомости*. Независимо отъ этихъ голосовъ русской печати въ послѣднее время (до варшавскихъ событій даже), напомню уже однажды цитированную сегодня статью *Вѣстника Европы* «Восточная политика Германіи и обрусеніе» (*В. Е.*, 1872, №№ 2, 3, 4 и 5). Въ этой замѣчательной статьѣ, почтенный журналъ самымъ категорическимъ образомъ, уже двадцать пять лѣтъ тому назадъ, рекомендовалъ именно распространеніе самоуправленія на западныя и польскія губерніи и прекращеніе обрусительной политики. Справедливо находя, что только этимъ путемъ можно создать возможность болѣе или менѣе искренняго сближенія между враждебными народами, ходомъ исторіи связанными въ одно государственное тѣло, упомянутая статья указывала и на искусную политику кн. Бисмарка, стремившагося на русско-польскомъ антагонизмѣ опереть ту программу нѣмецкаго

Drang nach Osten, которая тогда несомнѣнно раздѣлялась всѣми партіями въ Германіи. Раздѣляется она, конечно, и теперь громаднымъ большинствомъ нѣмецкаго общества, но явилось сознаніе ея неосуществимости въ настоящее время, пониманіе, что германскаго могущества на это можетъ и не хватить.

Такимъ образомъ, что касается ближайшей внутренней программы г. Багницкаго, то она несомнѣнно заслуживаетъ сочувствія во всѣхъ отношеніяхъ. Внѣшне-же политическую программу его, которую и самъ онъ признаетъ дѣломъ будущаго, будущему и предоставимъ. Въ настоящее время едва-ли найдется много русскихъ, которые пожелали бы своему отечеству усвоить эту программу и возложить на него тяжкую задачу ея осуществленія.

IV.

Среди толковъ, возбужденныхъ въ русской печати и въ русскомъ обществѣ варшавскими событіями и неожиданнымъ обнаруженіемъ существованія значительной русской партіи въ Польшѣ, видное, едва-ли не самое видное мѣсто занялъ вопросъ о западныхъ губерніяхъ. Правда, г. Багницкій отъ нихъ отрекается, но его одного голоса недостаточно. Голосовъ же польскихъ, болѣе авторитетныхъ и компетентныхъ, по этому вопросу за все время этой примирительной демонстраціи вовсе не раздалось, или, по крайней мѣрѣ, до русскаго слуха не донеслось.

До сихъ поръ, вмѣсто единственно справедливаго критерія субъективнаго, именно собственнаго желанія населенія, вопросъ о западныхъ губерніяхъ разсматривался русскими и поляками съ двухъ одинаково исключительныхъ и одинаково объективныхъ точекъ зрѣнія. *Историческія права*—эта первая такая точка зрѣнія. Данныя для рѣшенія при этомъ совершенно объективны. Они заключены въ договорахъ, пергаментахъ, историческихъ хроникахъ. На этихъ основахъ поляки требовали границъ 1772 года, нарушенныхъ безъ согласія поляковъ державами, участвовавшими въ первомъ раздѣлѣ Польши. Съ другой стороны, та же историческая точка зрѣнія внушала русскимъ идею притязанія на всѣ земли, входившія въ составъ удѣльно-вѣчевой Руси, а затѣмъ и въ составъ литовско-русскаго государства Ольгерда и Витовта. Это устанавливало русскія права не только на девять западныхъ губерній, но и на Сувалкскую губернію, на Холмскій край Люблинской и Сѣдлецкой, на Восточную Галицію и Буковину. И тѣ и другія притязанія были очень опредѣленны, опирались на объективныя данныя и были абсолютно непримиримы и несогласимы. Нечего распространяться, до какой степени не логична и даже безнравственна эта археологическая точка зрѣнія, которая истлѣвшіе пергаменты и давно изчезнувшія отношенія ставитъ выше живыхъ людей съ ихъ теперешними потребностями, симпатіями и желаніями.

Для этихъ живыхъ людей существуетъ государство, а не для удовольствія архиваріусовъ. Историческое прошлое въ этомъ случаѣ имѣетъ значеніе лишь по стольку, по скольку оно еще живетъ въ сердцахъ и сознаніи живыхъ людей.

Другая точка зрѣнія тоже опирается на объективныя данныя. Это точка зрѣнія *націонализма,* при чемъ объективнымъ критеріемъ признается языкъ, на которомъ говоритъ населеніе той или другой мѣстности en question. Состоятельное и образованное общество всѣхъ западныхъ губерній говорило (въ большинствѣ и теперь говоритъ) по польски. Неимущая и необразованная масса пользуется въ этихъ спорныхъ губерніяхъ семью нарѣчіями, малорусскимъ, бѣлорусскимъ, литовскимъ, жмудскимъ, латышскимъ, польскимъ и еврейско-нѣмецкимъ (жаргономъ), причемъ само малорусское нарѣчіе въ Кіевской и Волынской губерніяхъ существенно отличаются. Такое положеніе дѣлъ заставляло поляковъ смотрѣть на эти простонародныя нарѣчія, какъ на мѣстныя patois и, пренебрегая ими, проводить границу своего языка и своей народности сообразно распространенію этого языка въ образованномъ и имущемъ классѣ. Практически это совпадало съ историческими границами 1772 года и потому между польскими легитимистами и польскими націоналистами не было разногласій, не смотря на все различіе принциповъ, ими усвоенныхъ. Между русскими, конечно, тоже были націоналисты. Они взглянули на дѣло иначе. Они критеріемъ взяли распространеніе польскаго языка въ массѣ и все, что очутилось за предѣлами такого распространенія, исключали изъ состава польскихъ земель, т. е. не только всѣ девять западныхъ губерній, но и Сувалки, гдѣ преобладаетъ жмудская рѣчь, и Холмщину, гдѣ господствуетъ малорусское нарѣчіе, и Восточную Галицію съ Буковиной. Если я напомню, что упомянутая статья «Вѣстника Европы» стоитъ именно на этой точкѣ зрѣнія и предлагаетъ отдѣлить отъ Царства Польскаго Сувалки и Холмъ, то этимъ однимъ будетъ показано широкое распространеніе этого, объективно національнаго критерія въ тѣхъ частяхъ русскаго общества, которыя интересовались рѣшеніемъ польскаго вопроса. На этой точкѣ зрѣнія сходились московскіе славянофилы и кіевскіе украйнофилы, централисты и федералисты, Аксаковъ и Кулишъ, Катковъ и Костомаровъ, Кояловичъ и Драгомановъ. Очень несогласные между собою относительно будущности самого западнаго края и его организаціи, всѣ эти дѣятели сходились въ одномъ: въ ограниченіи Польши предѣлами распространенія польскаго языка въ массѣ населенія. На эту точку зрѣнія, если не ошибается г. Багницкій, стала въ настоящее время значительная часть польскаго общества, которое, по словамъ этого публициста, не питаетъ больше притязаній не только на Украину, Волынь и Бѣлоруссію, но и на Литву. И не только на Малороссію и Литву за предѣлами Царства Польскаго, но и на тѣ малорусскія и литовскія территоріи, которыя, какъ Холмъ и Су-

валки, доселѣ еще включены въ составъ Царства Польскаго. Мы не знаемъ, много-ли поляковъ раздѣляютъ воззрѣнія, высказываемыя г. Багницкимъ, но склонны думать, что скорѣе немногіе и что и среди поляковъ, искренно желающихъ сближенія и примиренія съ русскими, большинство питаетъ надежду, что рано или поздно болѣе или менѣе значительная часть западнаго края составитъ одно національное и культурное тѣло съ Польшей, и въ тѣсномъ государственномъ союзѣ съ Россіей. Культурное и экономическое преобладаніе поляковъ въ краѣ можетъ подавать такія надежды небезосновательно. Съ другой стороны, однажды русское правительство и русское общество пріобрѣтутъ полное довѣріе къ лояльности и общегосударственному имперскому патріотизму поляковъ, не станутъ-ли русскіе равнодушны, куда будутъ тяготѣть западныя области, къ Петербургу или Варшавѣ? Подобныя надежды и ожиданія поляковъ, наилучше настроенныхъ по отношенію къ Россіи, вполнѣ естественны и мы, если не желаемъ натолкнуться на разочарованія, должны быть готовы, къ тому, что значительная часть, если только не значительное большинство даже, русской партіи въ Польшѣ будетъ питать эти надежды и будетъ стремиться, хотя и лояльными средствами, осуществить эти надежды. Осуждать за это поляковъ было-бы совершенно неосновательно, а уклоняться отъ примиренія въ виду этого было-бы и несправедливо, и неразумно. Даже худой миръ лучше доброй ссоры, а въ настоящее время существуютъ шансы для добраго мира.

Однако, разумно-ли, справедливо-ли съ нашей стороны допустить эту денаціонализацію жмудиновъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ? И отказываясь отъ обрусенія поляковъ, не должны-ли мы воспрепятствовать и полонизаціи не польскаго населенія западнаго края? Кажется, это логично. Однако, вѣдь рѣчь идетъ не объ обрусѣніи, а только объ обрусеніи, что совершенно не одно и то же? Если тѣ или другія населенія обрусѣютъ сами собою, въ силу культурнаго процесса, этому одни порадуются, другіе попечалуются, но это никакого отношенія въ политикѣ не имѣетъ. Другое дѣло, если населенія обрусятся, т. е. будутъ прибѣгать къ искусственнымъ, частью даже понудительнымъ мѣрамъ. Противъ этой-то политики обрусенія (отъ глагола: *обрусить*) уже давно возражаетъ значительная часть русской печати, а не противъ процесса обрусѣнія (отъ глагола: *обрусѣть*), совершающагося безъ понудительныхъ мѣропріятій. То же самое должно имѣть въ виду и относительно полонизаціи. Должны быть поставлены преграды всякому систематическому искусственному ополяченію западнаго края, это несомнѣнно. Борьба же съ естественною полонизаціею въ силу роста польской культуры и распространенія ея вліянія возможна только культурная же, общественная, но не государственная. Надо еще помнить, что обрусеніе западнаго края, т. е. программа его денаціонализаціи, ослабляя мѣстныя народности, облегчаетъ не только обрусѣніе, но и полонизацію.

Одинъ литовецъ разсказывалъ мнѣ о плодахъ обрусительной политики на Жмуди. Сельское населеніе этой страны сохраняло до самаго послѣдняго времени свой языкъ и свою племенную самобытность, въ теченіе полутысячелѣтія, не поддаваясь полонизаціи. Но вотъ началось обрусеніе (прошу помнить читателей, что это не обрусѣніе, далеко не обрусѣніе). Начали жмудиновъ обязательно обучать русскому языку и давать, въ видѣ грамотности и первыхъ начатковъ образованія, нѣкоторое орудіе для пріобрѣтенія культуры. Какую же культуру будетъ пріобрѣтать жмудинъ, какъ не польскую, которая вокругъ него и надъ нимъ, а всякая другая далече. Прежде непреодолимымъ препятствіемъ былъ языкъ. Между жмудскимъ и польскимъ цѣлая пропасть, но между русскимъ и польскимъ этой пропасти уже нѣтъ, и, научившись одному славянскому языку, жмудинъ скоро усвоиваетъ и другой славянскій же. Такимъ образомъ, обрусеніе Жмуди повлекло за собою не столько ея обрусѣніе, сколько ея полонизацію. Къ тому же, пробудившееся жмудско-національное движеніе, которое могло явить сопротивленіе полонизаціи, было остановлено виленскою администраціей все въ тѣхъ же обрусительныхъ видахъ. Оно теперь ютится въ прусской Жмуди, въ Гумбиненѣ и Тильзитѣ. Я не думаю, чтобы жмудское національное возрожденіе имѣло будущность. Вмѣстѣ съ литовцами, говорящими уже на другомъ нарѣчіи, и латышами, еще сильнѣе отличающимися нарѣчіемъ, жмудиновъ не наберется и трехъ мильоновъ. Предоставимъ, однако, исторіи рѣшить, чѣмъ быть литовскимъ племенамъ, образовать ли скромную самобытную литовскую народность или слиться съ сосѣдними культурными націями: польской, русской или нѣмецкой. Будемъ только помнить, что проводя политику ихъ денаціонализаціи, мы ускоряемъ ихъ полонизацію и германизацію, потому что, при отсутствіи русскаго культурнаго класса въ жмудско-литовскомъ краѣ, денаціонализація жмудиновъ и литвиновъ не можетъ вести ихъ къ обрусѣнію и заставитъ принимать всякую другую сосѣднюю культуру, а съ нею и народность. Что до очевидности справедливо относительно Жмуди и Литвы, то будетъ вѣрно, toutes proportions gardées, и относительно остальныхъ частей западнаго края. Я мало знакомъ съ бѣлорусскими отношеніями. Относительно же моихъ земляковъ Правобережной Украины могу завѣрить всѣхъ, опасающихся ея ополяченія, что украинское населеніе само отобьется отъ полонизаціи, лишь бы ему не мѣшала обрусительная администрація, такъ подавляющая народную самодѣятельность, именно необходимую въ этомъ случаѣ. Запаса этой самодѣятельности въ украинскомъ населеніи вполнѣ достаточно и, если галичане успѣшно отстаиваютъ свою народность, при условіяхъ, гораздо менѣе благопріятныхъ, то украинцы справятся и подавно съ этою немудрою задачею. Лишь бы имъ не мѣшало обрусеніе, которое, по моему глубокому убѣжденію, ведетъ въ западномъ краѣ не къ обрусѣнію, а къ полонизаціи.

Такимъ образомъ, прекращеніе обрусенія не только относительно Царства Польскаго, но и относительно Литвы, Бѣлоруссіи и Украины, мнѣ кажется необходимымъ дополненіемъ программы г. Багницкаго. Безъ этого никакое отреченіе г. Багницкаго и его единомышленниковъ не избавитъ западный край отъ медленной полонизаціи, а Малороссію отъ этого болѣзненнаго разсѣченія живого организма на двое.

V.

«Злобою сердцо питаться устало, много въ ней правды, да радости мало», могли бы повторять польскіе патріоты эти стихи, если бы знали Некрасова. Да, несомнѣнно они устали питаться злобою и съ искреннимъ порывомъ, почти съ энтузіазмомъ, предались новому чувству, благожелательному, свободному отъ истерзавшихъ сердце злобы и ненависти. Это такъ естественно, такъ понятно... Новыя надежды и ожиданія волнуютъ и радуютъ нашихъ соотечественниковъ польскихъ провинцій. Искренно и душевно желаю, чтобы эти надежды не были иллюзіей, и чтобы миръ и дружба расцвѣли въ сердцахъ народовъ, такъ долго и непримиримо враждовавшихъ, такъ горестно и неустанно питавшихся злобою и ненавистью. Искренно и душевно желаю, чтобы исчезли причины, питавшія эти злыя чувства, и чтобы сгладились тѣ шероховатости, которыя заставляютъ русскихъ и поляковъ отворачиваться другъ отъ друга. Тѣмъ не менѣе, amicus Plato, sed veritas magis. Было бы малодушіемъ скрывать отъ себя всѣ многообразные трудности и опасности положенія. Я не отчаяваюсь въ успѣхѣ, какъ не отчаявался въ немъ еще въ 1879 году, и, кажется, получилъ своимъ упованіямъ нѣкоторое довольно яркое подтвержденіе. Вѣрю и теперь въ возможность успѣха, но полагаю, что именно ради обезпеченія успѣха необходимо внимательно взвѣсить всѣ препятствія и затрудненія. Выше я уже указалъ на нѣсколько. Укажу теперь еще на одно, которое надо считать едва ли не важнѣйшимъ.

Когда въ 1864 году было подавлено польское возстаніе, русское правительство приняло нѣсколько органическихъ мѣропріятій, съ цѣлью предупредить новыя попытки къ отложенію Польши. Эта программа, выработанная преимущественно Н. А. Милютинымъ, выразилась въ 1864—65 гг. двумя одинаково важными актами, которые, вмѣстѣ взятые, должны были положить основаніе образованію русской партіи въ Польшѣ.

Первый актъ, указъ 19 февраля 1864 года о надѣленіи польскихъ крестьянъ землею, пользуется довольно широкою извѣстностью и популярностью въ русскомъ образованномъ обществѣ. Польскіе крестьяне были освобождены Наполеономъ I при образованіи герцогства Варшавскаго, но вся земля оставлена въ собственность по-

мѣщика. Крестьяне превратились въ мелкихъ фермеровъ, и экономическая зависимость ихъ отъ владѣльцевъ ни мало не ослабѣла, а съ теченіемъ времени, съ размноженіемъ населенія и съ обращеніемъ помѣщиковъ къ капиталистическому хозяйству, должна была усиливаться. Матерьяльное обезпеченіе крестьянъ должно было уменьшаться. Такъ оно и развивалось постепенно, пока возстаніе галиційскихъ крестьянъ въ 1846 году не обратило вниманія и русскаго правительства на подобное же необезпеченное положеніе и крестьянъ Царства Польскаго. Это побудило тогда же въ 1846 г. издать законоположеніе, по которому вся помѣщичья земля, которая въ моментъ изданія закона состояла въ арендѣ у крестьянъ, и впредь должна быть предназначена исключительно для сдачи крестьянамъ въ аренду. Помѣщикъ лишался права землю эту обращать подъ собственное хозяйство и вообще на другое назначеніе, кромѣ крестьянской аренды. Онъ могъ назначать по усмотрѣнію цѣну аренды, мѣнять арендаторовъ, ставить имъ любыя условія, но земля должна пустовать бездоходная или быть арендуема крестьянами. Эту-то полукрестьянскую, полупомѣщичью землю указъ 19 февраля 1864 года обратилъ въ крестьянскую собственность съ вознагражденіемъ владѣльцевъ выкупною ссудою на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Россіи. Кромѣ того, для надѣленія значительнаго числа безземельныхъ, были выдѣлены участки изъ казенныхъ земель. Этотъ актъ положилъ первое прочное основаніе демократизаціи Польши, до того времени безнадежно аристократической. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это создавало цѣлое сословіе, видящее свою выгоду въ единеніи съ Россіей. Надо было только, чтобы эти новые, призванные къ жизни народные слои стали культурною силою и, *оставаясь добрыми поляками*, образовали русскую партію. Второй важный государственный актъ, изданный въ томъ же 1864 году, отвѣчалъ именно этой задачѣ.

Въ русскомъ образованномъ обществѣ менѣе извѣстенъ этотъ знаменательный актъ, именно Высочайшій рескриптъ о народномъ и общественномъ образованіи въ Царствѣ, обнародованный въ 1864 году. Исходныя начала этого рескрипта заключаются въ слѣдующихъ словахъ: «Задача Россіи по отношенію къ царству польскому должна заключаться въ полномъ безпристрастіи ко всѣмъ составнымъ стихіямъ тамошняго населенія». Далѣе еще опредѣленнѣе: «Не позволяя *ни себѣ*, ни кому бы то ни было, превращать разсадники наукъ для достиженія политическихъ цѣлей, учебныя начальства должны имѣть въ виду одно лишь безкорыстное служеніе просвѣщенію, постоянно улучшая систему общественнаго воспитанія въ царствѣ и возвышая въ ней уровень преподаванія». Эти прекрасныя указанія, послѣдовательно и твердо проведенныя, могли бы принести наилучшіе плоды, давая удовлетвореніе національному польскому чувству безъ всякаго вреда для единенія края съ имперіей. Рескриптъ не ограничивался установленіемъ принципа, но и указывалъ

на его приложеніе: «Въ школахъ общихъ, особенно низшихъ обученіе должно быть производимо на природномъ языкѣ большинства населенія, т. е. или на польскомъ, или на русскомъ, или на нѣмецкомъ, или на литовскомъ, смотря по мѣстности и происхожденію жителей» *). Чуждая политическихъ цѣлей, которыя рескриптъ осуждаетъ, безъ всякой обрусительной подкладки, эта программа могла-бы именно въ крестьянствѣ польскомъ создать польскую патріотическую партію, приверженную русскому союзу. Программа эта продолжалась, однако, не долго, и мало-по-малу уступила мѣсто обрусительной, которая надолго польскій патріотизмъ сдѣлала несовмѣстимымъ съ приверженностью русскому союзу; демократической русской партіи въ Польшѣ не создалось и нынѣшнія примирительныя движенія охватили преимущественно польскую аристократію, т. е. тѣ наслоенія польской народности, которыя естественно должны быть особенно приверженны историческимъ польскимъ началамъ, трудно согласимымъ со строемъ русской жизни. Нельзя не видѣть въ этомъ препятствіе къ сближенію, не неодолимое, но несомнѣнно опасное.

Опасность эта усиливается торжествомъ именно этихъ историческихъ началъ въ Галиціи, ихъ политическаго сродства съ историческими началами Венгріи, съ идеалами чешской феодальной аристократіи. Это дѣлаетъ изъ Австріи особенно удобный инструментъ для возрожденія польскихъ историческихъ началъ въ ихъ полной аристократической и клерикальной неприкосновенности. Такъ на Австрію и смотрятъ очень авторитетные поляки, напр. гр. Голуховскій, нынѣшній канцлеръ Австріи, высказавшій въ 1867 году въ галиційскомъ сеймѣ мнѣніе, что полякамъ нужна централизованная Австрія, которая одна можетъ возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года. Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и молодой губернаторъ Галиціи сталъ канцлеромъ имперіи, какъ другой представитель тѣхъ же клерикально-аристократическихъ польскихъ началъ, гр. Бадени, тоже изъ губернаторовъ Галиціи сталъ первымъ министромъ имперіи. Не можетъ это не вызывать тяготѣнія въ эту сторону среди поляковъ, особенно среди польской аристократіи. Повторяю, я не считаю всѣхъ этихъ препятствій неодолимыми. Но и со стороны русскихъ, и со стороны поляковъ, искренно желающихъ сближенія и примиренія, надобно не забывать этихъ подводныхъ камней и быть къ нимъ внимательными.

Я убѣжденъ, что Польшѣ выгоднѣе искать рѣшенія своего больного вопроса на почвѣ сближенія съ Россіей, и эти выгоды и являются главнымъ шансомъ великаго дѣла примиренія двухъ смертельно поссорившихся сестеръ. Наша изстрадавшаяся сестра протягиваетъ руку. Съумѣемъ не оттолкнуть ее и достойно отвѣтить. Съумѣемъ, прежде всего, признать ея право на собственное суще-

*) «Рескриптъ» цитирую по упомянутой статьѣ «Вѣстника Европы» (1872 г. № 4, стр. 679).

ствованіе и на безопасность собственной личности. Съумѣемъ не отказывать ей въ томъ, чего желаемъ себѣ или, по крайней мѣрѣ, что сами уже имѣемъ.

Post Scriptum. Послѣ того, какъ была сдана въ типографію эта статья, въ нашей ежедневной прессѣ появились новыя свѣдѣнія и данныя, ярко и убѣдительно подтверждающія нѣкоторыя мнѣнія, выше нами высказанныя. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ и сообщеній.

Выше мы говорили о знаменательномъ рескриптѣ императора Александра II на имя намѣстника польскаго графа Берга о народномъ и общественномъ образованіи въ Польшѣ. Данный въ 1864 г. рескриптъ этотъ устанавливалъ принципъ равноправности языковъ въ школѣ, которая повсюду должна была, согласно идеямъ рескрипта, пользоваться для преподаванія языкомъ большинства населенія. Въ настоящее время г. Багницкій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» приводитъ любопытную справку о судьбѣ народнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ въ періодъ примѣненія рескрипта и въ послѣдующее время его замѣны обрусительною школою. Указавъ на существенныя черты рескрипта, г. Багницкій констатируетъ, что его безпристрастіе вмѣстѣ съ дарованнымъ гминѣ (волости) правомъ основывать училища вызвали значительное развитіе народнаго образованія въ Царствѣ. «Развитіе остановилось (продолжаетъ г. Багницкій, *Спб. В.*, 16 сент. 1897 г., № 253) и даже основанныя гминами школы стали закрываться съ восьмидесятыхъ годовъ. Привожу свидѣтельство русскаго *привислинца*: «въ средѣ польскаго крестьянства, не перестававшаго съ начала тридцатыхъ годовъ, т. е. со времени окончательнаго утвержденія русской власти, сочувственно относиться къ дѣлу образованія,—что въ особенности рѣзко выразилось въ шестидесятыхъ годахъ, т. е. послѣ освобожденія его отъ помѣщичьей власти, —*съ начала восьмидесятыхъ годовъ наступаетъ обратное явленіе — несочувствіе къ школѣ и какъ бы недовѣріе къ ней*» (В. Р. *Очерки Привислянья*, стр. 277). Чѣмъ же былъ вызванъ этотъ поворотъ? Тѣмъ, что сторонники насильственнаго обрусенія добились отмѣны созданнаго Милютинымъ порядка, и преподаваніе въ начальныхъ школахъ стало изъ польскаго русскимъ. Отсутствіе обязательности дало возможность простому народу избѣжать сопротивленія въ прямомъ смыслѣ, но косвенно оказать таковое тѣмъ, что независимо отъ отказовъ гминными собраніями давать средства на содержаніе школъ, крестьяне стали брать изъ нихъ своихъ дѣтей и тайкомъ посылать ихъ учиться польской грамотѣ у приходскихъ священниковъ, органистовъ, у сердобольныхъ дочерей помѣщиковъ и т. п. Кончилось тѣмъ, что нынѣ число учениковъ (въ школахъ) меньше, чѣмъ было до реформы (крестьянской), что изъ поступающихъ въ школу 75% бѣжитъ изъ нея послѣ перваго учебнаго года, а курсъ оканчиваетъ менѣе пяти процентовъ, да и тѣ съ грѣхомъ пополамъ лишь знаютъ

русскую азбуку» (см. *Письма изъ Привислинья* бывшаго школьнаго инспектора г. Ц—ова), а въ общемъ по числу безграмотныхъ Царство Польское стоитъ наравнѣ съ Сибирью». Краснорѣчіе этихъ фактовъ такъ неотразимо, что комментаріевъ не требуетъ, ярко и выпукло подтверждая все то, что по этому вопросу выше нами высказано.

Едва ли не характернѣе еще свѣдѣнія о плодахъ обрусительнаго образованія относительно Литвы. Выше я приводилъ уже соображенія, заставляющія думать, что обрусеніе Литвы и Жмуди ведетъ не къ обрусѣнію, а къ полонизаціи. Корреспонденція изъ Вильны въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (15 сент. 1897 г. № 252) даетъ яркую картину этого процесса полонизаціи литовскаго населенія при помощи обрусительной политики. Картина эта такъ интересна и поучительна, что позволяемъ себѣ привести упомянутую корреспонденцію цѣликомъ:

Не должны-ли быть приняты мѣры, противодѣйствующія натиску полонизаціи непольскихъ элементовъ Царства Польскаго и Сѣверо-Западнаго края? Болѣе 30 лѣтъ уже прошло со времени открытія польскихъ буквъ *въ литовской письменности* (*существующей уже болѣе 300 лѣтъ*), послѣ чего для сближенія литовскаго народа съ русскою землею введены были въ литовскіе молитвенники русскія буквы.

Въ 1866 году, по случаю возникновенія вопроса о снабженіи литовскими учебниками народныхъ училищъ Августовской (нынѣ Сувалкской) и сосѣднихъ губерній и о печатаніи пособій для изученія литовскаго языка, Высочайше повелѣно, чтобы всѣ *казенныя* изданія на литовскомъ языкѣ печатались непремѣнно русскими буквами.

Только 22 апрѣля 1880 г. графомъ Толстымъ исходатайствовано Высочайшее соизволеніе на предоставленіе Академіи Наукъ права печатать ученые труды по литовскому языку общеупотребительнымъ учено-латинскимъ алфавитомъ съ тѣмъ, однако, чтобы подобныя изданія не были распространяемы въ массѣ литовскаго населенія Сѣверо-Западнаго края.

Въ 1883 году вопросъ о печатаніи литовскихъ книгъ разсматривался вновь при виленскомъ генералъ-губернаторствѣ, причемъ выяснено было: 1) что изданіе литовскихъ книгъ русскими буквами прекращено вовсе и прежде чѣмъ населеніе успѣло привыкнуть къ русскому алфавиту; 2) что для огражденія литовцевъ отъ дальнѣйшаго ополяченія, необходимо пробудить въ нихъ національное самосознаніе, а это можетъ быть достигнуто только путемъ серіознаго образованія и развитіемъ любви къ родному языку. Коммиссія, образованная при тогдашнемъ генералъ-губернаторѣ, ссылалась при этомъ на мнѣніе образованныхъ литовцевъ и компетентныхъ лицъ, которыя высказывали (въ газетахъ) мнѣніе о необходимости изданія народной газеты и популярныхъ книгъ «общеупотребительнымъ учено-латинскимъ алфавитомъ». Въ это самое время появился заграницей журналъ «Аушре», производящій, какъ извѣстно, въ польскихъ кружкахъ сильное возбужденіе, раздраженіе и треволненіе о новыхъ, якобы, отщепенцахъ-литвоманахъ. Считать литвомановъ за нѣмецкое изобрѣтеніе (вродѣ обезьяны) было невозможно и вслѣдствіе этого польское общество на Литвѣ косвенно старалось вредить этимъ литовскимъ интеллигентамъ „русской школы“ насмѣшками, криками объ „атеизмѣ“ и „измѣнѣ“ католицизму. Цѣль такъ или иначе была достигнута: не только литовскій простолюдинъ ушелъ въ Америку отъ мѣстной безработицы, но и ксендзъ, и затравленный интеллигентъ, иногда родные братья! Возникла не только въ Пруссіи, но и въ Сѣверной Америкѣ литовская печать, съ кото-

рой легко познакомиться было рабочимъ литовцамъ, посылающимъ не мало денегъ своимъ оставшимся роднымъ и разсказывающимъ при возвращеніи о чудесахъ Новаго Свѣта.

Выставка печатнаго дѣла въ С.-Петербургѣ наглядно показала, какъ мало распространена казенная русско-литовская книга и какъ широка область распространенія литовской контрафакціи. De facto литовскій молитвенникъ оказался большею частью предметомъ ввоза.—Что же мы видимъ въ настоящее время? Вопросъ о литовскомъ шрифтѣ и литовской цензурѣ гдѣ-то разрѣшается, а на дѣлѣ примѣняются старые циркуляры, въ силу которыхъ каждый стражникъ и войтъ имѣетъ право затѣять дѣло съ каждымъ молящимся литовцемъ о контрабандѣ, контрафакціи; каждый желающій зла сосѣду можетъ подать заявленіе о существованіи въ чужой хатѣ молитвенника заграничной фабрикаціи (и все это для огражденія литовскаго народа отъ ополяченія?!) Неужели же русское единеніе съ поляками должно служить въ ущербъ простолюдина литовца и бѣлоруса, не поддающагося польскому натиску и предпочитающаго дома вмѣсто польскаго говорить по-литовски, а въ общественныхъ мѣстахъ и въ русскомъ обществѣ—по-русски? Неужели въ чемъ-нибудь повинны литовцы, кончившіе русскія учебныя заведенія, которые мечтаютъ о духовной помощи младшей братіи и, по выраженію мѣстнаго сувалкскаго общества *русскаго* происхожденія, „даже не хотятъ говорить по-польски". Правда, эти литвоманы въ послѣднее время вздумали въ «Vargas»'ѣ изобразить нравы мелкихъ представителей администраціи (такъ назыв. взятковичей), но въ семьѣ не безъ урода, и врядъ ли мѣстные знатоки литовскаго вопроса, собирающіе всякими энергичными мѣрами нынѣ въ Маріамполѣ и Кальваріи (уѣзд. гор. Сув. губ.) литвомановъ послѣдней формаціи, въ состояніи справедливо обсудить дѣло. Какъ всегда, *когда Польша пляшетъ, Литва плачетъ*: если уже болѣе образованные братья и сыновья (ксендзы, врачи и др.) не надежны, такъ что же будетъ съ ихъ родителями и сестрами!

Есть много лицъ въ Варшавѣ, которыя помнятъ, что въ 1889 г. было сказано на одномъ изъ засѣданій варшавскаго статистическаго комитета (Труды В. Стат. Комитета II изд. 1890 года, страница 143) о литовскомъ вопросѣ. Даже А. А. Апухтинъ согласился, что литовцы весьма интеллигентны, а проф. Симоненко сообщилъ, что литовцы-студенты въ 1869 году составили свой собственный кружокъ. Вопросъ же, поставленный генералъ-фельдмаршаломъ Гурко: не было-ли съ нашей стороны ошибкою заставлять ихъ принять русскій шрифтъ, остался нерѣшеннымъ и до настоящаго времени.

Изъ № 4 литовской газеты «Vargas» видно, что 7 мая сего года циркулярно предписано бурмистрамъ и старшимъ стражникамъ Сув. губ. «имѣть строгій надзоръ за распространеніемъ тайно через границу доставленныхъ молитвенниковъ, календарей и другихъ печатныхъ произведеній, придерживающихся направленія, для правительства нежелательнаго, да еще и напечатанныхъ латино-польскими буквами». Указано затѣмъ на Высочайшее повелѣніе 1866 года о томъ, чтобы *казенныя* изданія на литовскомъ языкѣ печатались непремѣнно русскими буквами. При ген.-губ. Кауфманѣ и по его же представленію главное управленіе по дѣламъ печати постановило: а) воспретить безусловно книги, относящіяся до народнаго образованія, на лит. яз. и латинск. буквами; б) возвратить книгопродавцамъ, дозволивъ имъ пустить ихъ въ продажу, пропущенные цензурою молитвенники и книги религіознаго содержанія. Такимъ образомъ, значитъ, Высочайшее повелѣніе о запрещеніи печатать *не-казенныя* изданія литовско-латинскимъ шрифтомъ не отыскано?

Не смотря на видимую неясность постановки вопроса, сомнительную цѣлесообразность мѣры (хотя имѣлось въ виду благое дѣло, предприни-

маемое для сближенія литовскаго народа съ русской землей!) вышеприведенными распоряженіями пользовались для многолѣтняго (1866—1897) преслѣдованія литовскихъ *не-казенныхъ* изданій. De facto пропускались только молитвенники, образки-картинки и др. книжныя издѣлія религіознаго содержанія.

Весною и лѣтомъ нынѣшняго года съ особенной энергіею установленъ былъ фактъ широкой распространяемости литовскихъ контрафакцій и газетъ среди массы литовск. населенія Сув. губ. Пошли обыски и аресты!

Взяты были сначала книгоноши и коробейники (И. Пежайтисъ, изъ Лидукаймо, I. Лукомайтисъ, Антоновичъ и др. *), потомъ болѣе интеллигентные литовцы, какъ Р. Витковскій въ Маріамполѣ, Голякъ—въ Больчунахъ, кс. Рудвалисъ и Булвецъ, семейство Матулайтисовъ (одинъ изъ нихъ былъ докторъ въ Сейнахъ, другой—студентъ моск. унив.), Ив. Краучунасъ въ Вержболовѣ: всѣ эти лица сидѣли или сидятъ въ Кальваріи и Маріамполѣ, причемъ общее число лицъ, взятыхъ по литовскому дѣлу, нынѣ значительно превосходитъ сто. Наконецъ, изъ студентовъ с.-петербургскаго университета арестованъ въ августѣ Антонъ Данилевскій изъ мѣстечка Сынтовтъ, Владиславовскаго уѣзда.

Этотъ молодой человѣкъ уже два года учится на историко-филологическомъ факультетѣ и еще въ прошломъ году удостоился за работу по церковно-славянскому языку Кирилло-Меѳодіевской стипендіи. Если уже человѣку, знакомому съ церковно-славянскимъ языкомъ, да тѣмъ болѣе грамматически его знающему, необходимо знать *литовскій* языкъ и его литературу (для синтаксиса), то его изученіе человѣку, происходящему изъ бѣдной литовской семьи, представляется чѣмъ-то особенно интереснымъ и дорогимъ не только научно, но и нравственно.

Арестованный Антонъ Данилевскій желалъ посвятить свои труды спеціальному изученію западно-славянской и древне-литовской исторіи и оттого въ теченіе минувшихъ двухъ лѣтъ занимался: a) литовской миѳологіею (составляя рефератъ по поводу книги Мѣржинскаго объ этомъ предметѣ); b) исторической этнографіею реф. (о Герулахъ). Отличаясь большой усидчивостью и трудолюбіемъ, А. Д. только на одинъ мѣсяцъ уѣзжалъ на родину, продолжая и тамъ усердно заниматься любимыми предметами.

Сувалкская губернія, какъ пограничная, сосредоточиваетъ въ себѣ по преимуществу дѣла о контрафакціяхъ и литовскихъ газетахъ, что объясняется: a) сравнительно большимъ числомъ лицъ, гимназически образованныхъ и происходящихъ изъ крестьянъ: b) *природной стойкостью національно-литовскихъ убѣжденій, не поддающихся ополяченію*; c) частными отношеніями съ американскими эмигрантами—родственниками (одинъ изъ богатѣйшихъ американскихъ литовскихъ книго-издателей Паукатисъ родомъ изъ Сувалкской губерніи).

Знаютъ-ли лица, издали гнетущія литовцевъ Сув. губ., что тамъ на населеніе въ 640.000 душъ только 142,000 говорятъ по-польски?

Къ сожалѣнію, перехваченныя литовскія книги не передаются цензурному разсмотрѣнію, а большею частью уничтожаются. Собственно говоря, нѣтъ ни литовской цензуры, ни правительственнаго агента, который слѣдилъ бы за всѣмъ литовскимъ движеніемъ въ совокупности: есть только случайные и одинъ казенный переводчикъ. Кто же, наконецъ, обратитъ вниманіе на безцѣльное вопіющее гоненіе и заступится за ни въ чемъ неповинную Литву? Пусть русскіе люди спросятъ свою совѣсть!..

---

*) Общія свѣдѣнія объ этомъ заимствованы изъ америк. газеты «Tévyne» (Отечество) за 1897 г.

Эту *исторію* обрусѣнія Литвы редакція цитируемой газеты дополняетъ въ передовой редакціонной статьѣ очеркомъ *современныхъ плодовъ* этихъ искусныхъ мѣропріятій. «Любопытно (читаемъ мы въ указанной статьѣ, № 252), что въ пятидесятыхъ годахъ въ виленскомъ каѳедральномъ костелѣ еще произносились проповѣди на литовскомъ языкѣ. Теперь не для кого говорить по литовски: почти никто бы не понялъ! Въ Ковнѣ въ каѳедральномъ костелѣ литовскую проповѣдь произносятъ послѣ польской. Въ костелѣ семинаріи литовскія проповѣди произносятся иногда воспитанниками для практики. Въ остальныхъ же ковенскихъ костелахъ проповѣди говорятся только на польскомъ языкѣ. Черезъ двадцать лѣтъ во всей Ковнѣ некому будетъ слушать литовскую проповѣдь! Въ виленской, тельшевской или самогитской епархіяхъ все духовенство исключительно литовцы. Въ могилевской же (петербургской) архіепархіи большая часть духовенства тоже литовцы, остальные бѣлоруссы. Еще родители всѣхъ этихъ епископовъ, прелатовъ и низшихъ духовныхъ иначе не умѣли говорить, какъ по литовски. Ихъ же родные сыновья совершенно ополячены; даже въ сношеніяхъ съ прислугою они употребляютъ только польскій языкъ, родной же литовскій забываютъ. Наконецъ, и въ деревенскихъ костелахъ въ богослуженіи литовскій языкъ уступаетъ нынѣ мѣсто польскому, притомъ по собственному желанію ополячивающихся прихожанъ. Словомъ, если по настоящему можно судить о будущемъ, то слѣдуетъ предвидѣть, что скоро вмѣсто теперешнихъ литовцевъ будетъ столько же поляковъ». Цитируемая газета ищетъ причины этой быстрой полонизаціи Литвы и Жмуди (частью и бѣлоруссовъ) въ стѣсненіяхъ католическому вѣроисповѣданію и въ стѣсненіяхъ мѣстныхъ непольскихъ народностей. «Тридцать лѣтъ религіозныхъ притѣсненій (замѣчаютъ *Спб. В.*) постепенно убѣдили народную массу, что ихъ преслѣдуютъ за вѣру. Ибо ради чего другого могло быть съ казаками отбирать отъ нихъ костелы, воспрещать строить новые и починять старые, воспрещать ставить кресты, обременять подесятинными налогами на содержаніе православнаго духовенства?» Все это и заставило народныя массы, прежде враждебныя ополяченному дворянству, съ нимъ сблизиться и перенимать отъ него и его культуру. О другой причинѣ цитируемая газета говоритъ: «Запрещеніе печати на мѣстномъ языкѣ вынуждаетъ всѣхъ иноязычныхъ католиковъ хвататься за тотъ же преслѣдуемый, но не запрещенный польскій языкъ». Все это очевидно. И, однако, не желавшіе видѣть—тридцать лѣтъ не видѣли... Двадцать пять лѣтъ тому назадъ упомянутая статья «Вѣстника Европы» все это предсказывала. Голосъ московскихъ публицистовъ печальной памяти былъ громче...

Какъ яркая иллюстрація упомянутыхъ выше *С.-Петербургскими Вѣдомостями* религіозныхъ стѣсненій, очень характерно сообщеніе, приводимое тою же газетою (отъ 13 сент., № 250). Извѣстно, что

недавно распубликовано Высочайшее повелѣніе, по которому отмѣнено повсемѣстно въ имперіи, а слѣдовательно и въ Западномъ Краѣ, обязательное посѣщеніе православнаго богослуженія учениками иновѣрцами (въ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства). О *непримѣненіи* этого Высочайшаго повелѣнія и сообщають *Спб. Вѣд.* «Передъ нами лежатъ (пишетъ упомянутая газета) письма изъ Сѣверо-западнаго края, которыя мы, изъ смущенія передъ сообщаемыми въ нихъ гадкими подробностями о происходившемъ 20 августа въ Шавельской гимназіи, не рѣшаемся пока предавать полному оглашенію. Вкратцѣ говоря, тамъ опять тѣснили и мучили воспитанниковъ-католиковъ за попытку не присутствовать на молебнѣ въ гимназическомъ залѣ. И это черезъ два мѣсяца послѣ состоявшагося Высочайшаго повелѣнія! Можно себѣ представить, что считали своимъ долгомъ дѣлать до этого чиновники-педагоги. Когда же мы, русскіе, перестанемъ, наконецъ, краснѣть за древне-языческій способъ проведенія въ жизнь государственныхъ началъ на родной намъ славянской окраинѣ?»

Золотыя слова... Ими мы и окончимъ эту дополнительную замѣтку.

С. Ю.

Хроника внутренней жизни.

Неурожай и продовольственный вопросъ.

Тяжелый годъ предстоитъ пережить крестьянству значительной части Россіи. Тѣ тревожныя опасенія, которыя возбуждало еще съ начала лѣта состояніе хлѣбовъ, къ несчастію, оказались вполнѣ справедливыми. Фактъ крупнаго неурожая, охватившаго собою очень обширный районъ и притомъ районъ по преимуществу земледѣльческій, въ настоящее время не подлежитъ уже сомнѣнію; хотя самые размѣры бѣдствія и не могутъ еще быть опредѣлены сколько нибудь точно по имѣющимся свѣдѣніямъ.

Судя по послѣдне опубликованнымъ (въ № 32 «Извѣстій» министерства земледѣлія) даннымъ полоса неурожая *озимыхъ* хлѣбовъ занимаетъ огромную площадь, въ которую входитъ большая часть губерній средняго и нижняго Поволжья (Нижегородская, Симбирская, Пензенская, Саратовская, Самарская, Оренбургская и Астраханская), вся центральная земледѣльческая область (губерніи: Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская), Черниговская губернія, Донская область и Предкавказье (Кубанская область и Ставропольская губернія),—т. е. весь юго-востокъ

и значительная часть центральной Россіи. На всемъ этомъ пространствѣ, въ среднемъ по цѣлымъ губерніямъ, урожай ржи составляетъ отъ 55 до 75 отъ средняго сбора принятаго за 100, а урожай озимой пшеницы отъ 45—70%; въ большинствѣ случаевъ при этомъ погубернскія цифры были ближе къ первому, низшему предѣлу, нежели къ высшему, встрѣтившемуся только въ двухъ губерніяхъ. Такъ какъ урожай нынѣшняго года отличается крайней пестротой—въ зависимости главнымъ образомъ отъ времени сѣва, а также отъ качества почвы и ея обработки—то уклоненія въ отдѣльныхъ случаяхъ въ обѣ стороны отъ приведенныхъ среднихъ очень значительны. Въ губерніяхъ съ плохимъ урожаемъ встрѣчаются полосы, на которыхъ полученъ удовлетворительный и даже хорошій сборъ, но за то рядомъ съ ними лежитъ гораздо болѣе такихъ десятинъ, гдѣ хлѣбъ даже и не убирался, а стравливался или скашивался на кормъ скоту. Почти по всѣмъ губерніямъ пострадавшей полосы колебанія цифръ урожая въ краткой табличкѣ, опубликованной министерствомъ земледѣлія, начинаются отъ 0...

Недоборъ главнаго потребительнаго хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ—ржи—могъ бы быть менѣе чувствителенъ, ежели бы рядомъ съ нимъ получился сколько-нибудь обильный сборъ яровыхъ хлѣбовъ, идущихъ на продажу. Къ несчастію, въ нынѣшнемъ году дѣло стоитъ далеко не такъ. Въ большей части почвы, охваченной неурожаемъ ржи, и урожай яровыхъ долженъ былъ оказаться плохимъ, судя по сообщеніямъ, полученнымъ предъ его жатвою. Неудовлетворительные и плохіе сборы яровыхъ хлѣбовъ, по свѣдѣніямъ министерства земледѣлія, ожидались во всемъ центральномъ земледѣльческомъ районѣ, въ губерніяхъ нижневолжскихъ, Черниговской, Калужской, въ южной части Московской, Саратовской, Донской области, въ Ставропольской губерніи и въ сѣверныхъ отдѣлахъ Кубанской области. Такимъ образомъ изъ числа пораженныхъ недородомъ ржи мѣстностей только среднее Поволжье (гдѣ урожай яровыхъ ожидался большею частью посредственный) и часть Донской области и Предкавказья не вошли въ полосу неурожая яровыхъ хлѣбовъ, за то полоса эта продвинулась далѣе къ сѣверо-западу и захватила также и нѣсколько нечерноземныхъ губерній. Къ этому пространству примыкали мѣстности, гдѣ ожидаемый урожай характеризовался какъ посредственный. «Во всемъ этомъ обширномъ районѣ продолжительная засуха задержала ростъ и развитіе яровыхъ; выпавшіе дожди содѣйствовали только росту позднихъ посѣвовъ, обусловивъ въ то же время засоренность ихъ травами». Урожай яровыхъ, еще въ большей, впрочемъ, степени, чѣмъ урожай ржи, имѣетъ въ нынѣшнемъ году пестрый характеръ, такъ что благополучные оазисы попадаются и среди неурожайнаго района и наоборотъ.

Сборъ *сѣна*, вслѣдствіе продолжительной весенней засухи получился почти повсемѣстно неудовлетворительный и въ общемъ итогѣ значительно меньшій, чѣмъ въ прошломъ году.

Такимъ образомъ крестьянину пострадавшей полосы, живущему отъ земли, угрожаетъ опасность остаться безъ хлѣба для пропитанія, безъ сѣмянъ для посѣва, безъ корма для скота (которымъ служитъ, главнымъ образомъ, яровая солома—сѣно крестьянскій скотъ ѣстъ только «по праздникамъ»), безъ топлива (въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ жгутъ озимую солому, которая идетъ также и на подстилку, а по нуждѣ и на кормъ скоту) и безъ средствъ для уплаты податей и покрытія денежныхъ расходовъ хозяйства, главнымъ источникомъ для полученія которыхъ служитъ—помимо заработковъ—продажа ярового хлѣба.

Трудность положенія усиливается еще тѣмъ, что параллельно съ неурожаемъ идутъ и сопутствующія ему явленія—паденіе цѣны крестьянской рабочей силы и повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, сѣно и солому, которые крестьянину приходится покупать. Эти послѣдствія неурожая успѣли уже сказаться еще ранѣе, чѣмъ жатва снята была съ полей. Цѣны на хлѣбъ шли вверхъ по мѣрѣ того, какъ виды на урожай все болѣе и болѣе опредѣлялись въ неблагопріятную сторону. По отмѣткамъ Елецкой биржи, находящейся въ центрѣ неурожайнаго района, 1 пудъ пшеницы стоилъ 3 мая 70 к., 7 іюня 73 коп., 5 іюля—80 к., 2 августа 85 к., а 30 августа уже 1 р. 8 к. За 4 мѣсяца цѣна поднялась на 38 к. или на 54%. Цѣны 1 пуда ржи за тѣ же мѣсяцы были: 39 к., 42 к., 47 к., 58 и 68 коп., послѣдняя цѣна (30 авг.) превышаетъ майскую на 74%; цѣны 1 пуда овса—39, 39, 40, 50 и 60 к., повышеніе на 54%.

Рядомъ съ этимъ въ районахъ наибольшаго спроса на рабочія руки земледѣльческихъ рабочихъ обнаруживался избытокъ предложенія и паденіе заработной платы.

Къ довершенію всего засуха, длившаяся весь іюль и августъ, не позволяла приступить во время къ озимымъ посѣвамъ. Не засѣянныя, засохшія нивы являлись очень неблагопріятнымъ предсказаніемъ и для будущаго года.

Немудрено, что извѣстія, попадающія въ газеты съ мѣстъ, захваченныхъ полосою неурожая, носятъ на себѣ очень мрачный характеръ.

«Убрали рожь и овесъ—читаемъ мы въ кореспонденціи «Русскихъ Вѣдомостей» отъ 19 іюля изъ с. Максы Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, — десятина дала отъ 3 до 5 копенъ. Выходомъ изъ копны — рожь отъ 3 до 4-хъ мѣръ, овесъ отъ 5 до 6-ти мѣръ. Просо обѣщаетъ быть еще хуже; хотя нынѣшній годъ по урожайности и выше 1891 года, но для нашихъ крестьянъ онъ будетъ труднѣе. Во-первыхъ, тогда у нихъ запасовъ прошлыхъ лѣтъ было больше, во вторыхъ, гораздо шире было поставлено дѣло продовольствія, чѣмъ оно обѣщаетъ быть поставлено теперь. Кромѣ того, тогда совершенно не собирали податей. Будутъ-ли собирать ихъ въ нынѣшнемъ году? Платить-ли нашему крестьянину этотъ годъ, не платить ли податей, его все равно нужно

будетъ кормить съ октября или ноября. Цѣлесообразно-ли поэтому будетъ, если его сначала заставить продать въ полномъ смыслѣ насущный хлѣбъ по болѣе дешевой цѣнѣ, а потомъ будутъ покупать этотъ же хлѣбъ и для него же—по болѣе дорогой? За отсутствіемъ корма для скота, крестьяне уже сейчасъ стараются продать его, хотя бы по самой дешевой цѣнѣ, но покупателей нѣтъ. Коровъ, овецъ и свиней думаютъ порѣзать осенью себѣ, а лошадей продать татарамъ тоже на зарѣзъ,—разумѣется, за гроши.—Не менѣе, чѣмъ хлѣбъ насущный, нашихъ крестьянъ заботитъ почти совершенное *отсутствіе топлива*: лѣсовъ въ нашей мѣстности нѣтъ, а солома, продающаяся уже сейчасъ по рублю, за копну пудовъ въ десять, пойдетъ на кормъ скоту. Придется жечь крыши дворовъ.—*Рабочія руки* у насъ такъ дешевы, какъ никогда. Всю рабочую пору поденная плата не превышала 25 коп.; теперь же бабу можно нанять на цѣлый день за 5 коп.. — Наступаетъ время посѣва озимыхъ, а у насъ стоитъ *страшная засуха*. Боимся, какъ бы не пришлось сѣять зерно въ «золу», какъ называютъ у насъ сухую землю. Тогда и на слѣдующій годъ трудно ожидать хорошаго урожая».

«Каждый день приноситъ новое безпокойство сельскимъ хозяевамъ—сообщаетъ рязанскій корреспондентъ той же газеты три недѣли спустя (10 августа), почти 1 $^1/_2$ мѣсяца не было ни одного дождя и на окскихъ заливныхъ лугахъ трава, спаленная солнцемъ, хруститъ подъ ногою.—За Окою, близъ Рязани, горятъ торфяники и только теперь, кажется, удалось ограничить этотъ пожаръ.—Цѣна четверти ржи прошлогодней 5 р. 50 к., а нынѣшняго урожая—до 5 р. 90 к.».

«Безотрадное лѣто переживаетъ наша мѣстность, уже сильно пострадавшая отъ неурожая въ 1891 г.—пишутъ изъ Рязанской губерніи въ «Новое Время» (№ 7732, 25 августа). Настоящій 1897 годъ превзойдетъ его по грозящей нуждѣ и голоду. Можно сказать, что съ самаго 13-го апрѣля по 27-е августа не было здѣсь ни одного порядочнаго дождя. Только около 20-го іюня былъ единственный во все лѣто хорошій дождь, и его было недостаточно, чтобъ промочить пересохшую землю. Съ тѣхъ поръ полнѣйшая засуха продолжалась до 27-го августа. Можно представить, какова была уборка: убирать было почти нечего. Не только у крестьянъ, но у большинства помѣщиковъ рожь обходилась по три копны на десятинѣ, овесъ немногимъ болѣе, а просо хотя было густо и высоко, оказалось на половину пустымъ, такъ какъ наливъ былъ самый скудный. Когда крестьяне отсѣятся, то у нихъ почти не останется хлѣба на пропитаніе, а тѣмъ болѣе на платежи и домашнія нужды. Соломы и сѣна на кормъ скоту такъ мало, что уже теперь началась распродажа скота за безцѣнокъ. Къ довершенію бѣдствія почти никто еще не сѣялъ, а уже конецъ августа. Земля до того пересохла, что всякій опасается бросить въ нее даромъ по-

слѣдній запасъ свой. Говорятъ, что многіе изъ помѣщиковъ рѣшились вовсе не сѣять, считая, что выгоднѣе продать хлѣбъ по высокой цѣнѣ, чѣмъ бросить его даромъ. Желтый листъ усиленно валится съ деревьевъ отъ суши, паровыя поля голы, нѣтъ ни травинки, и несчастныя стада печально бродятъ, подымая столбъ пыли и тщетно отыскивая свѣжую былинку. Въ концѣ августа солнце такъ жгло, что было въ тѣни до 33° Р., а на солнцѣ болѣе 40°. Кромѣ того, здѣсь и тамъ пожары опустошаютъ деревни, отнимая и кровъ у обнищавшихъ крестьянъ».

Такія же безотрадныя вѣсти идутъ и изъ другихъ губерній злополучнаго земледѣльческаго центра Европейской Россіи.

«Продолжительная засуха и жара, стоявшія все время здѣсь— пишутъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» изъ Елецкаго у. Орловской губерніи, сдѣлали то, что вся трава и кормъ для скота безвозвратно погибли. Соломы ржаной такъ мало, что уже теперь копна продается по два рубля. Предстоитъ безкормица для скота, и крестьяне начали уже распродавать его за безцѣнокъ; лошади идутъ по двадцати, пятнадцати, даже по десяти и пяти рублей за штуку. Коровы также нипочемъ, и, не смотря на крайнюю необходимость въ нихъ для семейныхъ крестьянъ, они спѣшатъ отдѣлаться поскорѣе отъ кормилицъ своихъ ребятъ за самое ничтожное вознагражденіе. Урожай хлѣбовъ также плохъ. На крестьянскихъ земляхъ кое-гдѣ уродилось не болѣе двухъ-трехъ копенъ. Мужики прямо называютъ нынѣшній годъ голоднымъ и очень страшатся предстоящей зимы».

«Уборка ржи въ Тульскомъ уѣздѣ закончилась—сообщаетъ отъ 2 августа корреспондентъ «Р. В.»—мѣстами въ виду крайне скуднаго урожая закончена и молотьба. Чувствуется большая нужда въ помощи на обсѣмененіе, и многія общества вошли съ ходатайствомъ о выдачѣ ссудъ. Уборка овса заканчивается: овесъ рѣдокъ и плохъ умолотомъ. Вслѣдствіе бездождія и долго стоящихъ жаровъ отавы идутъ плохо, на возвышенныхъ мѣстахъ травы окончательно выгорѣли, и ихъ не хватаетъ даже для подножнаго корма. Цѣны на хлѣба и сѣно значительно поднимаются: рожь 55 к., овесъ 60 к. за пудъ, солома 26 к. пудъ, сѣно съ 15—20 к., обычныхъ въ такое время, поднялось въ цѣнѣ до 50 к. пудъ».

Позднѣйшія извѣстія изъ той же губерніи еще менѣе благопріятны. «Въ общемъ съ десятины—пишутъ въ «Русскія Вѣдомости» отъ 8 сентября—въ Тульской губ. получается въ нынѣшнемъ году 12—20 пудовъ, по отдѣльнымъ же мѣстностямъ крестьяне не соберутъ и 2 — 3 пудовъ, такъ что своего хлѣба не хватаетъ и на первый мѣсяцъ послѣ его уборки. Овесъ уродился нѣсколько лучше, но и его не хватаетъ для крестьянина. Обыкновенно выручка съ продажи овса идетъ на уплату повинностей и на покупку хлѣба въ концѣ года, теперь же врядъ ли его хватитъ на однѣ повинности. Губернское земство ходатайствовало объ отсрочкѣ уплаты выкупныхъ платежей (около 12 р. на дворъ), но до сихъ поръ неизвѣ-

стны результаты ходатайства, а между тѣмъ наступило время сбора повинностей. Плохой урожай сѣна, недостатокъ въ соломѣ уже отразился на крестьянскомъ хозяйствѣ; скотъ въ большомъ количествѣ гонится на рынки и продается за треть цѣны: тридцати-рублевая корова продается за 12, овцы старыя по 2 руб. за штуку. Мѣстами жалуются на порчу капусты червями; греча пуста отъ засухи. Картина получается тяжелая. Многіе увѣряютъ, что положеніе крестьянъ напоминаетъ 1891—92 голодный годъ. Нѣкоторыя земства, какъ алексинское, новосильское, уже ходатайствуютъ объ открытіи въ уѣздѣ органовъ «Краснаго Креста», закупаютъ хлѣбъ, производятъ подворное изслѣдованіе, однимъ словомъ, готовятся къ предстоящей борьбѣ съ голодомъ. Осенній сѣвъ также былъ неудаченъ и грозитъ неурожаемъ и въ будущемъ году. Послѣднее время стояла страшная засуха, и сѣять приходилось прямо въ пыль. Поздній сѣвъ, когда стали перепадать дожди, въ концѣ августа, болѣе удаченъ, тѣмъ не менѣе сравнительно съ другими годами и онъ плохъ. Цѣны на хлѣба сильно поднялись. На послѣднихъ торгахъ въ Тулѣ рожь вовсе не продавалась, ржаная мука продавалась по 90 коп. за пудъ, овесъ по 4 руб. 50 коп. за четверть; сѣно 53 копѣйки за пудъ. Подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ богородицкая дума повысила таксу на муку съ 50 до 70 к. Въ Тулѣ булочныя также подняли цѣну на печеный хлѣбъ (черный и бѣлый), но на дняхъ администрація потребовала, чтобы онѣ продавали по обычной таксѣ. Городское самоуправленіе, въ ожиданіи трудной зимы, предполагаетъ возобновить дѣйствія дешевой столовой и расширить дѣятельность городского ломбарда, для чего придется обратиться къ значительному займу. Плохой урожай и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи уже успѣлъ отразиться на нашей промышленности: мелкія самоварныя фабрики распускаютъ рабочихъ, понижаютъ расцѣнокъ. Крупныя—пока еще держатся, но, вѣроятно, и на нихъ скоро приступятъ къ роспуску лишнихъ рабочихъ».

«Продолжающая стоять необыкновенная засуха съ сильными жарами—сообщаютъ отъ 10 августа въ ту же газету изъ Моршанскаго у. (Тамбовской губ.) задерживаетъ сѣвъ озимыхъ хлѣбовъ. До сихъ поръ поля остаются незасѣянными. Между тѣмъ, періодъ времени наиболѣе успѣшнаго сѣва уже миновалъ. Здѣсь начинаютъ сѣять обыкновенно съ двадцатыхъ чиселъ іюля, и періодъ ранняго посѣва считается до 1-го августа, съ перваго до 10-го августа — средній посѣвъ и съ десятаго — запоздавшій. Со вчерашняго дня, дожидаясь безплодно дождей и отчаявшись дождаться, кое-кто изъ владѣльцевъ приступилъ къ сѣву, но что изъ такого сѣва въ сухую землю, «въ пыль», выйдетъ, неизвѣстно. Все будетъ зависѣть, конечно, отъ того, подоспѣютъ ли во-время дожди. Пока же барометръ упорно показываетъ сушь, на горизонтѣ ни одного спасительнаго облачка, жара тропическая. Дождя здѣсь не было съ Петрова дня въ нѣкоторыхъ мѣстахъ буквально, а оазисами дождь

«брызгалъ», но такъ мало, что не прибилъ пыли. Нѣкоторые владѣльцы подумываютъ совсѣмъ не засѣвать озимыхъ полей, если дождя не будетъ еще съ недѣлю или болѣе. Сильныя жары ухудшили урожай проса, который ожидался по уѣзду выше средняго. Жарами просо «сжало», зерномъ оно получится далеко неудовлетворительное. Цѣны на рожь быстро растутъ, каждый день приноситъ увеличеніе цѣны на пудъ 2 — 4 коп. Теперь цѣна въ Моршанскѣ дошла уже до 60 коп. за пудъ. Отсутствіе удачнаго сѣва, грозящаго, можетъ быть, такимъ же недородомъ и въ будущемъ году, будетъ, конечно, еще болѣе вліять на хлѣбныя цѣны, повышая ихъ».

«Прошло уже двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ о необычайной засухѣ, отсутствіи дождей и вслѣдствіе этого о невозможности посѣва озимыхъ хлѣбовъ—сообщаетъ тотъ же корреспондентъ отъ 22 августа—а дождя до сихъ поръ нѣтъ, и небывалая засуха продолжается. Положеніе безъ преувеличенія можно назвать безнадежнымъ и внушающимъ полное отчаяніе. Засѣяна пока самая незначительная часть полей, причемъ этотъ посѣвъ долженъ погибнуть, такъ какъ нельзя надѣяться на то, чтобы зерно, пролежавшее въ изсушенной почвѣ недѣлю, двѣ и болѣе, дало исходъ. На благопріятный засѣвъ остающейся незасѣянной площади озимыхъ полей едва ли можно надѣяться. Если и пройдутъ дожди, то нужны въ высшей степени благопріятныя метеорологическія условія, чтобы при необыкновенно позднемъ сѣвѣ (сѣвъ послѣ 20-го августа никогда здѣсь не бывалъ) получились удовлетворительные всходы. Въ прошломъ году, напримѣръ, числа 25—27-го августа былъ сильный морозъ, побившій всѣ бахчи; повтореніе такого мороза можетъ уничтожить всѣ посѣвы. Затѣмъ, для удачнаго посѣва нуженъ очень сильный дождь, почва и даже подпочвенный слой изсушены до послѣднихъ предѣловъ, и нужно слишкомъ большое количество осадковъ для удачнаго посѣва. Почва настолько изсушена, что невырытый картофель начинаетъ портиться отъ засухи; ботва картофеля совершенно высохла. Хлѣбныя цѣны здѣсь продолжаютъ расти; цѣна ржи дошла уже до 75 к. за пудъ; мука продается по 85 к., овесъ по 60 к.»

«Неурожай ржи и яровыхъ въ нашемъ уѣздѣ—пишутъ въ журналѣ «Хозяинъ» изъ Козлова Тамбовской губерніи—засвидѣтельствованъ офиціально, земскою управою, представившей докладъ въ экстренное земское собраніе 3 августа. По свѣдѣніямъ управы, собраннымъ членами ея и двадцатью гласными, оказывается, что урожай ржи и овса получился самъ $2^1/_2$, проса 27 мѣръ и картофеля получится не болѣе 400 пуд. съ казенной десятины. Предполагая, что на каждую душу въ теченіе года нужно 12 пуд. разнаго хлѣба, управа высчитала, что общій недостатокъ въ продовольствіи по уѣзду равняется 1924 т. п. Исключая изъ этого 500 т. п. ржи, засыпанной въ хлѣбозапасныхъ магазинахъ по деревнямъ, примѣрно 100 т. п.,

находящихся на рукахъ у населенія въ одоньяхъ, амбарахъ и т. п., получается нехватка въ продовольствіи на 400 т. п. одной ржи. Противъ голоднаго 1891 г. собрано будетъ хлѣбовъ болѣе только на 9 т. пуд.; поэтому положеніе уѣзда потребуетъ тѣхъ же энергичныхъ и экстренныхъ мѣръ для борьбы съ предстоящею голодовкою, какъ и 6 лѣтъ назадъ. Если населеніе какъ-никакъ еще можетъ прокормиться, то скотинѣ угрожаетъ голодовка хуже 1891 г. Соломою озимые и яровые хлѣба вышли нынче вдвое меньше противъ того года, сѣна у крестьянъ почти нѣтъ. Предстоитъ двойной недостатокъ кормовъ и страшный подъемъ цѣнъ на нихъ. Копна ржаной соломы продается теперь 80 к. (10—8 к. пудъ), сѣно 35 к. п. Что же будетъ зимой, а особенно весною 1898 г.?» («Хозяинъ», № 31).

«Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ погода у насъ совершенно не мѣняется — сообщаетъ отъ 6 августа воронежскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»—за всю весну и лѣто у насъ прошло не болѣе 3 — 4-хъ хорошихъ дождей, также не слыхали нынѣшнимъ лѣтомъ грома. Благодаря такой продолжительной засухѣ — вездѣ громадная пыль, на поляхъ травы совершенно нѣтъ, и они почернѣли; съ деревьевъ стала сильно падать листва, а сами деревья сохнутъ. Между тѣмъ положеніе осложняется: для нашей губерніи установленъ фактъ, что ранніе посѣвы, производящіеся обыкновенно съ 26—28-го іюля по 5—8-е августа, даютъ лучшіе всходы и урожаи. Сейчасъ же повсемѣстно въ губерніи царитъ полная засуха и, слѣдовательно, никто озимей не сѣетъ. Барометръ нѣсколько дней неподвижно стоитъ надъ «перемѣнно», и только».

«Послѣдствія неурожая уже даютъ о себѣ знать»,—пишутъ той же газетѣ изъ Курска, отъ 13 августа,—къ Щигровскомъ уѣздѣ предвидится нѣчто въ родѣ голода, причемъ особенно пострадаетъ скотъ, такъ какъ кормовъ очень мало и дороги они страшно. Достаточно сказать, что *сѣна на базарѣ въ Щиграхъ вовсе нѣтъ*. Недавно для пожарной щигровской команды въ одной деревнѣ, на мѣстѣ, сѣно куплено по 50 к. пудъ. Копна яровой соломы теперь уже на щигровскомъ базарѣ продается по 2 р. 50 к., а обыкновенная цѣна ей 50 к. Далѣе 1/2 копны просяной соломы стоитъ 1 р. 50 к., обыкновенной 30—40), 1/2 копны старновки—1 р. 20 к. (обыкновенная цѣна 20—30 коп.). Цѣны на хлѣбъ растутъ не по днямъ, а по часамъ. Въ Курскѣ и Щиграхъ пудъ муки сейчасъ продается по 85 коп. Въ Фатежѣ рожь новаго урожая стоитъ 72 к. пудъ, а въ Щиграхъ — стараго урожая 65 к., а новаго—68 к. Цѣны на скотъ въ то же время падаютъ. На базарѣ въ Щиграхъ продаютъ: коровъ худыхъ по 7 руб., овецъ по 1 р. 50 к., телятъ — 1 р. 20 к.—1 р. 50 к., свиней пуда въ четыре съ половиной — 6 руб.

Въ Наровчатскомъ уѣздѣ Пензенской губерніи,—по сообщенію мѣстнаго корреспондента «Русскихъ Вѣдомостей» отъ 31 августа,—

«у большей части крестьянъ хлѣба хватитъ лишь до Дмитріева дня, и многіе уже теперь покупаютъ его, такъ какъ озимое пошло на обсѣмененіе полей, а яровое, собранное также въ ничтожномъ количествѣ, во многихъ случаяхъ немедленно продавалось для уплаты податей. Хлѣбъ покупается на деньги, вырученныя отъ продажи послѣдняго скота, значительно упавшаго въ цѣнѣ. Пострадавшіе отъ неурожая надѣются на выдачу хлѣба изъ общественныхъ магазиновъ, но выдача эта будетъ во всякомъ случаѣ недостаточна, такъ какъ размѣръ ея не превышаетъ четверти, т. е. 10 пуд. на душу. Между тѣмъ цѣны на хлѣбъ все растутъ, и благопріятное время для закупки необходимыхъ запасовъ по продовольствію населенія проходитъ. Помощь однако должна быть тѣмъ настоятельнѣе, что при столь бѣдственномъ положеніи здѣсь не имѣется подсобныхъ промысловъ и нѣтъ вообще заработка. Спичечная фабрика Лошкарева и стекляный заводъ графа Толстого переполнены работающими за самую низкую плату. Ходившіе же на сторону въ Саратовскую и Самарскую губерніи на полевыя работы возвращаются измученные съ пустыми руками. Сборы податей идутъ тѣмъ временемъ обычнымъ порядкомъ».

Въ Новоузенскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, какъ передаетъ Саратовскій Листокъ «мѣстами крестьяне уже распродали послѣдній хлѣбъ, чтобы заплатить долги за землю и покрыть другіе необходимые расходы. Распродается также скотъ, особенно киргизами, такъ какъ корма для него нѣтъ ни въ полѣ, ни въ запасѣ».

«Молотьба у насъ заканчивается—пишетъ отъ 2 августа Перекопскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»—и результаты урожая въ настоящее время могутъ считаться вполнѣ выяснившимися. Эти результаты весьма плачевны. Удѣльный вѣсъ озимой пшеницы по шкандолу въ этомъ году не болѣе 9 пуд. 20 фун.; зерно щуплое и дряблое. Умолотъ озимой не больше 2—4 четвертей съ десятины. Ячмень даетъ съ десятины 3—5 четвертей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ результаты еще хуже: бываетъ, что съ десятины посѣва получается не болѣе одной мѣры зерна. Въ общемъ урожай настоящаго года—ниже средняго. За то на хлѣбномъ рынкѣ небывалое оживленіе и повышеніе цѣнъ на всѣ безъ исключенія зерновые продукты. За озимую пшеницу вѣсомъ 9 пуд. 20 ф. по шкандолу платятъ въ уѣздѣ по рублю за пудъ, т. е. по 10 р. за четверть, или съ доставкою къ порту 11 р.; ленъ дошелъ до 11 р. за четверть въ уѣздѣ, 12 р. въ порту; за ячмень платятъ 4 р. 10 к.— 4 р. 20 к. за четверть. Такой высокой цѣны на озимую пшеницу у насъ не было уже давно, съ начала 80-хъ годовъ. Тѣмъ не менѣе сдѣлокъ въ уѣздѣ совершается очень мало: земледѣльцы воздерживаются отъ продажи, ожидая еще большаго повышенія цѣнъ и надѣясь наверстать недополученное вслѣдствіе недорода—полученіемъ за свои произведенія самой высокой цѣны».

Совершенно иную картину нежели хлѣбной рынокъ представлялъ собою рынокъ труда.

Рабочій рынокъ хлѣбороднаго района Таврической губерніи, одновременно съ указаннымъ повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ, по сообщеніямъ «Крымскаго Вѣстника», — почти повсемѣстно находится подъ угнетающимъ вліяніемъ неудовлетворительнаго урожая и образовавшагося въ зависимости отъ него избытка въ предложеніи рабочихъ рукъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, привлекавшихъ прежде значительное количество пришлыхъ рабочихъ, въ настоящее время землевладѣльцы находятъ возможнымъ обходиться мѣстными силами, и пришлый людъ, не находя привычной работы, направляется въ торговые центры, въ разсчетѣ на городскую работу, или возращается безъ успѣха обратно. Къ началу августа уровень цѣнъ на рабочія руки, не смотря на начавшуюся уборку хлѣбовъ, повсемѣстно оставался невысокимъ. Исключеніе составляютъ только два уѣзда, Бердянскій и Днѣпровскій, гдѣ цѣны нынѣшняго года превзошли прошлогоднія.

Неурожай нынѣшняго года захватилъ и сѣверный Кавказъ, являвшійся до сихъ поръ обильною хлѣбною житницею. «Благодаря стоявшей все лѣто, при совершенномъ отсутствіи дождей, небывалой жарѣ (термометръ на солнцѣ все время стоитъ 45—50° R),—пишутъ въ «Русскія Вѣдомости» изъ с. Петровскаго, Ставропольской губ.—въ Петровскомъ и на десятки верстъ въ окрестностяхъ его получился полнѣйшій неурожай травъ и хлѣбовъ. Многіе землевладѣльцы не убирали совершенно хлѣба, такъ какъ уборка стоила бы дороже, чѣмъ убранный хлѣбъ. Хуже всего пришлось льноводамъ, которыхъ въ этой мѣстности, благодаря предъидущимъ урожаямъ, развелось очень много. Заразились общей льняной горячкой даже такія лица, которыя никогда посѣвами не занимались и которыя по своимъ занятіямъ ничего общаго съ земледѣліемъ не имѣютъ. Засѣяли по сотнѣ и больше десятинъ въ надеждѣ на большіе барыши, а въ результатѣ оказалось — нечего убирать. Гремѣвшее еще въ прошломъ году своими хлѣбными операціями, Петровское теперь совершенно опустѣло. Ростовскія хлѣбныя фирмы Дрейфуса, Рѣзанова и др., которыя имѣли здѣсь свои отдѣленія, съ цѣлымъ штатомъ служащихъ, теперь послѣднихъ распустили и отдѣленія конторъ въ Петровскомъ закрыли. Даже нѣкоторые изъ мѣстныхъ ссыпщиковъ бросили свои амбары и насиженныя мѣста, а сами перекочевали въ болѣе урожайную мѣстность. Цѣны на ленъ стоятъ здѣсь отъ 85-ти до 90 коп. за пудъ, а на пшеницу — отъ 65 до 80 коп.; но всѣ разсчитываютъ, что зимою цѣны эти значительно повысятся. Тяжело пришлось и крестьянамъ. Избалованные хорошими урожаями, крестьяне здѣсь никакихъ запасовъ хлѣба не имѣютъ: они весь избытокъ сѣна и хлѣба сейчасъ же продаютъ, а на вырученныя деньги стараются пріобрѣтать по возможности больше скота. Здѣсь самый бѣдный крестьянинъ имѣетъ не меньше 5—6 головъ рогатаго скота.

Теперь же, благодаря неурожаю травъ и дороговизнѣ сѣна (5—6 руб. возъ), имъ приходится распродавать скотъ по очень низкимъ цѣнамъ. Оставляютъ лишь 1—2 пары быковъ и на нихъ цѣлыми семьями отправляются на заработки въ Кубанскую и сосѣднія области, гдѣ, какъ говорятъ, въ этомъ году урожай значительно лучше, чѣмъ въ Ставропольской губерніи.»

Всего болѣе пострадали отъ неурожая губерніи черноземной почвы; послѣдствія недорода (главнымъ образомъ яровыхъ хлѣбовъ) и плохого почти повсемѣстно сбора сѣна сказываются, однако, и въ нечерноземной Россіи.

«Сегодня Спасовъ день—пишетъ отъ 6 августа корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Вяземскаго у., Смоленской губ.—начало уборки ярового для другихъ годовъ, теперь же только ленъ кое-гдѣ стоитъ на полѣ. Нужно бы сѣять, со Спаса, а земля суха, буквально какъ порохъ. Даже картофель въ полѣ весь завялъ, капуста на огородахъ тоже. Яровое, конечно, очень худо, и только рожь успѣла созрѣть до засухи и средняя по урожаю. Листья въ лѣсахъ на половину обвалились. Но это все еще не худшее. Кругомъ горятъ лѣса, горятъ болота, которыя всѣ высохли, и сухой торфъ въ нихъ въ разныхъ мѣстахъ загорѣлся. По вечерамъ луна тускло свѣтитъ необычнымъ краснымъ свѣтомъ, а въ воздухѣ слышится запахъ смолистаго дыма».

Громадные лѣсные пожары, связанные съ засухою, нынѣшнимъ лѣтомъ являлись положительнымъ бѣдствіемъ для нечерноземной Россіи, менѣе пострадавшей отъ недорода хлѣбовъ. Горѣли лѣса въ Смоленской губерніи, въ Заволжьѣ, огонь опустошилъ обширныя лѣсныя площади въ Московской губерніи.

Тяжело давалъ себя чувствовать и недостатокъ кормовъ.

«Въ уѣздѣ сѣнокосъ почти на исходѣ—читаемъ мы въ корреспонденціи «Р. В.», изъ Боровска Калужской губ., отъ 21 іюля,—сѣна собрали противъ прошлаго года почти на половину менѣе. Луговая трава вся выгорѣла отъ стоящей засухи, единственнымъ подспорьемъ явилась лѣсная трава. Цѣны на сѣно стоятъ отъ 35 до 40 коп. за пудъ. Подобной цѣны въ такое время никто не запомнитъ». «Жаркая погода, съ сильными сухими вѣтрами, при почти полномъ отсутствіи дождей и даже росъ, оказала пагубное вліяніе на растительность—сообщаютъ въ той же газетѣ изъ Серпухова Московской губ., отъ 29 іюля.—травы собрано приблизительно четвертая часть прошлогодняго урожая; на открытыхъ лугахъ мѣстами травы оказались настолько плохими, что крестьяне отказались косить ихъ. Вслѣдствіе засухи одновременно съ покосомъ подоспѣла къ уборкѣ и рожь. Въ другіе годы рожь начинали убирать около Ильина дня, 20-го іюля, нынѣ уборку ея начали съ первыхъ чиселъ, и къ 10-му іюля почти вся рожь была убрана съ поля; въ настоящее время часть ея уже обмолочена. Рожь оказалась зерномъ хорошею, соломою по умолоту на ½ менѣе прошлаго года. Въ об-

щемъ крестьяне получили урожай самъ-два. Овесъ ранняго сѣва уже поспѣлъ; съ 17-го іюля началась его уборка. Онъ врядъ-ли вернетъ сѣмена; овсяной соломы почти нѣтъ. Поздніе овсы еще зеленые и низкорослы. Отъ стоящихъ жаровъ и бездождія въ лѣсу на березахъ, а также и на другихъ деревьяхъ листья начинаютъ вянуть. Крестьяне въ виду неурожая травы и яровой соломы, вслѣдствіе необходимости покупать для продовольствія хлѣбъ, начали сбывать свой скотъ, цѣны на который съ каждымъ базаромъ все понижаются».

Извѣстія послѣднихъ дней нѣсколько смягчаютъ мрачныя краски картины, рисуемой приведенными сообщеніями. Телеграммы изъ разныхъ мѣстностей говорятъ о дождяхъ, выпавшихъ, наконецъ, въ первыхъ числахъ сентября и позволившихъ произвести, хотя и поздно, озимые посѣвы.

Но это улучшеніе касается собственно *будущаго* хозяйственнаго года, а не того, въ который мы вступаемъ теперь, и который грозитъ бѣдствіями крестьянству огромной полосы, охваченной неурожаемъ. Правда, вмѣстѣ съ выпаденіемъ осеннихъ дождей и уменьшеніемъ опасности *двухъ неурожаевъ* къ ряду нѣсколько остановился ростъ хлѣбныхъ цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ: сентябрьскія биржевыя отмѣтки показываютъ даже небольшое пониженіе противъ цѣнъ въ концѣ августа. Нельзя, однако, обольщаться этою заминкою хлѣбныхъ рынковъ. Не слѣдуетъ забывать, что до настоящаго времени крупнаго спроса на хлѣбъ для пострадавшихъ мѣстностей еще не предъявлялось вовсе. По мѣрѣ того, какъ будетъ рости продовольственная нужда, будутъ идти вверхъ и хлѣбныя цѣны, и на какомъ уровнѣ онѣ остановятся, объ этомъ теперь еще трудно судить.

Положеніе остается, во всякомъ случаѣ, крайне серьезнымъ. Черная туча нависла надъ горизонтомъ и медленно, но неуклонно, подвигается впередъ.

Что же сдѣлано до сихъ поръ, чтобы встрѣтить бѣдствіе и подготовиться къ борьбѣ съ нимъ?

Къ сожалѣнію нужно сказать, что объ этомъ пока извѣстно еще очень мало. Или въ газеты попадаютъ только отрывочныя и случайныя извѣстія объ общихъ и мѣстныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ на борьбу съ послѣдствіями неурожая, или самыя эти мѣры, въ дѣйствительности, отрывочны и случайны. Прошло уже 3 мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ выяснилась неизбѣжность крупнаго недобора хлѣбовъ въ нынѣшнемъ году: въ началѣ іюня положеніе озимыхъ уже опредѣлилось, и серьезнаго ихъ улучшенія нельзя было ожидать. За это время могла бы развернуться цѣлая сѣть подготовительныхъ мѣръ для предстоящей продовольственной кампаніи. Однако, ничего подобнаго мы не видимъ.

До сихъ поръ не мобилизованы даже тѣ силы, на которыхъ должна лежать главная работа въ этомъ дѣлѣ. Извѣстія о созывѣ

экстренныхъ земскихъ собраній, губернскихъ и уѣздныхъ, имѣются далеко не изъ всѣхъ губерній пострадавшаго района. Но и тамъ, гдѣ такія собранія были, мы не находимъ указаній на развитіе дальнѣйшей *земской организаціи* для завѣдыванія дѣломъ въ чрезвычайныхъ его условіяхъ. Ни о земскихъ коммиссіяхъ въ помощь управамъ, ни объ устройствѣ на мѣстахъ какой нибудь сѣти временныхъ исполнительныхъ органовъ ни откуда не слышно. Въ газетахъ сообщалось объ образованіи, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, *особыхъ продовольственныхъ совѣщаній*, по губерніямъ, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, изъ представителей земства и администраціи. Мѣстами такія совѣщанія собирались и по уѣздамъ. Но эти совѣщанія являются только дополнительнымъ членомъ продовольственной организаціи и не могутъ, конечно, взять на себя тѣ функціи, которыя и по закону, и по существу дѣла должны лежать на земствѣ. Между тѣмъ, въ настоящемъ году мы встрѣчаемся, повидимому, съ попыткою обойтись помощью этихъ временныхъ коммиссій, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ моментахъ продовольственной операціи. Иначе очень трудно объяснить такой поздній созывъ экстренныхъ земскихъ собраній, съ какимъ мы имѣемъ дѣло въ нынѣшній неурожайный годъ.

Въ зависимости отъ поздняго созыва собраній находится и неустановленность *продовольственной смѣты*,—которая должна являться первымъ шагомъ въ выполненіи каждой крупной продовольственной операціи. До сихъ поръ нѣтъ сколько нибудь твердыхъ данныхъ ни для сужденія объ общихъ размѣрахъ предстоящей продовольственной нужды, ни о количествѣ тѣхъ средствъ, которыя понадобятся для помощи этой нуждѣ. Мы говоримъ здѣсь, конечно, не о спискахъ нуждающихся съ вычисленіемъ размѣровъ ссудъ имъ необходимыхъ—изготовленіе ихъ немыслимо въ началѣ операціи,—но о смѣтѣ *предварительной*, которая должна отвѣтить на вопросъ, какимъ общимъ количествомъ продовольственныхъ средствъ должна располагать та или иная губернія или уѣздъ. Такая предварительная смѣта получается не суммированіемъ предположенныхъ каждому отдѣльному лицу пособій въ общіе итоги сначала по обществамъ, потомъ по волостямъ, уѣздамъ и, наконецъ, по цѣлой губерніи, а на основаніи общихъ признаковъ, относящихся къ цѣлымъ территоріямъ. Правильно организованная основная и текущая земская статистика можетъ дать наиболѣе прочный фундаментъ, на которомъ,—при наличности цѣлесообразно организованной мѣстной агентуры, облегчающей быстрое собраніе нужныхъ свѣдѣній на мѣстахъ—могутъ быть построены своевременно близкія къ дѣйствительности предположенія о размѣрахъ необходимой помощи. Предположенія эти должны затѣмъ пройти чрезъ контроль земскихъ собраній, чтобы облечься въ форму земскихъ ходатайствъ о ссудахъ изъ общихъ продовольственныхъ средствъ или постановленій объ ассигнованіяхъ изъ мѣстныхъ продовольственныхъ капиталовъ и запасовъ.

Особенностью продовольственной операціи настоящаго года является крайняя упрощенность пріемовъ составленія первоначальныхъ смѣтныхъ предположеній. Въ періодъ обсѣмененія паровыхъ полей вопросъ о томъ, обойдется ли населеніе своими средствами, безъ пособій изъ продовольственныхъ капиталовъ, во многихъ губерніяхъ даже и не предлагался обсужденію земскихъ собраній. Точно также имѣются только очень немногочисленныя указанія на то, чтобы были предприняты систематическія мѣры для точнаго выясненія размѣровъ потребности собственно *продовольствія* населенія. Въ большинствѣ случаевъ главнымъ матеріаломъ для предположеній объ общихъ продовольственныхъ затратахъ, предстоящихъ въ нынѣшнемъ хозяйственномъ году, повидимому, служили до сихъ поръ заключенія вышеупомянутыхъ губернскихъ совѣщаній. На основаніи этихъ заключеній составилось оптимистическое предположеніе о томъ, что «почти всѣ губерніи, за весьма незначительными исключеніями, обойдутся мѣстными средствами безъ правительственнаго пособія». Это предположеніе, однако, далеко не оправдывается тѣми фактическими данными, которыя сдѣлались извѣстны до настоящаго времени. Изъ числа тѣхъ губерній, въ которыхъ вопросъ о правительственныхъ ссудахъ подвергли обсужденію, только одно Саратовское губернское земство пришло къ заключенію, что оно обойдется безъ такой ссуды. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ признавалось необходимымъ просить о ссудѣ, въ томъ или иномъ размѣрѣ. Воронежское экстренное губернское земское собраніе, созывавшееся 28 августа, опредѣлило размѣръ продовольственной нужды населенія цифрою около 2.000,000 пуд. хлѣба и ходатайствуетъ объ отпускѣ 1.600,000 р. для пріобрѣтенія этого количества хлѣба. По разсчетамъ Тамбовскаго губернскаго земскаго собранія, происходившаго 7 сентября, для того, чтобы прокормить населеніе губерніи, потребуется, при существующихъ хлѣбныхъ цѣнахъ, затратить не менѣе 1.725,000 р.; такъ какъ губернскій продовольственный капиталъ составляетъ только 510,000 р., то собраніе постановило: возбудить предъ правительствомъ ходатайство объ ассигнованіи изъ общеимперскаго капитала недостающихъ 1.200,000 р. на продовольствіе, признавъ это требованіе минимальнымъ. Выше мы уже приводили расчеты Козловскаго уѣзднаго собранія Тамбовской губерніи. По этимъ разсчетамъ, за исключеніемъ всѣхъ мѣстныхъ запасовъ, для продовольствія населенія уѣзда не хватаетъ 400,000 пуд. Противъ голоднаго 1891 года, въ уѣздѣ собрано въ нынѣшнемъ году хлѣба только на 9,000 пуд. болѣе. На особомъ совѣщаніи по дѣлу о продовольствіи, происходившемъ 3 сентября въ Курскѣ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, выяснилось, что для прокормленія населенія необходимо пріобрѣсть minimum 1.200,000 пуд. ржи, а на обсѣмененіе полей до 4.000,000 пуд. яровыхъ сѣмянъ. По газетнымъ извѣстіямъ, начатая въ Тульской губерніи работа по опредѣленію количества необходимыхъ пособій указываетъ тоже на круп-

ныя предстоящія продовольственныя затраты. Нижегородская губернія въ настоящемъ году пострадала менѣе другихъ, такъ какъ она не вошла въ полосу крупнаго недорода яровыхъ хлѣбовъ; однако и здѣсь по первоначальнымъ, очень умѣреннымъ разсчетамъ губернской управы, на продовольствіе населенія потребуется около 800,000 пуд. ржи, для пріобрѣтенія которыхъ, въ добавокъ къ имѣющимся мѣстнымъ средствамъ, понадобится до 240,000 р. ссуды изъ общаго продовольственнаго капитала. Нужно замѣтить при этомъ, что половина означеннаго количества хлѣба предполагается для одного только Сергачскаго уѣзда (продовольственная потребность этого уѣзда опредѣлена въ 404 тыс. пуд., только на $^1/_5$ менѣе, чѣмъ въ злополучный 1891 годъ), между тѣмъ всѣхъ пострадавшихъ уѣздовъ 6, и нѣкоторые изъ нихъ поражены очень крупнымъ недородомъ, такъ что есть полная вѣроятность, что первоначальную цифру придется значительно повысить.

Какъ мы уже упомянули, только саратовскіе земцы не предвидятъ затрудненій въ будущемъ. Чрезвычайное губернское земское собраніе, происходившее здѣсь 25 августа, приняло цифру продовольственной потребности для губерніи въ теченіе года въ 274,000 пуд. (103 т. пуд. на продовольствіе населенія и 171 т. на обсѣмененіе яровыхъ полей). Эта сумма можетъ быть покрыта и мѣстными средствами, такъ какъ въ губерніи есть 164 т. р. крестьянскихъ и мѣщанскихъ капиталовъ и 114 тыс. губернскаго продовольственнаго капитала. Въ основаніе этого расчета легли свѣдѣнія, собранныя земскими начальниками. Губернская управа еще въ іюнѣ, въ виду извѣстій о значительномъ недородѣ въ нѣсколькихъ уѣздахъ, просила губернатора предложить уѣзднымъ предводителямъ дворянства собрать совѣщанія земскихъ начальниковъ съ уѣздными земскими управами для выясненія потребности каждаго сельскаго общества. На этихъ совѣщаніяхъ и выяснилась показанная цифра продовольственной и сѣмянной нужды. Приведенныя заключенія Саратовскаго собранія,—какъ справедливо заключаетъ «Недѣля» (въ хроникѣ № 36)—вызываютъ большія недоумѣнія. Основываясь на нихъ, «можно бы заключить, что нынѣшній неурожай принадлежитъ къ категоріи довольно обыденныхъ, и Саратовская губернія потерпѣла даже меньше Нижегородской. Но такое заключеніе совсѣмъ расходится съ прежними сообщеніями, приходившими съ мѣста и представлявшими неурожай совсѣмъ исключительнымъ. Такимъ образомъ, возникаетъ вопросъ—были ли черезчуръ преувеличены прежнія данныя о послѣдствіяхъ необыкновенной засухи, или саратовскіе земцы обнаружили излишнюю осторожность. Между тѣмъ, своеобразность саратовскихъ соображеній довольно характерно сказалась въ нѣкоторыхъ существенныхъ частностяхъ. Напримѣръ, вмѣстѣ съ признаніемъ, что въ Царицынскомъ уѣздѣ какъ озимые, такъ и яровые посѣвы большею частью пропали или скошены на кормъ скоту, уѣздныя совѣщанія заключили, что населе-

ніе всетаки нуждаться не будетъ, такъ какъ есть остатки прошлогодняго хлѣба (сколько, и у всѣхъ ли обществъ?); относительно же обсѣмененія озимыхъ полей, губернская управа заключила, что эта нужда можетъ быть покрыта, кромѣ заработковъ и магазинныхъ средствъ, наличностью у крестьянъ если не озимаго, то ярового хлѣба. Какимъ же образомъ засѣвать озимое поле яровымъ хлѣбомъ? Если же имѣется въ виду возможность обмѣна, то сколько придется потерять на спѣшной продажѣ одного и покупкѣ другого? Подобные вопросы остались пока темными».

Вотъ и все, что сдѣлалось до сихъ поръ извѣстнымъ по отношенію къ опредѣленію размѣровъ продовольственной нужды въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ.

Еще менѣе подвинулось впередъ дѣло заготовки продовольственныхъ запасовъ для выдачъ нуждающемуся населенію. Въ этомъ отношеніи нынѣшній годъ представляетъ рѣзкую противоположность съ голоднымъ 1891 годомъ. Если тогда,—въ виду опасеній, что въ странѣ не достанетъ хлѣба,—для сохраненія его не останавливались даже предъ такимъ героическимъ средствомъ, какъ полное запрещеніе хлѣбнаго вывоза за границу,—то теперь, наоборотъ, увѣренность въ существованіи наличныхъ остатковъ отъ обильныхъ сборовъ предыдущихъ урожайныхъ годовъ считается какъ-бы избавляющею отъ дальнѣйшихъ заботъ о томъ, чтобы эти остатки попали туда, гдѣ въ нихъ испытывается нужда. Въ 1891 году огромная часть продовольственныхъ заготовокъ была уже сдѣлана земствами въ началѣ осени. Въ 1893 г. рѣшено было сосредоточить дѣло хлѣбныхъ заготовокъ въ рукахъ правительственныхъ органовъ. Земства получали правительственныя ссуды не деньгами, а хлѣбомъ. Въ нынѣшнемъ году не производится ни крупныхъ правительственныхъ заготовокъ, ни земскихъ, а между тѣмъ время идетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ идутъ въ гору и хлѣбныя цѣны. Взамѣнъ продовольственныхъ закупокъ земствамъ предложено было произвесть позаимствованія изъ свободной наличности хлѣбозапасныхъ магазиновъ сельскихъ обществъ—съ земскимъ ручательствомъ за своевременный возвратъ позаимствованнаго хлѣба. Это предложеніе не встрѣтило, однако, особаго сочувствія со стороны земскихъ органовъ. Мы не находили извѣстій, чтобы оно было принято которымъ нибудь изъ земскихъ собраній, его обсуждавшихъ. И нельзя сказать, чтобы этотъ отказъ отъ позаимствованій не имѣлъ подъ собою основаній. Опыты позаимствованій магазиннаго хлѣба имѣли мѣсто и во время продовольственной операціи 1891—92 г. и далеко не всегда оказывались удачными. Такъ какъ теперь хлѣбозапаснымъ магазинамъ и «натуральнымъ запасамъ» придается значеніе чуть-ли не панацеи противъ всякихъ продовольственныхъ затрудненій, то будетъ не безъинтересно привести здѣсь небольшую справку изъ исторіи того времени. Беремъ эту справку изъ журналовъ Нижегородской губернской продовольственной коммиссіи.

Пермское земство позаимствовало въ началѣ 1892 года большую партію ржи изъ хлѣбо-запасныхъ магазиновъ Минской губерніи. Минская губернія принадлежитъ, какъ извѣстно, къ числу тѣхъ губерній, въ которыхъ продовольственное дѣло организовано еще на дореформенныхъ началахъ, система «натуральныхъ запасовъ», неиспорченная земскими мѣропріятіями, господствуетъ тамъ безраздѣльно. Западный край часто ставили въ образецъ земскимъ губерніямъ, легкомысленно растерявшимъ свои продовольственные запасы.

Минскій хлѣбъ зимой подвезенъ былъ желѣзною дорогою къ Нижнему и здѣсь дожидался вскрытія Волги, чтобы отправиться далѣе водою. По просьбѣ пермской губернской управы онъ былъ освидѣтельствованъ особой коммиссіей экспертовъ, командированной нижегородскимъ губернаторомъ. Вотъ въ какомъ видѣ онъ оказался. «Весь осмотрѣнный хлѣбъ—читаемъ мы въ актѣ освидѣтельствованія—найденъ: 1-е, неочищеннымъ, т. е. содержащимъ значительное количество сора и постороннихъ примѣсей, 2-е, вся осмотрѣнная рожь издаетъ затхлый запахъ; 3-е, въ нѣкоторыхъ бунтахъ во ржи замѣтны паразитныя гнѣзда и въ нѣкоторыхъ бунтахъ съ гнилью. Смолотая отъ этой ржи мука на вкусъ горьковата и издаетъ тотъ-же затхлый запахъ; точно также и испеченный хлѣбъ, при пробѣ употреблять въ пищу который получается отрыжка затхлостью». На основаніи вышеизложеннаго коммиссія нашла, «что рожь эта должна быть признана недоброкачественною и одна въ пищу употребляться не можетъ. Произведенный провизоромъ Кейзеромъ анализъ нѣсколькихъ пробъ ржи вполнѣ подтверждаетъ только что высказанное мнѣніе комиссіи. Изслѣдованная рожь содержитъ 4% разныхъ примѣсей, въ нѣкоторыхъ пробахъ находится незначительное количество спорыньи; цвѣтъ зерна ненормальный, буроватый; зерна нѣсколькихъ пробъ поражены червями; при пробѣ зеренъ окрашивать іодомъ оказалось, что многія зерна не даютъ полнаго окрашиванія въ фіолетовый цвѣтъ, что говоритъ за разложеніе крахмала, а присутствіе гнилостнаго, затхлаго запаха во всѣхъ пробахъ съ достаточною вѣроятностью показываетъ на порчу бѣлковыхъ веществъ. По отзыву практиковъ хлѣбныхъ торговцевъ, рожь эта можетъ употребляться въ пищу лишь тогда, когда она будетъ тщательно подсѣяна и такой подсѣянной ржи будетъ взято 1 пудъ и смѣшано съ 3 пудами свѣжей хорошей ржи» (Журн. собранія нижегор. губ. прод. комм. 1 марта 1892 г., приложеніе 4-е).

Любопытенъ дальнѣйшій ходъ настоящаго дѣла. Минскій губернаторъ на просьбу пермской управы о командированіи въ Нижній эксперта для освидѣтельствованія доставленной ржи отвѣчалъ, что не находитъ возможнымъ удовлетворить ходатайство земства, «такъ какъ никакой магазинный хлѣбъ не можетъ сравниться съ предлагаемымъ въ продажѣ и поэтому къ такому хлѣбу невозможно предъ-

являть слишкомъ строгихъ требованій» (Журн. Ниж. пр. комм. 8 марта 1892 г.). Пермскому земству пришлось примириться съ фактомъ. Часть магазиннаго хлѣба—признававшагося въ районѣ «натуральныхъ запасовъ» доброкачественнымъ—была продана на кормъ скоту, другая, нѣсколько болѣе годная, была перемѣшана съ хорошимъ хлѣбомъ и въ такомъ видѣ, съ грѣхомъ пополамъ, была съѣдена пермскими мужиками.

Нельзя не сказать, что опасенія относительно магазиннаго хлѣба имѣютъ подъ собой кое-какую фактическую подкладку.

Когда хлѣбъ закупается не въ тѣхъ районахъ, гдѣ онъ долженъ раздаваться, его приходится туда доставлять. Въ операцію 1891—1892 гг. приняты были широкія мѣры для облегченія этого дѣла. Главною изъ нихъ являлось установленіе пониженнаго желѣзнодорожнаго тарифа, въ $^1/_{100}$ коп. съ пуда и версты, для перевозки хлѣба въ нуждающіяся губерніи. И въ настоящемъ году нѣсколькими земствами (тульскимъ, тамбовскимъ и др.) возбуждены ходатайства о такомъ же пониженіи тарифовъ, такъ какъ хлѣбъ нерѣдко придется возить изъ далека. Никакихъ общихъ распоряженій по этому предмету до сихъ поръ еще, однако, не послѣдовало и будутъ ли удовлетворены земскія ходатайства—неизвѣстно.

Наиболѣе трудную и сложную часть продовольственной операціи составляетъ *организація самой раздачи ссудъ населенію*. Здѣсь всего чаще встрѣчаемся мы и съ прискорбными ошибками и съ справедливыми жалобами и нареканіями. Голодный годъ богатъ всякимъ опытомъ въ этомъ отношеніи, и хорошимъ, и худымъ. Причины затрудненій въ данномъ случаѣ въ значительной мѣрѣ коренятся въ недостаткахъ самыхъ законодательныхъ опредѣленій о продовольственныхъ пособіяхъ.

По закону эти пособія выдаются въ видѣ *ссудъ*, хлѣбомъ или деньгами, ссудъ въ общемъ правилѣ краткосрочныхъ. Ссуды, получаемыя изъ общественныхъ магазиновъ или капиталовъ, должны возвращаться изъ перваго послѣ выдачи урожая. Отсрочка, при невозможности вернуть ссуду въ этотъ срокъ, дается на одинъ годъ и только въ случаѣ крайней необходимости на два года. Опредѣленіе сроковъ и условій возврата ссудъ, выданныхъ изъ губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ и изъ общаго продовольственнаго капитала предоставляется земскимъ управамъ, по указаніямъ земскихъ собраній; но такъ какъ ссуды изъ общаго продовольственнаго капитала самимъ земствамъ отпускаются на трехлѣтній срокъ, то и для возврата ихъ населеніемъ назначаются короткіе сроки. Въ дѣйствительности краткосрочныя ссуды превращаются по большей части въ долгосрочныя, путемъ различныхъ отсрочекъ и разсрочекъ, но такое превращеніе является уже результатомъ тщетныхъ попытокъ взысканія долга въ то время, когда должникъ не могъ еще оправиться отъ бѣдствія, вызвавшаго ссуду.

Фондъ для выдачи продовольственныхъ ссудъ составился изъ взносовъ, хлѣбомъ и деньгами, собранныхъ съ крестьянъ и частію

съ мѣщанскаго населенія. Изъ этихъ взносовъ образованы: общественные хлѣбные магазины и общественные капиталы, составляющіе собственность каждаго сельскаго общества; губернскіе продовольственные капиталы, составляющіе общественную собственность каждой губерніи и наконецъ общій по имперіи продовольственный капиталъ, предназначенный для оказанія ссудъ, въ крайнихъ случаяхъ, при истощеніи мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ.

Ссуды выдаются на посѣвъ и на продовольствіе, въ случаяхъ неурожая, пожаровъ, градобитій, «непомѣрнаго возвышенія цѣнъ на хлѣбъ» и тому подобныхъ бѣдствій. Для полученія ссуды—изъ какого бы источника она ни выдавалась—недостаточно, однако, доказательства наличности такого бѣдствія и того, что это бѣдствіе поразило тѣ именно хозяйства, которыя просятъ ссуды. Законъ требуетъ для этого еще удостовѣренія въ томъ, что семьи, которымъ выдается ссуда, принадлежатъ къ категоріи *нуждающихся*. Въ продовольственномъ уставѣ заключается рядъ категорическихъ указаній по этому поводу. «Отпускъ хлѣба или денегъ на посѣвы производится членамъ сельскихъ обществъ, *дѣйствительно нуждающимся въ хлѣбѣ для обсѣмененія полей*—говорится въ ст. 65—въ количествѣ, не превышающемъ потребнаго каждому на засѣяніе обработываемой имъ земли». «Выдача хлѣба или денегъ на продовольствіе разрѣшается *единственно нуждающимся* и притомъ *въ мѣрѣ дѣйствительной необходимости*». Земскимъ управамъ законъ предписываетъ строго наблюдать, «чтобы хлѣбъ, когда раздается крестьянамъ, дошелъ до нуждающихся въ свое время, вполнѣ и въ подлежащемъ количествѣ, *но безъ всякаго излишества и съ возможнымъ сбереженіемъ расходовъ*».

Кого слѣдуетъ считать «нуждающимся», какъ опредѣлить «*мѣру дѣйствительной необходимости*» въ продовольствіи, и гдѣ начинается уже «излишество» въ пропитаніи,—на эти вопросы законъ не даетъ отвѣта.

Продовольственныя пособія по закону строго индивидуализируются, они назначаются только отдѣльнымъ семьямъ; «поголовное раздѣленіе хлѣба или денегъ между членами сельскаго общества строго воспрещается подъ отвѣтственностью сельскаго начальства». Законъ запрещаетъ также и продажу или передачу отъ одной семьи другой, или лицамъ другого сословія, полученной, деньгами или хлѣбомъ, ссуды. Въ такихъ случаяхъ «недозволенное пособіе» взыскивается съ лицъ, имъ воспользовавшихся, вдвое.

Первоначальное опредѣленіе «нуждающихся» въ пособіи лицъ возлагается на сельскія общества. Выдачѣ ссудъ долженъ предшествовать приговоръ сельскаго общества, въ которомъ обозначается: кому и въ какомъ количествѣ предполагается выдать ссуду.

На сельскихъ же обществахъ лежитъ и отвѣтственность за исправный возвратъ ссуды: въ случаѣ «совершенной несостоятельности» лицъ, воспользовавшихся ссудами, онѣ взыскиваются—тѣмъ

же порядкомъ, какъ и всѣ прочія повинности, за круговою порукою—съ обществъ, къ которымъ принадлежатъ недоимщики. Такая круговая отвѣтственность распространяется и далѣе. Ссуды, выдаваемыя изъ общеимперскаго продовольственнаго капитала, зачисляются долгомъ на губернскомъ земствѣ. Въ случаѣ неуплаты въ срокъ, долгъ этотъ вносится въ земскія смѣты и раскладывается на всѣ предметы земскаго обложенія. Съ неисправными сельскими обществами предоставляется вѣдаться самому земству.

Таковы общія опредѣленія закона о продовольственныхъ пособіяхъ. Не трудно видѣть, сколько въ нихъ внутреннихъ противорѣчій. Въ существующей системѣ смѣшаны три различные вида помощи, каждый изъ которыхъ требуетъ совершенно особой организаціи, именно: страхованіе, сельскій кредитъ и общественное призрѣніе. Страховое начало проявляется отчасти въ самомъ способѣ образованія продовольственныхъ источниковъ: это взаимная складка тѣхъ лицъ, которыя должны получать изъ этихъ источниковъ пособія въ случаѣ бѣдствія, ихъ постигшаго. Мысль эта была прямо выражена и въ законѣ. «Мѣры обезпеченія по вѣдомству министерства государственныхъ имуществъ—говорится въ 35 ст. уст. нар. прод. изд. 1857 г.—основываются на взаимномъ застрахованіи государственными крестьянами своего продовольствія посредствомъ опредѣленныхъ ниже хлѣбныхъ и денежныхъ взносовъ для составленія хлѣбныхъ запасовъ». Но начало это далеко не проведено систематически. Чтобы осуществить его на дѣлѣ, слѣдовало бы установить извѣстный ежегодный сборъ (по необходимости возможно умѣренный) для образованія общаго страхового фонда, изъ котораго (при той или другой помощи со стороны государства) выдавались бы потерпѣвшимъ вознагражденія въ случаѣ неурожаевъ или гибели хлѣба отъ града, саранчи и т. п. Такія вознагражденія, какъ и всѣ страховыя выдачи, должны быть *безвозвратныя*, и право на ихъ полученіе должно обусловливаться участіемъ въ страховой складкѣ и наличностію того бѣдствія, для возмѣщенія убытковъ отъ котораго организовано данное страхованіе, безъ необходимости какого-либо сыска о степени разоренности и «нуждаемости» потерпѣвшаго убытокъ. Нашей продовольственной системѣ оба эти послѣдніе принципа—выдача пособій *безвозвратно* и *по праву* получающаго, а не въ видѣ милостыни—совершенно чужды. Пособія оказываются въ видѣ возвратныхъ ссудъ; такимъ образомъ, продовольственная помощь *по формѣ* является однимъ изъ видовъ сельскаго кредита. Но какой это странный кредитъ! Условіемъ для прочности всякихъ кредитныхъ операцій служатъ достаточная кредитоспособность лицъ пользующихся кредитомъ. Кредитъ является цѣлесообразнымъ тогда, когда онъ дается не разорившемуся уже, а еще стоящему на ногахъ крестьянину, для поддержанія въ трудную годину его хозяйства и для улучшенія этого хозяйства въ годы благопріятные. Продовольственный кредитъ построенъ иначе. Можно сказать, что по установивш

шейся практикѣ главнымъ условіемъ для оказанія такого кредита должно являться удостовѣреніе, что кредитующійся всякую кредитоспособность потерялъ. Происходитъ это опять-таки отъ смѣшенія началъ сельскаго кредита съ началомъ общественнаго призрѣнія и благотворительной помощи неимущимъ. Особенности, свойственныя этой послѣдней формѣ продовольственной помощи—имѣющей въ виду собственно *неимущихъ* членовъ сельскихъ обществъ—кладутъ въ настоящее время свой отпечатокъ на всю операцію. Только этотъ видъ пособій и требуетъ тѣхъ мѣръ удостовѣренія въ полной несостоятельности воспособляемаго, которыя примѣняются нынѣ ко всѣмъ случаямъ продовольственной помощи и составляютъ ахиллесову пяту всей практики раздачи ссудъ. Нельзя не замѣтить, съ другой стороны, что благотворительное пособіе несостоятельному, оказываемое въ видѣ краткосрочной ссуды, представляетъ собою довольно странную форму помощи.

До тѣхъ поръ, пока всѣ указанные виды помощи не будутъ строго разграничены и не получатъ соотвѣтственной организаціи, пока въ продовольственной ссудѣ будутъ смѣшиваться въ одно: страховое пособіе землевладѣльцу, кредитъ хозяину и милостыня нищему,—учрежденія, вѣдающія продовольственною операціею, всегда будутъ встрѣчать огромныя затрудненія для цѣлесообразной постановки дѣла оказанія помощи продовольственной населенію.

Эти затрудненія еще усиливаются указаннымъ выше отсутствіемъ твердо установленныхъ правилъ о томъ, какъ должна опредѣляться нужда и размѣръ необходимой помощи. Этимъ открывается широкій просторъ для произвола распоряжающихся дѣломъ учрежденій.

Въ самомъ дѣлѣ, съ какого момента слѣдуетъ считать, что то или иное лицо, или цѣлая семья нуждается въ ссудѣ на продовольствіе? Одинъ предѣлъ для этого составляетъ такой порядокъ, при которомъ пособіе оказывается во всѣхъ случаяхъ, когда воспособляемый не можетъ прокормить себя и семью *безъ ущерба для своего хозяйства*, другой—когда пособія выдаются только въ крайнемъ случаѣ, при абсолютной *невозможности пропитаться* безъ ссуды. Между этими двумя крайними полюсами существуетъ очень много промежуточныхъ моментовъ—основаніемъ для ссуды могутъ являться различныя, послѣдовательныя ступени хозяйственнаго раззоренія. Продовольственная практика въ общемъ опускается чаще къ низшему предѣлу, нежели поднимается къ высшему, но всетаки она отличается очень большимъ разнообразіемъ въ данномъ случаѣ. Крайнимъ выраженіемъ начала «бережливости» въ дѣлѣ продовольственной помощи можетъ служить существовавшее въ голодный годъ правило, что продовольственныя ссуды совсѣмъ не должны выдаваться мужчинамъ рабочаго возраста; ими могли пользоваться только старые, малые и женщины. На самомъ дѣлѣ, отъ этого правила неизбѣжно пришлось допустить очень большія отступленія, да

оно, во всякомъ случаѣ, давало тонъ дѣлу, особенно тамъ, гдѣ была почва для развитія стремленій къ экономіи.

Затѣмъ, какая норма продовольствія должна считаться необходимою? Къ стыду нашему этотъ вопросъ до сихъ поръ не выясненъ съ достаточною точностью. Всего чаще за продовольственную норму принимаютъ потребленіе въ 18 пуд. ржи (или другихъ хлѣбовъ въ переводѣ на рожь) въ среднемъ на душу всякаго возраста. Но этотъ предѣлъ поднимается и выше. Только что изданная работа херсонскихъ земскихъ статистиковъ опредѣляетъ средніе размѣры потребленія хлѣба въ губерніи въ 28 пуд. на душу *). Въ земскихъ исчисленіяхъ продовольственныхъ ссудъ средній размѣръ потребности принимается, обыкновенно, въ 12 пуд. на ѣдока или 1 пудъ въ мѣсяцъ. Въ 1891 году почему-то установлена была норма въ 30 фунтовъ въ мѣсяцъ на ѣдока. Въ дѣйствительности эта норма не была выдержана. По даннымъ, помѣщеннымъ въ сводной работѣ центр. стат. комитета **), средній размѣръ мѣсячной выдачи, на 1 лицо, получившее пособіе, составлялъ 0,76 пудовъ (34 фунта), при колебаніи по мѣсяцамъ отъ 0,82 до 0,49 пуд. По отдѣльнымъ губерніямъ и отдѣльнымъ уѣздамъ отклоненія отъ этихъ среднихъ въ обѣ стороны весьма значительны. Въ Саратовской губерніи средняя мѣсячная выдача составляла 0,92 пуда, спускаясь по отдѣльнымъ уѣздамъ до 0,20 пуд. въ мѣсяцъ и поднимаясь до 1,59 пуд. Въ Казанской губерніи средняя погубернская, за весь періодъ, составляла 0,67 пуд., причемъ по нѣкоторымъ уѣздамъ минимальная цифра составляла 0,75 пуд. въ мѣсяцъ, тогда какъ по другимъ она падала до 0,12 пуд. (въ Лаишевскомъ уѣздѣ). Если взять два сосѣднихъ уѣзда одной и той же губерніи, почти въ одинаковой мѣрѣ пострадавшіе, именно Сергачскій и Лукояновскій уу. губерніи Нижегородской, то мы найдемъ, что въ первомъ изъ нихъ средняя мѣсячная выдача составляла 0,85 пуд. на 1 ѣдока, съ колебаніями по отдѣльнымъ мѣсяцамъ отъ 0,54 до 1,22 пуд., тогда какъ по Лукояновскому помѣсячныя колебанія простирались отъ 0,10 до 0,98 пуд., при средней выдачѣ въ 0,72 пуд. на ѣдока. Если бы можно было сравнить данныя по единицамъ, еще меньшимъ, чѣмъ уѣздъ, напр., по земскимъ участкамъ, различія въ размѣрахъ помѣсячнаго продовольственнаго пайка были бы еще рѣзче. Конечно, въ извѣстной долѣ эти различія обусловливались извѣстнымъ разнообразіемъ въ самыхъ условіяхъ мѣста и времени, но, во всякомъ случаѣ, гораздо большую ихъ долю нужно отнести на счетъ различій въ «усмотрѣніи» лицъ и учрежденій, распоряжавшихся

---

*) См. «Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губ. за 1895 г.». Херсонъ. 1897.

**) «Статистическія данныя по выдачѣ ссудъ на обсѣмененіе и продовольствіе населенію, пострадавшему отъ неурожая въ 1891—1892 гг. Спб. 1894.

выдачами. Существовавшіе порядки оставляли очень большой просторъ для такого усмотрѣнія.

Не много способствуетъ правильной организаціи продовольственной помощи и насквозь проникающее продовольственное законодательство начало круговой отвѣтственности за ссуды. Отъ сельскихъ обществъ законъ требуетъ, можно сказать, сверхсмѣтныхъ добродѣтелей, и нечего удивляться, что таковыхъ не оказывается на лицо, у средняго, по крайней мѣрѣ, обывателя. Сельскія общества должны не только указать нуждающіяся семьи въ своей средѣ, но и поручиться за нихъ, при полной, въ большинствѣ случаевъ, увѣренности, что эти нуждающіеся окажутся несостоятельными къ уплатѣ долга. Въ слѣдующей инстанціи такая отвѣтственность переносится и на земство. Земскія учрежденія должны наблюдать, чтобы крестьянскія общества выполняли свои обязанности, чтобы всѣ голодные были накормлены, и всѣ крестьянскія поля своевременно засѣяны; но если бѣдствіе, постигшее ту или иную губернію, такъ велико, что мѣстныхъ средствъ для помощи недостаточно, земство этой губерніи должно имѣть въ виду, что за пособіе, оказанное государствомъ нуждающемуся населенію, расплачиваться придется всѣмъ земскимъ плательщикамъ.

Земская гарантія продовольственныхъ долговъ до сихъ поръ еще по крайней мѣрѣ, оставалась только на бумагѣ; но круговая отвѣтственность сельскихъ обществъ является фактомъ вполнѣ реальнымъ. И послѣдствія этого не могли не сказаться. Практика крестьянскихъ общественныхъ приговоровъ въ продовольственномъ дѣлѣ очень далека отъ той идилліи, которая предполагается статьями продовольственнаго устава. Да и можно ли требовать въ самомъ дѣлѣ, чтобы въ трудный годъ, когда и зажиточному хозяину приходится тяжело, а среднему мужику приходится задумываться надъ тѣмъ, какъ пропитаться самому и какъ прокормить необходимую скотину,—крестьяне думали только о томъ, какъ помочь совсѣмъ неимущимъ въ своей средѣ, помочь въ сущности за свой счетъ, зная, что ссуды, имъ выданной, они не въ состояніи будутъ уплатить въ срокъ. По большей части выходитъ или такъ, что и дѣйствительные бѣдняки не могутъ добиться приговора, или же крестьяне стремятся включить въ приговоръ и такія семьи, которыя, съ точки зрѣнія строгой экономіи, не подходятъ къ категоріи «нуждающихся»,—приближаясь къ тому поголовному дѣлежу ссуды между членами сельскаго общества, который такъ строго воспрещается закономъ и который, въ сущности, составляетъ естественное слѣдствіе закономъ же установленной круговой отвѣтственности всего общества за выданную ссуду.

Какъ же провѣрить «запросъ» и какъ отличить дѣйствительную нужду, иногда сознательно замалчиваемую? Сколько нибудь удовлетворительно справиться съ этою задачею возможно только при наличности широко развитой мѣстной организаціи, нужна помощь лю-

дей и учрежденій, стоящихъ близко къ мѣстной жизни и непосредственно знакомыхъ со всѣми подробностями данной среды и данныхъ обстоятельствъ. Какъ извѣстно, у насъ не существуетъ, къ сожалѣнію, такой организаціи, какъ постояннаго учрежденія. Мелкая земская единица до сихъ поръ еще только pium desiderium. Нѣтъ и другой, внѣ-земской постоянной организаціи, которая могла бы замѣнить въ данномъ случаѣ ея роль. Поэтому, для продовольственной помощи необходимо создать спеціальную временную организацію. Пострадавшія мѣстности должны быть покрыты цѣлою сѣтью мѣстныхъ продовольственныхъ попечительствъ, къ работѣ въ которыхъ должны быть привлечены всѣ мѣстныя общественныя силы. Эти попечительства, поставленныя въ непосредственную связь съ земскими органами, явятся ихъ естественными и полезными сотрудниками въ дѣлѣ распознанія мѣстной нужды и оказанія помощи нуждающемуся населенію. Въ голодный годъ многія земства и стали на этотъ путь,—однако, это былъ далеко не общій случай.

Когда отсутствуетъ соотвѣтственная организація, на сцену выступаютъ «мѣры строгости»; выдвигаются впередъ слѣдственные пріемы удостовѣренія въ дѣйствительности нужды. Такое удостовѣреніе превращается въ цѣлый сыскъ, съ обысками, выемками, чуть не пристрастными допросами. Отношенія между населеніемъ, просящимъ о помощи, и учрежденіемъ, ее оказывающимъ, обращаются въ какую то глухую борьбу, въ которой съ одной стороны преобладаетъ стремленіе обмануть и скрыть, а съ другой—поймать и накрыть съ «поличнымъ» въ видѣ какой-нибудь кадушки съ хлѣбомъ, запрятанной въ подвалѣ, или бабьихъ нарядовъ, которые какъ «предметы роскоши» должны бы быть проданы прежде, чѣмъ ихъ обладательницы получатъ право на признаніе ихъ «нуждающимися» въ ссудѣ. Къ несчастію, очень яркіе примѣры всего этого можно найти въ недавнемъ прошломъ.

Въ голодный годъ выходъ изъ затрудненій пытались отыскать въ передачѣ функцій земства по распредѣленію ссудъ земскимъ начальникамъ. Но, конечно, это никакъ не разрѣшеніе задачи. Прежде всего нельзя не замѣтить, что уже въ виду существующихъ размѣровъ земскихъ участковъ, земскій начальникъ, при всемъ своемъ добромъ желаніи, такъ же мало можетъ справиться съ дѣломъ своими силами, какъ и членъ земской управы. Правда, земскій начальникъ имѣетъ гораздо болѣе власти, но въ данномъ случаѣ не въ ней чувствуется нужда. Наоборотъ, властное по отношенію къ мѣстному населенію положеніе лица, вѣдающаго раздачею ссуды, можетъ только затруднить исправленіе ошибокъ въ его дѣйствіяхъ. Затѣмъ, всякое единство въ дѣлѣ почти неизбѣжно теряется. Мы видѣли выше, какъ много простора для произвола и для проявленій темперамента предоставляетъ существующее законодательство. Всякій земскій участокъ можетъ при такихъ условіяхъ обратиться чуть не въ особое государство, съ своими порядками и своими

пріемами ихъ проведенія въ жизнь. Въ голодный годъ такъ и бывало въ действительности. Стоитъ вспомнить хотя бы известную лукояновскую исторію, когда «уездъ» возсталъ противъ «губерніи» и понадобились совершенно экстренныя меры, чтобы привести его къ покорности. Если лукояновскіе деятели пріобрели громкую известность, то это не значитъ еще, чтобы они представляли собою что либо исключительное. Въ той же Нижегородской губерніи можно указать много угловъ, въ которыхъ господствовали порядки, нисколько не отличавшіеся отъ лукояновскихъ...

Какъ будетъ организовано дело въ настоящую продовольственную кампанію? До сихъ поръ еще на это нетъ никакихъ указаній, а между темъ, казалось бы, совершенно необходимо заранее подготовиться къ предстоящей трудной работе и воспользоваться опытомъ голоднаго года, чтобы не повторять ошибокъ, тогда, быть можетъ, и неизбежныхъ, но которыя теперь являлись-бы гораздо менее законными.

Очень мало слышно и объ организаціи другихъ видовъ помощи, кроме выдачи ссудъ. Пока мы имеемъ только известія о земскихъ ходатайствахъ въ этомъ смысле. Такъ, несколькими земствами возбужденъ вопросъ о продаже хлеба по заготовительнымъ ценамъ, для устраненія чрезмернаго повышенія ценъ. Эта операція, какъ известно, предпринималась и въ голодный годъ, но тогда она не получила развитія, въ значительной мере благодаря разнымъ стеснительныхъ условіямъ, которыми была обставлена. Будутъ ли въ настоящее время эти стесненія устранены? Объ этомъ ничего нельзя сказать, такъ какъ, повидимому, кроме одниxъ пожеланій ничего еще въ данномъ случае не предпринято. Раздавались также и заявленія о необходимости принять меры для сохраненія крестьянскаго скота. Наконецъ, изъ всехъ губерній, где происходили экстренныя земскія собранія, (а также и отъ несколькихъ продовольственныхъ «совещаній) поступаютъ заявленія о необходимости пріостановить взысканіе податей въ пострадавшихъ отъ неурожая местностяхъ. Объ этомъ ходатайствуютъ воронежское, тульское, тамбовское губернскія земскія собранія; «ходатайствовать объ отсрочке взысканія выкупныхъ платежей въ виду того, что для уплаты ихъ придется продавать продовольственный хлебъ», постановило и собиравшееся, подъ председательствомъ губернатора, тульское губернское совещаніе. Совещаніе по продовольственнымъ деламъ, происходившее недавно въ Сергачскомъ уезде, признало, по словамъ нижегородскихъ газетъ, «совершенно невозможнымъ производить взысканіе сборовъ государственнаго поземельнаго налога и выкупныхъ платежей съ обществъ, пострадавшихъ отъ неурожая». Поэтому совещаніе постановило: возбудить предъ г. начальникомъ губерніи соответствующее ходатайство, и, вместе съ темъ, представить объ этомъ докладъ экстренному губернскому земскому собранію.

Какой результатъ будутъ имѣть всѣ эти ходатайства, еще неизвѣстно, а пока податная машина продолжаетъ, повидимому, свою работу. Кое-какія указанія на это мы видѣли уже въ приведенныхъ выше сообщеніяхъ изъ пострадавшаго района. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстныя распоряженія въ данномъ отношеніи не могутъ не вызывать недоумѣнія. Такъ, недавно газеты обошло сообщенное «Пріазовскимъ Краемъ» извѣстіе о странномъ циркулярѣ донской казенной палаты. Принимая во вниманіе, что въ отношеніи урожая настоящій годъ въ Донской области будетъ весьма тяжелымъ, казенная палата вмѣнила податнымъ инспекторамъ въ обязанность, не дожидаясь реализаціи урожая, приступить немедленно же ко взысканію выкупныхъ платежей. При этомъ податнымъ инспекторамъ ею рекомендовано: «воспользоваться содѣйствіемъ лицъ и учрежденій, отъ коихъ зависитъ взысканіе съ крестьянъ казенныхъ и иныхъ сборовъ, а требованія объ уплатѣ платежей предъявлять неукоснительно и пользуясь всякимъ случаемъ полученія, какъ отдѣльными крестьянами, такъ и цѣлыми обществами, денегъ отъ заработковъ, промысловъ, оброчныхъ статей, продажи скота и пр.».

Нечего говорить, — замѣчаютъ «Русскія Вѣдомости», изъ которыхъ мы заимствуемъ настоящее извѣстіе, что настоящее распоряженіе казенной палаты можетъ въ конецъ раззорить населеніе, которому и безъ того, въ виду недорода, угрожаетъ такая опасность.

Извѣстій о какихъ-либо проявленіяхъ частной иниціативы въ дѣлѣ борьбы съ приближающеюся голодовкою, объ организаціи частной благотворительной помощи голодающимъ ни откуда не слышно. Ничего похожаго на тотъ подъемъ, который обнаруживался въ прошлую голодную годину, теперь мы не видимъ. Это тоже одна изъ характеристическихъ чертъ настоящаго момента.

Все приведенное, вмѣстѣ взятое, даетъ мало благопріятныхъ предсказаній для ближайшаго будущаго. Мы видимъ только, что бѣда на насъ надвигается,—какъ мы будемъ съ ней бороться, это остается еще до сихъ поръ большимъ вопросомъ.

Говоря о продовольственномъ дѣлѣ, нельзя не вспомнить о судьбѣ одной изъ отраслей земской работы, имѣющей непосредственное къ нему отношеніе. Мы имѣемъ въ виду земскую статистику. Самое возникновеніе земской статистики связано было съ потребностью земства имѣть необходимые матеріалы для мѣропріятій по обезпеченію народнаго продовольствія. Первая опубликованная земская статистическая работа (изслѣдованіе экономическаго положенія 15 бѣднѣйшихъ волостей Вятской губерніи, выполненное въ 1870 г.) вызвана было именно этою потребностью. Несомнѣнно,

что въ продовольственномъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, встрѣчается надобность въ систематически собранныхъ свѣдѣніяхъ объ экономическомъ положеніи населенія, точно также, какъ и въ правильной организаціи текущихъ наблюденій надъ урожаями и другими явленіями, отъ которыхъ зависитъ степень обезпеченности населенія въ средствахъ существованія и хозяйствованія въ данномъ году. Опытъ 1891 года показалъ, въ какомъ выгодномъ, относительно, положеніи по отношенію къ быстрому и точному опредѣленію размѣровъ продовольственной нужды и необходимой помощи оказались земства тѣхъ губерній, въ которыхъ прочно поставлена была основная и текущая земская статистика. А между тѣмъ, именно за послѣдніе годы земская статистика пошла на убыль. Подворныя статистическія изслѣдованія были сначала ограничены, а потомъ и вовсе пріостановлены съ 1895 года, въ виду подготовлявшейся всеобщей переписи населенія. И другія условія стали складываться какъ-то особенно неблагопріятно для организаціи земскихъ работъ.

Указанія на это имѣемъ мы и за самое послѣднее время, изъ района, застигнутаго недородомъ, гдѣ надобность въ статистическихъ данныхъ теперь особенно чувствуется.

«Губернской земской управѣ положительно не везетъ—пишутъ отъ 9 августа, изъ Тулы, въ «Русскія Вѣдомости»;—«признавая полную необходимость произвести изслѣдованіе губерніи съ цѣлью оцѣнки имуществъ, губернская управа, три года тому назадъ, вошла въ собраніе съ особымъ докладомъ. Собраніе приняло докладъ и утвердило програму изслѣдованія, но тутъ встрѣтилось затрудненіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, которое не разрѣшало приступить къ работѣ до окончанія всенародной переписи. Въ нынѣшнемъ году земство получило разрѣшеніе, но встрѣтилось новое препятствіе: приглашенныя земскою управою лица для статистическихъ работъ не утверждены мѣстной администраціей. Неутвержденными оказались завѣдующій и одинъ изъ его помощниковъ, перешедшихъ сюда прямо со статистическихъ работъ въ другой губерніи, гдѣ они были утверждены. Земская управа, приглашая лицъ прямо съ работы, была вполнѣ увѣрена въ ихъ утвержденіи и поручила имъ подготовительныя работы, которыя и велись съ марта мѣсяца до сего времени. Теперь же управа объявила всѣмъ служащимъ въ статистикѣ, что изслѣдованія не будетъ до слѣдующаго года. Такъ какъ въ статистикѣ производились работы для выпуска сельскохозяйственнаго обзора за весенній періодъ, и работы эти еще не окончены, то управа обратилась къ администраціи съ ходатайствомъ—дозволить нѣкоторымъ изъ служащихъ докончить работу». Результаты этого ходатайства неизвѣстны.

На формальности, задерживающія статистическія изслѣдованія, жалуются и изъ Пермской губерніи. По словамъ *Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, «пермская губернская земская управа, въ виду неутѣшительныхъ извѣстій изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ о видахъ

на урожай хлѣбовъ, предположила произвести подворное изслѣдованіе тѣхъ мѣстностей губерніи, коимъ грозитъ недородъ или неурожай хлѣбовъ въ семъ году. Это изслѣдованіе будетъ производиться съ цѣлью какъ выясненія степени продовольственныхъ нуждъ населенія этихъ мѣстъ, такъ и выясненія общаго ихъ экономическаго благосостоянія и причинъ его упадка. Этому изслѣдованію въ первую очередь будутъ подвергнуты въ недалекомъ будущемъ 10 волостей Соликамскаго уѣзда, гдѣ болѣе неутѣшительны виды на урожай. Организацію изслѣдованія этихъ волостей предположено возложить на завѣдующаго статистическимъ бюро при губернской земской управѣ г. Бобылева, при содѣйствіи особо приглашенныхъ для сего лицъ и подъ наблюденіемъ соликамской земской управы». Но, какъ извѣстно, для подворныхъ статистическихъ изслѣдованій программы разрѣшаются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Изъ-за этого разрѣшенія и стоитъ дѣло.

«Если и въ обыкновенныхъ условіяхъ этотъ порядокъ представляетъ существенныя неудобства—справедливо замѣчаютъ «Русскія Вѣдомости»,—и вредно отражается на успѣхѣ мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій, то тѣмъ болѣе онъ является неподходящимъ при такихъ экстренныхъ условіяхъ, какъ неурожай. Извѣстно, какъ трудно выяснить точно размѣры и напряженность продовольственной нужды, сколько времени требуется для тщательнаго производства подобнаго изслѣдованія; съ другой стороны, необходимо, чтобы продовольственная нужда была выяснена возможно скорѣе не только для своевременности оказанія пособія, но и для того, чтобы заранѣе, удобнѣе и дешевле заготовить потребное количество хлѣба. И вотъ мы видимъ, что пермское земство наладило у себя необходимое изслѣдованіе, все для него подготовило, но дѣло остановилось за неимѣніемъ разрѣшенія изъ Петербурга. Нельзя не пожелать, чтобы необходимое разрѣшеніе было дано возможно скорѣе, чтобы отъ указаннаго промедленія не пострадало дѣло».

Въ Петербургѣ только что закончилась сессія международнаго статистическаго института. На этой сессіи говорилось очень много о русскихъ статистическихъ работахъ и о томъ вниманіи, какимъ пользуется у насъ статистика. Позволительно пожелать, чтобы хотя нѣкоторая доля этого вниманія выпала и на долю той падчерицы въ статистистической семьѣ—земской статистики—которая до сихъ поръ очень мало имъ пользовалась, по крайней мѣрѣ въ сторону благопріятную. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, что въ этомъ случаѣ у насъ, какъ въ купеческой квартирѣ, въ парадныхъ, показныхъ комнатахъ одни порядки, а въ домашнихъ совсѣмъ другіе.

Н. Анненскій.

II.

Итоги дѣятельности земствъ въ области народнаго образованія. Сельскія библіотеки и народное чтеніе. Матеріальное и правовое положеніе народныхъ учителей. Н. А. Варгунинъ.

Наша отсталость въ дѣлѣ народнаго образованія—фактъ настолько безспорный, общеизвѣстный и привычный, что признаніе его вполнѣ уживается у насъ со всѣми видами національной гордости и оптимизма. Скромно помѣстившись по степени развитія грамотности въ хвостѣ всѣхъ культурныхъ государствъ Стараго и Новаго Свѣта, гдѣ-то между Японіей и Аргентиной, мы готовы почерпать себѣ утѣшеніе въ мысли о томъ, какъ-же велики внутреннія силы русскаго народа, если и при такомъ почти поголовномъ невѣжествѣ мы достигли столь явныхъ внѣшнихъ успѣховъ и престижа страны культурной. На фонѣ широко распространенной безграмотности еще рельефнѣе выступаютъ успѣхи русской учености, и среди профессіональнаго невѣжества и технической рутины—ростъ нашей крупной промышленности.

При такомъ примирительномъ отношеніи къ общей картинѣ нашей образованности естественно, что отдѣльныя детали ея часто получаютъ въ нашихъ глазахъ значеніе, далеко не отвѣчающее ихъ истинному достоинству. Обычный оптимизмъ ждетъ перваго повода, чтобы воспрянуть даже тамъ, гдѣ, повидимому, ему совсѣмъ мало пищи. Но немного и нужно любителямъ «отрадныхъ явленій», чтобы найти исходъ для своихъ восторженно настроенныхъ чувствъ. О томъ же, какъ богатъ бываетъ иногда источникъ этой восторженности можетъ дать понятіе докладъ нѣкоего С. Д. Мачеваріани Новосильскому уѣздному земскому собранію о состояніи училищъ уѣзда за минувшій 1895—96 учебный годъ. Г. Мачеваріани—членъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, штатный смотритель и дѣлопроизводитель новосильскаго училищнаго совѣта. Осмотрѣвъ въ минувшемъ году 63 сельскихъ школы уѣзда и произведя экзамены въ 29 школахъ, онъ представилъ собранію докладъ, который самъ, впрочемъ, называетъ скорѣе «пѣснью въ честь жизни, полной любви и очарованія», чѣмъ дѣловой запиской. Отрывки изъ доклада, помѣщенные въ «Недѣлѣ», знакомятъ насъ съ избранными мѣстами этого замѣчательнаго произведенія. Докладчикъ прежде всего утверждаетъ, что «дѣйствительность въ семъ настоящемъ мірѣ мало отвѣчаетъ потребностямъ нашего духа» и потому, «чтобы просвѣщеніе не было-бы зломъ», оно должно—«окрылять наше воображеніе», «вооружать пламенемъ любви», которой «вселенная обязана жизнью своею и красотою, той, которая окрыляетъ воображеніе астронома, вдохновляетъ пѣвца лиры и мыслителя, погруженнаго въ царственныя думы о судьбѣ міра, и артиста, извлекающаго чудные звуки, говорящіе о невѣдомомъ, но же-

ланномъ мірѣ, мірѣ томъ, гдѣ идеальность съ дѣйствительностью сочетаются обаятельно». «Воспитаніе на такихъ началахъ есть истинное просвѣщеніе, могущее примирить людей и водворить рай на грѣшной землѣ, къ достиженію же этого рая больше всѣхъ способствуетъ женщина-мать».

И поэтому-то, говоритъ далѣе докладчикъ, «я воспѣваю не Тамерлана, воздвигшаго памятникъ изъ головъ вѣрныхъ сыновъ Тегерана, не жрецовъ науки и искусства, окунувшихся въ море чисто-земныхъ наслажденій, и не оракуловъ, не могшихъ безъ нескрываемой улыбки другъ на друга смотрѣть, не потоки шумящихъ водопадовъ, не снѣжныя вершины суровыхъ горъ, дающихъ начало бурно несущимся въ объятія моря рѣкамъ... не воспѣваю я долины розъ Кашемира, моя пѣснь не для грустныхъ поэтовъ и артистовъ и не для геніевъ и талантовъ, а воспѣваю я о значеніи для (значеніе) всѣхъ сердецъ любвеобильной истинной женщины матери...» «Для меня мать не экономка, для меня мать не цвѣтокъ полевой, не поэзія, для меня мать не раба, но она для меня жизнь, сокровище, которому нѣтъ цѣны. Сердце бьется! Коня скорѣе! Задыхаюсь отъ сладостныхъ волненій, отъ пониманія всѣмъ существомъ истиннаго смысла жизни! Какое счастье лететь, очертя голову, къ ней».

И такъ далѣе, и такъ далѣе. Пылкія чувства и восторженное настроеніе штатнаго смотрителя новосильскаго училищнаго совѣта, очевидно, увлекли его совсѣмъ въ сторону отъ непосредственной задачи его доклада и побудили «не дѣло говорить», какъ выражается въ такихъ случаяхъ простой народъ. Это обстоятельство внушаетъ тѣмъ большее сожалѣніе, что при болѣе правильномъ примѣненіи пылкость и краснорѣчіе автора подарили бы насъ характеристичнымъ изображеніемъ состоянія дѣла народнаго образованія въ Тульской губерніи. Теперь же намъ придется удовольствоваться несравненно болѣе блѣднымъ, но также не лишеннымъ приподнятыхъ чувствъ умиленія и восторга описаніемъ того, какъ обстоитъ дѣло народнаго образованія въ Олонецкой губерніи.

Въ *Олонец. Губ. Вѣд.* напечатанъ краткій отчетъ директора народныхъ училищъ о состояніи начальныхъ народныхъ училищъ Олонецкой губерніи за 1896 г. «Вопросъ о введеніи въ губерніи всеобщаго обученія,—читаемъ мы въ отчетѣ,—словно какъ красное солнышко, оживилъ всѣ стороны дѣла развитія въ губерніи народнаго просвѣщенія, двинулъ въ ростъ то, что доселѣ было лишь въ зародышѣ, призвалъ къ бытію то, чего не было или что было только въ мечтахъ и мысляхъ, а именно: 1) разныя земства увеличили свои ассигнованія на учебныя пособія и училищныя библіотеки (кромѣ, конечно, Вытегорскаго и Лодейнопольскаго уѣздовъ): повѣнецкое, наприм., удвоило свой кредитъ на учебныя пособія, на выписку педагогическихъ журналовъ, на школьную мебель и т. п.; 2) всѣ земства (кромѣ олонецкаго) дали открытые листы на проѣздъ учителей на педагогическія собранія по учебно-воспитательной ча-

сти, подъ руководствомъ г. директора или инспекторовъ, каковыя собранія, въ видѣ опыта, въ прошедшемъ году были сдѣланы при паданскомъ училищѣ, Повѣнецкаго уѣзда (подъ руководствомъ г. инспектора 1-го района) и при мошинскомъ 2-мъ училищѣ, Каргопольскаго уѣзда (подъ руководствомъ г. инспектора 3-го района) и показали на дѣлѣ, какъ такія собранія полезны, животворны и нужны для поддержки и развитія дѣла; 3) земства увеличили нынѣ свои ассигнованія на волшебные фонари и свѣтовыя картины, на предметъ устройства народныхъ чтеній и дали лошадей на провозъ картинъ изъ училища въ училище, такъ что это дѣло, привлекающее въ училища тысячи слушателей, все развивается, и недалеко то время, когда волшебные фонари будутъ во всѣхъ училищахъ свѣтиться и манить народъ изъ питейныхъ заведеній и безнравственныхъ деревенскихъ бесѣдъ сюда, къ фонарямъ, гдѣ ярко свѣтится новый міръ, новыя развлеченія—развлеченія духа, а не плоти; 4) нѣкоторые изъ гг. земскихъ начальниковъ, а въ иныхъ мѣстахъ и сами крестьяне заводятъ общественныя библіотеки-читальни; читальни растутъ, какъ грибы; это уже новое явленіе; это уже плодъ просвѣщенія; это уже заря новыхъ дней, новаго склада русской деревенской жизни: радостно». («Смол. Вѣстн.»).

Изъ приведеннаго отчета читатель легко можетъ видѣть, какъ скромны «мечты и мысли» иныхъ руководителей нашего просвѣщенія. При такой скромности требованій и ожиданій, когда лишній волшебный фонарь, пожертвованный земствомъ училищу, кажется «новымъ міромъ», ярко засіявшимъ во мракѣ деревенскаго невѣжества и распущенности, неудивительно, что дѣятельность многихъ земствъ въ сферѣ народнаго образованія за послѣдніе годы создаетъ почву для неумѣреннаго оптимизма.

Мы всего менѣе склонны умалять заслуги земствъ въ данномъ вопросѣ и игнорировать ихъ благородныя усилія, не взирая на недостаточность средствъ и объемъ задачи, приблизиться къ идеалу общаго обученія. До какой степени быстро и широко охватило земскія сферы это стремленіе, можно видѣть изъ того, что за время съ 1893 по 1895 годъ въ періодической прессѣ отмѣчены обсужденія вопроса о всеобщемъ обученіи въ 41 земствахъ (И. Бѣлоконскій). Наряду съ тѣмъ возникло теченіе со стороны губернскихъ земствъ принять въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія большее участіе, чѣмъ то было ранѣе, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ задача эта была возложена на средства земствъ уѣздныхъ. При этомъ многія губернскія земства, не рѣшаясь дѣйствовать въ столь важномъ вопросѣ наугадъ, безъ достаточнаго знанія дѣйствительности, приступили къ изслѣдованію современнаго состоянія дѣла народнаго образованія въ губерніи. Результаты работъ школьной статистики нѣкоторыхъ изъ этихъ земствъ уже вышли въ свѣтъ отдѣльными изданіями. Передъ нами изданіе Московскаго Губернскаго Земства — «Вопросы народнаго образованія въ Московской губерніи», составленное зем-

скимъ статистикомъ В. В. Петровымъ, изданіе Курскаго губернскаго земства «Народное начальное образованіе въ Курской губерніи», составленное завѣдующимъ статистическаго бюро И. П. Бѣлоконскимъ, «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній и матеріаловъ по начальному народному образованію въ Орловской губерніи за 1894—1895 гг.», составленный статистическимъ отдѣленіемъ Орловской губ. земской управы. Подобное же изданіе вышло недавно и въ С.-Петербургскомъ губернскомъ земствѣ. Эти изслѣдованія, составленныя какъ на основаніи всѣхъ имѣвшихся на лицо оффиціальныхъ матеріаловъ, отчетовъ и документовъ, такъ и путемъ непосредственнаго обращенія къ учащимъ, даютъ богатый матеріалъ для сужденія о дѣйствительномъ положеніи у насъ дѣла начальнаго народнаго обученія. А положеніе это оказывается далеко неотраднымъ. Какъ ни много было сдѣлано земствами въ области народнаго образованія за тридцати-лѣтній періодъ ихъ существованія, въ особенности по сравненію съ тѣмъ, что нашли они при своемъ возникновеніи, однако, внимательное и безпристрастное изученіе фактовъ приводитъ къ убѣжденію, что всего сдѣланнаго еще слишкомъ мало, что образовательный уровень населенія еще чрезвычайно низокъ. Такъ, въ Курской губерніи по даннымъ подворной переписи, если принять во вниманіе всѣхъ учащихся не только въ школахъ земскихъ и министерскихъ, но также и въ церковно-приходскихъ, школахъ грамоты, дома, у отдѣльныхъ грамотѣевъ, то въ среднемъ, по губерніи неучащихся обоего пола лицъ школьнаго возраста оказывается 65,8%. Въ орловской губерніи грамотность мальчиковъ 13—14 лѣтъ выражается 40—45%, т. е. на цѣлое грядущее поколѣніе остается безграмотнымъ болѣе половины мужского населенія губерніи. Грамотность дѣвочекъ 13—14 лѣтъ равна всего 3%. О томъ, насколько недостаточно количество имѣющихся школъ, могутъ дать понятія слѣдующія цифры. Въ Курской губерніи при 551 земской школѣ и 21 министерской учатся всего 44,302 дѣтей обоего пола. При системѣ всеобщаго обученія число учащихся обоего пола достигло бы 231,284 учащихся обоего пола, иначе говоря, необходимо открытіе новыхъ школъ для 190,424 учащихся. По Орловской губерніи, если, принимая существующія нормы учащихся на школу, произвести вычисленія, сколько школъ потребовалось бы открыть для обученія только мальчиковъ, то оказалось бы, что для мальчиковъ, остающихся за порогомъ *организованныхъ* школъ (всѣ, кромѣ школъ грамоты, состоящихъ въ вѣдѣніи епархіальнаго училищнаго совѣта), необходимо 566 новыхъ училищъ, т. е. приблизительно столько же, сколько ихъ существуетъ теперь; если же имѣть въ виду число мальчиковъ, неучащихся и въ школахъ грамоты, то требуемое количество новыхъ школъ понизится до 412.

Терминъ «неорганизованныя школы» въ примѣненіи къ шко-

ламъ грамоты, какъ нельзя лучше, опредѣляетъ дѣйствительный характеръ этого типа школъ. Состоя въ исключительномъ вѣдѣніи духовенства и допуская на увеличеніе своихъ средствъ только пожертвованія, безъ права контроля за школьною жизнью, школы эти быстро умножились за послѣдніе годы, въ особенности со времени изданія въ 1886 г. положенія о церковно-приходскихъ школахъ. Но считать ихъ прочно установившимися, какъ показываютъ опубликованные неоднократно факты, нельзя. Многія изъ нихъ открыты по предписанію начальства съ обязательствомъ священнику преподавать въ школѣ безплатно. Стоимость годичнаго содержанія школы духовнаго вѣдомства въ Орловской губерніи въ 1893—1894 гг. равнялась 43—44 рублямъ, почти въ 4 раза менѣе того, сколько затрачивается на одну школу, находящуюся въ вѣдѣніи училищнаго совѣта, на ея содержаніе, книжныя пособія, классныя принадлежности и пр., не считая жалованья учащимъ. Послѣ этого становится вполнѣ понятнымъ, что при обозрѣніи епархіи епископомъ Мисаиломъ въ 1895 г. школы эти оказывались лишенными часто не только учебниковъ, но и учителей. (См. «Путевыя замѣтки» еп. Мисаила въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» за 1895 г.). Не только школы грамоты оказывались отнюдь не отвѣчающими имѣвшимся о нихъ отчетамъ, но и церковно-приходскія школы, по отчету прекрасно устроенныя, оказывались иногда въ такомъ видѣ, что еп. Мисаилъ немедленно обращалъ ихъ въ школы грамоты. По заявленію г. предсѣдателя Брянской уѣздной земской управы В. Н. Лукашева, въ одной изъ церковно-приходскихъ школъ уѣзда вмѣсто священника училъ лѣсной сторожъ. («Исторія начальной школы въ Орловской губерніи», состав. А. К. Рейнгардтъ. Изд. Орл. губ. земства, стр. 40).

Въ какой мѣрѣ школы грамоты, находящіяся въ вѣдѣніи епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, дѣйствительно не могутъ считаться организованными, показываютъ тѣ затрудненія, которыя пришлось испытать составителю изслѣдованія по начальному народному образованію въ Курской губерніи, когда онъ задался цѣлью установить точное число школъ, имѣющихся въ губерніи. Оказалось, что свѣдѣнія о числѣ школъ духовнаго вѣдомства, доставленныя изъ различныхъ источниковъ, значительно различались между собою. Свѣдѣнія эти были испрошены изъ уѣздныхъ епархіальныхъ училищныхъ отдѣленій, изъ губернскаго училищнаго совѣта, и наконецъ сообщены учителями Курской губерніи сообразно разосланнымъ имъ программамъ. Сравнивая итоги доставленныхъ свѣдѣній, получаемъ слѣдующую разницу:

	Церковно-приход.	Школъ грамоты.	Итого.
Прислано отъ учителей . .	243	371	614
Списки уѣздныхъ отдѣленій .	248	495	743
Списокъ губернск. епарх. совѣта	235	496	731

Число школъ грамоты по обоимъ спискамъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ оказалось на 124—125 школъ болѣе того, сколько было ихъ зарегистровано сельскими учителями (Нар. нач. образованіе въ Курской губ., стр. 150). Это обстоятельство, вѣроятно, объясняется ничѣмъ инымъ, какъ крайней неопредѣленностью признаковъ, при наличности которыхъ можетъ считаться существующею и дѣйствующей школы грамоты.

Орловское земство въ принципѣ никогда не относилось отрицательно къ школамъ разсматриваемаго типа: оно оказывало помощь и церковно-приходскимъ школамъ, но не вообще, а данной школѣ, о которой земскому собранію было извѣстно, что ученіе тамъ идетъ правильно. Нельзя сказать, чтобы, въ свою очередь, мѣстное духовное вѣдомство обнаруживало бы такую же заботливость о народномъ образованіи. Такъ Орловская духовная консисторія особымъ отношеніемъ потребовала въ 1893 г. вывода земскихъ школъ изъ церковныхъ помѣщеній, мотивируя это тѣмъ, что «безвозмездная уступка помѣщеній подъ земскія школы не имѣетъ никакого основанія, какъ въ разсужденіи матеріальныхъ интересовъ тѣхъ церквей, такъ и въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія прихожанъ въ духѣ православной церкви» (Ист. нач. школы въ Орл. губ., 43 стр.).

Орловское земство, исходя изъ того положенія, что земскія средства должны расходоваться преимущественно на тѣ школы, постановка дѣла въ которыхъ находится подъ его собственнымъ контролемъ, пыталось и само распространять грамотность черезъ особый типъ подготовительныхъ школъ, составляющихъ какъ-бы младшее и среднее отдѣленія нормальныхъ земскихъ школъ. Организація подобныхъ филіальныхъ отдѣленій нормальныхъ земскихъ училищъ привлекала Орловское земство, какъ и другія, слѣдовавшія тому-же примѣру, своею дешевизной, возможностью при небольшихъ затратахъ доставить грамотность возможно большему проценту нуждающихся. Какъ извѣстно, это направленіе земской помощи дѣлу народнаго обученія не получило, однако, дальнѣйшаго развитія. Цѣлый рядъ земствъ ходатайствовалъ о предоставленіи имъ права открывать, независимо отъ эпархіальнаго начальства, школы первоначальнаго обученія, въ видѣ отдѣленій сельскихъ училищъ или въ качествѣ особыхъ школъ, соотвѣтствующихъ первой ступени начальнаго обученія и съ правомъ преподаванія въ нихъ лицамъ, не имѣющимъ свидѣтельствъ на учительское званіе. Министерство отнеслось къ подобнымъ ходатайствамъ отрицательно, исходя изъ мысли, что «школы грамоты» подлежатъ исключительно вѣдѣнію духовнаго начальства, а для болѣе категорическаго рѣшенія, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, внесло представленіе въ комитетъ министровъ объ отклоненіи пяти земскихъ ходатайствъ: смоленскаго, тверского, пермскаго, калужскаго и самарскаго. И комитетъ министровъ отклонилъ всѣ эти ходатайства («Недѣля» № 8)

Объ этомъ рѣшеніи комитета министровъ министерство народнаго просвѣщенія увѣдомило попечителей учебныхъ округовъ особымъ циркуляромъ.

Въ силу означеннаго циркуляра уѣздныя земства Орловской губерніи, равно какъ и другія, должны будутъ передать въ вѣдѣніе епархіальнаго начальства не одинъ десятокъ учрежденныхъ ими школъ. Впрочемъ, врядъ-ли стоитъ особенно жалѣть о томъ, если обстоятельство это побудитъ земство лишь глубже и серьезнѣе вникнуть въ матеріальный бытъ и внутренніе успѣхи чисто своихъ нормальныхъ земскихъ училищъ, не гоняясь за дешевизной, которая приноситъ въ данномъ случаѣ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Опытъ показалъ, что введеніе подготовительныхъ школъ ведетъ нерѣдко къ пріостановкѣ роста училищъ: эти школки занимали мѣсто нормальныхъ, открываясь вмѣсто земскихъ училищъ высшаго типа. Подобное приниженіе уровня требованій въ дѣлѣ начальнаго народнаго образованія не можетъ быть оправдываемо даже желаніемъ возможно болѣе широкаго распространенія чистой грамотности. Недостаточность этой послѣдней все яснѣе и яснѣе сознается земствами по отношенію къ результатамъ дѣятельности ихъ нормальныхъ школъ, побуждая ихъ стремиться къ цѣли истиннаго просвѣщенія народа путемъ устройства повторительныхъ курсовъ, учрежденія школьныхъ библіотекъ, читаленъ, и проч.

Изслѣдованіе Московскаго губернскаго земства по вопросамъ народнаго образованія коснулось и внутренней стороны школьнаго дѣла въ губерніи, характера и значенія тѣхъ результатовъ, которыхъ достигаетъ школа. Этотъ вопросъ объ образовательномъ значеніи земской школы въ связи съ постановкою въ ней учебно-педагогической части безспорно является однимъ изъ самыхъ существенныхъ. Собравъ по этому поводу всѣ свѣдѣнія, которыя только могли быть получены: изъ оффиціальныхъ отчетовъ отъ инспекторовъ народныхъ училищъ, уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, отъ самихъ преподавателей сельскихъ школъ (болѣе 500 отвѣтовъ), даже изъ классныхъ журналовъ «для записи уроковъ», составитель сборника о народномъ образованіи въ Московской губ. приходитъ къ тому общему выводу, что, хотя населеніе отнюдь не требуетъ отъ грамотѣя безукоризненнаго правописанія, но лишь умѣнья «стройно и чисто» написать письмо, приговоръ или другую бумагу, правильно и внятно прочитать книгу, главныя усилія школы въ ущербъ прочимъ сторонамъ обученія уходятъ на изученіе грамматики устной и письменной. «Главнѣйшимъ недостаткомъ нашихъ школъ, говорится въ разсматриваемомъ изданіи, является то увлеченіе грамматизмомъ и формальною стороною обученія, которое поддерживается и развивается программо-экзаменаціонными требованіями и которое привело къ тому, что значительное большинство народныхъ школъ въ дѣлѣ своего образовательнаго воздѣйствія не только не идетъ впередъ,—но, какъ это видно изъ

многихъ приведенныхъ отзывовъ, сдѣлало даже значительный шагъ назадъ». Поэтому «нельзя не признать совершенно своевременнымъ, чтобы было, наконецъ, обращено вниманіе на качество той «духовной пищи», которая теперь предлагается народу въ существующихъ школахъ, и позаботиться о томъ, чтобы школы эти были не только источникомъ народной грамотности, но и источникомъ народнаго образованія» (стр. 91).

Однако, мнѣніе это, какъ то ни покажется страннымъ, раздѣляется далеко не всѣми. Еще въ началѣ текущаго года мы приводили (См. Рус. Бог. № 2, Хроника внутренней жизни стр. 185) выдержки изъ циркуляра, изданнаго инспекторомъ народныхъ училищъ Московскаго уѣзда. Въ этомъ циркулярѣ, опредѣлявшемъ судьбу воскресныхъ классовъ въ цѣломъ инспекторскомъ участкѣ изъ трехъ или четырехъ уѣздовъ, заключалось между прочимъ такое правило: конечная цѣль обученія должна заключаться въ томъ, чтобы научить учащихся сознательно молиться Богу, *механически* читать по книгамъ гражданской и церковно-славянской печати, *мало-мальски* писать, и считать по возможности до 1,000». «За неисполненіе сего—говорится въ заключеніе циркуляра—учащіе будутъ подлежать строгой отвѣтственности, а классы при первомъ обнаруженіи отступленія отъ сихъ правилъ *будутъ закрыты*».

Почтенная газета, изъ которой извлечена была нами настоящая выдержка (Рус. Вѣд. отъ 13 февр.), справедливо указывала всю несостоятельность требованій, предъявляемыхъ циркуляромъ, и ихъ непримѣнимость на практикѣ. Какъ выполнитъ учитель выраженное въ циркулярѣ требованіе—«научить *сознательно* молиться Богу», въ то-же время уча «механически», т. е. *безсознательно*, читать? Чѣмъ можетъ гарантировать себя учитель отъ того, что его ученикъ, вопреки требованіямъ циркуляра, не научится *осмысленному* чтенію, *хорошему* письму и счету *свыше* 1,000? Помимо того циркуляръ этотъ не выдерживаетъ критики и съ точки зрѣнія законности. Однако, самый фактъ появленія подобнаго рода требованій отъ лица столь отвѣтственнаго является достаточно характернымъ для оцѣнки существующихъ теченій въ дѣлѣ народнаго образованія. И насколько выше и разумнѣй ставились задачи народной школы тридцать лѣтъ тому назадъ, когда впервые закладывались основы существующей земской организаціи народнаго образованія. Исходя изъ той мысли, что «отличительная черта» царствованія государя Александра II «должна состоять въ образованіи народа освобожденнаго и призваннаго пользоваться благами новыхъ учрежденій, вызывающихъ потребности знанія для извлеченія изъ нихъ наибольшей пользы» (слова всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1896 г.)—министерство полагало, что «съ уничтоженіемъ крѣпостного состоянія и съ дарованіемъ черезъ то правъ гражданскихъ и человѣческихъ всѣмъ лицамъ безъ исключенія, оказывается болѣе, чѣмъ когда либо, настоятельная необходимость приготовлять людей

для всѣхъ поприщъ и для всякой дѣятельности. Чтобы пользоваться разумно правами человѣческими, необходимо развить въ массахъ сознаніе этихъ правъ, возбудить любовь къ труду разумному и поселить въ каждомъ уваженіе къ самому себѣ и къ человѣку вообще. Только при такихъ условіяхъ можетъ уничтожиться господствующее еще у насъ разъединеніе между сословіями и явится разумное распредѣленіе занятій между всѣми общественными дѣятелями». (Объяснительная записка къ проекту устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній Минист. Нар. Просвѣщенія стр. 100).

И, однако, не смотря на всѣ недостатки учебно-педагогической постановки дѣла, земская школа, какъ показываютъ многочисленные отзывы, взятые изъ разныхъ губерній, успѣла завоевать себѣ симпатіи населенія. Значительная часть его не только не враждебна и не пассивно относится къ школѣ, какъ то нерѣдко замѣчалось въ началѣ дѣятельности земствъ, а наоборотъ, спросъ деревни на образованіе далеко не удовлетворяется предложеніемъ. Такъ многочисленныя заявленія, сгруппированныя въ работѣ по народному образованію Курской губерніи, показываютъ, что вопросъ объ обученіи дѣвочекъ почти что рѣшенъ деревнею въ положительномъ смыслѣ. За нѣкоторыми исключеніями, необходимость учить дочерей уже повсемѣстно не вызываетъ принципіальнаго протеста, и ссылаются лишь на экономическія причины, что дѣвочки въ зимнее время составляютъ опору семьи, что онѣ нянчаютъ своихъ маленькихъ братьевъ, сестеръ, прядутъ, шьютъ и т. д. Да и эти заявленія, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, дѣлаются лишь, когда, вслѣдствіе тѣсноты помѣщенія, приходится выбирать между мальчиками и дѣвочками: отдавая предпочтеніе первымъ, крестьяне ссылаются на необходимость дѣвочекъ въ семейномъ быту; но разъ школы вмѣстительны, а тѣмъ болѣе если имѣется особенное женское училище,—дочерей почти также охотно отдаютъ, какъ и сыновей. При этомъ въ Орловской губ. замѣчался слѣдующій любопытный фактъ, отмѣченный Ливенскимъ училищнымъ совѣтомъ: при одновременномъ существованіи въ селѣ школъ двухъ типовъ, школа земская, какъ лучше организованная, привлекаетъ къ себѣ мальчиковъ, въ церковную же школу отдаютъ дѣвочекъ и тѣхъ, кто остался за дверями школы земской. (Исторія начальной школы въ Орл. губ., стр. 12).

И населеніе, которое такъ жадно рвется въ двери школы, ищетъ не только элементарной и легко забываемой грамоты, не только обладанія извѣстными правами и льготами по воинской повинности, но дѣйствительнаго прочнаго знанія, могущаго воздѣйствовать на жизнь и давать извѣстное духовное удовлетвореніе. Изъ отзывовъ деревни, пишетъ изслѣдователь вопроса въ Курской губерніи, и не только учителей, но и населенія, мы убѣждаемся, что расширеніе

курса школы—завѣтная мечта немалой части населенія; что даже при отсутствіи такихъ четвертыхъ отдѣленій, гдѣ бы давались новыя познанія, не мало является охотниковъ провести въ школѣ еще годъ, чтобы прочнѣе усвоить пріобрѣтенныя знанія. Это стремленіе къ дѣйствительному образованію, къ расширенію своего кругозора еще въ большей степени сказывается и въ повсемѣстно отмѣченной усиливающейся потребности населенія въ книгѣ, и въ томъ сочувствіи, которое встрѣчаетъ въ деревнѣ организація народныхъ чтеній и бесѣдъ. Однако, указанная потребность въ чтеніи не такъ то легко можетъ найти себѣ удовлетвореніе. Не говоря уже о томъ, что школьныя библіотеки въ большинствѣ случаевъ недостаточны даже для потребности учащихся, не только взрослаго населенія деревни, и крайне однообразны по своему составу, самое улучшеніе ихъ и созданіе независимыхъ отъ школъ народныхъ библіотекъ и читаленъ обставлено такими затрудненіями, которыя или лишаютъ ихъ возможнаго значенія или отдаютъ на жертву всякихъ случайностей. Разительный тому примѣръ даетъ исторія со школьными библіотеками въ Вятской губерніи.

По сообщенію газетъ, «становымъ приставамъ губерніи поручено было провѣрить книги, обращающіяся въ народныхъ библіотекахъ, а въ Вятской губерніи таковыя существуютъ почти при каждомъ училищѣ. Данъ-ли былъ имъ при этомъ въ руководство каталогъ министерства народнаго просвѣщенія или нѣтъ,—неясно, но ясно что пристава слишкомъ поусердствовали: они обревизовали всѣ «сельскія библіотеки», устроенныя при народныхъ школахъ, арестовали массы книгъ и свезли ихъ въ становыя квартиры. Только вмѣшательство начальника губерніи сократило ихъ рвеніе, и книги теперь возвращены завѣдующимъ библіотеками.

Прошла эта исторія, началась новая: пристава схватились за дешевыя библіотеки, учрежденныя губернскимъ земствомъ (стоимость каждой библіотеки всего—5 руб.; въ составъ ихъ, разумѣется, входятъ книги, одобренныя министерствомъ народнаго просвѣщенія для народнаго чтенія; всѣхъ библіотекъ учреждено около 3000); здѣсь повторился тотъ же погромъ: книги арестовываются, увозятся въ становыя квартиры, откуда поступаютъ въ уѣздныя земскія управы и при томъ съ такою энергіей, что изъ 99 книгъ библіотеки на мѣстѣ остается, напр., 11 попреимуществу религіозно-нравственнаго содержанія, — всѣ остальныя признаются для народа вредными»...

Въ такомъ видѣ передавали дѣло первыя сообщенія газетъ. Позднѣе въ «Вятскомъ Краѣ» появилось отъ лица вятскаго губернатора Клингенберга опроверженіе того, что «до циркуляра губернатора отъ 17 декабря 1896 г., за № 8,766, становые пристава и полицейскіе урядники изъяли изъ вавожской и сюмсинской библіотекъ массу книгъ. Собранными свѣдѣніями и представленными письменными отзывами завѣдывающихъ библіотеками выяс-

нено, что изъ означенныхъ библіотекъ полиціею не было изъято ни одной книги». Намъ неизвѣстно содержаніе циркуляра вятскаго губернатора отъ 17 декабря 1896 г., но что факты, описанные въ газетахъ, могли имѣть мѣсто, если не до циркуляра, то послѣ него, и если не по отношенію къ вавожской и сюмсинской библіотекамъ, то по отношенію къ какимъ либо инымъ, за то намъ отчасти ручается другой циркуляръ того же губернатора, являющійся какъ бы дополненіемъ къ циркуляру отъ 17 декабря. Циркуляръ этотъ отъ 21 марта 1897 г., напечатанный въ № 25 «Вятск. Губ. Вѣд.» гласитъ слѣдующее: «Въ дополненіе къ циркулярнымъ предложеніямъ моимъ, отъ 17 декабря 1896 года и 10 февраля настоящаго года, даю знать гг. начальникамъ полицій, что изъ существующихъ во ввѣренныхъ имъ районахъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ, библіотекъ, находящихся при училищахъ въ отдѣльныхъ отъ классныхъ комнатъ помѣщеніяхъ и не соединенныхъ съ ученическими библіотеками, библіотекъ, открытыхъ вятскимъ губернскимъ земствомъ, на основаніи утвержденныхъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 15 мая 1896 года правилъ о безплатныхъ народныхъ читальняхъ, а равно разосланныхъ такъ называемыхъ пятирублевыхъ, должны подлежать изъятію изъ обращенія всѣ книги и періодическія изданія, не вошедшія въ изданный министерствомъ народнаго просвѣщенія каталогъ книгъ для народныхъ библіотекъ, и при немъ списокъ періодическихъ изданій, допускаемыхъ къ обращенію въ этихъ библіотекахъ. При этомъ нелишнимъ считаю разъяснить: 1) кромѣ книгъ, помѣщенныхъ въ 1 отдѣлъ этого каталога, могутъ быть пріобрѣтаемы въ библіотеки всѣ книги и журналы, издаваемые съ разрѣшенія духовной цензуры и вообще духовнаго начальства, за исключеніемъ тѣхъ, кои будутъ признаны духовнымъ вѣдомствомъ непригодными для означенныхъ читаленъ и библіотекъ, и 2) въ библіотекахъ и читальняхъ могутъ также обращаться книги и изданія, представленныя наблюдающимъ за читальнею лицомъ на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и допущенныя послѣднимъ къ употребленію въ данной читальнѣ (§§ 6, 7 и 8 правилъ о безплатныхъ читальняхъ, напечатанныхъ въ № 126 «Правительственнаго Вѣстника» за 1890 годъ). Всѣ изъятыя изъ означенныхъ библіотекъ книги должны быть представлены начальникамъ полицій, которымъ вмѣняется въ обязанность лично провѣрить ихъ по каталогу, неправильно изъятыя возвратить по принадлежности, остальнымъ составить списокъ и представить мнѣ, сохраняя книги при полицейскихъ управленіяхъ, впредь до моего распоряженія».

Приводя означенный циркуляръ, «Вятскій Край» снабжаетъ его указаніемъ на то, что вновь изданный министерствомъ народнаго просвѣщенія каталогъ совсѣмъ не имѣетъ того значенія, чтобы всѣ невошедшія въ него книги были запрещены для обращенія въ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ, что онъ изданъ только въ ка-

чествѣ руководства для выбора книгъ въ эти библіотеки; въ противномъ случаѣ изъ библіотекъ пришлось бы изъять даже такія книги, которыя допущены министерствомъ для ученическихъ библіотекъ начальныхъ училищъ. Кромѣ того, и въ новомъ циркулярѣ опять не пояснено, что изъ народныхъ библіотекъ-читаленъ не могутъ быть изъяты такія книги, которыя, хотя и не вполнѣ подходятъ подъ условія, указанныя въ каталогѣ (не тотъ годъ изданія или издатель), но перепечатаны безъ всякихъ измѣненій съ изданій, вошедшихъ въ каталогъ. Иначе изъ «пятирублевыхъ» народныхъ библіотекъ придется убрать всѣ книги, изданныя самимъ губернскимъ земствомъ.

«Рус. Вѣдомости» (№ 235), приводя сообщеніе объ указанномъ эпизодѣ въ Вятской губерніи, находятъ, что становой приставъ, производившій всѣ эти «изъятія», можетъ быть, всего менѣе виноватъ. «Библіотечное дѣло такъ запутано у насъ разной канцелярской паутиной, что разобраться въ немъ, какъ показываетъ опытъ, дѣло непосильное и не только для станового пристава. Въ самомъ дѣлѣ, извольте услѣдить за законностью книжнаго состава библіотекъ, когда эта законность по своей перемѣнчивости представляетъ нѣчто совсѣмъ неуловимое». Цѣлый рядъ министерскихъ циркуляровъ, каталоговъ, дополненій къ нимъ настолько усложняетъ дѣло составленія библіотеки или читальни того или другого рода, что устроителямъ ихъ всегда приходится или сокращать составъ библіотеки или подвергать ея существованіе разнымъ могущимъ возникнуть случайностямъ. И нельзя не согласиться съ тѣмъ пожеланіемъ, которое не разъ высказывалось и въ печати и въ земскихъ собраніяхъ, чтобы порядокъ разрѣшенія книгъ для народныхъ библіотекъ былъ измѣненъ. Если-бы вмѣсто одобренія, рекомендаціи и допущенія народныхъ книжекъ издавался время отъ времени списокъ недопущенныхъ въ читальни и библіотеки изданій, то этимъ путемъ не только устранились бы недоразумѣнія, возникающія въ настоящее время чуть не во всякой читальнѣ, затрудненія, которыя приходится преодолѣвать каждому, кто рѣшился бы разобраться въ томъ, что дозволено и что недозволено для школьной библіотеки, но, благодаря этому, облегчилось бы и дѣло ученаго комитета народнаго просвѣщенія, которому приходится ежегодно разсматривать многія сотни названій народныхъ книгъ.

Таковы условія составленія народныхъ библіотекъ и читаленъ. Мы не говоримъ уже о той сложной процедурѣ, которую должно пройти самое ихъ разрѣшеніе; не смотря на ея сложность и продолжительность, библіотеки и читальни ростутъ численностью. Но, даже еслибы и было вполнѣ справедливо восторженное восклицаніе, приведенное нами въ началѣ нашей статьи: «читальни растутъ какъ грибы», мы не можемъ забыть того, что, вѣдь, и грибы бываютъ разные.

Слѣдующимъ послѣ библіотекъ и читаленъ орудіемъ образова-

тельнаго вліянія на народъ являются народныя чтенія и бесѣды. Судя по извѣстіямъ, приходящимъ изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ, всюду, гдѣ бы они ни устраивались, они всегда привлекали къ себѣ, въ особенности въ началѣ, многочисленныхъ и внимательныхъ слушателей. И если иногда со стороны этихъ слушателей позднѣе наступало охлажденіе къ чтеніямъ, то это вполнѣ объясняется неудовлетворительностью ихъ постановки. Въ Московской губерніи въ 1895—1896 гг. въ среднемъ на одно чтеніе съ туманными картинами приходилось до 165 слушателей (51 мужч., 44 женщ., 70 дѣтей), а всего за годъ 57,794 человѣка.

Надо принять во вниманіе, что чтенія эти происходятъ въ школьныхъ помѣщеніяхъ, разсчитанныхъ приблизительно на 70 учениковъ, при закрытыхъ ставняхъ. Отсюда становятся вполнѣ понятными жалобы преподавателей на «крайнюю, чрезмѣрную тѣсноту», духоту, недостатокъ воздуха, доходящій до того, что «картины выходятъ дурно, такъ какъ плохо горитъ фонарь» и проч. И все это, однако, терпѣливо переносится слушателями,хотя самое содержаніе этого рода чтеній, какъ извѣстно, далеко не всегда представляетъ такой матеріалъ, который былъ бы способенъ сосредоточить на себѣ ихъ вниманіе. О характерѣ народныхъ чтеній въ Курской губерніи не разъ цитируемое нами изслѣдованіе говоритъ слѣдующее: «По неизвѣстнымъ мотивамъ, народныя чтенія наши, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, преслѣдуютъ не просвѣтительныя, а почти исключительно религіозныя цѣли. Говоримъ «по неизвѣстнымъ мотивамъ», потому что народъ нашъ славится своею религіозностью, такъ что съ этой стороны, принимая при томъ во вниманіе дѣятельность Церкви, кажется многое достигнуто. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія просвѣщенія массы, въ смыслѣ ознакомленія ея съ лучшими образчиками литературы, сообщенія полезныхъ знаній и т. д. почти ничего не сдѣлано, или сдѣлано очень и очень мало. Вмѣсто образчиковъ лучшихъ произведеній читаются какія то жалкія ихъ передѣлки или ничтожные отрывки, а больше читаются сочиненія весьма сомнительнаго качества и плохо изложенныя. Нерѣдко на народныхъ чтеніяхъ фигурируютъ просто дѣтскія книги, а знанія сообщаются въ самой примитивной и неудобопонятной формѣ, при чемъ бесѣдуютъ съ народомъ, словно съ дѣтьми, на какомъ то не народномъ, а простонародномъ жаргонѣ» (стр. 284). Вышеописанный характеръ народныхъ чтеній, повидимому, отнюдь не является особенностью одной Курской губерніи. Такъ, въ Сарапулѣ, по сообщенію корреспондента «Вятскаго Края» (№ 28) мѣстная земская управа обратилась къ мѣстной коммиссіи по устройству народныхъ чтеній съ просьбою разрѣшить ей организовать въ Сарапульскомъ уѣздѣ чтенія съ туманными картинами. Отвѣтъ отъ коммиссіи былъ полученъ лишь во второй половинѣ февраля 1897 года, т. е. почти черезъ два мѣсяца, и то далеко неутѣшительнаго содержанія. Дѣло въ томъ, что сарапуль-

ская комиссія народныхъ чтеній разрѣшила земской управѣ производить чтенія исключительно религіозно-нравственнаго и церковно-историческаго содержанія, а статьи де этнографическаго, географическаго, космографическаго и историческаго содержанія въ виду де приближенія «великаго поста» разрѣшить читать не можетъ безъ согласія на то вятскаго епархіальнаго училищнаго совѣта. Естественнымъ является вопросъ, почему сарапульская комиссія по устройству народныхъ чтеній находитъ неудобнымъ въ великомъ посту читать такія брошюры, какъ «о жизни императора Александра II», «о севастопольцахъ», «отчего происходитъ дождь и снѣгъ» и др. Тѣмъ болѣе, что завѣдывающими народными чтеніями въ Сарапульскомъ уѣздѣ были назначены священники, лица безусловно благонадежныя во всѣхъ отношеніяхъ. Другой фактъ сообщаетъ корреспондентъ изъ села Заводо-Уковскаго Ялуторовскаго округа въ «Степной Край». Тамъ по иниціативѣ учителя мѣстного 3-хъ класснаго училища возникли воскресныя чтенія для народа. Матеріаломъ для чтенія служили темы: «грѣховность пьянства», «пьянство—причина бѣдности» и проч. На послѣднемъ чтеніи лекторъ пожелалъ прочесть публикѣ что либо изъ утилитарной области знаній и выбралъ для того книжку—«какъ отличить корову съ большимъ удоемъ». И всетаки публики собралось на чтеніе столько, что часть слушателей должна была уйти отъ излишней тѣсноты. Когда книжка была прочитана, присутствовавшая на чтеніи старушка задала лектору неожиданный вопросъ: «А что, батюшка? Вотъ я имѣю корову, и ты имѣешь. Ты свою кормишь, а у меня нечѣмъ. Которая же изъ нихъ будетъ давать больше молока?» Нѣсколько озадаченный, вѣроятно, лекторъ заявилъ, что о томъ, какъ кормить, онъ прочтетъ въ слѣдующій разъ.

И однако для того, чтобы добиться разрѣшенія на право читать даже на подобныя темы, надо пройти столько разрѣшительныхъ инстанцій, что это кажется, на первый взглядъ, мало вѣроятнымъ. Однако, за это намъ ручается не только повседневно наблюдаемый опытъ, но и такой авторитетъ въ вопросахъ народнаго образованія какъ г. Вахтеровъ, самъ долгое время бывшій инспекторомъ народныхъ училищъ въ Московской губерніи. На страницахъ «Рус. Мысли» онъ разсказываетъ, съ какою сложною перепиской сопряжено разрѣшеніе народныхъ чтеній. «Для этого требуется соглашеніе двухъ министровъ: народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокурора св. Синода. Министръ народнаго просвѣщенія, получивъ прошеніе, сносится съ попечителемъ округа относительно избранія лица для надзора за чтеніями; запросъ спускается затѣмъ къ самымъ низшимъ инстанціямъ и съ собранными справками возвращается къ министру народнаго просвѣщенія; затѣмъ переписка поступаетъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и опять путешествуетъ въ провинцію, къ губернатору, исправнику, до полицейскаго урядника включительно, и снова возвращается въ Петербургъ, отъ ми-

нистра внутреннихъ дѣлъ передается оберъ-прокурору св. Синода и еще разъ путешествуетъ въ провинцію, къ архіерею, опять доходитъ до самыхъ низшихъ инстанцій, до сельскаго причта и только, когда вновь вернется въ Петербургъ, наступаетъ возможность разрѣшить чтенія или отказать. Если, говоритъ г. Вахтеровъ, жители г. Петропавловска, Приморской области, подадутъ прошеніе о народныхъ чтеніяхъ, переписка четыре раза перешлется въ Петербургъ и четыре раза вернется назадъ, она сдѣлаетъ 108 тысячъ верстъ. «На земномъ шарѣ не съ чѣмъ сравнить эту огромную цифру. Даже длина экватора втрое меньше данной величины. Мы имѣемъ одну изъ цифръ, съ которыми привыкли оперировать только астрономы».

Нельзя не остановиться съ истиннымъ уваженіемъ передъ настойчивостью и терпѣніемъ тѣхъ, кто рѣшается на годы хлопотъ и переписки ради возможности прочесть о вредѣ пьянства или удоѣ коровъ. Для многихъ терпѣніе это можетъ, очевидно, объясняться лишь надеждою на болѣе благопріятныя времена.

Не мало говорилось и говорится у насъ хорошихъ словъ по адресу тѣхъ «тружениковъ на нивѣ народной», «сѣятелей знанія среди мрака и невѣжества», которые на плечахъ своихъ выносятъ великое дѣло народнаго образованія. Но дѣйствительная жизнь относится къ этимъ труженикамъ и сѣятелямъ далеко не сантиментально: въ области умственнаго труда нѣтъ группы людей, столь значительной и столь необезпеченной въ матеріальномъ и правовомъ отношеніяхъ. Это представляется тѣмъ болѣе грустнымъ, что тяжесть этой необезпеченности и порою непомѣрнаго труда падаетъ въ значительной степени на женскія силы. Въ преподавательскомъ составѣ земскихъ школъ разсматриваемыхъ нами губерній: Московской, Курской и Орловской, процентъ учительницъ составляетъ въ первой изъ нихъ 59,4, во второй 37,4 (по отдѣльнымъ уѣздамъ составляя болѣе половины), и въ Орловской 48—. При этомъ надо замѣтить, что женскій трудъ находитъ себѣ все большее съ каждымъ годомъ примѣненіе въ этой отрасли общественной дѣятельности. По этому поводу составители обзора народнаго образованія по Орловской губерніи говорятъ слѣдующее: «женскій трудъ на поприщѣ начальнаго народнаго образованія въ настоящее время настолько, такъ сказать, зарекомендованъ въ этой сферѣ общественной дѣятельности, онъ такъ сильно привитъ, что въ нашемъ изслѣдованіи жизни, положенія и обстановки народнаго учителя мы должны обратить на него особое вниманіе. Намъ необходимо также имѣть въ виду, что учительницы всегда лишены тѣхъ многихъ упрековъ, которые вполнѣ справедливо обращаются на учителей, видящихъ въ педагогической службѣ или средство освободиться отъ солдатчины или временное занятіе до пріисканія болѣе обезпеченнаго и желательнаго дѣла». Статистическій отчетъ по училищамъ

Московской губерніи за 1894—1895 г., отмѣчая возростаніе числа учительницъ въ преподавательскомъ составѣ земскихъ школъ, точно также пишетъ слѣдующее: «всѣ данныя о числѣ учителей и учительницъ въ земскихъ школахъ Московской губерніи не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что при опредѣленіи на мѣста предпочтеніе отдается учительницамъ, можетъ быть, потому, что въ общемъ онѣ считаются болѣе способными оказывать извѣстныя добрыя воздѣйствія на дѣтей школьнаго возраста». Отнюдь не сомнѣваясь въ достоинствахъ труда учительницъ на школьномъ поприщѣ, мы не можемъ однако не видѣть въ этомъ предпочтеніи, оказываемомъ порою земствами, вліяніе и другого мотива—экономіи. Въ той же Московской губерніи параллельно съ увеличеніемъ числа учительницъ и признаніемъ всѣхъ преимуществъ ихъ труда, жалованіе учителей за послѣдніе годы было склонно увеличиваться, а учительницъ уменьшаться, представляя въ настоящее время 294 руб. въ годъ противъ 302 руб. жалованія учителямъ. Въ Орловской губерніи учителя земскихъ школъ получаютъ въ среднемъ 233 руб. въ годъ, учительница 206, въ Курской губ. первыя 250 р., вторыя—227.

Конечно, нѣтъ сомнѣнія, что и тотъ и другой размѣръ жалованія одинаково недостаточенъ для того, чтобы обезпечить существованіе въ особенности человѣка семейнаго. Въ виду этого естественно, что наибольшій процентъ учительницъ одинокія дѣвушки (60— въ Московской губерніи, 58— въ Курской), но и среди учительницъ значительный процентъ ихъ имѣетъ на своемъ содержаніи одного—двухъ и болѣе человѣкъ родныхъ. Среди учителей количество женатыхъ приблизительно равно числу холостыхъ (50— въ Курской губ., 57— въ Московской) Какъ живутъ подобныя семьи, какъ ютятся въ плохихъ, тѣсныхъ, холодныхъ школьныхъ помѣщеніяхъ, большею частью въ одной комнатѣ учительницы съ сестрами и матерями, тому не мало яркихъ описаній доставлено изслѣдователямъ народнаго образованія. Вотъ одинъ изъ отзывовъ учителя Московской губерніи, дающій достаточно полное резюме тяжелому положенію народныхъ учителей: «положеніе учителя очень тяжелое: учителя, исключая счастливыя случайности, если не уходятъ на другую службу, спиваются, опускаются нравственно, становятся ремесленниками своего дѣла, либо получаютъ чахотку, преждевременно умираютъ. Дурная сторона учительской службы непосильный трудъ, благодаря слишкомъ большой программѣ и неопредѣленности экзаменаціонныхъ требованій; неблагопріятныя условія: ничтожное жалованіе, достаточное только для ограничивающаго свои потребности одиночки, необезпеченность, большею частью, на случай болѣзни; почти всегда антигигіеничные — классъ, переполненный учениками, и квартира учителя; полное, за рѣдкимъ исключеніемъ, отсутствіе книгъ, и періодическихъ изданій; отсутствіе интеллигентнаго общества, педагогическихъ курсовъ и съѣз-

довъ, крайне шаткое и зависимое отъ всѣхъ,—начиная съ трактирщика, — положеніе»... (182 стр.) Послѣ всего этого становится вполнѣ понятнымъ, что продолжительность службы учащихъ начальныхъ школъ крайне невелика—она равняется въ среднемъ по губерніямъ 6—7 годамъ. При этомъ по Московской губ. замѣчено, что чѣмъ ниже образовательный цензъ, — тѣмъ крѣпче держится за мѣсто сельскаго учителя данное лицо,—и наоборотъ. Очевидно положеніе учащихъ въ сельскихъ школахъ не таково, чтобы представлялось особо привлекательнымъ и удерживало отъ перехода къ другому роду дѣятельности тѣхъ преподавателей, которые по условіямъ своего образованія могутъ найти болѣе выгодную должность. Когда въ Ковенской губерніи ввели казенную продажу вина, эта мѣра совершенно неожиданно отразилась на народномъ образованіи Учителя поголовно стали бросать свои мѣста и поступать въ сидѣльцы. И это было возможно не только въ неземской губерніи, тоже отчасти наблюдалось и въ губерніяхъ земскихъ (Вятской, Уфимской и проч.).

Большинство отзывовъ о положеніи учителей Московской губ. говоритъ преимущественно о матеріальныхъ условіяхъ жизни учителя, и только лишь очень немногіе затрогиваютъ правовую сторону ихъ положенія Причина, говоритъ авторъ изслѣдованія вопроса о народномъ образованіи въ Московской губ., почему эта, казалось-бы, не менѣе другихъ важная сторона положенія учащихъ осталось недостаточно освѣщенною, неизвѣстна; но есть основанія предполагать, что въ данномъ случаѣ съ особенною силою сказалась боязнь повѣрять бумагѣ свои откровенныя мнѣнія, какъ это характерно выразилось въ отвѣтѣ одного старика учителя (учителя, замѣтимъ кстати, съ высшимъ образованіемъ), который на разсматриваемый вопросъ комитета грамотности отвѣтилъ слѣдующими словами: «По этому вопросу страшно мнѣ изложить свою правдивую исповѣдь, чтобы не наложили на меня непомѣрно тяжелую эпитемію, которая можетъ меня преждевременно въ могилу вогнать. Впрочемъ, можетъ быть, я рѣшусь къ концу сентября сообщить коечто комитету по вопросу этой статьи». (182 стр.)

А какой глубокой и горькой правдой звучатъ слѣдующія слова одного изъ учителей Московской губерніи: «Учитель даже культурными людьми разсматривается почти всегда, какъ рабочая сила, какъ средство для проведенія въ народъ самыхъ разнообразныхъ просвѣтительныхъ вліяній, мастеръ на всѣ руки по этой части; но при этомъ будто и забываютъ, что онъ тоже личность, тоже человѣкъ, имѣющій свои потребности, котораго не обижаетъ только лѣнивый на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ работаетъ для блага другихъ людей. Въ чемъ онъ самостоятеленъ?—Что онъ можетъ?—Кто его защищаетъ, кто оберегаетъ его права, кто признаетъ за нимъ вообще какія либо права,—кто стоитъ на стражѣ его интересовъ?!—Кто?... Но кто, скажите, не предъявляетъ къ нему своихъ требо-

ваній; не имѣетъ самаго отчетливаго и яснаго представленія объ его обязанностяхъ? Было-бы также большимъ заблужденіемъ думать, что уважаетъ школьнаго учителя и мѣстное населеніе: уважаютъ люди силу, признаютъ за ней права; а кто, когда и гдѣ уважалъ слабость и безсиліе?» (стр. 183).

Но если мы не находимъ данныхъ по вопросу о правовомъ положеніи сельскихъ учителей въ разсматриваемыхъ земскихъ изданіяхъ, то достаточный матеріалъ даютъ въ этомъ отношеніи газетныя извѣстія. Многочисленными примѣрами иллюстрируютъ они то зависимое положеніе, въ которомъ находится народный учитель по отношенію къ цѣлому ряду должностныхъ и недолжностныхъ лицъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣлу народнаго образованія и не имѣющихъ никакого къ нему касательства, живущихъ тутъ же въ деревнѣ подъ бокомъ и находящихся далеко въ губернскомъ или столичномъ городѣ. Не говоря уже о непосредственномъ учебномъ начальствѣ, о представителяхъ администраціи, начиная съ губернатора и кончая мѣстнымъ урядникомъ, не говоря о представителяхъ духовнаго вѣдомства, благочинномъ, мѣстномъ священникѣ, о земскомъ начальствѣ тамъ, гдѣ учитель служитъ по земству, учитель стоитъ въ зависимомъ положеніи отъ сельскаго начальства, онъ долженъ ладить съ старшиной, волостнымъ писаремъ, сельскимъ старостой, сотскимъ, онъ долженъ ладить если не со всѣмъ обществомъ, «громадою», такъ съ главными заправилами и крикунами на сельскомъ сходѣ, наконецъ долженъ быть почтителенъ къ мѣстнымъ представителямъ капитала, сельскому кулаку, лавочнику, трактирщику. Эти безчисленные виды зависимости обрекаютъ существованіе учителя на жертву всякимъ случайностямъ и неожиданностямъ, дѣлаютъ это существованіе вполнѣ эфемернымъ. Противъ учителя всегда можетъ быть выдвинуто не то, такъ другое обвиненіе, а о томъ, чтобы правда восторжествовала, а клевета была наказана, рѣдко кто-либо найдетъ нужнымъ озаботиться изъ-за такого ничтожнаго повода, какъ смѣщеніе учителя. Вотъ факты, изъ которыхъ одинъ поразительнѣе другого.

«Саратовскій Дневникъ» разсказываетъ исторію одного народнаго учителя Ник. Ник. Быстрицкаго.

«Двадцать лѣтъ работалъ Быстрицкій въ качествѣ учителя въ селѣ Никольскомъ, Кузнецкаго уѣзда. Лучшіе люди въ уѣздѣ высоко цѣнили заслуги Быстрицкаго. Населеніе относилось къ нему съ заслуженнымъ имъ почтеніемъ и уваженіемъ. Учебное начальство, равно какъ и мѣстная земская управа, достойно цѣнили трудъ выдающагося учителя и отличали его денежными наградами, лестными отзывами и благодарностями, и, наконецъ, онъ удостоился получить, по представленію своего начальства, высшую награду, доступную нашему народному учителю, медаль. Казалось-бы, при такихъ условіяхъ, Быстрицкій могъ считать свое положеніе совершенно гарантированнымъ отъ какихъ-либо случайностей и спо-

койно продолжать отдаваться великому дѣлу воспитанія подрастающаго поколѣнія,—дѣлу, которое онъ такъ любилъ и которымъ онъ только и жилъ. Но вотъ въ село Никольское явился новый урядникъ,—и Быстрицкій, этотъ труженикъ, чья полезная дѣятельность была у всѣхъ на виду и отъ всѣхъ вызывала только поощреніе и благодарность, погибъ. Да, погибъ не въ фигуральномъ смыслѣ этого слова, а въ буквальномъ. Учитель осмѣлился быть недостаточно почтительнымъ къ урядчику и между ними началась распря, въ которой вся правда была на сторонѣ учителя, но въ результатѣ которой заслуженный учитель получилъ предложеніе совсѣмъ убраться изъ Кузнецкаго уѣзда, такъ какъ «урядника не смѣняютъ и на десятокъ учителей», какъ было заявлено Быстрицкому. Быстрицкій не вынесъ этого удара и сошелъ съ ума. Это было четыре года назадъ. Съ тѣхъ поръ уѣздный исправникъ, одинъ изъ героевъ расправы съ Быстрицкимъ, уволенъ со службы, предсѣдатель земской управы, принимавшій участіе въ той же расправѣ, тоже не у дѣлъ, а Быстрицкій сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ и никакой надежды на его выздоровленіе нѣтъ...» («Вол.» № 71).

Каждый болѣе или менѣе значительный самостоятельный шагъ учителя или учительницы въ ихъ дѣятельности можетъ послужить поводомъ къ столкновенію съ чьими либо интересами, симпатіями и мнѣніями, и создать инцидентъ, подобный сообщенному корреспондентомъ «Сибири» (№ 47) изъ Олекминска Якутской области. «Г-жа X., состоящая учительницей олекминскаго городского училища, въ видахъ пополненія училищной библіотеки и по неотложной надобности вообще въ нѣкоторыхъ учебныхъ пособіяхъ, выписала и тѣ и другія, по примѣру прежнихъ лѣтъ, наложеннымъ платежомъ,—всего на скромную сумму 54 рубля. Каково же было недоумѣніе учительницы, когда она, по присылкѣ выписанныхъ ею пособій, отправилась за полученіемъ нужныхъ по счету денегъ въ полицейское управленіе и встрѣтила тамъ со стороны г. исправника и его помощника не только строгіе, грубые выговоры за свое якобы самоуправство, но и застращиванія удержаніемъ у нея жалованья. Мало того, эти лица позволяли себѣ даже нѣкоторую вульгарность въ обращеніи съ учительницею. Все это оказалось, конечно, такъ неумѣстнымъ и возмутительнымъ, что довело г-жу X. не только до весьма понятнаго чувства обиды, но и до невольныхъ истеричныхъ слезъ».

Противъ народнаго учителя всегда есть на готовѣ обвиненіе, силу котораго хорошо знаютъ всѣ желающіе къ нему прибѣгать и рѣдко ошибаются въ своихъ разсчетахъ. Мы приведемъ случаи, которые являются еще свѣтлыми исключеніями, въ которыхъ невиновный торжествуетъ, но не потому, чтобы мы сомнѣвались въ существованіи или не могли найти случаевъ съ менѣе благопріятнымъ исходомъ. «11-го марта, въ уголовномъ отдѣленіи окружного суда, въ Ананьевѣ, разсмотрено было,—по словамъ «Новор. Тел.»,

дѣло, по обвиненію учительницей земской школы, М. Святовецъ, священника Н. Мочульскаго въ клеветѣ. На судѣ выяснилось, что священникъ м. Николаевки, Николай Мочульскій, въ докладной запискѣ г. директору народныхъ училищъ Херсонской губерніи, отъ 22-го августа 1895 г., между прочимъ, доносилъ, что учительница земской народной школы м. Николаевки, Марья Святовецъ, и словомъ, и дѣломъ внушаетъ ученикамъ въ Бога не вѣрить, богослуженіе ставитъ ни во что, равно какъ и священника, молебны передъ ученіемъ и послѣ него совершались развѣ только по его «упорному» настоянію, и тѣмъ внѣдряетъ въ нихъ (ученикахъ) религіозный индифферентизмъ, подготовляя благопріятную почву для штундизма и соціализма; съ учениками Святовецъ обращается жестоко, даже варварски, «съ присовокупленіемъ тѣлесныхъ наказаній». Въ зимнее морозное время, когда ученики являются утромъ до звонка въ школу, она, не желая прерывать свой сонъ, не впускаетъ ихъ въ школу, почему ученики простуживаются и даже умираютъ; пользуясь покровительствомъ члена земской управы И. Г. Комарницкаго, учительница взимаетъ съ состоятельныхъ родителей учениковъ-разночинцевъ за выдачу имъ свидѣтельствъ объ окончаніи народнаго училища даже до ста рублей (въ докладной запискѣ выраженіе Мочульскаго: «замѣчательно, что на экзаменахъ всегда присутствовалъ И. Г. Комарницкій»); относительно нравственности своей жизни учительница «не стоитъ на высотѣ своего званія». По произведенному въ октябрѣ 1895 г. членами училищнаго совѣта обстоятельному разслѣдованію выраженныя въ докладной запискѣ св. Мочульскаго обвиненія не только не подтвердились, но, напротивъ, оказалось, что учительница Святовецъ бывшими членами училищнаго совѣта гг. Щербинскимъ, Ганскимъ и Богуцкимъ безусловно признавалась одной изъ лучшихъ учительницъ уѣзда, за свою службу ежегодно получаетъ денежныя награды отъ училищнаго совѣта и министерства народнаго просвѣщенія и, наконецъ, награждена серебряной медалью за усердную и полезную службу. Послѣ допроса свидѣтелей и нѣсколькихъ рѣчей сторонъ, судъ вынесъ резолюцію, которой священникъ Мочульскій за оклеветаніе учительницы Святовецъ на письмѣ (въ докладной запискѣ) приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ на два мѣсяца, послѣ примѣненія къ нему манифеста 14-го мая 1896 г.»

«Биржевыя Вѣдомости» сообщали слѣдующій характерный фактъ, показывающій; какъ легко въ положеніи учителя можно оказаться «неповинующимся, властямъ». Дѣло было въ Брянскомъ уѣздѣ. «При станціи желѣзной дороги здѣсь есть слобода, а въ ней церковноприходская школа. Завѣдующимъ учителемъ этой школы состоитъ уже четыре года г. У., попечитель школы—г. Б., начальникъ станціи, человѣкъ дѣятельный и гуманный. Вторымъ учителемъ здѣсь былъ г. Б., окончившій курсъ семинаріи. Послѣдній задумалъ поступить псаломщикомъ при церкви той-же слободы, надѣясь остаться

одновременно и учителемъ. Когда надежда его остаться учителемъ не удалась, онъ, тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ съ дьякономъ пожелалъ воспользоваться квартирой при школѣ. О. благочинный, на ихъ просьбу объ этомъ, совершенно незаконно предписываетъ уѣздному наблюдателю выдворить изъ квартиры учителя школы г. У. Послѣдній подалъ, однако, въ уѣздное отдѣленіе прошеніе объ отсрочкѣ ему выселенія, хоть до мая, вслѣдствіе ревматизма ногъ, полученнаго имъ во время учительской должности. Тогда О. благочинный, онъ-же и предсѣдатель уѣзднаго отдѣленія, собираетъ экстренное засѣданіе, на которомъ постановляется уволить учителя У. отъ должности «за неповиновеніе власти». Учитель обращается въ отчаяніи къ попечителю Т. Послѣдній ѣдетъ къ преосвященному. Тогда посылается епархіальный наблюдатель разобрать, въ чемъ дѣло, епархіальный наблюдатель, разсмотрѣвъ, въ чемъ дѣло, уничтожилъ журналъ постановленія и возстановилъ учителя въ его должности».

Естественно, что боязнь оказаться въ положеніи «властямъ не повинующагося», настолько сильна въ народномъ учителѣ, что со всякимъ изъ нихъ возможенъ курьезный инцидентъ, происшедшій съ однимъ учителемъ церковно-приходской школы въ Бобровскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи. «Въ школу села Песковатки, разсказываетъ корреспондентъ, явился человѣкъ, одѣтый въ крытый полушубокъ, и спросилъ сторожа: Гдѣ учитель? — Ходитъ по селу и переписываетъ народъ, — объяснилъ сторожъ. — Ступай за нимъ немедленно и приведи его!—приказалъ полушубокъ.—Я инспекторъ народныхъ училищъ.—Сторожъ опрометью бросился исполнять приказаніе. Черезъ нѣсколько времени является встревоженный учитель.—Смирновъ, инспекторъ народныхъ училищъ, по порученію епархіальнаго наблюдателя!—начальнически рекомендуется полушубокъ.—Почему у васъ нѣтъ сегодня занятій?—Учитель объясняетъ.— Позвольте мнѣ ваши школьныя книги и распорядитесь собрать учащихся.—Приказаніе исполняется, собираются учащіеся; начинается «ревизія». Учащіеся отвѣчаютъ удовлетворительно; полушубокъ доволенъ. Въ журналѣ для ревизіи онъ пишетъ: «успѣхи умилительные,—Смирновъ». Затѣмъ обращается къ учителю: «Учащихся можете отпустить. Со всякой просьбой объ удовлетвореніи какихъ-либо нуждъ школы обращайтесь всегда ко мнѣ, адресъ мой простъ: г. Воронежъ, инспектору народныхъ училищъ, Якову Васильевичу Смирнову; кстати, какъ-бы у васъ напиться чаю?—Учитель приглашаетъ его къ себѣ на квартиру.—Нельзя-ли винца передъ чаемъ-то?—говоритъ полушубокъ. Является полбутылки очищенной, которую полушубокъ и выпиваетъ. — Нельзя ли еще?—проситъ онъ. Является еще полбутылки. По мѣрѣ истребленія вина, въ полушубкѣ начинаютъ пробуждаться инстинкты, ничего общаго съ представленіемъ о личности инспектора народныхъ училищъ не имѣющіе.—Га,—кричитъ онъ:—это хорошо, что у васъ ученики

отвѣчали удовлетворительно, не то—я вѣдь прямо бью учителей, такъ-таки прямо и бью—и, размахнувшись, онъ стучитъ жилистымъ кулакомъ по столу. Покричавъ и достаточно нагнавъ трепетъ на бѣднаго учителя, онъ нанимаетъ, наконецъ, лошадей въ село Щучье, Острогожскаго уѣзда (верстахъ въ 15 отъ с. Песковатки) и уѣзжаетъ. Но въ Щучьемъ звѣзда его меркнетъ. Учитель земской школы, куда онъ тоже, было, явился въ качествѣ ревизора, потребовалъ отъ него документовъ и, когда онъ ихъ затруднился предъявить, немедленно послалъ за старостой. При ревизіи личности самозваннаго ревизора, оказалось, что онъ на своемъ вѣку имѣлъ много приключеній. Въ настоящее время какъ самъ ревизоръ, такъ и дѣло о ревизорѣ переданы по назначенію». (Южный Край).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что учитель с. Песковатки не зналъ, чѣмъ и угостить столь высокаго посѣтителя, удивительно, что нашелся учитель, обнаружившій такое гражданское мужество, чтобы спросить документы у инспектора народныхъ училищъ. А что касается манеръ, такъ, вѣдь, это понятіе относительное. Поведеніе самозваннаго ревизора вовсе не покажется такимъ несовмѣстимымъ съ положеніемъ инспектора училищъ, послѣ того, какъ мы прочтемъ слѣдующую корреспонденцію «Смоленскаго Вѣстника» о составѣ инспекціи народныхъ училищъ одной изъ губерній.

«Вотъ, какія свѣдѣнія намъ удалось получить путемъ справокъ съ формулярами ея персонала. Одинъ изъ инспекторовъ поступилъ на эту должность изъ судебныхъ слѣдователей, директоръ изъ полицейскихъ чиновниковъ одного уѣзднаго города Московской губерніи, третій изъ учрежденія, подготовляющаго спеціально церковныхъ пѣвчихъ. Съ разныхъ точекъ зрѣнія можно смотрѣть на всѣ эти обязанности, но ни съ какой точки зрѣнія нельзя защищать положенія, что уѣздный полицейскій чиновникъ, слѣдователь или даже господинъ, приготовляющій пѣвчихъ, имѣютъ что-нибудь общаго съ дѣломъ руководительства учебною частію народныхъ училищъ. Можно преисправно таскать пьянчужекъ въ полицейскую кутузку и собирать недоимки, можно чувствительно выводить басомъ самые трудные мотивы, хотя бы даже въ фразѣ, служащей камнемъ преткновенія для всякаго баса («блаженъ, иже возьметъ и разбіетъ младенца твоя о камень»), можно очень удачно выслѣживать воровъ и мошенниковъ, но чтобы такая дѣятельность обогащала умъ педагогическими знаніями,—въ этомъ естественно сомнѣваться. Не здѣсь-ли, не въ подборѣ-ли личнаго состава мѣстной инспекціи слѣдуетъ искать объясненія случаевъ, о которыхъ въ послѣднее время такъ много говорилось въ столицѣ и въ провинціи, и въ печати, и въ гостинныхъ, и въ петербургскихъ канцеляріяхъ» (Смол. В., № 73).

Трудно спорить противъ фактовъ, которые мы приводили, основываясь на надежныхъ сообщеніяхъ, и которые достаточно ярко характеризуютъ тяжелое положеніе народнаго учителя. Весьма воз-

можно, что встрѣчаются и свѣтлые уголки, гдѣ учителю живется сносно, благодаря стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, случайному подбору достойныхъ начальствующихъ и окружающихъ лицъ. Но и въ этомъ случаѣ положеніе его крайне неустойчиво.

Поживетъ нѣкоторое время учитель на одномъ мѣстѣ, привыкнетъ къ населенію, которое начинаетъ уже довѣрчиво къ нему относиться,—какъ вдругъ, по постановленію совѣта, онъ переводится въ другую деревню, гдѣ снова испытываетъ тоску одиночества, пока населеніе не протянетъ ему дружеской руки. И эти перемѣщенія, увольненія и вообще различныя измѣненія въ учительскомъ персоналѣ производятся въ нѣкоторыхъ земствахъ систематически. Такъ, по сообщенію «Тамбовскихъ губернскихъ Вѣдомостей», въ одномъ 1895 году въ Тамбовской губерніи было 36 случаевъ увольненій учителей. Послѣдніе совершенно безпомощны, и всѣ ихъ жалобы, всѣ ходатайства, направленныя къ тому, чтобы ихъ спокойно оставили на прежнемъ мѣстѣ, остаются безъ послѣдствій. Существуетъ масса фактовъ, когда лицо учителя не понравилось какому-либо члену земской управы, и изъ-за этого несчастный долженъ вести кочевую жизнь, постоянно мѣняя свое мѣстопребываніе. А сколько новыхъ осложненій, передрягъ, непріятностей можетъ возникнуть для учителя при подобныхъ перемѣщеніяхъ!

Не такъ давно, по сообщенію кавказскихъ газетъ, по поводу назначенія и перемѣщенія народныхъ учителей возникли недоразумѣнія между начальникомъ Терской области и дирекціею народныхъ училищъ. Начальникъ Терской области воспротивился назначенію и перемѣщенію народныхъ учителей дирекціею народныхъ училищъ безъ его вѣдома, основываясь на ст. 286, т. II, общ. губ. учр. изд. 1892 г., которая гласитъ слѣдующее:

«При опредѣленіи административными губернскими мѣстами и учрежденіями своею властью подчиненныхъ этимъ учрежденіямъ и мѣстамъ чиновниковъ вновь на службу или къ должностямъ, равно при перемѣщеніи чиновниковъ съ одной должности на другую, а также при переводѣ изъ одного вѣдомства въ другое и при замѣщеніи должностей по найму,—губернатору предоставлено изъявлять свое несогласіе, если онъ признаетъ этихъ чиновниковъ неблагонадежными; причемъ такое несогласіе губернатора является рѣшительнымъ препятствіемъ къ опредѣленію на службу или перемѣщенію даннаго лица».

Возникшее по этому поводу пререканіе было разсмотрѣно Правительствующимъ Сенатомъ, рѣшеніе котораго, какъ опредѣляющее настоящія и возможныя будущія условія дѣятельности учителей, мы считаемъ небезъинтереснымъ привести. Сенатъ нашелъ:

1) Что статья 286 тома II общ. губ. учр. распространяется лишь на тѣ мѣста и власти, которыя перечислены въ ст. 12—17 сказаннаго тома и что въ число этихъ мѣстъ и властей не включены учрежденія учебнаго вѣдомства, потому относительно распоряженій

сего вѣдомства по опредѣленію и перемѣщенію лицъ педагогическаго персонала губернаторы не пользуются правами, предоставленными имъ 286 статьей.

2) Что хотя между министерствами народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ состоялось соглашеніе, въ силу котораго губернатору дано право дѣлать свои представленія попечителямъ учебныхъ округовъ о неблагонадежности вновь назначаемыхъ на службу лицъ учебнаго персонала, однако, соглашеніе это доведено до свѣдѣнія только попечителей учебныхъ округовъ (циркуляромъ 10-го ноября 1897 г.), а не директоровъ народныхъ училищъ.

А потому Правительствующій Сенатъ постановилъ:

1) приказъ начальника области чинамъ мѣстной полиціи о недопущеніи къ исправленію обязанностей вновь назначаемыхъ или перемѣщаемыхъ директоромъ народныхъ училищъ учителей безъ его, начальника области, о томъ увѣдомленіи—отмѣнить. 2) Помянутый циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, отъ 10-го ноября, извѣстный доселѣ лишь только попечителямъ учебныхъ округовъ, распубликовать въ «Собраніи узаконеній». 3) Предоставить министру внутреннихъ дѣлъ войти съ представленіемъ въ государственный совѣтъ о соотвѣтствующемъ измѣненіи ст. 286 (т. е. о распространеніи права губернатора изъявлять свое несогласіе на назначеніе и перемѣщеніе лицъ учебнаго вѣдомства).

Въ случаѣ осуществленія означеннаго измѣненія по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ въ судьбѣ народныхъ учителей явится рѣшающею еще одна новая инстанція.

Положеніе народнаго учителя, одно изъ почетнѣйшихъ въ культурныхъ странахъ запада, у насъ, какъ мы видѣли, является самымъ тяжелымъ, необезпеченнымъ въ матеріальномъ и въ правовомъ отношеніи видомъ общественной дѣятельности. Будемъ ожидать, что ростъ общественнаго сознанія внесетъ въ него улучшеніе, но, безъ сомнѣнія, устойчивымъ и твердымъ положеніе сельскаго народнаго учителя станетъ лишь тогда, когда во всѣ отрасли общественной дѣятельности, въ томъ числѣ и учительскую, проникнуть начала суда и законности на смѣну практики усмотрѣнія и произвола. Одно удаленіе учителей отъ должности безъ права замѣщать ее вновь только по суду внесло бы много прочности въ ихъ положеніе; предоставленіе имъ извѣстныхъ почетныхъ правъ въ общественной жизни деревни могло бы поднять ихъ престижъ въ глазахъ окружающей среды. Но прежде всего должны быть, конечно, улучшены матеріальныя условія ихъ службы, повышенъ уровень ихъ вознагражденія за трудъ, о высокомъ значеніи котораго такъ много говорится. Это уже не требуетъ какихъ либо особыхъ измѣненій или усилій, это въ рукахъ тѣхъ правительственныхъ и общественныхъ установленій, которыя вѣдаютъ область народнаго образованія, это ихъ долгъ по отношеніи къ арміи незамѣтныхъ

скромныхъ созидателей той основы народной культуры, которая является наиболѣе прочной и дѣйствительной.

---

8 сентября на 46-мъ году жизни скончался въ С.-Петербургѣ *Николай Александровичъ Варгунинъ*. Принадлежа къ богатой коммерческой семьѣ, покойный получилъ хорошее образованіе: онъ окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1872 году со степенью кандидата. Въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ былъ директоромъ общества Невскихъ химическихъ заводовъ. Въ столицѣ онъ былъ извѣстенъ какъ видный общественный дѣятель: гласный городской думы и С.-Петербургскаго губернскаго земства. 16 лѣтъ занималъ онъ эту должность и шестнадцать лѣтъ посвящалъ свои силы излюбленному имъ дѣлу народнаго образованія. Безсмѣнный членъ думской коммиссіи по народному образованію, онъ отдавалъ свои заботы городскимъ народнымъ школамъ и читальнямъ, въ земствѣ онъ былъ постояннымъ защитникомъ расширенія мѣропріятій, направленныхъ къ развитію народнаго просвѣщенія, открытію новыхъ школъ, читаленъ, библіотекъ. Какъ членъ многихъ благотворительныхъ, преимущественно просвѣтительныхъ обществъ, онъ не только самъ оказывалъ ихъ цѣлямъ матеріальную помощь, но и дѣятельно привлекалъ другихъ къ участію въ предпріятіяхъ, въ пользѣ которыхъ не сомнѣвался. Уже всего перечисленнаго было бы достаточно, чтобы оставить по немъ память, какъ о видномъ и симпатичномъ общественномъ дѣятелѣ, но съ именемъ Н. А. Варгунина связано дѣло, которое было такъ близко его сердцу, которому онъ отдавалъ такъ много въ своей жизни, что когда эта жизнь и порвалась для него лично, его мысль, его чувство продолжаетъ жить въ предпріятіи, будущность котораго такъ же значительна, какъ скромно было его начало. Это дѣло—организація народныхъ развлеченій за Невской заставой.

Въ мѣстности за Невскою заставою, на протяженіи болѣе 15 верстъ по обоимъ берегамъ Невы растянулась цѣпь фабрикъ и заводовъ, числомъ болѣе 30. Здѣсь пріютилось до 60,000 населенія, состоящаго большею частью изъ рабочихъ, ихъ семей и лицъ, имѣющихъ то или иное отношеніе къ фабрикамъ и заводамъ. 12 лѣтъ тому назадъ, когда въ воскресные и праздничные дни рабочій людъ высыпалъ на улицы изъ своихъ грязныхъ, зловонныхъ и переполненныхъ квартиръ, онъ не зналъ иного развлеченія, кромѣ шатанія по улицамъ и посѣщенія питейныхъ заведеній, гдѣ пропивались зачастую послѣднія трудовыя деньги. И тутъ же въ атмосферѣ пьянства и разгула, должны были задыхаться бѣдныя дѣти, наблюдая сцены семейныхъ ссоръ, выслушивая грубую ругань подгулявшихъ мастеровыхъ. Однимъ изъ обычныхъ развлеченій были кулачные бои, нерѣдко оканчивавшіеся кровопролитно, или азартныя игры въ орлянку и карты, рѣдко обходившіяся безъ жестокихъ ссоръ и

дракъ. И казалось, не было впереди никакого выхода къ болѣе разумному и свѣтлому провожденію тѣхъ немногихъ часовъ, которые оставлялъ свободными этому измученному одичавшему населенію его непрерывный и тяжелый трудъ.

Но оказалось, что рядомъ съ этимъ людомъ, жаждавшимъ лучшей жизни или, по крайней мѣрѣ, лучшихъ часовъ жизни, но не знавшимъ, какъ это устроить, бились сочувствіемъ сердца, въ числѣ которыхъ было и то, что замолкло такъ недавно, и такъ преждевременно. Въ апрѣлѣ 1885 г., по иниціативѣ В. П. и Н. А. Варгуниныхъ и М. С. Агафонова, образовался изъ мѣстной интеллигенціи кружокъ лицъ, задавшихся цѣлью устроить въ праздничные дни народныя гулянья для рабочихъ. Кружокъ собралъ по подпискѣ первыя деньги—1,375 руб. и, огородивъ заборомъ пустопорожнее мѣсто въ с. Александровскомъ, уступленное обществомъ Невской пригородной конно-желѣзной дороги во временное пользованіе, поставилъ на немъ павильонъ для музыкантовъ, небольшую эстраду для представленій, гигантскіе шаги, качели, нѣсколько столовъ и скамеекъ и 2 мая 1885 г. открылъ этотъ садъ, взимая за входъ по 10 коп. съ человѣка. Въ саду игралъ оркестръ, пѣлъ хоръ, на эстрадѣ читали разсказчики и куплетисты, на сценѣ играли небольшія комедіи и ставились пантомимы.

Первый опытъ имѣлъ успѣхъ: на 25 гуляньяхъ перебывало болѣе 64,000 человѣкъ, кабаки, трактиры опустѣли почти на половину. При энергичномъ и умѣломъ руководительствѣ дѣло постепенно расширялось: въ 1888 г. гулянья были переведены въ обширный прекрасный паркъ въ центральной мѣстности близь фабрикъ и заводовъ по Шлиссельбургскому шоссе. Въ 1891 г. кружокъ превращается въ Невское общество устройства народныхъ развлеченій. Общество поставило себѣ цѣлью: «содѣйствовать доставленію мѣстному рабочему населенію нравственныхъ, трезвыхъ и дешевыхъ развлеченій, какъ-то: народныхъ гуляній, чтеній, концертовъ, спектаклей, танцовальныхъ вечеровъ. Общество, отнюдь не преслѣдуя цѣлей коммерческихъ, стремится къ удешевленію и къ большей доступности устраиваемыхъ имъ развлеченій» *). Зимой комитетъ общества устраивалъ представленія и концерты въ особомъ театральномъ зданіи (на 259 лицъ) и гулянья (горы и катокъ) въ паркѣ лѣтомъ — народныя гулянья съ открытою сценой. Послѣднія шли очень хорошо. Во время представленій передъ открытою сценой собиралось до 2,000 человѣкъ. Любовь къ театру замѣтно привилась къ рабочему населенію. Меньше стало замѣтно въ праздничные дни пьянства, дракъ; исчезли кулачные бои. Насколько сочувственно отнеслось мѣстное населеніе къ дѣлу общества, показываютъ

*) Нѣкоторыя подробности о дѣятельности общества народныхъ развлеченій за Невскою заставой см. Рус. Бог. 1896 г. № 6 Литература и жизнь.

слѣдующія числа посѣтителей учрежденій общества за 10-лѣтіе. Посѣтителей было:

Въ 1885 году . . .	64,016	чел.
» 1888 »	86,131	»
» 1892 »	110,153	»
» 1894 »	113,970	»
» 1895—96 гг. . .	122,720	»

За 10 лѣтъ съ 1885 г. по 1895 г. въ учрежденіяхъ общества перебывало: взрослыхъ посѣтителей—767,944 и дѣтей—84,402, а всего 852,346. Постепенно расширяя всѣ отрасли своей дѣятельности, комитетъ общества въ послѣднее время проектировалъ и приступилъ къ осуществленію плана постройки большого зданія народныхъ развлеченій, которое включало бы въ себѣ театръ на 1,600 зрителей, чайную на 1,000 лицъ, гимнастическій и танцовальный залъ, читальню и проч. Это будетъ нашъ «Дворецъ труда», по образцу лондонскаго.

Вотъ этому-то дѣлу съ самаго его начала и до послѣдняго времени и было посвящено главное вниманіе и силы Н. А. Варгунина. Передъ нами «Отчетъ комитета общества за 1895—6 годъ». Чуть не каждая страница его носитъ слѣды его участія во всѣхъ дѣлахъ общества; онъ былъ душою его, первымъ неустаннымъ работникомъ. Состоя въ должности казначея, онъ завѣдывалъ двумя читальнями общества, онъ видный жертвователь по всѣмъ статьямъ расхода, онъ администраторъ и наблюдатель на гуляніяхъ. Вотъ, напримѣръ, на стр. 66 доклада ревизіоннаго комитета, гдѣ приносится благодарность лицамъ, содѣйствовавшимъ успѣху народныхъ гуляній, изъ членовъ комитета она выражена въ особенности Н. А. Варгунину, «бывшему на каждомъ гуляніи», наблюдая за порядкомъ и спокойствіемъ въ саду, гдѣ присутствовала иногда не одна тысяча народу. Сколько такту, доброты и внимательности нужно отъ устроителей такихъ многолюдныхъ гуляній, чтобы, по заявленію автора «Десятилѣтія народныхъ гуляній за Невскою заставою», не смотря на громадное число посѣтителей, въ продолженіе 10 лѣтъ ни разу не было никакихъ происшествій, требовавшихъ энергичнаго распоряженія полиціи.

Дѣло Невскаго общества стоитъ теперь уже на полномъ ходу. Ему помогаютъ и сочувствіе общества, и культурный ростъ народной массы, и пріобрѣтенная прочная, безукоризненная репутація. Но не будемъ забывать, что успѣхи эти—результатъ трудовъ, затраченныхъ первыми его учредителями и руководителями, и прежде всего покойнымъ Николаемъ Александровичемъ Варгунинымъ, отдававшимъ до послѣднихъ часовъ жизни излюбленному предпріятію свое время, силы, заботы, съ той глубокой вѣрой въ истинно хорошее дѣло, которая рѣдко обманывается.

О. Б. А.

Сказки Густафсона.

37. Корона морского царя. Друзья короля Османа. Неумѣстная гордость. Король Карій. Съ 10 рис., портретомъ и біографіей Густафсона (10 к.).
38. Пастухъ и принцесса. Цвѣты радости. Такъ водится на войнѣ. Баржа. Съ 10 рис. (10 к.).
39. Храмъ истины. Король, страдавшій безсонницей. Каменная глыба. Скороспѣлка. Попугай и жаворонокъ. Съ 12 рис. (10 к.).
40. Парижская кукла. Бѣлка. Исторія одного дерева. Земной глобусъ папы. Съ 10 рис. (10 к.).
41. Три брата. Маленькій сборникъ сказокъ. Съ 9 рис. (10 к.).

Сказки Жоржъ-Зандъ.

42. Говорящій дубъ. Красный молотокъ. Съ 9 рис., портретомъ и біографіей Жоржъ-Зандъ. (18 к.).
43. Розовое яблоко. Съ 5 рис. (12 к.).
44. Великанъ Іеусъ. Съ 6 рис. (15 к.).
45. Крылья мужества. Съ 9 рис. (25 к.).

№№ 46—70. Русскія народныя сказки. Цѣна каждаго номера—10 к.

Въ составъ слѣдующихъ книжекъ войдутъ: Сказки Карменъ Сильвы, сказки Абьернсена, Братьевъ Гриммъ, Перро, и пр. и пр. При первой книжкѣ сказокъ того или другого автора въ большинствѣ случаевъ помѣщается его краткая біографія.

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) Ручной трудъ. Составилъ Графиньи. Домашнія занятія ремеслами Съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.—2) Электрическіе звонки. Боттона. Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ. Ц. 1 р. — 3) Руководство къ рисованію акварелью. А. Кассаня. Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к. — 4) и 5) На всякій случай. А. Альмедингена. Научно-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціей пищевыхъ и другихъ веществъ. Двѣ части. Цѣна каждой 50 коп.—6) Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. А. Альмедингена. Ц. 60 к.—7) Дѣтскій докторъ. Руководство для матерей и воспитателей. Д-ра Варіо. Съ франц. подъ редакціей профес. Пономарева. Ц. 1 р.—8) Гигіена дѣтства. Э. Перье. Ц. 50 к. — 9) Уходъ за больными въ семьѣ. Энцлера. Ц. 50 к.—10) Уходъ за больными дѣтьми. Э. Перье. Ц. 50 к.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) Экстазы человѣка П. Мантегацца. Въ 2-хъ частяхъ. Ц. 1 р. 50 к.; 2) Психологія вниманія. Д-ра Рибо. Ц. 40 к.; 3) Берегите легкія! Гигіеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) Современные психопаты, д-ра А. Кюллера. Ц. 1 р. 50 к.; 5) Предсказаніе погоды. А. Далле, съ рис. Ц. 1 р. 25 к.; 6) Физіологія души. А. Герцена. Ц. 1 р.; 7) Психологія великихъ людей. Г. Жоли. 2-е изд. Ц. 1 р.; 8) Дарвинизмъ. Э. Ферьера. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к., 9) Міръ грезъ. Д-ра Симона. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзія. Ц. 1 р.; 10) Первобытные люди. Дебьера. Со многими рис. Ц. 1 р.; 11) Законы подражанія. Тарда. Ц. 1 р. 50 к.; 12) Геніальность и помѣшательство. Ц. Ломброзо. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р.; 13) Общедоступная астрономія. К. Фламмаріона. Съ 100 рис. 3-е изд. Ц. 1 р.; 14) Гигіена семьи. Гебера. Ц. 50 к.; 15) Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. Мигулы. Съ 35 рис. Ц. 1 р.; 16) Наука о жизни. Попул. физіологія человѣка. И. Лункевича. Съ 92 рис. Ц. 1 р. 17) Электричество въ природѣ. Ж. Дори. Съ 102 рис. Ц. 1 р. 25 к.; 18) Усталость. Моссо. Съ 80 рис. Ц. 1 р. 25 к.; 19) Гигіена женщины. Женщины-врача Тило. Ц. 40 к.

Издатели: **Вл. Короленко.** Редакторы: **П. Быковъ.**
Н. К. Михайловскій. **С. Поповъ.**

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ бандероли или сообщать его №.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской – 50 к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 10 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

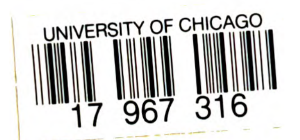
1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

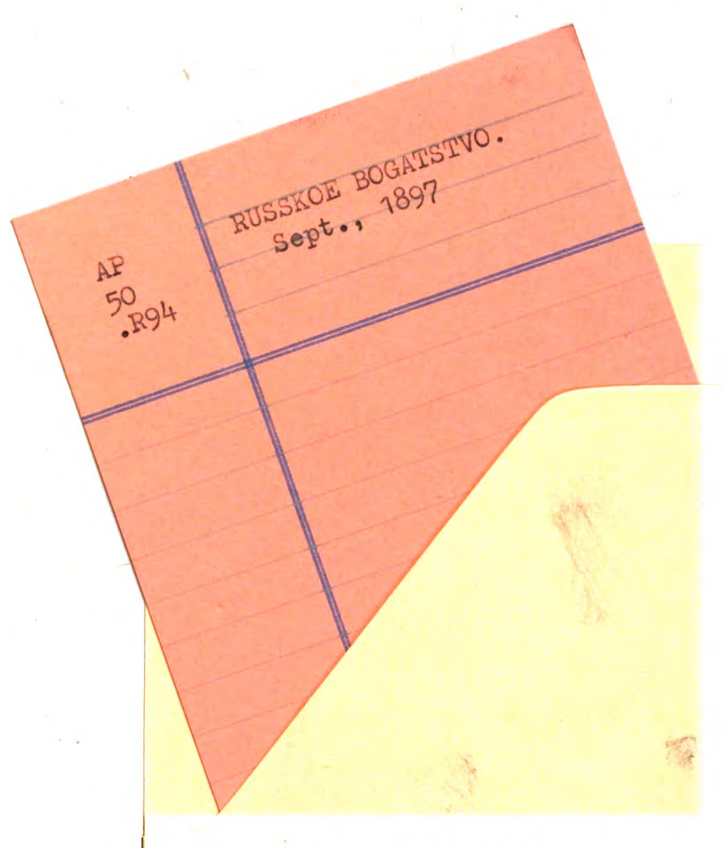
2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью.

3) Непринятыя рукописи хранятся въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока рукописи уничтожаются.

[10p.]

UNIVERSITY OF CHICAGO
17 967 316

RUSSKOE BOGATSTVO.
Sept., 1897
AP
50
.R94

